ki

eva

4° Biogr. 312 t

<36637559100019

<36637559100019

Bayer. Staatsbibliothek

4 Biogr. 312t

Б. V/II 36

П. Кулаковскій

Первая часть записокъ Жихарева была издана подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Записки Современника съ 1805 по 1819 г. часть 1. Дневникъ студента. Санктпетербургъ. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. 1859 г.

142 G

ЗАПИСКИ

СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА

ЖИХАРЕВА.

ИЗДАНІЕ

«РУССКАГО АРХИВА».

ИЗЪ КНИГЪ П.А.КУЛАКОВСКАГО.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

4° Biogr. 312 t

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT/83-14349

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА.

Если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ, или въ прежнемъ происшествіи. (*Дневникъ 13-го Мая 1805 года*).

Дневникъ Студента

съ 1805 по 1807 годъ.

„Записки Современника" остались послѣ покойнаго князя Степана Степановича Барятинскаго. Онѣ писаны близкимъ его родственникомъ [1]), съ которымъ, не смотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, ихъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою, до самой своей кончины [2]).

Князь Барятинскій еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти „Записки" и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ. Остальныя приведены имъ въ періодическій порядокъ двухъ дневниковъ: а) Студента, съ 1805 по 1807 годъ, и б) Чиновника, съ 1807 по 1819 годъ, къ которымъ объясненія и примѣчанія сдѣланы самимъ княземъ.

Эти дневники, кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, заключаютъ въ себѣ живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и происшествій. Не мое дѣло судить о степени теперешней ихъ занимательности (ибо самое занимательное въ нихъ уничтожено); но мнѣ кажется, что и въ настоящемъ видѣ они не лишены интереса, который по мѣрѣ продолженія „Записокъ" возрастаетъ, точно также, какъ возрастаетъ неопытный, откровенный и словоохотливый студентъ въ наблюдательнаго и дѣятельнаго чиновника, познакомившагося короче съ жизнію и ея превратностями.

Москва. 15 Іюня 1849 года.

[1]) Двоюроднымъ братомъ, С. П. Жихаревымъ, который написалъ и это предисловіе въ 1849 году, когда онъ передалъ М. П. Погодину эти Записки для напечатанія въ „Москвитянинѣ", гдѣ онѣ начали появляться съ 1853 года. М. П. Погодинъ сообщалъ намъ рукопись этихъ любопытныхъ Записокъ, изъ которой были извлечены нами выпущенныя тогдашнею цензурою (не многія впрочемъ) мѣста и возстановлены имена многихъ лицъ. Такимъ образомъ Записки С. П. Жихарева печатаются здѣсь въ болѣе полномъ видѣ. Дозволеніе издать ихъ вновь получено нами отъ роднаго его правнука князя Э. П. Демидова-Санъ-Донато. С. П. Жихаревъ, нѣкогда пріятель Жуковскаго и братьевъ Тургеневыхъ, въ Арзамаскомъ обществѣ носившій имя „Громобоя, служилъ оберъ-прокуроромъ, потомъ сенаторомъ и кончилъ жизнь предсѣдателемъ театрально-литературнаго комитета, въ Петербургѣ, 31 Августа 1860 года (род. 18 Февраля 1788 года). П. Б.

[2]) С. С. Барятинскій скончался 5 Марта 1830 г. См. очень любопытную его біографію, написанную его пасынкомъ Васильемъ Николаевичемъ Бензенгромъ (Рязань, 1888, 12°).

I.

1805-й ГОДЪ.

2 Января, Понедѣльникъ. Не безпокойся, любезный братъ! Я не перестану быть твоимъ неизмѣннымъ Гримомъ. Писать къ тебѣ обратилось мнѣ въ привычку. Благодарю за присылку денегъ; теперь вѣроятно не одна сотня рублей запечатывается въ пакетъ для подарка новому студенту: званіе мое не бездѣлица и порадуетъ моихъ домашнихъ; ожидаю непремѣнно *экстраординарной* благостыни. Правду сказать, еслибъ кто шесть мѣсяцевъ тому назадъ вздумалъ предрекать мнѣ, что въ нынѣшній новый годъ я поѣду поздравлять родныхъ и знакомыхъ моихъ въ синемъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и при шпагѣ, я бы принялъ это за обидную насмѣшку. Однако же это сбылось. Конечно, прилежанія, трудовъ и хлопотъ было немало; но что̀ значило бы все это безъ помощи и содѣйствія добраго моего Петра Ивановича? [1]). Онъ объ успѣхахъ моихъ заботился болѣе меня самого. Математика мнѣ не очень далась; но на нее не обратили вниманія, и Алексѣй Өедоровичъ [2]), дай Богъ ему здоровья, сильно поддержалъ меня.

Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу [3]), Ивану Петровичу Архарову, къ теткѣ Вишневской, къ брату Ивану Петровичу [4]), къ Аксеновымъ и къ Кудрявцовымъ; разумѣется, заѣзжалъ и къ Лобковымъ. Какъ хорошѣетъ Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что̀ за глаза! И эту красавицу, къ общей досадѣ нашей, мать зоветъ *Орюшкою!* Звали вечеромъ танцовать; танцами распоряжать будетъ Іогель. Танцы не по моей части, но какъ не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою?

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ только 16 лѣтъ. Не совѣтовалъ служить въ Архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ Коллегію, сперва на чорную работу. Обѣщалъ дать къ кому-то письмо. Обласкалъ, однакоже не посадилъ. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ, или угрюмъ по природѣ. За то какъ

[1]) Магистръ Богдановъ.

[2]) Мерзляковъ, адъюнктъ-профессоръ.

[3]) Остерманъ, государственный канцлеръ. Его домъ — нынѣшнее зданіе Духовной Семинаріи. П. Б.

[4]) Поливановъ, впослѣдствіи сенаторъ.

обнималъ меня Иванъ Петровичъ Архаровъ [1])! Созвалъ все семейство смотрѣть на мой мундиръ, и чего, чего не наговорилъ: называлъ милымъ, умницею, роднымъ и проч. Заставлялъ насильно завтракать, приглашалъ обѣдать, хотѣлъ пить Шампанское за мое здоровье, словомъ, я не зналъ, куда дѣваться отъ его нѣжностей. Говорятъ, что онъ со всѣми таковъ, и чѣмъ малозначительнѣе человѣкъ, тѣмъ больше старается обласкать его. Это мнѣ растолковала тетка, которая, Богъ знаетъ почему, называетъ эту привѣтливость *кувыркаиьемъ*; иначе я могъ бы возмечтать о себѣ и Богъ знаетъ чтó! Между тѣмъ я сегодня попалъ туда, куда бы ѣздить не слѣдовало: Кудрявцовъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Ѳедовичу Каменскому [2]), Богъ вѣсть зачѣмъ! Развѣ только для того, чтобы похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ корпусѣ преподавалъ графу Нѣмецкой языкъ. Графъ безспорно знаменитый полководецъ и не даромъ фельдмаршалъ, но могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ. «*Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ. Скорѣе бы повытерли*». И только. Не посадилъ: простоялъ больше часу, покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ житьѣ-бытьѣ; видишь, въ ихъ время будто бы все было лучше. Немудрено: въ ихъ время у нихъ зрѣніе было острѣе, слухъ былъ тонѣе и желудокъ исправнѣе.

Таскался по профессорамъ. *Я началъ съ Страхова и кончилъ Снѣгиревымъ.* Добрые, благонамѣренные, почтенные люди! Все время жизни своей посвящаютъ другимъ, въ безпрерывныхъ трудахъ, а съ нашей стороны признательности немного. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять Никифора Евтроповича [3]). До сихъ поръ, какъ только появится на каѳедрѣ, такъ тотчасъ наши шалуны и давай повторять третьегоднишую его фразу: «*Оное Гарнеренево воздухоплаваніе не столь общеполезно, сколько оное Финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть*» Разумѣется, конструкція фразы смѣшна, да за то въ ней есть глубокій смыслъ.

Обнимался съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и Буринскимъ, который написалъ превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирновъ переводитъ «Kabale und Liebe», которую разыгрывать будутъ на пансіонскомъ театрѣ. Хотятъ мнѣ назначить роль Вурма, потому что я смуглъ и тощъ, а главное, потому, что ея никто не беретъ. Благодаренъ; будетъ

[1]) Московскій домъ этого знаменитаго хлѣбосола—нынѣ Коншина, на Пречистенкѣ, на углу Старой Конюшенной. П. Б.

[2]) Нынѣшнее зданіе Земледѣльческой Школы на Смоленскомъ бульварѣ. П. Б.

[3]) Профессоръ Черепановъ.

съ меня и Франца Мора, котораго отхлесталъ я къ полному неудовольствію переводчика [1])

3 Января. Вторникъ. Обѣдалъ у князя Михаила Александровича Долгорукаго и время провелъ чрезвычайно пріятно. Князь по прежнему такой же любитель театра и покровитель Русскихъ актеровъ. Я встрѣтилъ у него Плавильщикова, Померанцева, Ураносова и Злова. Сила Николаевичъ Сандуновъ пересталъ къ нему ѣздить, и объ немъ не жалѣютъ. Бойкій талантъ, ума палата, языкъ—бритва, но неуживчивъ. За обѣдомъ много разсуждали о театрѣ и театральномъ искусствѣ. Ораторствовалъ Плавильщиковъ. Въ качествѣ дѣйствительнаго студента позволилъ я себѣ нѣкоторыя возраженія, что̀ нашему Росціусу, кажется, было не по нраву, особенно когда я упомянулъ о Петербургскихъ актерахъ Шушеринѣ и Яковлевѣ «*Шушеринъ еще такъ и сякъ*, сказалъ онъ, *но Яковлевъ неучъ*». Я не видалъ ихъ, слѣдовательно защищать не могъ. Плавильщиковъ написалъ новую комедію: «*Братья Своеладовы*», которая представлена будетъ въ его бенефисъ. Зловъ сказывалъ, что въ половинѣ мѣсяца пойдетъ и моя опера «*Любовныя Шутки*», которую переводилъ я по заказу Соломони. Эта глупая страсть къ театру отнимаетъ у меня пропасть времени. Съ завтрашняго числа запрусь дня на три дома, чтобъ выиграть прошатанное время.

6 Января. Пятница. Большой балъ у Высоцкихъ [2]). Кузины наши показывали мнѣ свои наряды: кружева, кружева и кружева. Есть въ четверть аршина шириною. Много денегъ оставлено въ магазинѣ мадамъ Оберъ-Шалме: достаточно было бы на годовое продовольствіе иному семейству. Не даромъ старики эту Оберъ-Шалме переименовали въ Оберъ-Шельму [3]) Мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣздили взглянуть на освѣщенныя окна дома Высоцкаго. Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это по-барски. Музыка слышна издалече: экосезъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать,

[1]) Ник. Ник. Сандунова.—П. Б.

[2]) За Высоцкимъ была Потемкина, родная сестра свѣтлѣйшаго. Высоцкій содѣйствовалъ къ исполненію словеснаго завѣщанія князя Потемкина о постройкѣ прекраснаго храма Большаго Вознесенія у Никитскихъ воротъ въ Москвѣ, въ память негласнаго его брака съ Екатериною II-й. П. Б.

[3]) Въ 1812 году эта обирательница Русскихъ барынь завѣдывала столомъ Наполеона и не нашла ничего лучше какъ устроить кухню въ Архангельскомъ соборѣ. Она послѣдовала за остатками великой арміи и погибла съ нею. Elle a été cosaquée, какъ тогда говорили. П. Б.

8 Января, Воскресенье. Были на пирушкѣ у Гаврилы Ивановича Мягкова [1]). Домикъ на Мясницкомъ валу прехорошенькій, жена красавица въ полномъ смыслѣ слова. Счастливецъ! Домикъ и жена пріобрѣтены трудами: тѣмъ болѣе они для него драгоцѣнны. Пили пуншъ и слушали игру хозяина на арфѣ. Прекрасно! Какъ находитъ онъ время заниматься музыкою? Геометрія и музыка, арфа и фортификація какъ-то не гармонируютъ между собой. Всѣ были нѣсколько навеселѣ, и Алексѣй Өедоровичъ острилъ безпрестанно. Нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку. Я все смотрѣлъ на хозяйку: какой бы этюдъ для Тончи!—Завтра приглашаетъ насъ И. И. Дмитріевъ на вечеръ. Петру Ивановичу нельзя: у него вечерніе уроки у Скульскихъ и графинь Гудовичевыхъ. Поѣду одинъ.

9 Января, Понедѣльникъ. У И. И. никого изъ записныхъ охотниковъ читать стихи свои не было. За то самъ хозяинъ заставилъ меня прочитать посланіе его къ Державину въ отвѣтъ на присланные стихи безъ подписи нашего Пиндара.

Бардъ безъимянный, тебя ль не узнаю?
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ.
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суетъ!

Вотъ такъ стихи! И. И. владѣетъ языкомъ мастерски. Платонъ Петровичъ Бекетовъ толковалъ все о своей типографіи. Это истинный ревнитель отечественнаго просвѣщенія; при большихъ способностяхъ онъ былъ бы другимъ Новиковымъ, и особенно теперь, когда нѣтъ ни одной отрасли наукъ, которой бы правительство не поощряло. И. И., которому Бекетовъ близкій родственникъ, говоритъ, что онъ не щадитъ ничего для ученыхъ и литературныхъ предпріятій, и даже разстроилъ свое состояніе. И. И. жалѣетъ, что пособія Платона Петровича падаютъ большею частію на бездарныхъ писателей, довольно назойливыхъ. Дождитъ на злыя и благія!

12 Января, Четвергъ. Наконецъ, вотъ письмо изъ дому съ деньгами: 300 р. отъ матушки, 5 золотыхъ имперіаловъ и 10 червонцевъ отъ батюшки и тетки княжны Марьи Гавриловны [2]). Очень, очень, кстати. Отецъ посылаетъ мерлушекъ на два тулупа для обоихъ насъ съ П. И—чемъ, и ему особенно пару лошадей. Эти пегасы также очень ко времени, потому что уроки П. И. умножаются: одной моей пары становилось

[1]) Преподаватель фортификаціи.

[2]) Это княжна М. Г. Барятинская, племянникомъ которой былъ и вышепомянутый князь Степанъ Степановичъ Барятинскій. П. Б.

для обоихъ насъ недостаточно; теперь, когда я перешелъ Рубиконъ, нѣкоторые лишніе выѣзды не могутъ быть для меня предосудительны. Я успѣлъ уже заказать Занфтлебену пюсовый фракъ изъ лучшаго сукна и синіе панталоны, съ узорами по бантамъ à la husard, за 40 р.: дорого да мило! Между тѣмъ, по случаю радостнаго событія, ѣдемъ завтра къ отцу Іоанну [1]) на вечеринку. Тамъ будетъ и Василій Ивановичъ [2]), котораго слово въ институтѣ такъ всѣмъ понравилось. Какъ удачно онъ умѣлъ выбрать текстъ къ этому слову: «*иныя не имамъ радости, да вижду чада моя въ истинѣ ходяща*». Для преподавателя закона Божія нельзя было отыскать текста приличнѣе.

Говорятъ о назначеніи И. И. Дмитріева сенаторомъ. Дай Богъ! Кромѣ таланта, нелицепріятенъ и не подверженъ ничьему вліянію.

16 Января, Понедѣльникъ. Сегодня у А. А. встрѣтилъ Жуковскаго. Чуть ли не будетъ онъ сотрудникомъ Каченовскаго въ изданіи «Вѣстника Европы»; по крайней мѣрѣ А. А. этого желаетъ. Какъ удивился Ж., когда я прочиталъ наизустъ новые стихи его, которые нигдѣ еще не напечатаны и никому не были читаны, кромѣ самыхъ его близкихъ. А. А. очень забавлялся этимъ, и «*вотъ*—сказалъ—*каковы-та у насъ студенты-та, все-та на лету ловятъ; а кабы поменьше-та по театрамъ шатались, такъ бы и въ математикѣ-та не отставали*». Я сгорѣлъ: не въ бровь, а прямо въ глазъ; да впрочемъ за дѣло, за дѣло. Что́ за безчестный студентъ! Однако же не теряю надежды: Андрей Анисимовичъ [3]) вдолбитъ что-нибудь въ бѣдную мою голову, во время вакацій. Но какъ отстать отъ театра?

17 Января, Вторникъ. Поспѣшая сегодня на обѣдъ къ Лобковымъ во всю прыть моихъ каурокъ, я наѣхалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее, такъ что она очутилась подъ санями. Вопли и крики! Ѣхавшій мнѣ на встрѣчу частный приставъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высвободилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что хотя по принятымъ правиламъ долженъ бы былъ отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту непріятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько-нибудь денегъ на лѣкарство и тѣмъ предупредить ея формальную жалобу. Я бы радъ

[1]) Отецъ П. И. Богданова, умный и благочестивый старецъ, бывшій діакономъ въ приходѣ архидіакона Евпла и отказавшійся добровольно отъ священства.

[2]) Старшій братъ Петра Ивановича, священникъ и законоучитель института со времени его учрежденія (скончался въ запрошломъ году).

[3]) Сокольскій, преподаватель Ариѳметики и Геометріи.

былъ дать все, что́ угодно; но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ пять рублей своихъ съ тѣмъ, чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредъ старался ѣздить осторожнѣе. Этого почтеннаго человѣка зовутъ *Иванъ Петровичъ Гранжанъ*, и Петръ Тимоѳеевичъ за обѣдомъ сказывалъ мнѣ, что онъ бываетъ съ семействомъ у нихъ, принятъ въ лучшихъ домахъ и уважаемъ начальствомъ. Вотъ какіе люди служатъ въ здѣшней полиціи! Никол. Петр. Аксеновъ также былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, еще при Эртелѣ, частнымъ приставомъ, а какой человѣкъ! Что̀ за душа и обращеніе, и какъ вообще уважаемъ всѣми, не смотря на недостаточное состояніе. Правду говорятъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

19 Января, Четвергъ. Любовныя мои *Шутки* вовсе плохія шутки. Опера не понравилась публикѣ, а еще болѣе мнѣ. Холодно, вяло и скучно. Бѣдная Соломони пѣла хорошо, голосъ у ней огромный; да какъ-то все не ладилось. Лизета—крестьянка, а она представляла какую-то барыню, хотя и брала уроки у Сандуновой. Я думаю, безъ этой наставницы, которая порядочно жеманится, она сыграла бы. Впрочемъ въ неуспѣхѣ піесы виноватъ одинъ бенефиціантъ: зачѣмъ выбирать такой вздоръ? П. И. говоритъ, что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не отказался отъ предложенныхъ мнѣ Соломони 50 р. за переводъ; по крайней мѣрѣ душа бы не болѣла.

Балетъ «*Мщеніе за смерть Агамемнона*», *во вкусъ Новерра*, какъ гласитъ афиша, прошелъ такъ и сякъ: какой Эгистъ, какой Орестъ и какая Электра! Въ этой Электрѣ ни искры электричества. Говорятъ, что она выходитъ замужъ за старика Англичанина Банкса, извѣстнаго торговца лошадьми. Онъ большой пріятель съ Н. П. Аксеновымъ, который содѣйствіемъ и пособіемъ его развелъ свой конный заводъ и свой извѣстный огромностью рогатый скотъ — единственные теперь источники его доходовъ.

Старшая Соломони играла концертъ на скрипкѣ съ полнымъ оркестромъ. Это лучшая часть бенефиса.

20 Января, Пятница. Ай да Freiherr von Steinsberg! Ай да Malteiser Ritter! Какъ ухитрился онъ поставить такую сложную піесу, какова вторая часть «Русалки», на маленькой сценѣ Демидовскаго театра, со всѣми перемѣнами декорацій, полетами, превращеніями и Богъ вѣсть съ какими еще затѣями, при его ограниченныхъ средствахъ? Какъ бы то ни было, «Русалка» прошла весело. Театръ ломился отъ зрителей, не смотря на возвышенныя цѣны. Ложа 12 р., кресла 2 р. 50 к., партеръ 1 р. 50 к., галлерея 1 р.— дороговько! *Мамзель Штейнъ* играла

Русалку, *Штейнсбергъ*—Минневарта, *Коронъ*—Ларифари, *мадамъ Гебгардъ*—старуху Uengfer Salome, *Литхенсъ*—рыцаря Адальберта, *Вильгельмъ*—ловчаго, *мадамъ Штейнсбергъ*—Берту, и проч. Мамзель Штейнъ принимали прекрасно, кричали нѣсколько разъ voraus, а Kanon между ею, Штейнсбергомъ и Вильгельмомъ: *nach Regen folget Sonnenschein*, заставили повторить три раза. Право, Штейнсбергъ волшебникъ. Въ продолженіе одного года сформировать труппу, въ которой одни и тѣже сюжеты играютъ сегодня Шиллеровыхъ „Разбойниковъ", а завтра «Русалку»; сегодня «Kabale und Liebe», а завтра «Die deutsche Kleinstädter» или «Zigeuner»; сегодня «Беньовскаго», а завтра уморительнаго «Das Neue Sonntagskind», и играютъ очень недурно. Это, право, непостижимо; и между тѣмъ изъ какихъ лицъ составлена эта труппа? Кромѣ Штейнсберга, который, не смотря на свое баронство и Мальтійскій крестъ, можетъ назваться превосходнымъ актеромъ во всѣхъ амплуа,—всѣ актеры его трупы большею частію Anfänger [1]) изъ Петербургскихъ мастеровыхъ. Даровитая *мамзель Штейнъ*, играющая Русалку, Амалію, Луизу и проч.—булочница; братъ ея—переплетчикъ; *Литхенсъ*—каретный обойщикъ, *Коронъ*—сидѣлецъ изъ виннаго погреба; *Петерсъ*—столярный подмастерье; *Канъ*—садовникъ; *Беренсъ*—портной, Вильгельмъ *Гасъ*—писецъ изъ конторы нотаріуса, послѣ нотный переписчикъ и наконецъ музыкантъ; *Эме*—деревенскій экономъ; *Кистеръ* [2])—золотыхъ дѣлъ подмастерье. Подумаешь: какой сбродъ, и что изъ него вышло? Всѣ эти актеры—сами декораторы, сами костюмёры, сами машинисты, сами портные, сами копіисты. Штейнсбергъ не нанимаетъ ни одного посторонняго для надобностей своего театра Удивительное свойство угадывать дарованія въ людяхъ, привлекать ихъ къ своей цѣли, и въ тоже время заставлять ихъ любить и уважать себя! Сколько ни остороженъ былъ пасторъ Гейдеке въ сужденіи о людяхъ, какъ онъ ни проницателенъ и опытенъ въ сношеніяхъ съ ними, однако же утверждаетъ, что молчаливый и задумчивый Штейнсбергъ имѣетъ способность неотразимо дѣйствовать, на кого онъ захочетъ.

22 Января, Воскресенье. Приходилъ Ф. П. Граве. Онъ непремѣнно хочетъ играть на Нѣмецкомъ театрѣ. Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощаньѣ объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то роли «Влюбленнаго Башмачника». Завтра же отправлюсь къ Штейнсбергу и попрошу, чтобы не допускалъ такого скандалу. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Универси-

[1]) Новички.

[2]) Нынче камергеръ одного Нѣмецкаго двора, баронъ и милліонеръ.

тетскаго Благороднаго Пансіона, студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частію передъ вовсе не влюбленными сапожниками. Есть отъ чего съ ума сойдти!

23 Января, Понедѣльникъ. Дѣло Граве могли уладить только вполовину. Сколько его ни усовѣщивали, онъ и въ усъ не дуетъ. Несетъ свое, увѣряетъ, что это вдохновеніе, и онъ чувствуетъ свое призваніе. Непонятно, что̀ случилось съ нимъ: ему давно за двадцать, а сталъ хуже всякаго капризнаго ребенка. Положили покамѣстъ на томъ, что будетъ по крайней мѣрѣ дебютировать послѣ Пасхи и подъ другимъ именемъ. Онъ выбралъ себѣ Латинское прозваніе: *Nemo*. Теперь, если убѣжденія на него не дѣйствуютъ, придется прибѣгнуть къ другому лѣкарству—свисткамъ. Авось они отучатъ его отъ паясничества. Добро бы имѣлъ настоящій талантъ, или былъ какой красавецъ, сердце бы не болѣло; а то въ родѣ рыцаря печальнаго образа, съ присовокупленіемъ огромной сутулины. Впрочемъ Штейнсбергъ говоритъ, qu'il ne faut rien précipiter*) и заранѣе огорчать его, а что дѣло обойдется само собою.

За хлопотами о нашемъ Nemo не былъ сегодня во Французскомъ спектаклѣ. Давали оперу «Paul et Virginie» и комедію «Fausses Consultations». Можетъ быть, и къ лучшему: деньги дома, а мадамъ *Кремонъ* что̀ за Виргинія! Кругленькаго личика и затянутой таліи недостаточно для этой милой роли.

Бѣлавинъ сказывалъ, что *Савиновъ*, дебютировавшій вчера въ роли Алексѣя въ драмѣ «*Бѣглый Солдатъ*», ниже всякой критики. Это, будто бы, *Прусаковъ*, помноженный на *Кондакова*.

26 Января, Четвергъ. Былъ въ бенефисѣ Сандуновой, въ ложѣ князя Михаила Александровича. Таже вѣчная первая часть «Русалки». Княжны восхищались бенефиціанткою, а мнѣ какъ-то грустно видѣть эту даровитую пѣвицу въ такихъ роляхъ, которыя вовсе къ ней не пристали. Я не смѣлъ высказать свое мнѣніе, потому что предвидѣлъ обыкновенное возраженіе: «Небось, ваша мамзель Штейнъ лучше?» Но помилуйте: женщина въ лѣтахъ, небольшаго роста, очень, очень полная, чтобы не сказать толстая, прыгаетъ, пляшетъ, или вѣрнѣе, хочетъ прыгать и плясать какъ 18-тилѣтняя хорошенькая, безъискусственная, веселая Нѣмочка, у которой роль Русалки въ ея природѣ; ибо эта роль составлена большею частію изъ вальсовъ, національныхъ Нѣмец-

*) Ничѣмъ не надо торопиться.

кихъ пѣсень и танцевъ и проч. Что̀ же тутъ хорошаго? Удивительно, какъ люди мало знаютъ свои средства! Сандунова не играетъ въ «Волшебной Флейтѣ», предоставляетъ прекрасную роль *Памины* Бутенброковой и ломается въ Русалкѣ! Настоящія роли талантливой Сандуновой, какъ пѣвицы и актрисы, въ операхъ Италіянскихъ: въ «Molinara», въ «Діаниномъ Древѣ», въ «Cosa Rara», въ «Венеціанской Ярмаркѣ», въ «Serva Padrona», и проч. и проч. Пусть играетъ и Наталью въ «Старинныхъ Святкахъ»: тутъ ей можно пощеголять своимъ пѣніемъ въ куплетахъ: *Слава Богу на небѣ*, и проч. Пусть поетъ въ «*Водовозѣ*», въ «*Элизѣ* (или Путешествіе по ледянымъ горамъ»), и проч.,— слова нѣтъ: это ея амплуа; но Русалка—ахъ, Господи! Полунагая, вертлявая нимфа съ ея фигурою и формами и съ ея Италіянскимъ жеманствомъ! Лицо до сихъ поръ сохранило свою пріятность, физіономія игрива; но нѣтъ натуры, какъ утверждаетъ и самъ Штейнсбергъ, а онъ непогрѣшительный и безпристрастный судья въ этомъ дѣлѣ. Отчего Русалки не играетъ *Носова*, хорошенькая, веселенькая актриска и премиленькая пѣвичка съ вѣрнымъ голоскомъ? Я рѣдко въ комъ видалъ столько натуры, при совершенномъ отсутствіи всякаго жеманства. Говорятъ: танцовать не умѣетъ; да у кого жъ ей бѣднягѣ было и учиться?

Штейнсбергъ говоритъ, что въ Петербургѣ Русалку безподобно играетъ *Черникова*, воспитанница Театральнаго Училища, и что такой актрисы въ роли Русалки никогда не бывало, по крайней мѣрѣ видѣть ему не случалось ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Какъ бы хотѣлось взглянуть на этотъ феноменъ. Говоритъ, что и *Воробьевъ*, ученикъ Мартини, или Маркетти, отлично играетъ Тарабара, и хотя спалъ съ голосу, но умѣетъ управлять имъ такъ, что этого почти не замѣтно.

Я слышалъ отъ А. А. Арсеньева, что управляющій театромъ отъ Воспитательнаго Дома князь Волконскій посылалъ *Волкова*, играющаго здѣсь Тарабара, нарочно въ Петербургъ поучиться у Воробьева—какъ онъ выражается — тарабарской грамотѣ, и Волковъ точно усвоилъ будто бы манеру своего образца; можетъ быть. Только, кажется, пересолилъ, и вмѣсто пѣнія лаетъ по-собачьи.

28 Января, Суббота. Сегодня, въ бенефисъ *m-mes Duparay* и *Merienne*, давали мелодрамму «*Le Jugement de Salomon*» и оперку «*La Danse Interrompue*». Первая пьеса, не смотря на пространное и высокопарное объявленіе о ея *высокомъ достоинствѣ, о господствующей въ ней, съ первой до послѣдней сцены, нравственности* и проч., есть такое литературное уродство, которому и названья придумать не умѣю, и сверхъ того такъ скучна, такъ скучна, что мочи нѣтъ. Это древняя

мистерія, въ родѣ той, *какъ Олоферну царю Юдифъ отрубила голову.* Рыжая m-me *Duparay* играла Соломона, m-me Merienne настоящую мать ребенка. Охота же Французамъ давать такой вздоръ, а намъ платить за него деньги! За то «*La Danse Interrompue*»—премиленькая піеска и прошла весело.

Николай Ивановичъ Кондратьевъ разгадалъ мнѣ, отчего въ афишахъ передъ фамиліею нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ ставится буква Г., т. е. господинъ или госпожа, а передъ другими нѣтъ. Это оттого, что послѣдніе изъ крѣпостныхъ людей, напр. Уваровъ, Куровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашибаются, что̀ случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода. Однакоже носятся слухи, что Русскій театръ присоединится къ театральной дирекціи, отъ которой назначится особый директоръ, и что всѣ эти *негоспода* пріобрѣтутся въ принадлежность дирекціи, съ присвоеніемъ имъ буквы Г. Дай Богъ! Нѣтъ сомнѣнія, что казенное управленіе исправитъ теперешнюю неурядицу и обратитъ вниманіе на нѣкоторые отличные таланты, не имѣющіе покамѣстъ никакой будущности.

Завтра опера «Иванъ Царевичъ»; непремѣнно ѣду. А на дняхъ у Французовъ „*L'Amant Statue*", опера, въ которой Сандунова играетъ роль Селимены *по-французски.* Вотъ еще новость!

29 Января, Воскресенье.

Подъ шляпку невидимку
Скрою бѣлую личинку;
Сапожки самоходы
Отслужатъ мнѣ походы, и пр.

Кажется, вздоръ, а такъ и поется! Очень понимаю, отчего Нѣмцы любятъ піесы, составленныя изъ ихъ національныхъ *Märchen* и преданій. Все родное какъ-то шевелитъ сердце и, несмотря на нелѣпость вымысла, тарабарскій языкъ и варварскіе стихи, нарочно подобранные изъ сочиненій Тредьяковскаго, піеса смотрится и музыка слушается съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ какой-нибудь «Судъ Соломона» и подобныя ему піесы, отъ которыхъ да избавитъ Аполлонъ всякаго посѣтителя Русскаго театра. Дѣло въ томъ, чтобы только не умничать и не искать премудрости тамъ, гдѣ ея быть не должно. Опера «Иванъ Царевичъ»—сказка въ дѣйствіи, и дѣйствіе расположено просто и несбивчиво: начало и конецъ на своихъ мѣстахъ, напѣвы нехитрые, безъ заморскихъ вычуръ, но какъ-то давно знакомые, затверженные въ дѣтствѣ. Кому не нравятся эти напѣвы, тому придется воскликнуть

вмѣстѣ съ Карломъ Моромъ: O meine Unschuld, meine Unschuld! П. И. смѣется, что я ѣзжу въ такія піесы, въ которыхъ нѣтъ пищи ни для ума, ни для сердца. Въ этомъ мы никогда не согласимся съ нимъ: онъ воспитанникъ города, а я выкормокъ деревенскій.

Мочаловъ—Иванъ Царевичъ, хоть куда, игралъ и пѣлъ очень порядочно; разумѣется, *Уваровъ* былъ бы превосходнѣе Мочалова во всѣхъ отношеніяхъ, но какъ быть! Сравненія въ сторону: они убиваютъ наслажденія. Comparaison n'est pas raison. Сцена лѣшихъ шла уморительно: *Волковъ* и *Кураевъ* оба на своихъ мѣстахъ.

4 Февраля, Суббота. Въ эту недѣлю много кой-чего насмотрѣлся и наслушался. Во Французскомъ театрѣ даны были «*La Petite Ville*» и «*Le Calif de Bagdad*». Мнѣ кажется, первая піеса есть не очень удачное подражаніе комедіи Коцебу «*Die Deütsche Kleinstädter*»; но вторая—очень миленькая опера, и музыка прекрасная. Мы смѣялись отъ души, когда пѣлъ хоръ: *C'est ici le séjour des Grâces*, тогда какъ сцена наполнена была преуродливыми Французскими харями. Видѣлъ Сандунову въ ролѣ Селимены въ «*L'Amant Statue*». Французы пригласили ее играть для сбора, точно также, какъ въ прошломъ году приглашали они здѣшняго Французскаго калиграфа m-r Le Maire, урода и дурака, читать на сценѣ оду его первому консулу съ посвященіемъ пука перьевъ своего очина. *Лемеръ* принятъ во всѣхъ домахъ, служитъ общимъ plastron *), и потому театръ былъ полонъ: всѣ хохотали, когда при громкомъ завываніи всѣхъ бывшихъ на сценѣ Французовъ «*allons, enfants de la patrie*», стали поднимать *Лемера* на воздухъ, будто бы въ храмъ славы, въ видѣ генія въ прическѣ à la Louis XIV. Все это могло идти къ *Лемеру*, но Сандуновой не слѣдовало бы входить въ эту Французскую аферу. Пощеголять Французскимъ языкомъ могла бы она и не на сценѣ, хотя впрочемъ и щеголять нечѣмъ: болтаетъ такъ себѣ, какъ и всѣ наши барыни.

Третьяго дня въ бенифисъ Плавильщикова театръ былъ полонъ. Чтобы судить о комедіи его: «*Братья Своеладовы*» надобно прежде ее прочитать, а то я не очень ее понялъ. Мнѣ показалось, что она не такъ-то понравилась, хотя публика послѣ и аплодировала, и особенно горячіе друзья бенефиціанта не сидѣли поджавъ руки. Жаль, что и первый нашъ трагикъ, нашъ Гаррикъ и Лекенъ, какъ называетъ его князь Михайло Александровичъ, прибѣгаетъ къ паясническимъ средствамъ для привлеченія публики. Заставили плясать какого-то *карло*,

*) Шутомъ, потѣшникомъ.

котораго въ афишѣ называютъ *маленькимъ карло*, какъ будто бы карло можетъ быть большой!

Ѣздили съ Хомяковымъ [1]) къ М. И. Ковалинскому, бывшему при покойномъ Государѣ нашимъ Рязанскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ его въ малолѣтствѣ и теперь радъ былъ познакомиться съ нимъ покороче. Онъ очень умный, пріятный и привѣтливый человѣкъ, хотя въ бытность его губернаторомъ и не то объ немъ говорили; но другія времена, другіе нравы. Онъ, кажется, немного мистикъ. Обѣщалъ со временемъ ссудить меня сочиненіями *Сковороды*, который былъ его наставникомъ. Манускриптъ этихъ сочиненій безпрестанно у него на столѣ передъ глазами. Я просилъ дозволенія пробѣжать нѣсколько страницъ въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ другими, и напалъ на какую-то статью, подъ названіемъ: *Потопъ Зміинъ*. Ничего не понялъ. П. И. говоритъ, что это оттого, что въ головѣ m-lle Stein да Русалка. На этотъ разъ не угадалъ: то да не то!

8 Февраля, Середа. Разсказываютъ объ остроумномъ отвѣтѣ главнокомандующаго графу Хвостову, который въ разговорѣ очень негодовалъ, что Ив. Ив. Дмитріеву присвоили въ Москвѣ названіе Русскаго Лафонтена. Чтобы утѣшить графа, Александръ Андреевичъ [2]) сказалъ ему: «Ну такъ что жъ,—пусть Дмитріевъ будетъ нашимъ Лафонтеномъ, а вы нашимъ Езопомъ». Какъ непріятно разочарованіе!

Намедни вечеромъ у Прасковьи Михайловны Толстой [3]) слушалъ я премилое посланіе къ ней князя Ивана Михайловича Долгорукаго, читанное самимъ авторомъ. Нѣкоторыя другія стихотворенія его я уже зналъ, и всегда любовался ими, какъ отголоскомъ нѣжнаго и любящаго сердца. Но вотъ вчера доставили мнѣ старую запачканную тетрадь, которая оказалась копіей съ опредѣленія Пензенскаго Верхняго Земскаго Суда 20 Іюля 1795 г. о побояхъ, причиненныхъ прокуроромъ Улыбышевымъ вице-губернатору князю Долгорукову, за привлеченіе жены его, Улыбышева, къ распутству. Что кн. Д. человѣкъ весьма нѣжныхъ чувствъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; что онъ влюбился въ У-ву, то это весьма естественно; но чтобы могъ писать такія пошлыя любовныя письма, какія находятся въ этомъ опредѣленіи, я никогда бы повѣрить не могъ. Вотъ небольшой образецъ слога обоихъ любовниковъ.

[1]) Степаномъ Александровичемъ, отцомъ поэта. Онъ былъ сосѣдъ Жихаревыхъ по Данковскому имѣнью. П. Б.

[2]) Беклешовъ.

[3]) Старшей дочери свѣтлѣйшаго князя Кутузова. П. Б.

Онъ. „Нѣтъ, не страшись! Отдай мнѣ больше справедливости: не «только на театрѣ, но въ собраніяхъ цѣлаго свѣта скажу, что ты мнѣ «не только мила, но ниже какая женщина въ силахъ будетъ отвлечь «мое сердце отъ тебя и скинуть тѣ легкія и дорогія цѣпи, кои ты «одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла накинуть. Тебѣ «дано было судьбою все сердце мое присвоить, отнявъ его даже у «тѣхъ, кои отъ начала міра имѣли право по всѣмъ законамъ (!!). Такъ «не страшись ничьихъ прелестей: никакія красоты Лизаньки моей въ «глазахъ моихъ не превзойдутъ. Ахъ, другъ мой, въ естествѣ нѣтъ «сильнѣе моей страсти; душа моя, будь здорова!!! Матушка, жизнь «моя! какъ воображу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я внѣ себя, и «проч.» *Она.* «Ахъ, на что вы дали поводъ открыть мои чувства? Знай, «что я тебя люблю; если тебѣ надобно, я всему свѣту оное сказать «готова. Ахъ, что́ вы дѣлаете, какое вы пронзаете сердце! Меня все «въ страхъ и трепетъ приводитъ; по крайности изъ жалости выведите «меня изъ сего адскаго положенія». Или: «Такъ... жизнь моя, кинув«шись на шею къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей, попрошу од«ного слова; одно, что меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливою! Скажи «это, другъ мой, скажи, утѣшь свою подданную, воскреси рабу твою, «дай жизнь вашей любовницѣ. Ахъ, какъ я васъ люблю!» или: «Научи, «какъ выдрать пламя изъ нѣдра моего сердца», и проч. *Онъ.* «Я, «любовь и природа насъ соединяютъ... любовь и гласъ природы, то-есть «связь и сила чувствъ природы, въ сердца наши влагаемыя, насъ со«единяютъ тѣсными узами, кои никогда не разорвутся» и проч.

Изъ сего слѣдуетъ, что сочинять прекрасно стихи и писать хорошо любовныя письма не одно и тоже. Suum cuique. Видно, при всякомъ начинаніи необходимо имѣть въ виду Латино-греческій девизъ: *Nosce te ipsum.*

10 Февраля, Пятница. Кузины наши С—вы и к—ны Б—я возили меня вчера на балъ къ Петру Тимоѳеевичу Бородину, откупщику и одному изъ Московскихъ крезовъ. Я охотно поѣхалъ, не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей, терпѣть не могу, а такъ изъ любопытства. Что за жаръ и духота! Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личекъ, но только съ начала бала, а съ 11 часовъ и особенно послѣ ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-то вакханскія физіономіи отъ усталости и невыносимой духоты; волосы развились и разсыпались, украшенія пришли въ безпорядокъ, платья обдергались, перчатки промокли, и проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки, тетушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ, для чего нѣкоторыя по

временамъ выскакивали изъ-за бостона, но не успѣвали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно, и ни одна изъ жрицъ Терпсихоры не хотѣла сойдти съ паркета. Меня увѣряли, что если дѣвушка пропускаетъ танцы, или на какой изъ нихъ не ангажирована, то это ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это? Ужъ не оттого ли иныя mаman безпрестанно ходили по кавалерамъ, особенно пріѣзжимъ офицерамъ, и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: «*Батюшка, съ моей-то потанцуй!*» Многія не разъ подходили и ко мнѣ, но меня спасали кузина Александрина съ Ариною Петровной. «*Il ne danse pas, madame; c'est un campagnard, qui ne vient au bal que pour manger des glaces*» [1]). Проказницы! Въ кабинетѣ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ роду не видывалъ столько золота и ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Ш.., К..., Ч... и Р... попеременно. На другомъ братья Дурновы... М... и Р.. Понтировали много извѣстныхъ людей. Какой-то К*** проигралъ около пяти тысячъ р., очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ какъ ни въ чемъ небывалый. Я думалъ, что онъ милліонеръ; но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Димлера съ мѣломъ въ рукахъ, записывающаго выигрышъ вмѣсто банкомета. Говоритъ, что онъ въ чести у Дурновыхъ. Видно, это выгоднѣе, чѣмъ давать уроки на фортепіано.

Угощеніе было на славу. Несмотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты, грушъ и яблокъ бездна, конфектовъ груды, прохладительнымъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Что̀ за осетръ, стерляди, что̀ за сливочная телятина и гречанки - индѣйки [2]). Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать. Самъ онъ былъ нѣсколько навеселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній; дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина-Ростовская, недавно вышедшая замужъ [3]).

Я возвратился домой разбитый и усталый, не дѣлавъ ничего, съ обремененнымъ желудкомъ, ѣвши безъ аппетита и вкуса, и съ головною болью отъ Шампанскаго, которое глоталъ безъ жажды. Ничего не вывезъ я съ этого бала, кромѣ воспоминанія о прекрасныхъ глазахъ

[1]) Онъ, сударыня, не танцуетъ; это деревенскій житель, появляющійся на балахъ для того только, чтобы ѣсть мороженое.

[2]) Гречанками назывались индѣйки, выкормленныя Грецкими орѣхами.

[3]) Княжна Наталья Петровна († 1828), супруга князя Николая Александровича († 1841), мать прославившейся въ наши дни благотворною дѣятельностью Александры Николаевы Стрекаловой. Бородины происходятъ отъ одного изъ Воронежскихъ дѣтей боярскихъ. П. Б.

Арины Петровны; но и это ведетъ къ одной безсонницѣ; слѣдовательно время истрачено напрасно. *Чего ради гибель сія бысть?*

11 Февраля, Суббота. Рожденіе мое ровно черезъ недѣлю: мнѣ минетъ 17 лѣтъ. Мы сговорились съ П. И. обѣдать въ этотъ день дома и пригласить Гавр. Ив., Андр. Онис., Аѳанасія Мих., и стараго учителя моего Хр. Ив. Кейделя. Угостимъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Деревенской провизіи у насъ вволю, а кухмарникъ авось не ударитъ лицомъ въ грязь; наливки почти не початы, и варенья еще много. Приглашу также Граве и кого-нибудь изъ Нѣмецкихъ актеровъ für die Uebung der deutschen Sprache. Послѣ обѣда, можетъ быть отправлюсь въ Нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ «Беньовскаго». Поѣхалъ бы вмѣсто театра къ Лобковымъ, потому что у нихъ вечеръ; но право, за себя страшно: эта А. П. того и гляди что съ ума сведетъ. Велитъ себя звать не иначе, какъ ma tante, потому что двумя годами меня старше; а мнѣ такъ иногда совсѣмъ *не то* приходитъ въ голову.

12 Февраля, Воскресенье. Ѣздили въ Голицынскую больницу къ обѣднѣ; пѣвчіе очень хороши, но все не то, что́ Колокольниковскіе у Никиты Мученика. Изъ числа послѣднихъ теноръ Самойловъ взятъ на Петербургскій театръ. Отлично также поютъ у Дмитрія Солунскаго; черномазый Вигапуръ, не знаю графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился зааплодировать. Полицеймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти. Послѣ обѣдни смотрѣли мы картинную галлерею. Какія сокровища собраны покойнымъ княземъ, и всѣ предоставлены на подвиги человѣколюбія. Поученіе священника было на текстъ изъ Евангелія: «Не скрывайте сокровищъ вашихъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываются и крадутъ». Въ Голицынской больницѣ это чрезвычайно кстати. Изъ картинъ больше всѣхъ мнѣ понравились: Благословеніе Іакова слѣпцомъ Исаакомъ, *Риберы*, и Снятіе со креста, *Каведоне* [1]). Какая натура и какія лица! Сказывали, что эта неоцѣненная галлерея когда-нибудь поступитъ въ продажу, ибо считается мертвымъ капиталомъ [2]). Многіе охотники до картинъ острятъ зубы.

Изъ больницы заѣзжали мы по сосѣдству на бѣгъ графа А. Г. Орлова. Герой Чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакахъ своихъ *Любезномъ* и *Каткѣ*. Охотниковъ было много, и всѣ щеголяли другъ передъ другомъ, кто на рысакахъ, кто на иноходцахъ. Я замѣтилъ обоихъ

[1]) Эти картины принадлежатъ теперь гг. Мосоловымъ.

[2]) Картинная галлерея, собранная посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, княземъ Д. М. Голицынымъ и завѣщанная имъ Москвѣ, была продана около 1817 года большею частію въ чужіе края по представленію тогдашняго попечителя Голицынской больницы, князя Сергѣя Михаиловича. Домъ гдѣ она помѣщалась, нынѣ занятъ фельдшерскою школою. П. Б.

Всеволожскихъ, Чемоданова, Савелова, Муравьева, братьевъ Яковлевыхъ-Собакиныхъ, Мосоловыхъ и многихъ первостатейныхъ купцовъ.

16 Февраля. Четвергъ. Какъ ни красивы бабушкины имперіалы и теткины червонцы, а пришлось размѣнять ихъ. Лажъ на золото вздорожалъ: имперіалъ отдалъ по 12 р. 90 к., а червонцы по 3 р. 85 к. сер.; рубль принимаютъ въ 1 р. 29 коп.

Проѣзжая по Ильинкѣ, купилъ у Соколова 10 бутылокъ отличнаго Цымлянскаго по 40 к. за бутылку.

19 Февраля, Воскресенье. Рожденье мое вчера отпраздновали славно. По письму матушки былъ у Всѣхъ Скорбящихъ, и по собственному побужденію служилъ молебенъ при ракѣ своего патрона, у Спаса на Бору. Обѣдъ хоть куда! Щи съ завитками, сальникъ изъ обварныхъ крупъ, окорокъ ветчины, бѣлужья тёшка, жареный индюкъ и безподобныя алaдьи съ бабушкинымъ липовцомъ. Наливкамъ досталось, а Цымлянскаго какъ не бывало. Всѣ объѣдались. Я такъ радъ, что гости наши были чрезвычайно довольны и веселы. Гаврило Ивановичъ игралъ на клавикордахъ, а Граве съ Сокольскимъ плясали. За столомъ, при питьѣ моего зторовья, П. И. прослезился. Кейдель мой очень обидѣлся, когда Гаврило Ивановичъ спросилъ его, долго ли онъ былъ у меня дядькою?—Т. е. наставникомъ, хотите вы сказать? отвѣчалъ Кейдель. Странно, какимъ онъ прежде казался мнѣ мудрецомъ, а теперь какъ будто поглупѣлъ. Коропъ пѣлъ Нѣмецкія пѣсни, и между прочимъ одну: *der Kuss*, которая такъ и просится въ душу. Это исторія поцѣлуя отъ колыбели до могилы; если съумѣю, непремѣнно переведу ее. Пировали до 11 часовъ. Ѣхать мнѣ никуда не хотѣлось, и лошадей употребили на развозку гостей.

Сегодня утренній маскарадъ въ Петровскомъ театрѣ. Вчера не былъ въ вечернемъ, такъ должно бы ѣхать проститься съ масляницею и взглянуть на глазки ma tante; да беретъ раздумье. Нѣтъ, лучше поѣду обѣдать къ князю Мих. Ал., а *туда* на вечеръ. Нынче день прощенный: простимъ другъ друга. Что̀ если бы пришло ей въ голову сказать: возлюбимъ другъ друга!

20 Февраля, Понедѣльникъ. Превесело кончилъ я вчера день свой. У Лобковыхъ было много гостей. Старикъ С. А. В..., человѣкъ разпремилый, настоящій камергеръ двора Великой Екатерины, говорилъ безъ умолку. Какъ онъ мастерски умѣетъ найтись съ барышнями, которыхъ съ дюжину его окружало! Всякой изъ нихъ сказалъ онъ ласковое и привѣтное слово. Сказалъ бы что нибудь и я,—только одной; да не достаетъ смѣлости и во рту каша. Говорится: отъ избытка сердца глаголютъ уста; а у меня, напротивъ, отъ избытка сердца уста нѣ-

мотствуютъ.—Были адъютантъ Государя П. А. Кикинъ и капитанъ Лукинъ, извѣстный силачъ. Первый говорилъ со мною о литературѣ и профессорахъ, и очень дѣльно (кажется очень ласковый и внимательный человѣкъ); а послѣдній тихій и скромный морякъ: все сидѣлъ и молчалъ у карточнаго стола. Сколько молодой Всеволожскій ни заговаривалъ съ нимъ о силѣ и не разсказывалъ ему о прежней чудесной силѣ графа А. Г. Орлова, у котораго Всеволожскіе домашніе люди, Лукинъ ни слова о себѣ, и за ужиномъ говорилъ только о постороннихъ и самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, напр., что Москва обильна красавицами и богата радушіемъ: lieux communs.

Обѣдъ у князя Мих. Алекс. былъ прекрасный: простой, вкусный, всего вдоволь. Въ домѣ говорятъ, что за старшую княжну [1]) сватается женихъ; только князь покамѣстъ слышать не хочетъ и говоритъ, что прежде двухъ или трехъ лѣтъ не выдастъ. За обѣдомъ на почетномъ мѣстѣ опять сидѣлъ Плавильщиковъ, а Зловъ подлѣ меня и важно потягивалъ мадеру. Князь приказалъ поставить ему особую бутылку, примолвивъ: «никому, братецъ, своей порціи не давай». Плавильщиковъ признался, что комедія его была худо вырепетирована и разыграна, и оттого не могла имѣть успѣха; но что въ слѣдующій разъ она пойдетъ лучше, тѣмъ болѣе, что онъ сократитъ ее. Можетъ быть такъ, но что-то не вѣрится.

Послѣ обѣда заставили Злова пѣть арію изъ «Волшебной флейты»: in diesen heiligen Hallen. Переводъ этой аріи показался мнѣ похожимъ на мой переводъ хора въ оперѣ «*Элиза*», которую мы переводили въ шестеромъ за 50 рублей. Сен-бернардскіе отшельники, найдя живописца, засыпаннаго снѣжною лавиною, звонятъ въ колоколъ и трагически поютъ:

Хоть виситъ недавно,
А звонитъ исправно!

Какъ ни мало внимательна публика къ опернымъ стихамъ, но мой хоръ заставляетъ ее безпрестанно смѣяться, хотя положеніе дѣйствующихъ лицъ и очень печальное. За то Зловъ безъ умничанья и съ чувствомъ пропѣлъ на голосъ: freut euch des Lebens, подражаніе пѣсни Коцебу: Es kann ja nicht immer so bleiben. Послѣдніе куплеты въ пѣніи не дурны:

И прежде насъ много бывало
У жизни веселыхъ гостей,
И вотъ мы, на памятъ почившимъ,
Бокалъ осушаемъ, друзья!

[1]) Эта княжна Евгенія Михаиловна Долгорукова вышла впослѣдствіи за Степана Трофимовича Творогова. П. Б.

И послѣ насъ будетъ немало
У жизни весёлыхъ гостей;
И также намъ въ память, счастливцы,
Они опорожнятъ бокалъ!

Да, да—круговая порука!

Злова заставили повторить, и онъ повторилъ куплеты и потроилъ запамятный бокалъ.

Нѣмецкая масляница во всемъ разгарѣ. Завтра вторая часть Русалки и послѣ балъ. Штейнсбергъ прислалъ билеты на спектакль и балъ; но я возвратилъ: какъ-то совѣстно; а чувствую, что на балѣ не обойдется безъ потѣхъ, и взглянуть бы не мѣшало. Приносившій билеты *Петерсъ* сказывалъ, что Штейнсбергъ ожидаетъ *Галтенгофа* и *Гунніуса* съ семействомъ; одинъ славный теноръ, а другой басъ, знаменитый въ Германіи. Постомъ будутъ репетировать большія оперы: «*Волшебную Флейту*», «*Донъ-Жуана*», «Die Entführung», «*Аксура*», «*Оберона*» и проч., и проч. Пріятельница моя, меньшая Соломони, поступаетъ въ труппу примадонною, и нѣтъ сомнѣнія, что съ ролями Донны-Анны, Констанціи и Памины справится лучше, нежели съ ролью вертлявой Лизеты. Простить ей не могу эту Лизету: изъ чего я трудился?

23 Февраля, Четвергъ. Неожиданно посѣтили меня Максимъ Ивановичъ [1]) и общій дѣдушка Василій Алексѣевичъ. Первый приходилъ узнать, говѣю ли я? Что за умный и добрый человѣкъ этотъ Максимъ Ивановичъ! Какихъ гоненій онъ не натерпѣлся за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ, какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе! При всей своей бѣдности онъ не ищетъ ничьей помощи, хотя многіе старинные сотоварищи его, какъ напр. Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ и Походяшинъ, принимаютъ въ немъ живое участіе и желали бы пособить ему. Ходитъ себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частію изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ; говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его*.

Съ дѣдушкою все оказіи: потерялъ послѣдній свой зубъ и жалуется, что ноги лѣниво ходятъ. Не мудрено: недавно стукнуло полныхъ 78; а между тѣмъ какая удивительная память! Всѣ піесы, какія сформировалъ онъ, въ продолженіе 35-лѣтней бытности своей суфлеромъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, помнитъ наизустъ, а біографіи и закулисныя похожденія актеровъ и актрисъ его времени разсказываетъ во

[1]) Невзоровъ. П. Б.

всей подробности: какъ по книгѣ читаетъ. Преинтересный старичокъ. Теперь живетъ у Н. П. Аксенова, который призрѣлъ и успокоилъ старика, а сверхъ того добываетъ нѣсколько и самъ перепиской бумагъ у знакомыхъ, и пишетъ, хотя медленно, но четко—жемчужкомъ. Для меня онъ сущій кладъ: вотъ два года, какъ я пользуюсь его досужествомъ хорошаго переписчика и анекдотиста; живой, ходячій театральный архивъ, а къ тому же имѣетъ настоящее понятіе объ искусствѣ. Любопытны разсказы его о прежнихъ придворныхъ актерахъ Французскихъ и сравненіе ихъ съ нашими Русскими. Когда-нибудь запишу всѣ его анекдоты. Онъ оживляется за бутылкою хорошаго пива, это одна его прихоть; а за пивомъ дѣло не станетъ; надобно пользоваться памятью старика, котораго время *близъ есть и дни изочтены суть*.

26 Февраля, Воскресенье. Отговѣли, какъ слѣдуетъ христіанамъ. Я отдохнулъ и освѣжился. Кажется смѣшно, чтобы въ 17 лѣтъ нужно было освѣженіе; однакоже это такъ: въ продолженіе года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее съ себя *банею покаянія*. Теперь только я начинаю понимать, какъ полезно было для меня это Русское деревенское воспитаніе, надъ которымъ такъ издѣвались сосѣди, эти ежедневные утрени, молебны и всенощныя, въ которыхъ я исправлялъ должность дьячка, читалъ славословіе, каѳизмы, пареміи, пѣлъ ирмосы, кондаки, антифоны и проч. Все это пригодилось мнѣ не только въ нравственномъ, но и въ общественномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые оцѣнили это воспитаніе и обратили его мнѣ *въ средство*; а прочее, чего, по мнѣнію великолѣпныхъ В. и велеумныхъ М. и Б., мнѣ недоставало, пришло само собою, такъ что я успѣлъ не только догнать, но и перегнать пресловутыхъ товарищей моего дѣтства, старѣйшихъ меня лѣтами, которыхъ мнѣ всегда въ образецъ ставили. Но вотъ, кажется, я и превозноситься сталъ! А давно ли еще повторялъ молитву: «Духъ цѣломудрія, смиренномудрія и любви даруй ми рабу Твоему». Таковъ человѣкъ!

У Французскихъ актеровъ затѣялась исторія по случаю перемѣщенія *Бальи* въ Петербургскую придворную труппу на трехтысячный окладъ, по одному его письму къ А. Л. Нарышкину и безъ вѣдома его товарищей. Вся труппа въ большой суматохѣ и посылала депутатовъ *Дюпаре*, *Белькура* и *Меріенна* жаловаться главнокомандующему, который это дѣло отъ себя отклонилъ. Дѣлать нечего: они, т. е. актеры, хотятъ публиковать въ газетахъ о поступкѣ *Bailli*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объявить публикѣ, что, по принятымъ ими мѣрамъ, такихъ случаевъ больше не будетъ. Смирновъ переводилъ имъ объявленіе.

Кстати о Французахъ. Венюковъ приносилъ какую-то вышедшую на дняхъ повѣсть, или сатиру: *«Французъ на дрожкахъ или забавное приключеніе m-r Petie-Diablette въ Москвѣ»*. Охота же покупать такой вздоръ; гдѣ онъ его откапываетъ?

28 Февраля, Вторникъ. Завтра имянинница Авдотья Селиверстовна Небольсина. Вѣроятно весь городъ, по обыкновенію, будетъ у ней. Нельзя не поздравить хорошую, ласковую сосѣдку, которая въ такой связи со всѣми боярами.

Насилу, насилу могъ добыть Четверо-Евангеліе, изданное нашимъ Харитономъ Андреевичемъ [1]) и посвященное Государю. Все изданіе въ 600 экземплярахъ разошлось въ два года. Чтȯ за необъятный, почтенный трудъ! Ни одного слова не упущено, ни одного не прибавлено, а между тѣмъ всѣ происшествія Евангельской исторіи и всѣ поученія Спасителя слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, и читаешь ихъ какъ будто писанныя однимъ человѣкомъ. Митрополитъ чрезвычайно уважаетъ Хар. Андр. за этотъ трудъ, и преосвященный викарій Августинъ отзывается о немъ съ чрезвычайною похвалою. Непремѣнно послалъ бы эту книгу къ матушкѣ, да боюсь бабушки: пожалуй старушка почтетъ франкмасонскою книгою и прогнѣвается. Досталось же отъ ней и покойному М. В. М [2]). за то, что въ придѣлахъ великолѣпной церкви своей устроилъ печи. Съ поръ тѣхъ перестала ссужать его деньгами, а прежде отказа не было.

2 Марта, Четвергъ. Вчерашнимъ утромъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ имянинницѣ [3]); но она не принимала, а швейцаръ объявилъ, что *покорнѣйше просятъ на вечеръ.*—А много у васъ будетъ гостей?—Да приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ, а *званыхъ* нѣтъ: *тихой балъ* назначенъ.

Нечего сказать, *тихой балъ!* Вся Поварская въ буквальномъ смыслѣ запружена была экипажами, которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Кажется, весь городъ втиснутъ былъ въ гостинныя А. С. Чужая душа потемки, но принимать гостей мастерица. Всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному; всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди, словомъ, дѣлай, чтȯ хочешь; только не спорь слишкомъ громогласно и съ запальчивостію: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная съ главнокомандующаго до на-

[1]) Чеботаревымъ.

[2]) Матвѣю Васильевичу Муромцову, тоже Данковскому помѣщику. См. Воспоминанія его сына въ „Русскомъ Архивѣ" сего года. П. Б.

[3]) Къ Авдотьѣ Селиверстовнѣ Небольсиной. Домъ ея, если не ошибаемся — нынѣ Д. А. Беклемишевой (бывшій А. И. Кошелева) на углу Трубнаго переулка. П. Б.

шего брата студента, отъ альфы до омеги? Графъ Растопчинъ, князь Юр. Влад. Долгорукой, П. С. Валуевъ, Обрѣзковъ, кн. Вяземскій, сен. Алябьевъ, Мухановъ, кн. Голицыны, Марковъ, Кутузовъ, Волконскій, Спиридовъ, Лопухины, Мамоновъ, Обольяниновъ, графъ Салтыковъ съ своимъ неразлучнымъ Брокомъ и проч. и проч., словомъ, почти вся Московская знать. Я заслушался гр. Растопчина. Что́ это за увлекательный образъ изъясненія! Анекдотъ за анекдотомъ, одной чертой такъ и обрисуетъ человѣка, и между тѣмъ о своей личности ни слова. По короткости своей съ имянинницею онъ, говорятъ, сдѣлалъ ей пресмѣшной сюрпризъ: замѣтивъ, что она любитъ пастеты, онъ прислалъ съ Брокеромъ къ ней, за минуту до обѣда, преогромный пастетъ, будто бы съ самою нѣжною начинкою, который и поставили передъ хозяйкою; въ восхищеніи отъ вниманія любезнаго графа, она, послѣ горячаго, просила Брокера вскрыть великолѣпный пастетъ—и вотъ показалась изъ него безобразная голова Миши, извѣстнаго карла к. Х., а потомъ вышелъ онъ и весь съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ.

Ужинъ былъ человѣкъ на сто, очень хорошій, но безъ преступнаго Бородинскаго излишества. За однимъ изъ маленькихъ столиковъ, не подалеку отъ меня, сидѣли двѣ дамы и трое мущинъ, въ числѣ которыхъ былъ Павелъ Ивановичъ Кутузовъ, и довольно горячо разсуждали о литературѣ, цитуя поочередно любимые стихи свои. А. Д. У., очень умная и бойкая дѣвица, хотя уже не первой молодости, прочитала стихотвореніе Колычова *Мотылекъ*, и сказала, что оно ей нравится по своей наивности, и что Павелъ Ивановичъ такого не напишетъ. Поэтъ вспыхнулъ. «Да знаете ли, сударыня, что я на всякія заданныя рифмы лучше этихъ стишонковъ напишу?—Нѣтъ, не напишете.—Напишу.—Не напишете.—Не угодно ли попробовать? - У—я осмотрѣлась кругомъ, подумала и, услыхавъ, что кто-то изъ гостей съ жаромъ толковалъ о Персидской войнѣ и нашихъ плѣнныхъ, сказала: «Извольте, вотъ вамъ четыре рифмы: *плѣнъ*, *оковы*, *безмѣнъ*, *подковы*; даю вамъ сроку до конца ужина». П. И., съ раскраснѣвшимся лицомъ и горящими глазами, вытащилъ бумажникъ, вынулъ карандашъ и погрузился въ думу. Прочіе продолжали разговаривать. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ съ торжествомъ выскочилъ изъ-за стола. «Слушайте, сударыня; а вы, господа, будьте нашими судьями»; и онъ громко началъ читать свои bouts-rimés:

Не бывши на войнѣ, я знаю, что есть *плѣнъ*,
Не бывъ въ полиціи, извѣстны мнѣ *оковы;*
Чтобъ свѣсить прелести, не нуженъ мнѣ *безмѣнъ*:
Падешь къ твоимъ стопамъ, хоть были бъ и *подковы*.

«Браво, браво»! вскричали судьи, и приговорили У. просить извиненія у П. И., который такъ великодушно отмстилъ своей противницѣ.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ сказалъ, что если кузенъ его Василій Львовичъ Пушкинъ, считающій себя первымъ докою на bouts-rimés и экспромты, узнаетъ объ этихъ стихахъ, то съ нимъ сдѣлаются спазмы, если что-нибудь не хуже, тѣмъ болѣе, что П. И. *другой секты въ литературѣ*.

Говорятъ, что графъ Ростопчинъ пишетъ большую комедію въ Русскихъ нравахъ. Вотъ бы Кудрявцовъ къ кому свозилъ меня вмѣсто графа Каменскаго: полезнѣе бы для меня было. Но я попрошу обязательную сосѣдку, чтобы она меня представила.

4 Марта, Суббота. Дѣдушка притащилъ мнѣ мои лекціи и вмѣстѣ свѣдѣніе о составѣ Русской труппы; сказывалъ, что она точно присоединяется къ театральной дирекціи, и что нѣкоторые сюжеты перемѣщены будутъ на Петербургскій театръ. Между прочимъ, бесѣдуя о томъ о семъ, за бутылкою *бархатнаго*, дѣдушка разговорился о прежнихъ Петербургскихъ актерахъ и къ удивленію моему осмѣлился возстать съ критикою на великаго *Дмитревскаго*, который, по мнѣнію его, былъ человѣкъ *умный*, *вѣжливый* и *тонкій придворный*, но въ сущности превосходнымъ актеромъ никогда не былъ и быть имъ не могъ, потому что не имѣлъ ни сильныхъ чувствъ, ни звучнаго органа, ни чистаго произношенія; читалъ стихи и даже прозу нараспѣвъ и, за недостаткомъ физическихъ средствъ, гонялся кстати и некстати за какими-то эффектами. Славу будто бы пріобрѣлъ онъ отъ того, что Императрица изволила его жаловать, что онъ былъ мужъ просвѣщенный и образованный путешествіями, и что въ это время другаго лучшаго актера не было. Но за то актриса М., которая едва-едва знала грамотѣ, а писать вовсе не умѣла, которой всякую роль начитывали, была удивительная актриса. «Уу, Господи Боже мой, что̀ за буря! (дѣдушка припрыгнулъ), суфлировать не поспѣешь, забудешься; рветъ и мечетъ, такъ и бросаетъ въ лихорадку; а сойдетъ со сцены — *дура-дурой!*» О нѣкоторыхъ тогдашнихъ Французскихъ актерахъ относился онъ съ восторгомъ. «Вотъ, говоритъ, напримѣръ хоть *Флоридоръ*, подлинно было кого послушать и посмотрѣть въ «*Магометѣ*» или «*Танкредѣ*»; на сценѣ красавецъ, голосъ звучный, поступь благородная, что̀ слово скажетъ, какъ рублемъ подаритъ; или *Офренъ*, кажется, самъ по себѣ и невзраченъ, а ужъ что за актеръ! Когда, бывало, играетъ Зопира, Аржира или Августа—такъ всѣ навзрыдъ и плачутъ. Я, грѣшный человѣкъ, по-французски худо маракую, но, стоя за кулисами, отъ Офрена

всегда приходилъ въ душевное волненіе и даже плакалъ. А ужъ какіе благородные люди!» Тутъ дѣдушка разсказалъ мнѣ, какъ знатная и богатая дама, послѣ представленія «Танкреда», призвала Флоридора, и, наговоривъ ему тысячу вѣжливостей, просила принять отъ нея въ память доставленнаго ей удовольствія золотую табакерку со вложеніемъ ста имперіаловъ, что Флоридоръ принялъ табакерку съ благодарностію, но отъ денегъ отказался, сказавъ, что актеръ, имѣющій счастіе принадлежать театру Великой Екатерины, въ деньгахъ нужды имѣть не можетъ, и всякая сумма, пріобрѣтенная въ Россіи мимо высочайшихъ щедротъ, для него предосудительна. Разумѣется, Императрица узнала о томъ на другой же день, и при первомъ случаѣ гордый Танкредъ получилъ двойное вознагражденіе.

8 Марта, Середа. Физическія лекціи П. И. Страхова часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Я не пропускаю и не пропущу ни одной, сколько бы ни было другаго дѣла. П. И. говоритъ просто, ясно и увлекательно. Изъ дамъ обыкновенныя посѣтительницы кн. У—ва и П—на*). Прекрасно также говоритъ и Пав. Аѳ. Онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ, и потому не могу опредѣлить достоинство нашего профессора сравнительно съ прочими, но признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ. Однакоже, вотъ и онъ, скромный и благородный человѣкъ, попалъ на зубокъ какому-то зоилу, который сострилъ эпиграмму на журналъ его:

Каковъ журналъ?—Не хватскій!
Издатель кто?—Сохацкій!
Читатель кто жъ?—Посадскій!

10 Марта, Пятница. Сегодня, наконецъ, я слышалъ эту знаменитую пѣвицу, которою нѣкогда восхищалась вся Европа. Въ Вѣнѣ носили ее на рукахъ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ въ карету ея запрягались Нѣмцы, а въ Италіи сходили отъ нея съ ума. Я слышалъ эту *Мару*, отъ которой теперь съ ума сойти нельзя, а взбѣситься можно за истраченныя безъ удовольствія на концертъ ея деньги. Что славная пѣвица постарѣла и подурнѣла, это въ порядкѣ вещей; но не въ порядкѣ вещей, съ дребезжалымъ голосомъ и фальшивыми нотками, давать концерты и собирать съ насъ по пяти рублей. Добро бы она принадлежала къ разряду тѣхъ пѣвицъ, которыя, какъ описываетъ ихъ остроумный враль Бородулинъ,

Выводятъ больно громко трели,
За тѣмъ, что ничего не ѣли.

*) Писавшая стихи княжна Урусова и Елена Григорьевна Пушкина? *П. Б.*

Нѣтъ, *Мара* должна быть не въ этой категоріи, а вѣроятно поетъ отъ того, что хочетъ аплодисментовъ, или путешествовать на чужой счётъ. Говорятъ, она великая музыкантша; да что̀ изъ этого? Это домашнее ея качество, которое, если она ничего не сочиняетъ, ничѣмъ не доказывается. Вотъ *Манжористи* такъ пѣвица! Тоже не молода и не хороша, зубы хуже зубовъ всякой Коломенской купчихи — уголь углемъ, а заслушаешься. Пусть она не музыкантша, да, послушавъ ея, кто можетъ сказать, чтобы она не была музыкантшею?

Однакоже, какъ ни черны зубы г-жи *Манжористи*, но они чуть не были причиною дуэли на пистолетахъ между двумя немолодыми уже повѣсами. Демидовъ, сидя въ креслахъ возлѣ Черемисинова и будучи въ восторгѣ отъ пѣвицы, изъявлялъ его громкимъ и безпрестаннымъ повтореніемъ всѣхъ гласныхъ буквъ въ Русской азбукѣ: А! Э! И! О! У! Видно, это надоѣло Черемисинову, который, вдругъ обратясь къ диллетанту, сказалъ: «Да чѣмъ восхищаетесь вы? Посмотрите, что̀ за ротъ и какіе зубы!—М. г., отвѣчалъ Демидовъ, это ваше дѣло, а мнѣ смотрѣть ей въ зубы не зачѣмъ: она не продажная лошадь!» Слово за слово, и дуэль бы состоялась, если бы умный Александръ Александровичъ Волковъ не помирилъ противниковъ. Надобно сказать, что Черемисиновъ когда-то и кому-то продалъ лошадь съ поддѣланными зубами; а такой поступокъ въ матушкѣ Москвѣ *не забывается* и въ свое время *отзывается*.

13 Марта, Понедѣльникъ. Мы воспользовались свободною Суботою и вчерашнимъ Воскресеньемъ, чтобы съѣздить въ *Кусково* графа Шереметева и *Люблино*, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространныя оранжереи, наполненныя померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несмѣтнымъ количествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Намъ сказали, что эти оранжереи въ настоящее время года бываютъ во всей пышности и красотѣ своей; въ самомъ дѣлѣ, я никогда не видалъ ничего подобнаго. Совершенное царство Флоры! Кусковскія оранжереи удивляютъ количествомъ и огромностью своихъ померанцевыхъ деревъ и богатствомъ произрастеній, но не такъ чисто содержаны, какъ Люблинскія; послѣднія несравненно пріятнѣе и роскошнѣе; видно, что за всѣмъ бдительно наблюдаетъ самъ хозяинъ, котораго какъ нарочно тутъ и повстрѣчали. Онъ въ продолженіе всей зимы имѣетъ привычку по воскреснымъ днямъ обѣдать съ пріятелями въ Люблинскихъ своихъ оранжереяхъ. Не предполагая этой встрѣчи, мы было сами хотѣли завтракать въ зелени, ins Grüne, для чего и привезли съ собою кой-какой провизіи; но гостепріимный Н. А. до того не допустилъ. Онъ видалъ П. И. въ домѣ родственника своего, бригадира Мельгунова, и

х) о Люблинѣ и Дурасовѣ см. Ю. Шамурин, Подмосковныя, т. I стр. 82, (М. 1914)

тотчасъ же пригласилъ насъ обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Сколько мы ни отговаривались (разумѣется изъ церемоніи), но онъ настоялъ, говоря, что отказъ нашъ его обидитъ. Онъ очень богатъ, а еще болѣе радушенъ. Въ два часа пріѣхали гости: кн. Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ, кн. Оболенскій, какой-то красивый Французъ Моро, двѣ очень хорошенькія и бойкія иностранки, Еф. Еф. Ренкевичъ, Александръ Александровичъ Арсеньевъ и докторъ Доппельмейеръ. Всѣхъ насъ было человѣкъ 12, но столъ былъ накрытъ кувертовъ на 30. Только что сѣли за столъ, подоспѣли новые гости: старинный и любимѣйшій учитель пѣнія, кастратъ *Мускети*, который даетъ въ Москвѣ уроки дамамъ и дѣвицамъ въ третьемъ ихъ поколѣніи, рослый и тучный bon vivant и gourmé, и съ нимъ знакомецъ мой, молодой *Нейкомъ*, живущій у Штейнсберга, капельмейстеръ и сочинитель музыки, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ великаго Гайдна. Я удивился, увидя ихъ вмѣстѣ; но загадка скоро объяснилась: *Мускети*, какъ истинный и безпристрастный знатокъ въ дарованіяхъ музыкальныхъ, желая удержать непремѣнно *Нейкома* въ Москвѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его капельмейстеромъ къ Дурасову или къ Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которыхъ оркестры считаются лучшими и полнѣйшими. Я едва могъ узнать *Нейкома* въ его огромномъ жабо, закрывавшемъ ему всю бороду, и не знаю, какъ онъ могъ справиться съ кушаньемъ; а серьги? Серьги чуть-чуть не съ переднія колеса моихъ дрожекъ. Богъ знаетъ, кто научилъ его такъ одѣться. Хорошенькія мамзели, смотря на даровитаго музыканта, безпрестанно ухмылялись.

Обѣдъ былъ чудесный и, какъ сказывалъ хозяинъ, состряпанъ изъ одной домашней провизіи крѣпостною его кухаркою; у него есть и отличные повара, но онъ предпочитаетъ кухарку по необыкновенной ея опрятности. Стерляди и судаки изъ собственнаго его пруда; чудовищные раки ловятся въ небольшой, протекающей по Люблину, рѣчкѣ; спаржа, толщиною чуть не въ палку, изъ своихъ огородовъ; нѣжная и бѣлая какъ снѣгъ телятина со своего скотнаго двора; фрукты собственныхъ оранжерей; даже вкусное вино въ родѣ Шампанскаго, которымъ онъ безпрестанно всѣхъ насъ подчивалъ, выдѣлывается у него въ Крымскихъ деревняхъ изъ собственнаго же винограда. Необыкновенный хозяинъ! А къ тому же и не дорожитъ ничѣмъ; видно, что не хвастунъ: все у него дрянь, «*совершенная дрянь-съ!*» Князь Ц. разсказывалъ множество случившихся съ нимъ происшествій, которымъ нельзя было не удивляться. Между прочимъ говорилъ онъ о какомъ-то сукнѣ, которое онъ поднесъ князю Потемкину, вытканномъ по заказу его изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ морѣ. Какихъ чу- X)

X) кн. Дмитрій Евсеевич Циціанов, знаменитый своим враньем собеседник (†1835 г.) О нем см. примеч. Б. Л. Модзалевского к Пушкину. 1923, стр. 99–102

десъ нѣтъ на свѣтѣ! Къ числу этихъ чудесъ можно отнести и то, что разскащикъ, кушая съ величайшимъ аппетитомъ и все жирное, ничего не пилъ, кромѣ полузамороженной воды. Говорилъ, что отъ роду не отвѣдывалъ ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Онъ также самъ великій хлѣбосолъ и мастеръ выдумывать и готовить кушанья. А. Л. Нарышкинъ, первый гастрономъ своего времени, когда ни пріѣзжаетъ въ Москву, ежедневно почти у него обѣдаетъ; за то и князь въ Петербургѣ угощается по-барски. Послѣ кофе мы хотѣли было откланяться, но хозяинъ опять не пустилъ, прося послушать домашнихъ его пѣсенниковъ, которые точно пѣли прекрасно съ акомпаниментомъ кларнета и рожка; между тѣмъ разносили поминутно разныхъ сортовъ ликеры домашняго же приготовленія, удивительно вкусные. Я въ жизнь свою такихъ не пивалъ; замѣтивъ, что иные наиболѣе понравились П. И., хозяинъ приказалъ нѣсколько бутылокъ положить намъ въ сани, Мы уѣхали поздно, да и какъ иначе! Не будь дѣла, а главное, еслибъ я былъ одинъ, то долго бы еще не уѣхалъ. Когда оранжерею освѣтили, она превратилась въ какой-то садъ Армиды. Счастливецъ! Сколько удовольствія и добра онъ можетъ сдѣлать другимъ!

16 Марта, Четвергъ. Неужто же въ самомъ дѣлѣ въ воскресномъ похожденіи моемъ было только на половину правды? Неужели домашнія стерляди и спаржа, дома упитанный телецъ, домашнее вино и ликеры, словомъ, *все* было *не домашнимъ*? А опрятная кухарка, а сукно изъ рыбьей шерсти и приключенія на Каспійскомъ морѣ неужто были однѣ сказки *de ma mère l'oie*. Опростоволосился же я порядочно! Пусть основаніемъ этихъ сказокъ и служитъ истинное желаніе угостить; однакоже зачѣмъ вводить въ такое заблужденіе? Мы бы ѣли съ такимъ же наслажденіемъ и столько же, хотя бы и знали, что за столомъ, кромѣ фруктовъ, ничего не было *домашняго*; а я, конопляникъ, давай разсказывать встрѣчному и поперечному, за неслыханное диво, о знаменитомъ хозяйствѣ Люблинскаго владѣльца, у котораго въ домѣ все свое, и купленнаго ничего нѣтъ; давай повторять исторію о рыбьемъ суннѣ, и очень удивлялся, почему безъ смѣха никто меня не слушалъ, покамѣстъ серьезный Петръ Тимоѳеевичъ и вовсе несерьезный Кондратьевъ не вывели меня изъ заблужденія, объяснивъ мнѣ загадку. Такъ оно вотъ что! Впрочемъ, у всякаго есть свой конекъ, и сердечная доброта заставитъ простить многое. Къ подобнымъ розсказнямъ привыкли, онѣ исчезаютъ въ воздухѣ; но радушное гостепріимство нашего Амфитріона и клеврета его остается и вошло въ пословицу. Пусть у одного будетъ все домашнее, а другой носитъ фраки изъ выдуманнаго имъ сукна, а я бы не прочь водиться всегда съ

такими людьми. Одна бѣда: вострoглазая А. П. не перестаетъ теперь преслѣдовать меня рыбьимъ сукномъ, а злодѣй Н. Т. совѣтовалъ уже мнѣ обратиться по принадлежности къ Антонскому, какъ профессору энциклопедіи и натуральной исторіи, за свѣдѣніями о рыбьей шерсти.

Но вотъ мистификація почище. Вчера въ Петровскомъ театрѣ смотрѣли мы искусника *Транже*, который объявилъ въ газетахъ, что онъ *невиданный волтижеръ, покажетъ искусство свое на 50 ф. отъ земли и будетъ ходить по потолку внизъ головою*. Какъ не взглянуть на такое диво! Прежде вертѣлся онъ мельницею на повѣшенномъ довольно высоко канатѣ; а послѣ, заставивъ себя раскачать, бросился въ повѣшенный предъ нимъ бумажный тамбуръ и выскочилъ изъ него переодѣтый старухою. Затѣмъ, подвязавъ къ подошвамъ крючья, началъ цѣпляться ногами одна за другою за вбитые въ потолокъ такіе же крючья, и такъ перебрался чрезъ весь театръ. Вотъ и все тутъ хожденіе по потолку; по мнѣнію моему, эти штуки приличествовали бы масляничному балагану, а между тѣмъ Транже собралъ не менѣе 1000 рублей. Онъ открываетъ манежъ и школу волтижированія въ домѣ князя Дадьянова, на Лубянкѣ.

20 Марта, Понедѣльникъ. У К. А. М—вой [1]) продолжаютъ собираться по вечерамъ лучшіе музыканты и любители Нѣмецкой ученой музыки. Вчера неожиданно пріѣхалъ угрюмый и строгій преподаватель генералъ-баса, старикъ *Геслеръ*. Знаю, что Москва любитъ *своихъ* музыкантовъ, т. е. тѣхъ, которые въ ней долго живутъ и къ которымъ она привыкла; но такихъ знаковъ уваженія, какіе вообще оказываютъ этому товарищу и другу Гайдна, я признаюсь, не ожидалъ: только что на рукахъ не носятъ. *Геслеръ* точно достоинъ всякаго уваженія, какъ сочинитель музыки и какъ человѣкъ. Старикъ очень обрадовался, встрѣтивъ Нейкома, и дружески пѣнялъ за то, что рѣдко его видитъ. Потомъ, оборотясь къ хозяйкѣ, сказалъ: «Wir sind Kinder des nämlichen Vater» [2]), разумѣя Гайдна. Потомъ сѣлъ за фортепіано и началъ разыгрывать Турецкій хоръ и маршъ сочиненія Нейкома изъ *Titan-Mann* (Карла XII), которымъ искренно восхищался. Говорилъ, что время настоящей музыки прошло, что теперь, кромѣ Французскихъ романсовъ и ученическихъ арій Крейслера и Венцель-Миллера изъ Donauweibchen и Teufelsmühle, онъ ничего другаго въ обществѣ не слышитъ, и что онъ всегда сердечно радуется, когда изрѣдка попадают-

1) Екатерины Александровны Муромцовой, ур. Волконой. Моцартъ посвятилъ ей одну изъ своихъ сонатъ. См. „Русскій Архивъ“ сего года I, 60. П. Б.

2) Мы дѣти одного и того же отца.

1) Joh. Wilh. Hässler (1747-1822). О нем см. Собр. соч. Грибоедова, изд. Ак. Наук. 1911, т. I, статья Проф. Булича, стр. 307-308

ся ему такія сочиненія, какъ Нейкомовы, которыя такъ изобилуютъ богатствомъ, разнообразіемъ и силою музыкальныхъ идей. Сказывалъ, что по старости лѣтъ онъ сбирается оставить уроки и желалъ бы ихъ передать *Нейкому*, если онъ поселится въ Москвѣ. Но, кажется, это дѣло несбыточное: Нейкомъ имѣетъ въ виду Веймаръ, а оттуда, по совѣту *Гёте*, намѣренъ ѣхать въ Парижъ. Великій Германскій поэтъ покровительствуетъ молодому Нейкому за сочиненіе превосходныхъ хоровъ къ Фаусту, и снабдилъ его письмомъ къ Петербургскому другу своему генералу *Клингеру*.

На другомъ концѣ города, т. е. на Пречистенкѣ, бываютъ музыкальныя собранія въ другомъ родѣ. У Н. А. Всеволожскаго еженедѣльно по Четвергамъ разыгрываются квартеты, въ которыхъ участвуютъ всѣ лучшіе музыканты, какіе только находятся въ Москвѣ. Въ прошедшемъ году первую скрипку держалъ *Роде*, а въ нынѣшнемъ будетъ играть приму *Бальо*, альта *Френцель*, и на віолончели по прежнему *Ламаръ*. Есть чего послушать! Вся знать бываетъ на этихъ концертахъ. Братецъ И. П. Поливановъ, короткій пріятель В., обѣщалъ меня ему представить. Нетерпѣливо этого ожидаю.

Я и не зналъ, что комедія «*Ботъ* или Англійскій Купецъ», переведена молодымъ княземъ Долгоруковымъ [1]); не даромъ старый князь такъ занимается театромъ, а любимецъ его Плавильщиковъ такъ хорошо играетъ *Бота*. Эта роль его торжество.

25 Марта, Суббота. Колымажный манежъ есть покамѣстъ лучшій манежъ въ городѣ для обученія. Старикъ *Кинъ*—самый добросовѣстный Нѣмецъ и мастеръ своего дѣла. Графъ Орловъ-Чесменскій покровительствуетъ ему не безъ причины: *Кинъ* этого стóитъ. Онъ не даетъ зашаливаться ученикамъ своимъ, кто бы они такіе ни были: угодно учиться—милости просимъ, а гонять лошадей безъ цѣли не позволяетъ. Учишься, такъ ѣзди безъ стремянъ, покамѣстъ ихъ не заслужишь; когда же дадутъ стремена—заслуживай шпоры. Чтó дѣло, то дѣло. Со временемъ всѣ будутъ ему благодарны, хотя теперь и ропщутъ. Кромѣ учениковъ и молодыхъ людей, кончившихъ ученье и ѣздящихъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ для проѣздки ихъ, въ опредѣленные часы собирается въ манежъ много извѣстныхъ любителей верховой ѣзды, кавалеровъ и дамъ. Послѣднимъ даетъ уроки помощникъ *Кина*, берей-

[1]) Княземъ Михаиломъ Михаиловичемъ, который, въ царствованіе Николая Павловича, былъ сосланъ въ Верхотурье (но не по дѣламъ политическимъ). Онъ былъ женатъ на дочери адмирала Рибаса. Это родной дѣдъ княгини Юрьевской. П. Б.

торъ *Шульцъ*, красивый мужчина среднихъ лѣтъ и отличный ѣздокъ. Сегодня въ манежѣ были: молодая княгиня Урусова, княжны Гагарины, Щербатовы и К. А. Карамзина вмѣстѣ съ мужемъ; послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціону. Лучшими ѣздоками въ городѣ считаются братья Соковнины, князь Дадьяновъ, младшій Алябьевъ, Ив. П. Бибиковъ и Брокъ, живущій у гр. Салтыкова. У нихъ затѣвается большая карусель, только не условились еще въ назначеніи распорядителя.

Кинъ особенно расположенъ ко мнѣ за то, что я кротко обращаюсь съ лошадьми; зато я имѣю исключительную привилегію ѣздить на старомъ, бѣломъ *Фрипонѣ*, фаворитной лошади покойнаго Государя, которая находится въ Колымажномъ на пансіонѣ. Мы взаимно другъ другу полезны: мнѣ ученье, а ему моціонъ. Фрипонъ очень любитъ сахаръ, и я никогда не сажусь на него и съ него не слѣзаю безъ того, чтобы не дать ему по нѣскольку кусочковъ. Бѣдняга отвыкъ отъ этого лакомства, и когда я его подчую, онъ смотритъ на меня своими большими черными глазами такъ умно, такъ умно, что, кажется, такъ и хочетъ сказать мнѣ спасибо. Непродажному коню цѣны нѣтъ, но что̀ еслибы этотъ старичекъ продавался?

Намедни мой П. И., проѣзжая мимо манежа, захотѣлъ взглянуть на наши подвиги; вдругъ пришла ему фантазія самому поѣздить верхомъ. То-то былъ смѣхъ! Онъ отъ роду не садился на лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ, держась то за гриву, то за луку сѣдла, онъ сошелъ съ лошади, говоря, что это не магистерское дѣло. Я замѣтилъ, что Антонскій и профессоръ, а лѣтомъ ежедневно катается верхомъ, даже иногда и съ дамами. Дѣло другое, возразилъ онъ, Антонскій, *профессоръ энциклопедіи*.

Завтра свободный день. Надобно исполнить коммиссію батюшки и потаскаться по Англичанамъ для выбора заводскаго жеребца. Въ этомъ дѣлѣ могъ бы вѣрнѣе всѣхъ руководствовать меня Н. П. Аксеновъ; но у него есть продажные жеребцы своего завода, которые батюшкѣ не нравятся, потому что не того сорта, какіе ему нужны; слѣдовательно Аксенова тревожить не кстати. Авось обойдемся и безъ него.

27 Марта, Понедѣльникъ. Ни одинъ изъ Англичанъ не показалъ вчера лошадей своихъ, отзываясь Воскресеньемъ: просили пріѣхать въ простой день. Воскресенье у нихъ тоже, что̀ у Жидовъ Субота: полный шабашъ для людей и животныхъ. Не спорю, что этого обычая можно держаться въ отношеніи къ работѣ; но развѣ вывести изъ ко-

нюшни лошадь на показъ есть работа? Теперь придется ѣхать не иначе, какъ въ Суботу, или уже на Страстной; потому что на этой недѣлѣ рѣшительно свободнаго времени не будетъ. Между тѣмъ въ Суботу утреннее гулянье на вербахъ; такъ видно до Страстной.

Какъ я радъ, что добрый Сокольскій становится довольнѣе мною: я выучилъ дроби, и скоро примемся за тройное правило. Дашковъ смѣется, что я того и гляди заткну за поясъ Загорскаго съ его курсомъ Безу. Нѣтъ, поздно! Чтобы успѣть въ какомъ-нибудь дѣлѣ, надобно любить его; а я безъ отвращенія не могу смотрѣть на этотъ проклятый цыфирь. То ли дѣло наша деревенская бирка или конторскіе счёты?

29 Марта, Середа. Коропъ сказывалъ, что дебютъ Граве назначенъ 11 числа Апрѣля, т. е. во Вторникъ на Святой недѣлѣ, въ какой-то преглупой пьескѣ «Der Gimpel auf der Messe», т. е. «Снѣгирь на ярмаркѣ» подъ условленною фамиліею *Нето*. На пробахъ онъ не показалъ ни искры таланта, былъ очень дуренъ и смѣшенъ, и заботился только о томъ, чтобы цѣловать мадамъ Штейнсбергъ, какъ предписывала піеса; сколько ему ни говорили, что на репетиціяхъ этого не водится, но онъ настаивалъ на своемъ, что̀ чрезвычайно забавляло Штейнсберга. Ну, г. *Снѣгирь-Нето*, просимъ не прогнѣваться, а мы отдѣлаемъ тебя ни въ строй, ни къ смотру. Кажется, малый — душа, а дѣлаетъ глупость, которая можетъ испортить всю карьеру по службѣ его въ Кремлевской Экспедиціи. Пострѣлъ!

1 Апрѣля, Суббота. Вмѣстѣ съ присланнымъ отъ батюшки конюшимъ обрыскали мы вчера и сегодня утромъ всѣхъ Англичанъ и даже не Англичанъ, и я успѣлъ попасть на гулянье въ свое время. Народу было бездна, но блистательныхъ экипажей и упряжекъ не было: берегутъ для святонедѣльныхъ гуляній. Главнокомандующій два раза проѣхалъ со всею свитою. Знакомыхъ встрѣтилъ мало, но тѣмъ, которыхъ встрѣтилъ, былъ радъ-радешенекъ, и завтра по приглашенію поѣду обѣдать къ нимъ.

И пусть надъ мною неизбѣжный
Судьбы свершится приговоръ!

А тутъ и риѳма кстати: *вздоръ*.

Разумѣется, вздоръ! Пообѣдаемъ, порѣзвимся; меня поласкаютъ, надо мною потрунятъ, спросятъ, не изъ *рыбьяго* ли сукна мой фракъ? И только, да чего же больше? Я увѣренъ, что еслибы могло быть *больше*, было бы *меньше*. Разгадка этой загадки моя тайна, а другимъ до нея дѣла нѣтъ.

Такой лошади, какая нужна отцу моему, у Англичанъ не нашли; но у графа Орлова, Загряжскаго и Давыдова видѣли нѣсколько лошадей, которыхъ конюшій облюбовалъ и говоритъ, что именно такого жеребца и приказано купить. Больше всѣхъ понравился намъ жеребецъ у Загряжскаго: бурый въ маслѣ, большаго роста, широкій, ноги плотныя. шея лебединая съ зарѣзомъ, голова небольшая, уши вострыя, глаза на выкатѣ и оскалъ такой, что въ ноздрю хоть кулакъ суй. Хвостъ и грива жиденьки, но за то мягки какъ шелкъ: признакъ породы. Конечно, дорого: меньше 800 р. не отдадутъ; да еще придется давать на поводъ, однакоже дѣлать нечего, купить необходимо: весна на дворѣ. Дай только Богъ угодить отцу.

Видѣли у Банкса *Даппля* отъ Дельпини и *Гартофъ-ока* отъ Метеора; у Ив. Смита *Серъ-Роуланда* отъ Вальпута, и *Фопа* отъ Волонтера; у Жаксона, фаворита Московскихъ охотниковъ *Тромпетера* отъ Трумпатора. Всѣ лошади отличныя, но Даппль—краса лошадей. Тромпетеръ очень красивъ, но малъ и тонокъ. Да, у Москвы свой собственный вкусъ. Теперь мода на рыжихъ лошадей съ фонарями, т. е. съ проточинами. Каковы бы онѣ качествомъ ни были, цѣна имъ вдвое.

6 Апрѣля, Четвергъ. Л—скій староста привезъ отъ матушки письмо, которымъ увѣдомляетъ о кончинѣ добрѣйшаго Ив. Ив. Л—го и поручаетъ мнѣ выбрать ему надгробный памятникъ, на покупку котораго крестьяне міромъ посылаютъ 400 рубл. Такая сумма для деревни въ 60 душъ не маловажна! Приходскій священникъ придумалъ для памятника и надписи; съ одной стороны: «*Благодѣтельному помѣщику* (имя рекъ) *отъ благодарныхъ крестьянъ*»; а съ другой: «*Бѣ человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ*». Первую вырѣзать можно и должно, но послѣдняя ни къ селу, ни къ городу. Если этотъ текстъ пригоденъ былъ для надгробнаго слова Собіескому, то для надписи И. И., котораго христіанская дѣятельность заключалась въ кругу чрезвычайно ограниченномъ, онъ вовсе не у мѣста. Прикажу вырѣзать просто: «*Память праведнаго съ похвалами*». И точно, дядя Ваня, какъ я называлъ его въ дѣтствѣ, былъ совершенно праведный мужъ, хотя образъ жизни его и весь онъ самъ казались непостижимо странными. Уступивъ женатому брату, по его настоятельной просьбѣ, изъ отцовскаго наслѣдства болѣе 400 душъ, со всею почти движимостью, онъ оставилъ себѣ одно небольшое имѣніе въ 60 душъ, и жилъ въ верстѣ отъ него въ лѣсу, въ сообществѣ единственной своей прислуги, стараго псаря Климыча и брюзгливой старой стряпухи; три борзыхъ сабаки и нѣсколько Вятскихъ лошадей, за которыми ходилъ и присматривалъ самъ, составляли все его движимое имущество. Онъ былъ, или казался, стра-

стнымъ псовымъ охотникомъ и часто пріѣзжалъ къ дѣду на условленныя полеванья. Какъ теперь вижу его лысую голову, его большіе на выкатѣ глаза, его смѣлый рѣшительный взглядъ и эту вѣчную добродушную улыбку; какъ теперь слышу его громкую, отрывистую поговорку и почти безпрерывный хохотъ, увлекавшій къ безотчетной веселости всю бесѣду. Помню синій патенкоровый его кафтанъ и зеленый съ откладными полями картузъ, длинный въ серебряной оправѣ охотничій ножъ и огромную коренковую, домашняго издѣлія, съ короткимъ чубукомъ, трубку, служившую ему кистенемъ и дубиною. Помню неразлучныхъ его спутниковъ, двухъ большихъ псовыхъ собакъ *Пожара* и *Пылая*, и соловую лошадку, на которую онъ, старый Немвродъ, сажалъ меня пятилѣтняго баловня, къ ужасу моей няни и прочихъ приставницъ, соблазнявшихся его издѣвками. Помню, какъ всѣ домашніе всегда радовались его пріѣзду, съ которымъ какъ будто водворялось благословеніе Божіе не токмо въ домѣ, но и въ цѣломъ селеніи; какая-то свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія. Дѣдушка не кричалъ на прикащика, прикащикъ не тузилъ мужиковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ, и все принимало видъ какого-то праздничнаго порядка, какъ будто бы наступало другое Свѣтлое Воскресенье. Памятны мнѣ всѣ разговоры домашнихъ гостей и сосѣдей, когда, проводивъ Ив. Ив., начнутъ толковать, что другаго Л—го не сыскать, что онъ, кажись, такъ старичонокъ-непосѣдъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ, собачникъ и хохотникъ, безъ проказъ ни на часъ, а между тѣмъ, что ни затѣваетъ, все къ добру и все добромъ сводитъ; что онъ Ф. помирилъ съ женою и заставилъ ихъ жить душа въ душу; что у князя О. выпросилъ сыну прощеніе и ввелъ опять въ домъ; что бѣдному Р. отхлопоталъ землю, которую отнимали ябедники; что попа, отца Евдокима, котораго оклеветали и чуть было не отрѣшили, отстоялъ предъ владыкою; что Макар—го однодворца, на котораго насѣлъ голова съ волостнымъ писаремъ и повезъ безъ очереди въ рекруты, вынесъ изъ бѣды на плечахъ. Всѣ эти толки я живо помню, и вотъ, наконецъ, этого добраго человѣка не стало. Миръ праху твоему, почтенный старецъ, *почившій въ благословеніяхъ*.

Ѣдемъ въ Соборъ на умовеніе ногъ, поучаться смиренію. Отъ души помолюсь объ усопшемъ и о себѣ. Что-то давно не было такъ грустно.

10 Апрѣля, Понедѣльникъ. Спѣшу мысленно обнять тебя, любезнѣйшій братъ, и поздравить съ наступившимъ праздникомъ. Какъ бы

желалъ сказать тебѣ лично обычное, животворящее: *Христосъ воскресе*! и въ возвратъ услышать отрадное: *воистину*! Когда-то это сбудется? Спасибо, сердечное спасибо, за все про все. Ты начинаешь ужъ слишкомъ баловать меня. Для скромнаго прожитка намъ достаточно бы было одного жалованья матушки, съ присовокупленіемъ домашней ея провизіи, а ты непремѣнно хочешь озолотить нашу жизнь! Боюсь, что щедрость твоя пріучитъ меня къ мотовству. Впрочемъ, нѣтъ! Безъ пособія твоего я не видалъ бы и не слыхалъ много такого, что̀ послужило мнѣ въ истинную пользу. Наглядная наука—спорѣе.

Ты и понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы провели съ Страстной Суботы на Свѣтлое Воскресеніе въ нашемъ Кремлѣ. «*Во истинну сія препразднественная и спасительная нощь и свѣтозарная свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница*». Мнѣ кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. Іоанна Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія! Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ какъ все безграничное Замоскворѣчье, съ его храмами и высокими колокольнями, горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія *съ высотъ священнаго Кремля* къ начатію благовѣста, и затѣмъ божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго Ивановскаго колокола, и въ одну минуту, какъ будто по какому-то электрическому сотрясенію загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасоваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ Кремлевскихъ и цѣлаго города, и въ тоже время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златокованныя иконы и кресты, духовенство въ праздничномъ облаченіи съ дымящимися кадилами, а за нимъ тьма тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ*, то признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, въ какой-то духовный восторгъ, и со слезами повторялъ въ глубинѣ души моей: *и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити* всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту.

На дняхъ опишу тебѣ свои праздничные визиты и завтрашній дебютъ Граве въ «Снѣгирѣ».

12 Апрѣля, Середа. Праздничныя поздравленія мои окончились довольно скоро, хотя я почти всѣхъ заставалъ дома. Въ продолженіе этого не встрѣчалось ничего такого, что̀ бы заслуживало особенное твое вниманіе, кромѣ многознаменательныхъ вопросовъ Т. и К. о твоемъ житьѣ-бытьѣ и нѣкоторой пени за твое молчаніе. Не могу сказать навѣрное, но кажется, какъ будто хотѣли о чемъ-то говорить со мною: вѣроятно о томъ же, какъ тебя любятъ и *жалуютъ*, *жалѣютъ* и *желаютъ*. Горе вамъ богатымъ! Вотъ наша братья совсѣмъ другое дѣло: насъ не *жалѣютъ* и не *желаютъ*, а просто христосуются съ вами по-русски: cela ne peut pas tirer à conséquence. Но послѣ необходимаго воскреснаго поцѣлуя, тутъ же и необходимый вопросъ: «а фракъ вашъ не изъ рыбьяго ли сукна?» O ma tante, ma tante! Бога она не боится!

Ну ужъ Ѳедоръ Павловичъ, одолжилъ! Думаю, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ театръ, не было актера, которому пришлось бы играть приличнѣйшую своей фигурѣ роль: вотъ ужъ настоящій скитающійся башмачный подмастерье! Маленькій, толстенькій, сутуловатый, грудочка впередъ, голова ушла въ плечи, физіономія препечальная, голосъ нищаго, и ко всему этому сѣрый изношенный сюртукъ по щеколдку, дырявая шляпа и огромный чемоданъ за плечами,—словомъ, умора! По случаю праздничныхъ дней театръ былъ биткомъ набитъ. Едва только появился нашъ Nemo, публика встрѣтила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минуть пять. Мы было хотѣли пошикать да посвистать—куда тебѣ! Никто изъ насъ не въ состояніи былъ сжать губъ отъ смѣха. Nous avons ris, nous voilà désarmés; а мы не то, чтобы смѣялись, но буквально находились въ припадкѣ истерическаго, конвульсивнаго смѣха. Неистовые крики «браво, браво», топанье ногами, стучанье палками, словомъ, всѣ обыкновенныя принадлежности театральнаго восторга сопровождали каждую фразу Снѣгиря-Nemo, и почти не давали ему говорить. Всѣ находившіеся на сценѣ актеры не могли воздержаться отъ хохота.... Но вотъ кой-какъ доплелся Nemo до сцены поцѣлуевъ. Съ какимъ-то бѣшенствомъ бросился онъ на бѣдную мадамъ *Штейнсбергъ* и началъ не то, чтобы цѣловать ее, а просто грызть, и повисъ у ней на шеѣ. Что̀ происходило за симъ, я не умѣю того выразить. Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ что умный и ловкій полиціймейстеръ В., хотя и самъ помиралъ со смѣху, принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ просьбою объ умѣреніи своего восторга. По окончаніи піесы мы отправились за кулисы взглянуть на новаго дебютанта и нашли, что *мадамъ Штейнсбергъ* въ слезахъ, а *Nemo*, приложа руку къ челюсти, охаетъ. Она только-что предъ нами отвѣсила ему прежесто-

кую пощечину.—«Что́, каково? спрашиваетъ дебютантъ; вѣдь я говорилъ, что произведу необыкновенный эффектъ!—Да, отвѣчали мы, но когда же играешь опять?—Нѣтъ, довольно: кажется, я въ два часа постарѣлъ двадцатью годами». - Слава Богу! Вѣдь свистковъ не было и принятъ съ восторгомъ. Штейнсбергъ великій знатокъ человѣческаго сердца!

Гулянья подъ Новинскимъ начались блистательно. Время стоитъ прекрасное. Экипажамъ счета нѣтъ, и кавалькадъ много. Изъ числа первыхъ болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе карета какого-то Павлова: голубая съ позолоченными колесами и рессорами, соловыя лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣна, въ бархатной пунцовой съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Чрезвычайно нарядно. Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшею показалась мнѣ та, въ которой видѣлъ я графа П. И. Салтыкова. Немногочисленна, но всѣ лошади прелесть! И. П. П. также отличался въ ней, и его старушка *Бетси* до сихъ поръ считается самою красивѣйшею лошадью въ Москвѣ.

13 Апрѣля, Четвергъ. Гулянье подъ Дѣвичьимъ было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для новаго человѣка, а то приглядишься не только къ лошадямъ и экипажамъ, но даже и къ тѣмъ фигурамъ, которыя въ нихъ сидятъ и стоятъ на запяткахъ; все одно и тоже. Однообразно и скучно; и тѣмъ болѣе скучно, что почти въ каждой физіономіи ѣдущаго или ѣдущей на показъ въ публику замѣтно одно чувство: желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ или вкусомъ. Я это заключаю, право, не изъ какой-нибудь мизантропіи, въ мои лѣта непростительной и даже невозможной, но изъ тѣхъ самодовольныхъ взглядовъ, улыбокъ, киваній головами, маханій руками, которыя замѣтилъ я у всѣхъ почти владѣльцевъ раззолоченныхъ экипажей. Какая разница въ физіономіи щеголей, идущихъ на гулянье казать себя, и тѣхъ, которые идутъ смотрѣть другихъ изъ одного любопытства или *по обязанности*; говорю *по обязанности*, потому что, какъ мнѣ толковалъ умный Николай Андреевичъ Новиковъ, всякій коренной Москвичъ обязанъ быть на извѣстныхъ гуляньяхъ, во избѣжаніе заключеній о немъ, точно такъ же, какъ и всякая Московская барышня *обязана* не пропускать на балахъ ни одного танца. Я не бывалъ на гуляньѣ 1 Мая въ Сокольникахъ; но говорятъ, что при хорошей погодѣ это гулянье восхитительно и превосходитъ всѣ другія. Нынѣшній годъ не пропущу его.

По случаю сегодняшняго гулянья подъ Дѣвичьимъ, во всѣхъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, начиная съ Всеволожскаго до Хитровыхъ *), назначены большіе вечера. Это для тебя не новость; потому что такъ ежегодно бываетъ, но вотъ одна достойная твоего любопытства и которой ты не ожидаешь: К. Е. Б., у которой также былъ назначенъ вечеръ, неожиданно въ обѣдъ разрѣшилась отъ бремени, послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго неплодія. Мужъ очень доволенъ тѣмъ, что это именно случилось въ Четвергъ, когда въ ожиданіи гостей онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться дома; иначе онъ былъ бы въ отчаяніи, потому что такой *казусъ* воспрепятствовалъ бы ему ѣхать по обыкновенію въ Англійскій клубъ. Крестины новорожденнаго и празднество серебряной свадьбы родителей назначаются въ одинъ день.

18 Апрѣля, Вторникъ. Я полагалъ, что самъ князь Одоевскій въ цѣлый мѣсяцъ не получитъ отъ всѣхъ своихъ кореспондентовъ столько вѣстей, сколько получишь ты отъ одного меня въ нѣсколько дней, а ты все еще пѣняешь и вопишь! Я описываю тебѣ только то, чтò самъ видѣлъ и слышалъ, и разсказываю тебѣ собственныя свои похожденія: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Не сочинять же мнѣ для тебя романовъ въ родѣ толстаго романа толстѣйшей И—ой, за который недавно бѣдняга проглотила такую злую и обидную, хотя и не совсѣмъ острую, эпиграмму:

И—ой романъ съ И—ой и сходенъ:
Онъ также, какъ она, дороденъ,
И также ни къ чему не годенъ!

Ужъ не увѣдомлять ли тебя о двухъ Американцахъ, мужѣ и женѣ, которыхъ балаганщики,налощивъ чернымъ воскомъ, называютъ *Гуронскими дикарями* и заставляютъ ихъ глотать какую-то мерзость; или о *молодомъ прекрасномъ*, какъ публиковано, *мущинѣ* о трехъ рукахъ? Очень нужны тебѣ подобныя свѣдѣнія! Однакоже, за гуляньями и другими подобными *недосугами*, я точно не успѣлъ разсказать тебѣ въ подробности о праздничныхъ своихъ визитахъ. Объѣздилъ всѣхъ—важныхъ и неважныхъ, угрюмыхъ и привѣтливыхъ, словомъ, отъ аза до ижицы. Нигдѣ не скучалъ, но отъ И. П. Архарова и его семейства просто въ восхищеніи. Пусть толкуютъ, чтó хотятъ, а безъ сердечной доброты не возможно такъ радушно и ласково принимать людей маловажныхъ. Графа И. А—ча случилось мнѣ въ первый разъ видѣть во

*) Домъ Всеволожскаго—нынѣ Степанова, гдѣ помѣщается штабъ военнаго округа; домъ Хитровыхъ—нынѣ Н. С. Мальцова (недавно князя С. Н. Урусова). П. Б.

всѣхъ атрибутахъ его званія. Настоящій канцлеръ! До сихъ поръ я видалъ его не иначе, какъ въ малиновомъ тулупѣ и въ жолтыхъ туфляхъ. Засталъ у него множество извѣстныхъ лицъ: добраго пузанчика А.., съ сыномъ котораго я былъ въ пансіонѣ у *Ронки*, генерала кн. Лобанова - Ростовскаго такого проворнаго и живаго, какъ ртуть; Н. Н. Бантыша-Каменскаго и помощника его А. Ѳ. Малиновскаго, автора Старинныхъ Святокъ и издателя театральныхъ піесъ Коцебу, которыя заставлялъ онъ переводить молодыхъ людей, служащихъ въ Архивѣ; этимъ піесамъ кн. Горчаковъ далъ общее названіе *коцебятины*. Были также пасторъ Гейдеке, старикъ А. А. Юни, извѣстный своею службою въ Сибири и уваженный Великою Екатериною за примѣрное свое безкорыстіе; и еще очень замѣчательное лицо, или вѣрнѣе, личико, А. П. Н . . . : крошечный, худенькій, на тоненькихъ, какъ спички, ножкахъ старичокъ, такъ что его безъ затрудненія спрятать можно въ ридикюль Настасьи Дмитріевны Офросимовой. И что жъ? Эта щедушная куколка былъ, какъ тутъ разсказывали, въ молодости красавецъ, и такой необъятно-огромной тучности, что, будучи адъютантомъ графа З. Г. Чернышова имѣлъ одинъ изъ всей свиты исключительную привилегію сопровождать его въ особой каретѣ или коляскѣ, между тѣмъ какъ другіе по обязанности должны были ѣхать верхами. Н. подтвердилъ это съ какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ.

Въ этотъ разъ старый дипломатъ обошелся со мною ласковѣе и даже рекомендовалъ меня Бантышъ-Каменскому, замѣтивъ однако, что въ Архивѣ служить не совѣтуетъ, потому что молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду. Графъ чрезвычайно хвалилъ исторію дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ, отъ самаго ихъ начала, собранную Бантышъ-Каменскимъ, и совѣтовалъ всѣмъ прочитать ее; но авторъ замѣтилъ, что она не напечатана, и что, въ качествѣ начальника Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ безъ разрѣшенія высшаго начальства не считаетъ себя въ правѣ дѣлать свою компиляцію извѣстною.

21 Апрѣля, Пятница. М., встрѣтивъ какую-то уличную барышню, хотѣлъ тотчасъ же увезти ее; но не удалось. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ; молодецъ остановленъ и посаженъ подъ арестъ. Спрашиваютъ: «Что побудило васъ къ этому насилію?» — «Понравилась». — «Знаете ли вы коротко эту дѣвушку?» — «Вовсе не знаю». — «Какъ зовутъ ее?» — «Не знаю». — «Гдѣ и у кого живетъ она?» — «Не знаю». — «Какое же было ваше намѣреніе?» — «Жениться». — «Какъ же вы хотѣли жениться, если ея совсѣмъ не знаете?» — «Я узналъ бы по-

слѣ›.—‹Но она не хотѣла ѣхать съ вами› —‹Чтò мнѣ за дѣло до ея хотѣнья? У меня своя воля›.— ‹М.. недѣль шесть высидѣлъ подъ арестомъ, забылъ о красавицѣ и вышелъ какъ встрепанный, а между тѣмъ Цыгане на этотъ случай тотчасъ сложили пѣсню на голосъ: *Пряди моя пряха*, которую записной цыганофилъ А. Н—въ ввелъ въ моду, подъ названіемъ: *Вѣрныя примѣты*. Мы ѣздили слушать ее. Степанида, чтò твой соловей, такъ и разливается. Вотъ эта пѣсня:

Ахъ, зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подъ арестомъ,
Въ горькомъ заключеньи,
Колодникъ безшпажный?—
Ахъ, за тѣмъ я бѣдный
Сижу подъ арестомъ,
Что свою милую
Любилъ очень больно.—
Кто жъ твоя милая,
Княжна иль графиня,
Простая иль дворянка,
Фрейлина ль какая?
Дай снесу поклончикъ!—
Ахъ, моя милая
Безъ гнѣздышка пташка,
Безъ племени, рода;
Любитъ свою волю,
Волю удалую.
Узнаешь милую:
Она по бульвару
Все ходитъ да бродитъ
Нѣмецкимъ развальцомъ;
Въ шелковомъ капотѣ,
Талійка съ прихватцомъ;
Въ вязаныхъ перчаткахъ,
Съ алымъ ридикюлемъ;
Ходитъ да гуляетъ,
Головкой киваетъ,
Себя забавляетъ,
Народъ потѣшаетъ!
Узнаешь милую—
Такъ отдай поклончикъ.

Отъ пѣсни переходимъ къ элегіи. Ты, вѣроятно, слыхалъ о Сашѣ Д., прелестной и преисполненной талантовъ дѣвушкѣ, которую всѣ такъ любили. Она скончалась въ прошломъ году, вскорѣ послѣ бала въ Благородномъ Собраніи. Неутѣшные отецъ съ матерью поставили въ Даниловомъ монастырѣ надъ прахомъ милой дочери прекрасный памятникъ, на которомъ послѣ имени, фамиліи и лѣтъ ея приказали, вмѣсто эпитафіи, вырѣзать *незабудку*. Буринскій, по желанію брата покойницы, написалъ на сей случай экспромтомъ стихи, а Нейкомъ поло-

жилъ ихъ на музыку, исполненную чувства и Нѣмецкой мечтательности Посылаю тебѣ этотъ романсъ: мелодія очаровательна, и всѣ знакомыя твои пѣвицы скажутъ за него спасибо.

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
Всюду разливаетъ онъ благоуханье.
Онъ цвѣтокъ завѣтный, онъ цвѣтокъ любимый.
Онъ—воспоминанье!
И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожитъ сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою!

Когда Снѣгирь-*Нето*, переставшій мечтать объ актерствѣ, сдѣлалъ подстрочный переводъ этихъ стиховъ для Нейкома, то онъ, обрадовавшись, сказалъ: *такъ и вѣетъ Маттисономъ*.

25 Апрѣля. Вторникъ. Изъ Университета съ лекцій завернулъ я въ Хамовники, къ счастливцу Ш.: онъ не перестаетъ ковать деньги и третьяго дня выигралъ еще 5 т. р. у генерала И., который заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствія, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Каюсь, любезный, что мнѣ какъ будто стало завидно. Подумалъ: сколько на эти деньги накупилъ бы книгъ и эстамповъ, какихъ бы завелъ лошадей и проч.; а Ш. вовсе не дорожитъ своимъ выигрышемъ, и говоритъ, что, можетъ быть, сегодня же опять спуститъ все до послѣдней копѣйки. Онъ предлагалъ взять меня въ маленькую долю безъ проигрыша; очень заманчиво, да страшно: будешь только и думать о пріобрѣтеніи, а сверхъ того тяжело войти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости; я не рѣшился, но за то не въ состояніи былъ отказаться ѣхать съ нимъ на гусиный и пѣтушиный бой къ князю И. С. М. Мнѣ чрезвычайно показалось любопытнымъ вглянуть на это состязаніе птицъ.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ ³/₄ арш. вышины. Хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующіе охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди стояли, какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же начала жалобно гоготать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что *эта де рѣдкая самка-съ для евтова дѣла-съ*.—«Ну гдѣ же Варлаамъ?» спросилъ князь Д. П. Г......, «подавай *Цицерона*». И вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка прематераго, бѣлаго съ сизыми крыльями гуся и пустилъ его въ арену.

«Такъ какъ же, Петръ Петровичъ, продолжалъ горделиво кн. Г., обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него, угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу, или нѣтъ? — Почему же бы и не спустить, в. с—во? отвѣчалъ рябой господинъ, только какъ великъ будетъ закладъ?—«Я держу 50 р.».—Больше 25 р. я не могу.—«Остальные придерживаю я», рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка, давай *Туляка*!» крикнулъ Петръ Петровичъ, и мальчикъ въ сѣромъ казакинчинѣ тотчасъ же притащилъ темносѣраго гуся и также пустилъ его въ арену. Сначала состязатели около 10 минутъ ходили вокругъ гусыни, которая не переставала гоготать; потомъ стали мало по малу вытягивать шеи съ какимъ-то шипѣніемъ и, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, бросились другъ на друга. *Тулякъ*, будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ Цицерона за правое крыло и началъ жестоко его жевать; потомъ и Цицеронъ ухитрился ухватить Туляка за правое же крыло и также началъ его мять и жевать, кружась около гусыни. Въ этомъ обоюдномъ жеваньѣ и круженьѣ заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гоготанье царицы гусинаго турнира, да невольныя по временамъ восклицанія постороннихъ охотниковъ, державшихъ заклады: «Ну *Цицеронъ*, ну *Тулякъ*», или «ай да молодцеъ, ай да варваръ!» прерывали однообразіе этого жеванья. Кончилось тѣмъ, что Цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и Тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ *Цицерона* былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ на крестъ на груди руками и съ плачевною миною онъ поминутно обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ, что *Цицерона* обкормили, и проч. Ну ужъ охота, подумалъ я и собрался уѣхать; но Ш. просилъ подождать его и посмотрѣть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно было быть *поживѣе* и *позадорнѣе*.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушій бой можно назвать сущею жестокостію, не менѣе отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены предварительно свѣшенные два пѣтуха, съ остриженными и обдерганными шеями и хвостами, такъ что каждое перышко представляло какую-то иглу, ноги были вооружены косыми острыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростію и, не смотря на наносимыя другъ другу раны, продолжали биться до тѣхъ поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза, и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекающей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до тѣхъ поръ, пока онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому что условіемъ заклада былъ *бой*

на смерть. Сказывали, что за побѣдителя гуся предлагали рябому господину 100 р., а тріумфаторъ-пѣтухъ, принадлежавшій купцу изъ Охотнаго Ряда, не смотря на свои раны, былъ проданъ за 200 р. *De gustibus non est disputandum* [1]). Прекрасное употребленіе денегъ и времени.

28 Апрѣля, Пятница. Вотъ прешарлатанское объявленіе Французскихъ актеровъ о представленныхъ вчера піесахъ «*Les deux soeurs, Fabrice et Caroline*» и «*La Cloison*». Эти люди считаютъ насъ, право, невѣждами, что позволяютъ себѣ подобныя выходки. «De toutes les pièces, qui ont été représentées à Moscou, ces deux ouvrages sont sans contredit les mieux écrits et ne peuvent manquer d'obtenir le suffrage des véritables connaisseurs et amateurs du répertoire francais. Nous nous permettons d'annoncer au public, que «La Cloison», a obtenu samedi dernier un succès complet. *Nous regrettons seulement qu'il n'y ait point assez eu de spectateurs pour admirer ce charmant ouvrage, digne de connaissance de la noblesse de Moscou* et nous l'invitons à honorer le spectacle de sa présence encore quelques représentations, avant son départ pour la campagne» [2]).

Не смотря на восписуемыя похвалы двумъ первымъ пьесамъ, послѣдняя мнѣ лучше нравилась и разыгрывается очень мило. Не мудрено, что Dupary въ ней хорошъ вездѣ, гдѣ ни играетъ; но странно, что и другіе актеры, отъ перваго до послѣдняго, отъ него не отставали и также были хороши.

Москва въ большихъ приготовленіяхъ къ гулянью 1 Мая: въ Сокольникахъ разбиваются пренарядныя палатки и устроиваются кавалькады. Скачка назначена на другой день и, говорятъ, будетъ блистательна, потому что записано много отличныхъ лошадей. Увидимъ.

2 Мая, Вторникъ. Сколько народу, сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсенъ, плясокъ и проч.; сколько богатыхъ Турецкихъ и Китайскихъ палатокъ съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣпными оркестрами, и простыхъ хворо-

[1]) О вкусахъ не спорятъ.

[2]) Изо всѣхъ представленныхъ въ Москвѣ піесъ, эти двѣ безъ сомнѣнія наилучшія и не могутъ не заслужить одобренія истинныхъ знатаковъ и любителей Французскаго репертуара. Позволяемъ себѣ объявить публикѣ, что въ послѣднюю Суботу „Чуланъ" игрался съ полнымъ успѣхомъ. Жалѣемъ только, что не было достаточно зрителей, чтобы любоваться этою прекрасною піесою, достойною того, чтобъ ее узнало Московское дворянство, и приглашаемъ его, до отъѣзда въ деревни, почтить театръ своимъ присутствіемъ въ теченіи еще нѣсколькихъ представленій.

стяныхъ, чуть прикрытыхъ сверху тряпками, шалашей съ единственными украшеніями—дымящимся самоваромъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанимента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ Вакха. Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ Донъ-Кишотовъ на прежалчайшихъ Россинантахъ. Нѣтъ, признаюсь, что я и не воображалъ видѣть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое, наконецъ, попалъ я вчера въ Сокольники.

Погода стояла безподобная: теплая, тихая, свѣтлая, настоящій день для праздничной встрѣчи весны. Утренній дождь сдѣлалъ его еще пріятнѣе, потому что освѣжилъ зелень и уложилъ пыль, столь обыкновенную на песчаной дорогѣ гулянья и столь несносную не только для самихъ гуляющихъ, но и для тѣхъ, которые, въ качествѣ зрителей, оградили себя болѣе или менѣе разными навѣсами и завѣсами.

Насъ заманилъ къ себѣ въ палатку знакомецъ и сосѣдъ твой, гостепріимный Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ, у котораго нашли мы прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка его поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ: нѣсколько наискось противу палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ: *ѣдетъ! ѣдетъ*!—пронесся по окрестности. И вотъ началось шествіе необыкновеннаго, торжественнаго поѣзда, безъ котораго, какъ говорили, гулянье 1 Мая было бы не въ гулянье. Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, «Свирѣпомъ», какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе 40 человѣкъ, изъ коихъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ, потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четвернями одномастныхъ лошадей.

Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитою, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ сказываютъ, что графъ Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе Москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій Русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями—скачками, бѣгами, Цыганскими пѣснями и плясками и проч., обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предназначенныя.

А. А. Чесменскій [1]), проѣзжая мимо палатки Е. Е., приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ на сегодняшнюю скачку и предлагалъ послать за билетами для входа въ галерею къ какому-то коллежскому комисару Гаврилѣ Ершову, живущему у графа Орлова; многіе тотчасъ же воспользовались этимъ предложеніемъ.

4 Мая, Четвергъ. Скачка была отличная по количеству и качеству лошадей, и погода чрезвычайно ей благопріятствовала. Галереи наполнены были Московскою знатью обоего пола, и тутъ въ первый разъ мнѣ удалось видѣть князя Прозоровскаго. Вообще молодые люди и много дамъ были большею частію верхами и ѣздили внутри скаковаго круга. На призъ въ 500 рубл. пожертвованный, какъ публиковано было, *однимъ охотникомъ* (вѣроятно самимъ графомъ и Д. М. Полторацкимъ) скакало 9 лошадей: графа Орлова, Полторацкаго, Чемоданова, братьевъ Мосоловыхъ, Савеловыхъ, Загряжскаго, Муравьева, и еще не помню чьи-то двѣ лошади. Дистанція назначена была два круга, т. е. 4 версты съ перескачкою. Этотъ призъ выигралъ г. Муравьева гнѣдой жеребецъ *Травлеръ*, родившійся въ Англіи, обскакавъ двукратно своихъ соперниковъ; второю лошадью въ оба раза приходила лошадь Мосоловыхъ; ѣздокомъ на *Травлерѣ* былъ крѣпостной мальчикъ Муравьевыхъ Андрей, достигшій цѣли съ оборваннымъ стременемъ, но не потерявъ его (иначе, по недостатку вѣса, онъ долженъ бы считаться проигравшимъ скачку). Когда взвѣсили мальчика, многіе изъ присутствовавшихъ давали ему деньги за мастерское или удачное сохраненіе вѣса. Второе состязаніе было на подписку 4 охотниковъ по 50 р. съ каждаго; изъ 4 лошадей, гр. Орлова, Полторацкаго, Савелова и Мосо-

[1]) Побочный сынъ графа А. Г. Орлова. П. Б.

лова, выиграла кобыла *Добрая*, принадлежавшая послѣднему, оставивъ прочихъ весьма далеко, чуть не за флагомъ. За симъ скакали нѣсколько благородныхъ охотниковъ на кубокъ въ 50 р., по подпискѣ ими сдѣланный. На дистанціи одного круга или двухъ верстъ, кн. Ив. Ал. Гагаринъ, скакавшій на лошади, купленной имъ у Англичанина Шмита, оставилъ всѣхъ своихъ состязателей за флагомъ, и это случилось будто бы отъ того, что ихъ лошади не были по надлежащему приготовлены. Я, право, не понимаю, за чѣмъ же было и пускать ихъ въ скачку? Это non-sens. Послѣ скачки предъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали Цыгане, изъ коихъ одинъ, немолодой, необычной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами и замѣтно отличался отъ другихъ. Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла, только этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ рукахъ шляпу, изрѣдка пригикивая и притопывая по временамъ ногою, а между тѣмъ выходитъ прекрасно: ловко, живо и благородно. Послѣ Цыганской пляски завязался кулачный бой, въ который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно цѣловались. Побѣдителемъ вышелъ трактирный служка изъ Пѣвческаго трактира, Герасимъ, Ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, что онъ нѣкогда былъ подносчикомъ въ кабакѣ и сотоварищемъ нынѣшнихъ знаменитыхъ откупщиковъ - богачей Р.... и Ч...., которыхъ калачивалъ на пропалую. Этого атлета, лѣтъ 8 тому назадъ, отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову. По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу и, обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ какъ ураганъ какой. Смотря на этого, до сихъ поръ еще могучаго, витязя я вспомнилъ стихи къ нему Державина:

Онъ въ колесницѣ съ горъ бедрой
Минервы удержалъ паденье!

Что̀ ни говори, а графъ Орловъ—личность очень замѣчательная

7 Мая, Воскресенье. Помѣщикъ И., очень хорошій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, довольно образованный, т. е. говоритъ по-французски и понѣмецки, имѣетъ слабость считать себя поэтомъ, протежировать ка-

кихъ-то ничтожныхъ музыкантовъ и казаться аристократомъ, прибавляя между тѣмъ къ каждой почти рѣчи совсѣмъ неаристократическое слово *катавасія*, этотъ И. влюбился въ Катеньку Б., небогатую, но милую и умную дѣвушку, живущую съ малолѣтства у Н. М. В., и предложилъ ей свою руку. Это бы ничего, только онъ не ловко сдѣлалъ это предложеніе. Въ день рожденія Катеньки Б. онъ отправилъ къ ней преогромный букетъ какихъ-то пошлыхъ цвѣтовъ, и въ немъ объясненіе въ любви съ формальнымъ предложеніемъ въ уморительно-напыщенныхъ куплетахъ. Катя, разумѣется, тотчасъ же отдала и то и другое своей благодѣтельницѣ, которая, прочитавъ стихи и не очень понимая ихъ, сказала: кажется, сватается; если не противенъ тебѣ, то я не препятствую, не вѣкъ же сидѣть въ дѣвкахъ.—Конечно, maman, отвѣчала Катя съ живостію, имъ пренебрегать не должно, объ немъ отзываются хорошо; но вѣдь онъ мнѣ лично никогда ни слова не говорилъ, а если положиться на эти глупые стихи и вонючій букетъ, то можетъ выдти *катавасія*. Это словцо подцѣпилъ зубоскалъ М., и вотъ тебѣ написанные имъ экспромтомъ куплеты:

Вотъ Катѣ плѣнительной
Осмнадцать ужъ лѣтъ,
Такой восхитительной
Другой въ свѣтѣ нѣтъ.

Помѣщикъ значительный
Вдругъ шлетъ ей букетъ,
И въ немъ объяснительный
Запрятанъ куплетъ.

Куплетъ уморительный:
Любовный привѣтъ!
Онъ ждетъ утвердительный
Отъ Кати отвѣтъ.

Но Катя въ претензіи:
„Въ стихахъ смысла нѣтъ,
Изъ чахлой гортензіи
И самый букетъ.

Пусть авторъ съ талантами,
Какъ всѣ говорятъ,
Всегда съ музыкантами
И аристократъ!

По мнѣ изъ согласія
Всѣхъ этихъ даровъ,
Видна катавасія
Подъ формой цвѣтовъ“.

Эти куплеты поются во многихъ домахъ на разные напѣвы и дошли уже до свѣдѣнія нашего помѣщика. Онъ очень пѣтушится и угрожаетъ М.; но до дуэли не дойдетъ, а свадьба состоится.

10 Мая, Середа. Москва начинаетъ пустѣть; по улицамъ ежеминутно встрѣчаешь цѣпи дорожныхъ экипажей и обозовъ: одни вывозятъ своихъ владѣльцевъ, другіе пріѣзжаютъ за ними. Скоро останутся въ Москвѣ только коренные ея жители: лица, обязанныя службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая къ учащемуся сословію. Дѣдушка говоритъ, что и еще одинъ классъ людей не выѣдетъ изъ Москвы, именно классъ должниковъ, которыхъ не выпустятъ кредиторы. Странно, что одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ: это Нѣмецкая Слобода. Она всегда въ нормальномъ своемъ состояніи.

Вчера ѣздилъ проститься съ Л., у которыхъ провелъ цѣлый день. Не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось грустно: право, хоть плакать. А. П. сказала: «Не грустите, скоро пріѣдемъ назадъ».—А какъ скоро? спросилъ я. «Да вотъ папа говоритъ; что непремѣнно къ тому времени, какъ привозятъ невѣстъ: къ Рождеству съ поросятами». — Я лопнулъ со смѣху. —Почему же не сказали вы—съ цыплятами? Тогда бы я отвѣчалъ вамъ, не боясь обидѣть васъ сравненіемъ.—А что́ бы вы отвѣчали?— Я сказалъ бы, que les poulets sont aussi bons à croquer que les poul... [1]) «Не извольте договаривать, monsieur l'insolent au drap de poisson» [2]).—Однакоже, не смотря на эту размолвку, мнѣ подарили маленькой кошелекъ своей работы, а я долженъ былъ нарисовать что-нибудь въ альбомъ и написать стихи. Я ничего не могъ придумать *умнѣе* этой *глупости*: нарисовалъ рѣку и стоящаго на берегу человѣчка съ всклоченными волосами, съ приложенною къ сердцу рукою и разинутымъ ртомъ, и подъ рисункомъ подписалъ:

Выйду я на рѣченьку,

Посмотрю на быструю;

Унеси ты мое горе,

Быстра рѣченька съ собой!

Ужъ если пошло на пошлости, такъ, по моему, онѣ должны быть самыя пошлыя, и въ этомъ отношеніи рисунокъ, кажется, вполнѣ удался.

Получилъ письмо отъ своихъ: зовутъ на ваканціи въ деревню. Матушка и отецъ пишутъ, что они рады будутъ, если привезу когонибудь изъ товарищей и еще какого-нибудь Нѣмца позатѣйливѣе для

[1]) Что циплята также пріятно хрустятъ на зубахъ, какъ и ку(ры).

[2]) Господинъ наглецъ въ рыбьемъ сукнѣ (см. выше, стр. 37, подъ числомъ 12 Апрѣля).

общей компаніи. Я намѣренъ предложить Снѣгирю-Nemo-Гр. быть моимъ спутникомъ, а изъ Нѣмцевъ, чего лучше, возьму Адальберта-Фердинанда-фонъ-Кибурга-Косинскаго. Этотъ бывшій обойный подмастерье, а нынѣшній трагикъ, имѣетъ прекрасный характеръ, необъятную память и такъ добродушно болтливъ и веселъ, что съ нимъ не задумаешься. Наши думаютъ провести лѣто въ *Липецкѣ* для сестеръ; 90 верстъ отъ деревни, все равно, что̀ въ самой деревнѣ, *плюсъ* хорошее общество: лѣтомъ бываетъ тамъ много проѣзжающихъ. Буду радъ пожить на родимой сторонѣ послѣ пятилѣтняго отсутствія; погуляю, поохочусь, поѣзжу верхомъ и попью цѣлительныхъ водъ, которыя могутъ быть для меня струями Леты, въ отношеніи къ извѣстной вострухѣ.

13 Мая, Субота. На дняхъ М. И. Невзоровъ познакомилъ меня съ Ф. И. Карцевымъ. Гдѣ онъ отыскиваетъ такихъ оригиналовъ? Видно, пословица справедлива, что рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ. Кто въ Москвѣ знаетъ о Карцевѣ, переводчикѣ столькихъ лучшихъ сочиненій Волтера: «Генріады», «Брута», «Разрушенія Лиссабона», «Орлеанской Дѣвственницы» и проч., нѣкоторыхъ сатиръ и эпистолъ Буало и разныхъ мелкихъ стихотвореній другихъ авторовъ? А между тѣмъ этотъ переводчикъ, очень недурной, живетъ на Поварской улицѣ въ собственномъ домѣ, приглашаетъ иногда знакомыхъ на вечеринки и даже по временамъ даетъ пріятельскіе обѣды; а между тѣмъ этотъ переводчикъ, кромѣ литературнаго достоинства, необыкновенно умный и добрый человѣкъ! Я его спрашиваю: «Читали ли вы кому-нибудь стихи свои»? — Да говоритъ, читалъ женѣ и еще отрывками князю Горчакову и Карину.— «И вы не имѣли и не имѣете намѣренія ихъ напечатать?» —А на что́, батюшка? Я пишу и перевожу самъ для себя, потому что люблю трудъ: будто, не имѣя въ виду извѣстности, и писать нельзя?—Такъ, однакоже эта извѣстность служитъ поощреніемъ таланту.—Это, батюшка, могутъ думать одни праздные люди, которые не понимаютъ, что есть наслажденіе въ самомъ процессѣ труда. Знаете ли вы умное слово одного Англичанина своему пріятелю, который замѣтилъ ему, что работа его должна быть most tedious, очень скучна This tedium is very amusing, — эта скука очень занимательна, отвѣчалъ онъ; и это совершенная правда. Вотъ, батюшка, вы, молодой человѣкъ, если хотите быть неизмѣнно счастливымъ во всѣхъ превратностяхъ жизни, то любите трудъ, какъ любятъ любовницу—безкорыстно. Я не знаю по-нѣмецки; но мнѣ сказывали, что у вашего Шиллера (я говорю вашего, потому что онъ считается теперь любимымъ авторомъ новаго поколѣнія нашихъ писателей) есть въ одномъ изъ его стихотвореній прекрасный стихъ: «ты *надѣялся*, слѣдовательно

получилъ уже свою награду». Этотъ стихъ можно примѣнить къ труду: «ты *трудился*, слѣдовательно былъ уже счастливъ». Невзоровъ, съ своимъ gros bon sens, замѣтилъ, что «едва ли безъ яснаго сознанія цѣли предпринятаго труда и убѣжденія въ его пользѣ, можно полюбить какой бы то ни было трудъ; вотъ напр., возьмите четверикъ маку и считайте, сколько находится въ немъ зеренъ,—это будетъ также трудъ; но развѣ можно полюбить его, не будучи сумасшедшимъ?»—«Это сравненіе болѣе остроумно, чѣмъ справедливо, возразилъ Карцевъ: вопервыхъ, говоря о любви къ труду, я разумѣлъ любовь къ занятіямъ умственнымъ, c'est notre point de départ [1]); а во-вторыхъ, бываютъ обстоятельства въ жизни человѣка, когда и вашъ четверикъ съ макомъ можетъ ему пригодиться, если онъ считать умѣетъ. Когда вы, любезный М. И., попали случайно на 6-ть мѣсяцевъ въ подземелье къ Шешковскому, безъ всякаго способа къ занятіямъ, то вѣрно обрадовались бы вашему четверику съ макомъ, какъ средству съ бóльшимъ терпѣніемъ ожидать вашего освобожденія. Вы меня не очень поняли: рѣчь моя клонилась къ тому, что въ одномъ только трудѣ заключается вся *наука* счастія, т. е. умѣнье наполнять пустоту жизни; съ этимъ умѣньемъ,—сочиняете ли вы поэму, или считаете маковыя зерна,—можно легко сносить свою участь, какова бы она ни была, не измѣняя малодушнымъ ропотомъ достоинству человѣка. Не отъ насъ зависитъ перемѣнить сію участь; но отъ насъ зависитъ пристраститься къ какому-нибудь постоянному занятію, которое на зло всѣмъ обстоятельствамъ наполнитъ нашу душу и будетъ, какъ вѣрный утѣшительный товарищъ, какъ ангелъ Товіи, сопровождать насъ до могилы». М. И., шутя, жаловался ему на излишнее мое, будто бы, любопытство, страсть къ театру и разсѣяніямъ свѣтскимъ; но между, тѣмъ pour dorer la pilule [2]), говорилъ, что я учился прилежно, люблю заниматься, и что постоянно веду ежедневный журналъ всѣмъ случающимся со мной происшествіямъ. На это Карцевъ отвѣчалъ, что въ мои лѣта разсѣяніе даже необходимо, но не должно исключительно посвящать ему все свое время; потому что разсѣянія свѣтскія не наполнятъ пустоты, которую чувствуетъ человѣкъ въ самомъ себѣ, а напротивъ увеличиваютъ ее, какъ соленая вода увеличиваетъ жажду.—«Если бы вы, прибавилъ онъ, не захотѣли писать или переводить, то читайте больше; только съ размышленіемъ. Чужія мысли, большею частію, могутъ скорѣе руководить насъ къ достиженію внутренняго спокойствія, чѣмъ свои собственныя; а журналъ вашъ прекрасное дѣло: онъ пріучаетъ къ труду и заставляетъ васъ отдавать отчетъ самому себѣ въ вашихъ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ;

[1]) Отсюда повели мы наше разсужденіе.

[2]) Чтобы позолотить пилюлю.

продолжайте его всегда, со временемъ слюбится». Такъ поэтому я и не даромъ докучаю тебѣ своимъ мараньемъ! *Слюбится*, сказалъ умный старикъ, и я тому вѣрю: если намъ такъ пріятно встрѣчать давно знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе нѣкогда встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ и въ прежнемъ происшествіи.

17 Мая, Середа. Братъ любезный! Я лишился Трезора, лохматаго моего Трезора, добраго, вѣрнаго, неразлучнаго моего товарища и друга впродолженіи 12 лѣтъ; того самаго Трезора, надъ которымъ всѣ вы нѣкогда такъ издѣвались и котораго между тѣмъ такъ любили за привязанность ко мнѣ, необыкновенную смѣтливость и доброту. Онъ издохъ отъ старости, бѣдный Трезоръ мой, охранявшій меня почти отъ самой колыбели и бывшій моимъ спутникомъ и стражемъ во всѣхъ переселеніяхъ, которымъ подвергалось мое юношество. Теперь некому будетъ подать мнѣ такъ часто забываемый платокъ, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мнѣ на колѣна, тряся мохнатою своею головою, шевеля кудлатымъ хвостомъ и посматривая на меня такими умильными глазами. Нѣтъ, воля твоя, а долго, долго не забыть мнѣ этихъ ежеминутныхъ доказательствъ привязанности и самоотверженія, этихъ первыхъ утреннихъ *здравствуй*, этихъ послѣднихъ вечернихъ *прости*, словомъ, всего этого домашняго счастія, которое называлъ я Трезоромъ. Если бы ты могъ видѣть, какъ издыхалъ онъ и какъ, за минуту до издыханія, не смотря на совершенное изнеможеніе, усиливался подать мнѣ, по обыкновенію, косматую свою лапу! Не смѣйся надъ моимъ горемъ: это первая чувствительная утрата моей жизни. Дай Богъ, чтобы она не была предвѣстницею другихъ утратъ, болѣе горестныхъ!

20 Мая, Субота. Съ горя таскаюсь по прощальнымъ обѣдамъ, и вчера на одномъ встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Петербурга переводчика двухъ частей Русалки, Краснопольскаго, которому назначенъ за переводъ бенефисъ. Правду сказать, есть за что! Сказали бы нашей компаніи, и она бы рублей за сто перевела всѣ три части; а если бы захотѣли торговаться, то взяли бы и менѣе. На такія аріи, какъ

Отнюдь я не стану грѣшить,
Съ чертями чтобъ дружбу водить,

или:

Бѣляночку бы въ Воскресенье,
Чернявку въ Понедѣльникъ взялъ—

мы превеликіе мастера и доки, и можемъ всѣхъ русалокъ и съ чертовою мельницею перевести въ шестеромъ за одинъ присѣстъ. Этотъ

бенифисъ Краснопольскаго назначенъ во Вторникъ 23 ч. Желаю ему собрать побольше денегъ (хотя, судя по времени, это и невѣроятно), но вкладчикомъ въ кассу его не буду и денежки приберегу на 24 ч., чтобы видѣть *Рекрутскій Наборъ*, въ которомъ такъ хороши Померанцевъ съ женою и Сандуновъ въ роли Клима Гавриловича. За тѣмъ въ Пятницу 26 ч. дебютъ *Кавалерова* въ роли Семена, въ комедіи: *Братомъ проданная сестра*, который видѣть должно. Сандуновъ многія изъ лучшихъ ролей своихъ передаетъ начинающимъ. Это съ его стороны благородно и похвально, а для дебютантовъ совершенное счастіе; потому что, по неимѣнію другой сцены, они не имѣютъ и случая совершенствоваться въ своемъ искусствѣ.

Кстати о Сандуновѣ. Намедни, повстрѣчавшись на вечеринкѣ у Павла Андреевича Вейделя съ старшимъ братомъ своимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ оберъ-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподчивать другъ друга сарказмами, то старшій въ пылу спора и сказалъ младшему: «тутъ, сударь, и толковать нечего; вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!—«Правда, отвѣчалъ актеръ, за то вашей братьи безъ красненькой и не увидишь». Остро, однакоже въ отношеніи къ Н. Н. несправедливо, потому что онъ есть утѣшительное исключеніе изъ категоріи большей части его сослуживцевъ и не безъ причины пользуется общимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Я слышалъ, что онъ, т. е. Н. Н., ѣдетъ также на лѣто лѣчиться въ Липецкъ съ молодою женою, совершенною красавицею. Какъ бы я былъ радъ съ нимъ тамъ встрѣтиться!

24 Мая, Середа. Померанцева можно назвать актеромъ par excellence. Какая натура, какое чувство, какая простота. Абрамъ—не на сценѣ, онъ въ своей избѣ; истый Русскій крестьянинъ, патріархальный владыка своего семейства, и между тѣмъ нѣжный отецъ. Хороша и *Померанцева* въ роли матери Алексѣя. *Сандуновъ* превосходенъ въ роли Клима Гавриловича: настоящій подъячій съ приписью; однакоже подъячій, который существуетъ только въ нашемъ воображеніи, котораго знаемъ по преданіямъ, но котораго, конечно, никто изъ насъ не видалъ: это каррикатура и на бывшихъ нѣкогда подъячихъ. Молодой *Орловъ* въ сценѣ, когда Ипполитъ бросается къ ногамъ отца и проситъ благословенія идти вмѣсто Алексѣя въ рекруты, былъ увлекателенъ и заставилъ плакать; и самый Кондаковъ въ роли Герасима, великодушнаго извощика-резонёра, игралъ съ чувствомъ и жаромъ. Словомъ, піеса

разыграна была бы прекрасно, если бы несчастная *Караневичева*—Варвара не портила всего хода піесы. Что́ за претензіи, что́ за жеманство и отсутствіе всякаго чувства, что́ за льдина такая! Вмѣсто этой Варвары, доброй, простодушной крестьянки, сироты, чувствующей сиротство свое, мы видѣли горничную, жеманницу, которая даже и при вопросѣ: какъ васъ зовутъ? отвѣчаетъ: «извините, мы не изъ таковскихъ». И вотъ говорятъ, что эта же Караневичева будетъ играть Антигону въ «Эдипѣ», котораго разучиваютъ къ осени. Что́ ни говори, Русскую оперу можно смотрѣть съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ Русскія трагедіи и драмы: ни даровитый Плавильщиковъ, ни превосходный Померанцевъ, одни безъ женщинъ, не могутъ произвести никакого впечатлѣнія. Какъ-то случилось мнѣ видѣть *Беверлея*, гдѣ въ нѣкоторыхъ сценахъ такъ отлично хорошъ *Плавильщиковъ*,—и что же? Какъ только появлялась на сцену *Баранчеева*, игравшая роль жены его, то вся иллюзія изчезала. *Померанцевъ*, въ отцѣ семейства, превосходенъ; но лишь появится женщина, прости очарованіе!

Генералъ С. А. Т....*) показывалъ П. И. свои стихотворенія и признался ему, что любитъ чрезвычайно поэзію и въ свободное время только и занимается ею, сколько по страсти, столько же и потому, что тамъ, гдѣ онъ обязанъ постоянно жить по службѣ, другихъ развлеченій нѣтъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ никакихъ правилъ: ни мѣры, ни удареній, словомъ, ни складу ни ладу; но между тѣмъ есть очень дѣльныя мысли. П. И. замѣтилъ автору, что надобно бы прежде узнать правила и тогда уже приняться за сочиненіе,—иначе лучше писать прозою. Генералъ пожелалъ взять нѣсколько уроковъ тайкомъ, и П. И. въ недѣлю истолковалъ ему всѣ тайны стихосложенія, отказываясь отъ всякаго возмедія, и въ заключеніе послалъ свою піитику при слѣдующемъ посланіи съ эпиграфомъ изъ Державина: *учиться никогда не поздно*!

Т.......... командиръ,
Кому маневры и сраженья
Не горькій трудъ, но сладкій пиръ,—
Вотъ правила стихосложенья:
Прими, учись и будь поэтъ!
Теперь исполнивъ мой обѣтъ,
Я ожидаю исполненья
Обѣта твоего: втѣснить
Порывы своевольной Музы
Обыкновенныхъ правилъ въ узы.
Тебѣ легко поэтомъ быть;
Доступнымъ сдѣлай лишь искусство,

*) Тучковъ? П. Б.

Вып. 1859 г.: Сергей Алексеевич Тучков показывал Петру Ивановичу

Рѣшась воображенье, чувство
Наукѣ строгой покорять.
Наука лишь талантъ вѣнчаетъ,
И Божій даръ безъ ней—одно
Вѣчно гніющее зерно;
Безъ ней оно не прозябаетъ,
И не цвѣтетъ въ красѣ оно!

Стихи не геніальные, но въ нихъ есть толкъ. Генералъ прислалъ П. И. на память золотую табакерку прекрасной работы.

27 Мая, Субота. Нѣсколько дней я чувствую себя нехорошо, а между тѣмъ не утерпѣлъ, чтобы вчера не взглянуть на новаго дебютанта, въ роли слуги Семена, въ комедіи Ефимьева «Братомъ проданная сестра». Къ сожалѣнію долженъ сказать, что лучше бы сдѣлалъ оставшись дома: *Кавалеровъ* покамѣстъ не изъ числа настоящихъ кавалеровъ, а просто изъ разряда тѣхъ лицъ, которыхъ представляетъ. О будущемъ не говорю. Между тѣмъ прости. Голова жестоко болитъ, и чувствую то жаръ, то ознобъ. Добрый мой П. И. испугался и послалъ за Г. И. Допельмейеромъ. Если бы я писать къ тебѣ былъ не въ состояніи, то поручу П. И. или Снѣгирю-*Нето*, которому рѣшительно дѣлать нечего. Обнимаю.

24 Іюня, Субота. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я началъ прогуливаться и дышать чистымъ воздухомъ, который видимо меня подкрѣпляетъ. Между тѣмъ я такъ измѣнился, что не могу ничего дѣлать, и даже мнѣ кажется тяжело написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Меня посѣтила сильная горячная со всею свитою: бредомъ, пятнами и проч., и если бы не старикъ Допельмейеръ, который такъ меня любитъ, если бы не истинно отеческія попеченія Петра Ивановича, то можетъ быть переписка наша на всегда бы прекратилась. Нѣтъ словъ благодарить и Снѣгиря-*Нето*, который мало того, что просиживалъ у моего изголовья цѣлыя ночи безъ сна, но и теперь ссужаетъ меня своей рукою, и потому ты можешь разсчитывать на полученіе обыкновенныхъ моихъ донесеній и всѣхъ сплетней, какими они сопровождаются. Начну со вчерашняго вечера. Вмѣсто оперы «*Die Zauber-Zitter*», которую намъ хотѣлось видѣть, мы, не заходя въ театръ, отправились съ-позаранку въ назначенный послѣ спектакля воксалъ и усѣлись у пруда смотрѣть на ловлю лягушекъ, которыхъ въ этомъ прудѣ такая бездна. Эта ловля гораздо занимательнѣе уженья рыбы и, видно, входитъ въ моду у Нѣмецко-слободскихъ обывателей, потому что ихъ человѣкъ 15 сидѣло съ удочками, на которыхъ вмѣсто обыкновенной приманки нацѣплены были кусочки краснаго сукна. Лягушки безпрестанно подпрыгивали изъ воды,

жадно хватались за сукно и становились добычею ватрохолововъ. Эту забаву съ мѣсяцъ тому назадъ ввели въ моду братья Брандштетеры, для которыхъ она служитъ не только забавою, но и средствомъ къ удовлетворенію своей гастрономіи: они страстные охотники до фрикасе изъ лягушекъ, а потому весь уловъ этой водяной дичины предоставляется въ ихъ пользу.

А знаешь ли, чтò за люди братья Брандштетеры, Францъ и Антонъ? Это люди историческіе и не даромъ носятъ свое прозваніе. Они находились прежде въ услуженіи князя Потемкина въ качествѣ фейерверкмейстеровъ, устроивали потѣшные огни въ Молдавіи и Валахіи и участвовали въ изготовленіи знаменитаго фейерверка, который былъ пущенъ во время извѣстнаго бала, даннаго княземъ въ Таврическомъ дворцѣ. Сверхъ того они механики, землемѣры, инженеры, гидрографы и живописцы. Антона Брандштетера я помню еще съ ребячества, когда онъ расписывалъ церковь у сосѣда нашего М. В. Муромцова, и ежегодно въ день имянинъ жены его, 24 Ноября, пускалъ фейерверки, на которые съѣзжались всѣ окружные помѣщики, и въ этомъ числѣ возили меня. Теперь эти Брандштетеры живутъ на покоѣ, имѣютъ свою лабораторію, снабжаютъ всю Москву и сопредѣльныя губерніи потѣшными огнями и ловятъ лягушекъ, употребляя ихъ въ продолженіе всего лѣта въ пищу, вмѣсто цыплятъ. Дешево и вкусно!

28 Іюня, Середа. Мы непремѣнно выѣзжаемъ въ Воскресенье, 2-го Іюля, и прямо въ Липецкъ, потому что мои домашніе должны быть теперь уже тамъ. Болѣзнь унесла у меня много времени и осадила меня, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. Мы ѣдемъ цѣлою колоніей: Снѣгирь - Nemo, Литхенсъ и фортепіанистъ Димлеръ, которому въ Москвѣ теперь дѣлать нечего: у дольщиковъ его Дурновыхъ лѣтомъ игры нѣтъ, а ученики и ученицы разъѣхались по деревнямъ. Чтò еслибы ты могъ пріѣхать также въ Липецкъ и пожить на свободѣ! Но это мечта.

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣдѣніе: табель профессорскихъ лекцій на будущій университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что недолго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12-му классу, торопитъ службою.

Физику.	Страховъ.
Натуральную исторію	Пр. Антонскій.
Философію	Брянцевъ.

Статистику	Геймъ.
Эстетику	Сохацкій.
Чистую математику	Аршеневскій.
Исторію	Черепановъ.
Россійское право	Горюшкинъ.
Теорію Законовъ	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ геометріи.	Загорскій.

На Французскомъ языкѣ:

Исторію натуральную и сравнительную анатомію	Фишеръ.
Естественное и народное право .	Рейсъ.
Нравственную философію . . .	Рейнгардъ.
Астрономію	Гольдбахъ.

На Нѣмецкомъ:

Высокую геометрію	Иде.
Ботанику	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу	Сангленъ.

Особенные уроки, lectiones privatae, и особеннѣйшіе, privatissimae, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, по прежнему въ ежедневныхъ рапортичкахъ, разумѣется, если попадаться будутъ случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать, развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины? Но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобы тебя благодарили; а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за *все* про *все*. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою,—да! Я забылъ, что ты не любишь этого слышать; извини.

*

8 Іюля, Субота. Солнышко только что показывалось изъ-за горизонта, и мы всѣ четверо сладко дремали въ коляскѣ, когда сидѣвшій на козлахъ человѣкъ мой разбудилъ насъ громогласнымъ: *Вонъ Липецкъ виденъ*! Мы очнулись. Первою нашею мыслію было остановиться и нѣсколько промедлить, во первыхъ для того, чтобы слишкомъ раннимъ пріѣздомъ

не потревожить домашнихъ, а во вторыхъ, чтобы дать время Снѣгирю-Nemo и Адальберту-Литхенсу оправить туалеты свои: потому что, будучи великими *шематонами*, они непремѣнно хотѣли при первомъ появленіи своемъ произвести благопріятное на незнакомыхъ впечатлѣніе. Такъ и сдѣлали: простояли болѣе часу, потомъ поѣхали шагомъ и къ осьми часамъ ровно явились у подъѣзда дома В—хъ [1]), въ которомъ наши жили.

Нечего говорить тебѣ о минутѣ моего свиданія съ домашними, слезахъ матери и сестеръ и удовольствіи отца. Подробности этого свиданія могутъ быть интересны только для меня; а для тебя достаточно знать, что вотъ уже третій день, какъ я нахожусь въ кругу своихъ, совершенно довольный и счастливый. Отецъ радешенекъ, что я привезъ Нѣмца и щеголяетъ передъ нимъ Нѣмецкимъ языкомъ, когда-то изученнымъ на зимнихъ квартирахъ въ Пруссіи; а Литхенсъ отпускаетъ ему фразы изъ драматическихъ ролей своихъ. Матушка не наговорится съ Nemo, который поетъ ей о мнѣ турусы на колесахъ; а сестры ухватились за стараго знакомца Димлера, котораго, не смотря на усталость, тотчасъ же засадили за фортепіано и заставили откалачивать Русалочный польскій: *на что такъ чудесить, къ чему куралесить*? Словомъ, кажется, я всѣмъ угодилъ: слава Богу, свои и чужіе, всѣ въ восхищеніи. Тотчасъ же пошли разспросы, кто любитъ какое кушанье, чтобы всѣхъ равно удовольствовать. Литхенсъ объявилъ, что онъ *обожаетъ* жареныхъ куръ съ салатомъ.—А индѣекъ? спрашиваетъ отецъ.—Въ индѣйкахъ я вкусу не знаю, потому что никогда ихъ не ѣдалъ, отвѣчаетъ Фердинандъ. Такое признаніе всѣхъ удивило, и теперь разсказываютъ за диво встрѣчному и поперечному, что у насъ въ домѣ есть Нѣмецкій трагикъ, которому никогда въ жизни не случалось ѣсть индѣекъ. Снѣгирь-Nemo успѣлъ уже напутать: матушка подъ величайшимъ секретомъ мнѣ объявила, что ей сказывали вѣрные люди, будто я очень влюбленъ въ извѣстную особу и отъ того занемогъ; и что если это подлинно справедливо, то со временемъ можно подумать и о свадьбѣ.— Ну, а если она не пойдетъ за меня? спросилъ я.—Ахъ, батюшка, какъ же это можно, чтобы за тебя не идти!

Хорошо, если бы всѣ такъ думали обо мнѣ, а еще лучше, еслибы я самъ о себѣ такъ думалъ! Карамзинъ говоритъ:

Блаженъ не тотъ, кто всѣхъ умнѣе,
Ахъ! нѣтъ, онъ часто всѣхъ грустнѣе;
Но тотъ, кто, будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!

Ita est.

[1]) Вишневскихъ, на Дворянской улицѣ, нынѣ Ѳедцова. П. Б.

*) См. М. О. Гершензон „Грибоедовская Москва" и Васильчиков, Семейство Разумовских, II, стр. 154 и след.

16 Іюля, Воскресенье. Я познакомился со всѣми почти пріѣзжими больными и нашелъ, что они, за весьма немногими исключеніями, всѣ, слава Богу, здоровы и кромѣ того необыкновенно любезны и привѣтливы. Графъ Григорій Ивановичъ Чернышовъ, старикъ князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, отецъ нашихъ студентовъ, умные, ученые и добрые люди; Николай Петровичъ Архаровъ, бывшій нѣкогда Московскимъ губернаторомъ или оберъ-полицій-мейстеромъ, право, не знаю, cordon bleu *), родной братъ Ивану Петровичу, добродушному и ласковому моему патрону. Камергеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, прожившій въ продолженіе весьма короткаго времени 40 тыс. душъ и въ слѣдствіе того уступившій жену свою графу Разумовскому и теперь живущій небольшимъ пенсіономъ, который производятъ ему племянники его, князья Гагарины, очень образованный, любезный и веселый человѣкъ. Генералъ Яковъ Петровичъ Лабатъ-де-Вивансъ, бывшій при покойномъ императорѣ кастеланомъ Михайловскаго замка, старинный Гасконскій дворянинъ, семидесятилѣтній юноша, съ премилыми, добродушными и говорливыми дочерьми, охотницами до споровъ и, что̀ удивительно, до возраженій. Н. Н. Сандуновъ съ женою красавицею. Изъ молодыхъ же людей, пріѣхавшихъ лѣчиться отъ здоровья, находятся твои знакомцы: князь С. Г. Щербатовъ, А. В. Новосильцовъ, И. Д. Нарышкинъ, Зотовъ и много другихъ.

Директоромъ водъ Ив. Ник. Новосильцовъ, родной братъ статсъ-секретаря государева, Николая Николаевича, добрый и привѣтливый человѣкъ. Петербургскій докторъ А. А. Альбини, любимѣйшій ученикъ знаменитаго Франка, находящагося теперь въ качествѣ лейбъ-медика при Государѣ, состоитъ оффиціальнымъ при водахъ врачемъ. Жена его, дочь извѣстнаго въ Петербургѣ медика Эллизена, необыкновенная красавица. Что я говорю, красавица! Нѣтъ, существо неземное, какая-то гурія, пери!

Все общество по утрамъ собирается въ галлерею, устроенную при источникѣ. Здѣсь условливаются объ обѣдахъ, вечеринкахъ и другихъ parties de plaisir; садъ вокругъ галлереи только что начинаетъ разводиться. Со временемъ мѣсто можетъ быть прекрасное; но и теперь Липецка, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ онъ былъ за пять лѣтъ назадъ, узнать нельзя. Городъ возрастаетъ и возрастаетъ не по днямъ, а по часамъ.

*) Голубая лента. Каковым был пожалован Павлом I 9 XI 1796, с назначением СПб генерал-губернатором, после чего 15 VI 1797 был отставлен от службы и выслан в Тамбовские деревни. † 6 I 1814

Много встрѣтилъ я такихъ знакомыхъ, которые знали меня въ ребячествѣ, и между прочимъ стараго городничаго Петра Тим. Бурцова, живущаго теперь лѣтъ 10 на покоѣ, отличнаго человѣка, у котораго дочери такія неблагообразныя, но за то добрыя и премилыя. Старикъ огорченъ поведеніемъ единственнаго сына, гусарскаго поручика *), добраго будто бы малаго, но величайшаго гуляки и самаго отчаяннаго забулдыги изъ всѣхъ гусарскихъ поручиковъ. Встрѣтилъ также и добраго Ив. Ник. Лодыгина, прекраснаго человѣка на всякое дѣло и бездѣлье. Съ нимъ неразлучно воспоминаніе о родномъ дядѣ его Петрѣ Лукичѣ Вельяминовѣ, другѣ Николая Александровича Львова и Алексѣя Николаевича Оленина, одномъ изъ ближайшихъ по сердцу людей Г. Р. Державина. Въ посланіи своемъ къ Музѣ, исполненномъ очаровательной меланхоліи, не смотря на жесткость нѣкоторыхъ стиховъ, пѣвецъ Фелицы называетъ его любителемъ Музъ и оплакиваетъ его отсутствіе въ числѣ четырехъ друзей своихъ:

. „Гдѣ Хариты?
И друзей моихъ ужъ нѣтъ:
Львовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты,
За Днѣпромъ Капнистъ живетъ;
Вельяминовъ, Музъ любитель,
Согнутъ горестьми въ дугу, и проч.

Наконецъ, увидѣлъ я и еще стараго знакомца и баловника моего Ив. Егор. Штейна. Онъ по прежнему здѣсь лѣсничимъ, по прежнему добрякъ, по прежнему не выпускаетъ изо рта трубки, по прежнему воображаетъ себя великимъ знатокомъ въ музыкѣ и теперь безпрерывно у насъ и впился въ Димлера. Обязательный человѣкъ! Узнавъ, что у меня нѣтъ охотничьей подружейной собаки, онъ тотчасъ же подарилъ меня двумя преогромными Польскими лягавами псами, которымъ кличка: Дуракъ № 2 и Дуракъ № 3. Дуракъ № 1 у него завѣтный. Я не утерпѣлъ и въ тотъ же день попробовалъ ихъ въ полѣ. Эти дураки умнѣе многихъ умныхъ: послушны, вѣжливы, плаваютъ какъ рыба, и чутье диковинное. Добротою своею они напоминаютъ мнѣ моего Трезора. Здѣсь не понимаютъ, какъ рѣшился Иванъ Егоровичъ подарить мнѣ такихъ собакъ, отъ которыхъ даже и щенка никто у него допроситься не могъ, и не знаютъ, чему приписать такое великодушное пожертвованіе.

18 Іюля, Вторникъ. Между тѣмъ какъ все общество, прогуливаясь по галлереѣ и около источника, наполняло желудки свои вонючею

*) Тотъ самый, къ которому Денисъ Давыдовъ написалъ извѣстное посланіе: Бурцовъ ёра, забіяка и проч.—Алексѣй Петровичъ Бурцовъ † 1813 въ Брестѣ Литовскомъ. П. Б.

влагою, большею частію съ парнымъ молокомъ, Н. Н. Сандуновъ подсадилъ меня къ себѣ, чтобы потолковать о литературѣ, стихахъ и прозѣ, о поэтахъ и прозаикахъ. Я всегда полагалъ, что Н. Н., не смотря на свое юридическое призваніе, любитъ литературу и особенно театральную, чему доказательствомъ служатъ его разныя піесы, которыя мы разыгрывали на пансіонскомъ театрѣ, не говоря уже о капитальномъ переводѣ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ», но никогда не думалъ, чтобы онъ самъ былъ стихотворцемъ. Онъ прочиталъ мнѣ свою пѣсню подъ названіемъ *Денежный Мѣшокъ*. Стихи нехороши, и сверхъ того есть куплеты de très mauvais genre, напр.:

Чернобровы, бѣлокуры
Не откажутъ ни одна;
Деньги не клюютъ лишь куры,
А любовь до нихъ жадна, и пр.

Но со всѣмъ тѣмъ сенатскій оберъ-секретарь-поэтъ есть явленіе замѣчательное и отрадное. Говорятъ, что при покойной Императрицѣ въ числѣ оберъ-секретарей было много литераторовъ, и между прочими *Иванъ Хмѣльницкій*, издавшій *Зримый Свѣтъ въ лицахъ*, книгу съ картинами, составлявшую отраду дѣтей отъ 7 до 10-лѣтняго возраста и мою, и *Ѳедоръ Эминъ*, авторъ комедіи *Знатоки*, въ которой такъ смѣшонъ астрономъ, открывшій новое созвѣздіе *Собака* и такъ логически и важно отвѣчающій тѣмъ, которые сомнѣваются въ его открытіи:

Коль есть въ планетахъ Раки,
Такъ почемужъ не быть тамъ и моей Собакѣ?

У источника я познакомился съ однимъ израненнымъ или, вѣрнѣе, изрубленнымъ въ котлету, маіоромъ Ф. А. Евреиновымъ, страстнымъ охотникомъ до книгъ и литературы, но литературы отсталой, т.-е. семидесятыхъ годовъ. Онъ бредитъ Волтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія. Пресмѣшной! Я часто пробовалъ разувѣрять его на счетъ этихъ философовъ, которыхъ сочиненія никогда не наполняютъ такъ души и не утѣшаютъ сердца, какъ задушевныя стихотворенія Шиллера и многихъ другихъ авторовъ. Куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта, не даетъ слово выговорить.—Да читали вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?—Не читалъ, и читать не хочу и не буду! Изволь съ нимъ спорить!

Нельзя довольно налюбоваться милою докторшею. Что̀ это за прелестная женщина, простая, веселая, безъ всякаго жеманства! Она бы-

ваетъ ежедневно у насъ, и мужъ очень доволенъ, что она подружилась съ нашимъ семействомъ и остается у насъ иногда по цѣлымъ днямъ, потому что ей нескучно; а можетъ быть онъ и радъ прятать свое сокровище подъ крыло матушки. Чужая душа—потемки!

20 Іюля, Четвергъ. Я рѣшительно въ восторгѣ отъ своихъ Дураковъ: это команда конечно не слишкомъ вострая и проворная, но умная, терпѣливая и вѣрная. Если они уже разъ почуяли что-нибудь, то слѣдуйте за ними смѣло: они приведутъ васъ прямо къ птицѣ и стоятъ на мѣстѣ, какъ вкопаные. Честь и слава утѣшителю моему Ивану Егоровичу! Отецъ по просьбѣ матери подарилъ ему славнаго верховаго Донца, въ которомъ онъ нуждался: не хотѣлъ брать, насилу упросили. Чтобы дать тебѣ понятіе о изобиліи дичи въ здѣшнихъ окрестностяхъ, скажу только одно, что вчера въ два ружья съ охотникомъ Павломъ, котораго ты знаешь, мы убили болѣе 15 паръ разнородной дичи, не считая тѣхъ частыхъ пуделей, которыя я давалъ къ великому изумленію и неудовольствію дурацкой моей компаніи. Сверхъ того, какая пріятная охота! Нѣтъ мокрыхъ трясинныхъ болотъ, по берегамъ огромнаго озера растутъ камышъ и осока, удобно подкрадываться подъ птицу; рѣка, кусты и вокругъ зелень и ковыль. Всякую птицу найдешь, большую и малую: отъ кряквы до чирка, отъ кроншнепа до гаршнепа. Дорожные спутники мои не ѣздятъ со мною на охоту, говоря, что имъ и безъ того весело и что они не хотятъ сами *париться* и *жариться*, а довольны тѣмъ, что по моей милости для нихъ *напарятъ* и *нажарятъ*.

Завтра графъ Чернышовъ даетъ un goûter dansant въ галлереѣ для всей Липецкой публики, пьющей и непьющей. Мнѣ кажется, это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей въ свѣтѣ, умный, острый, привѣтливый; а какъ образованъ, какой даръ слова! Надобно видѣть, какъ занимаются своимъ туалетомъ мѣстныя красавицы. Monsieur Lebourg, красноносый, плутоватый Французъ, продалъ почти всѣ свои модные товары, а сверхъ того спустилъ содержателю галлерейнаго буфета *Пріори* для графскаго goûter рублей на 300 разныхъ винъ, которыхъ у графа не случилось. Столъ заказанъ ему на 100 человѣкъ; но на столько персонъ у него не достанетъ серебра, которое пополнится присылкою изъ разныхъ домовъ.

Здѣсь находится, для сбора на какой-то монастырь, одинъ іеромонахъ, отецъ *Павлинъ*, человѣкъ весьма замѣчательный. Отъ роду ему должно быть лѣтъ 35; но какой умъ, какой мастеръ говорить, какое приличіе во всѣхъ движеніяхъ и поступкахъ, и ко всему этому совершенный красавецъ. Онъ конечно стоялъ бы высоко въ своемъ званіи,

еслибъ былъ изъ ученыхъ, т.-е. схоластикъ; впрочемъ знаній практическихъ онъ имѣетъ слишкомъ достаточно. Есть и еще собиратель, но совершенно въ другомъ родѣ: этотъ еще не монахъ и почитаетъ себя недостойнымъ этого званія. Онъ по временамъ находится какъ будто въ какомъ-то изступленіи и нерѣдко предрекаетъ многимъ будущее. На дняхъ онъ сказалъ что-то матушкѣ, которая очень уважаетъ его.

23 Іюля, Воскресенье. Графскій goûter dansant былъ чудесный: безъ всякихъ затѣй, изобильный, веселый. Ѣли, пили и танцовали съ 5 часовъ до 12; протанцовали бы и всю ночь, еслибы не запрещали того правила, учрежденныя для больныхъ. Нѣмцы мои не сходили съ паркету, и особенно Германо-руссъ Nemo вальсировалъ безъ устали. Я такъ увлекся общею веселостію, что, не смотря на мою неловкость, нѣсколько разъ вальсировалъ съ мад. Альбини, которая танцовать любитъ. Чтò это за женщина! Прелесть. Добрѣйшія demoiselles Labatte, которыя съ нею давно знакомы, потому что отецъ ея Эллизенъ былъ у нихъ домашнимъ врачемъ, сказывали, что она прежде не была такъ хороша, но что теперь такъ прелестна, что другой подобной онѣ не знаютъ. Сегодня мы ѣдемъ всѣ прогуливаться верхами.

Когда гости усѣлись за столомъ, распорядитель праздника *Пріори* сдѣлалъ имъ сюрпризъ: съ полнымъ оркестромъ, принадлежащимъ помѣщику Дехтереву [1]), онъ въ качествѣ Итальянца, supposé toujours chanteur, пропѣлъ или, вѣрнѣе, проревѣлъ арію изъ оперы Cantatrice Villane, въ Русскомъ переводѣ. Ну ужъ арія!

Всѣ женщины—Сирены,
Страхъ любятъ перемѣны!
Молоденьки дѣвицы,
Замужни и вдовицы,
Всѣ на одинъ покрой—
И мужъ глаза закрой!
Мужья, не горячитесь;
А если взбѣлепитесь,
Въ ревнивцы посвятятъ;
А тамъ не горячитесь....
Рога то возвѣстятъ!

Я думалъ, что это переводъ нашего обыденнаго общества, а вышло напротивъ: Н. Н. Сандуновъ сказывалъ, что это переводъ нашего почтеннаго А. Ѳ. Мерзлякова, сдѣланный за деньги по заказу Смоленскаго ген.-губернатора С. С. Апраксина, у котораго есть домашняя опера и будто бы отличный доморощенный буфъ, Иванъ Гавриловичъ

[1]) Единственная дочь этого Дехтерева (въ царствованіе Елисаветы служившаго при посольствѣ во Франціи и тамъ женившагося) вышла за упоминаемаго выше И. Е. Штейна. П. Б.

Гульневъ, ученикъ капельмейстера Моріани. Попался же Алексѣй Ѳедоровичъ! Теперь есть средство отмстить ему за насмѣшки его надъ нами съ Петромъ Ивановичемъ. Эта арія такъ похожа на романсъ Бородулина:

Всѣ женщины—метресы
Престрашныя тигресы;
На нихъ мы тигры сами
Съ предлинными усами.

что̀, кажется, вылилось изъ одного пера.

Я, кажется, писалъ къ тебѣ о всемъ и о всѣхъ, а забылъ упомянуть объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ персонажей: эта особа есть секретарь директора, тит. совѣтн. И. К. Киселевъ, ростомъ съ версту, имѣющій притязаніе на любезность, bon ton и политическое значеніе, а впрочемъ предобрѣйшій малый. Мы часто подслушиваемъ его въ объясненіяхъ съ дамами, но третьяго дня напали на такія выходки, что изъ рукъ вонъ. Напр.: одна довольно полная дама жаловалась на духоту, и онъ говоритъ ей: Вамъ жарко,—каково же мнѣ? Вы согрѣваетесь однимъ солнцемъ, а я (глубокій вздохъ) двумя!—Другая, изъ туземокъ, также плотная, объявляетъ, что больше танцовать не станетъ, потому что очень устала, и онъ умильно возражаетъ: Не вѣрю, Сильфиды не устаютъ! Наконецъ совсѣмъ зарапортовался: подсѣвъ къ премилой княжнѣ Катеринѣ Гагариной, у которой буквально *пре красные*, т.-е. прерыжіе волосы, хотя впрочемъ длинные, густые и вьющіеся, онъ началъ восхищаться цвѣтомъ ея лица, выхваляя его бѣлизну, нѣжность и проч. Та все молчала и только улыбалась; но когда отпустилъ онъ слѣдующую фразу: «вы точно лилія, окруженная золотымъ, лучезарнымъ сіяніемъ!» бѣдная не выдержала. «Ахъ, Иванъ Кузмичъ, вскричала она, не можете представить себѣ, какъ вы намъ всѣмъ надоѣли! и ушла отъ докучнаго кавалера.

Давича послѣ обѣдни, которую отправляли въ придѣлѣ собора, потому что въ главномъ храмѣ ставятъ иконостасъ, я зашелъ посмотрѣть на работы и познакомился съ живописцемъ Трофимомъ Ѳедоровичемъ Дурновымъ, которому онѣ поручены и который самъ писалъ всѣ образа. Вотъ оригиналъ. Онъ учился долго въ Академіи Художествъ и женился на своей натурщицѣ. Съ роду не видывалъ такого бахвала, хотя и знаю многихъ *псовыхъ охотниковъ*. Онъ показывалъ мнѣ запрестольный образъ Снятія со Креста, разумѣется, скопированный съ какой-нибудь гравюры, и восхищался имъ удивительно забавно. Счелъ ли онъ меня какимъ-либо невѣждою въ живописи или въ самомъ

дѣлѣ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ, только утверждалъ преважно, что «Рубенсъ мазилка, а Каррачи, также писавшій Снятіе со Креста, въ ученики ему не годится». Я слушалъ разиня ротъ, не зная, что̀ отвѣчать ему; однакоже осмѣлился спросить: А что̀ вы скажете о Рафаелѣ?—Ну, Рафаель—отвѣчалъ онъ съ миною знатока — конечно живописецъ хорошій: иной разъ пишетъ хоть бы и нашему брату! Ахъ, Господи! Я полагалъ, что этотъ Д. пьяница или сумасшедшій; ни того, ни другаго: рѣшительно ничего хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, примѣрной акуратности и самый попечительный отецъ семейства. Послѣ поставки иконостаса онъ ѣдетъ опять въ Петербургъ писать картину на званіе, будто бы, профессора. Если буду въ Петербургѣ, непремѣнно отыщу чудака: это сущее золото!

25 Іюля, Вторникъ. Вчера утромъ съ часъ сидѣлъ я у Н. П. Архарова. Я виноватъ передъ нимъ: онъ не такъ угрюмъ, какъ первый разъ мнѣ показался; напротивъ, довольно разговорчивъ и сообщителенъ. Сколько разъ я давалъ себѣ слово не поддаваться первому впечатлѣнію—и всегда попадалъ въ просакъ! Старикъ много видѣлъ и испыталъ въ жизни, бесѣда съ нимъ любопытна и поучительна. У него собралось человѣкъ пять посѣтителей, и онъ много разсказывалъ намъ анекдотовъ о себѣ и прежнихъ вельможахъ: о великолѣпіи, которымъ они себя окружали, о благодѣтельныхъ распоряженіяхъ правительства касательно эмигрантовъ во время Фр. революціи, и вспомоществованіяхъ, которыя имъ дѣлали; о способахъ, какіе употреблялись къ прекращенію необыкновеннаго распространенія фальшивыхъ ассигнацій и проч., и проч. «Но знаешь ли ты—спросилъ онъ меня—исторію твоего дѣда съ отцовской стороны? Если не знаешь, такъ я когда-нибудь тебѣ ее разскажу; а теперь покамѣстъ будетъ съ тебя и одного анекдота». Тутъ онъ разсказалъ намъ, какъ, по увольненіи графа Румянцова отъ командованія арміею, дѣдъ мой, который былъ однимъ изъ любимѣйшихъ его полковыхъ командировъ, попалъ въ немилость князя Потемкина и по сему случаю опредѣленъ Вятскимъ губернаторомъ; а чтобы не было ему *скучно*, то и трое дѣтей его помѣщены въ Вятскую же губернію, на разныя мѣста, и въ томъ числѣ отецъ мой опредѣленъ совѣтникомъ Казенной Палаты (Хороша немилость!). Недѣли черезъ двѣ по прибытіи дѣда на губернаторство въ Вятку, онъ какъ-то случайно узналъ, что у одного изъ богатѣйшихъ тамошнихъ купцовъ умерла жена, замучившись родами, но что смертныхъ признаковъ нѣтъ, и тѣло, не смотря на лѣтнее довольно жаркое время, оставалось невредимымъ; а между тѣмъ церковно-служители и всѣ тѣ, коимъ назначалась большая сумма денегъ въ раздачу на поминаніе и подаяніе,

спѣшили пышными похоронами. Дѣдъ послалъ лѣкаря развѣдать о томъ подъ рукою и осмотрѣть тѣло; но лѣкарь явился къ осмотру вооруженный анатомическимъ ножемъ, какъ-будто бы имѣлъ приказаніе анатомировать тѣло. Всѣ знаютъ отвращеніе нашего Русскаго народа отъ этой операціи, и потому лѣкаря одарили, съ тѣмъ, чтобы онъ удостовѣрилъ въ дѣйствительной смерти усопшей. Онъ такъ и сдѣлалъ, и потому умершую отнесли въ церковь, отпѣли, заколотили гробъ, вынесли и хотѣли уже опускать въ могилу, какъ вдругъ является дѣдушка со свитою, приказываетъ немедленно вытащить гробъ и отколотить его; самъ, къ ужасу предстоящихъ, вскрываетъ крышу, снимаетъ покрывало, вглядывается въ лицо умершей и, призвавъ всѣхъ медиковъ и лѣкарей, какихъ только могли отыскать въ городѣ, объявляетъ имъ рѣшительно, что если они не оживятъ умершей, то онъ того лѣкаря, который посланъ былъ отъ него для осмотра тѣла, какъ убійцу, самого закопаетъ въ могилу, а прочихъ велитъ судить, какъ соучастниковъ въ убійствѣ; и вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ городничему приставить къ нимъ караулъ и не давать имъ ни пить, ни ѣсть, покамѣстъ они не воскресятъ умершей.—«Что̀ же ты думаешь—заключилъ Николай Петровичъ—вѣдь умершая-то ожила, разрѣшилась мертвымъ младенцемъ! Но съ тѣхъ поръ дѣду твоему житья не было. Кто бы въ губерніи ни умеръ, а къ нему гонецъ съ просьбою отъ родныхъ умершаго: прикажите лѣкарямъ оживить покойнаго! Кто проситъ о родителяхъ, кто о дѣтяхъ; не случалось только, чтобы мужья просили о воскрешеніи женъ своихъ, а что́ всего страннѣе, что отказъ твоего дѣда не считали отказомъ по невозможности исполненія, но по нежеланію. Съ тѣмъ онъ и вышелъ въ отставку, что не могъ разубѣдить въ своемъ всемогуществѣ.—Да къ стати: знаешь ли, что̀ за человѣкъ былъ прадѣдъ твой Абрамъ Ивановичъ Спѣшневъ, котораго Данковское имѣніе теперь принадлежитъ твоей матери и о которомъ вѣроятно она тебѣ сказывала? Онъ былъ отставной маіоръ и добился этого чина, отъ роду никогда не выѣзжая за межу своего села Ивановскаго, въ которомъ и умеръ, имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду. Добрый и честный былъ человѣкъ, но такой чудило, какихъ теперь и въ Англіи, родинѣ чудаковъ по преимуществу, болѣе не сыщешь. У него была, вопервыхъ, страсть крестить дѣтей, которыхъ для того свозили къ нему десятками изъ сосѣднихъ городовъ и всѣхъ окружныхъ селеній, потому что онъ былъ довольно щедръ на дары своимъ крестникамъ: давалъ по рублю денегъ и снабжалъ ризками. Въ особенности же любилъ быть воспріемникомъ у духовныхъ лицъ и каждому крестнику изъ этого званія жаловалъ на зубокъ по полудесятинѣ земли, такъ что, при кончинѣ его, вся дача вашего села Ивановскаго, какъ

слышалъ я, изрѣзана была на сотни участковъ. Къ счастію, все это по тогдашнему дѣлалось на словахъ, и бабка твоя, войдя послѣ него въ наслѣдство, оставила землю за собою, а владѣльцевъ вознаградила небольшими деньгами. Но главное-то заключалось въ томъ, что онъ въ уѣздѣ всѣхъ перероднилъ между собою до такой степени, что, лѣтъ 25 спустя послѣ его смерти, не находилось женихамъ невѣстъ и невѣстамъ жениховъ. Другую страсть имѣлъ онъ къ голубямъ и *бѣлымъ* иноходцамъ (на которыхъ однакожъ никогда не ѣзжалъ), и по сему случаю разсказывали объ немъ преуморительные анекдоты. Напр., конюхи и голубятники его, состоявшіе изъ самой продувной дворни, зная простодушіе своего барина, не пропускали ни одного праздничнаго дня, чтобы не выманить у него или вина, или молока, или пшеничной муки и проч., подъ предлогомъ, что все это нужно для его фаворитныхъ животныхъ. «Прикажите отпустить вина.—А на что, братцы?—«Да надобно вспрыснуть голубей: что-то запечалились, летать не станутъ». И отказа не было.—«Прикажите отпустить ведра два молока».—А на что столько?—«Да надобно вымыть иноходца».—А воды-то въ Вязовкѣ мало?—«Да нельзя, кормилецъ: иноходецъ бѣлый, такъ водой замараешь.»—Такъ бы и сказали: инъ возьмите.

У Фердинанда Литхенса завелись шуры-муры: онъ нашелъ себѣ здѣсь Луизу, которой онъ очень нравится, и распиваетъ съ нею лимонадъ, разумѣется, безъ яду, отпуская преуморительныя тирады; а *Нето* прикомандировался къ сестрамъ. Онѣ не разстаются съ нимъ и дѣлаютъ изъ него, что̀ хотятъ: выводятъ ему усы, водятъ его въ бумажномъ колпакѣ, одѣваютъ въ женское платье, а намедни заставили его на конюшенномъ козлѣ ѣздить верхомъ по двору. Все это исполняетъ онъ съ удовольствіемъ и совершенно счастливъ. Я продолжаю охотиться, только по вечерамъ, когда спадетъ жаръ; утра же провожу въ галлереѣ, или у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Время летитъ быстро, непримѣтно: того и гляди, что меня скоро выпроводятъ отсюда. Но покамѣстъ я здѣсь, не хочу и думать о грустной минутѣ отъѣзда. Мнѣ приходитъ иногда желаніе съѣздить въ Задонскъ, который такъ близко отсюда; что-то неизвѣстное тянетъ меня поклониться гробу преосвященнаго Тихона, искренняго друга покойныхъ моихъ дѣда и бабки и настоящаго врачевателя сердечныхъ и душевныхъ ихъ скорбей и болѣзней. Мнѣ сто̀итъ только заикнуться о томъ матушкѣ, такъ она сама не дастъ мнѣ покоя и будетъ торопить отъѣздомъ, а между тѣмъ не хочется оставить и Липецкъ. Впрочемъ на поѣздку нужно не болѣе двухъ сутокъ. Vogue la galère *)!

*) Плыви ладья! (т. е. пусть будетъ что̀ будетъ).

1 Августа, Вторникъ. Пелеринажъ свой кончилъ я въ трое сутокъ и чрезвычайно имъ доволенъ, несмотря на нестерпимый жаръ и ужасную пыль, которые меня сопровождали во всю дорогу. Какъ человѣку бываетъ легко, когда онъ исполнитъ обязанность, принятую имъ на себя волею или неволею: точно душа изъ-за заперти выпускается на волю.

Во время трехсуточнаго отсутствія моего въ здѣшнемъ обществѣ не произошло никакого измѣненія, и новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что И. К., наконецъ, короче узнали, и теперь ни барыни, ни барышни не бѣгаютъ уже отъ его комплиментовъ, а напротивъ напрашиваются на нихъ. Послѣ *лучезарнаго сіянія*, которымъ поподчивалъ онъ княжну Гагарину, иначе и быть не могло: les sots sont ici bas pour nos menus plaisirs [1]), говоритъ графъ Gresset-Чернышовъ. Только воля ихъ, а мой Трофимъ Өедоровичъ, серьезно убѣжденный и еще серьознѣе убѣждающій, что *Рафаель живописецъ хоть бы ему подъ стать*, стòитъ десятка Ивановъ Кузьмичей. Я, наконецъ, залучилъ къ себѣ этого Т. Ө. и нахожу, что внѣ круга своего искусства онъ очень неглупый и дѣльный человѣкъ. Къ сожалѣнію онъ почти не выходитъ изъ этого круга; теперь началъ говорить, что какой-то новый живописецъ Егоровъ, недавно возвратившійся изъ чужихъ краевъ, можетъ быть со временемъ замѣнитъ его.

Ну не примилые ли люди эти всѣ Л., и старикъ со старухою, и добрыя болтливыя его дочери? Какъ-то услышали отъ матушки, съ которою крѣпко подружились, что ей бы хотѣлось записать меня въ Иностранную Коллегію, они тотчасъ же поручили зятю своему Ивану Петровичу Эйнбродту, лейбъ-хирургу императрицы Маріи Өеодоровны, чтобы немедленно хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Коллегію; и сегодня, когда я пришелъ благодарить ихъ и объявилъ, что я еще не уволенъ изъ университета и не имѣю аттестата, то они мнѣ сказали, «что это ничего не значитъ; что пусть Э. все подготовитъ, et quand «vous recevrez vos papiers, vous viendrez à Pétersbourg tout droit chez «nous et vous serez inscrit au Collège dans l'espace de 8 jours [2]). Альбини утверждаетъ, что Э. легко это сдѣлать, но что и онъ съ своей стороны желалъ бы оказать мнѣ услугу, и для этого предлагаетъ по полученіи мною въ будущемъ Мартѣ университетскаго аттестата прислать его съ другими нужными бумагами прямо къ нему; что онъ уже

[1]) Дураки предназначены здѣсь для нашихъ мелкихъ удовольствій.

[2]) И когда вы получите свои бумаги, пріѣдете въ Петербургъ прямо къ намъ и будете черезъ 8 дней записаны въ Коллегію.

отдастъ ихъ Э. и вмѣстѣ съ нимъ похлопочетъ, чтобы меня опредѣлили въ службу заглазно. А за тѣмъ вотъ что говоритъ онъ: Et comme à la fin du mois d'Avril je devrai probablement revenir à Lipetzk, alors ne serait-il pas possible d'arranger les choses de manière que vous puissiez partir pour Pétersbourg ensemble avec moi après la saison des eaux; car je serai enchanté d'être votre cicerone dans une ville que vous ne connoissez pas encore et de vous faciliter les moyens de faire des bonnes connoissances*). Боже мой, да это такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, котораго я никогда не смѣлъ надѣяться и за которое не знаю какъ благодарить Провидѣніе.

И. Н. Лодыгинъ не даромъ племянникъ П. Л. В., *Музъ любителю*, какъ называлъ его Державинъ, и не напрасно онъ былъ домашнимъ человѣкомъ въ поэтическомъ кругу Н. А. Львова. Онъ самъ пишетъ недурные стихи, хотя по скромности и не любитъ всякому читать ихъ. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ проявляются мысль и чувство, и эти достоинства могутъ извинить въ нихъ нѣкоторую неопредѣленность выраженій и неправильность въ словоудареніи. Изъ числа этихъ стихотвореній мнѣ понравилось одно подъ названіемъ *Соловей на могилѣ пѣвицы*, написанное вотъ по какому случаю. Лѣтъ 12 тому назадъ авторъ былъ страстно влюбленъ въ К. П. С., милую и образованную дѣвицу, которая любила музыку, какъ онъ любилъ ее, т. е. безъ памяти; имѣла прекрасный обработанный голосъ и пѣла съ большимъ чувствомъ. Къ несчастію, эта дѣвица неожиданно умерла и погребена въ деревнѣ у церкви, на родовомъ кладбищѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти, Лодыгинъ, проѣзжая поздно вечеромъ мимо кладбища, услышалъ соловья, распѣвавшаго на одной изъ березъ, окружавшихъ церковную ограду, и вотъ этотъ соловей сдѣлался сюжетомъ слѣдующей элегіи:

Что такъ громко, соловей,
 Стонешь надъ могилой,
Гдѣ соперницы твоей
 Прахъ почіетъ милой?

Иль ты хочешь, соловей,
 Ночи въ часъ унылой,
Звучной пѣснію твоей
 Разбудить прахъ милой?

*) И такъ какъ въ концѣ Апрѣля мнѣ вѣроятно придется опять быть въ Липецкѣ, то нельзя ли будетъ устроить такъ, чтобы послѣ питья водъ намъ ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ: потому что я буду чрезвычайно радъ быть вашимъ руководителемъ въ неизвѣстномъ еще вамъ городѣ и помочь въ пріобрѣтеніи вамъ хорошихъ знакомствъ.

Пѣсня сладостна твоя;
 Но сто кратъ нѣжнѣе
Раздавалась пѣснь ея,
 Слаще и милѣе!

Пѣсня дѣвы молодой
 Въ сердце западала,
Какъ воздушной арфы строй
 Душу проникала.

Много, много васъ пѣвцовъ
 Съ весною прибудетъ,
Но весна почившей вновь
 Къ пѣснямъ не разбудитъ!

Голосъ смолкъ, погаснулъ взоръ,
 Здѣсь она отпѣла,
И къ пѣвцамъ безплотнымъ въ хоръ,
 Въ небо улетѣла!

— Повѣрите ли, говорилъ мнѣ Л. со слезами на глазахъ, что эти стихи вылились у меня изъ души тутъ же, въ самую минуту, какъ я проѣзжалъ мимо церкви, возлѣ которой погребена первая и послѣдняя любовь моя?—Вѣрю!

6 Августа, Воскресенье. Вотъ сегодня ровно мѣсяцъ, какъ мы пріѣхали сюда, а мнѣ кажется, что я здѣсь только со вчерашняго дня: такъ незамѣтно прошло все это время. Намъ и въ голову не приходило бы возвращеніе въ Москву, еслибъ не письма Петра Ивановича, которыя постепенно пріучаютъ насъ къ идеѣ оставить Липецкъ. Съ 17 ч. начнутся курсы профессорскихъ лекцій, и по совѣсти я долженъ бы поспѣшить къ ихъ началу. Но что́ дѣлать? Бываютъ такія обстоятельства, которыя разрушаютъ самыя благія намѣренія. Я отвѣчалъ П. И., чтобы прежде 1 Сентября онъ меня не ждалъ.

Сегодня разгавливаются яблоками: изъ окрестныхъ селеній навезли груды этихъ плодовъ, такъ что не знаютъ куда съ ними дѣваться. Пріѣзжимъ запасать въ прокъ ихъ нельзя, а у коренныхъ Липецкихъ жителей свои сады. Чтобы помочь бѣднымъ крестьянамъ въ сбытѣ ихъ произведеній, на который они съ такою увѣренностію разсчитывали, мы рѣшились собрать подпискою нѣкоторую сумму и скупить привезенныя яблоки. Такъ и сдѣлали. Всѣ охотно давали деньги, даже и самъ скупой В. предложилъ 5 рублей въ коллекту безъ всякаго приглашенія красавицы Альбини, которой принадлежитъ эта филантропическая идея. Но что́ же дѣлать съ такимъ количествомъ яблокъ? Волшебница и тутъ нашлась: она рѣшила собрать со всѣхъ дворовъ дѣтей, мальчиковъ и

дѣвочекъ, и также пригласить дворовыхъ людей изъ свиты пріѣхавшихъ на воды господъ, и раздѣлить имъ скупленные фрукты. Исполнителями этого распоряженія были *Нето* и Кузмичъ, который, утративъ имя и оставшись при одномъ отчествѣ, рѣшительно дѣлается дамскимъ фаворитомъ и несетъ такую гиль, что перещеголялъ и самаго Бородулина. А что̀ ты скажешь про милую коллектрису? Какъ добрая душа пользуется всѣми случаями, чтобы сдѣлать доброе дѣло!

Одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ, горный чиновникъ Матвѣевскій, у котораго теперь въ завѣдываніи небольшіе остатки бывшаго здѣсь нѣкогда огромнаго чугуннаго завода, желая удивить насъ своимъ хозяйствомъ, принесъ огромное яблоко около 2 ф. вѣсомъ и разсказывалъ способъ, какой употреблялъ онъ для произведенія плода такой чудной величины. Для этого онъ выбиралъ молодое и сильное деревцо во время его цвѣту и, не допуская цвѣтъ до завязи, общипывалъ его весь, кромѣ трехъ или четырехъ цвѣтковъ, которые и оставлялъ цвѣсти до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлается въ нихъ завязь. Изъ этихъ трехъ или четырехъ завязей онъ уже выбиралъ самую полную и сочную и, оставляя ее одну, уничтожалъ другія. Симъ способомъ производилъ онъ всѣхъ родовъ плоды необыкновенно крупные. Матушка не хотѣла отстать отъ опытнаго садовода и снабдила его огромнымъ домашнимъ арбузомъ слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, прекраснѣйшаго вкуса.

На вопросъ мой, откуда брали дрова для чугуннаго завода, когда вокругъ Липецка я не видалъ ни одного крупнаго дерева, Матвѣевскій мнѣ сказалъ, что все пространство за озеромъ, которое съ горы теперь представляется пустынею и простирается верстъ на 20 до самаго селенія Ольшанки, было нѣкогда непроходимымъ боромъ, въ которомъ водились медвѣди и россомахи, и что онъ самъ даже запомнитъ много лѣсовъ по ту сторону озера; что причиною истребленія этихъ лѣсовъ въ такое непродолжительное время была прежде неумѣренная, сплошная рубка дровъ для завода безъ раздѣленія на лѣсосѣки, а послѣ неограниченное попущеніе всякому рубить сколько душѣ угодно. Жаль! Какой, думаю, великолѣпный былъ прежде видъ съ горы, когда это безподобное озеро окаймлялось густымъ лѣсомъ, и эта теперешняя Липецкая Ливія отѣнялась зелеными рощами!

12 Августа, Субота. Во Вторникъ назначенъ въ галлереѣ танцовальный пикникъ. Это затѣи графа Чернышова, къ величайшему удовольствію всей Липецкой публики, молодыхъ людей и стариковъ, изъ которыхъ рѣдкіе, вопреки общему мнѣнію, нерады чужой радости и

невеселы чужимъ весельемъ. Между тѣмъ этотъ пикникъ насъ не очень занимаетъ. У насъ ежедневно свои домашніе танцы подъ фортепіано Димлера: сестры, нѣсколько ихъ пріятельницъ, очаровательная Альбини, безпечный *Нето*, веселый трагикъ, Логомахъ-Кузмичъ, двое молодыхъ застѣнчивыхъ сосѣдей, вальсирующихъ мастерски, и я на подставку; балъ хоть куда; а за тѣмъ—кто во что гораздъ!

Но въ этихъ безпрерывныхъ семейныхъ удовольствіяхъ, по временамъ возстаетъ предо мною угрожающій призракъ—мысль о приближающемся отъѣздѣ. Что жъ! Нельзя, чтобы счастье было продолжительнымъ: иначе оно не было бы счастьемъ. Однакоже, кто знаетъ! Для меня въ Липецкѣ открылась какая-то новая перепектива. Не знаю, куда приведетъ она; но я исполненъ отрадныхъ надеждъ и твердо рѣшился идти по ней.

Сей часъ получилъ твое письмо. Ну негрѣшно ли церемониться и не сказать прямо: пришли мнѣ Дурака? Чтобы угодить тебѣ какъ можно скорѣе, отецъ нынче же посылаетъ нарочнаго въ твое Никольское за Гаврилою, по прибытіи котораго онъ немедленно отправленъ будетъ къ тебѣ на почтовыхъ съ Дуракомъ N 2.

16 Августа, Среда. Я такъ недолго здѣсь пробуду, что надобно забыть объ охотѣ, и потому рѣшился послать къ тебѣ оба NN моихъ Дураковъ съ тѣмъ, что если бы на будущій годъ мнѣ случилось опять сюда пріѣхать, то ты пришлешь мнѣ одного изъ нихъ на то время, которое я здѣсь пробыть могу. Отецъ снарядилъ тебѣ славнаго верховаго горца, котораго подарилъ ему А. Д. Измаиловъ въ припадкѣ излишней щедрости; увѣдомь, когда и съ кѣмъ велишь прислать его. Мнѣ кажется, что тотъ же Гаврикъ можетъ исполнить и это порученіе. Вѣроятно ты спросишь: отъ чего я полагаю быть опять здѣсь въ будущемъ году? Вотъ отъ чего: матушка имѣетъ довѣренность къ Альбини и чувствуетъ себя лучше здѣсь, чѣмъ въ Ивановскомъ; сестрамъ веселѣе, а въ прожиткѣ большой разницы нѣтъ: также все почти свое, деревня подъ руками.

Пикникъ удался какъ нельзя лучше: время благопріятствовало, танцовали много. Полдникъ былъ преизобильный. Въ заключеніе пускали небольшой фейерверкъ. При первой ракетѣ я вспомнилъ Брандштедтеровъ и любимое ихъ лакомство—лягушекъ, которыхъ въ здѣшнемъ озерѣ бездна. Кстати объ озерѣ. Какъ жаль, что здѣсь вовсе нѣтъ никакихъ средствъ для прогулокъ по водѣ: не только шлюпки, но и простой порядочной лодки найти нельзя.

Историкъ Гиббонъ и медикъ Тиссотъ имѣли склонность къ какой-то красавицѣ, помнится леди Фостеръ, и ревновали ее другъ къ другу; разумѣется, при каждомъ ихъ свиданіи у предмета ихъ страсти, не обходилось безъ взаимныхъ колкостей. Однажды, когда Гиббонъ по желанію леди читалъ ей отрывки изъ своей Исторіи, Тиссотъ сказалъ ему: Г. историкъ, когда леди Фостеръ занеможетъ отъ скуки, слушая васъ, я ее вылечу.—Г. медикъ, отвѣчалъ Гиббонъ, когда леди Фостеръ умретъ отъ вашего лѣченья, я сдѣлаю ее безсмертною!

Нѣчто подобное случилось со мною.

Гиббонъ-Лабатъ и Тиссотъ-Альбини, въ порывахъ своего доброжелательства ко мнѣ, заспорили вчера о той карьерѣ, которую я избрать долженъ, и о средствахъ выдти въ люди. Альбини говоритъ, что вообще для успѣховъ въ службѣ мнѣ полезнѣе будутъ занятія серьозныя и что я долженъ продолжать учиться; а Лабатъ утверждаетъ, въ качествѣ Француза de la vieille roche*), что все это вздоръ, и что для успѣховъ по службѣ скорѣе нужна благосклонность общества, и въ особенности женщинъ. Но знаете ли вы, генералъ, возразилъ Альбини, что ваши совѣты могутъ вскружить ему голову, и тогда мнѣ придется лѣчить его отъ заразы разсѣянія!—А знаете ли вы, докторъ, отвѣчалъ живой старикъ, что когда отъ вашихъ совѣтовъ онъ будетъ въ чахоткѣ, тогда *мимо васъ* вылѣчу его разсѣяніемъ?

24 Августа, Четвергъ. Вотъ тебѣ послѣднее мое донесеніе изъ Липецка. Мы выѣзжаемъ послѣ завтра или наипозже въ Воскресенье, 27 ч., прямо въ Москву, не заѣзжая въ деревню. Мои остаются еще здѣсь на недѣлю. Всѣ мы, отъѣзжающіе и остающіеся, грустны до того, что даже прогулки наши прекратились. Сегодня сдѣлалъ я нѣсколько церемоніальныхъ прощальныхъ визитовъ, а завтра сдѣлаю остальные нецеремоніальные.

Н. П. Архаровъ сказывалъ, что война съ Французами у насъ неизбѣжна, потому что Государь, по милосердію своему, вѣрно захочетъ помочь Нѣмцамъ: иначе они пропали. Старикъ читаетъ иностранныя газеты и постоянно слѣдитъ за политическими происшествіями въ Европѣ, а сверхъ того и по положенію своему имѣетъ случай знать больше другихъ; слѣдовательно ему можно вѣрить.

Съ нами по пути ѣдетъ до Лебедяни отставной мичманъ Андреевъ, довольно добрый старикъ и чудакъ преуморительный. По мнѣнію его,

*) Стараго закала.

вся природа измѣнилась теперь къ худшему, а люди стали обезьянами. «Господи, воля Твоя! Что̀ это за господа бывали въ старину, говоритъ онъ. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять покойника дѣда твоего, князя Г. Ѳ.*), царство ему небесное! Ужъ подлинно былъ настоящій баринъ, человѣкъ серіозный, тучный, грузный, бригадиръ, ходилъ всегда съ натуральною тростью, съ золотымъ набалдашникомъ; сюртукъ носилъ свѣтлозеленый съ красными лацканами и обшлагами, нынѣшнихъ три выкроить можно. Бывало, кто хочетъ ему кланяйся, а онъ только что кивнетъ головою; а какъ задумаетъ въ гости, къ воеводѣ, либо къ какому сосѣду на храмовой праздникъ, такъ сборы-то и пойдутъ еще съ вечера: призоветъ дворецкаго, да при немъ и учнетъ приказывать кучерамъ подъ такой-то *лакипажъ* такую-то шестерню, а подъ такой-то такую-то; самъ, бывало, сядетъ съ княгинею въ линею на шестеркѣ пѣгихъ. А теперь что? Ничего, такъ стрень-брень. Вотъ я тебѣ разскажу, какъ онъ встрѣчалъ изъ походу сына своего, князя Михайла, что̀ послѣ...»

Эту исторію я не далъ разсказывать мичману, потому что мнѣ теперь нѣкогда слушать, да надобно же и приберечь что-нибудь для дороги. Если разсказъ о нашемъ дѣдушкѣ покажется мнѣ сколько-нибудь занимательнымъ, то сообщу его тебѣ изъ Москвы. Прости!

*

3 Сентября, Воскресенье. Мы пріѣхали третьяго дня; Петръ Ивановичъ обрадовался мнѣ, какъ родному брату. Онъ не понимаетъ, что̀ меня могло задержать такъ долго, и какъ столько времени я могъ оставаться въ совершенной праздности, и всю вину сваливаетъ на моихъ товарищей; я увѣряю, что напротивъ всему причиною одинъ я, и это совершенно справедливо, потому что на счетъ отъѣзда мои товарищи были всегда въ моемъ распоряженіи.

Между тѣмъ говори что̀ хочешь, а у меня тоска по Липецкѣ; авось не разобьютъ ли ея лекціи, на которыя начну ѣздить съ завтрашняго дня. Я пропустилъ ихъ немного и, при небольшомъ прилежаніи, въ недѣлю войду опять въ свою колею.

Говорятъ, что на роли старухи madame *Lavandaise*, игравшей любовницъ и даже Федру, пріѣхала новая актриса. Надлежало бы взглянуть на нее, но я далъ себѣ слово нынѣшній мѣсяцъ не заниматься театромъ и развѣ съѣзжу посмотрѣть Эдипа въ Аѳинахъ, котораго скоро давать будутъ. Правда, надобно однажды побывать и у

*) Князя Гавріила Ѳедоровича Барятинскаго. П. Б.

Нѣмцевъ, чтобъ они не думали, что я ихъ забылъ. Роли m-lle Stein заняла m-me Шредеръ, также очень пріятная и миловидная актриса, съ хорошимъ голосомъ.

Нетерпѣливо жду отъ тебя писемъ. Хочется узнать, доволенъ ли ты мною?

А знаешь ли, что недоразсказанная исторія не безъ интереса. Въ этой встрѣчѣ, которую сдѣлалъ старикъ проказнику-сыну, много характеристическаго. Когда-нибудь передамъ ее словами самого разсказщика.

7 Сентября, Четвергъ. Весь городъ толкуетъ о войнѣ; ненависть къ Бонапарте возрастаетъ, между тѣмъ какъ любовь къ Государю доходитъ до обожанія, и довѣренность къ нему безпредѣльна. Не умѣю выразить тѣхъ чувствъ, которыя одушевляютъ каждаго при чтеніи указа отъ 1-го Сентября о рекрутскомъ наборѣ, въ которомъ Государь изволитъ говорить, что не можетъ равнодушно смотрѣть на опасности, угрожающія Россіи, и что безопасность Имперіи, достоинство ея, святость союзовъ *и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль Государя составляющее, водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ*, рѣшили его двинуть нынѣ часть войскъ за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія *).

Ну какъ при семъ случаѣ не вспомнить пророческихъ стиховъ вдохновеннаго Державина о Государѣ!

Не на словахъ Ты милосердье
Покажешь, на дѣлахъ Твоихъ...
Посадишь мудрость ты съ собою,
Велишь ей научать себя;
Пройдешь съ народною толпою,
Проникнетъ правда до Тебя.
Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
Войну обымешь тишиной.

Наконецъ, вотъ и письмо твое; сердечно радъ, что ты мною доволенъ. Но за то я не очень доволенъ собою: занимаюсь прилежно, чтобы управиться съ пропущенными лекціями, да туго идетъ—избаловался.

Вчера утромъ ѣздилъ я къ П. Т. Бородину съ письмомъ отъ М. А Устинова для полученія 300 рублей въ число денегъ, слѣдующихъ отцу. Меня ввели въ тотъ самый кабинетъ, въ которомъ зимою

*) Тогдашніе добродушные и легкомысленные Москвичи не подозрѣвали, что эта война приведетъ Французовъ въ Москву. П. Б.

во время бала происходила такая игра въ банкъ; откупщикъ, какъ видно, съ похмѣлья, сидѣлъ въ креслахъ, и какой-то домашній эскулапъ-Нѣмецъ щупалъ у него пульсъ:—«Фамъ нада-ть принимаитъ лѣкарства, я пропишетъ фамъ габли».—«А какъ принимать ихъ?» – «На сахаръ».—«Дуракъ, братъ - Нѣмецъ: я вѣдь не ребенокъ».—«Ну на вода».—«Совсѣмъ, братъ, дуракъ: пей воду самъ».—«Пошалуй съ водка».—«Ну такъ бы и сказалъ, *любезный другъ*!

Хорошъ паціентъ, да и лѣкарь не дуренъ!

Штейнсбергъ говоритъ, что желалъ бы сдать свой театръ, потому что не хватаетъ здоровья и силъ на исполненіе двоякой обязанности: директора и актера. Кажется А. М. Муромцовъ[1]) хочетъ попасть въ театральные султаны. Онъ крѣпко увивается около Штейнсберга; но съ такимъ директоромъ театръ уйдетъ не далеко, также какъ и онъ самъ не далеко уйдетъ съ театромъ; всѣ утверждаютъ, что состояніе разстроится непремѣнно.

12 Сентября, Вторникъ. На вопросъ Ив. Ив. Дмитріева у пріѣхавшаго изъ Петербурга г. Максимовича, служащаго въ Коммисіи Составленія Законовъ, что̀ дѣлаютъ тамошніе литераторы и въ особенности Державинъ, Максимовичъ отвѣчалъ, что, по слухамъ, онъ сочиняетъ какую-то оперу въ родѣ *Метастазія.*—Развѣ въ родѣ *безобразія*, возразилъ Дмитріевъ.

Ив. Ив. не можетъ скрыть своего сожалѣнія, что величайшій лирическій поэтъ нашего времени, и можетъ быть всѣхъ временъ, на старости лѣтъ предпринимаетъ сочиненія, совершенно несвойственныя его генію: пишетъ и даже переводитъ трагедіи, комедіи и оперы, въ подрывъ своей славѣ, которою Ив. Ив., какъ старинный его пріятель и усердный почитатель его таланта, такъ дорожитъ, что желалъ бы видѣть ее неприкосновенною для критики.

Англоманъ Н. М. Гусятниковъ[2]) много разсказывалъ между прочимъ о покойномъ графѣ Ѳедорѣ Григорьевичѣ Орловѣ, который, по его словамъ, былъ человѣкъ большаго природнаго ума, сильнаго ха-

[1]) Братъ автора Воспоминаній, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" нынѣшняго года. П. Б.

[2]) Мать первыхъ трехъ дѣтей графа Ѳ. Г. Орлова (еще при Екатеринѣ получившихъ дворянство), Алексѣя (впослѣдствіи князя), Михаила и Ѳедора Ѳедоровичей была красавица Гусятникова, выданная за придворнаго служителя старика Попова. Это вѣроятно сестра Н. М. Гусятникова. П. Б.

По біограф. словарю И. Р. И. О. Гусятникова была матерью других детей Ф. Г. Орлова — Владимира, Федора, Анны и Елиз

рактера, простъ въ обхожденіи и чрезвычайно оригиналенъ въ своихъ мысляхъ, сужденіяхъ и образѣ ихъ изъясненія. Напримѣръ, онъ никогда не предпринималъ ничего не посовѣтовавшись съ кѣмъ-нибудь однимъ, но терпѣть не могъ совѣтоваться со многими, говоря: умъ хорошо, два лучше, но три ума съ ума сведутъ. Онъ уважалъ науки и искусства, но называлъ ихъ *прилагательными*, существительною же наукою называлъ одну *фифіологію*, т.-е. умѣнье пользоваться людьми и своевременностью; равно какъ и важнѣйшимъ изъ искусствъ—искусствомъ терпѣливо сидѣть въ засадѣ и ловить случай за шиворотъ.

Получено извѣстіе, что Государь выѣхалъ уже изъ Петербурга. Общія усердныя молитвы и благословенія сопровождаютъ нашего *Ангела во плоти*, какъ величаетъ его Москва.

На дняхъ провожали мы въ С.-Петербургъ П. С. Молчанова. Вотъ разпремилый-то человѣкъ! Иванъ Ивановичъ говоритъ, что онъ непремѣнно будетъ статсъ-секретаремъ, о чемъ сказывалъ ему графъ Н. П. Румянцовъ, который рекомендовалъ его Государю. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и Александръ Андреевичъ Беклешовъ любятъ его какъ душу. Иванъ Ивановичъ совѣтуетъ мнѣ держаться этого знакомства, которое можетъ со временемъ быть для меня чрезвычайно полезнымъ.

16 Сентября, Субота. Сегодня на Французскомъ театрѣ дебютъ *Девремона* въ пяти піесахъ: Le Marquis par hasard, Le galant Savetier, M-r et m-e Fatillon, Le Rémouleur et la Meunière и La Dinde des mains. И слѣдовало бы поѣхать, но не поѣду: въ будущемъ предстоитъ слишкомъ много удовольствій,—а можетъ быть и счастья! Потерпимъ, reculons pour mieux sauter *). Я теперь бы съ удовольствіемъ съѣздилъ къ Троицѣ-Сергію помолиться Угоднику: вотъ куда меня тянетъ! Никогда не чувствовалъ я такой полноты сердца, какъ теперь; знаю, что безъ молитвы его не опорожнишь, а для молитвы здѣсь я какъ-то разсѣянъ. Непремѣнно въ будущую Суботу поѣду.

Добрѣйшіе Лабаты пріѣхали изъ Липецка и завтра отправляются въ Петербургъ. Они сказывали, что Альбини будетъ сюда къ 1 Октября и, по желанію матушки, остановится у насъ въ домѣ, чего сами они не могли сдѣлать, потому что не хотѣли пробыть здѣсь болѣе сутокъ. Просили прислать какъ можно скорѣе нужныя бумаги для опредѣленія въ службу.

Говорятъ, что какой-то Ламбертъ нашелъ средство управлять воздушнымъ шаромъ и обѣщался произвести опытъ въ Парижѣ; онъ

*) Отступимъ чтобъ лучше прыгнуть.

намѣренъ отправиться изъ Тиволи, спуститься на куполъ инвалидной церкви и потомъ отправиться въ Версаль и проч. П. И. Страховъ увѣряетъ, что это ничто иное, какъ шарлатанство и состояться не можетъ; но Андр. Чеботаревъ, великій физикъ, химикъ и алхимикъ, который ни въ чемъ не сомнѣвается и почитаетъ все возможнымъ, утверждаетъ, что онъ самъ добирается до этой тайны. Желаю успѣха!

Москва наполняется помаленьку: на улицахъ замѣтно больше движенія; но изъ моихъ короткихъ знакомыхъ почти никого еще нѣтъ.

19 Сентября, Вторникъ. А. А. Беклешовъ получилъ извѣстіе, что графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ имѣлъ счастіе 11 числа сего мѣсяца угощать Государя въ Витебскомъ имѣніи своемъ *Усвятъ*, въ самомъ томъ домѣ, въ которомъ останавливалась Екатерина Великая въ 1780 и 1787 годахъ. Графъ Зубовъ такъ былъ восхищенъ пребываніемъ въ его домѣ Государя, что воздвигаетъ памятникъ въ видѣ обелиска съ надписью, которой я добыть не могъ, хотя она и ходитъ въ Англійскомъ клубѣ по рукамъ. Говорятъ, что 17 числа Государь назначилъ быть въ Пулавѣ, у кн. Чарторижскаго, который сопровождаетъ его въ путешествіи. Въ Пулавѣ соберется вся Польская знать и всѣ извѣстныя красотою и любезностію женщины тамошняго края. Государя всюду носятъ на рукахъ. Отрадно и весело слышать.

Дѣдушка видѣлъ репетицію Эдипа и увѣряетъ, что такой трагедіи на Русскомъ языкѣ не бывало. Онъ въ восхищеніи отъ стиховъ и отъ самаго содержанія трагедіи, но игрою актеровъ не очень доволенъ: говоритъ, что, кажется, не понимаютъ ролей своихъ, а вразумить некому; кто въ лѣсъ, кто по дрова. Представленіе назначено 27 числа. Очень любопытно видѣть Воробьеву въ Греческомъ костюмѣ. Слава Богу, что играетъ не Караневичева.

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Русскій театръ въ будущемъ году поступитъ въ вѣдомство Императорской театральной дирекціи, отъ которой и назначенъ будетъ директоръ. Актеры чрезвычайно довольны. Къ довершенію ихъ благополучія имъ объявлено, что все время бытности ихъ въ званіи актеровъ будетъ зачтено имъ въ срокъ, назначенный для полученія пенсіоновъ; слѣдовательно труды ихъ не пропадутъ. Драматическіе авторы также радуются: я видѣлъ Н. И. Ильина и В. М. Ѳедорова, которые утверждаютъ, что теперь драматическая литература въ Москвѣ очень оживится и получитъ настоящіе, свойственные ей размѣры; потому что всякій сочинитель будетъ знать, съ кѣмъ имѣть дѣло.

21 Сентября, Четвергъ. Вмѣсто Суботы отправляюсь къ Троицѣ завтра, пробуду тамъ до Понедѣльника, т. е. 25 ч., потому что это день праздника преподобнаго Сергія, и митрополитъ будетъ отправлять службу соборомъ. Буньковскій ямщикъ подрядился свозить меня взадъ и впередъ за 15 рубл., съ тѣмъ, чтобы ѣхать на тройкѣ, останавливаться въ Пушкинѣ для корму не долѣе 2 часовъ, отъ Троицы съѣздить въ Виѳанію и, наконецъ, возвратиться въ Москву во Вторникъ, не позже 8 часовъ утра. Дорого, да по крайней мѣрѣ безъ хлопотъ.

Воздушныя путешествія входятъ у насъ въ моду. Вотъ и еще новый воздухоплаватель, какой-то *Кашинскій*, объявляетъ о своемъ полетѣ и приглашаетъ съ собою попутчика. Но если съ самимъ Гарнеренемъ никто изъ Москвичей летѣть не рѣшился, то кто же ввѣрится малоизвѣстному человѣку?—Сказывали, что въ Петербургѣ съ Гарнеренемъ леталъ генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, бывшій нѣкогда фаворитомъ князя Потемкина, большой острякъ, и что по сему случаю другой такой же острякъ, Александръ Семеновичъ Хвостовъ, напутствовалъ его вмѣсто подорожной слѣдующимъ экспромтомъ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Проситъ боговъ
О заплатѣ долговъ.

На что генералъ, садясь въ гондолу, отвѣтствовалъ безъ запинки такими же риѳмами:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ,—
Берегись Хвостовъ!

Я досталъ подпись, которая должна быть вырѣзана на обелискѣ, сооружаемомъ графомъ Зубовымъ, въ память пребыванія Государя въ Усвятѣ; вотъ она:

«Великій Государь Императоръ Александръ I-й присутствіемъ своимъ Сентября 11-го дня 1805 г. ознаменовалъ память двукратнаго присутствія 1780 и 1787 Великой Государыни Императрицы Екатерины II-й, на семъ мѣстѣ благотворившей присоединеніемъ подъ державу свою жребій народовъ отторженныхъ, нынѣ блаженствующихъ».

Чувство и мысль есть; но мнѣ кажется, что, по важности случая, подпись требовала бы выраженій сильнѣйшихъ въ слогѣ лапидарномъ.

26 Сентября, Вторникъ. Трое сутокъ на ногахъ, почти не отдыхая, вчерашнюю ночь всю въ дорогѣ, сегодняшнее утро проболталъ, разсказывая Петру Ивановичу свои похожденія, и—ничего не усталъ! Бодръ и здоровъ, какъ говорятъ Нѣмцы: ganz munter; а отъ чего? Отъ того, что все дѣлалъ по влеченію сердца. Чувствую себя довольнымъ: на сердцѣ легко. Богъ вѣсть, продолжительно только ли это состояніе сердечнаго блаженства!

У Троицы насмотрѣлся, наслушался и намолился вдоволь; а сколько воспоминаній! Четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ, при вступленіи моемъ въ пансіонъ Ронка̀, матушка возила меня къ Троицѣ за благословеніемъ Преподобнаго Чудотворца. Въ теперешнюю поѣздку мнѣ хотѣлось непремѣнно совершить пелеринажъ мой по прежнимъ слѣдамъ моимъ. Пріѣхавъ въ Пятницу, я началъ съ молебна, прикладывался къ ракѣ Угодника, удостоился прикоснуться губами къ деревянному гробу его, и за тѣмъ въ Суботу ѣздилъ въ Виѳанію,—словомъ, все исполнилъ точно такъ же, какъ и въ первую поѣздку по матушкиному указанію. Въ Виѳаніи встрѣтилъ митрополита во время его прогулки. Онъ часто останавливался, подзывалъ къ себѣ проходящихъ, раздавалъ какія-то приказанія, вѣроятно по случаю наступающаго въ Лаврѣ праздника, и долго разговаривалъ съ семинаристами. Преосвященный Платонъ показался мнѣ древнимъ Платономъ, бесѣдующимъ въ Аѳинской Академіи съ своими учениками; только я увѣренъ, что языческій Платонъ не былъ такъ благообразенъ и не имѣлъ такой силы убѣжденія, какъ нашъ Платонъ христіанскій. Про него не обинуясь сказать можно: поучаетъ, яко власть имѣяй.

Въ Лавру преосвященный переѣхалъ въ Воскресенье ко всенощной, а вчера въ день праздника служилъ литургію и говорилъ поученіе, котораго я, стоя за тѣснотою далеко, разслушать не могъ; стеченіе поклонниковъ было чрезвычайное. Настоящій христіанскій праздникъ.

Эпоха перваго переселенія изъ деревень въ столицу наступила. Многіе возвратились уже изъ подмосковныхъ; теперь потянутся помѣщики изъ степныхъ деревень; на дняхъ ожидаютъ Лобковыхъ. Очень желаю видѣть востроглазую Арину Петровну. Перестанетъ ли она издѣваться надо мною? Едва ли. Впрочемъ теперь пусто забавляться: угаръ проходитъ, если уже не прошелъ совсѣмъ.

28 Сентября, Четвергъ. Дѣдушка правъ: такой трагедіи, какова *Эдипъ въ Аѳинахъ,* конечно у насъ никогда не бывало, ни по стихамъ,

ни по правильному расположенію. Послѣднее достоинство соблюдено въ ней отъ первой до послѣдней сцены, а это главное; стихи безподобные, дѣйствующія лица говорятъ всѣ свойственнымъ имъ языкомъ, безъ чего впрочемъ стихи не были бы хороши; мысли прекрасныя, чувства бездна; есть сцены до того увлекательныя, что невольно исторгаютъ слезы. Никакой напыщенности, все такъ просто, естественно,— словомъ, Эдипъ такое произведеніе, отъ котораго нельзя не быть въ восхищеніи. Театръ былъ полонъ, ни одного пустаго мѣста; а восторгъ публики былъ единодушный. Плавильщиковъ, игравшій роль Эдипа, былъ большею частію хорошъ, а въ нѣкоторыхъ сценахъ даже превосходенъ. Въ 1-мъ явленіи 2-го дѣйствія, когда онъ узнаётъ, что находится близъ храма Эвменидъ,

Храмъ Эвменидъ! Увы! Я вижу ихъ, онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ, и проч.

онъ, кажется мнѣ, слишкомъ горячился; но за то съ какимъ высокимъ чувствомъ печальнаго воспоминанія сказалъ онъ слѣдующую тираду:

Гора ужасная, несчастный Киѳеронъ,
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извлекъ меня родитель, и проч.

или:

Видала ль ты, о дочь, когда извергнутъ волны
Обломки корабля?
Вотъ жизнь теперь моя!

Но верхомъ совершенства игры его была сцена съ Полиникомъ, въ которой онъ точно выказалъ дарованіе необыкновенное и былъ преимущественно превосходенъ.

Зри руки ты мои прошеньемъ утомленны.
Ты зри главу мою лишенную волосъ:
Ихъ изсушила скорбь, и вѣтеръ ихъ разнесъ.

или:

.... тебя земля не приметъ.
Изъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ!

Я не могъ хорошо запомнить стиховъ, потому что плакалъ какъ другіе, и это случилось со мною въ первый разъ въ жизни, потому что Русская трагедія доселѣ къ слезамъ не пріучала.

Зато—какой Креонъ-Колпаковъ, какой Полиникъ-Прусаковъ, какая Антигона-Воробьева, и какой Тезей! Правда, Тезей-Зловъ туда и сюда: немного холоденъ, немного на ходуляхъ; по крайней мѣрѣ

не смѣшонъ. При слѣдующихъ стихахъ, которые произнесъ онъ не дурно:

> Мой мечъ союзникъ мнѣ
> И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ.
> Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
> Сразить то общество не можетъ и вселенна—

театръ поколебался отъ рукоплесканій и криковъ браво, и проч. Спасибо нашей публикѣ, которая, какова ни есть, не пропускаетъ однакоже ничего, что̀ только можетъ относиться къ добродѣтелямъ обожаемаго нашего Государя.

Матушка пишетъ, что послѣ завтра долженъ пріѣхать Альбини, и чтобы я приготовилъ имъ спокойное помѣщеніе и угостилъ ихъ какъ можно радушнѣе и лучше. Объ этомъ мнѣ напоминать нечего. Мы съ Петромъ Ивановичемъ не занимаемъ и половины дома, слѣдовательно всѣ остальныя комнаты къ услугамъ любезнаго доктора и распремилой его подруги. Что̀ же касается до угощенья, то объ этомъ я также давно позаботился: отъ кислыхъ щей до разныхъ медовъ и наливокъ, всего приготовлено вдоволь, а о кушаньѣ нечего и говорить. Одвихъ развѣ фазановъ не будетъ. Сколько бы ни пробыли они здѣсь, не почувствуютъ рѣшительно ни въ чемъ недостатка: даже снарядилъ для нихъ и карету. И такъ, милости просимъ, желанные гости!

1 Октября, Воскресенье. Всюду толки объ Эдипѣ, и, странное дѣло, есть люди изъ числа старовѣровъ литературныхъ, которые находятъ, что какая-нибудь *Семира* Сумарокова или *Росславъ* Княжнина больше производятъ эффекта на сценѣ, чѣмъ эта безподобная трагедія. Мнѣ кажется, что можно безумствовать такъ изъ одного только упрямства. Всѣ лучшіе литераторы, Дмитріевъ, Карамзинъ, Мерзляковъ отдаютъ полную справедливость автору; да и нельзя: трудъ его достоинъ не только хвалы, но и уваженія. До него никто у насъ на театрѣ не говорилъ еще такимъ языкомъ, и тѣ, которые показываютъ видъ, что предпочитаютъ ему Сумарокова и Княжнина, дѣйствуютъ не весьма добросовѣстно; потому что, хотя и запрещается спорить о вкусахъ, но это запрещеніе относится скорѣе къ огурцамъ и арбузамъ и проч., нежели къ произведеніямъ ума. Впрочемъ, и то сказать: если человѣкъ иногда можетъ быть вещественно близорукъ, косоглазъ и даже слѣпъ, то почему жъ ему не быть близорукимъ, косоглазымъ и слѣпымъ и въ нравственномъ отношеніи? А если допустить это, пословица выйдетъ справедлива: о вкусахъ не спорь.

Какъ жаль, что Озеровъ, при сочиненіи прекрасной тирады проклятія Эдипомъ сына, не имѣлъ въ виду превосходныхъ Дантовыхъ стиховъ, которые такъ были бы кстати и такъ согласовались бы съ положеніемъ самаго Эдипа, испытавшаго на себѣ всѣ бѣдствія, имъ сыну предрекаемыя:

Tu proverai si come sà di sale
Il pane altrui, и проч. и проч.

то-есть:

«Ты испытаешь, какъ солонъ чужой хлѣбъ и какъ жестки ступени «чужаго крыльца; но что̀ еще болѣе для тебя будетъ тягостнымъ, это «скучное и развратное общество, въ которое ты впадешь и которое, «несмотря на свою гнусность, неистовство и безбожіе, обратится одна-«коже противъ тебя и посмѣется надъ тобою».

Въ этомъ сухомъ и плохомъ переводѣ нѣтъ и тѣни тѣхъ красотъ, которыя заключаются въ строфѣ божественнаго Данта; но геній Озерова умѣлъ бы облечь этотъ скелетъ въ надлежащій образъ и вдохнуть въ него жизнь и движеніе.

Сегодняшній спектакль на Петровскомъ театрѣ, несмотря на Воскресенье, отмѣненъ, *по причинѣ* (такъ гласитъ афиша) *воздушнаго путешествія г. Кашинскаго, предпринимаемаго имъ во второй разъ.* Хороша причина!

3 Октября, Вторникъ. Альбини пріѣхали сегодня къ обѣду и пробудутъ до 7 числа. Комнатами и устройствомъ помѣщенія чрезвычайно довольны. Обѣдъ былъ превкусный, а съ дороги, послѣ трехдневной голодухи, показался имъ еще вкуснѣе. Петръ Ивановичъ въ восхищеніи отъ Петербургской красавицы; да иначе и быть не можетъ. У Альбини здѣсь много дѣлъ, и онъ долженъ выѣзжать безпрерывно. Не знаю, буду ли умѣть занять милую гостью, которая во все это время должна оставаться одна, но во всякомъ случаѣ постараюсь и даже приглашу Снѣгиря-Nemo летать къ намъ почаще: онъ знако̀мъ уже съ нею и бываетъ забавенъ.

5 Октября, Четвергъ. Вчера ѣздили въ Нѣмецкій театръ, а сегодня возилъ гостей смотрѣть Эдипа. Милая докторша находитъ, что мадамъ Шредеръ играетъ Русалку не токмо пріятнѣе, нежели въ Петербургѣ мамзель Брюкль *), которая хотя имѣетъ и огромный голосъ, но за то неловка и дурна собою, но даже лучше самой мадамъ Кафка. Отъ Штейнсберга въ восхищеніи: говоритъ, что лучшаго Минневарта

*) Въ послѣдствіи мадамъ Линденштейнъ.

видѣть невозможно, и что онъ и въ Петербургѣ отличался въ этой роли, не смотря на то, что Линденштейнъ, который въ фарсахъ почитается несравненнымъ, игралъ Ларифари. Между прочимъ они сказывали, что главною причиною удаленія Штейнсберга изъ Петербурга было соперничество его съ Линденштейномъ; потому что директоръ Нѣмецкаго театра, Мирé, передалъ Линденштейну половину ролей, занимаемыхъ Штейнсбергомъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобы Альбини посѣщали Русскій театръ и видѣли уже Эдипа въ Петербургѣ. Они находятъ, что Плавильщиковъ въ Эдипѣ превосходнѣе Шушерина, но что всѣ прочія роли играются въ Петербургѣ гораздо лучше, и особенно роль Антигоны, которую исполняетъ воспитанница театральной школы Семенова съ необыкновеннымъ талантомъ.

Мнѣ хотѣлось бы свозить гостей моихъ во Французскій спектакль въ Суботу посмотрѣть двѣ очень хорошія пьесы: La femme, comme il y en a peu, и Les Folies Amoureuses; но къ сожалѣнію они въ этотъ день намѣрены выѣхать.

Получено извѣстіе, что талантливая мамзель Штейнъ вышла замужъ за отличнаго актера Гебгардта и принята на Петербургскій Нѣмецкій театръ, на которомъ мужъ ея занимаетъ амплуа первыхъ любовниковъ. Говорятъ, что она съ каждымъ днемъ видимо совершенствуется, что публика принимаетъ ее лучше, нежели мамзель Брюкль въ операхъ и холодную красавицу мамзель Лёве въ комедіяхъ и драмахъ. Пасторъ Гейдеке увѣряетъ, что если семейныя хлопоты и заботы не воспрепятствуютъ ей, она можетъ сдѣлаться первою актрисой Германіи.

Здоровье Штейнсберга чрезвычайно разстроивается, а между тѣмъ онъ всякій разъ играетъ. Сдача театра Муромцову рѣшена. Хорошо будетъ управленіе!

6 Октября, Пятница. Сегодня посѣщали Альбини многіе изъ здѣшнихъ почетныхъ медиковъ. Странное дѣло! Никто лучше ихъ не знаетъ, чтó дѣлается въ свѣтѣ. Отъ того ли, что они, рыская безпрестанно по разнымъ домамъ, имѣютъ случай узнавать вообще о всѣхъ происшествіяхъ, или имѣютъ какіе-нибудь особые источники, изъ коихъ могутъ почерпать новости: только имъ все извѣстно лучше и обстоятельнѣе, нежели самому князю Одоевскому, который тратитъ такія большія суммы на содержаніе своихъ городскихъ и загородныхъ корреспондентовъ. Между прочимъ гг. медики разсказывали, что вообще во всѣхъ сословіяхъ одна рѣчь: благословенія Государю, и что по од-

ному его слову всѣ бы готовы были, старый и малый, знатный и простолюдинъ, не токмо жертвовать своимъ достояніемъ, но сами лично приняться за оружіе и стать въ ряды воиновъ на защиту престола и отечества. Какъ теперь кстати стихъ Дмитріева:

Речетъ—и двинется полсвѣта, и пр.

Между тѣмъ какъ гости мои были заняты докторами, я воспользовался свободнымъ временемъ и сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ, которые долженъ бы сдѣлать нѣсколько дней тому назадъ. Былъ у тетки Прасковьи Гавриловны, былъ у твоихъ Семеновыхъ [1]; милыя кузины наши Вишневскія и твои сестры добрѣютъ и полнѣютъ, но не молодѣютъ. Пора, пора! Но я боюсь, чтобы пора уже не прошла. Заѣзжалъ къ Лобковымъ. Востроглазая Арина Петровна также хороша, также весела и также насмѣшлива по прежнему, и нельзя не любить ея; но четырехмѣсячное отсутствіе и серьезныя размышленія много меня измѣнили. Къ чему могла повести меня эта исключительная привязанность?

8 Октября, Воскресенье. Гости мои выѣхали изъ Москвы, совершенно довольные мною, давъ честное слово въ проѣздъ свой чрезъ Москву въ будущемъ Апрѣлѣ опять остановиться у насъ, а осенью ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ. Мы съ Петромъ Ивановичемъ провожали ихъ до Всесвятскаго, гдѣ роспили бутылку Шампанскаго за здоровье ненаглядной Schwester Dorchen, какъ она мнѣ подъ сурдинкою велѣла называть ее, говоря, что это названье klingt besser in die Ohren, а я прибавилъ: und lautet noch besser im Herzen [2]).

Только-что распростились мы съ ними, и они хотѣли садиться уже въ карету, какъ, обернувшись, увидѣли надъ Москвою преогромное зарево пожара. Долго, долго стояли мы въ недоумѣніи, что̀ такое такъ жарко горѣть могло, пока ѣдущій изъ Москвы почтальонъ не объяснилъ, что горитъ Петровскій театръ и, не смотря на всѣ усилія пожарной команды, едва ли она въ состояніи будетъ отстоять его.

Наконецъ мы разстались не безъ взаимнаго горя.

Jede zarte Blume der Bekanntschaft
Pflanzt der Trennung Dorn ins Herz [3]),

[1]) Сестра князя С. С. Барятинскаго была за богатымъ откупщикомъ Семеновымъ. П. Б.

[2]) Благозвучные для слуха.—И еще звучнѣе отдается въ сердцѣ.

[3]) Каждый нѣжный цвѣтокъ знакомства насаждаетъ въ сердце терніе разлуки.

сказали они, и—справедливо: Богъ вѣсть, удастся ли опять встрѣтиться въ жизни? Столько непредвидѣнныхъ случаевъ, столько неожиданныхъ бѣдствій! Державинъ правъ:

Сегодня льстить надежда лестна,
А завтра—что́ ты, человѣкъ?

Петру Ивановичу очень хотѣлось заѣхать на пожаръ; но я рѣшительно отказался: *изъ огня да въ полымя*! Пріѣхалъ домой, и вотъ нѣсколько гекзаметровъ на Нѣмецкую тему Shwester Dorchen:

Смертные въ жизни подобны былинкамъ, брошеннымъ въ море:
Ярыя волны ихъ разлучаютъ, тамъ съединяютъ внезапно,
Тамъ разлучаютъ опять, и кто знаетъ на долгое ль время?
Мило знакомство, но тяжко мгновенье разлуки: ахъ, буря
Жизни можетъ унесть за могилу минуту свиданья!

Не дай Богъ случиться послѣднему!

9 Октября, Понедѣльникъ. Петровскаго театра какъ не бывало; кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ ничего не осталось. Жаль, очень жаль! Что́ теперь будутъ дѣлать актеры? Куда дѣваться публикѣ? Время спектаклей только-что наступило. Теперь одинъ рессурсъ: Нѣмецкій театръ; но къ сожалѣнію Штейнсбергъ хирѣетъ не на шутку, и хотя есть новые очень хорошіе сюжеты, особенно въ оперѣ, но всѣ эти господа безъ Штейнсберга какъ тѣло безъ души.

Чего иногда не выдумаетъ народъ! Многіе находятся въ полномъ убѣжденіи, что театръ сгорѣлъ отъ того, что *въ Воскресенье* назначено было представленіе Русалки, въ которой столько чертовщины, что христіанину смотрѣть страшно и въ будни, не токмо въ праздникъ. Самыя жаркія послѣдовательницы этого мнѣнія двѣ наши сосѣдки: старухи Бушуева и знаменитая башмачница, извѣстная подъ прозваніемъ *Раскольницы*. Первой эту глупость простить можно за миловидность дочки ея Настасьи Васильевны [1]), но другую извинить нечѣмъ, потому что работницы ея всѣ какъ на подборъ—одна другой безобразнѣе.

[1]) Кстати о Настасьѣ Васильевнѣ. Чѣмъ кончится страсть Петра Петровича Свиньина, которую онъ слишкомъ-неосторожно обнаруживаетъ къ этой бѣдной дѣвушкѣ? Она вовсе невинно пострадать можетъ во мнѣніи своихъ знакомыхъ: нашъ околотокъ—царство сплетень. Не разъ посылалъ онъ ей записки, а наконецъ я встрѣтилъ несчастнаго воздыхателя подъ ея окошкомъ: увѣрялъ, что дожидается ея появленія, чтобы послать ей поцѣлуй. Это ужъ черезъ-чуръ глупо! О матери говорить нечего: подъ-посомъ ничего не видитъ; но братья могутъ узнать, и дѣло не обойдется безъ исторіи.

Намедни какой-то помѣщикъ Перхуровъ, отставной прапорщикъ и громогласный толстякъ, въ великомъ раздраженіи на Французовъ, кричалъ въ Англійскомъ клубѣ: «Подавай мнѣ этого мошенника Буонапартія, я его на веревкѣ въ клубъ приведу!» Услышавъ грознаго оратора, Иванъ Александровичъ Писаревъ, только что пріѣхавшій изъ деревни, скромный тихоня, спросилъ у Василья Львовича Пушкина: не извѣстный ли это какой-нибудь генералъ и гдѣ онъ служилъ? Пушкинъ отвѣчалъ экспромтомъ:

Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ
И сорокъ лѣтъ въ отставкѣ жилъ;
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ,
Крестьянъ самъ сѣкъ.
И вотъ онъ въ чемъ провелъ свой вѣкъ.

Иванъ Ивановичъ говоритъ, что Пушкинъ не воображаетъ, какая вѣрная и живая біографія Перхурова заключается въ его экспромтѣ.

Съ удивленіемъ разсказываютъ, съ какою малою свитою Государь изволитъ путешествовать. Его сопровождаютъ не болѣе осьми человѣкъ: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, князь Чарторижской, генералъ-адъютанты: князь Долгорукій, графъ Ливенъ и Уваровъ, лейбъ-медикъ Вилье, статскій совѣтникъ Убри и камергеръ принцъ Биронъ.

11 Октября, Середа. Вотъ чтó разсказывалъ генералъ Бардаковъ, находившійся нѣкогда въ главной квартирѣ князя Потемкина-Таврическаго. Князь обложилъ какое-то Турецкое укрѣпленіе и послалъ сказать начальствовавшему въ немъ пашѣ, чтобы сдался безъ кровопролитія. Между тѣмъ, въ ожиданіи удовлетворительнаго отвѣта, приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ, къ которому приглашены были генералитетъ и всѣ почетныя особы, къ свитѣ князя принадлежащія. По разсчету свѣтлѣйшаго посланный парламентеръ долженъ былъ явиться къ самому обѣду; однакоже онъ не явился. Князь сѣлъ за столъ въ дурномъ расположеніи духа, ничего не ѣлъ, грызъ по обыкновенію своему ногти и безпрестанно спрашивалъ, не ѣдетъ ли посланный? Обѣдъ приходилъ къ окончанію, и нетерпѣніе князя возрастало. Наконецъ, вбѣгаетъ адъютантъ съ извѣщеніемъ, что парламентеръ ѣдетъ. Скорѣй, скорѣй! сюда его! восклицаетъ князь, и чрезъ нѣсколько минутъ входитъ запыхавшійся офицеръ и подаетъ князю письмо; разумѣется, въ туже секунду письмо распечатано, развернуто; но вотъ бѣда: оно писано по-турецки. Новый взрывъ нетерпѣнія.—Скорѣй переводчика!—Переводчикъ явился.—На, читай и говори скорѣе: сдается

ли укрѣпленіе или нѣтъ?—Переводчикъ принимаетъ бумагу, читаетъ, оборачиваетъ письмо, вертитъ имъ передъ глазами туда и сюда, пожимаетъ плечами и не говоритъ ничего.—Да говори же скорѣе, сдается укрѣпленіе или нѣтъ? восклицаетъ князь въ величайшемъ порывѣ нетерпѣнія.—А какъ вашей свѣтлости доложить? прехладнокровно отвѣчаетъ переводчикъ, я въ толкъ не возьму. Вотъ изволите видѣть, въ Турецкомъ языкѣ есть слова, которыя имѣютъ двоякое значеніе, утвердительное и отрицательное, смотря по тому, бываетъ поставлена надъ ними точка или нѣтъ. Такъ и въ этомъ письмѣ находится именно такое слово: если надъ этимъ словомъ поставлена точка перомъ, то укрѣпленіе не сдается; но если эту точку насидѣла муха, то на сдачу укрѣпленія паша согласенъ.—Ну разумѣется, что насидѣла муха, воскликнулъ свѣтлѣйшій, и тутъ же, соскобливъ точку столовымъ ножемъ, приказалъ подавать Шампанское и первый провозгласилъ тостъ за здравіе Императрицы.

Укрѣпленіе точно сдалось, но только черезъ двои сутки, когда пашѣ обѣщаны были какіе-то подарки; а между тѣмъ донесеніе Государынѣ о сдачѣ этого укрѣпленія послано было въ тотъ же день, когда свѣтлѣйшій соскоблилъ точку, будто бы мухой насиженную.

Вотъ какія дѣла прежде сходили съ рукъ! Впрочемъ, князю Потемкину многое извинить было можно за вѣру его во всемогущество Русскаго народа и премудрость Екатерины. Онъ былъ именно тотъ человѣкъ, который по словамъ Державина:

.... взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть ихъ громъ на тѣ вершины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ!

14 Октября, Субота. Шуринъ Г. Р. Державина, Н. А. Дьяковъ, показывалъ нѣсколько его писемъ и между прочимъ собственноручное его посланіе, въ которомъ пѣвецъ Фелицы дѣлаетъ намеки на увольненіе Дьякова отъ должности Московскаго прокурора и какъ будто утѣшаетъ его въ невзгодѣ:

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
Ускорилъ коль правый судъ,
Коль отеръ сиротамъ слезы,
Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
Дѣлавъ то, что̀ дѣлать должно:
И безъ чина ты почтенъ и пр. и пр.

Прочіе стихи не помню; только И. И. говоритъ, что Дьяковъ совсѣмъ не изъ разряда тѣхъ людей, которые бы могли внушать поэтическія посланія; и точно мнѣ показался онъ не болѣе, какъ прокуроромъ, но прокуроромъ зажиточнымъ и наторѣлымъ въ хорошемъ обществѣ.

Между прочимъ, къ слову о Державинѣ. Наблюдательный И. И разсказывалъ, что Гаврила Романовичъ по кончинѣ первой жены своей (Катерины Яковлевны), женщины необыкновенной по уму, тонкому вкусу, чувствамъ приличія и вмѣстѣ по своей миловидности, примѣтно измѣнился въ характерѣ и сталъ еще болѣе задумчивъ; и хотя въ скоромъ времени опять женился, но воспоминаніе о первой подругѣ, внушавшей ему всѣ лучшія его стихотворенія, никогда его не оставляло. Часто, за пріятельскими обѣдами, которые Г. Р. очень любилъ, при самыхъ иногда интересныхъ разговорахъ или спорахъ, онъ вдругъ задумается и зачертитъ вилкою по тарелкѣ вензель покойной, драгоцѣнныя ему буквы К. Д. Это занятіе вошло у него въ привычку. Настоящая супруга его, замѣтивъ это ежедневное несвоевременное рисованье, всегда выводила его изъ мечтанія строгимъ вопросомъ: Га̀нюшка, Га̀нюшка, что̀ это ты дѣлаешь?—Такъ, ничего, матушка! обыкновенно съ торопливостью отвѣчалъ онъ, вздохнувъ глубоко и потирая себѣ глаза и лобъ, какъ будто съ просонья.

18 Октября, Середа. Москва находится въ какомъ-то волненіи по случаю объявленной войны съ Французами. Въ обществахъ объ ней только и говорятъ: ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго. Многіе, кажется мнѣ, черезчуръ уже храбрятся и презираютъ Французовъ, говоря, что первою схваткою все должно кончиться; а другіе думаютъ, что одно выигранное сраженіе еще не рѣшитъ дѣла. Вообще же всѣ надѣются на Государя, и очень мало находится такихъ людей, которые не увѣрены бы были въ успѣшномъ окончаніи кампаніи, тѣмъ болѣе, что арміею командуетъ генералъ Кутузовъ. Намедни у князя Несвицкаго П. С. Валуевъ разсказывалъ, что Кутузовъ соединяетъ всѣ качества настоящаго военачальника: обширный умъ, необыкновенное присутствіе духа, величайшую опытность и ничѣмъ непоколебимое мужество, и что онъ былъ чрезвычайно уважаемъ самимъ Суворовымъ, который называлъ его правою своею рукою.

Вотъ обѣщанный списокъ Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ актеровъ и актрисъ съ обозначеніемъ ихъ амплуа. Свѣдѣнія о первыхъ двухъ труппахъ, которыя теперь по случаю пожара театра находятся безъ всякаго дѣла, притащилъ мнѣ дѣдушка, а о Нѣмцахъ я

позаботился самъ. Какъ жаль, что не успѣю передать тебѣ и всѣхъ закулисныхъ сплетень, которыхъ у меня по милости дѣдушки порядочный запасъ! Развѣ удастся только сообщить исторію о томъ, отчего изъ двухъ актрисъ, сестеръ Лисицыныхъ, старшая сдѣлалась госпожею Бутенброкъ и почему она передъ самымъ вѣнчаніемъ была высѣчена розгами. Исторія очень интересная; только, извини: до будущей недѣли не скажу ничего.

Русскій театръ.

1. *Плавильщиковъ:* въ трагедіяхъ, драмахъ и нѣкоторыхъ комедіяхъ, что̀ называется, первыя роли.

2. *Померанцевъ*: въ драмахъ и комедіяхъ роли благородныхъ отцовъ. Высокій талантъ, которому цѣны не знаютъ!

3. *Колпаковъ*: поступилъ на роли благородныхъ отцовъ, а покамѣсть играетъ иногда роли и не своего амплуа.

4. *Кондаковъ:* играетъ, что̀ велятъ, а по настоящему резонёръ и порядочный *Тарасъ Скотининъ*.

5. *Прусаковъ*: герой и первый любовникъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ; всегда на ходуляхъ.

6. *Украсовъ*: остался на амплуа вертопраховъ и, надобно отдать справедливость, играетъ отлично, хотя иногда ему измѣняетъ органъ: хрипитъ.

7. *Мочаловъ:* малой видный, играетъ вездѣ, въ трагедіяхъ, комедіяхъ и операхъ, и нигдѣ, по крайней мѣрѣ, не портитъ.

8. *Жебелевъ*: въ трагедіяхъ и драмахъ первый любовникъ, но, говорятъ, хочетъ поступить на комическія роли и хорошо сдѣлаетъ.

9. *Зубовъ*: очень хорошій актеръ всюду, а вмѣстѣ и пѣвецъ. Голосъ удивительный. По смерти *Уварова* пѣлъ *Тамино* въ Волшебной Флейтѣ, и даже лучше, чѣмъ его предшественникъ. Жаль что для такихъ ролей не очень взраченъ собою. Отлично хорошъ въ *Клейнсбергахъ* Коцебу, въ роли стараго волокиты-графа.

10. *Орловъ*: въ роляхъ молодыхъ людей, а иногда и слугъ въ драмахъ и комедіяхъ. Талантъ есть.

11. *Зловъ*: играетъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ. Всюду хорошъ, гдѣ горячиться не нужно. Въ драмѣ: *Сынъ Любви*, въ роли пастора, безподобенъ. Славный собесѣдникъ.

12. *Сандуновъ*: по амплуа своему слуга отличный, но теперь большею частію любитъ играть Гримовъ: Клима Гаврилыча, голоднаго поэта въ Черномъ Человѣкѣ, и проч.

13. *Волковъ*, и

14. *Кураевъ:* оперные комики въ одномъ и томъ же амплуа. Оба съ талантами; но послѣдній умнѣе и натуральнѣе, хотя и не такъ, какъ первый, любимъ публикою.

15. *Соколовъ:* молодой человѣкъ съ хорошимъ голосомъ, игра непринужденная. Путь будетъ.

16. *Лисицынъ*: любимецъ райка; гримаса въ разговорѣ, гримаса

въ движеніи—словомъ, олицетворенная гримаса, даже въ роляхъ дураковъ, которыхъ онъ представляетъ.

17. *Кавалеровъ*: недавно поступилъ на роли слугъ изъ учениковъ Сандунова.

18. *Медвѣдевъ*: безподобенъ въ роли Еремеевны въ Недорослѣ, которую по какимъ-то преданіямъ играютъ всегда мужчины; даже и на Петербургскомъ театрѣ играетъ ее актеръ Черниковъ.

19. *Сандунова*: объ этой и говорить нечего.

20. *Померанцева*: старуха, какихъ мало; въ драмахъ заставляетъ плакать, въ комедіяхъ моритъ со смѣху, играетъ также и въ операхъ; талантъ необыкновенный!

21. *Воробьева*: въ трагедіяхъ и драмахъ роли первыхъ любовницъ. Иногда бываетъ недурна.

22. *Баранчеева*: роли благородныхъ матерей и большихъ барынь въ драмахъ и комедіяхъ. Благородства ни на грошъ.

23. *Караневичева*: роли молодыхъ любовницъ превращаетъ въ старыхъ.

24. *Носова*: премиленькая оперная актриса и была бы еще лучше, еслибъ кто-нибудь занялся ею. Чистая натура, жеманства ни на грошъ, и прекрасный голосъ.

25. *Бутенброкъ*: пѣвица недурная, баба плотная, бѣлая и румяная, но зубы уголь уголемъ.

26. *Лисицына*: сестра ея; недавно поступила на роли старухъ; есть талантъ, играетъ въ операхъ и комедіяхъ, только стиховъ читать не умѣетъ; рубитъ ихъ съ плеча, не соблюдая ни цезуры, ни ударенiй. Охотница повеселиться.

NB. *Волковъ*, *Кураевъ*, *Баранчеева* и *Лисицына* суть крѣпостные люди: первый князя Волконскаго, а послѣдніе г. Столыпина, которому принадлежала также актриса *Бутенброкъ*, бывшая *Лисицына*, недавно выданная за-мужъ за Нѣмца, и покойный *Уваровъ*, отличный пѣвецъ, красавецъ собою и прекрасный актеръ. Вотъ былъ настоящій принцъ *Тамино;* жаль его!

Французская труппа:

1. *Дюпаре*: отличный актеръ во всѣхъ амплуа. Это почти другой Штейнсбергъ, разумѣется на Французскій ладъ.

2. *Белькуръ*: благородный отецъ; прекрасно играетъ аббата Лепе и Фенелона.

3. *Меріеннъ*: недуренъ въ роляхъ, что́ называется *Financiers*, Оргоновъ, Сганарелей и проч.

4. *Брюне* и 5. *Девремонъ*, любовники въ драмахъ и комедіяхъ.

6. *Арманъ*: играетъ грумовъ.

7. *Розъ*: слугъ.

8. *Кремонъ*: тоже слуга и, говорятъ, еще покорный женѣ своей, у которой шашни съ графомъ Салтыковымъ. Сверхъ того дирижируетъ оркестромъ и даетъ уроки на скрипкѣ.

9. Мадамъ *Дюпаре*: первая любовница въ родѣ Караневичевой, прерыжая и съ претензіями.

10. М-мъ *Сериньи*: первыя роли въ драмахъ и комедіяхъ; поступила вмѣсто мадамъ *Лавандезъ*. Одна другой стóитъ.

11 М-мъ *Меріеннь*: играетъ старухъ и дуеннь.

12. М-мъ *Розъ*: служанка.

13. М-мъ *Брюне*: амплуа благородныхъ матерей.

14. М-мъ *Кремонъ*: красивенькая актриса, недурна въ оперкахъ, напр. въ *Арестантѣ*, мило поетъ: *Lorsque dans une tour obscure*, но совсѣмъ не Виргинія, роль которой непремѣнно присвоиваетъ себѣ.

Остальные сюжеты не стоютъ того, чтобъ упоминать о нихъ: простые подносчики писемъ.

Нѣмецкая труппа.

1. *Штейнсбергъ*: абсолютъ.

2. *Литхенсъ*: Карлъ Моръ, Фердинандъ и пр.

3. *Кистеръ*: любовникъ, злодѣй и пр.

4. *Нейгаузъ*: роли благородныхъ отцовъ и комическихъ стариковъ.

5. *Коропъ*: комическія роли.

6. *Эме*, 7. *Кюнъ*, 8. *Беренсъ* и 9. *Петеръ*: куклы, которыми двигаетъ по произволу Штейнсбергъ.

10. *Вильгельмъ Гасъ:* хорошій пѣвецъ и актеръ въ роляхъ стариковъ.

11. *Галтенгофъ:* отличнѣйшій теноръ и музыкантъ, но спадаетъ съ голоса.

12. *Гунніусъ*: извѣстный въ Германіи басъ и отличный пѣвецъ и актеръ. Въ роляхъ *Лепорелло* въ Донъ-Жуанѣ, *Осмина*—въ Похищеніи, *Хоразмина*—въ Оберонѣ, *Зороастра*—въ Волшебной Флейтѣ и *Аксура*—въ Аксурѣ Сальери удивительно хорошъ.

13. Актрисы: *Шредеръ* и 14. *Кафка* поступили на роли мамзель Штейнъ въ драмахъ, комедіяхъ и операхъ. Обѣ хороши, но первая лучше; обѣ Русалки, только послѣдняя втораго разряда: eine gemeine Coquette.

15. Мамзель *Соломони*, первая пѣвица въ бравурныхъ партіяхъ.

16. *Гунніусъ*: огромная и толстая женщина съ превысочайшимъ сопрано, только и годна, что для Царицы ночи, въ Волшебной Флейтѣ.

17. *Мамзель Гунніусъ*: милая пѣвичка, Церлина, крестьянка.

18. М-мъ *Штейнсбергъ*: молодая любовница въ драмахъ и комедіяхъ.

19. М-мъ *Гебгардъ*: роли старухъ въ драмахъ, комедіяхъ и операхъ.

20. М-мъ *Галтенгофъ*: буквально на всякое употребленіе.

21. Маленькая *Шредеръ*: удивительный, премилый ребенокъ, въ роли *Лили*, въ Русалкѣ; право чуть ли не лучше матери.

22 Октября, Воскресенье. Государь пробылъ въ Берлинѣ нѣсколько часовъ и отправился въ Потсдамъ, гдѣ пробудетъ нѣсколько дней, и послѣ поѣдетъ въ Веймаръ къ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Москва мысленно слѣдуетъ за нимъ повсюду, и я никогда не замѣчалъ

въ обществѣ такой жадности къ политическимъ новостямъ, какъ теперь. Князь Одоевскій нарочно нанимаетъ на Мясницкой противъ почтамта маленькую квартирку, чтобы видѣть, когда приходитъ почта, и чтобы первому получать извѣстія, съ которыми тотчасъ и отправляется по своимъ знакомымъ или въ Англійскій клубъ, гдѣ вокругъ него всегда собирается кружекъ нувелистовъ. Говорятъ, наши войска находятся въ необыкновенномъ одушевленіи, отъ котораго ожидаютъ многаго.

Какъ бы хотѣлось мнѣ попасть въ этотъ клубъ, а возможности нѣтъ. Ни служащихъ въ Москвѣ, ни учащихся, ни домовладѣльцевъ гостями не пускаютъ, а въ члены попасть нашему брату очень трудно; да признаться, какъ-то и страшно: разомъ попадешь въ шалопаи, къ чему, между нами, я, кажется, имѣю великую наклонность.

Бѣдный Русскій театръ! Бѣдная Французская труппа! Со времени пожара всѣ актеры безъ дѣла и повѣсили головы. Что̀ же касается до актрисъ, то Сила Сандуновъ говоритъ, что ихъ жалѣть нечего, потому что онѣ имѣютъ свои рессурсы. Селивановскій замѣтилъ, что жена его также актриса. «Такъ что же, возразилъ Сандуновъ, жена сама по себѣ, а актриса сама по себѣ: два амплуа и—мужъ не въ убыткѣ».

Ужъ подлинно, какъ говорить объ немъ князь Юрій Владимировичъ, настоящій Сахаръ Медовичъ Патокинъ: никому нѣтъ пощады.

Нѣмецкій театръ пользуется безвремяньемъ театровъ Русскаго и Французскаго и безпрестанно усиливаетъ свои представленія. Посѣтителей много, и Штейнсбергъ дѣлаетъ хорошіе сборы. Такъ-то бываетъ на свѣтѣ: несчастье одного составляетъ благополучіе другаго.

Вотъ хоть бы и нашъ Альбертъ Великій, физикъ и химикъ Анд. Хар. Чеботаревъ, прочитавъ въ какой-то иностранной газетѣ, что двумъ механикамъ въ Парижѣ, Полю и Лемерсье, удалось, наконецъ, рѣшить задачу управленія полетомъ воздушныхъ шаровъ, находится въ пресмѣшномъ отчаяніи, увѣряя, что это тайна давно уже имъ открыта, и что онъ «обокраденъ, кругомъ обокраденъ! Даже фигура шара самая та, какую изобрѣлъ я,—говоритъ онъ почти со слезами—форма птицы въ пропорціяхъ 10-ти саженъ ширины, и 3-хъ саженъ вышины съ крыльями по бокамъ!» Страховъ, читавшій также объ этомъ въ журналѣ *Публицистъ*, рѣшительно удостовѣряетъ, что все это просто мистификація, не заслуживающая никакого вниманія.

26 Октября, Четвергъ. Цѣлый день таскался съ поздравленіями по имянинникамъ. Я, право, не думалъ, чтобы у меня столько было

знакомыхъ Дмитріевъ; и всѣ они на бѣду живутъ въ противоположныхъ частяхъ города: одни—въ Лафертовѣ, другіе—на Пречистенкѣ, третьи—у Серпуховскихъ воротъ, а Циціановъ—на Поварской. Околесилъ, конечно, пол-Москвы, покамѣстъ добрался до Газетнаго переулка къ чудаку Митро Хотяинцову, который накормилъ, напоилъ или, лучше, окормилъ и опоилъ. Онъ сдѣлался еще оригинальнѣе: такъ потолстѣлъ что кубарь-кубаремъ, и сталъ плѣшивѣе полнаго мѣсяца. Недѣли три гуляетъ на пропалую и теперь знается только что съ Земскимъ Судомъ: отъ секретаря до послѣдняго подъячаго. Шампанское льется какъ вода, и когда компанія упьется, задеретъ хоромъ козелка: «Какъ пошелъ нашъ козельчикъ въ лѣсочикъ гулять: зумъ—зумъ, зумъ—зумъ, и проч.»—«Да помилуй, Митро,—говоритъ ему братъ,—что̀ тебѣ за охота водиться съ этимъ пустымъ народомъ?»—«Какъ что̀ за охота? Ну, а неравно подъ слѣдствіе попадешь.»—Да вѣдь ни у тебя, ни у меня дѣлъ никакихъ нѣтъ.—«Теперь нѣтъ, да могутъ случиться.»—«Имѣнья также у насъ въ Московской губерніи кромѣ дома нѣтъ.»—«Теперь нѣтъ, да быть можетъ: надо думать о будущемъ.»—Толкуй съ нимъ, а вѣдь у молодца больше тысячи душъ.

Между тѣмъ съ этими поздравленіями и бражничаньемъ, кажется, я далеко не уйду. Еще слава Богу, что прошлаго года успѣлъ перейдти Рубиконъ; иначе чувствую, что пришло бы мнѣ плохо. Богъ вѣсть, отъ чего теперь мнѣ сто́итъ такого напряженія быть внимательнымъ. Намедни Антонскій заказалъ для предстоящаго акта стихи, и вотъ до сихъ поръ ничего не лѣзетъ въ голову. За то добрый мой П. И. осѣдлалъ Пегаса и корпитъ надъ одою, подъ названіемъ *Геній*, въ которой вовсе незамѣтно присутствія генія. Мерзлякову заказаны стихи на *Благость*, Граматину—*Гимнъ Истинѣ*, и Соковнину—стансы на *Счастье*. «Все-*та* предметы-*та* нравственные,—говоритъ Антонъ Антоновичъ,—вотъ и ты-*та* написалъ бы что-нибудь на *Невинность-та*, а то все актерки-*та* на умѣ».

Брани, Антонъ, ругай меня;
Что стою брани—самъ я знаю,
И за нее, повѣрь, тебя
Еще я больше уважаю;
Ты хочешь мнѣ добра, и я—
Въ театръ Нѣмецкій уѣзжаю!

Все такъ, а чуть ли Антонскій не правъ: мнѣ кажется, я, просто, не оправился еще отъ Іюньской моей горячки. Иначе быть не можетъ.

Между тѣмъ за что ты щуняешь меня? Гдѣ это умничанье, которымъ ты мнѣ попрекаешь? Ты хочешь, чтобы я писалъ о всемъ безъ

разбора; но я и такъ поступаю какъ Долгоруковская Калмычка *Чума*, которая, по выраженію умнаго дурака Савельича, *все воспѣваетъ на что ни взираетъ*. Кажется, рублю съ плеча все, что̀ ни попадается подъ руку. Неблагодарный!

30 Октября, Понедѣльникъ. Вчера послѣ обѣдни отправились мы съ Колычевымъ за Тверскую заставу на садку и какъ разъ попали на драку двухъ охотниковъ, смѣшную и жалкую. Вотъ какъ происходила баталія. Полупьяному содержателю садки вздумалось похвастаться предъ многочисленнымъ собраніемъ охотниковъ, что къ нему доставлены какіе-то отличные бойкіе степные русаки, которыхъ онъ предлагаетъ сажать *на уходъ*, съ тѣмъ, что если русакъ затравленъ будетъ, то за него денегъ не платить; а если уйдетъ, то онъ, содержатель, получаетъ съ охотника, пускающаго свою собаку, 10 р. Предложеніе принято единодушно, и двое изъ самыхъ отчаянныхъ охотниковъ, и къ несчастію старинныхъ по охотѣ соперниковъ, Лихаревъ и Похвисневъ, приказали начать садку. Надобно сказать, что вчера цѣлый день моросилъ дождикъ, а къ ночи сдѣлался морозъ, и Ходынское поле покрылось тонкимъ и ровнымъ слоемъ льда, такъ что собаки должны были непремѣнно разъѣзжаться и перепортить ноги, что̀, кажется, хитрый пьянюга и имѣлъ въ виду. Съ начала пущена была собака Никиты Андреевича Л., какая-то знаменитая *Акушка*, которая довольно скоро приспѣла къ русаку; сдѣлала нѣсколько угонокъ, но разъѣзжаясь не успѣвала захватить его и, ослабѣвъ, начала мало по малу отставать, а наконецъ и совсѣмъ остановилась. У Л. замѣтно побагровѣло лицо и напружились жилы. «Что̀, батюшка, Н. А., сказалъ Похвисневъ, видно русачекъ-то не по силамъ вашей собачкѣ». Л. промолчалъ, но бросилъ на П. такой ужасный взглядъ, что у меня замерло сердце. Вотъ посадили собаку П. Была ли она лучше собаки Л., или второй русакъ былъ тупѣе перваго, право не знаю; только послѣ нѣсколькихъ угонокъ Похвиснева собака мастерски вздернула па шипецъ зайца, къ величайшему огорченію содержателя травли и торжеству владѣльца. Браво, браво! вскричали охотники.—Какое тутъ браво, завопилъ Лихаревъ; это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобы только сдѣлать мнѣ *афронтъ*! При этой выходкѣ П. бросился на Л. съ арапникомъ; но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ что разбитые въ дребезги очки почти врѣзались въ глаза П.. Тутъ уже пошло сущее кровопролитіе. Многіе изъ охотниковъ, общихъ знакомыхъ воителямъ, бросились разнимать ихъ; но всѣ извѣстные и и почетные люди тотчасъ же уѣхали, что̀ сдѣлалъ и я, человѣкъ не-

извѣстный и непочетный, поспѣшая на обѣдъ къ князю Михайлу Александровичу *). Храбрецовъ отвезли къ оберъ-полиціймейстеру Балашову.

У князя обѣдали нѣсколько литераторовъ: князь Шаликовъ, Макаровъ и какой-то Ивановъ, о которомъ я не слыхивалъ, и обычные его посѣтители: Плавильщиковъ и Зловъ. Очень дѣльно замѣчаніе Плавильщикова на счетъ нынѣшнихъ молодыхъ людей обоего пола, которые являются съ желаніемъ поступить на сцену. «Вы не повѣрите,—говоритъ онъ,—что̀ это за народъ! У однихъ ни рожи, ни кожи; у другихъ вмѣсто голоса какое-то гортанное шипѣнье, третьи едва читать умѣютъ и всѣ ссылаются на страсть свою къ театру, а наши старшины тотчасъ и заголосятъ: талантъ! И мы же виноваты, что не хотимъ, будто бы изъ зависти, заняться претендентами. Ой ужъ мнѣ эти протекторы! Въ мое время для поступленія въ актеры являлись люди, которые соединяли въ себѣ хоть какія-нибудь условія для актерскаго званія, напримѣръ порядочную фигуру, довольно звучный органъ и нѣкоторую образованность, пріобрѣтенную, если не ученьемъ, такъ нѣкоторою начитанностію. Съ такими способностями и посредственные актеры могутъ быть сносны для публики. Вотъ хоть бы взять нашего *Кондакова*: онъ изъ семинаристовъ и по настоящему плохой актеръ; но публика его терпитъ и слушаетъ охотно, потому что онъ читаетъ внятно, слова нижетъ какъ жемчугъ, ни одного не проронишь. Такой человѣкъ, если не оттѣнитъ своей роли, то и не проглотитъ ея, но передастъ публикѣ вѣрно все, что̀ хотѣлъ сказать и написать авторъ. Если имѣешь органъ и чистое произношеніе, то есть и возможность заставить слушать себя. Другой примѣръ—*Караневичева*: у ней одинъ тонъ, что̀ на сценѣ, что̀ за кулисами, о движеніи страстей понятія не имѣетъ, о пластикѣ не слыхивала, актриса совсѣмъ плохая, а читаетъ хорошо и, будучи на мѣсто зрителя, я предпочелъ бы ее многимъ пресловутымъ актрисамъ, съ которыми мнѣ играть доводилось и которыя только что шептали свои роли, потому что сцену почитали пьедесталомъ, на которомъ могли поломаться предъ публикою. Разумѣется, я говорю о *Кондаковѣ* и *Караневичевой* только по недостатку у насъ хорошихъ актеровъ и актрисъ, выбирая изъ худаго лучшее; потому что, если бы у насъ всѣ были Крутицкіе, Померанцевы и Шушерины, а въ женщинахъ Синявскія, Померанцевы и Рахмановы, то Кондакову и Караневичевой никогда бы не бывать на сценѣ».

Князь Шаликовъ такъ и разстилался передъ княжнами въ комплиментахъ, которые напомнили мнѣ Липецкаго Ивана Кузьмича. Онъ

*) Долгорукову. П. Б.

намѣренъ издавать съ новаго года журналъ подъ заглавіемъ: *Московскій Зритель*, о чемъ хочетъ публиковать въ газетахъ, а между тѣмъ напечаталъ особое объявленіе, котораго экземпляры носитъ съ собою для раздачи ихъ знакомымъ и незнакомымъ, встрѣчнымъ и поперечнымъ Вотъ тебѣ эта чушь:

«Будутъ словесность Русская и иностранная, отрывки, повѣсти, анекдоты, басни и стихи. Хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ (почему не литературы?) и нѣжное чувство женщинъ будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего вниманія. Будетъ статья и для критики—не брань, но критика здравая и безпристрастная должна быть въ журналѣ такого рода непремѣнно: она служитъ свѣтильникомъ въ путяхъ искусства, понимаетъ читателя, еще болѣе артиста, и научаетъ самаго критика—польза важная и неоспоримая. Иногда журналъ будетъ заключаться смѣсью!»

А вотъ и мадригалъ его старшей княжнѣ, какъ нарочно написанный для твоего сборника курьёзныхъ сочиненій:

Какъ свѣтитъ сладостно прекрасная луна
На мрачную небесъ безбрежность,
И на тревожный міръ ліетъ съ высотъ она
Спокойствіе и безмятежность:
Такъ въ лракъ моей души и сердца въ безнадежность
Ты льешь покой и свѣтъ, прелестная княжна!

2 Ноября, Четвергъ. Всѣ наши столбовые Москвичи находятся въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго. У главнокомандующаго ежедневно большой пріѣздъ, и онъ принимаетъ во всякое время. Всюду какая-то ажитація, а объ Англійскомъ клубѣ и толковать нечего: говорятъ, что это настоящій воскресный базаръ. Всѣ хотятъ непремѣнно что-нибудь узнать, а, за недостаткомъ вѣрныхъ извѣстій, вѣрятъ всякимъ небылицамъ. Съ одной стороны смѣшно, а съ другой извинительно. Графъ Иванъ Андреевичъ говоритъ, что это любопытство, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, доказываетъ искреннее участіе въ судьбахъ отечества и его славѣ и преслѣдуемо быть не должно.

Вотъ прекрасные стихи, которые ходятъ вездѣ по рукамъ; иной и не знаетъ по-нѣмецки, а все-таки непремѣнно хочетъ имѣть ихъ. Яковъ Ивановичъ Де-Сангленъ сказывалъ, что будто бы они взяты изъ Берлинскихъ газетъ; въ нашихъ вѣдомостяхъ такихъ не ожидай. Чудо какая энергія!

Die Ehre ruft, die Pflicht gebeut,
Zum Schwerdte zuckt die Hand,
Und jedes Kriegers Herz erneut,
Durchflammt von Gluth der Tapferkeit,
Den Schwur: „fürs Vaterland! [1])

Bayerische Staatsbibliothek München

Наконецъ, нашли какой-то балаганъ въ домѣ князя Волконскаго на Самотекѣ, который обращаютъ въ театръ. Сказываютъ, что человѣкъ двѣсти помѣститься могутъ. Но покамѣстъ все это одни разговоры, а когда откроются спектакли, знаютъ лишь про то першіе [2]).

5 Ноября, Воскресенье. За обѣдомъ у Ростислава Евграфовича Татищева видѣлъ я Дмитрія Ардаліоновича Лопухина, бывшаго Калужскаго губернатора, непримиримаго врага Державину, за то, что сей, въ качествѣ ревизующаго сенатора, смѣнилъ его за разныя злоупотребленія. Лопухинъ не можетъ слышать о Державинѣ равнодушно; а бывшій секретарь его, великій говорунъ, Николай Ивановичъ Кондратьевъ, раздѣлившій участь своего начальника, приходитъ даже въ бѣшенство, когда заговорятъ о немъ и особенно если его хвалятъ. Этотъ Кондратьевъ пописываетъ стишки, разумѣется для своего круга, и по выходѣ Державина въ отставку *спустилъ*, по выраженію, кажется, Сумарокова, *свою своевольную Музу, аки цѣпную собаку*, на отставнаго министра и выразилъ удовольствіе свое слѣдующимъ стихотворнымъ бредомъ:

Ну-ка, братъ, пѣвецъ Фелицы,
На свободѣ отъ трудовъ,
И въ оставкѣ отъ юстицьи,
Наполняй бюро стиховъ.
Для поэзьи ты свободенъ,
Мастеръ въ ней играть перомъ;
Но за что сталъ неугоденъ
Министерскимъ ты умомъ?
Иль въ приказномъ дѣлѣ хватки
Стихотворцамъ есть урокъ;
Чьи, скажи, были нападки?
Или изгнанъ за порокъ?
Не жена ль еще причиной,
Что свободенъ сталъ отъ дѣлъ? [3])

Далѣе, слава Богу, не припомню. Кромѣ неудовольствія слышать эти гадкіе, кабачные стихи, грустно видѣть въ нихъ усиліе мелочной души уколоть геніальнаго человѣка, который вѣроятно никогда и не узнаетъ объ этихъ виршахъ. Просто, кукишъ изъ кармана.

Тутъ же повстрѣчалъ я Симбирскаго помѣщика, старика Степ. Ст. Кроткова съ молодою женой. Онъ извѣстный богачъ, владѣлецъ шести тысячъ душъ крестьянъ, и богатство его имѣло источникомъ совершенно-романическое приключеніе. Кротковъ былъ прежде очень бѣдный

[1]) Честь зоветъ, долгъ велитъ, рука хватается за мечъ, и сердце каждаго воина горящее пламенемъ отваги, возобновляетъ обѣты за родину!

[2]) Т. е. первые, старшіе.

[3]) Подробности см. въ „Запискахъ“ Державина. П. Б.

[library stamp]

дворянинъ, обремененный семействомъ. Бунтовщикъ Пугачевъ, во время разгрома Симбирской губерніи, проѣзжая мимо деревушки Кроткова, полюбилъ мѣстоположеніе этой деревушки и обратилъ ее въ главное свое становище, а изъ гумна, риги и овиновъ подѣлалъ магазины и кладовыя для всего награбленнаго имъ въ губерніи имущества. Когда налетѣвшіе отряды войскъ выгнали самозванца изъ его становища, Кротковъ, слѣдовавшій за отрядами, немедленно возвратился въ свое имѣньице и нашелъ въ ригѣ, овинахъ и даже, говорятъ, въ хлѣбныхъ скирдахъ, множество всякаго добра, и между прочимъ нѣсколько бауловъ съ деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоцѣнными вещами, всего тысячъ на двѣсти. Тутъ накупилъ онъ имѣній и, будучи хорошимъ хозяиномъ, годъ отъ году пріобрѣталъ болѣе и болѣе, зажилъ, что̀ называется, паномъ и вѣкъ свой изжилъ бы паномъ безъ горя, присовокупя еще столько же тысячъ душъ, сколько уже имѣлъ, если бы не позамотались служившіе въ Петербургѣ сынки. Одинъ изъ нихъ, видно понаходчивѣе и поудалѣе другихъ, имѣя нужду въ деньгахъ, вздумалъ продать отцовское имѣніе и, въ числѣ крестьянъ, во главѣ подворной описи, помѣстилъ въ продажу и самого родителя своего подъ скромнымъ званіемъ бурмистра Степана Степанова сына Кроткова. Разумѣется пошло дѣло, и купчая уничтожена; однакожъ старикъ для избавленія сына отъ преслѣдованія уголовныхъ законовъ, принужденъ былъ помириться съ покупщикомъ, заплативъ ему едва ли не двойную цѣну противъ той, какую получилъ за имѣніе сынъ. Но въ наказаніе мотоватыхъ дѣтокъ онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ и лучшее имѣніе свое подъ Москвою, село *Молоди* укрѣпилъ уже за молодою женою.

Это добрая замѣтка для тѣхъ, которые полагаютъ, что человѣкъ можетъ быть во всемъ счастливъ.

7 Ноября, Вторникъ. На ловца звѣрь бѣжитъ: Петръ Ивановичъ привезъ мнѣ отъ Селивановскаго только что оттиснутый проектъ любопытнаго объявленія объ изданіи Дамскаго Журнала, которое будетъ напечатано и въ газетахъ: это просто объяденье, что̀ твой князь Шаликовъ!

«Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ Россійскимъ дамамъ (!) въ слѣдующемъ 1806 году будетъ *издаваться* ежемѣсячное *изданіе* подъ званіемъ *Дамскій Журналъ*. Въ немъ помѣщаться будутъ піесы *разныхъ родовъ* въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: *нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью.* Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. *Критика и политика исключаются.* Издатель поставитъ себѣ за особливую честь,

если удостоенъ будетъ отъ *почтенныхъ Россійскихъ поэтовъ* присылкою ихъ произведеній».

Я непремѣнно хочу попасть въ число *почтенныхъ Россійскихъ поэтовъ* и пошлю издателю нѣкоторыя изъ моихъ произведеній. Не помѣститъ ли онъ моихъ куплетовъ изъ переводныхъ піесъ, напримѣръ, хоть изъ оперы *Братья-охотники*, въ которой меньшой братъ поетъ:

Заячьи ножки
Больно востры,
Всѣ ихъ дорожки
Страхъ какъ пестры.

Средній отвѣчаетъ:

Заяцъ больно чутокъ,
Намъ тутъ не кладъ;
Станемъ лучше утокъ
Ставить мы въ рядъ.

Старшій замѣчаетъ:

Ваши зайцы, ваши утки
Все однѣ пустыя шутки.
Вотъ какъ волка приберемъ,
Не рублемъ тогда запахнетъ:
Вся деревня наша ахнетъ,
Какъ десятка два возьмемъ.

А между тѣмъ хозяйка постоялаго двора, за которою они приволакиваются, кокетничаетъ передъ ними и угощаетъ ихъ:

Вотъ вамъ, милые дружочки,
Очень вкусные кусочки.
Вотъ тебѣ, Петруха, щи,
Если дурны, не взыщи:
Я варила какъ умѣла
И капусты не жалѣла.
Вотъ тебѣ, Иванъ, мясца,
Кушай до поту лица;
А тебѣ, Алеша, кашки.
Послѣ всѣмъ налью и бражки.

Ужъ если тутъ мало *нѣжной чувствительности, сопряженной съ моралью*, такъ гдѣ же искать ее болѣе? Ссылаюсь на умнаго и милаго Мерзлякова, которому показывалъ я свой переводъ и который съ тѣхъ поръ, какъ узналъ я о его переводахъ Итальянскихъ оперъ, удивительно какъ снисходителенъ сталъ къ моему вдохновенію и называетъ меня Парнасскимъ Люстихомъ.

12 Ноября, Воскресенье. Нынѣшній день начались и Русскіе спектакли на театрѣ князя Волконскаго [1]). Театрикъ хоть куда: помѣщается

[1]) На Большой Лубянкѣ, позднѣе домъ графа Ростопчина, а въ наши дни Н. П. Шипова. П. Б.

до 300 человѣкъ. Давали Бѣглаго Солдата, и піеса шла не очень удачно. Главный персонажъ былъ въ какомъ-то курчавомъ рыжемъ парикѣ, который безобразилъ его до такой степени, что сидѣвшій со мной рядомъ въ партерѣ толстый купецъ, садоводъ Лебедевъ, не вытерпѣлъ, чтобы не вымолвить: «Ишь, батюшка, точно какъ у принца со сковороды ушелъ». Я въ первый разъ слышу эту поговорку и ума не приложу, изъ какого случая она проистечь могла.

Въ Среду, 15 числа, Нѣмцы даютъ въ первый разъ большую оперу der Spiegel von Arcadien, въ которой мадамъ Hunnius играетъ роль Юноны. Вотъ ужъ настоящая Юнона, какую изобразили Гомеръ и Виргилій: во первыхъ, глаза у ней какъ у быка, и вовторыхъ однимъ ударомъ широкой длани своей можетъ угомонить какого хочешь Юпитера и всѣ другія Олимпійскія божества, которыя съ нею будутъ на сценѣ.

Получено извѣстіе, что Государь пробылъ самое короткое время въ Дрезденѣ и уже выѣхалъ оттуда. Войска наши идутъ къ мѣсту назначенія въ совершенномъ порядкѣ, и какъ генералы, такъ и офицеры горятъ нетерпѣніемъ сразиться съ Французами. Графъ Ростопчинъ говоритъ, что Русская армія такова, что ее не понуждать, а скорѣе сдерживать надобно; и если что̀ можетъ заставить иногда страшиться за нее, такъ это одна излишняя ея храбрость и даже запальчивость. Онъ увѣряетъ, что нашимъ солдатамъ сто́итъ только сказать предъ сраженіемъ: «за Бога, Царя и Святую Русь!», чтобы они безъ памяти бросились въ бой и ниспровергли всѣ преграды; но что съ Французами и Нѣмцами надобно говорить умѣючи. Такъ Генрихъ IV говаривалъ первымъ: «Господа, вы Французы и непріятель предъ вами»; а съ послѣдними генералъ Цитенъ разсуждалъ: «Государи мои, сегодня у насъ сраженіе, *слѣдовательно* все должно идти какъ по *маслу*». Suum cuique. Балагуръ!

15 Ноября, Середа. Иванъ Владимировичъ Лопухинъ сказывалъ Невзорову, что въ Германіи встрѣчаютъ нашего Государя, какъ защитника и избавителя, и что восторгъ всѣхъ классовъ народа при встрѣчѣ съ Государемъ превосходитъ всякое описаніе. Онъ обворожилъ всѣхъ отъ мала до велика простымъ и милостивымъ своимъ обращеніемъ: мущины бѣгаютъ за нимъ толпами, а женщины придумываютъ разные способы для доказательствъ своего къ нему уваженія. Такъ, въ память пребыванія его въ Берлинѣ, дамы ввели въ моду носить букеты подъ названіемъ *Александровскихъ*, которые собраны изъ цвѣтовъ, составляющихъ, по начальнымъ буквамъ своихъ названій, имя *Alexander*. Безъ этихъ букетовъ ни одна порядочная женщина не

смѣетъ показаться въ общество, ни въ театръ, ни на гулянье. Вотъ изъ какихъ цвѣтовъ составляются букеты, которые рознятся только величиною и цѣнностію: большіе носятъ на груди, а маленькіе въ волосахъ. *Anemon* (анемонъ), *Lilie* (лилія), *Eicheln* (жолуди), *Geranthenum* (амарантъ), *Accazie* (акація), *Nelke* (гвоздика), *Dreifaltigkeitsblume* (веселые глазки), *Epheu* (плющъ) и *Rose* (роза).

Мило и остроумно. Непремѣнно закажу такой букетъ и поднесу его востроглазой Аринѣ Петровнѣ, на колѣняхъ à la Visapour и при мадригалѣ à la Шаликовъ. Къ стати же готовятся по Воскресеньямъ и балы у графа Орлова. При первомъ хорошемъ извѣстіи изъ арміи пойдетъ дымъ коромысломъ; но покамѣстъ молятся Богу о Государѣ и толкуютъ о новостяхъ.—По милости Невзорова, я не попалъ ни въ одинъ театръ и не видалъ ни Spigel von Arcadien, ни Catherine ou la Belle Fermière, и сердечно этому радъ. Иногда таскаешься по театрамъ только отъ скуки, и я не ропщу, когда есть случай посидѣть вечеромъ дома, лишь бы не одному.

17 Ноября, Пятница. Почтенный начальникъ Москвы, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, столь извѣстный своимъ здравымъ Русскимъ умомъ, непоколебимостью и праводушіемъ своего характера, есть вмѣстѣ человѣкъ самаго добраго и нѣжнаго сердца. Кто бы могъ это сказать, смотря на угрюмую его физіономію и нѣкоторую жесткость въ обхожденіи? П. И. Аверинъ, отлично умный человѣкъ, находящійся съ Александромъ Андреевичемъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ по службѣ и пользующійся полною его довѣренностію, разсказывалъ за обѣдомъ у Арсеньева такія черты его доброты, которыя невольно извлекаютъ слезы. Александръ Андреевичъ очень, очень небогатъ, даже въ сравненіи съ прочими вельможами можетъ назваться вовсе бѣднымъ, а между тѣмъ такъ охотно и съ такимъ радушіемъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, кто ни прибѣгаетъ къ его помощи. Не говоря уже о братѣ его Николаѣ Андреевичѣ, которому, какъ отцу многочисленнаго, семейства онъ предоставилъ всѣ доходы съ небольшого родового имѣнія своего, онъ всѣ почти карманныя деньги свои раздаетъ неимущимъ. Какъ-то на дняхъ опять явилась къ нему съ просьбою о дѣтяхъ вдова надворнаго совѣтника Ѳедорова, умершаго подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ. «Ну, ты опять пришла, говоритъ ей Беклешовъ. Вѣдь я сказалъ уже тебѣ, что мужъ твой былъ плутъ, и я за тебя, хоть ты расплачься, Государя безпокоить не стану; а вотъ тебѣ на бѣдность отъ меня еще сто рублей; какъ проѣшь, такъ добрые люди еще помогутъ; о старшихъ же ребятишкахъ попрошу губернскаго предводителя, или кого-нибудь изъ *ученыхъ*, чтобы помѣстили въ какое ни-

будь училище; ну теперь пошла!» Учеными называетъ Александръ Андреевичъ университетское начальство.

А вотъ и резолюція его на докладную записку Балашова [1]) о баталіи на садкѣ: «Лихарева съ Похвисневымъ содержать какъ озорниковъ подъ арестомъ, покуда искренно не примирятся; а примирятся, такъ тотчасъ выпустить, сдѣлавъ нотацію, что благороднымъ людямъ къ соблазну публики приходить въ азартъ и драться стыдно».

Витязи въ тотъ же день разъѣхались отъ оберъ-полицеймейстера совершенными друзьями.

Вотъ каковъ нашъ добрый начальникъ, котораго наставленіе Московскимъ властямъ должно бы напечатать золотыми буквами: «*слабостямъ снисходи, проступки исправляй, злонамѣреніе преслѣдуй, преступленія предотвращай, а раскаянью прощай*». Гдѣ Беклешовъ ни служилъ, какія высокія должности ни занималъ, генералъ ли прокурора, генералъ ли губернатора,—всюду снискивалъ онъ любовь и уваженіе, и всюду былъ онъ, по словамъ поэта Петрова,

Защитникъ строгаго Зенонова закона
И стоикъ посреди великолѣпій трона

20 Ноября, Понедѣльникъ. 22-го числа у Французовъ бенефисъ *Брюне*: Portrait de Michel Servantès и Heure du mariage Этьена; а у Нѣмцевъ бенефисъ *Гунніуса*: die Luft-Balle, опера Френцеля. Куда ѣхать? Я думаю къ нѣмцамъ, потому что объявленіе о Французскомъ спектаклѣ прекурьезное и не внушаетъ довѣрія; точно паяцы вопятъ съ балаганнаго балкона: «къ намъ, публика, къ намъ, ужъ мы для васъ постараемся!» А на повѣрку вся штука въ томъ, что вмѣсто двухъ рублей мѣдью, они за кресла хотятъ брать по два рубли серебромъ, т. е. по два р. 60 коп. Вотъ ихъ объявленіе: «Ces deux pièces viennent d'obtenir le plus grand succès à Paris, *tant à cause de leur style agréable, que par le manière ingénieuse dont elles sont traitées.* Les acteurs *redoubleront de zèle* pour que ce spectacle soit favorablement accueilli!!!» [2]) Отъ шарлатанства Французовъ мочи нѣтъ; но что́ досаднѣе всего, что и Русскіе актеры хотятъ подражать имъ. Отчего же не дѣлаютъ этого Нѣмцы? Отъ того, что у Штейнберга ума палата. Онъ говоритъ, что хвастовство завлекаетъ постепенно: прихвастнувъ

[1]) Прославившійся вскорѣ министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, былъ тогда Московскимъ оберъ-полиційместеромъ. П. Б.

[2]) Двѣ эти піесы имѣли въ Парижѣ самый большой успѣхъ, по причинѣ пріятнаго ихъ слога, равно какъ и геніальной игры. Актеры удвоятъ стараніе, чтобы это представленіе было благосклонно принято.

немного одинъ разъ, надобно,—хочешь не хочешь,—хвастать въ другой и въ третій побольше; а тамъ хвастовству мѣры не будетъ, и наконецъ—caput!

Червонцы въ цѣнѣ возвысились до 4 р. 6 коп., серебряный рубль ходитъ 1 р. 30 к. Говорятъ, что это плохой знакъ; но мало ли что говорятъ!

23 Ноября, Четвергъ. Въ Нѣмецкомъ театрѣ давали вчера оперу die *Luft-Balle*, которая шла отлично, и мы смѣялись до истерики. Бенефиціантъ пѣлъ мастерски, а Коропъ уморительно представлялъ воздухоплавателя, и если бы говорилъ по-русски, то сказали бы, что на сценѣ не Коропъ, а нашъ премилый чудакъ Андрюша Чеботаревъ. Точь-въ-точь таже исторія пусканія бумажнаго шара на Дѣвичьемъ полѣ, за которое едва всѣхъ насъ не забрали въ полицію, потому что чуть не сожгли Грачевскаго дома, на который опустился горящій шаръ.

Видно ужъ вышелъ день такой: une folle journée. Изъ театра Хомяковъ увезъ меня на танцовальный вечеръ къ Веревкинымъ. Танцовальные вечера не по моей части, однакоже этотъ баликъ былъ превеселый и безцеремонный. Столько было хорошенькихъ дѣвушекъ, начиная съ хозяйскихъ дочерей до красавицы Алмазовой [1]), что и я соблазнился попрыгать экосезъ и алагрекъ, хотя немножко и медвѣдемъ. Востроглазая Арина Петровна, qui me cherche noise [2]), прислала Бѣлавина спросить меня, у какого танцмейстера я учился, чтобы предостеречь своихъ знакомыхъ отъ такого учителя; она забыла, что учился я вмѣстѣ съ ней у Іогеля. Насмѣшница! Ужинъ былъ не пышный, но вкусный. Шампанское не всѣмъ подавали, за то ратафій, наливокъ и шипучекъ было въ волю; а все это по примѣру Петра Ивановича я предпочитаю всякому вину. Послѣ ужина я вздумалъ было полюбезничать, но ненарочно такъ громко зѣвнулъ, что барышни расхохотались, и я со стыдомъ отправился во-свояси. Вотъ оно что! Мѣсяцевъ шесть тому назадъ я бы не зѣвалъ и никакъ бы не *прозѣвалъ*, а теперь: hin ist hin und alles dahin! Таковъ человѣкъ! Замѣтка психологамъ.

25 Ноября, Субота. 15-го числа Государь былъ въ Лигницѣ. Ожидаютъ жестокаго боя, но вѣрнаго никто ничего не знаетъ. Много отцовъ и матерей находятся въ великой тревогѣ за дѣтей своихъ, служащихъ въ гвардіи и арміи. Конечно не безпокоиться нельзя; но мнѣ кажется, что не будь сплетенъ и пустыхъ толковъ, поддерживающихъ

[1]) Варвара Петровна, впослѣдствіи супруга Сергѣя Васильевича Шереметева. П. Б.

[2]) Которая хочетъ поддѣть меня.

это безпокойство, то оно уменьшилось бы на половину. Однакоже между малодушными есть и крѣпкодушные. Вотъ напр. Настасья Дмитріевна Афросимова, барыня въ объясненіяхъ своихъ, какъ извѣстно, не очень нѣжная, но съ толкомъ. У ней въ гвардіи четыре сына, въ которыхъ она души не слышитъ, а между тѣмъ—гоголь-гоголемъ разъѣзжаетъ себѣ по знакомымъ, да уговариваетъ ихъ не дурачиться. Ну, что вы, плаксы, разрюмились? Будто ужъ такъ *Бунапартъ* и проглотитъ нашихъ цѣликомъ! На все есть воля Божія, и чему быть, тому не миновать: убьютъ, такъ убьютъ; успѣете и тогда наплакаться! Дама презамѣчательная своимъ здравомысліемъ, откровенностію и безусловною преданностію правительству.

26 Ноября, Воскресенье. Рескриптъ Государя С.-петербургскому главнокомандующему генералу Вязмитинову читаютъ во всѣхъ домахъ, восхищаются имъ и благословляютъ Провидѣніе, ниспославшее Россіи такого Царя-отца. Какія чувства, какая великость души и какая любовь къ своему народу!

«Сергѣй Кузмичъ! Со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня извѣстія о неоднократномъ изъявленіи привязанности ко мнѣ публики Петербургской и вообще всѣхъ жителей сего любезнаго мнѣ города. Не могу довольно изобразить, сколь лестно для меня сіе чувство. Изъявите имъ отъ имени моего искреннюю и чувствительную мою признательность. *Никогда болѣе не наслаждался я честію быть начальникомъ столь почтенной и отличной націи.* Изъявите равномѣрно всѣмъ, что *единое мое желаніе есть заслужить то званіе, которое я на себѣ ношу, и что всѣ мои старанія къ сему одному предмету обращены*».

28 Ноября, Вторникъ. Кажется, любопытство заразительнѣе чумы. Такъ изъ дому и тянетъ, чтобы добыть вѣстей. Мы рѣшительно ничего не знаемъ; а должно случиться чему-нибудь важному, потому что кареты безпрестанно шныряютъ по Тверской, останавливаясь у подъѣзда главнокомандующаго, точно какъ въ большой праздникъ, когда пріѣзжаютъ съ поздравленіями. У графа Ивана Андреевича и подъ Донскимъ у графа Орлова также бываютъ утренніе съѣзды. Митрополитъ прибылъ изъ Лавры. Въ Англійскомъ клубѣ замѣтили, что нѣкоторые notabilités, напр. князь Ю. В. Долгорукій, П. С. Валуевъ, генералъ Марковъ и др. какъ то все особятся и долго о чемъ-то въ тихомолку разсуждаютъ. Многихъ ежедневныхъ посѣтителей Англійскаго клуба вовсе не видно. И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ и князья Оболенскіе вечера проводятъ у князя Андрея Ивановича Вяземскаго; Ю. А.

Нелединскій и Обрѣзковъ тоже тамъ. Всеволожскіе, Мятлевъ и Давыдовы у графа А. Г. Орлова. Непремѣнно что-нибудь да знаютъ, или вскорѣ узнать должны.

А между тѣмъ жизнь частныхъ людей идетъ своимъ чередомъ:

die ewige Natur geht kalt in ihre alte Gleise! *) и
„Буйныя страсти кипятъ и бушуютъ въ сердцахъ земнородныхъ!"

Вотъ въ сосѣдствѣ нашемъ случилось недавно происшествіе, драма или романъ—какъ угодно—которое стóитъ разсказа. Молодой, достаточный помѣщикъ Зубаревъ влюбился въ воспитанницу тетки своей, Софью Ивановну Благову (имена и фамилія невыдуманныя), дѣвушку бѣдную, но пригожую и получившую очень хорошее свѣтское образованіе, и, увѣренный въ взаимной склонности, рѣшился на ней жениться. Передъ свадьбой старуха говорила племяннику: «Жениться вамъ я не препятствовала, но, повторяю, смотри въ оба: дѣвушка умная, но скрытная и безъ намѣренія и разсчета шагу не ступитъ. Ты добросердеченъ, довѣрчивъ, самонадѣянъ и нехорошъ собою—берегись!» Такое предостереженіе для влюбленнаго тоже, чтó шелестъ листьевъ на кустарникѣ: мигомъ забыто. Свадьба состоялась, и молодые жили около четырехъ лѣтъ душа въ душу, прижили двухъ ребятишекъ и прожили бы вѣкъ свой спокойно и счастливо, еслибъ горничной Танькѣ не вздумалось выйти замужъ за повара Сергѣя, принадлежавшаго сенатору Мясоѣдову. Вотъ Танька и говоритъ барынѣ: «Позвольте мнѣ выдти замужъ».—«Что-жъ, выходи, милая; мы дадимъ тебѣ приданое».—«Приданое приданымъ, но прежде надобно жениха выкупить на волю».—«И на это согласна; только у меня денегъ нѣтъ, а мужъ едва ли на это согласится».—Знаю, сударыня; да вы можете сказать *Петру Андреичу*»! Барыня вспыхнула, однакожъ, подумавъ немного, отвѣчала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

Петръ Андреевичъ Мошинъ былъ молодой, хорошо воспитанный человѣкъ, красивой наружности, знакомый Софьѣ Ивановнѣ еще до ея замужества, а послѣ закадычный другъ ея мужа, его совѣтникъ, его оракулъ, его душа—словомъ, другой онъ самъ. Петръ Андреевичъ прежде не имѣлъ рѣшительно никакого состоянія, но года за полтора до происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ въ наслѣдство около сотни душъ и тысячъ съ восемь рублей денегъ, жилъ чрезвычайно скромно, никуда не ѣздилъ, не хотѣлъ имѣть никакихъ знакомствъ и довольствовался однимъ развлеченіемъ бывать у Зубаревыхъ, съ кото-

*) Вѣчная природа равнодушно шествуетъ по старой колеѣ своей.

рыми проводилъ все свое время. Когда Зубаревъ отлучался куда-нибудь изъ Москвы по хозяйственнымъ дѣламъ своимъ, онъ поручалъ попеченію Мошина жену, дѣтей и весь домъ свой, которые обыкновенно называлъ своею *вселенною*.

Между тѣмъ поваръ Сергѣй, при дѣятельномъ пособіи проворной горничной, откупился на волю, заплативъ за себя болѣе трехъ тысячъ руб., и женился на Танькѣ, которой дали хорошее приданое. Но свободному человѣку нужно занятіе; а какое можетъ быть лучше занятіе для повара, какъ не завести трактиръ и не записаться для этого въ купцы? И вотъ Танька опять, пользуясь милостью бывшей госпожи своей, проситъ о запискѣ мужа въ купцы и о ссудѣ его нѣсколькими тысячими на обзаведеніе трактира. «Да у меня, милая, право денегъ нѣтъ» говоритъ ей Софья Ивановна. «И, сударыня» отвѣчаетъ Танька: «вамъ стóитъ вымолвить одно слово Петру Андреичу». Барыня горько заплакала, но, подумавъ, опять сказала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

И вотъ Московскимъ купцомъ Сергѣемъ Ивановымъ открывается на Солянкѣ *съѣстной трактиръ городъ Данцигъ.* Въ этомъ трактирѣ съ ранняго утра до поздней ночи ѣдятъ и пьютъ, поютъ и пляшутъ, и все дѣло ведется прикащикомъ, лихимъ парнемъ, который завѣдываетъ всѣми приходами и расходами; а хозяинъ съ хозяюшкою только-что приказываютъ, живутъ себѣ барами, нѣжатся въ постели часовъ до 9-ти, принимаютъ гостей, новыхъ знакомыхъ, распиваютъ съ ними чай и кофе, кушаютъ цыплятъ и телятинку, и блаженствуютъ какъ наши праотцы въ раю.

Однакожъ, мѣсяца черезъ три трактирщику приходитъ плохо: вмѣсто гостей, квартира наполняется заимодавцами, одному отдай за сахаръ и чай, другому за мясные припасы, третьему за дрова, и проч. Выручка есть, да расходы вдвое. *Итогъ* тысячи три убытку. Ступай, Танька, опять къ Софьѣ Ивановнѣ!

На этотъ разъ, сколько ни уговаривала Танька бывшую свою барыню напомнить о ней Петру Андреичу, но Софья Ивановна предпочла отдать ей половину своего гардероба, шаль, часы, цѣпочки, то-есть все, безъ чего порядочная женщина можетъ только обойтись, не обнаруживая своего недостатка, чѣмъ безпокоить Петра Андреича.

Но всѣ эти пожертвованія принесли мало пользы и не пособили дѣлу. Нѣкоторыя вещи проданы за безцѣнокъ, а шаль, часы и цѣпочки украсили Таньку и ея супруга. Да и какъ содержателю трактира быть безъ часовъ, а женѣ его безъ Турецкой шали?

И вотъ Танька, въ нѣсколько пріемовъ обобравшая кругомъ Софью Ивановну и видя, что она не хочетъ болѣе напоминать о ней Петру

Андреевичу, отправилась къ нему сама и, вооружившись всѣмъ безстыдствомъ, къ какому только была способна и которое усовершенствовала въ продолженіе трактирной своей жизни, выманила постепенно у бѣднаго Мошина всѣ деньжонки, бывшія у него на-лицо, и, сверхъ того, онъ принужденъ былъ заложить имѣньице свое въ Опекунскій Совѣтъ и полученную за него небольшую сумму также отдать въ удовлетвореніе ненасытной жадности трактирной четы.

Однажды, когда Мошинъ, истощивъ всѣ свои средства, принужденъ былъ невольно отказать въ деньгахъ Танькѣ, озлобленная тварь, поблѣднѣвъ, хлопнула дверью и пробормотала: «Ну, такъ вспомните жъ меня!»

На другой день нѣсколько писемъ Софьи Ивановны къ Мошину было въ рукахъ Зубарева, а самъ онъ, разбитый параличомъ, лежалъ безъ чувствъ на диванѣ. Въ этомъ положеніи засталъ его близкій ему родственникъ и добрый нашъ сосѣдъ И. И. Затрапезный, за которымъ посылали. Вскорѣ пріѣхала и старуха-тетка; но Затрапезный, во избѣжаніе соблазна, успѣлъ до пріѣзда ея высвободить письма изъ рукъ Зубарева и оставилъ ихъ у себя до времени.

Изъ этихъ писемъ, которыя переносила Танька, бывшая единственною повѣренною любовниковъ съ самаго начала преступной ихъ связи и которыя она, вѣроятно, затаила или украла, обнаруживается, что Софья Ивановна еще до замужества своего имѣла тайныя свиданія съ Мошинымъ, что первый ребенокъ былъ плодомъ ихъ любви, и что она вышла замужъ за Зубарева единственно для того, чтобъ скрыть свое безчестье и имѣть какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ; потому что Мошинъ жениться на ней не могъ, ибо рѣшительно не имѣлъ тогда никакого состоянія, и что, вслѣдствіе этого намѣренія, она завлекла Зубарева, и, видя его привязанность, торопила свадьбою. Нѣкоторыя другія подробности слишкомъ отвратительны, чтобъ о нихъ разсказывать.

Мошинъ совершенно потерялся, да и есть отчего, а Софья Ивановна...

У Мартына Исповѣдника во время раннихъ обѣденъ ежедневно можно встрѣтить молодую женщину, стоящую въ углу придѣла на колѣняхъ и обливающуюся слезами, со всѣми признаками отчаянія. Она молится объ исцѣленіи полумертваго мужа и, вѣроятно, объ отпущеніи собственныхъ ея грѣховъ.

Всѣ люди, всѣ человѣки, говоритъ нашъ добрый, снисходительный отецъ Іоаннъ. Что̀ дѣлать! Въ свое время все омоется банею покаянія. А къ Мошину очень примѣнить можно четыре стиха изъ безподобнаго посланія Буринскаго:

Вотъ до чего доводятъ страсти,
И вотъ какъ низко ты упалъ,
Что подчиненъ лакеевъ власти
И вдругъ краснѣть предъ другомъ сталъ!

29 Ноября, Среда. Ѣздили съ Невзоровымъ къ Карцеву, у котораго я такъ долго не былъ. Онъ недомогаетъ и былъ намъ искренно радъ. Застали у него князя Гундорова. Этотъ князь считается однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ на рысакахъ и за сію способность находится въ большомъ почетѣ у охотниковъ и въ милости у графа Орлова. Онъ также извѣстенъ и неугомонностію своего аппетита, которому однакоже не всегда расположена служить его натура, несмотря на свою солидность: случается, подъ конецъ обѣда или ужина, что, наложивъ себѣ верхомъ тарелку какого-нибудь кушанья и приготовясь наслаждаться имъ, онъ вдругъ съ глубокимъ вздохомъ отталкиваетъ его отъ себя, съ досадою примолвивъ: *не могу!* Невзоровъ преуморительно передаетъ это отчаянное движеніе.

Карцевъ читалъ намъ кой-какіе стихи и между прочимъ одинъ стихотворный разсказъ, подъ заглавіемъ: *Цыганъ*, который тутъ же и дозволилъ мнѣ списать. Разсказъ нѣсколько растянутъ, но языкъ хорошъ и даже лучше многихъ нынѣшнихъ пресловутыхъ писателей. Мнѣ кажется, что Карцевъ мѣтилъ на какое-нибудь лицо, хотя и не признается въ томъ.

Цыганъ (*пословица*).

Цыганъ, барышникъ лошадиной,
Мужикъ догадливый, да храбрости гусиной,
Купаяся, попалъ въ водоворотъ
И сталъ тонуть, кричитъ и вопитъ: „Гей, ребята,
„Спасите! Кто спасетъ, тому ужъ будетъ плата.
„Отдамъ послѣднее, топоръ отдамъ!“ Народъ,
Какъ водится у насъ, ни съ мѣста—лишь глазѣетъ:
Народъ вишь плавать не умѣетъ,
Зато пересужать другихъ собаку съѣлъ.
„За чѣмъ попалъ въ рѣку? Не чортъ посилъ купаться!
„Знай дома бы сидѣлъ, пострѣлъ,
„Стерегъ табунъ, да лапти плелъ,
„Такъ нѣтъ, тудажъ въ рѣкѣ задумалъ полоскаться!“
По счастью кумъ Семенъ шелъ мимо, слышитъ крикъ,
Бултыхъ въ рѣку, давай барахтаться съ волнами
(Онъ парень ловкой былъ, не только что съ рѣками,
Онъ былъ знакóмъ съ морями)
И вытащилъ утопленника въ мигъ.
А тотъ безъ памяти; однакоже очнулся,
Вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Чихнулъ
И потянулся,

За тѣмъ какъ встрепанный вскочилъ
И норовитъ домой, забывши о посулѣ:
Онъ домосѣдничать любилъ.
Межъ тѣмъ Семенъ стоялъ на караулѣ
И куманька остановилъ.
„Послушай, говоритъ, и не ворочай рыла,
„Ты, кажется, тому сулилъ топоръ,
„Кто вытащитъ тебя скорѣе изъ бучила!"
— Топоръ? какой топоръ? Ну, это что за вздоръ?—
„Какъ вздоръ! всѣ слышали, хоть я съ тобой и друженъ,
„Однакоже, признаться, мнѣ
„Теперь топорикъ очень нуженъ".
— Тебѣ топоръ? На что? Да въ вашей сторонѣ
Имъ дѣлать нечего, къ томужъ ты не досуженъ.
„Досуженъ я иль нѣтъ, мнѣ слѣдуетъ топоръ:
„Я вытащилъ тебя, отдай—къ чему тутъ споръ?"
— Ужъ полно, ты ль тащилъ? Кажися мнѣ, Петруха;
А впрочемъ, ты иль онъ, въ томъ нѣтъ большой нужды!
Ужъ коли сдѣлалась съ товарищемъ проруха,
По христіанству долженъ ты
Его избавить отъ бѣды!
Такъ, слышь ты, писано; къ томужъ признаться,
Куда не хочется мнѣ съ топоромъ разстаться!—
„Давнобъ ты напрямки сказалъ,
„Чѣмъ проповѣди пѣть, дружище,"
Ему Семенъ безъ сердца отвѣчалъ.
„Ну, жалко топора—отдай хоть топорище;
„Оно и все-то грошъ, а я его искалъ..."—
— Вотъ это дѣло, кумъ, и не одно, а пару
Добуду я тебѣ, лишь бы Господь привелъ
Мнѣ побывать въ лѣсу, а тамъ бы я нашелъ,
Хотя бъ пришлось таскаться до угару.
Да что! Тутъ нечего напрасно тратить словъ,
Ужъ просто куму вѣрь!—Сказалъ и былъ таковъ.

Не даромъ говорятъ:

Какъ тонутъ, такъ топоръ сулятъ
И отказать ни въ чемъ не смѣютъ;
А вытащи—попятся назадъ
И топорища пожалѣютъ.

На дняхъ, кажется, 2 Декабря, въ круглой залѣ Зарубина у Никитскихъ воротъ даетъ концертъ скрипачъ *Бальйо*, соперникъ знаменитаго *Роде*, который два года тому назадъ обворожилъ всю Москву волшебнымъ, какъ тогда говорили, смычкомъ своимъ. Теперь мнѣнія раздѣлились, и нѣкоторые знатоки отдаютъ преимущество *Бальйо*, въ игрѣ котораго находятъ болѣе бѣглости, силы и энергіи. Но Всеволожскіе, Мосоловы и другіе диллетанты одного съ ними круга утверждаютъ, что хотя *Бальйо* точно и отличный скрипачъ и одаренъ необыкновенною силою, но что *Роде* превосходитъ его чистотою, нѣжностью и пѣвучестью игры; такъ играетъ, говорятъ они, что «невольно плачешь,

сердце выскочить хочетъ, и не слышишь земли подъ собою». Вотъ какъ! Но я помню, что тоже говорили и даже писали о *Жарновикѣ* и помѣшанномъ *Дицѣ*. Чему вѣрить? Мнѣ кажется, что нѣтъ лучше *того, что̀ нравится*; а нравится сегодня одно, завтра другое. Бѣдные мы люди и бѣдный я студентъ!

Непостоянство—доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ вкуса—счастье ихъ!

Мало того, что Державинъ великій поэтъ, онъ и великій мудрецъ; а Н. И. Кондратьевъ, губернаторскій секретарь, пишетъ на него кабачные стихи! Вотъ, поди ты съ нимъ!

30 Ноября, Четвергъ. Москва не *въ плѣну*, однакоже

Москва уныла,
Какъ мрачная осенняя ночь!

Ни одни стихи такъ не были кстати и не выражали лучше настоящаго состоянія Москвы, какъ эти стихи нашего Дмитріева. Получено извѣстіе, что 20 ч. мы претерпѣли жестокое пораженіе подъ Аустерлицемъ. Подробностей никакихъ еще не знаютъ, по крайней мѣрѣ не знаемъ мы; только эта роковая вѣсть вдругъ огласила всю Москву, какъ звукъ перваго удара въ большой Ивановскій колоколъ. Я не видалъ никого изъ знатныхъ, но много незнатныхъ разнаго рода людей приходило и пріѣзжало къ намъ съ вопросами: *не знаете ли чего?* Завтра поѣду и я съ такимъ же вопросомъ по своимъ знакомымъ и, вѣроятно, также ничего достовѣрнаго не узнаю.

Мы не привыкли не только къ большимъ пораженіямъ, но даже и къ неудачнымъ стычкамъ, и вотъ отъ чего потеря сраженія для насъ должна быть чувствительнѣе, чѣмъ для другихъ государствъ, которыя не такъ избалованы, какъ мы, непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, въ продолженіе полувѣка. Очень, очень хочется знать въ подробности о всѣхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что знакомые подстрекаютъ своимъ любопытствомъ; одинъ мой охранитель-геній, Петръ Ивановичъ, корпитъ надъ своимъ Геніемъ, почти не принимая участія въ происшествіяхъ политическихъ, да и мнѣ совѣтуетъ не слишкомъ заниматься ими. «Ужъ повѣрь, любезный,—говоритъ онъ,—что Государь знаетъ лучше насъ съ тобой, *что̀* для *чего* дѣлается, и если насъ потрепали, то видно, что такъ надобно». Можетъ быть и правда; но правда и то, что изъ его Генія ничего не выдетъ. Онъ мнѣ кой что изъ него читалъ; грустно сказать,—но совершенно пустой наборъ словъ.

Сегодня въ городѣ много имянинниковъ и все большею частію людей знатныхъ и почетныхъ: князья Вяземскій и Оболенскій, Коло-

кольцовъ, сосѣдъ нашъ богачъ Баташевъ и проч. Только врядъ ли у кого имянины будутъ веселые: у всякаго въ сраженіи былъ кто-нибудь изъ ближнихъ, или дѣти, или родственники, о судьбѣ которыхъ еще ничего неизвѣстно. Вотъ у нашего Андрея Анисимовича Сокольскаго родныхъ въ походѣ, слава Богу, никого нѣтъ, а всѣ безопасно поютъ на клиросахъ, и потому пирушка его будетъ не совсѣмъ скучна. Поѣдемъ къ доброму имяниннику!

2 Декабря, Субота. Извѣстія изъ арміи становятся мало по малу опредѣлительнѣе, и насмурныя физіономіи именитыхъ Москвичей проясняются. Старички, которые руководствуютъ общимъ мнѣніемъ, пораздумали, что нельзя же, чтобы мы всегда имѣли однѣ только удачи; не даромъ есть поговорка: лѣпя, лѣпя и облѣпишься, а мы лѣпимъ болѣе сорока лѣтъ, и кажется столько налѣпили, что Россія почти вдвое больше стала. Конечно, потеря немалая въ людяхъ; но народу хватитъ у насъ не на одного Бонапарте, какъ говорятъ нѣкоторые бородачи-купцы, и не сегодня, такъ завтра подавится окаянный. Впрочемъ слышно, что потеряли не столько мы, сколько Нѣмцы, которые будто бы *яшася бѣгу*, тогда какъ мы грудью ихъ отстаивали.

3 Декабря, Воскресенье. Всюду толкуютъ о подвигахъ князя Багратіона, который мужествомъ своимъ спасъ аріергардъ и всю армію. Я сегодня воспользовался Воскресеньемъ и объѣздилъ почти всѣхъ знакомыхъ, важныхъ и неважныхъ, и у всѣхъ только и разговоровъ слышалъ, что о Багратіонѣ. Сказывали, что генералъ Кутузовъ доноситъ о немъ въ необыкновенно сильныхъ выраженіяхъ. Кажется, что мы разбиты и принуждены были ретироваться по милости нашихъ союзниковъ; но тамъ, гдѣ дѣйствовали одни, и въ самой ретирадѣ войска наши оказали чудеса храбрости. Такъ и должно быть

Удивительное дѣло! Три дня тому назадъ мы всѣ ходили какъ полумертвые, и вдругъ перешли въ такой куражъ, что Боже упаси! Сами не свои, и чортъ намъ не братъ! Въ Англійскомъ клубѣ выпито вчера вечеромъ болѣе ста бутылокъ Шампанскаго, не смотря на то, что изъ трехъ рублей оно сдѣлалось 3 р. 50 коп. и вообще всѣ вина стали дороже.

Войскамъ нашимъ велѣно возвратиться, и Государь скоро будетъ въ Петербургъ.

А между тѣмъ, пока мы деремся съ заграничными Французами, здѣшніе Французы ломаютъ разныя комедіи и потѣшаютъ Москву, какъ ни въ чемъ не бывало. Никогда Французскій театръ не видалъ у себя столько посѣтителей, сколько съѣхалось въ сегодняшній бене-

фисъ мадамъ *Серинъи* и мосье *Розъ*. Правда, что театръ не великъ, но за то былъ набитъ биткомъ. Давали трехъ-актную комедію: *Les Conjectures ou le Faiseur des nouvelles;* эта піеса какъ будто нарочно сочинена для настоящей эпохи и представляетъ довольно вѣрно непобѣдимую страсть нашего общества къ новостямъ, разнымъ заключеніямъ и пересудамъ (чтобы не сказать, сплетнямъ). Она разыграна была удачно, съ большимъ ансамблемъ.

5 Декабря, Вторникъ. Разсказываютъ пропасть анекдотовъ объ удальствѣ нашихъ солдатъ въ продолженіе трехдневной баталіи. Между прочимъ на одного гренадера Фанагорійскаго полка напали четыре Француза и закричали: *пардонъ*, т.-е. сдавайся! Но онъ выстрѣломъ убилъ одного, другаго повалилъ прикладомъ, третьяго прикололъ штыкомъ, а четвертый бѣжалъ. Государь приказалъ представить къ себѣ храбреца.

— О чемъ вы задумались, шутя спросилъ я сегодня Петра Ивановича; кажется, съ «Геніемъ» уладили, дѣвицамъ Скульскимъ стихотворенія ихъ исправили, графинямъ Гудовичъ просодію объяснили и съ барышней Баташевой склоненія и спряженія кончили, день вашъ наполненъ; о чемъ же думать?—А вотъ, любезный, о чемъ я думаю, пресерьёзно отвѣчалъ мнѣ Петръ Ивановичъ: у какого Николы завтра слушать обѣдню? У Николы Явленнаго, у Николы Дербенскаго, у Николы Большой Крестъ, у Николы Красный Звонъ, у Николы на Щепахъ, у Николы въ Столпахъ, у Николы въ Кошеляхъ, у Николы въ Драчахъ, у Николы въ Воробинѣ, у Николы на Болвановкѣ, у Николы въ Котелкахъ, или у Николы въ Хамовникахъ? Ко всѣмъ не поспѣешь; а поѣхать къ одному, такъ чтобы другіе причты не обидѣлись! Всѣ приглашали на храмовой праздникъ и угощеніе.

Вотъ подлинно душа-то ангельская!

Я такъ завтра отправлюсь къ Николѣ на Курьихъ Ножкахъ: тамъ у Лобковыхъ три праздника, приходскій, имянины сына и рожденье насмѣшницы ma tante, которой, по увѣренію отца, минетъ 19 лѣтъ, хотя мать считаетъ ей только 17. Но сколько бы ни было, она точно мила; со временемъ насмѣшливость исчезнетъ, потому что съ лѣтами, говорятъ, чувствуютъ больше нужды въ людяхъ, а веселость и остроуміе останутся Я поѣду поздравить ее и повезу ей букетъ, разумѣется, стихотворный, или лучше смѣхотворный.

7 Декабря, Четвергъ. Вчерашній день прошелъ весело, не смотря на то, что мое самолюбіе очень страдало. Какъ быть? Не всякое лыко въ строку!

Видѣлъ пріѣзжаго изъ Петербурга, г. Стратиновича, человѣка среднихъ лѣтъ, съ умной физіономіей, очень плѣшиваго и очень серьёзнаго. Онъ служилъ или служитъ цензоромъ, говоритъ какъ книга, прехладнокровно разсказываетъ пресмѣшныя вещи и, повидимому, въ связи со многими знатными людьми: много толковалъ о графѣ Головкинѣ, котораго признаётъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ Россіи и выхвалялъ его дипломатическія способности, которыя были причиной назначенія его посломъ въ Китай. Между прочимъ, описывая нѣкоторыя черты характера Головкина, онъ разсказывалъ, что онъ не можетъ равнодушно слышать трехъ Русскихъ пословицъ: 1) *все Божье да царское*, 2) *хоть не радъ, да готовъ* и 3) *безъ вины виноватъ*. А на счетъ нашихъ дѣльцовъ, или почитаемыхъ такими, отзывается, что всѣ они состоятъ изъ людей, которые *хотятъ и не умѣютъ*, или *умѣютъ и не хотятъ*, или *не хотятъ и не умѣютъ*, но что такихъ, *которые бы хотѣли и умѣли*, онъ еще не встрѣчалъ. Любопытно его замѣчаніе на счетъ нѣкоторыхъ особъ извѣстнаго круга: онѣ, утверждаетъ графъ Головкинъ, при всѣхъ добрыхъ своихъ качествахъ, имѣютъ такіе недостатки, которые уничтожаютъ эти качества; напримѣръ, *много* говорятъ и *мало* знаютъ, *много* проживаютъ и *мало* имѣютъ доходовъ; *много* о себѣ думаютъ и *мало* значутъ. Стратиновичъ прибавилъ, что всѣ замѣчанія графа заключаютъ въ себѣ какую-то тройственность.

Въ театрѣ давали оперу: *Глупость* или *Тщетная Предосторожность*, плохой переводъ съ Французскаго; эта опера, которая шла какъ нельзя хуже, называется въ оригиналѣ *une Folie*; кто же видалъ называть *Folie* глупостью? Содержаніе піесы есть *шалость* молодыхъ любовниковъ, такъ бы и должно назвать ее. Пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ чудеса объ игрѣ и пѣніи въ этой оперѣ Французской актрисы *Philis Andrieux*, которая производитъ необыкновенный восторгъ, о какомъ здѣсь и понятія не имѣютъ.

10 Декабря, Воскресенье. Всѣ наши власти и знать въ великой ажитаціи по случаю послѣзавтрашняго дня. У главнокомандующаго огромный обѣдъ, а вечеромъ нарядный балъ въ Дворянскомъ Собраніи. На Кузнецкомъ мосту точно гулянье, въ магазинахъ толпа, а у мадамъ Оберъ-Шалме такой пріѣздъ, что весь переулокъ заставленъ каретами. Записнымъ танцовщикамъ нашимъ: Валуеву, Козлову *), Демидову съ товарищи, много предстоитъ работы; сколько имъ будетъ упрашиваній отъ маменекъ, тетушекъ и бабушекъ, чтобы не обошли

*) Ивану Ивановичу, впослѣдствіи поэту-слѣпцу. П. Б.

ихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ. Этимъ господамъ теперь *лафа*: въ городѣ нѣтъ ни гвардейцевъ, ни армейцевъ; есть нѣсколько гарнизонныхъ, отжившихъ свое время, офицеровъ, но кто же изъ нашихъ барышенъ рѣшится танцовать съ такими кавалерами?

5-го числа уѣхалъ въ Петербургъ молодой нашъ ученый Двигубскій, недавно съ такимъ отличіемъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ, человѣкъ очень умный и ловкій. Онъ будетъ здѣсь профессоромъ. Это новый даръ М. Н. Муравьева и новое доказательство его попеченій объ университетѣ.

Ф. И. Евреиновъ сказывалъ, что нѣсколько Московскихъ хватовъ, и въ томъ числѣ Черемисиновъ, Зотовъ и Крюковъ вытребованы были къ главнокомандующему на головомытье за какую-то болтовню. Александръ Андреевичъ приказалъ представить ихъ къ себѣ въ пріемный день, когда соберется больше публики, да при всѣхъ отщелкалъ ихъ по-свойски такъ, что сгорѣли отъ стыда и не знали, куда дѣваться. «Ахъ вы негодные мальчишки, служили безъ году недѣлю, да туда же суетесь судить и рядить о политикѣ и критиковать поступки такихъ особъ! Знаете ли, что васъ какъ школьниковъ слѣдовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благородными людьми, безпутные. Какіе вы, къ чорту, благородные люди! Такъ, шавель, сущая дрянь!»

Евреиновъ говоритъ, что начальникъ разсердился больше на то, что эта непростительная болтовня происходила въ Пѣвческомъ трактирѣ, при большомъ стеченіи купцовъ и простаго народа, который съ неудовольствіемъ слушалъ ее, и что изъ этого легко могъ бы произойти какой нибудь гвалтъ, неравно гибельный для самихъ болтуновъ; иначе онъ бы пренебрегъ этимъ, зная, что самъ Государь пренебрегаетъ подобными росказнями и не желаетъ, чтобы ихъ преслѣдовали.

12 Декабря, Вторникъ. Между тѣмъ какъ наши знатные Москвичи праздновали рожденіе Государя и благополучное возвращеніе его изъ арміи, сперва на большомъ обѣдѣ у начальника столицы, а послѣ на балѣ въ Дворянскомъ Собраніи, незнатный студентъ праздновалъ сей «нареченный и святой день» дома, съ нѣсколькими добрыми знакомыми. У насъ обѣдали неизмѣнный Максимъ Ивановичъ и любезный дѣдушка. У одного въ головѣ журналъ: *Другъ Просвѣщенія,* а другой до смерти сердитъ на всѣхъ актеровъ и особенно актрисъ; говоритъ: «горничныя, сударь, настоящія горничныя, никакого священнаго огня въ груди не имѣютъ». Пресмѣшной! Хочетъ найти священный огонь въ груди у Баранчеевой. Говоря о священномъ огнѣ, я къ стыду моему долженъ признаться, что онъ и въ моей груди погасаетъ: рѣшительно учиться не могу и

съ Новаго Года прощусь съ университетомъ. Не знаю, тотчасъ ли поѣду въ Петербургъ, это будетъ зависѣть отъ воли моихъ домашнихъ, но только наука не лѣзетъ мнѣ въ голову. Петръ Ивановичъ говоритъ, что это пройдетъ и что я нахожусь въ какомъ-то переходномъ состояніи. Я не понимаю этого выраженія, но чувствую, что обманывать себя глупо, а другихъ—грѣшно, и нечего тратить время по пустому; невѣждою не останусь, а полуневѣждою быть куда не шло.

Антонскій призвалъ меня и спрашивалъ, приготовилъ ли я стихи для акта; я отвѣчалъ, что нѣтъ и что написать ничего не могу. «Ну такъ и тебѣ-*тà* ничего не будетъ-*тà*, сказалъ онъ серьезно разсердившись: и лѣнишься-*тà* и балахрысничаешь-*тà*». Я возразилъ, что по увѣренію Петра Ивановича я нахожусь въ переходномъ состояніи, и потому я не виноватъ; къ тому же онъ самъ написалъ прекрасную піесу *Геній*, и мнѣ съ нимъ, какъ старшимъ, входить въ соперничество непристойно, тѣмъ болѣе, что мы живемъ вмѣстѣ. Доброжелатель мой засмѣялся, et le voilà désarmé [1]).

15 Декабря, Середа. Все это время дни мои также пусты, какъ и моя голова. Готовимся къ акту, и чтобъ не совсѣмъ огорчить Антонскаго, который постоянно ко мнѣ такъ благосклоненъ, хотя и не рѣдко журитъ меня, я рѣшился потѣшить его и написалъ Нѣмецкую рѣчь о *пользѣ изученія иностранныхъ языковъ*, которую Де-Сангленъ находитъ очень хорошею и не требующею многихъ поправокъ: Hochzuverehrende Versammlung! In unseren Zeiten ist das Studium der lebenden Sprachen ein nothwendiges und wesentliches Stück einer guten Erziehung [2]), и пр.

Напротивъ, Тургеневы, воспитанники Лемана и записные Нѣмцы, говорятъ, что это просто какая-то жижа, которую даже и водою назвать нельзя; но что впрочемъ я смѣло могу читать ее, потому что кромѣ ихъ никто меня не пойметъ (довольно самолюбиво!). Де-Сангленъ гладитъ меня по головкѣ, вѣроятно потому, что мы часто видаемся съ нимъ на вечерахъ у Катерины Александровны Муромцовой, гдѣ я бываю постояннымъ свидѣтелемъ его любезничанья; и въ самомъ дѣлѣ онъ человѣкъ хорошаго тона и очень веселый въ обществѣ, великой затѣйникъ на всякія игры и умѣетъ занять молодыхъ дамъ и дѣвицъ; всѣ его любятъ и всѣ ему рады. Я не видывалъ человѣка, который бы такъ ловко соединялъ педагогику съ общежитіемъ.

Въ Воскресенье открытіе новаго театра въ домѣ Пашкова на Моховой; даютъ Прекрасную Арсену. Разумѣется, Прекрасною Арсеною будетъ Сандунова, а Монстромъ—Прусаковъ. Постараюсь попасть на этотъ спектакль, благо свободный день.

[1]) И вотъ онъ обезоруженъ.

[2]) Высокопочтенное собраніе! Въ наше время изученіе живыхъ языковъ есть необходимая и существенная часть хорошаго воспитанія.

18 Декабря, Понедѣльникъ. Я слышалъ вчера, что Петербургъ встрѣтилъ Государя съ такимъ восторгомъ, какому не было примѣра. Послѣдствіемъ этой встрѣчи былъ рескриптъ Петербургскому главнокомандующему, съ котораго списки ходятъ уже здѣсь по рукамъ; онъ скоро долженъ появиться и въ газетахъ, но покамѣстъ еще не напечатанъ и не дошелъ до насъ. Вотъ нѣкоторыя изъ него подлинныя фразы, достопамятныя по чувству и выраженію. Государь, поручая главнокомандующему повторить жителямъ П.-бурга признательность его, между прочимъ изволитъ изъясняться такъ: «*Любовь любезнаго мнѣ народа есть моя лучшая награда и единый предметъ всѣхъ моихъ желаній*». Наши Москвичи и особенно стихотворцы, въ порывахъ своего усердія и преданности къ Государю, обыкновенно называютъ его Титомъ, Маркомъ-Авреліемъ, Антониномъ и проч., потому что не могутъ ступить шагу бедъ древнихъ громкихъ именъ; но я спрашиваю: справедливо ли нашего благочестиваго Батюшку-Царя сравнивать съ Римскими, не-христіанскими владыками? Эти кесари любили тріумфы, любили лесть и обожаніе, а нашъ императоръ отказывается даже отъ всѣхъ почестей, кои принадлежатъ, независимо отъ сана, его личнымъ заслугамъ, и вотъ тому разительный примѣръ. Въ день рожденія Государя, кавалерская дума поднесла ему чрезъ депутатовъ своихъ, князей Прозоровскаго и Куракина, орденъ св. Георгія 1-й степени; но Государь, не принявъ его, приказалъ сказать думѣ, что онъ благодаритъ ее за вниманіе къ такимъ дѣяніямъ его, которыя онъ почитаетъ своею обязанностію; но что знаки 1-й степени ордена св. Георгія должны быть наградою за распоряженія начальственныя; что онъ не командовалъ, а храброе войско свое привелъ на помощь своего союзника, который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, и что потому не думаетъ онъ, чтобы все то, чтȍ онъ въ семъ случаѣ сдѣлалъ, могло доставить ему сіе отличіе; что во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ онъ только неустрашимость своихъ войскъ и ни въ какой опасности себя отъ нихъ не отдѣлялъ, и что сколько не лестно для него изъявленное кавалерской думой желаніе, но имѣвъ еще единственный случай оказать личную свою храбрость и въ доказательство, сколь уважаетъ онъ военный орденъ, находитъ теперь приличнымъ принять только знакъ 4 степени».

Стоитъ только прочитать этотъ отзывъ Государя, чтобы вполнѣ почувствовать блаженство быть его подданнымъ и жить подъ его державою.

Князь Одоевскій, который вмѣняетъ себѣ въ честь, славу и обязанность прежде всѣхъ получать всѣ извѣстія—на чтȍ употребляетъ

важныя суммы—первый распустилъ этотъ отзывъ Государя думѣ по городу, приказавъ въ своей домашней конторѣ переписать его въ большомъ количествѣ экземпляровъ и роздалъ ихъ своимъ знакомымъ. Предрагоцѣнный человѣкъ, этотъ князь, даромъ что подъ векселями и другими дѣловыми бумагами не иначе подписывается, какъ дѣйствительнымъ камергеромъ и старшиною Россійскаго Благороднаго Собранія.

Намъ сказывали по секрету, что Александръ Андреевичъ также ожидалъ рескрипта, но, не получивъ его, очень прикручинился и даже не скрываетъ своей грусти: говоритъ, что онъ бы желалъ получить доказательство государева вниманія не для себя собственно, потому что онъ вѣкъ свой отжилъ, но для Москвы, которой усердіе и любовь къ Государю проявились во всемъ блескѣ во время отсутствія его изъ Россіи.

Новый театръ въ домѣ Пашкова ни хорошъ, ни дуренъ, а такъ, ни то, ни се; сдѣланъ изъ манежа и узокъ не по длинѣ. Прекрасная Арсена въ томъ видѣ, какъ ее представляютъ, вовсе не прекрасна. Во время представленія я узналъ, что товарищъ нашъ Морозовъ безъ памяти влюбленъ въ Сандунову и ходитъ потихоньку въ театръ всякой разъ, какъ она играетъ. Сегодня мы отрыли у него цѣлую кипу посланій, мадригаловъ и сонетовъ къ знаменитой актрисѣ, и все это—въ прозѣ. Ну кто видалъ писать мадригалы и сонеты въ прозѣ? Преоригинальная мысль! Впрочемъ,

> Amis, respectons ses amours,
> Pour qu'il respecte aussi les nôtres [1]).

20 Декабря, Середа. Завтра экзаменъ, послѣ завтра актъ, и затѣмъ—прощайте навсегда пансіонъ и университетъ! Около трехъ лѣтъ тому назадъ я только и бредилъ, что объ университетѣ, и еще въ началѣ нынѣшняго года думалъ не оставить его иначе, какъ съ званіемъ кандидата, а можетъ быть и магистра; а теперь бѣгу изъ него безъ оглядки простымъ, недоучившимся студентомъ, бѣгу не зная самъ куда. Видно, по выраженію Жуковскаго, таковъ человѣкъ:

> Игралище суетъ, волнуемый страстями,
> Какъ ярымъ вихремъ листъ; ужасный жребій твой—
> Бороться съ горестьми, болѣзньми и собой!

Не безъ сердечнаго однакожъ сожалѣнія оставлю многихъ моихъ доброхотовъ и пособниковъ и никогда не забуду ихъ заботъ и попеченій о мнѣ. Да и какъ забыть умнаго, положительнаго Страхова, ученаго, краснорѣчиваго и добродушнаго Сахацкаго, геніальнаго Мерзлякова и даже самого кропотуна Антонскаго, превосходнаго наставника

[1]) Друзья, почтимъ его любовныя похожденія для того, чтобы и онъ почиталъ наши.

и добраго человѣка. Не говорю уже о Петрѣ Ивановичѣ, съ которымъ еще не такъ скоро разстанусь, и который былъ мнѣ другомъ и братомъ, и, не смотря на свое педантство, есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ людей на свѣтѣ по качествамъ сердца и по образу мыслей. Не забуду и тебя, мой милый, безпечный Буринскій, будущее свѣтило нашей литературы, поэтъ чувствомъ, поэтъ взглядомъ на предметъ, поэтъ оборотами мыслей и выраженій, и образомъ жизни, словомъ: поэтъ по призванію! Не забуду тебя, скромный обитатель бѣдной кельи незабвеннаго нашего поэта Кострова, котораго наслѣдовалъ ты талантъ, не наслѣдовавъ его слабостей!

23 Декабря, Субота. Экзамены кончились благополучно, и актъ прошелъ какъ слѣдуетъ, т. е. какъ проходилъ онъ двадцать лѣтъ назадъ и проходить будетъ опять черезъ двадцать лѣтъ. Спрашивали извѣстное, отвѣчали заученное. Представляли судебное дѣйствіе Горюшкина, въ которомъ нѣтъ никакого дѣйствія; любовались рисунками, рисованными учителемъ Синявскимъ подъ видомъ поправокъ; играли на клавикордахъ тѣ же піесы, которыя играли прошлаго года и будутъ играть въ будущемъ году все тѣ же братья Лизогубы; танцовали тотъ же балетъ съ гирляндами, которымъ старикъ Морелли угощаетъ посѣтителей ежегодно въ продолженіе почти четверти вѣка; читали *Благость* Мерзлякова, *Генія* Петра Ивановича, *Гимнъ Истинѣ* Граматина съ поправками Жуковскаго, очень несчастное *Счастіе* Соковнина, *Французскій діалогъ* въ родѣ разговора: Comment vous portez vous? Très bien, monsieur. Провозгласилъ и я Нѣмецкую рѣчь Hochzuverehrende Versammlung, которую подсказывалъ мнѣ пріѣхавшій въ отпускъ Александръ Тургеневъ и которой никто не слушалъ. Словомъ, все прошло какъ нельзя лучше. Столичное начальство дѣлало комплименты Антонскому, а онъ передавалъ ихъ учителямъ и нѣкоторымъ воспитанникамъ: всѣ довольны, но болѣе всѣхъ доволенъ я, потому что все это кончилось.

Однакоже, какъ теперь на свободѣ пораздумаешь: что́ это значитъ? Мы, дѣйствительные студенты, ѣздимъ на лекціи въ университетъ, а принадлежимъ еще начальству пансіонскому. Согласенъ, что тѣ, которые живутъ въ пансіонѣ, обязаны считаться отъ него зависящими; но я и нѣкоторые другіе вступали въ пансіонъ полупансіонерами и никогда въ немъ не жили, почему жъ мы принадлежимъ пансіону? Вотъ этого никто не хотѣлъ или не умѣлъ мнѣ ясно растолковать; а что-то неладно!

Завтра отдыхъ: постараюсь выспаться хорошенько, чтобы какъ можно бодрѣе встрѣтить праздникъ. Для меня одной Рождественской

заутрени мало: поѣду прежде въ Успенскій соборъ, а тамъ поищу, не будетъ ли гдѣ другой и третьей попозже. Готовъ бы ихъ прослушать хоть десять, лишь бы послужили ноги. Чтó это за красота такая! Этотъ громкій, торжественный, все потрясающій кликъ пророка: съ нами Богъ! Этотъ канонъ, составленный изъ такихъ чудныхъ пѣсенъ Дамаскина, какъ напримѣръ *жезлъ изъ корене Іессеова и проч.*, эти богородичны и синаксари! Право, кажется, что, исключая Пасхальной, превосходнѣе Рождественской службы ничего не было и нѣтъ; по крайней мѣрѣ для меня она есть самое высокое и утѣшительное наслажденіе и переноситъ меня въ эпоху моего дѣтства, когда, бывало, я, непремѣнный чтецъ покойной бабки, прочитавъ великое повечеріе, корифеемъ восклицалъ: съ нами Богъ! а за мною уже двухорный клиръ пѣвчихъ провозглашалъ громогласно: разумѣйте языцы и проч. И такъ, до времени, все мірское въ сторону!

26 Декабря, Вторникъ. Всѣ праздничныя обязанности мои выполнилъ я исправно, и совѣсть моя покойна; у однихъ былъ съ поздравленіемъ, у другихъ съ благодарностію, а къ инымъ заѣзжалъ по влеченію сердца. У послѣднихъ оставался долѣе. За то какъ и усталъ!

Слышалъ, что градоначальникъ получилъ рескриптъ и что онъ очень доволенъ. Завтра узнáю о содержаніи рескрипта и о прочемъ въ подробности, а теперь покамѣстъ:

Неодолимый клонитъ сонъ.
Спѣшу въ объятія къ Морфею;
Пусть мнѣ представитъ въ грезахъ онъ
Ту благодѣтельную Фею,
Кому судьбой я обреченъ,
Съ кѣмъ я соединюсь душою,
Съ кѣмъ буду сердцемъ обрученъ.

Что жъ! Стихи какъ стихи и не хуже виршей князя Шаликова съ товарищи, даромъ что писаны на сонъ грядущій; а говорятъ, что ихъ писать мудрено. Пустяки!

28 Декабря, Четвергъ. Весь рескриптъ градоначальника состоитъ изъ необыкновенно сильныхъ и милостивыхъ выраженій. Вотъ чтó, между прочимъ, изволитъ писать Государь:

«*Любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ моихъ дѣйствій и желаній.* Я поручаю вамъ снова удостовѣрить обывателей Московской столицы въ совершенной признательности моей къ столь пріятному для меня ихъ расположенію. Удостовѣрьте ихъ, что *покой и счастіе народа мнѣ любезнаго считаю*

я драгоцѣннѣйшимъ залогомъ, отъ Провидѣнія мнѣ врученнымъ, и важнѣйшею обязанностію моей жизни».

Я думаю, что едва ли когда-нибудь Москва осчастливлена была подобнымъ изъявленіемъ монаршаго къ ней благоволенія. Вотъ бы ей случай поусердствовать и ознаменовать радость свою чѣмъ-нибудь *непреходящимъ*. Что̀ бы стоило воздвигнуть монументъ или какое-нибудь другое красивое зданіе, на которомъ бы и начертать въ память родамъ грядущимъ незабвенныя слова: *любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій и желаній*. Въ этихъ словахъ весь Александръ І-й. Не повѣришь, какъ хочется въ Петербургъ; ну такъ и тянетъ поскорѣе взглянуть на Государя, душу матушки Святой Руси.

По случаю этого рескрипта всѣ наши записные стихотворцы пріударили въ перья; и графъ Хвостовъ и Кутузовъ и пр., чиновные и нечиновные, корпятъ надъ виршами и, говорятъ, что не далѣе какъ завтра постигнетъ насъ настоящее стиховное наводненіе. Но я думаю, что никто ничего путнаго не напишетъ, потому что Державина здѣсь нѣтъ. Дмитріевъ одъ не пишетъ, Херасковъ дряхлъ, возлюбленный Мерзляковъ безъ заказа начальства на торжественный случай писать не рѣшится, а для другихъ предметъ слишкомъ недоступенъ, и всѣ ихъ вирши могутъ состоять изъ одного набора громкихъ словъ и казенныхъ риѳмъ.

29 Декабря, Пятница. Вотъ что разсказываютъ. Вскорѣ по возвращеніи Государя С.-Петербургскому главнокомандующему подали или подложили безъимянное письмо съ эпиграфомъ *now or never* *), въ которомъ заключались очень здравыя мысли, благонамѣренныя сужденія и множество дѣльныхъ замѣчаній о настоящей политикѣ нашего кабинета и объ отношеніяхъ нашихъ къ другимъ Европейскимъ державамъ. Между прочимъ неизвѣстный сочинитель письма изложилъ также мнѣніе, что, не смотря на побѣды Бонапарте, не должно оставлять его въ покоѣ и давать ему усиливаться, а напротивъ безпрерывно воевать съ нимъ и тревожить его, хотя бы то было съ нѣкоторыми потерями; что настоящее время есть самое удобнѣйшее для того, чтобы соединенными силами имѣть надъ нимъ поверхность; и что если это время будетъ упущено, то съ нимъ послѣ не сладишь: *now or never*.

Генералъ Вязмитиновъ, получивъ это письмо, представилъ его Государю, который не токмо не прогнѣвался на смѣлость сочинителя письма, но пожелалъ даже узнать его, и потому приказалъ обвѣстить

*) Теперь или никогда.

чрезъ полицію С.-Петербургскихъ жителей и вмѣстѣ публиковать въ газетахъ, чтобы тотъ, кто *обронилъ* бумагу съ надписью *nov or never*, явился къ нему, генералу Вязмитинову, безъ всякаго опасенія. Премудро и премилосердо! Полагаютъ, что это письмо сочинялъ какой-нибудь иностранецъ, потому что нѣкоторыя выраженія не совсѣмъ-то Русскія.

Сегодня спектакль въ пользу актеровъ и актрисъ г. Столыпина. Даютъ *Прекрасную Арсену*, а скрипачъ *Элуа* играетъ концертъ на скрипкѣ. Поѣхалъ бы, если бы давали не *Арсену*. Впрочемъ и лучше: отправлюсь съ братомъ Иваномъ Петровичемъ Поливановымъ къ Робертсону въ фантасмагорію и кинетозографію. Ничего этого я еще не видалъ.

Любезные мои Нѣмцы и Нѣмки пѣняютъ мнѣ, что я давно у нихъ не былъ, и они не видали меня въ третьей части Русалки, которую третьяго дня давали въ первый разъ. Они думали, что возвышенныя цѣны были тому причиною и увѣряли меня, что я всегда имѣю свободный входъ въ театръ безъ всякой платы. Взяли съ меня слово, что непремѣнно пріѣду къ нимъ подъ новый годъ въ маскарадъ. Это добродушное ихъ объясненіе и приглашеніе заставило краснѣть меня и будетъ стоить мнѣ не дешево.

«*О самолюбіе, ты нашихъ дней отрава!*»

Штейнсбергъ боленъ и боленъ опасно, а между тѣмъ ему не даютъ покою; боюсь, чтобы мы не лишились его: Штейнсберга никто не замѣнитъ. Какой актеръ и какой человѣкъ! Въ послѣднемъ отношеніи, если кто наиболѣе приближается къ нему по качеству ума, такъ это развѣ трансцендентальный пасторъ *Гейдеке*.

30 Декабря, Субота. Представленіе Робертсона началось кинетозографіею: это крошечный театръ, состоящій изъ нѣсколькихъ перемѣнъ разныхъ видовъ. То передъ вами Зимній дворецъ съ огромною площадью, то Академія Художествъ съ широкою рѣкою, то селеніе съ церковью, то прозрачное озеро съ раскинувшимися по берегамъ его рощами и проч. Но какъ все это сдѣлано, какъ освѣщено и какъ оживлено! По площади разъѣзжаютъ разные экипажи, скачутъ верхами офицеры, идутъ пѣшеходы: кто бѣжитъ, а кто идетъ тихо, едва передвигая ноги. По набережной гуляютъ кавалеры и дамы, встрѣчаются другъ съ другомъ, снимаютъ шляпы, кланяются и дѣлаютъ ручки. Вотъ скачетъ почтовая тройка и останавливается у станціи: выходятъ ямщики, осматриваютъ повозку и проч. По озеру плаваютъ лодки, однѣ на парусахъ, другія управляются гребцами, а третьи стоятъ на

мѣстѣ, и съ нихъ рыболовы удятъ рыбу. Между тѣмъ по небу ходятъ прозрачныя облака, вѣтерокъ качаетъ деревцами; наконецъ смеркается, и изъ-за горизонта выплываетъ полная луна. Словомъ, прелесть! Умники говорятъ, что это хорошо для дѣтей; согласенъ, да все-таки хорошо, и такъ хорошо, что я хочу быть ребенкомъ. Всякое вѣрное подражаніе природѣ есть уже художество, которое причисляется къ категоріи художествъ изящныхъ. Послушайте Сахацкаго.

Вотъ вамъ нѣчто и не ребяческое: вы въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ которой не видно зги, темно и мрачно какъ въ могилѣ. Вдругъ вдали показывается свѣтлая точка, которая приближается къ вамъ, и по мѣрѣ приближенія все растетъ, растетъ и, наконецъ, возрастаетъ въ огромную летучую мышь, сову или демона, которые хлопаютъ глазами, трепещутъ крыльями, летаютъ по комнатѣ и вдругъ исчезаютъ. За симъ появляется докторъ-поэтъ *Юнгъ*, несущій на плечахъ трупъ своей дочери, кладетъ его на камень, беретъ заступъ и начинаетъ рыть могилу. Эта чуха называется *фантасмагоріей*.

Богъ съ ней, съ этой *фантасмагоріей*! Передъ самымъ представленіемъ этого плаксы *Юнга*, такая поднялась въ темнотѣ возня, что Боже упаси! Тамъ кричатъ: ай! тамъ слышны: ахъ! тамъ чмоканье губъ; тамъ жалобы на невѣжество, тамъ крикъ матушекъ и тетушекъ: *что́ такое Маша? что́ съ тобою Лиза?* Тамъ глубокіе вздохи, прерываемые сердитымъ голосомъ: *да перестаньте*! Словомъ, такая суматоха и такой соблазнъ, что мочи нѣтъ. Зрителей было человѣкъ болѣе двухъ сотъ и большею частію молодыхъ людей обоего пола, размѣщенныхъ весьма тѣсно на скамейкахъ. Въ такой толпѣ и особенно въ такой темнотѣ виноватыхъ не сыщешь: всѣ правы. Опомниться не могу отъ этой потѣхи.

31 Декабря, Воскресенье. Услышавъ поутру о пріѣздѣ Ивана Александровича Загряжскаго *), знаменитаго владѣтеля еще болѣе знаменитаго села Кареяна, искренняго друга и сослуживца моего дѣда, я тотчасъ же отправился къ нему, и къ великой моей радости засталъ его дома. Все семейство его, два сына и три дочери, находятся въ Петербургѣ, а онъ живетъ на холостую ногу и, кажется, не упускаетъ случая повеселиться. Онъ радъ былъ меня видѣть, благодарилъ, что пріѣхалъ сегодня, а не завтра, потому что завтра навѣрное не засталъ бы его дома. Спрашивалъ о старшей сестрѣ, которую отецъ послѣ кончины первой жены оставлялъ у него въ домѣ на воспитаніи, покамѣстъ не женился на моей матери. Онъ по прежнему окруженъ пышностію и не измѣняетъ сво-

*) Ум. 19 Дек. 1807. Это родной дѣдъ Натальи Николаевны Пушкиной, супруги поэта. П. Б.

имъ привычкамъ, пріобрѣтеннымъ въ штабѣ князя Потемкина, котораго былъ онъ изъ первыхъ любимцевъ и ежедневнымъ собесѣдникомъ. Узнавъ, что я очень знакомъ съ Нѣмецкимъ театромъ, онъ сказывалъ, что привезъ собственную свою балетную труппу и чрезъ балетмейстера своего Итальянца *Стеллато* уже поладилъ съ будущимъ антрепренеромъ Александромъ Муромцовымъ на счетъ опредѣленія своихъ танцоровъ къ Нѣмецкому театру за извѣстную плату, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая его танцовщица *Наташа* и славный прыгунъ *Иваницынъ*, отпущенные на волю, получали особое жалованье. При мнѣ у Загряжскаго перебывало довольно гостей, старыхъ его пріятелей и сослуживцевъ. Говорили, разсуждали, смѣялись, шутили, такъ что время прошло незамѣтно, и Загряжскій оставилъ меня обѣдать. Мнѣ чрезвычайно понравились анекдоты, разсказанные хозяиномъ о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ, отцѣ Александра Львовича, нынѣшняго главнаго директора театральныхъ зрѣлищъ. Одного изъ нихъ не разскажу, потому что онъ не очень благопристоенъ; но другіе готовъ сообщить, и вотъ изъ нихъ первый. Однажды императрица Екатерина, во время вечерней эрмитажной бесѣды, съ удовольствіемъ стала разсказывать о томъ безпристрастіи, которое замѣтила она въ чиновникахъ столичнаго управленія, и, что кажется, изданіемъ Городоваго Положенія и Устава Благочинія она достигла уже до того, что знатные съ простолюдинами совершенно уравнены въ обязанностяхъ своихъ передъ городскимъ начальствомъ.—Ну врядъ ли, матушка, это такъ, отвѣчалъ Нарышкинъ.—Я же говорю тебѣ, Левъ Александровичъ, что такъ, возразила Императрица, и еслибы люди твои и даже ты самъ сдѣлали, какую несправедливость или ослушаніе полиціи, то и тебѣ спуску не будетъ.—А вотъ увидишь, матушка, сказалъ Нарышкинъ; завтра же вечеромъ тебѣ донесу.—И въ самомъ дѣлѣ, на другой день чѣмъ свѣтъ на зарѣ надѣваетъ онъ богатый кафтанъ со всѣми орденами, а сверху накидываетъ старый изношенный сюртучишка одного изъ своихъ истопниковъ и, нахлобучивъ дырявую шляпенку, отправляется пѣшкомъ на площадь, на которой въ то время подъ навѣсами продавали всякую живность.—Господинъ честной купецъ! обратился онъ къ первому попавшемуся ему курятнику, а по чемъ продавать цыплятъ изволишь?—Живыхъ по рублю, а битыхъ по полтинѣ пару, грубо отвѣчалъ торгашъ, съ пренебреженіемъ осматривая бѣдно одѣтаго Нарышкина.—Ну такъ, голубчикъ, убей же мнѣ парочки двѣ живыхъ-то.—Курятникъ тотчасъ же принялся за дѣло: цыплятъ перерѣзалъ, ощипалъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ кулекъ, а Нарышкинъ между тѣмъ отсчиталъ ему рубль мѣдными деньгами.—А развѣ баринъ, съ тебя рубль слѣдуетъ? Надобно два.—А за что жъ, голубчикъ?—

Какъ за что? За двѣ пары живыхъ цыплятъ; вѣдь я говорилъ тебѣ живые по рублю.—Хорошо, душенька, но вѣдь я беру неживыхъ, такъ за что же изволишь требовать съ меня лишнее?—Да вѣдь они были живые.—Да и тѣ, которыхъ продаешь по полтинѣ за пару, были также живые. Ну я и плачу тебѣ по твоей же цѣнѣ за битыхъ.—Ахъ ты, калатырникъ! взбѣсившись завопилъ торгашъ, ахъ ты, шишмонникъ эдакой! Давай по рублю, не то вотъ господинъ полицейскій разберетъ насъ!—А чтó у васъ за шумъ? спросилъ тутъ же расхаживавшій для порядка полицейскій.—Вотъ, ваше благородіе, извольте разсудить насъ, смиренно отвѣчаетъ Нарышкинъ; господинъ купецъ продаетъ цыплятъ живыхъ по рублю, а битыхъ по полтинѣ пару; такъ чтобы мнѣ бѣдному человѣку не платить лишняго, я и велѣлъ перебить ихъ и отдаю ему по полтинѣ.—Полицейскій вступился за купца и началъ тормошить Нарышкина, увѣряя, что купецъ правъ, что цыплята были точно живые, и потому долженъ заплатить по рублю, а если не заплатитъ, такъ онъ отведетъ его въ сибирку. Нарышкинъ откланивался, просилъ милостиваго разсужденія, но рѣшеніе было неизмѣнно: давай еще рубль или въ сибирку.—Вотъ тутъ Левъ Александровичъ какъ будто не нарочно разстегнулъ сюртукъ и явился во всемъ блескѣ своихъ почестей, а полицейскій въ туже секунду вскинулся на курятника: Ахъ ты, мошенникъ! Самъ же говорилъ—живые по рублю, битые по полтинѣ, и требуетъ за битыхъ, какъ за живыхъ! Да знаешь ли, разбойникъ, чтó я съ тобою сдѣлаю? Прикажите, ваше превосходительство, я его сейчасъ же упрячу въ доброе мѣсто. Этотъ плутецъ узнáетъ у меня не уважать такихъ господъ и за битыхъ цыплятъ требовать деньги какъ за живыхъ!

Разумѣется, Нарышкинъ заплатилъ курятнику въ четверо и, поблагодаривъ полицейскаго за справедливое рѣшеніе, отправился домой, а вечеромъ въ Эрмитажѣ разсказалъ Императрицѣ происшествіе, какъ только онъ умѣлъ разсказывать, пришучивая и представляя въ лицахъ себя, торгаша и полицейскаго. Всѣ смѣялись, кромѣ Императрицы, которая, задумавшись, сказала: Завтра же скажу оберъ-полиціймейстеру, что видно у *нихъ* по прежнему: *растёгнутъ—правъ*, *застегнутъ—виноватъ*.

О прочихъ анекдотахъ, напр., какъ Нарышкинъ одного посланника, вызвавшаго его за шутку на дуэль, *оставилъ на мѣстѣ*, и какимъ образомъ объявлялъ онъ супругѣ своей Маринѣ Осиповнѣ о кончинѣ ея отца, о которой никто объявить ей не рѣшался, сообщу по времени; а теперь—на встрѣчу новому году, къ Нѣмцамъ въ маскарадъ!

х родн. Закревская

1806 ГОДЪ.

1 Генваря, Понедѣльникъ. «Съ преподобными преподобенъ будеши и со строптивыми развратишися».

Это богомудрое изрѣченіе сбылось на мнѣ въ полномъ значеніи слова. Благодаря нѣкоторымъ знакомымъ повѣсамъ, вчерашнюю ночь на пролетъ я прогулялъ въ маскарадѣ, ходя объ руку съ разными масками двусмысленнаго поведенія, которыя всѣ такъ хорошо замаскированы были, что ихъ можно бы было узнать за четверть версты. Одна изъ нихъ Марія Ивановна Козлова открылась мнѣ, что выходитъ замужъ за берейтора колымажнаго манежа Шульца, товарища старика Кина и вмѣстѣ съ нимъ моего наставника въ верховой ѣздѣ. Поздравляю ее: супружество блистательное; но правду сказать, она и женщина чудесная, собою красавица и стоитъ такого мужа. О прежнемъ и говорить нечего: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Слава Богу, что посреди этихъ соблазновъ удержался я еще отъ пьянственнаго окаянства! И безъ того сегодня не поспѣлъ никуда и визиты справлять придется завтра. А что буду отвѣчать, если *иныя прочія* спросятъ: où avez vous été avant hier, monsieur? или отпустятъ такую фразу: vous avez la mine toute bouleversée, monsieur; seriez vous par hazard malade? [1]) Что жъ? Сказалъ на прямки всю правду, да и въ сторону. Признаніе заставитъ все извинить.

Маскарадъ не обошелся безъ исторіи. Двое закадычныхъ пріятелей, Лисенко и Батуринъ чуть было не вцѣпились другъ другу въ волосы за мадамъ Кафка, которая одного предпочла другому. Это напомнило мнѣ Лафонтенову басню, которая, кажется, начинается такъ:

> Deux coqs vivaient en paix. Une poule survint,
> Et voici la guerre allumée.
> Amour, tu perdis Troye! [2]) и проч.

[1]) Гдѣ вы были вчера, милостивый государь? У васъ, милостивый государь, лицо совсѣмъ помятое; можетъ быть, вы не здоровы?

[2]) Два пѣтуха жили мирно. Явилась курица, и вотъ возгорѣлась война. Амуръ, ты погубилъ Трою.

Штейнсбергъ опасно боленъ и не сходитъ съ постели. Дирекція театра передана уже Муромцову, и нѣкоторые актеры и актрисы переѣзжаютъ къ нему въ домъ, въ Посланниковъ переулокъ.

Получилъ премилое письмо изъ Петербурга. Пишутъ о скорѣйшемъ доставленіи аттестата и просьбы для поступленія на службу; прежде будущаго мѣсяца сдѣлать сего не могу, et pour cause *).

Плохо началъ я этотъ годъ: какъ-то Богъ приведетъ кончить его?

3 Генваря, Среда. Истинная правда: настоящее стиховное наводненіе. У кого только я ни былъ, у всѣхъ находилъ въ разныхъ видахъ и размѣрахъ оды по случаю полученія всемилостивѣйшаго рескрипта, и въ томъ числѣ одну поднесенную градоначальнику, которая, къ сожалѣнію, изъ рукъ вонъ плоха: ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного выраженія. Господи Боже мой, неужели же нашъ Московскій Парнасъ до такой степени обнищалъ, что для такого важнаго случая не выставитъ ни одного достойнаго пѣснопѣвца? Право, такую жижу и посылать къ тебѣ совѣстно и грустно; развѣ отправить ее только для пріобщенія къ прочимъ курьезностямъ твоей литературной кунтскамеры.

О Д А.

Градовъ полунощныхъ царица,
Сѣдяща на горахъ крутыхъ,
Почтенна древняя столица
Обширнѣйшей изъ странъ земныхъ,
Склоня подъ тяжкими стѣнами
Главу, *покрыту сѣдинами*,
Вкушала сладостный покой:
Огромны башни позлащенны,
Одеждой бѣлой покровенны,
Дремали томно надъ рѣкой.

Почто по зимней ночи мрачной
Востокъ зардѣлся отъ огней,
И *Фебъ въ румяной ризѣ брачной*
Сугубитъ свѣтъ своихъ лучей?
Снѣга алмазами блеснули,
Изъ льдовъ Наяды воспрянули,
И вся природа *толь красна*,
Что въ хладѣ мертвомъ и суровомъ
Она играетъ подъ покровомъ
И жизни радостной полна.

Не звукъ ли ангельской несется
Отъ Норда съ Невскихъ береговъ?
Нѣтъ, сладкій голосъ раздается

*) И на это есть причина.

Отца въ сердцахъ его сыновъ.
Его драгое начертанье,
Души небесной изліянье,
Москву и въ старости живитъ.
Имѣя Ангела на тронѣ,
Намъ сладко жить въ его законѣ,
Когда онъ намъ любовь даритъ.

*
* *

Живи, нашъ Царь, живи во вѣки!
Какъ ты отъ насъ былъ отлученъ,
Въ мольбахъ мы лили слезны рѣки,
А нынѣ—духъ нашъ восхищенъ!
Москва горитъ къ тебѣ любовью,
Въ сѣдинахъ старцы, хладны кровью,
Понесши долго службы трудъ,
Огни почувствовавши новы,
Служить тебѣ еще готовы
И кровь застывшую прольютъ.

*
* *

А ты, съ которымъ мы встрѣчаемъ,
Въ весельѣ сладкомъ, новый годъ,
Въ комъ любимъ мы и почитаемъ
Славяновъ древнихъ духъ и родъ!
О, сколько видѣть намъ пріятно,
Что ты за доблесть многократно
Щедротой царской озаренъ,
Почтенъ заслугами, душою,
Несчетны годы правь Москвою
И буди въ вѣкъ благословенъ!

Ухъ, чего тутъ нѣтъ? Во-первыхъ, есть древняя столица, которая склоняетъ покрытую сѣдинами голову *подъ тяжкими стѣнами*; есть и позлащенныя башни, покровенныя бѣлой одеждой, которыя *томно дремлютъ* надъ рѣкою; есть и Фебъ *въ брачной, румяной ризѣ, сугубящій свѣтъ лучей своихъ*! Есть и *Наяды, воспрянувшія изъ льдовъ*! Есть и хладные кровью старцы, которые, почувствовавши новые огни, *готовы пролить застывшую кровь*! Словомъ, все тутъ есть—кромѣ здраваго смысла. Право, черезъ 50 лѣтъ не повѣрятъ, чтобы эта чепуха была сочиняема серьёзно и еще на такой случай!

О Дмитріевъ, много толку въ твоемъ *Чужомъ Толкѣ*.

5 Генваря, Пятница. Не жури меня, потому что мнѣ и безъ того грустно. Бѣды большой въ томъ нѣтъ, что я сказалъ тебѣ отъ искренняго сердца *спасибо*, да и какъ не сказать, когда ты безпрестанно меня выручаешь. «*Лучше даяти*, чѣмъ *принимати*», говоритъ Писаніе, и если *у принимателя* отнять одно средство, которымъ онъ можетъ расквитаться съ *даятелемъ*, т. е. чувство благодарности, то это значило бы надѣть на него вѣчныя кандалы; и потому ты дѣлай свое дѣло, а мнѣ

не препятствуй дѣлать *моего*». Поступилъ по тому же Писанію, которое слышали сегодня и услышимъ завтра: «Остави, тако бо подобаетъ намъ исполнити всякую правду».

Сегодня выѣзжалъ я только въ церковь, а послѣ навѣстить умирающаго Штейнсберга, и съ тѣхъ поръ цѣлый день дома. На свободѣ проглотилъ, наконецъ, многохвальный романъ *Тереза и Фальдони*, перевода Каченовскаго, и чуть было не подавился. А отъ чего мнѣ грустно? Не отъ *Терезы же и Фальдони*, и даже не отъ того, что Катерину Ивановну Яковлеву-Собакину, дѣвушку-красавицу и наслѣдницу большаго состоянія, которую я коротко знаю и съ которою случилось мнѣ болтать по нѣскольку часовъ безъ умолку (потому что она болтать любитъ) кто-то увезъ изъ театра [1]). Мать, женщина простая и сама не выѣзжающая въ свѣтъ, отпускала ее всюду съ Француженкой. Я предчувствовалъ, что это когда-нибудь случится. Барышня 19 лѣтъ, богатая, своенравная, своеобычливая, легкомысленная и ежеминутно увлекающаяся, должна была быть жертвою какого-нибудь отчаяннаго спекулатора. Нѣтъ, Катерина Ивановна, не вы причиною, что мнѣ грустно.

И все мнѣ смутное желанье давитъ грудь,
И что-то все влечетъ меня къ кому-нибудь;
Чего-то хочется, чего—и самъ не знаю:
Какъ вѣтка по волнамъ, пошусь отъ края къ краю!

Давеча, проходя отъ Штейнсберга мимо комнаты мадамъ Шредеръ, я зашелъ къ ней и засталъ ее за фортепіано (у нихъ Сочельника нѣтъ). Она спѣла мнѣ по-русски пѣсню сочиненія Кавелина [2]), одного изъ старыхъ лучшихъ нашихъ воспитанниковъ, товарища Магницкаго и Ханенко,—да такъ спѣла, что я прослезился. И какъ выговариваетъ она слова! Совершенно Русская, даже милѣе чѣмъ Русская:

На что, съ любезной разставаясь,
На что *прости* ей говорить,
Какъ будто съ жизнью разлучаясь,
Счастливымъ больше ужъ не быть?
Не лучше ль просто, *до свиданья*,
До новыхъ радостей, сказать,
И въ сихъ мечтахъ очарованья
Себя и время забывать?

А послѣдніе куплеты:

Въ пріятну ночь, при лунномъ свѣтѣ,
Представить счастливо себѣ,
Что нѣкто есть еще на свѣтѣ,

[1]) Впослѣдствіи супруга графа Никол. Алексѣев. Шереметева. П. Б.

[2]) Дмитрій Александровичъ, отецъ извѣстнаго въ наши дни профессора. П. Б.

Кто думаетъ и о тебѣ!
Что и *она* рукой прекрасной
По арфѣ золотой бродя,
Своей гармоніею страстной
Зоветъ къ себѣ, зоветъ тебя!
Еще день, два, и рай настанетъ....
Но, ахъ, твой другъ не доживетъ!

Эта полная тихаго чувства пѣсня, этотъ милый, трогательный голосъ хорошенькой, безцеремонной женщины, почти у самыхъ дверей умирающаго пріятеля, мысль о здѣшнемъ моемъ одиночествѣ, не смотря на дружбу добраго моего Петра Ивановича, и какое-то непонятное влеченіе въ Петербургъ, соединенное съ нѣкоторыми воспоминаніями о Липецкѣ, совершенно возмутили меня, и мнѣ сдѣлалось грустно, такъ грустно, что изъяснить не въ состояніи.

На ту бѣду какъ нарочно никого нѣтъ: хоть бы дѣдушка зашелъ, такъ потолковали бы о закулисныхъ происшествіяхъ. Ну кто бы подумалъ, что эту пѣсню мадамъ Шредеръ выучила и пѣла еще въ Ревелѣ, когда въ Москвѣ объ ней и теперь понятія не имѣютъ?

7 Генваря, Воскресенье. Вчера ѣздилъ на Іордань, устроенный противъ Кремлевской стѣны на Москвѣ рѣкѣ. Несмотря на сильный морозъ, преосвященный викарій соборомъ служилъ молебенъ и погружалъ крестъ въ воду самъ. Набережныя съ обѣихъ сторонъ кипѣли народомъ, а на самой рѣкѣ такая была толпа, что ледъ трещалъ, и я удивляюсь, какъ онъ могъ не провалиться. Въ первый разъ удается мнѣ видѣть эту церемонію въ Москвѣ; она меня восхитила. При погруженіи креста и громкомъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ и всего клира: «Во Іорданѣ крещающуюся тебѣ, Господи», палили изъ пушекъ и трезвонили во всѣ Кремлевскіе колокола, и это пѣніе, и эта пальба, и звонъ, и этотъ говоръ стотысячнаго народа, со знаменіемъ креста усердно повторявшаго праздничный тропарь, представляли такую торжественность, что казалось, будто Искупитель Самъ плотію присутствовалъ на семъ обрядѣ воспоминанія о спасительномъ Его богоявленіи погибавшему міру. Говорятъ, что въ Петербургѣ эта церемонія еще великолѣпнѣе; можетъ быть, но сомнѣваюсь, чтобы она была поразительнѣе и трогательнѣе.

По окончаніи церемоніи народъ сталъ расходиться, и Нилъ Андреевичъ Новиковъ повелъ меня на смотръ невѣстъ, который у низшаго купечества и мѣщанства бываетъ ежегодно въ праздникъ Крещенья, и о которомъ я понятія не имѣлъ. По всей набережной стояли и прохаживались группами множество молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, въ довольно богатыхъ зимнихъ нарядахъ: штофныхъ, бархатныхъ и парчевыхъ

шубахъ и шубейкахъ. Многія изъ нихъ были бы очень миловидны, если бы не были черезчуръ набѣлены, нарумянены и насурмлены; но при этой штукатуркѣ и раскраскѣ онѣ походили на дурно сдѣланныхъ восковыхъ куколъ. Передъ вереницею невѣстъ разгуливали молодые купчики въ лисьихъ шубахъ и высокихъ шапкахъ, и всѣ были, по выраженію Новикова, *съ кондачка*, т.-е. чистенько одѣты и прикидывались молодцами. Между тѣмъ какая-то проворная бабенка побѣжала къ намъ и прямо обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «а ты, золотой мой, невѣсту что ли высматриваешь?»—Невѣсту высматриваемъ вотъ *съ тятенькою*, отвѣчалъ я очень учтиво, показавъ на Новикова, да только по мысли-то не найдемъ.—«А вотъ постойте, мои красавцы, я вашей милости покажу. Такая матушка жирненькая, да и приданьице есть: отецъ въ Рогожской постоялый дворъ держитъ»; и съ сими словами привела насъ къ одной группѣ, въ которой стояла дѣвушка въ малиновой штофной шубѣ, лѣтъ повидимому 25, не дурная собою, но также намалеванная и такого необъятнаго для дѣвушки дородства, что она въ сравненіи съ другими казалась тыквою между огурцами. «Вотъ вамъ, сударики, невѣста, такъ ужъ невѣста, съ самодовольствіемъ сказала сваха; коли приглянулась, такъ скажите, гдѣ жить изволите и какъ вашу милость звать, а я завтра понавѣдаюсь и о вашемъ житьѣ-бытьѣ невѣстѣ поразскажу». Я объявилъ на ушко свахѣ, что невѣста намъ очень понравилась и что *тятеньку* моего зовутъ Ниломъ Андреевичемъ Новиковымъ, а живемъ мы на Ордынкѣ въ своемъ домѣ, и чтобы она не замѣшкалась явиться къ нему для переговоровъ. Хоть бы этимъ пронять стараго проказника, который не пропускаетъ ни одного случая поднять меня на смѣшки.

Этотъ выборъ невѣстъ показался мнѣ очень похожимъ на выборъ молодыхъ канареекъ въ Охотномъ Ряду: выбирай изъ сотни любую, покрупнѣе или помельче, пожелтѣе или позеленоватѣе; которая же изъ нихъ пѣть будетъ—Богъ одинъ вѣсть!

А слыхалъ ли ты, какъ этотъ любезный оригиналъ Нилъ Андреевичъ увозилъ Цыганку изъ Епифани, какъ весь Цыганскій таборъ гнался за нимъ болѣе ста верстъ, и чѣмъ онъ отъ него отдѣлался? Это случилось еще до нашего рожденія, однакоже происшествіе въ памяти у многихъ и такъ занимательно, что я когда-нибудь тебѣ его разскажу.

9 Генваря, Вторникъ. Кудрявцовъ разсказывалъ при мнѣ генералу Дурнову, что графъ Каменскій получилъ отъ Государя собственноручное письмо, которымъ онъ приглашается пріѣхать къ извѣстному времени въ Петербургъ, и между тѣмъ быть готовымъ къ принятію

какого-то важнаго порученія, что по сему случаю фельдмаршалъ вчера отправился въ свои Нижегородскія деревни.

Николай Николаевичъ Сандуновъ также скоро ѣдетъ въ Петербургъ; говорятъ, что долженъ тамъ быть къ 17 числу. Кажется, онъ хочетъ сенатскую службу свою промѣнять на ученую.

Нашего губернскаго предводителя, Льва Дмит. Измаилова, ждутъ къ 18 числу; то-то пойдетъ потѣха! Большая часть изъ его ассистентовъ и согулякъ, Шиловскій, Рославлевъ, Кобяковъ и проч. уже здѣсь. Эти господа очень грозятся на губернатора, и говорятъ, что Измаиловъ непремѣнно въ Февралѣ мѣсяцѣ поѣдетъ въ Петербургъ хлопотать о его смѣнѣ. По всему видно, что этотъ губернаторъ не захотѣлъ покланяться Рязанскому Аману.

Завтра на бѣгу большое состязаніе между нѣкоторыми знатными охотниками; ѣдемъ смотрѣть: такого важнаго случая въ жизни Москвичей пропустить нельзя.

11 Генваря, Четвергъ. Пасторъ Гейдеке утверждаетъ, что Штейнсбергъ проживетъ не долго. Жаль! Это былъ такой человѣкъ, какихъ на бѣломъ свѣтѣ мало бываетъ. Какою жизнію и какими трудами искупилъ онъ заблужденія своей молодости! И вотъ, я думаю, почему онъ былъ такъ увлекателенъ въ первыхъ сценахъ 4-го дѣйствія Шиллеровыхъ Разбойниковъ. Съ какимъ чувствомъ говорилъ онъ тираду: die Blätter fallen, въ которой Карлъ Моръ воспоминаетъ о прежнихъ дняхъ своей невинности: O meine Unschuld, meine Unschuld! Пасторъ Гейдеке сознается, что онъ прежде имѣлъ противъ Штейнсберга какое-то предубѣжденіе и даже критиковалъ его въ своемъ журналѣ, но что послѣ, узнавъ его короче, онъ не только сталъ уважать его, но даже искренно его полюбилъ. Однакоже я говорю о бѣдномъ Штейнсбергѣ, какъ объ умершемъ, тогда какъ, можетъ быть, онъ еще и выздоровѣетъ: у Бога милости много. Кромѣ того его пользуютъ лучшіе здѣшніе медики и пользуютъ безмездно, слѣдовательно усердно, съ дружескимъ вниманіемъ и осторожностію.

Вчерашній бѣгъ былъ оживленъ необыкновенно и казался какимъ-то охотничьимъ праздникомъ. Стеченіе народа, несмотря на будничный день, было чрезвычайное. У Александра Алексѣевича Чесменскаго былъ охотничій завтракъ, и охотники пріѣхали съ него на бѣгъ, кажется, очень подгулявши. Закладъ, предложенный г. Мосоловымъ за своего *Буяна* противу *Катка* (графа Орлова), не принятъ; но это не помѣшало охотникамъ состязаться между собою изъ одной славы. Чесменскій на *Каткѣ*, Мосоловъ на *Буянѣ*, Давыдовъ на *Потѣшномъ*, А. И. Яковлевъ на какомъ-то Сибирскомъ буланомъ station мερинѣ, князь Гундоровъ,

Исаковъ и много другихъ, пустились на своихъ рысакахъ по бѣгу перегонять другъ друга, и, вопреки обыкновенію, они не пріостанавливали ихъ на поворотахъ, но поворачивали круто на всей рыси, и такимъ образомъ бѣгали до тѣхъ поръ, пока лошади ихъ не изнурились и не стали. Одинъ только рысакъ г. Мосолова не токмо не изнурился и не сталъ, а напротивъ остальные концы продолжалъ бѣжать одинъ съ возрастающею быстротою, и г. Мосоловъ остановилъ его уже самъ, когда всѣ другіе съѣхали съ бѣга. Я очень боялся, чтобы при такой быстрой ѣздѣ не случилось какого несчастія, тѣмъ болѣе, что охотники были навеселѣ; однакоже Богъ миловалъ. Николай Петровичъ Аксеновъ, знающій охотникъ, сказывалъ, что Мосоловскій рысакъ скаковой породы и отъ того такъ силенъ, а между тѣмъ его не очень уважаютъ, потому что не такъ красивъ и происходитъ не отъ лошадей графа Орлова. Этотъ несчастный esprit de partie мѣшается всюду и во все, даже и въ самую охоту.

12 Генваря, Пятница. Сію минуту изъ бенефиса Гальтенгофа. Давали Донъ-Жуана. Съ горяча не могу выразить всего, что̀ я прочувствовалъ въ продолженіе представленія этой оперы. Какая прелестная музыка! Нейкомъ въ своихъ огромныхъ серьгахъ дирижировалъ оркестромъ. Театръ былъ полонъ; я никогда не видывалъ столько дамъ высшаго общества въ ложахъ Нѣмецкаго театра, какъ въ сегодняшнемъ представленіи. Всѣ извѣстные любители-музыканты занимали кресла. Я замѣтилъ Сандунову и Злова въ одной изъ ложъ 2-го яруса.

На дняхъ опишу представленіе во всей подробности, а теперь не до того. Довольствуйся покамѣстъ этимъ заключеніемъ недѣльной моей тетради, которая полетитъ къ тебѣ завтра.

15 Генваря, Понедѣльникъ. Донъ-Жуана игралъ *Гальтенгофъ*, Лепорелло—*Гунніусъ*, Дону Анну—*мамзель Соломони*, Донну Ельвиру—прежняя *мадамъ Гебгардъ*, для которой входная арія была выпущена; Дона Оттавіо—*мадамъ Шредеръ*, Церлину—*мамзель Гунніусъ*, Мазетто—*Эме*, коменданта—*Вильгельмъ Гасъ*. Если говорить о каждомъ въ особенности, то всѣ исполнили дѣло свое хорошо; но въ цѣломъ опера была изувѣчена. Партія Донъ-Жуана написана для баса, а ее пѣлъ теноръ; Донъ-Оттавіо—роль тенора, а ее исполняла мадамъ Шредеръ, сопрано; Церлина, если не совсѣмъ контральто, то самый низкій меццо-сопрано, а ее пѣла маленькая Гунніусъ, сопрано самый высокій; о Мазетто нечего и говорить: басовую партію пѣлъ контральтино. Для всѣхъ этихъ господъ Нейкомъ долженъ былъ партіи транспонировать, и отъ того въ morceaux d'ensemble произошла нѣкоторая нескладица.

Я не музыкантъ, но у меня хорошій слухъ, а Катерина Александровна Муромцова, мачиха теперешняго директора Нѣмецкаго театра, великая музыкантша и нѣкогда сама необыкновенная пѣвица, утверждаетъ, что настоящая гармонія оперы потеряна. Только трое изъ дѣйствовавшихъ лицъ были на своихъ мѣстахъ: мамзель Соломони, Гуннiусъ и Вильгельмъ. Я простилъ Соломони мою Лизету, которую она исковеркала, за партію Донны Анны, которую исполнила она, по увѣренію Катерины Александровны, согласному съ мнѣніемъ всей публики, совершенно удовлетворительно. Богъ даровалъ ей талантъ огромный: большой, гибкій и пріятный голосъ, прекрасную наружность и много чувства; стóитъ только все это усовершенствовать ученьемъ и опытностію, и нѣтъ сомнѣнія, что въ серьезныхъ оперныхъ партіяхъ она можетъ быть первоклассною пѣвицею и актрисою. Не помню, у Буало или Грессета есть стихъ; «tel brille au second rang, qui s'eclipse au premier»; но въ отношеніи къ Соломони смыслъ этого стиха должно измѣнить на слѣдующій: Tel brille au premier rang, qui s'eclipse au dernier *). Кто видѣлъ Соломони въ пустой роли Лизеты и послѣ слышалъ ее въ важной партіи Донны Анны, тотъ конечно замѣтитъ эту поразительную разницу въ исполненіи ею обѣихъ ролей и необыкновенно быстрые ея успѣхи въ области искусства. Не знаю, отъ чего дирекція Русскаго театра не догадается завербовать ее на свою сцену; она родилась въ Россіи, Итальянскаго у ней одинъ только голосъ; говоритъ по-русски какъ Русская и прекрасно образована: играетъ на скрипкѣ и фортепіано и танцуетъ прелестно. Вотъ еще талантъ, которымъ публика будетъ обязана Штейнсбергу, умѣвшему угадать его.

18 Генваря, Четвергъ. Наконецъ, удалось мнѣ побывать у Походяшина; съ кѣмъ и какъ, о томъ знать тебѣ нѣтъ надобности. Это человѣкъ тихій, скромный и молчаливый, живетъ болѣе жизнію созерцательною, однакоже не забываетъ исполнять и нѣкоторыя свѣтскія обязанности въ своемъ кружку; ростомъ не малъ, худощавъ и физіономію имѣетъ безстрастную. Онъ принялъ меня ласково, съ любовію, но безъ излишней довѣрчивости, какъ слѣдовало принять недоучку-студента. Дѣлалъ мнѣ кой-какіе вопросы, на которые я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, запинаясь и краснѣя; потому что ничто такъ не лишаетъ присутствія духа, какъ желаніе внушить о себѣ доброе мнѣніе и опасеніе проговориться. Спрашивалъ, гдѣ я служить намѣренъ? Я отвѣчалъ, что меня обѣщали опредѣлить въ Иностранную Коллегію и что я имѣю полное удостовѣреніе въ исполненіи этого обѣщанія, какъ скоро доставлю въ Петербургъ нужныя для сего бумаги. «Это служба довольно

*) Блистаетъ на второмъ мѣстѣ темнѣющій на первомъ. — Блистаетъ на первомъ мѣстѣ блѣднѣющій на послѣднемъ.

видная, сказалъ Походяшинъ, и для молодаго образованнаго человѣка можетъ быть очень выгодна въ отношеніи къ повышенію чинами и другимъ отличіямъ; сверхъ того она даетъ средства путешествовать и въ чужихъ краяхъ пріобрѣсть такія познанія, какія намъ здѣсь бываютъ недоступны. Но между тѣмъ въ этой службѣ, разумѣя ее въ нѣкоторой высшей степени дѣйствованія, есть и свое неудобство: надобно умѣть болѣе или менѣе притворствовать, иначе хорошимъ дипломатомъ быть нельзя». Здѣсь онъ взглянулъ на образъ Спасителя стариннаго письма, стоявшій въ переднемъ углу маленькаго его кабинета на какомъ-то продолговатомъ черномъ пьедесталѣ, и потомъ, взглянувъ на меня, продолжалъ: «Да, къ сожалѣнію, нельзя отвергать, что чѣмъ человѣкъ простѣе и прямодушнѣе, тѣмъ менѣе его понимаютъ въ свѣтѣ, а безкорыстную честность почитаютъ какимъ-то неслыханнымъ дивомъ; и такъ какъ большая часть людей привыкли судить по своимъ чувствамъ, своимъ видамъ или своимъ склонностямъ, то самые простые благонамѣренные поступки всегда приписываются лицемѣрію, скрытнымъ намѣреніямъ и видамъ своекорыстнымъ; а между тѣмъ настоящимъ лицемѣрамъ тепло на свѣтѣ. И въ политикѣ, и въ общественныхъ сношеніяхъ и даже,—страшно вымолвить!—въ самой религіи они пріобрѣтаютъ народность и уваженіе. Эгоисты и прошлецы дѣйствуютъ мастерски: для нихъ ничего не значатъ ни лживыя увѣренія въ дружбѣ, ни предложенія услугъ тогда, когда знаютъ, что въ нихъ не нуждаются; ни коварныя улыбки кстати, ни измѣнническое молчаніе, ни вѣроломныя рукожатія: словомъ, всѣ эти средства обращаютъ они въ свою пользу и похищаютъ незаслуженную благосклонность. Вотъ отъ чего, при этомъ несчастномъ состояніи нашего общества, трудно сохранить себя отъ увлеченія и не притворяться, когда другіе притворствуютъ, не лицемѣрить, когда вокругъ васъ лицемѣрятъ другіе; вотъ отъ чего, повторяю, такъ трудно исполнить заповѣдь Христову: *будите мудри*, т.-е. осторожны, *яко змія*, и *цѣли*, т.-е. чисты, *яко голубіе*. Согласить осторожность поведенія съ чистотою сердца: *здѣ премудрость*!»

И много еще говорено было кой-чего, о чемъ долго разсказывать. Странное дѣло! Походяшинъ никогда не говоритъ иначе, какъ вдвоемъ или втроемъ; при лишнихъ людяхъ онъ дичится, молчитъ и кажется человѣкомъ очень ограниченнымъ, за какого мнѣ его и выдавали. Онъ изъ стариннаго купеческаго званія, былъ нѣкогда очень богатъ, но призрѣвалъ *нища и убога* и отдалъ все *въ заемъ Богови*. Теперь самъ немного развѣ богаче Максима Ивановича, если не считать капитала, скрытаго въ небесахъ.

Петръ Ивановичъ испугался, когда я объявилъ ему, что былъ у Походяшина. Тотчасъ пошли разспросы: какъ, съ кѣмъ и когда? Но

мой Петръ Ивановичъ всего пугается: онъ испугался до смерти, что мадамъ Шредеръ въ Сочельникъ пропѣла мнѣ съ глазу на глазъ пѣсню; испугался, что я былъ на смотру невѣстъ; испугался Нѣмецкаго письма, которое получилъ я изъ Петербурга, и говоритъ, что меня въ Липецкѣ *испортили**. Не пугается только онъ, когда мы бываемъ у его ученицъ дѣвинъ Скульскихъ, откормленныхъ 25-лѣтнихъ пулярдокъ, которыхъ называетъ онъ *удивительными невинностями*, и которыя, вопреки своему призванію, хотятъ непремѣнно попасть въ поэтессы или поэтиссы, въ Сафо или Дезульеръ. А сколько бы теперь дѣтей было у этихъ бѣлыхъ, румяныхъ и дородныхъ поэтессъ или поэтиссъ, если бы онѣ похлопотали о своемъ замужествѣ! Право, люди не знаютъ настоящаго своего назначенія.

20 Генваря, Субота. Въ минувшій Понедѣльникъ пріѣхалъ Николай Петровичъ Архаровъ, и я сегодня былъ у него. Чуть ли старикъ не сбирается въ Петербургъ, но зачѣмъ? Онъ человѣкъ не нынѣшней эпохи, въ которую *милость хвалится на судѣ*, крутъ, упрямъ и властолюбивъ. Сказывалъ, что встрѣтилъ стараго своего знакомца, Смоленскаго военнаго губернатора С. С. Апраксина, который въ одинъ и тотъ же день съ нимъ пріѣхалъ и, кажется, болѣе не возвратится въ Смоленскъ: хочетъ пожить на покоѣ. Если этотъ баринъ поселится въ Москвѣ, то можно ее поздравить съ добрымъ обывателемъ. Богатъ-пребогатъ, фамилія не только знатная, но и заслуженная, домъ какъ полная чаша, своя музыка, свой театръ, свои актеры, любитъ жить на большую ногу, привѣтливъ и радушенъ,—гуляй Москва! Николай Петровичъ спрашивалъ меня, часто ли бываю у его брата Ивана Петровича? Я отвѣчалъ, что давно не былъ. Дурно, сказалъ онъ: у него общество всегда хорошее, и тебѣ полезно бывать тамъ.

Пріѣхавшій новый танцмейстеръ *Ламираль* въ прошедшее Воскресенье дебютировалъ съ женою и 8-ми-лѣтнею дочерью въ какомъ-то Турецкомъ дивертисментѣ. Я ихъ не видалъ, но тѣ, которые видѣли, хвалятъ. Только преудивительное дѣло: въ Воскресенье дебютировали, а черезъ недѣлю, т.-е. послѣ завтра въ Понедѣльникъ, танцуютъ они въ свой бенефисъ. Мнѣ кажется, что бенефисы должны даваться въ награду за нѣкоторое время службы, а не за одинъ разъ прыганья въ Турецкомъ нарядѣ.

Я очень понимаю, что талантомъ можно возвысить свое положеніе въ свѣтѣ, и нимало не удивляюсь, если горничная, булочница или швея поступаютъ на сцену, дѣлаются актрисами, пѣвицами или танцовщицами; но чтобы актриса, жена превосходнаго актера, обратилась

*) Походяшинъ, щедротами котораго нѣкогда воспользовался Новиковъ для своихъ масонскихъ цѣлей, еще продолжалъ находиться, вѣроятно, подъ надзоромъ полиціи. П. Б.

добровольно въ швею, этого постичь не могу. Однакоже примѣръ передъ глазами; проѣзжая Кузнецкій Мостъ, я замѣтилъ на домѣ Дюмутье новую вывѣску: Nouveau magasin de modes, *madame Duparay*, ci-devant actrice du théâtre français à Moscou. Вотъ куда спустилась рыжая *Арисія*! Sic transit gloria mundi.

21 Генваря, Воскресенье. Добродушный хитрецъ Антонъ Антоновичъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что я ничѣмъ не занимаюсь, кромѣ театра. Я пришелъ просить его о выдачѣ мнѣ студенческаго аттестата, а онъ свое: «А больше учиться-*тà* не хочешь?» — «Не хочу, Антонъ Антонычъ». — «Какъ Митрофанушка-*тà*: не хочу учиться, хочу жениться?» — «Хочу, Антонъ Антонычъ». — «Небось туда же въ дармоѣды-*тà*, въ Иностранную Коллегію?» — «Туда и опредѣляюсь, Ант. Ант—чъ.» — «Ректора-*тà* попроси, а я изготовить аттестатъ велю. А новые стихи-*тà* Жуковскаго знаешь?» — «Знаю, Ант. Ант—чъ». — «Нука прочитайка-ка».

. Поэзія, съ тобой
И скорбь и нищета теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы, надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душей,
Въ укромной хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ,
Поетъ, мечтаетъ, и блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискуственной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И хладный свой шалашъ, и бурный шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ.
Счастливый жребіемъ убогимъ,
Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами,
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы скрипящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ

«Полно-*тà*, полно-*тà*! вскричалъ мой Антонскій, развеселившись: ужъ вижу, что знаешь. Когда успѣваешь выучивать-*тà*, все

съ актерками танцуешь-*та́*.» Я стиховъ не учу, Антонъ Антонычъ, сами въ память врѣзываются.—«Ну, а прозу также помнишь-*та́*?» Помню, Антонъ Антонычъ. «Ну-ка прочитай что-нибудь, хоть изъ Мареы Посадницы, или изъ Вадима-*та́*.»

«Раздался звукъ вечеваго колокола и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ!»...

«Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи! Къ вамъ стремлюсь душою, пѣвецъ природы, не знаемый славою; сокройте меня, сокройте!»...

Я отхваталъ ему пол-Посадницы и чуть не треть Вадима, и мой Антонскій давай цѣловать меня. «Слышалъ, слышалъ, что у тебя память-*та* хороша, а этого не ожидалъ. Говорятъ, что и Пророковъ знаешь, и Притчи, и Іисуса Сираха». Знаю, Антонъ Антонычъ. — Ну, жаль, жаль, что я прежде-*та* не зналъ, а теперь Христосъ съ тобой; да съѣзди въ Донской и молебенъ отслужи.» Антонскій полагаетъ, что молебны дѣйствительнѣе въ Донскомъ монастырѣ, потому что братъ его тамъ архимандритомъ».

23 Генваря, Вторникъ. По милости брата И. П. Поливанова, я, наконецъ, хотя гостемъ, попалъ въ Англійскій клубъ, и какъ доволенъ! Онъ обѣщаетъ записывать меня, когда только захочу, и я завтра же буду тамъ обѣдать. Какой домъ, какая услуга—чудо! спрашивай чего хочешь, все есть, и все недорого. Клубъ выписываетъ всѣ газеты и журналы, Русскіе и иностранные, а для чтенія есть особая комната, въ которой не позволяется мѣшать читающимъ; не хочешь читать, играй въ карты, въ билліардъ, въ шахматы; не любишь картъ и билліарда,— разговаривай: всякой можетъ найти себѣ собесѣдника по душѣ и по мысли. Я намѣренъ непремѣнно каждую недѣлю, хотя по одному разу, бывать въ Англійскомъ клубѣ. Онъ показался мнѣ какимъ-то особымъ маленькимъ міромъ, въ которомъ можно прожить, обходясь безъ большаго. Объ обществѣ нечего и говорить: вся знать, всѣ лучшіе люди въ городѣ членами клуба; я нашелъ тутъ князей Долгорукихъ, Валуева, Смоленскаго Апраксина, Екатерининскаго генерала Маркова съ Георгіевскою звѣздою; трехъ князей Голицыныхъ, изъ которыхъ у князя Михайла Петровича такой великолѣпный домъ въ Новой Басманной, и почти такая же славная картинная галлерея, какая была у однофамильца его, знаменитаго филантропа; встрѣтилъ И. П. Архарова, который очень удивился, увидѣвъ меня въ клубѣ; сенаторовъ: Мясоѣдова, (пріятеля нѣкогда славнаго государственнаго человѣка Дм. Прокоф. Трощинскаго), праводушнаго Мамонова, Алябьева, Ивана Владимировича Лопухина, столь извѣстнаго умомъ и подвигами человѣко-

любія; Нелединскаго, умнаго, остраго, любезнаго куртизана и образцоваго поэта; встрѣтилъ также и князя Ив. Серг. Гагарина, съ которымъ познакомился въ Липецкѣ; Карамзина, И. И. Дмитріева, Пушкиныхъ, А. А. Тучкова, П. И. Кутузова и губернскаго предводителя дворянства Дашкова, сына столь славной въ свое время Екатерины Романовны, угадавшей геній Державина. Нѣкоторые сидѣли въ кружку и много кой о чемъ говорили и разсуждали. Между прочимъ услышалъ я, что герой князь Багратіонъ прибылъ 19 числа въ Петербургъ, а въ послѣдней половинѣ будущаго мѣсяца пріѣдетъ и въ Москву. Толковали, какимъ бы лучше образомъ сдѣлать ему торжественный пріемъ. П. С. Валуевъ предлагалъ дать ему большой обѣдъ въ клубѣ съ музыкою и пѣвчими, а Кутузовъ вызывался написать въ честь его кантату; но Ив. Влад. Лопухинъ и Нелединскій были такого мнѣнія, что прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, надобно переговорить съ градоначальникомъ и безъ его согласія ни къ чему не приступать.

Князь Михайла Александровичъ сказывалъ, что послѣ завтра бенефисъ Померанцева, и приглашалъ къ себѣ въ ложу. Даютъ драму Ильина: «Лиза или торжество благодарности», въ которой Померанцевъ, говорятъ, превосходенъ. Ужъ конечно поѣду! Во-первыхъ, потому, что отъ игры Померанцева *заплáчу*, а во-вторыхъ, что за нее не *заплачý*. Вотъ и мои concetti! Они стоятъ Державинскихъ, которые ходятъ здѣсь по рукамъ:

О, какъ великъ На-полѣ-онъ,
И хитръ, и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Богъ-рати-онъ.

Иванъ Ивановичъ говоритъ, что ему сгрустнулось отъ этихъ стиховъ, потому что они доказываютъ, какъ низко можетъ упасть геній, подточенный старостью, и что пріобрѣсти славу легче, чѣмъ до конца уберечь ее. Онъ шутя замѣчаетъ, что изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ самое трудное умѣть остановиться вó-время и ничего такъ за себя не опасается, какъ выжить, если не изъ ума, такъ изъ вкуса.

25 Генв. Четвергъ. Сегодняшній спектакль, *не въ счетъ годовыхъ ложъ и креселъ, а въ пользу актёра Померанцева*, какъ нынче печатаютъ въ афишахъ (хорошу выдумали фразу) былъ порядочно скученъ и никому не принесъ удовольствія. Даже и строптивая Верещагина, подруга князя Михаила Александровича, и записная любительница слезныхъ драмъ, зѣвала порядочно. Померанцевъ точно хорошъ въ своей роли, но чтò могъ сдѣлать онъ одинъ въ этомъ обществѣ неблагообразныхъ персонажей? За драмой дана была комедія въ одномъ дѣйствіи: *Слуга двухъ господъ*, и разыграна лучше. Въ ней особенно отличался Сандуновъ,

который, по разсказамъ, сталъ съ недавняго времени очень гордиться своимъ происхожденіемъ, будто бы, отъ древнихъ Грузинскихъ владѣтелей. Охота же умному человѣку приплетаться въ родню Митридату и подражать Татарамъ-халатникамъ, которые всѣ считаютъ себя потомками Чингисъ-Хана!

Платонъ Петровичъ Бекетовъ разсказывалъ въ университетѣ, что на пансіонскомъ актѣ, 22 ч. прошедшаго мѣсяца, какой-то провинціалъ подсѣлъ къ графу Хвостову и, желая видно польстить ему, какъ сенатору, началъ хвалить его сочиненія, и между прочимъ съ подобострастіемъ увѣрялъ его, что онъ наизусть знаетъ всѣ его шуточныя оды. На вопросъ графа Хвостова, какія же это оды, провинціалъ прочиталъ нѣсколько строкъ изъ слѣдующей:

Хочу къ безсмертью пріютиться,
Нанять у славы уголокъ,
Сквозь кучу риѳмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ;
Хочу и я сварганить оду
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ не надобенъ Пегасъ,
Ни Аполлонъ, дѣтина строгій;
Хочу проселочной дорогой,
На долгихъ ѣхать на Парнасъ.
Горшки не боги жъ обжигаютъ,
А намъ кто не велѣлъ строчить? и проч.

Графъ Хвостовъ сдѣлалъ прекислую мину, всталъ и отошелъ отъ любителя шуточныхъ стихотвореній. Дѣло въ томъ, что несчастный льстецъ принялъ одного Хвостова за другаго и вмѣсто забавнаго сатирика наткнулся на вовсе незабавнаго и совсѣмъ угорѣлаго лирика и баснописца.

26 Генваря, Пятница. К. И. Яковлеву-Собакину догнали, воротили, сдали съ рукъ на руки больной матери, и она какъ ни въ чемъ не бывала. Да и въ самомъ дѣлѣ она была увезена противу ея воли: къ подъѣзду театра подъѣхала карета; нѣсколько голосовъ закричали: карета Яковлевой-Собакиной! Она, по обыкновенной своей вѣтренности, не осмотрясь вскочила въ карету, дверцы захлопнули, кучеръ ударилъ по лошадямъ и— похищеніе совершилось! Только проѣхавъ Кузнецкій мостъ, вѣтреница замѣтила, что вмѣсто Француженки возлѣ нея сидитъ какой-то немолодыхъ лѣтъ мущина; хотѣла закричать, но похититель увѣрялъ, что везетъ ее домой, и точно онъ провезъ ее по Нѣмецкой Слободѣ мимо самаго дома Яковлевыхъ; но вмѣсто того, чтобы поворотить въ ворота, онъ отправился за Лефортовскую заставу.

3-го числа Февраля назначенъ у графа Орлова большой балъ, что̀ называется, пиръ на весь міръ. Танцовщицъ въ виду много, но танцоровъ, напротивъ, почти вовсе нѣтъ. Нѣкоторыя извѣстныя дамы, коротко знакомыя въ домѣ графа, имѣютъ порученіе отъ молодой графини вербовать хорошихъ кавалеровъ. Не знаю, почему Катерина Александровна Муромцова считаетъ меня въ числѣ хорошихъ кавалеровъ и предложила взять меня съ собою вмѣстѣ со старшимъ ея сыномъ. «Но я рѣшительно танцовать не умѣю, сказалъ я, застѣнчивъ и неловокъ».—Et pourtant vous avez dansé chez les Werewkine et vous dansez souvent chez les Lobkoff; comme si je ne le savais pas [1])!—«Это правда; но у Веревкиныхъ былъ балъ за-просто, а у Лобковыхъ я танцую *pour rire*, въ своемъ кружку; да и не танцую, а прыгаю козломъ».—«А у Орловыхъ будешь прыгать бараномъ, вотъ и вся разница; болтай себѣ безъ умолку съ своей дамой, и не замѣтятъ, какъ танцуешь». Я отнѣкивался, но мнѣ Катерина Александровна рѣшительно объявила: «Vous irez, mon cher; je le veux absolument. A votre âge on ne refuse pas un bal comme celui du comte Orloff, ni une femme, qui vous a vu naître. C'est ridicule!» [2]) Дѣлать нечего, буду снаряжать свой бальный костюмъ: пюсовый фракъ и бѣлый жилетъ съ поджилетникомъ изъ Турецкой шали; разодѣнусь хватомъ!

28 Генваря, Воскресенье. Сегодня былъ я у Нѣмцевъ на репетиціи Der Kaufmann von Venedig, Шекспира. Эта піеса, которую разучиваютъ уже три мѣсяца, такъ плохо идетъ, что, кажется, и совсѣмъ не пойдетъ. Шейлоха долженъ былъ играть *Штейнсбергъ*, а теперь вмѣсто его вздумалъ играть *Кистеръ*, которому эта роль не по силамъ. Отсутствіе Штейнсберга замѣтно и въ самой репетиціи; какая-то неладица, путаница, бѣдные актеры и актрисы точно гуртъ овецъ безъ хозяина.

Однакоже, что̀ это за піеса *Венеціанскій Купецъ* и что̀ она доказываетъ? Приготовляясь видѣть ее на сценѣ, я прочиталъ ее, и право, не понимаю, а растолковать некому. Венеціанскому купцу понадобились для услуги пріятелю деньги, и онъ занимаетъ ихъ у Жида съ такимъ обязательствомъ, что если не заплатитъ въ срокъ, то Жидъ имѣетъ право вырѣзать изъ него фунтъ мяса. Срокъ прошелъ, купецъ денегъ заплатить не могъ, и Жидъ требуетъ исполненія обязательства.

[1]) И однако вы танцовали у Веревкиныхъ и часто танцуете у Лобковыхъ. Будто я этого не знаю.—Танцую для смѣху.

[2]) Вы поѣдете, мой милый; я рѣшительно хочу этого. Въ ваши лѣта не отказываются отъ такого бала, какъ у графа Орлова, и не отказываютъ женщинѣ, помнящей какъ вы родились. Это странно!

Дѣло по своей важности перенесено на судъ дожа, который не знаетъ, какъ разсудить его. Является женщина подъ видомъ ученаго юриспрудента и съ дозволенія дожа берется разрѣшить небывалый случай. Она начинаетъ тѣмъ, что по буквальному смыслу обязательства обвиняетъ купца и предоставляетъ Жиду вырѣзать изъ него фунтъ мяса, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ и на Жида обязанность вырѣзать ни больше ни меньше, какъ только одинъ фунтъ и совершенно безъ пролитія крови, въ противномъ же случаѣ подвергаетъ его наказанію, какому подлежатъ Жиды за пролитіе крови христіанской. По мнѣнію моему, это просто подборъ подъ законъ: если въ обязательствѣ не означено дозволенія при вырѣзываніи мяса проливать кровь, то не означено также и запрещенія; а между тѣмъ какъ же можно изъ живаго человѣка вырѣзать кусокъ мяса безъ того, чтобы при этой операціи не было крови? Это не согласно съ природою и здравымъ разсудкомъ; и что̀ же въ этомъ ложномъ истолкованіи смысла и рѣчи обязательства можетъ быть трагическаго? Развѣ только ненависть Жида противъ Христіанина *).

Пожалуй, если пойдетъ на игру словъ въ юриспруденціи и на превратные толки о дѣйствіяхъ подсудимыхъ лицъ, то и у насъ найдется много случаевъ, изъ которыхъ иному Русскому Шекспиру вздумается сочинить трагедію; и вотъ, напримѣръ, одинъ анекдотъ, разсказанный П. И. Авериным и слышанный имъ отъ Д. П. Трощинскаго. Какого-то Харьковскаго помѣщика обокрала дворовая дѣвка и бѣжала. Баринъ подалъ объявленіе о побѣгѣ и сносѣ разныхъ вещей. Дѣвку поймали, посадили подъ караулъ и предали суду. Но дѣвка была смазлива, а судья — человѣкъ чувствительнаго сердца, и потому непремѣнно хотѣлъ оправдать красавицу, для чего и составилъ слѣдующій приговоръ: «А какъ изъ учиненнаго слѣдствія оказывается, что означенная дворовая жёнка Анисья Петрова вышеупомянутыхъ пяти серебряныхъ ложекъ и таковыхъ же часовъ и табакерки не *крала*, а просто *взяла*, и съ оными вещами не *бѣжала*, а только такъ *пошла*; то ее, Анисью Петрову, отъ дальнѣйшаго слѣдствія и суда, какъ въ винѣ не признавшуюся и не изобличенную, навсегда освободить».

То ли еще бываетъ; да гдѣ же тутъ трагедія?

29 Генваря, Понедѣльникъ. Лапинъ былъ очень хорошій трагическій актеръ и чрезвычайно любимъ Петербургскою публикою. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, составляющія отличнаго трагика: счастливую наружность, звучный и гибкій органъ, чистую и правильную

*) Теперь я совсѣмъ не такъ уже думаю, но 52 года въ жизни человѣка большая разница. Я воспретилъ себѣ всякую перемѣну въ изложеніи. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

дикцію. Въ игрѣ его много было благородства, и онъ чрезвычайно напоминалъ собою Флоридора, котораго постоянно бралъ себѣ въ образецъ. Одного не доставало въ немъ: увлеченія, чтó Французы называютъ *entrailles*, и это происходило болѣе отъ недовѣрчивости къ самому себѣ и строгаго благоразумія. И отъ того онъ преимущественно хорошъ былъ въ такихъ роляхъ, которыя этого увлеченія не требовали, какъ-то: въ *Титѣ*, въ *Рославѣ*, въ *Гусманѣ* и проч. Лапинъ перешелъ на Московскую сцену, потому что не поладилъ съ Дмитревскимъ; а не поладилъ по причинѣ дѣлаемыхъ ему притѣсненій, чтобы дать ходъ Плавильщикову, который въ свою очередь спроваженъ въ Москву, чтобы очистить мѣсто Яковлеву. Это разсказывалъ мнѣ дѣдушка, и слова его подтвердили Сила Сандуновъ, Украсовъ и Григорій Ивановичъ Жебелевъ, которые были свидѣтелями всѣхъ этихъ закулисныхъ продѣлокъ. Боже мой! Какъ эти проклятыя исчадія ада, зависть, недобросовѣстность и своекорыстіе, умѣютъ проползти всюду, чтобы помѣшать всякому согласію и уничтожить всякое доброе дѣло въ самомъ его зародышѣ. Конечно мы скудны талантами, но все-таки они изрѣдка появляются, и появлялись бы чаще, если бы однихъ не душила интрига, а другихъ не сбивало съ настоящаго пути невѣжество, богопротивное невѣжество, какъ называетъ его Невзоровъ.

31 Генваря, Середа. Всѣ наши журналисты взволнованы статьею любезнаго пастора Гейдеке подъ заглавіемъ: *Карамзинъ*, помѣщенною во 2-й книжкѣ періодическаго его изданія *Русскій Меркурій*, напечатаннаго въ прошломъ году въ Ригѣ и недавно здѣсь появившагося. Дошла же вѣсть до глухихъ! За эту безподобную статью, которою *Гейдеке* такъ благородно отстаиваетъ Карамзина и такъ хлещетъ его недоброжелателей, я простилъ ему жесткую и несправедливую статью на Штейнсберга, писанную тотчасъ по пріѣздѣ послѣдняго въ Москву, когда онъ еще не успѣлъ сформировать своего театра, ни узнать вкуса публики. Я постараюсь непремѣнно доставить тебѣ эту статью, хотя и въ плохомъ переводѣ: стóитъ прочитать; есть чему порадоваться и о чемъ попечалиться, порадоваться потому, что нашлись и въ числѣ иностранцевъ люди, которые умѣли оцѣнить нашего геніальнаго писателя, а попечалиться о томъ, что не нашлось ни одного человѣка изъ Русскихъ, который бы вооружился за него противу его недоброжелателей, и что честь защищать Карамзина похитилъ у насъ иностранецъ. Правда, этотъ иностранецъ *Гейдеке*: онъ знаетъ Россію, знаетъ Русскій языкъ лучше многихъ Русскихъ, и въ душѣ Русскій.—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ не разумѣетъ по-нѣмецки, и потому желалъ бы прочитать эту статью по-русски. Я понялъ намекъ и постараюсь пе-

редать ему ее какъ умѣю. Хотя бы что-нибудь удалось сдѣлать для него пріятное за его привѣтливость.

2 Февраля, Пятница. Вотъ что à peu près пишетъ Гейдеке въ своемъ *Русскомъ Меркуріѣ* о Карамзинѣ.

«Извѣстный въ Германіи Россійскій писатель г. Карамзинъ подвергся той же участи, какой подвергаются и всѣ люди, возвышающіеся надъ посредственностію, т. е. онъ находится между двумя партіями, одною доброжелательствующею и другою ему враждебною. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бо̀льшая часть читающей публики нарасхватъ раскупала всѣ изданія, которыхъ заглавія украшены были именемъ Карамзина; но между тѣмъ въ числѣ столькихъ читателей, жаждущихъ сочиненій Карамзина, находились и такіе литературные соглядатаи, которые искали этихъ сочиненій единственно для того, чтобы найти въ нихъ какой нибудь признакъ якобинскихъ правилъ, которыя можно бы было обратить въ предосужденіе сочинителю. Провидѣніе, такъ неусыпно пекущееся о людяхъ добродѣтельныхъ, разрушило всѣ эти козни, и геній-хранитель провелъ Карамзина невредимо посреди мытарствъ цензуры, которая съ такою готовностію обрекала на костеръ свободномыслителей. Любовь Карамзина къ истинѣ и его откровенность остались неизмѣнными во всѣхъ обстоятельствахъ. Съ мужествомъ древняго Римлянина и настоящаго свободнаго гражданина и патріота, онъ не переставалъ совершенствовать Русскій языкъ и обогащать его слово; и когда недоброжелатели его убѣдились, что со стороны политическихъ мнѣній задѣть его нѣтъ возможности, то задумали достигнуть своей цѣли другимъ способомъ: стали унижать достоинство его сочиненій и подвергать сомнѣнію самый его талантъ. Между прочимъ упрекали его въ томъ, что онъ измѣняетъ Русскій языкъ и ослабляетъ силу его выраженій; что онъ вводитъ въ него несвойственные ему обороты рѣчи и новыя слова, отъ чего Русскій языкъ такъ же мало походить будетъ на свой коренной Славянскій, какъ нынѣшній изнѣженный Итальянскій языкъ мало походитъ на Латинскій Цицерона, Ливія и Тацита. На всѣ сіи обвиненія Карамзинъ не отвѣчалъ ничего, и Похвальнымъ Словомъ Екатеринѣ II доказалъ, что онъ не нуждается въ оправданіяхъ. Но закоренѣлая вражда непримирима: многіе почитающіе себя ветеранами Русской литературы, не могутъ простить Карамзину, что онъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ успѣлъ пріобрѣсть такую славу, что современники почитаютъ его любимѣйшимъ своимъ писателемъ».

За симъ Гейдеке объясняетъ, что онъ «не излагаетъ собственнаго мнѣнія своего о сочиненіяхъ Карамзина, потому что, по чувствамъ особеннаго уваженія, которыя онъ питаетъ къ сочинителю, какъ къ

человѣку высокой души и благороднѣйшихъ свойствъ, сужденія его могли бы показаться пристрастными, а ограничивается только нѣсколькими выписками изъ критикъ и рецензій на Карамзина (напечатанныхъ въ 8-й книжкѣ Сѣвернаго Вѣстника 1804 года, издаваемаго г. Макаровымъ, стр. 111), изъ которыхъ ясно безъ всякихъ комментарій усмотрѣть можно, какая изъ двухъ партій справедливѣе въ своихъ сужденіяхъ о Карамзинѣ, доброжелательствующая ему или враждебная. Эти выписки могутъ въ тоже время служить и примѣромъ, какъ доселѣ въ Россіи неосновательны положенія критики въ отношеніи къ словеснымъ наукамъ.

Гейдеке прибавляетъ, что если издателя Сѣвернаго Вѣстника нельзя прямо назвать врагомъ Карамзина, то уже ни въ какомъ случаѣ невозможно считать его въ числѣ людей ему благопріятствующихъ: кромѣ того, что издатель помѣстилъ въ своемъ журналѣ критику на Карамзина, написанную въ тонѣ весьма насмѣшливомъ, онъ еще присовокупилъ къ ней собственное примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, что почитаетъ пріятнѣйшею обязанностію засвидѣтельствовать искреннюю благодарность *любезному сочинителю* сей критики; слѣдовательно онъ вполнѣ раздѣляетъ съ нимъ мнѣніе, въ критикѣ изложенное; а между тѣмъ этотъ *любезный сочинитель*, обозрѣвая всѣ рецензіи, которыя напечатаны были въ Московскомъ Журналѣ въ 1797 — 1799 годахъ, издаваемомъ Карамзинымъ, не позаботился даже узнать, которая изъ нихъ написана самимъ Карамзинымъ и которая нѣтъ, и всѣ ихъ приписываетъ одному Карамзину, потому только, что журналъ издавался подъ его именемъ.

Въ заключеніе Гейдеке предлагаетъ свои выписки, о которыхъ распространяться не буду, потому что le secret d'ennuyer est celui de tout dire [1]), и упомяну только о замѣчательномъ окончаніи статьи его. Вотъ оно. «Но если бы г. Карамзинъ захотѣлъ обращать вниманіе на отзывы этихъ партій, еслибы вздумалъ дорожить хвалою непризванныхъ цѣнителей его таланта, или ставить во что-нибудь хулу своихъ завистниковъ; и еслибы, сверхъ чаянія, современники его оказались неблагодарными къ его услугамъ: то пусть удастся ему получить тоже, чего такъ желалъ и что̀ получилъ Овидій: *Si tamen a memori posteritate legar*» [2]).

5 Февраля, Понедѣльникъ. Охота пуще неволи, говоритъ пословица; а я скажу: неволя пуще охоты. Въ Суботу плясалъ до упаду и все

[1]) Секретъ наскучить состоитъ въ томъ, чтобы все высказывать.

[2]) Лишь бы меня читало памятливое потомство.

съ такими дамами, которыя безъ меня просидѣли бы цѣлый вечеръ на одномъ мѣстѣ: ихъ никто не ангажировалъ. Какъ весело!

Балъ огромный, но совсѣмъ не такой великолѣпный, какъ того ожидали. Все запросто: точно большой семейный вечеръ. Домъ старинный: пропасть картинъ, статуй, Японскихъ вазъ и Богъ знаетъ чего-чего нѣтъ; но все какъ-то не на виду. Могучій хозяинъ сидѣлъ въ углу передней гостиной съ нѣкоторыми почетными гостями и распивалъ съ ними чай и еще какіе-то напитки. Всѣ они очень были веселы, громко хохотали и, кажется, что-то другъ другу разсказывали. Возлѣ хозяина сидѣли Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій и Мятлевъ, женатый на графинѣ Салтыковой.

Ужинъ кувертовъ на 200, изобильный, но не пышный; на одномъ столѣ сервизъ серебряный, на другомъ и третьемъ, за которымъ мы сидѣли,—фарфоровый. Услуга проворная; за большимъ столомъ служили все почти старики, а около насъ суетились официанты втораго разряда. Молодая хозяйка почти не садилась и заботилась о дамахъ. О нашей братьѣ, слава Богу, никто не заботился; за то мы сами о себѣ заботились вдвое. Послѣ ужина, который кончился въ 11 часовъ, графъ приказалъ музыкантамъ играть Русскую пѣсню: *Я по цвѣтикамъ ходила*, и заставилъ графиню плясать по-русски. Танцмейстеръ *Балашовъ*, учившій ее Русскимъ пляскамъ, находился тутъ же на балѣ для всякаго случая: иногда графъ заставляетъ и его плясать вмѣстѣ съ дочерью; для этого у нихъ есть пребогатѣйшіе Русскіе костюмы, но на сей разъ они вмѣстѣ не плясали. Въ другихъ же танцахъ почти постоянными кавалерами графини были губернскій предводитель Дашковъ очень тучный, но чрезвычайно легкій на ногу, и молодой человѣкъ Козловъ *), танцующіе точно мастерски. Въ половинѣ втораго часу графъ остановилъ танцы, закричавъ: *пора по домамъ*! Музыка замолкла, и всѣ стали подходить прощаться съ нимъ. Коротко знакомыхъ дамъ онъ иныхъ обнималъ, у другихъ цѣловалъ руки, третьихъ дружески трепалъ по плечу и говорилъ имъ не иначе, какъ *ты*.

Очень удивлялись, отъ чего градоначальникъ не былъ на балѣ, и выводили изъ того разныя заключенія; но говорятъ, что матушка—Москва выводитъ заключенія изъ всего. Такъ чтоже! Въ томъ худаго нѣтъ: всякій будетъ жить осторожнѣе.

Сказывали, что у толстаго Дашкова есть какія-то Датскія собаки, чрезвычайно складныя, необыкновенно красивой шерсти и такого огромнаго роста, что Англичане предлагали ему за нихъ большія суммы.

*) Впослѣдствіи авторъ Чернеца, слѣпецъ и разслабленный.

Разумѣется, Дашковъ предложенія не принялъ и велѣлъ отвѣчать, что Русскій баринъ собаками не торгуетъ.

8 Февраля, Четвергъ. Ѣздилъ къ ректору просить о выдачѣ аттестата. Онъ сердечно радъ отпустить меня скорѣе и совѣтовалъ похлопотать у Антонскаго. Засталъ у него *шестичувственнаго* Брянцева, котораго наши забавники прозвали такъ потому, что добрый профессоръ какъ-то однажды на лекціи объяснялъ, что нѣкоторые извѣстные ученые не безъ основанія признаютъ въ человѣкѣ, вмѣсто пяти, шесть чувствъ, и это шестое чувство называютъ *вожделѣніемъ*. Насмѣшникамъ только попадись на зубки; а между тѣмъ лучше быть шестичувственнымъ, нежели совсѣмъ безчувственнымъ, какъ большая часть зубоскаловъ отъ Адама и до сего дня.

Брянцевъ сказывалъ, что новое изданіе гражданской печатью «Четвероевангелія» покойнаго Харитона Андреевича скоро поступитъ въ продажу по 4 руб. 50 коп. за экземпляръ. Говоря объ этомъ изданіи, удивлялись огромному труду Чеботарева, труду почтенному и безкорыстному, обратившему на себя вниманіе не только всей религіозной публики, но и такихъ учителей церковныхъ, каковъ преосвященнѣйшій митрополитъ Платонъ и другіе. Страховъ, между прочимъ, подтвердилъ, что Чеботаревъ дѣйствительно три раза передѣлывалъ свой сводъ, покамѣстъ не добился до точнаго и непогрѣшительнаго порядка въ повѣствованіи евангельскихъ происшествій. Какова добросовѣстность и каково терпѣніе!

Далеко сынку до батюшки! Нашъ Андрюша съ своей Фелиціей Вильмаръ (пустымъ романомъ Бланшара), съ своими открытіями да воздушными шарами, самъ скоро обратится въ мыльный пузырь. За то Софья Харитоновна *) дѣло другое: умъ серьозный, учености бездна, и въ двадцать лѣтъ, кромѣ древнихъ языковъ, знаетъ столько наукъ и знаетъ такъ основательно, что въ пору было бы иному профессору: это Паскаль въ юбкѣ. За то ужъ и дурна собою—ахъ, Боже мой, какъ дурна! Видно, природа въ дарахъ своихъ всегда соблюдаетъ равенство и замѣняетъ одни другими.

Вотъ какъ иностранцы толкуютъ о Чеботаревѣ:

«Ректоръ Московскаго Университета г. Чеботаревъ издалъ духовное сочиненіе, которое не перестаетъ обращать на себя вниманіе уче-

*) Бывшая впослѣдствіи замужемъ за извѣстнымъ докторомъ Мудровымъ.

ныхъ теологовъ: мы говоримъ о *Сводѣ четырехъ евангелистовъ*. Это въ высшей степени занимательное твореніе напечатано было въ Синодальной типографіи и теперь должно скоро появиться напечатаннымъ въ типографіи Университетской, и въ другомъ форматѣ. Чрезвычайно любопытно появленіе такого важнаго творенія, принадлежащаго по существу своему къ области высшихъ теологическихъ наукъ и написанное лицомъ, непринадлежащимъ къ духовенству, творенія, требовавшаго стольких экзегетическихъ, герменевтическихъ знаній и критическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ авторъ, къ удивленію всѣхъ, вышелъ съ такою честью, такъ что, несмотря на превосходство существовавшихъ прежде сочиненій въ этомъ родѣ и глубокія изслѣдованія новѣйшихъ истолкователей, оно не токмо сравнился съ ними, но и превзошелъ ихъ. Впрочемъ, почему же и не ожидать было этого отъ настоящаго ученаго, который, хотя занимался и постороннимъ для своей части предметомъ, но занимался долгое время, съ любовью и неутомимымъ прилежаніемъ? И, говоря объ этомъ ученомъ мужѣ, почему не отвѣчать людямъ, которые, судя по свойствамъ его простодушнаго характера, сомнѣвались прежде въ его талантѣ и удивляются теперь успѣшному окончанію предпринятаго имъ огромнаго труда—изрѣченіемъ самого Евангелія, которое такъ изучилъ онъ въ продолженіе полувѣковаго почти труда своего: «Аще у человѣкъ невозможна, у Бога вся возможна суть?»

9 Февраля, Пятница. Очень любопытна сравнительная вѣдомость о цѣнахъ нѣкоторыхъ жизненныхъ припасовъ въ Иркутскѣ и Москвѣ въ продолженіе Генваря мѣсяца прошлаго года. Въ Москвѣ кромѣ дровъ все дешевле, а между тѣмъ утверждаютъ, что въ Сибири жить очень дешево; развѣ потому, что кромѣ насыщенія желудка нѣтъ другихъ случаевъ къ издержкамъ?—Я воображаю, какъ весело мало-мальски образованному человѣку проводить жизнь въ такомъ краю, въ которомъ единственнымъ наслажденіемъ его можетъ быть удовлетвореніе только скотскихъ побужденій: аппетита, жажды *и прочаго*; хотя о *прочемъ* тамъ и помину нѣтъ; генералъ Маркловскій, маленькій, кругленькій старичекъ котораго иногда встрѣчаю я во многихъ знакомыхъ домахъ, разсказывалъ, что, въ бытность его въ Тобольскѣ, единственнымъ его разсѣяніемъ были карты и охота, когда дозволяла погода. Прекрасныя занятія для губернатора! Онъ могъ бы найти и другое разсѣяніе нѣсколько полезнѣе! Этотъ Маркловскій величайшій охотникъ до лягавыхъ собакъ и создалъ (видно отъ бездѣлья) какую-то особенную ихъ породу, которая очень уважается охотниками. Впрочемъ Иркутскъ не Тобольскъ. Климатъ въ немъ умѣреннѣе, хотя за то 3 т. верстъ отдаленнѣе Тобольска: милости просимъ закабалить себя тамъ на цѣлую жизнь!

Названіе припасовъ:	Цѣны. Въ Иркутскѣ: Руб.	К.		Въ Москвѣ: Руб.	К.
Ржаная мука, куль	10	—		5	40
Овесъ, четверть	10	80		4	59
Пшеничная мука, пудъ	1	50		1	20
Сѣно	—	50		—	20
Пшено	2	50		1	10
Гречневая крупа	2	40		1	—
Горохъ	2	—		1	45
Масло коровье	12	—	Лучшее	11	—
Говядина	5	—	Лучшая	5	50
Ветчина	8	—		4	—
Свѣчи сальныя	6	—		6	—
Сахаръ	60	—		9	—
Кофе	50	—		11	—
Ведро простаго вина	5	—		4	—
Ведро плохаго винограда, краснаго или бѣлаго	20	—		6	—
Ведро кизлярской водки	65	—		5	80
Плохіе лимоны, десятокъ	10	—	Лучшіе свѣжіе	1	—
Сажень березовыхъ дровъ	1	50		5	—
Сажень еловыхъ дровъ	1	30		4	15
Аршинъ сукна	12	—		4	—
Аршинъ холстины	1	—	Одной доброты	—	40
Десть писчей бумаги	—	50		—	15
Круглая шляпа	18	—	Одинаковой доброты и качества.	3	50
Трехъугольная	22	—		4	25
Пара сапоговъ	15	—		3	—
Корова обыкновенная	25	—	Такая же	20	—
Теленокъ	5	—		4	—
Серебряный рубль	2	—		1	29

11 Февраля, Воскресенье. Нашъ Рязанскій атаманъ, Л. Д. Измаиловъ, отправляется завтра въ Спб. Я былъ у него по приказанію отца, который, не знаю почему, видитъ въ немъ какого-то феномена въ родѣ человѣческомъ; но я, грѣшный студентъ, вижу въ немъ только избалованнаго льстецами барича, совершеннаго неуча, который не только не покровительствуетъ просвѣщенію, какъ бы то ему слѣдовало по его званію и богатству, но еще не пропускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобы не издѣваться съ какою-то язвительностію не только надъ науками, но и надъ всѣми, которые себя имъ посвятили и носятъ на себѣ благородный отпечатокъ образованности. Для этого Измаилова нѣтъ ничего достойнаго уваженія. Въ книгѣ его дѣяній есть такія страницы, отъ которыхъ захватываетъ духъ и дыбятся волоса. Онъ нѣкогда былъ неизмѣннымъ участникомъ Аѳинскихъ вечеровъ графа Валеріана Александровича Зубова, который иногда любилъ попировать и покуликать на славу, и воображаетъ, что похожъ на Зубова, потому что охотникъ бражничать. Но какая разница! Зубовъ зналъ во всемъ мѣру, былъ

человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно уменъ и такой сердечной доброты, что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ его знавшихъ; и не даромъ Державинъ, въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращенъ изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ одъ, въ которой встрѣчаются такіе глубокомысленные и доказывающіе необыкновенное знаніе человѣческаго сердца стихи, какъ напр.:

О! вспомни въ томъ какъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри,—я рекъ,—*тріумфъ минуту*,
А добродѣтель вѣкъ живетъ!
Сбылось. Игру днесь счастья люту
И какъ оно къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь, видишь, какъ мечты
Сіянье вкругъ тебя заснуло,
Прошло,—*остался только ты.*

*

Остался ты! И та прекрасна
Душа почтенна будетъ въ вѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ вельможѣ человѣкъ,
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вкругъ себя надменнымъ
Воззрѣніемъ не огорчалъ.
Ты былъ что есть, и не страшися
Объятія друзей твоихъ.

*

Приди ты къ нимъ! и проч.

Вотъ каковъ былъ Зубовъ; а вотъ и Измайловъ: напоить мертвецки-пьяными человѣкъ пятнадцать небогатыхъ дворянъ-сосѣдей, посадить ихъ еле-живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязавъ къ обоимъ концамъ лодки по живому медвѣдю и въ такомъ видѣ спустить лодку съ горы въ рѣку; или, проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то безъ умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги, подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко! Капризъ, одинъ только безотчетный капризъ— стихія этого человѣка. Къ сожалѣнію, находятся еще люди, которые ищутъ въ немъ и, не взирая на все униженіе, которому онъ ихъ подвергаетъ, они смотрятъ ему въ глаза, какъ жрецы Далай ламы своему идолу. Сосѣди проспались и также продолжали безвыѣздно пользоваться его гостепріимствомъ, а депутатъ Шиловскій разбросанныя по полу денежки всѣ подобралъ и опять по временамъ мечетъ ему банкъ, какъбудто между ними ничего и не происходило. О tempora!

13 Февраля, Вторникъ. Бывшій нашъ учитель Французскаго языка въ пансіонѣ Ронкà, *Лаво*, съ такимъ же учителемъ Алларомъ намѣрены основать обширную торговлю Французскими книгами и завести въ центрѣ города, на Лубянкѣ, книжную лавку. Библіографическихъ знаній у нихъ достанетъ; но достанетъ ли капитала, это вопросъ. Утверждаютъ, что они могутъ поддержать себя, подобно другимъ, оборотами кредита; но это все не надолго: *à la longue* этотъ кредитъ и задушитъ ихъ.

А право желательно, чтобы въ Москвѣ хотя Французская книжная торговля развилась и процвѣла, если уже Русская не развивается и не процвѣтаетъ. Всѣ вообще жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій и средствъ къ высшему образованію. Спеціальныхъ и техническихъ книгъ вовсе здѣсь не сыщешь; надобно выписывать изъ Петербурга. Русскіе книгопродавцы не могутъ понять, что для книжной торговли необходимы свѣдѣнія библіографическія; за то и въ какомъ закоснѣломъ невѣжествѣ они находятся? Ни одинъ изъ нихъ не рѣшится предпринять изданіе новой книги на свой счетъ, потому что не сумѣетъ оцѣнить ея достоинства. Увѣряютъ, что извѣстнѣйшіе Московскіе книгопродавцы всѣ очень хорошіе люди, но какая въ томъ прибыль литературѣ и литераторамъ? Ни въ *Меѣ* и *Грачевѣ*, ни въ *Акоховѣ*, *Нѣмовѣ* и *Козыревѣ* нѣтъ даже Глазуновской смѣтливости, чтобъ кормить типографіи изданіемъ хотя оракуловъ и сонниковъ, а *Клаудій* сдѣлался типографщикомъ. О прочихъ не стòитъ и упòминать: просто, мелкіе букинисты. Впрочемъ немного добраго сказать можно и объ иностранныхъ книгопродавцахъ: ни одного въ Москвѣ изъ нихъ нѣтъ, котораго можно было бы сравнить съ какимъ-нибудь Гарткнохомъ, Рейхомъ или Николаи, а цѣны за книги назначаютъ баснословныя: опытные люди утверждаютъ, что втрое дороже, нежели онѣ стòятъ за границею, да и то промышляютъ большею частью всякимъ хламомъ текущей литературы. Французскія книги еще можно найти у *Riss et Saucet*. Съ тѣхъ поръ какъ завелся здѣсь Французскій театръ, онъ выписываетъ много драматическихъ новинокъ; но Италіанскихъ и Англійскихъ книгъ не сыщешь ни въ одной лавкѣ. Старѣйшій изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, *Ридигеръ*, бывалъ нѣкогда богатъ книгами классической литературы, но теперь жалуются на его бездѣйствіе. *Люби*, *Гари* и *Поповъ* не что иное, какъ обыкновенные содержатели типографіи безъ всякой предпріимчивости, люди отсталые отъ вѣка. Куртнеръ сдалъ торговлю зятю своему Готье, изъ котораго неизвѣстно, чтò еще будетъ, а самъ открываетъ какой-то музеумъ *или* кабинетъ для чтенія (ой, мнѣ ужъ это *или!*) въ домѣ князя Голицына на Лубянкѣ. У *Горна* много старыхъ Нѣмецкихъ книгъ, большею частію педагогическихъ; но о пополненіи своей лавки новыми онъ, кажется, со-

всѣмъ не думаетъ. Теперь выступаетъ на сцену *Лангнеръ* съ собственнымъ своимъ изданіемъ *Отрывковъ иностранной литературы*. Будетъ ли въ немъ прокъ, увидимъ.

Что́ же касается до книжной торговли во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, то пасторъ Гейдеке, который всегда такъ умирителенъ въ своихъ уподобленіяхъ и сравненіяхъ, говоритъ, что она все еще походитъ на осла, играющаго на лютнѣ (gleicht immer einem Esel, der auf der Laute spielt). Этотъ Нѣмецкій *Witz* инымъ покажется не очень понятнымъ, но въ сущности справедливъ: вотъ въ Костромѣ какой-то закоренѣлый раскольникъ съ давнихъ лѣтъ ведетъ обширную торговлю книгами, а между тѣмъ почитаетъ смертнымъ грѣхомъ прикоснуться самъ къ книгѣ, напечатанной гражданской печатью.

15 Февраля, Четвергъ. Наконецъ получилъ я сегодня аттестатъ свой, подписанный вчера Страховымъ, и окончательно распростился какъ съ нимъ, такъ съ Антонскимъ и со всѣми профессорами, кромѣ Мерзлякова, съ которымъ прощусь въ день моего рожденія, 18 числа, у насъ на пирушкѣ. Не думалъ я такъ скоро оставить университетъ и оставить его такимъ олухомъ, въ какомъ-то нравственномъ разслабленіи. А какимъ молодцомъ, съ какими энергическими надеждами и съ какою самоувѣренностію въ непремѣнныхъ успѣхахъ я вступалъ въ него? Вотъ тебѣ и успѣхи! Прежде болѣзнь, а потомъ Липецкъ уходили меня въ притчу: *да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ*.

Впрочемъ, все къ лучшему! Съ самаго дѣтства я такъ привыкъ вѣрить въ Промыслъ, что теперь, не будучи ни ханжею, ни суевѣромъ, ни лицемѣромъ, безъ всякаго опасенія и предосторожности пускаюсь въ житейское море, предаваясь какому-то особому безотчетному путеводному чувству. Знаю, что человѣкъ посылается въ этотъ пестрый міръ не для того только, чтобы покоиться на розахъ; но знаю также, что онъ и не осужденъ цѣлую жизнь жариться на рѣшеткѣ Св. Лаврентія. Если Богъ продолжитъ вѣку, придется отвѣдать всего, и горькаго, и сладкаго; но я убѣжденъ въ одномъ, что если мѣра горестей превзойдетъ мѣру радостей, то послѣднія въ замѣну будутъ сильнѣе и живѣе, и—наоборотъ; а потому

Смѣлѣе съ жизнью въ бой
Advienne qui pourrá
Ура! Ура!

16 Февраля, Пятница. Графъ Растопчинъ даже и въ отставкѣ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы словомъ или дѣломъ не содѣйствовать славѣ отечества. Теперь одаряетъ всѣхъ знакомыхъ своихъ выгравированнымъ и отпечатаннымъ на счетъ его портретомъ прапор-

щика Емельянова, который въ 1799 году, будучи простымъ солдатомъ, въ сраженіи подъ Цюрихомъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну умѣлъ сохранить спасенное имъ знамя, которое послѣ и возвратилъ генералу Спренгпортену по размѣнѣ имъ плѣнныхъ. Вотъ чтобы Измаилову съ его баловствомъ не подражатъ графу, вмѣсто того, чтобъ швырять деньги на удовлетвореніе мелочнаго губернскаго тщеславія и безумныхъ прихотей во вкусѣ временъ феодальныхъ!

Въ Англійскомъ клубѣ дѣлаются большія приготовленія къ принятію князю Багратіона, котораго на дняхъ ожидаютъ. Сказывали, что стихи заказаны П. И. Кутузову и Николеву: мало одного стихотворца, надобно двухъ. Не знаю, почему не составили уже полнаго Парнасскаго тріумвирата, присоединивъ къ нимъ и Хвостова. Рѣшено, что обѣдъ будетъ съ музыкою, а послѣ обѣда будутъ пѣть пѣсельники и Цыгане поперемѣнно. Не знаю, удастся ли мнѣ попасть на этотъ праздникъ, въ число избранныхъ 50 человѣкъ гостей, но во всякомъ случаѣ постараюсь: та бѣда, что желающихъ слишкомъ много, и дѣло не обойдется безъ затрудненій; а признаюсь, очень хочется поближе увидѣть этого витязя, который сдѣлался такъ дорогъ сердцу каждаго Русскаго.

19 Февраля, Понедѣльникъ. Вчерашняя пирушка наша не похожа была на прошлогоднюю: обѣдъ и ужинъ были еще изобильнѣе, и Ваковыхъ даровъ всякаго разбора и качествъ вдоволь, но какъ-то все сбивалось на заупокойную трапезу. За обѣдомъ

„*Холодный царствовалъ разсудокъ,*
Сухихъ приличій важный тонъ“;

а послѣ за ужиномъ хотя гости нѣсколько и поразвеселились, однакоже безъ настоящаго увлеченія. Напитки уничтожались, но вино претворялось въ воду, и хмель, по выраженію Буринскаго, *благословенное чадо безпечности*, отказывался споспѣшествовать общей веселости.

— А знаете ли, господа, отчего мы сегодня сидимъ *повѣсивъ* носы? сказалъ Зловъ, который запѣлъ было «mihi est propositum», и остановился, видя, что никто ему не подтягиваетъ.—А оттого, Петръ Васильевичъ, что мы ихъ не *вздернули*, отвѣчалъ Буринскій. Всѣ засмѣялись.—Не угадалъ, любезный, возразилъ Зловъ: это отъ того, что мы черезъ чуръ жеманимся.—А такъ какъ жеманство есть вывѣска пошлой посредственности, сказалъ Мерзляковъ, слѣдовательно мы сегодня, по мнѣнію вашему, люди посредственные: consequentia valet.—И сегодня и завтра, Алексѣй Ѳедоровичъ, если захотите быть не тѣмъ, что̀ вы есть. Я запѣваю вамъ одну изъ любимыхъ вашихъ пѣсенъ, и никто изъ васъ не думаетъ подтянуть мнѣ: этого не бывало,

и я недоволенъ вами.—Часто бываешь недоволенъ другими оттого, что недоволенъ самимъ собою, Петръ Васильевичъ.—Буринскій, съостри за меня, это по твоей части; а мнѣ некогда: видишь, дополняю гостямъ стаканы, тружусь.—Оттого-то Алексѣй Ѳедоровичъ и не въ духѣ, что праздные не любятъ трудолюбивыхъ.—Ай да умная голова! вскричалъ Зловъ.—Десятокъ умныхъ головъ не стòитъ одной веселой и доброй души, подхватилъ Мерзляковъ: всѣ умны *по своему*.—Я желалъ бы быть умнымъ *по вашему*, сказалъ Ѳедоръ Павловичъ, и тогда бы я былъ счастливъ!—За доброе слово спасибо, Ѳ. П., мы старые пріятели; но предположеніе твое ошибочно.—Какъ ошибочно? А талантъ, а слава?—Твое восклицаніе годилось бы въ заказную рѣчь для пансіонскаго акта, а за пріятельскимъ ужиномъ оно не у мѣста; талантъ, любезный, не проложитъ пути къ счастію, а славу надобно выстрадать.—Не всегда, Алексѣй Ѳедоровичъ, возразилъ дотолѣ молчавшій, скромный Василій Ивановичъ, не всегда: большею частію талантъ сопровождается общимъ уваженіемъ, и рано или поздно зависть и недоброжелательство должны заплатить дань истинному достоинству и смириться передъ нимъ.—А до тѣхъ поръ, почтеннѣйшій отче, можно десять разъ умереть съ голоду; но впрочемъ, говоря о счастіи, я понималъ его такъ, какъ привыкли его понимать въ свѣтѣ, и повторяю, что счастіе и талантъ—несогласимыя противорѣчія. Дѣло другое въ отношеніи духовномъ, и я постигаю, что настоящее счастіе состоитъ въ одномъ только исполненіи своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, какихъ бы оно самопожертвованій ни требовало.— Но другаго счастія на землѣ и нѣтъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ; все прочее, чтò называютъ счастіемъ, есть не что иное, какъ только удовлетвореніе страстей.—Согласенъ, Василій Ивановичъ, очень согласенъ съ вами; но для того, чтобы находить счастіе въ самопожертвованіи, надобно возродиться духовно, а покамѣстъ мы не удостоились сей благодати, страсти останутся солью жизни, и безъ нихъ она будетъ безвкусна.

Мы разстались поздно и всѣ невеселы.

20 Февраля, Вторникъ. Помѣщикъ Д. В. Улыбышевъ разсказывалъ въ клубѣ, что въ числѣ умершихъ въ запрошломъ году въ Нижегородской губерніи, 31 т. съ чѣмъ-то душъ, находилось до 25 человѣкъ имѣвшихъ отъ 100 до 120 лѣтъ. (Такое долголѣтіе однакожъ довольно обыкновенно въ Россіи и особенно въ Сибирскомъ краю, въ которомъ люди замѣчательны крѣпостью тѣлосложенія и отличаются умѣренностію въ жизни); но что ему однажды удалось видѣть примѣръ такой долговѣчности, какой вѣроятно никто и нигдѣ не встрѣчалъ.

Наслѣдовавъ послѣ отца небольшое имѣніе въ Рязанской губерніи, онъ ѣздилъ осмотрѣть его, и какъ въ немъ не было господской усадьбы, то ему и отвели у одного зажиточнаго крестьянина, по прозвищу *Генварева*, простую свѣтелку. У самой квартиры встрѣтили его два старика, сѣдые какъ лунь, но еще довольно бодрые, судя по ихъ лѣтамъ, и по обычаю, кланяясь въ землю, просили принять хлѣбъ-соль. «Я, продолжалъ Улыбышевъ, удивился почтенной наружности и благообразію этихъ стариковъ и тотчасъ началъ съ ними ласковый разговоръ: Вы здѣшніе хозяева?—Да, кормилецъ.—А велико у васъ семейство?—Да всѣхъ-то душъ съ пятьдесятъ будетъ.—И живете нераздѣльно?—Нераздѣльно, отецъ родной.—Какъ же вы это умѣщаетесь?—Да вонъ въ трехъ избахъ, а четвертая свѣтлица есть для свадебокъ.—Многоли-жъ тебѣ лѣтъ, старикъ?—Кому, государь, мнѣ или сынку-то?—А это развѣ сынъ твой?—Какъ же, кормилецъ, вишь ему только осьмидесятый съ Петрова дня пошелъ.—Да тебѣ-то сколько-жъ?—Безъ двухъ годковъ сто будетъ.—Хорошо, старина, благодари Бога, что сподобилъ пожить столько; если въ семьѣ старшій есть, такъ и порядокъ есть и дѣло спорится.—Вѣстимо, родимый, безъ старшаго какой урядъ? Вотъ и я остался послѣ родителя батюшки чуть не малолѣтный, годковъ тридцати, и кабы не дѣдушка, дай Богъ ему здравствовать, то проку было бы немного.—А дѣдушка-то долго жилъ?—Да онъ и теперь еще здравствуетъ, только ноги плохо двигаются, все больше на палатяхъ пребываетъ.—Я обомлѣлъ и поскорѣе вошелъ въ избу, въ которой жило семейство этихъ Маѳусаиловъ.—Здорово, дѣдушка, сказалъ я, входя въ избу довольно громко, какъ поживаешь?—А ты кто такой? откликнулся съ палатей голосъ довольно зычный.—Вишь молодой баринъ пріѣхалъ, сказалъ ему внукъ, у насъ въ свѣтлицѣ стоять будетъ.—*Ну щожъ*, на здоровье, проговорилъ старикъ; надо барана зарѣзать, али птицу какую, да выломать медку.—Все есть, отвѣчалъ я, не тревожься старикъ; да скажи, не помѣшалъ ли я тебѣ; а если нѣтъ, такъ вотъ хотѣлъ бы спросить тебя кой о чемъ.—Ну *що жъ*, почему и не спросить; лѣтъ съ десять ничего ужъ не дѣлаю, на одномъ мѣстѣ лежу.—А много лѣтъ тебѣ?—Да Господь вѣдаетъ. Какъ наряжали подъ подводы Государю Петру Алексѣевичу, какъ въ Воронежъ ѣхалъ въ ту пору, было годковъ шестьдесятъ.—И ты видѣлъ Государя и помнишь его?—Ну какъ не помнить! Такой былъ дюжій, да здоровенной; а ужъ любопытный какой, и Господи упаси! Чего самъ не спрошаетъ, такъ другимъ спрошать велитъ; вишь провѣдалъ, что намъ было наказано отмалчиваться передъ нимъ: такъ бывало черезъ другихъ и норовитъ о чемъ-нибудь у насъ допытаться».

Я послѣ справился по ревизской сказкѣ о лѣтахъ этого старика: ему показано было 142 года; но всѣ думаютъ, что въ сущности онъ былъ старѣе. У меня недостало духа поближе взглянуть на эту развалину человѣческую».

Обжегся на молокѣ, будешь дуть и на воду, говоритъ пословица. Повѣривъ разсказамъ о рыбьемъ сукнѣ и домашнемъ Шампанскомъ, я, прежде чѣмъ повѣрить разсказу о долговѣчномъ крестьянинѣ, справился кой у кого о самомъ разскащикѣ; общій голосъ въ его пользу: 25 лѣтъ извѣстенъ въ Москвѣ за скромнѣйшаго и правдивѣйшаго человѣка, который, что̀ называется, лишняго слова не пуститъ на вѣтеръ.

21 Февраля, Середа. Сегодня пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Государя Уваровъ, а на дняхъ прибудетъ и князь Багратіонъ. Ждутъ также Александра Львовича Нарышкина для окончательнаго устройства и принятія театра въ вѣдѣніе императорской дирекціи. Надобно видѣть, въ какомъ восхищеніи актеры. Директоромъ, говорятъ, назначенъ будетъ Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора: богатъ, живетъ на роскошную ногу, знако̀мъ съ цѣлой Москвой, гостепріименъ и привѣтливъ, имѣетъ свой отличный оркестръ, словомъ настоящій директоръ императорскаго театра. Думаютъ, что это званіе введетъ его въ большія издержки; но чтожъ въ томъ худаго, если богатый человѣкъ употребитъ въ пользу службы свои избытки? Это похвальнѣе чѣмъ живиться и крохоборничать отъ службы, какъ то дѣлаютъ многіе.

23 Февраля, Пятница. Надъ нашей К. И. Яковлевой учреждается опекунство, только не такое нѣжное опекунство, подъ какимъ была она у маменьки и дядюшки до своего совершеннолѣтія. Нѣтъ, это опекунство будетъ тягостное, стѣснительное, жестокое, и стражемъ интересовъ любезной вѣтреницы назначается строгій и разчетливый генералъ Струговщиковъ. Увы! Ее разлучаютъ съ магазинами, съ мадамъ Шалме, Дюпаре́ и прочими отъявленными разбойницами, запрещаютъ забирать въ долгъ на Кузнецкомъ мосту всякое тряпье и подписывать счеты разныхъ усердныхъ прислужниковъ, не взглянувъ на итогъ. Увы, увы! А между тѣмъ имя и званіе искателя приключеній, увозившаго ее, сдѣлалось извѣстнымъ. Это какой-то пожилой полковникъ или генералъ, Дембровскій.

Князь Д. А. Хилковъ, не только не знакомый съ Катериной Ивановной, но и никогда ея не видавшій, играя однажды въ бостонъ у тетки ея, М. И. Суровщиковой, услышалъ, что пріѣхала какая-то дама, и въ другой комнатѣ громко разговариваетъ и поминутно хохочетъ, вдругъ, по-

ложивъ карты на столъ, сказалъ: Ахъ, Боже мой, какіе у этой дамы или барышни прекрасные зубы!—А почему вы такъ заключаете? спросилъ Жеребцовъ.—Да все хохочетъ, отвѣчалъ X., а не имѣя прекрасныхъ зубовъ, женщина хохотать не станетъ.—И въ самомъ дѣлѣ, у нея зубы, что̀ твои перлы, и рыжій князь Волконскій увѣряетъ, что онъ далъ бы за каждый по мужику. Бѣдный князь, видно его собственныя плохо жуютъ. Говорятъ, что эта перлозубая вѣтреница чуть ли не выходитъ замужъ за какого-то Шереметева. Пора, пора!

25 Февраля, Воскресенье. Вчера вечеромъ у князя Сибирскаго

Я познакомился съ одною
Распрепочтенною княжною
Елисаветой Трубецкою,

которая съ будущаго года намѣрена издавать *модный журналъ для женщинъ*, подъ заглавіемъ *Амуръ*. Не знаю кто могъ надоумить сіятельную издательницу просить у меня совѣта на счетъ эпиграфа къ будущему ея журналу, только она выбрала совѣтника не впопадъ. Я сказалъ ей, что къ такому журналу, который называется *Амуръ* и будетъ издаваться дамою, пріискать эпиграфъ очень нелегко, и что, по мнѣнію моему, для полнаго успѣха *въ столь важномъ дѣлѣ* ей слѣдуетъ обратиться за совѣтомъ къ кн. Шаликову, какъ лучшему спеціалисту въ столицѣ по части эпиграфовъ, мадригаловъ и всего, что̀ касается до амурной литературы. Княжна осталась очень довольна моимъ указаніемъ на князя Шаликова и хотѣла непремѣнно посовѣтоваться съ нимъ при первой встрѣчѣ *на Прѣсненскихъ Прудахъ*. Въ добрый часъ!

При семъ случаѣ я узналъ, что князь Юрій Трубецкой, переводчикъ съ Французскаго небольшой комедіи подъ заглавіемъ: *Платье безъ галуновъ*, есть близкій родственникъ будущей издательницы *Амура*. Видно, таланты наслѣдственны въ этой фамиліи.

Вотъ и еще одна дама, г-жа фонъ-Фрейтагъ, Марія-Франциска-Регина, урожденная Пфундхеллеръ, переводчица комедіи Гингера *Нашъ пострълъ вездѣ поспѣлъ*, и знаменитой Ифландовой драмы *Охотники* (скорѣе Стрѣлки, die Jäger), разрѣшилась оригинальною драмою въ пяти дѣйствіяхъ: *Великодушная Женщина*. Мнѣ случилось прочитать ее, и грѣшный человѣкъ, полагаю, что зрители слишкомъ будутъ *великодушны*, если при представленіи досидятъ до окончанія перваго дѣйствія.

26 Февраля, Понедѣльникъ. Вотъ романъ, такъ романъ, которымъ снабдилъ меня добрый Платонъ Петровичъ Бекетовъ. Вопервыхъ, одно имя героя уже приводитъ въ трепетъ: *Донъ Коррадо де-Геррера*! А эпи-

графъ? *Посмотрите, посмотрите! Всѣ законы свѣта нарушены, узы природы прерваны, древняя вражда изъ ада возникла!* Уу! Уу! такъ морозъ и подираетъ по кожѣ! И однакожъ этотъ романъ есть сочиненіе очень добраго, миролюбиваго и умнаго человѣка, бывшаго нашего студента *Гнѣдича.* Нѣкогда въ университетѣ его называли l'étudiant aux échasses, или просто *ходульникомъ*, потому что онъ любилъ говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству и случаю придавалъ какую-то важность. Между прочимъ онъ замѣчателенъ былъ неутомимымъ своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ, любовью къ древнимъ языкамъ и страстью къ нѣкоторымъ трагедіямъ Шекспира и Шиллера, изъ коихъ наиболѣе восхищался *Гамлетомъ* и *Заговоромъ Фіеско.* Х. А. Чеботаревъ очень уважалъ его, и когда во избѣжаніе припадковъ подагры или хирагры долженъ былъ по предписанію врачей рѣшаться на сильный моціонъ, то одного только Гнѣдича приглашалъ съ собою играть—въ бабки. Въ Гамлетѣ особенно нравилась Гнѣдичу сцена привидѣнія, а въ Фіеско монологъ Веррины, въ которомъ этотъ безпощадный заговорщикъ (каррикатура на Катона) говоритъ, что онъ «*готовъ распороть себѣ брюхо, вымотать изъ него кишки, свить изъ нихъ веревку и на ней удавиться*». Небось не вѣрится? Не угодно ли взглянуть? Трагедія напечатана у стараго нашего знакомца *Гари*, въ 1803 году, и продается по цѣнѣ неслыханной. И вотъ результатомъ этой страсти къ Гамлету и Фіеско появился Донъ Коррадо де-Геррера, или Духъ мщенія и варварства Испанцевъ!

А Бородулинъ тутъ какъ тутъ: вышелъ романъ, какъ обойдтись безъ эпиграммы?

Коррадо говоритъ,
Что *штуку* онъ такую сотворитъ,
Что лопнетъ адъ со смѣху *).
Онъ сдѣлаетъ потѣху:
Всѣ грѣшники лишатся ада,
Кромѣ читателей Коррада.

Натянулъ злодѣй, крѣпко натянулъ, да какъ быть! Подчасъ обмолвишься и вмѣсто умной глупости скажешь глупость и пошлую.

Гнѣдичъ, который увлекался всѣмъ, что̀ выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей, прочиталъ три раза Телемахиду отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней *безподобные* стихи, предпринялъ было сочиненіе какой-то драмы въ 15 дѣйствіяхъ, но не успѣлъ по случаю отъѣзда своего въ Петербургъ. Когда пріятели его, въ особенности смѣтливый Алексѣй Юшневскій, стали издѣваться надъ его намѣреніемъ,

*) Подлинное выраженіе Коррадо въ романѣ.

онъ доказывалъ, что большія піесы, въ которыхъ сюжетъ раздѣляется на нѣсколько сутокъ, совсѣмъ не диковина; что, не говоря уже о Нѣмецкихъ народныхъ представленіяхъ, каковы напр. Русалка и проч., состоящихъ изъ трехъ и болѣе частей, есть у Шиллера трагедія *Валенштейнъ* въ двухъ частяхъ, также какъ и у Шекспира *Король Генрихъ*, въ трехъ; а наконецъ, въ подтвержденіе своей мысли онъ откопалъ въ какой-то старой завалявшейся книгѣ, что въ Италіи (помнится въ Генуѣ) была представлена піеса: *Генрихъ IV*, въ 15-ти дѣйствіяхъ и 3-хъ частяхъ. Ее давали по три дня сряду, и каждую часть подъ особымъ названіемъ: 1) *Генрихъ король Наварскій при Французскомъ дворѣ;* 2) *Генрихъ IV въ лагерѣ*, или *сраженіе при Иври*; и 3) *Генрихъ IV на престолѣ*, или *торжественное вступленіе его въ Парижъ.*

А для чего вся эта театральная эрудиція, если не для извиненія безразсуднаго литературнаго предпріятія?

27 Февраля, Вторникъ. Бывшій Тамбовскій губернаторъ Александръ Борисовичъ Палицынъ, съ сыномъ котораго я учился въ пансіонѣ Ронка́, затащилъ меня къ себѣ по старому знакомству съ Тамбовскими моими родными. Преинтересный старикъ! Онъ кой-что пописывалъ и во время губернаторства, а теперь сдѣлался литераторомъ не на шутку; ни на часъ безъ дѣла, и занимается переводами сочиненій большею частію серьёзныхъ, перевелъ и издалъ: Макартнея, Делилевъ Диѳирамбъ на безсмертіе души, твореніе Жирардена о составленіи ландшафтовъ и Новую Элоизу Руссо. Кромѣ того я видѣлъ у него въ манускриптахъ почти уже изготовленныя къ изданію поэмы: Времена года Ст. Ламбера, и Сады аббата Делиля, и еще очень любопытное посланіе къ *Привѣтѣ*, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ Россійскихъ писателяхъ его времени. Вотъ каковы! Кажется, этотъ эксгубернаторъ съ большею пользою употребляетъ свое время, чѣмъ эксгубернаторъ добрѣйшій Маркловскій, составитель новой собачьей породы.

У Палицына встрѣтился я съ Алексѣемъ Дурновымъ, роднымъ племянникомъ земляка твоего Александра Воейкова, который задаетъ такіе славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измаилову, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многимъ другимъ у себя въ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Дурновъ, отлично играющій на скрипкѣ и флейтѣ и вообще величайшій охотникъ до музыки, съ энтузіазмомъ разсказывалъ объ изобрѣтеніи какимъ-то Парижскомъ часовщикомъ *Лораномъ* необыкновенной флейты изъ хрусталя, издающей такіе очаровательные звуки, что, слушая ихъ, какіе бы кто крѣпкіе нервы ни имѣлъ, а непремѣнно разразится рыданіемъ. Но это изобрѣтеніе ничто въ сравненіи съ тѣмъ, о которомъ разсказывала возвратившая-

ся изъ чужихъ краевъ извѣстная здѣшняя богачка Шепелева. Въ бытность ея въ Парижѣ выдумали и ввели въ большую моду какія-то прозрачныя рубашки, о которыхъ путешественница отзывалась съ восторгомъ такими словами: «не можете представить себѣ, что̀ это за прелестныя сорочки; какъ надѣнешь на себя, да осмотришься, ну такъ таки все насквозь и виднехонько».

28 Февраля, Середа. Утромъ заѣзжалъ къ откупщику Устинову, который иногда снабжаетъ меня по переводу отца деньжонками: *почиваетъ*! Заѣзжалъ къ нему во 2-мъ часу: *почиваетъ*! Заѣзжалъ вечеромъ, и отвѣтъ тотъ же, только въ множественномъ числѣ: *почиваютъ*! Ахъ, ты Господи! Со мною чуть ли не дѣлается тоже, что̀ съ однимъ путешественникомъ, который, пріѣхавъ въ Астрахань, тотчасъ отправился къ тамошнимъ Индѣйцамъ смотрѣть ихъ идоловъ. «Можно видѣть пагоду? спрашиваетъ онъ у привратника.—Нельзя, отвѣчаетъ привратникъ: идолы почиваютъ!—А когда же ихъ видѣть можно?—Когда проснутся.—Когда же они проснутся?—А когда *всѣ* въ городѣ започиваютъ.

На что̀ же тутъ ученье, если надобно къ разбогатѣвшему цѣловальнику ѣздить три раза въ день изъ собственныхъ своихъ ста-пятидесяти рублей, а онъ все почивать будетъ?

Разсказывали объ одномъ помѣщикѣ Долговѣ, большомъ ревнивцѣ, которому, по его мнѣнію, измѣнила молодая жена. Сутки двои или трои разъѣзжалъ онъ по роднымъ и знакомымъ своимъ разсказывать постигшее его бѣдствіе и объяснять всѣ подробности измѣны и случай, по которому онъ будто бы узналъ о ней. Никакія увѣщанія и представленія этихъ родныхъ и знакомыхъ и всѣ ихъ доводы къ извиненію поступка жены (какъ, напримѣръ, что онъ могъ ошибиться, что ненадобно принимать такъ горячо къ сердцу маленькаго кокетства молодой женщины и проч.) не могли успокоить несчастнаго мужа. Онъ хотѣлъ завести процессъ, покамѣстъ не напалъ на Михайла Константиновича Рѣдкина, очень-хладнокровнаго, очень добраго и чрезвычайно-здравомыслящгго и начитаннаго старика съ сократовской физіономіей. «А вотъ, изволишь видѣть, мой любезнѣйшій другъ» говорилъ Рѣдкинъ Долгову: «если и самомъ дѣлѣ приключеніе такое съ тобою послѣдовало и тебя не обманули глаза, такъ, по мнѣнію моему, все-таки печалиться очень не имѣется достаточной причины. Случалось ли тебѣ читать «Премудрость Соломоню», сирѣчь его «Притчи?» Если не случалось, такъ вотъ прочитай, что̀ онъ, величайшій изъ всѣхъ мудрецовъ прошедшихъ, настоящихъ и будушихъ, глаголетъ въ главѣ 30, стихѣ 18—20. Слѣдовательно, ужъ если великій Соломонъ почитаетъ невозможнымъ *уразумѣть* подлинность содѣянной невѣрности потому,

что она не оставляетъ по себѣ слѣда, такъ ужъ намъ-то съ тобой и подавно нечего искать, съ позволенія сказать, *пустаго мѣста*».

Вотъ что́ значитъ настоящее краснорѣчіе и кстати приведенный примѣръ изъ древнихъ писателей! Мужъ подумалъ, утѣшился и теперь опять разъѣзжаетъ по знакомымъ, но только для того, чтобъ каяться предъ ними въ слишкомъ поспѣшномъ и напрасномъ обвиненіи жены своей.

2 Марта, Пятница. Вчера изъѣздилъ полъ-Москвы съ поздравленіями имянинницъ и насилу сегодня отдохнулъ. Будь это не по обязанности, изъѣздилъ бы всю Москву и конечно бы вовсе не усталъ. Таковъ человѣкъ! Кончилъ день у Авдотьи Петровны Карамышевой, въ надеждѣ встрѣтить Петра Степановича Молчанова, котораго хозяйка завербовала къ себѣ въ племянники; но, вмѣсто этого любезнаго человѣка, встрѣтилъ братца ея, извѣстнаго кащея, Василья Петровича Нестерова, и нѣсколькихъ другихъ вовсе невзрачныхъ рожъ, которыя только и толковали, что о доходахъ да о количествѣ принадлежащихъ имъ душъ, вѣроятно, des véritables *âmes en peine* *). Тётушка очень сѣтовала на племянника, говорила прежде какими-то обиняками, а наконецъ, передъ ужиномъ, разразилась прямымъ и очень яснымъ упрекомъ: «Нынче, батюшка, случайные родные неслучайныхъ родныхъ и знать не хотятъ. Вотъ и нашъ оберъ-прокуроръ не удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ». Нечего сказать, превеселый вечеръ! Да и по дѣло́мъ: не умничай, и если тебѣ хорошо, то не ищи лучшаго. Отвечерялъ бы на Поварской, у Небольсиной, такъ нѣтъ: мы, видишь ты, прозираемъ въ будущее!

Получилъ письмо изъ Петербурга: просьба моя съ аттестатомъ представлена въ Иностранную Коллегію, и я въ скорости опредѣленъ буду. Зять Лабата, лейбъ-хирургъ Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ, просилъ министра Будберга, который далъ приказаніе не медлить опредѣленіемъ. Альбини же пишутъ, что они въ концѣ Апрѣля будутъ въ Москвѣ и надѣются, что я провожу ихъ въ Липецкъ; а за то, по окончаніи сезона водъ, они проводятъ меня въ Петербургъ. Schwester Dorchen отъ себя прибавляетъ, что, по принятымъ мѣрамъ, я, не смотря на опредѣленіе въ службу, могу до осени пожить на свободѣ, подъ предлогомъ пользованія Липецкими минеральными водами. Кажется, все улаживается по желанію, какъ нельзя лучше.

Благодаря покровителямъ моимъ, я попалъ въ число гостей на завтрашній обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ; слѣдовательно увижу героя

*) Душъ, подлинно находящихся въ страданіи (чей-то стихъ).

Багратіона лицомъ къ лицу; а праздникъ долженъ быть на славу: у садовниковъ Лебедева и Соколова подряжено однихъ цвѣтовъ для уборки лѣстницы и померанцевыхъ деревьевъ для украшенія стола, на двѣсти рублей.

4 Марта, Воскресенье.

Гость.—Благодарю за угощенье,
За ласку и за все-про все.
—Мысль хороша по исполненье (*въ сторону*),
Мнѣ кажется, ни то ни се.
Изъ оперы „Откупщикъ-хлѣбосолъ“.

Конечно, князь Багратіонъ не только сказать, но и подумать этого не можетъ. Пріемъ торжественный, радушіе необыкновенное, энтузіазмъ неподдѣльный и угощеніе подлинно на-славу: вотъ что̀ вчера встрѣтилъ желанный гость въ Англійскомъ клубѣ.

Столъ накрытъ былъ кувертовъ на 300, т. е. на все число наличныхъ членовъ клуба и 50 человѣкъ гостей; убранство великолѣпное, о провизіи нечего и говорить. Все, что̀ только можно было отъискать лучшаго и рѣдчайшаго изъ мясъ, рыбъ, зелени, винъ и плодовъ—все было отъискано и куплено за дорогую цѣну; а тѣ предметы, которыхъ, по раннему времени года, у торговцевъ въ продажѣ не было, доставлены богатыми владѣльцами изъ подмосковныхъ оранжерей безплатно: всѣ наперерывъ старались оказать чѣмъ-нибудь свое усердіе и участіе въ угощеніи.

Ровно въ два часа пополудни (обыкновенное время обѣдовъ въ клубѣ) пріѣхали: князь Багратіонъ, градоначальникъ и генералъ-адъютантъ Уваровъ, и вмѣстѣ вошли въ большую гостиную. Члены клуба, жадничая видѣть ближе героя, такъ столпились вокругъ его и въ дверяхъ, что старшины, предшествовавшіе ему и градоначальнику по обязанности, въ качествѣ хозяевъ, насилу могли проложить имъ дорогу. Князь Багратіонъ имѣетъ физіономію чисто-Грузинскую: большой съ горбиною носъ, брови дугою, глаза очень умные и быстрые; но въ тѣлодвиженіяхъ онъ показался мнѣ не очень ловкимъ.

Лишь только отворили двери въ столовую, оркестръ заигралъ тотъ же вѣчный Польскій, которымъ всегда начинаются танцы въ Благородномъ Собраніи: *Громъ побѣды раздавайся*! а старшины поднесли князю на серебряномъ подносѣ привѣтные стихи и тотчасъ же потомъ начали раздавать, или, вѣрнѣе, совать ихъ въ руки прочимъ присутствующимъ. Мнѣ досталось три экземпляра этого высокопарнаго произведенія Николева, въ которомъ, разумѣется, не обошлось безъ Тита, Цезаря, Алкида и прочихъ нехристей. Вотъ послѣдніе стихи.

Славь тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолѣ.
Будь купно страшный вождь и добрый человѣкъ,
Рифей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ.
Да счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты каковъ Багратіонъ,
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ Росскихъ болѣ.

За обѣдомъ князь сидѣлъ между двумя Александрами: А. А. Беклешовымъ и А. Л. Нарышкинымъ, а противъ нихъ двое старшинъ, для угощенія. За Нарышкинымъ особенно ухаживали князья Циціановъ и Грузинскій и В. А. Всеволожскій, подчивая его то тѣмъ-то другимъ, и надобно отдать ему справедливость, что онъ не обижалъ отказомъ. Съ Уваровымъ не разставался красавецъ генералъ, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Суворова, командующій здѣсь какимъ-то полкомъ (чуть-ли не Нашебургскимъ).

Съ третьяго блюда начались тосты, и когда дежурный старшина, бригадиръ графъ Толстой, вставъ, провозгласилъ: «Здоровье Государя Императора!» всѣ, начиная съ градоначальника, встали съ мѣстъ своихъ, и собраніе разразилось такимъ громогласнымъ «ура», что, кажется, встрепенулся бы и мертвый, еслибъ въ толпѣ этихъ людей, одушевленныхъ такою живою любовью къ государю и отечеству, могъ находиться мертвецъ. За симъ послѣдовалъ тостъ въ честь князя Багратіона, и такое же громкое «ура» трижды опять огласило залу. Но вмѣстѣ съ этимъ «ура» грянулъ хоръ пѣвчихъ, и вотъ раздалась, наконецъ, кантата Павла Ивановича Кутузова:

Тщетны Россамъ всѣ препоны;
Храбрость есть побѣдъ залогъ;
Есть у насъ Багратіоны:
Будутъ всѣ враги у ногъ!

Впродолженіе пѣнія этихъ комплетцовъ, какъ называлъ ихъ умный циникъ З. Н. Посниковъ (вмѣсто куплетцовъ), сочинитель поминутно выскакивалъ изъ-за стола, подбѣгалъ то къ градоначальнику, то къ князю Багратіону и къ другимъ почетнымъ лицамъ и одѣлялъ всѣхъ, кто только попадался подъ руку, экземплярами своей кантаты. Простодушный старикъ Бабеновъ, которому достался также экземпляръ этой кантаты, прочитывая ее нѣсколько разъ, никакъ не могъ вразумиться, кому именно принадлежатъ эти ноги, у которыхъ будутъ враги, упоминаемые въ послѣднемъ куплетѣ, и адресовался ко многимъ съ просьбою разрѣшить его недоумѣніе. «Тутъ нечего и думать», преважно замѣтилъ ему красноносый весельчакъ Дружининъ, «смыслъ этого стиха (будутъ всѣ враги у ногъ) есть тотъ, что всѣ враги бу-

дутъ побѣждены нами, т. е. Русскими. Конечно, авторъ могъ бы сказать это яснѣе: «будетъ врагъ у нашихъ ногъ»; но, какъ быть? Въ пылу поэтическаго вдохновенія немудрено ошибиться выраженіемъ. Ай-да толки! Вотъ чтó называется пересыпáть изъ пустаго въ порожнее.

Между тѣмъ тосты продолжались: сперва въ честь почтеннаго начальника Александра Андреевича, А. Л. Нарышкина и генералъ-адъютанта Уварова, потомъ нѣкоторыхъ почтенныхъ Москвичей: князя Долгорукова, Апраксина, Валуева и многихъ другихъ, и наконецъ, старшинъ клуба и всѣхъ его членовъ. Эти тосты были причиною, что многіе нечувствительно понаклюкались. По окончаніи обѣда гости перешли въ гостиную, и тамъ старшины объявили князю Багратіону, что онъ единогласно и безъ балотировки избранъ членомъ клуба въ воспоминаніе того дня, въ который онъ осчастливилъ клубъ своимъ посѣщеніемъ. Этой церемоніи я не видалъ, потому-что въ гостиную попасть не могъ—et pour cause.

Многіе утверждали, что генералъ Уваровъ присланъ отъ Государя съ секретнымъ порученіемъ узнать мнѣніе Московской публики насчетъ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія и дѣлаемыхъ приготовленій къ новой войнѣ съ Французами. Не думаю: это просто пустыя разглагольствія. Государь, вѣроятно, знаетъ и безъ того, что мнѣніе Москвы состоитъ единственно въ томъ, чтобы не имѣть никакого мнѣнія, а дѣлать только угодное Государю, въ полной къ нему довѣренности.

7 Марта, Среда. Нейкомъ написалъ прелестную музыку на двѣ небольшія комическія интермедіи, сочиненія Гунніуса: Der Schauspiel-Director und Ehestand—Wehestand. [1]) Какой разнообразный и вмѣстѣ какой трудолюбивый талантъ этотъ Нейкомъ! Не проходитъ недѣли, чтобы онъ не попотчивалъ публику чѣмъ-нибудь новымъ: то сочинитъ сонату, то симфонію, то квартетъ, и вотъ, pour changer [2]), написалъ въ одно почти время двѣ интермедіи! Теперь оканчиваетъ хоры для элегическо-драматическаго представленія, которое будетъ дано въ воспоминаніе усопшаго Штейнсберга. Это Elegisch [3]) dramatiche Vorstellung сочинилъ Гейдеке. Начало не слишкомъ поэтическое:

> Auch hieger jagt das ruhelose Herz,
> Verfolgend unbesiegbar mit derbem Schmerz [4])

(т. е. какъ водится у Нѣмцевъ: гдѣ Herz, тутъ и Schmerz)

[1]) Директоръ театра и Брачное положеніе—горькое положеніе.

[2]) Для перемѣны.

[3]) Элегически-драматическое представленіе.

[4]) Даже сюда стремится безпокойное сердце, неустанно преслѣдуемое горькимъ страданіемъ.

Entflohne Lust
Aus Freundes Brust [5])

и опять, разумѣется, гдѣ Lust, тутъ и Brust; однакожъ умный пробстъ скоро поправляется:

Der Liebe Thränen,
Der Freundschaft Sehnen
Ist alles nicht genug die Vorsicht zu versöhnen,
Den Menschen Werth durch Menschen Todt verhöhnen [6]).

Но дѣло не въ стихахъ, а въ музыкѣ. Я слышалъ нѣкоторые хоры—прелесть! Передъ пьесою исполненъ будетъ небольшой реквіемъ, сочиненія также Нейкома; есть аккорды, раздирающіе душу.

По смерти Штейнсберга какъ-то пропадаетъ охота ѣздить къ Нѣмцамъ. Ни скромная прелестница *Шредеръ*, ни болтливая кокетка *Кафка*, однѣ не въ-состояніи поддержать тѣхъ пьесъ, въ которыхъ играли онѣ съ Штейнсбергомъ. Устоятъ развѣ однѣ только большія оперы, по милости Соломони, Гальтенгофа и Гунніуса.

Въ два съ небольшимъ года Штейнсбергъ «Русалками», «Чертовою Мельницею» и «Духовидцемъ» (Das neue Sonntagskind) пріобрѣлъ тысячъ до 20 рублей, которые оставилъ женѣ своей, доброй, безталанной Нѣмочкѣ. Будетъ ли она умѣть сохранить ихъ? Едва-ли. Чудное дѣло! Кажется, вдова Штейнсберга должна была бы въ своемъ кругу внушать къ себѣ уваженіе, а между тѣмъ этого вовсе нѣтъ. Вотъ ужъ она и сбирается въ Петербургъ вмѣстѣ съ Кистеромъ. Добрый путь, милая Anastasia! Мы не забудемъ вашего супруга, а снѣгирь Nemo не забудетъ васъ и вашей полновѣсной пощечины.

8 Марта, Четвергъ. Штейнсбергъ былъ не только отличный актёръ, но и отличный поэтъ. Хотя поэзія его, какъ поэзія и всѣхъ Нѣмецкихъ студентовъ, воспитывавшихся подъ вліяніемъ Кантовой философіи, нѣсколько отвлеченна и туманна; но за-то недостатокъ этотъ искупается необыкновенною энергіею мыслей и выраженій. Рифмы Штейнсбергу ни почемъ и нисколько его не затрудняютъ. Какъ хороши его октавы, къ которымъ прибранъ имъ такъ счастливо эпиграфъ:

Si male nunc, non olim sic erit [7]).
Der Gegenwart will sich der Geist entschwingen! и проч. [8])

[5]) Отлетѣвшая радость изъ груди друга.

[6]) Слезы любви, тоска дружбы, всего этого недостаточно для умилостивленія судьбы, смертью человѣка посмѣвающейся надъ достоинствомъ человѣка.

[7]) Если плохо теперь, то никогда не будетъ такъ.

[8]) Духъ желаетъ воспарить надъ настоящимъ.

Все стихотвореніе отъ начала до конца выдержано мастерски, а окончаніе его въ особенности превосходно. На дняхъ спишу его непремѣнно цѣликомъ, на досугѣ переведу и посвящу Мерзлякову. Это, вопервыхъ, будетъ посильная дань моей къ нему благодарности, а вовторыхъ—небольшой косвенный упрекъ за то, что онъ не любитъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

10 Марта, Суббота. Послѣ клубнаго обѣда князю Багратіону и послѣ частныхъ угощеній, которыми Москва чествовала дорогаго гостя и другихъ Петербургскихъ пріѣзжихъ, она отдыхаетъ. Пора! Надобно же веселой старушкѣ Москвѣ переварить всѣ съѣденныя ею стерляди и выпитое Шампанское. Теперь настоящій постъ: тихо и смирно, ни обѣдовъ, ни новостей.

Говорятъ, что обязанности скучны; но я начинаю находить, что скучно и безъ обязанностей. Рѣшился опять таскаться по лекціямъ, что̀ очень утѣшаетъ моего Петра Ивановича; а между тѣмъ продолжается переписка насчетъ моего опредѣленія въ службу. Не знаю, ка̀къ благодарить моихъ добрыхъ покровителей за всѣ хлопоты, которыя они на себя по сему случаю принимаютъ.

У князя Ивана Сергѣевича Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тóнчи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ какъ лунь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около шестидесяти; но, по живости разговора, нельзя дать ему и сорока. Онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ! Кажется, живописецъ, а стóитъ любаго профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Толковалъ о политикѣ, наукахъ, современныхъ открытіяхъ, разсказывалъ разные анекдоты, одинъ другаго занимательнѣе. Я слушалъ разиня ротъ, и не видалъ ка̀къ пролетѣло время. Между прочимъ, онъ сказывалъ, что когда въ Луккѣ захотѣли образовать муниципалитетъ, то одинъ острякъ изъ слова municipalità сдѣлалъ прекрасную анаграмму, которая можетъ идти за эпиграмму: Capi mal uniti [1]). Разсуждая о сходствѣ Латинскаго и Итальянскаго языковъ, онъ разсказалъ слѣдующій анекдотъ. Нѣкоторые богатые жители въ Веронѣ, построивъ часовню Богоматери, захотѣли украсить ее приличною надписью; но вышло затрудненіе: одна половина строителей желала, чтобъ надпись сдѣлана была на Латинскомъ языкѣ, а другая настаивала, чтобъ она была на Итальянскомъ. Долго продолжался споръ, покамѣстъ одинъ находчивый академикъ не помирилъ обѣ стороны, сдѣлавъ слѣдующую надпись:

[1]) Головы плохо подобранныя.

x) По словам гр. Лид. Ростопчиной, Тончи жил в Воронове у Ф. В. Ростопчина в период 1801–1812 (Les Rostopchine, ...igues de famille, Paris 1905)

In mare, in terra, in subita procella
Invoquo te Maria, benigna stella [2]).

Всѣ были удовлетворены: для однихъ надпись была Латинская, для другихъ Итальянская. Въ примѣръ необыкновенной гибкости Латинскаго языка, Тончи написалъ одну фразу, которую читай какъ хочешь, съ начала или съ конца, буква въ букву, и она сохраняетъ свой смыслъ:

In girum imus noctu ut consumimur igni [3])

Что̀ за любезный человѣкъ, и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи! Послѣ всего, что̀ я слышалъ о немъ и отъ него, не удивляюсь, что Русская княжна вышла за Итальянскаго живописца. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи. Микель-Анджело и Сальваторъ-Роза были также поэты. Въ альбомѣ одной изъ его свояченицъ я читалъ написанные имъ стихи; не ручаюсь, чтобъ они были его сочиненія, но, во всякомъ случаѣ, выборъ дѣлаетъ честь его вкусу.

Il passato non è, ma se lo finge
La vana rimembranza.
Il futuro non è, ma se lo pinge
L'indomita speranza.
Il presente sol è, ma in un baleno
Passa del nulla in seno.
Dunque, la vita è appunto
Una memoria, una speranza, un punto [4]).

Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ иногда только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ съ стараго князя—произведеніе образцовое: кромѣ необычнаго сходства, какая работа и какой колоритъ! Точно живой, такъ и выходитъ изъ полотна; но, говорятъ, что этотъ портретъ, какъ онъ ни превосходенъ, ничто въ сравненіи съ портретомъ Державина, писаннымъ въ Петербургѣ. Тончи ни за что̀ не хотѣлъ представить поэта въ парикѣ, а Державинъ не соглашался писать себя плѣшивымъ, и потому художникъ придумалъ надѣть на него Русскую соболью шапку. Сказываютъ, что это верхъ совершенства.

[2]) На морѣ, на землѣ, во время внезапной бури, призываю тебя, Марія, благословенная звѣзда.

[3]) Мы входимъ ночью въ кругъ, чтобы быть охваченными огнемъ.

[4]) Нѣтъ прошедшаго, но его воображаетъ тщетное воспоминаніе. Нѣтъ будущаго—его срисуетъ необузданная надежда. Есть одно настоящее, но въ одно мгновеніе оно переходитъ въ лоно небытія. Итакъ поистинѣ жизнь есть воспоминаніе, надежда, мгновеніе.

14 Марта, Среда. Здѣшній губернскій предводитель, князь Дашковъ, сынъ знаменитой княгини Екатерины Романовны, получилъ Александровскую ленту. По сему случаю князь, несмотря на великій постъ, хотѣлъ дать огромный балъ и пировать на славу, но главнокомандующій отсовѣтовалъ; говоритъ: «неприлично; лучше дай обѣдъ, или подожди до Пасхи». Князь согласился съ радостью, а между тѣмъ беретъ четырехъ сиротъ изъ бѣдныхъ дворянъ на свое воспитаніе. Добрякъ!

А. С. Черепановъ разсказывалъ, что сосѣди его, здѣшніе откупщики, по простонародному «компанейщики», перессорились между собою изъ пустяковъ. Пріѣхавъ вечеромъ съ какого-то обѣда на засѣданіе въ контору, одинъ изъ трехъ присутствовавшихъ расхвастался передъ товарищами объ услугахъ его общему дѣлу, утверждая, что, еслибъ не онъ, то не миновать бы убытковъ, и вся бы компанія къ чорту. Это задѣло за живое твоего beau-frère, Прокофья Михайловича Семенова, который не безъ основанія полагалъ себя посмышленѣе, и вотъ онъ, пріосанившись, отвѣчалъ: «Можетъ быть, и такъ, Петръ Тимоѳеичъ. Конечно, ты мудрёнъ, а всетаки загадки моей не разгадаешь».—«Ну-ка, попробуй загадать; такъ увидишь, что разгадаю».—«Нѣтъ, не разгадаешь».—«Да ужъ разгадаю», живо отвѣчалъ Бородинъ.—«Ну, слушай, Петръ Тимоѳеичъ, да слушай обоими: эйнъ, цвей, дрей—что̀ это такое?» Бородинъ призадумался, понасупился и вспыхнулъ.—«Ну, слушай же ты меня, Прошка! Этой загадки, конечно, я не разгадаю, да ужъ и обиды такой тебѣ не спущу: откупъ лопни хоть сейчасъ, а я тебѣ не дольщикъ!» Съ этими словами онъ вскочилъ съ кресла—и былъ таковъ! На другой только день хромой *Соловой* успѣлъ помирить товарищей.

21 Марта, Лазарева Субота. Гулянье на славу! Погода прекрасная. Небольшой морозъ осушилъ площадь. Щегольскихъ экипажей множество. Были кавалькады, въ которыхъ отличились князь Касаткинъ и Зотовъ, первый на какомъ-то Арабскомъ или Турецкомъ жеребцѣ, который все время прыгалъ подъ своимъ всадникомъ. Сѣдло и сбруя Турецкія, облитыя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными каменьями—очень картинно; но было бы еще картиннѣе, еслибъ всадникъ самъ былъ въ Турецкомъ костюмѣ, а то убранство лошади не согласовалось съ синимъ фракомъ и чернымъ спенсеромъ: точно какъ будто и сѣдло, и мундштукъ взяты были на прокатъ у Лухманова. Другой выѣхалъ настоящимъ Англійскимъ джентльменомъ: на рыжемъ жеребцѣ съ проточиною во весь лобъ, сбруя новенькая, только-что изъ мастерской Шульца, легонькій мундштукъ съ серебряными удилами; самъ всадникъ въ черномъ фракѣ и сапогахъ съ отворотами—просто, красиво и на-

рядно. Княжны Щербатовы изъ новой зеленой кареты своей глазъ съ него не спускали; да видишь, не то время!

Обѣдалъ у Катерины Александровны *) и, къ великому моему удовольствію, встрѣтилъ, наконецъ, почтеннаго Якова Ивановича Булгакова, котораго такъ давно мнѣ хотѣлось увидѣть поближе. Онъ живетъ неподалеку отъ Катерины Александровны и называетъ ее милой сосѣдушкой. Яковъ Ивановичъ находился въ дружескихъ связяхъ съ покойнымъ ея мужемъ, и оба были близки къ князю Потемкину. Булгаковъ имѣетъ замѣчательную наружность: лицо умное и серьезное, однакожъ не безъ пріятности; довольно тученъ, но въ движеніяхъ свободенъ и ловокъ; говоритъ какъ книга. Гдѣ онъ не былъ, чего не видалъ и чего не испыталъ въ своей жизни! Трудолюбіе—отличительное его качество. Говорятъ, что онъ не можетъ ни минуты оставаться празднымъ: не пишетъ, такъ читаетъ. П. И. Страховъ сказывалъ, что онъ подарилъ ему свой переводъ первой части «Анахарсиса» и склонилъ его переводить послѣднія. Непостижимо, какъ этотъ человѣкъ, при дѣятельности ума своего, живетъ безъ службы! Очень любитъ Москву. Онъ утверждалъ, что для людей, окончившихъ почему бы то ни было служебное поприще, нѣтъ лучшаго пріюта въ мірѣ, какъ Москва. При этихъ словахъ мнѣ пришли на память прекрасные стихи Карамзина:

Кто въ мірѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ;

а Булгаковъ, кажется, находилъ это счастіе повсюду, даже и въ Семибашенномъ Замкѣ, куда онъ заточенъ былъ Турецкимъ правительствомъ: оставаясь тамъ въ заключеніи болѣе двухъ лѣтъ, онъ умѣлъ не соскучиться и перевелъ «Всемірнаго Путешествователя», первую книгу гражданской печати, которую я читалъ въ моемъ дѣтствѣ. Я думаю, оттого-то я съ такимъ любопытствомъ смотрѣлъ на Булгакова и слушалъ его съ такою жадностью.

4 Апрѣля, Середа Святой недѣли. Христосъ Воскресе!

Праздничные визиты мои кончены: я обрыскалъ весь городъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые изъ самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ какъ-будто на меня дуются. Не знаю причины, что̀ я имъ сдѣлалъ. Не за то ли, что рѣдко у нихъ бываю? Да что̀ имъ во мнѣ? Чувствую, что съ каждымъ днемъ я становлюсь ничтожнѣе и скучнѣе. Они называютъ меня, какъ будто въ шутку, Нѣмцемъ; но это не шутка, а намёкъ, который я понимаю, хотя и безотчетно. Чтобъ отмстить имъ,

*) Муромцовой. П. Б.

я и въ самомъ дѣлѣ отправился къ Нѣмцамъ. Милая малютка Шредеръ въ первый разъ играла послѣ тяжкой своей болѣзни. Мать была такъ рада ея выздоровленію, что все представленіе проплакала отъ удовольствія. Эта чувствительность меня тронула; да и со времени пропѣтой ею мнѣ Русской пѣсни почти у самаго смертнаго одра бѣднаго Штейнсберга, я какъ-то очень полюбилъ эту хорошенькую женщину, несмотря на то, что она актриса, которыхъ я не великій поклонникъ. Въ управленіи Нѣмецкаго театра замѣтна большая перемѣна; по всему видно, что Штейнсберга нѣтъ, умнаго, добраго Штейнсберга, котораго обыкновенная поговорка была:

Ein jeder lerne seine Lection,
So wird es wohl im Hause flohn [1]).

Теперь всякій дѣлаетъ, что̀ хочетъ. Нехудо бы А. Муромцову заняться попристальнѣе своимъ дѣломъ; иначе, оно идти не можетъ, и ему предстоитъ худой конецъ: закрытіе театра, чего очень опасаются актёры. Куда имъ дѣваться? Не всѣ имѣютъ талантъ мамзель Штейнъ, вышедшей замужъ за Гебгардта и тотчасъ же опредѣленной на театръ Петербургскій. Впрочемъ, для меня теперь все равно: я и самъ скоро уѣду; но жаль старыхъ знакомцевъ: разбредутся Богъ вѣсть куда. Сказывали, что Арресто уѣхалъ въ Вѣну и что роль маркиза Позы въ «Донъ-Карлосѣ» играетъ теперь Кудичъ, который его не сто̀итъ.

7 Апрѣля, Субота. Пишутъ изъ Петербурга, что непремѣнно скоро опредѣленъ буду. Дай Богъ! Сколько молодыхъ людей, не старѣе меня лѣтами, давнымъ давно не только опредѣлены, но, по какому-то слѣпому счастію, имѣютъ уже и чины: кто переводчикъ, кто коллежскій ассессоръ; а есть нѣкто, Горяиновъ, который еще въ пансіонѣ у Ронка̀ былъ надворнымъ совѣтникомъ. Не знаю, какъ это дѣлается; только, признаюсь, хотѣлось бы того же и мнѣ; да, видно, не всякому на роду написано быть тѣмъ, чѣмъ кто хочетъ, а только тѣмъ, чѣмъ Богъ велитъ. Такъ будь же Его святая воля! Дарья Егоровна приписываетъ:

Weine nicht, es ist vergebens.
Jede Freude dieses Lebens
Ist ein Traum der Phantasie.
Mühe dich es zu vergessen,
Dass du einst ein Glück besessen;
Denke, du besasst es nie [2]).

[1]) Всякій учи свой урокъ, и въ домѣ будетъ хорошо.

[2]) Не плачь—это напрасно. Всякая радость здѣшней жизни есть греза нашей фантазіи. Постарайся забыть, что ты нѣкогда обладалъ счастіемъ; думай, что этого не было.

Это легко сказать, но трудно выполнить.

Года два назадъ, генералъ Чесменскій завелъ прекрасную фабрику разныхъ машинъ и орудій земледѣльческихъ. Теперь вошло въ моду ѣздить на обозрѣніе этой фабрики, и если бы дорога была лучше, то вся Москва поскакала бы любоваться заведеніемъ. Устройство на Англійскій манеръ и много рабочихъ людей изъ Англичанъ. Скептикъ Демидовъ утверждаетъ, что Москвичи ѣздятъ на фабрику не смотрѣть и не учиться, а сытно пообѣдать и попить хорошаго вина. Это легко можетъ быть; да зачѣмъ же придумывать все въ худую сторону?

Соученикъ мой, Николай Ѳедоровичъ Граматинъ, получившій золотую медаль и остающійся еще въ пансіонѣ для полученія степени кандидата, задумалъ состязаться съ профессоромъ своимъ, И. А. Геймомъ, въ изданіи Французско-русскаго лексикона. Нѣтъ сомнѣнія, что Граматинъ знаетъ по-русски лучше Гейма, но за то чрезвычайно смѣшонъ съ своими логическими выводами. Напр., слово accoucheur онъ переводитъ словомъ «повивальный дѣдъ».—«Да почему же accoucheur повивальный дѣдъ?» спрашивалъ его Проташинскій.—«А потому, что если есть повивальная бабка, такъ почему же не быть и повивальному дѣду? Вѣдь ремесло одно и тоже».—Ну какъ не вспомнить Эмина:

> Коль есть въ планетахъ Раки,
> Такъ почему жь не быть тамъ и моей собакѣ?

11 Апрѣля, Среда. Съ нынѣшняго дня Русскій театръ поступилъ въ казенное вѣдомство, и въ первый разъ актеры играли подъ названіемъ актеровъ императорскихъ. Давали драму: «Бѣдность и благородство души» и комедію: «Слуга двухъ господъ». Каждый изъ дѣйствующихъ лицъ выросъ на пол-аршина, кромѣ Плавильщикова и Сандуновыхъ, которые нѣкогда уже были придворными актерами. Впрочемъ, какъ эти господа ни скрываютъ свое удовольствіе, а оно написано на лицахъ ихъ. Бездѣлица! Имъ зачитаютъ все время бытности ихъ при частномъ театрѣ для полученія пенсіоновъ. Но для нѣкоторыхъ другихъ это событіе еще важнѣе: они пріобрѣтаютъ желанную букву г. къ своимъ фамиліямъ и, сколько я замѣтить могъ, Кураевъ, Волковъ, Лисицыны и tutti quanti съ театровъ Столыпина и князя Волконскаго ходятъ уже съ возвышенными главами, а нѣкоторые даже и съ отяжелѣвшими. Лисицынъ, на радости, безпрестанно пѣлъ изъ какой-то оперы, въ которой онъ играетъ роль слуги-дурака:

> У насъ деревня близъ Китая,
> Гдѣ очень, очень много чая!

«Слава Богу, что нѣтъ рому», сказалъ ему Зловъ, «а то бы ты съ чаемъ-то разомъ его выпилъ». Нашъ Петръ Васильевичъ очень смѣ-

шонъ: за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Графъ Растопчинъ очень любитъ Злова и приглашаетъ его иногда къ себѣ.

13 Апрѣля, Воскресенье. Обѣдалъ у Антонскаго съ Страховымъ, протоіереемъ Малиновскимъ, Мерзляковымъ, Буле, Двигубскимъ, Буринскимъ и Петромъ Ивановичемъ, которому онъ поручилъ непремѣнно привезти меня.—«Своего-та привезите», сказалъ онъ Петру Ивановичу, «мы съ нимъ жили-та не въ большомъ ладу, надобно помириться-та». Сверхъ чаянія моего, обѣдъ былъ очень веселый и очень сытный. Говорили большею частью о новыхъ университетахъ: Харьковскомъ и Казанскомъ, открытыхъ въ прошедшемъ году; хвалили очень выборъ кураторовъ: графа Потоцкаго и Румовскаго. Страховъ утверждалъ, что они отлично знаютъ свое дѣло. Превозносили Государя, который такъ печется о распространеніи просвѣщенія, и удивлялись, какъ въ такое безпокойное военное время онъ успѣваетъ всѣмъ заниматься. Страховъ спрашивалъ Буле и Двигубскаго, готовятъ ли они что-нибудь къ торжественному акту? Буле отвѣчалъ, что онъ намѣренъ написать диссертацію *о лучшемъ способѣ сочинить исторію народовъ, населявшихъ Россію прежде IX вѣка*; а Двигубскій объявилъ, что будетъ говорить *о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности*. Слава Богу! Это ужъ не прежнія сухія разсужденія, никого неинтересующія; слѣдовательно, на актѣ будутъ говорить и слушать дѣльное. Отецъ Θеодоръ сказывалъ, что и онъ, на старости лѣтъ, хочетъ произнести, можетъ-быть въ послѣдній разъ, написанное уже имъ слово о томъ, что *милость есть главная обязанность, достойная человѣка, и вмѣстѣ собственное его благополучіе.* Пили за здоровье Государя, министра просвѣщенія, куратора и Страхова, какъ ректора университета; а при концѣ обѣда хозяинъ предложилъ выпить и заупокойную чашу въ воспоминаніе почтеннаго Харитона Андреевича, скончавшагося въ началѣ прошлаго года. Между прочимъ, Страховъ объявилъ, что мы, наконецъ, будемъ имѣть краткую исторію университета, которою занимается Павелъ Аθанасьевичъ Сахацкій, по давнему желанію куратора М. Н. Муравьева.

18 Апрѣля, Среда. Наши опять будутъ жить лѣтомъ въ Липецкѣ и поручили мнѣ закупить запасъ вина. Я не очень радъ этой коммиссіи, потому что вйна вздорожали. Я боюсь сдѣлать имъ пренепріятный сюрпризъ: они не ожидаютъ такихъ цѣнъ. Говорятъ, что еще будетъ дороже съ возвышеніемъ курса на серебро и золото. Серебряный рубль ходитъ уже 1 рубл. 31 коп., имперіалъ—13 рубл. 30 коп. и червонецъ 3 рубл. 98 коп. Цѣна вину лучшихъ сортовъ слѣдующая: Шампанское

3 рубл. 50 коп. бут., Венгерское 3 руб., рейнвейнъ 2 р. 50 к., малага 1 рубл. 25 коп., мадера 1 р. 50 коп., медокъ ведро 9 р., францвейнъ 8 рубл., водка Бордоская 3 р. 50 коп. штофъ. Но пусть уже это вина Французскія, и возвышеніе на нихъ цѣны можетъ имѣть причину въ возвышеніи курса на золото и серебро; да за что же вина и водки Русскія также въ цѣнахъ возвышаются? Напримѣръ, бутылка горскаго стоитъ 1 рубль 50 коп., Цимлянскаго 1 рубль, и Кизлярской водки штофъ 2 рубля. Очень непріятно, а между тѣмъ дѣлать нечего, и купить надобно.

Если опредѣленіе мое въ службу замедлится, то я и самъ уѣду въ Липецкъ, и тогда снабди меня однимъ изъ Дураковъ моихъ. Впрочемъ, все должно рѣшиться недѣли черезъ двѣ. Въ первыхъ числахъ Мая Альбини будутъ проѣздомъ въ Москвѣ, и я достовѣрно узнаю, чего мнѣ ожидать должно.

23 Апрѣля, Воскресенье. Сегодня на Нѣмецкомъ театрѣ «Das neue Sonntagskind», а на Русскомъ *Крестьянинъ маркизъ или колбасники*, Паэзіелло. Меня подмывало и туда и сюда, но я рѣшился измѣнить Нѣмцамъ для Сандуновой и Волкова—и раскаялся: въ Нѣмецкомъ театрѣ проболталъ бы, по крайней мѣрѣ, за кулисами съ Нѣмецкими чечотками и похохоталъ надъ уморительнымъ Коропомъ въ роли нашего брата, недоученаго студента; а то просидѣлъ три часа на партерной лавкѣ съ какимъ-то купцомъ, который не давалъ мнѣ слушать музыки своими вопросами, примѣчаніями и замѣчаніями. Выйдетъ ли на сцену Сандунова—вопросъ: «Вѣдь это, батюшка, Сандуниха?»—«Да-съ.»—«Вишь какая здоровенькая!»—«Да-съ.»—Появится ли Волковъ: «Вѣдь это, батюшка, тотъ, что̀ Тарабара-то представляетъ?»—«Да-съ.»—«Вишь какой красноносый! А зачѣмъ же, батюшка, онъ въ парикѣ?»—«Такъ надо-съ.»—«А отчего же, батюшка, онъ какъ будто по-собачьи лаетъ?»—«Такъ надобно-съ.»—«Этакой Маркобрунъ! А позвольте спросить, мой отецъ, вѣдь это комедія что ли?»—«Нѣтъ-съ, опера.»—«Такъ-съ!» Словомъ, душу вытянулъ, злодѣй, надоѣлъ до смерти! Сказывали, что цѣны на ложи и кресла будутъ прибавлены, но партеръ останется въ прежней цѣнѣ.

При выходѣ изъ театра встрѣтилъ генерала Петра Семеновича Муравьева, пріѣхавшаго изъ деревни нарочно для скачекъ, которыя начнутся съ 6-го Мая. Онъ привелъ трехъ скакуновъ для состязанія съ лошадьми графа Орлова, и говоритъ, что надѣется обскакать ихъ. Не мудрено: въ прошломъ году выигралъ жеребецъ его *Травлеръ*; правда, что онъ былъ выписной, а лошади графа Орлова и другихъ охотниковъ доморощенныя. Петръ Семеновичъ обѣщался свозить меня

на Донское Поле посмотрѣть на приготовленіе лошадей его къ скачкѣ. Не знаю, сдержитъ ли слово, но, признаюсь, поѣхалъ бы съ нимъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ далъ мнѣ печатное объявленіе объ этихъ скачкахъ, съ котораго вотъ и списокъ.

«Назначаются на Донскомъ Полѣ скачки по 500 рублей каждая, съ подпискою за каждую лошадь по 100 рублей. Каждая скачка съ перескачкою.

	Для лошадей. Лѣта.	Дистанція. Версты.	Вѣсъ. Пуды.	Фунты.
6 Мая	5	6	3	15
14 »	4	4	3	6
21 »	5	6	3	15
27 »	3	2	3	6
3 Іюня	3	2	3	6
10 »	5	6	3	15
17 »	4	4	3	6
25 »	5	6	3	15
	6	—	3	19
	7	—	3	23

«Если трехлѣтки поскачутъ съ старшими лошадьми, то имъ имѣть 2 п. 20 ф.»

27 Апрѣля, Пятница. По случаю помолвки Луизы Эренталь съ майоромъ Безсоновымъ, пасторъ Гейдеке послалъ ей черный вуаль при прекрасныхъ стихахъ. Перевожу ихъ буквально прозою: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

«Къ грѣшницѣ».

„Какъ бываетъ сладостно сердцу, когда случается встрѣтить такое доброе и милое существо, какъ ты, Луиза, хотя доселѣ и была ты опутана страстями! Но если Богъ милосердствуетъ къ бѣднымъ грѣшникамъ. Если прощаетъ Богъ, то какъ смѣетъ не простить человѣкъ? Не отчаявайся ты, слабая дѣва: въ искренности покаянія твоего заключается твое искупленіе. Тому, кто прибѣгаетъ къ раскаянію, Всемогущій внезапно ниспосылаетъ лучшій изъ даровъ Своихъ—святую, многожеланную надежду. А я, твой вѣрный, почти отжившій уже другъ, посылаю тебѣ печальное покрывало покаянія: прикрой имъ все твое прошедшее, всѣ бѣдственныя случайности твоей жизни".

Разумѣется, что это слабая копія съ прекраснаго оригинала. Гейдеке изъ всякаго случая всегда выведетъ поэтическое и вмѣстѣ христіанское заключеніе. Былъ у Всеволожскихъ. Сказывали, что будто-бы въ Москву назначается другой губернаторъ и что самъ Александръ Андреевичъ просится въ отставку. Не думаютъ, однакожъ, чтобъ его отпустили, а развѣ дадутъ другое назначеніе.

Оберъ-прокуроръ Боборыкинъ разсказывалъ, что онъ опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію одного пріѣзжаго изъ Орла, бѣднаго гимназиста, вотъ по какому случаю. Этотъ гимназистъ, Корнильевъ, сынъ

x) Ефим Ефим. Ренкевич, (род. 1772 + 19 III 1834 г.) был Москов. Вице губ-ром а с 24 I 1830 г. Вятским губернатором, женат на Александре Алексеевне Пашковой (1770–1825)

какого-то Орловскаго канцеляриста, по пріѣздѣ, остановился у извѣстнаго стряпчаго Григорьева, великаго поклонника Бахусу, который началъ его образованіе тѣмъ, что повелъ въ Кремль взглянуть на Ивана Великаго, царь-пушку и большой колоколъ. Проходя по Тверской мимо трактира мадамъ Шню, Григорьевъ приказалъ Корнильеву подождать его на улицѣ, а самъ забѣжалъ въ трактиръ выпить рюмку водки. По возвращеніи Григорьева, юноша спросилъ его, что̀ это за домъ, куда заходилъ онъ.—«Домъ сумасшедшихъ», возразилъ безъ запинки Корнильевъ.—«Да какъ же васъ оттуда выпустили?» Боборыкинъ узналъ объ остромъ отвѣтѣ мальчика и взялъ его на свое попеченіе. Бѣднякъ удачнымъ словомъ проложилъ себѣ дорогу, а то, можетъ-быть, и долго прошатался бы безъ опредѣленія на службу.

2 Мая. Середа. Вчера прошатался цѣлый день на гуляньѣ въ Сокольникахъ и видѣлъ почти всѣхъ знакомыхъ. Что-то многіе опять начинаютъ толковать о войнѣ, а нѣкоторые и нетерпѣливо ея желаютъ. Въ палаткѣ главнокомандующаго было пропасть гостей, но самъ онъ не былъ, по случаю нездоровья. Поѣздъ графа Орлова также былъ нарядёнъ, какъ и въ прошломъ году; но въ нынѣшній разъ онъ не сдѣлалъ на меня такого уже впечатлѣнія: люди одни и тѣже, одинъ и тотъ же порядокъ и тоже убранство; самыя лошади тѣже; впрочемъ ко всему присмотрѣться можно, даже со временемъ и къ жизни. Nil admirari. Это, можетъ-быть, и очень покойно, но чтобъ весело было— не думаю. Въ палаткѣ Е. Е. Ренкевича x) дымъ коромысломъ: весь городъ, начиная отъ губернатора и оберъ-полицеймейстера до вральмана Бородулина. Кушаютъ мороженое, пьютъ Шампанское и закусываютъ бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимо-идущему предлагается чашка чаю, рюмка вина, или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно пріемная трапеза какого-нибудь древняго болярина: милости просимъ всякаго безъ разбора.

Ренкевичъ сказывалъ, что тесть его, Пашковъ, великій охотникъ до разныхъ рѣдкихъ птицъ, получилъ недавно изъ Англіи пару черныхъ лебедей, которые въ самой Англіи считаются еще рѣдкостью; они привезены чуть ли не изъ Австраліи, а теперь плаваютъ по садовому пруду противъ дома Пашкова *), на Моховой, гдѣ всякій день можно ихъ видѣть. Завтра непремѣнно взгляну на нихъ.

Мамзель Соломони-старшая, которая такъ хорошо играетъ на скрипкѣ, выходитъ замужъ за извѣстнаго каретника купца Петрова,

*) Этотъ домъ, нынѣ Румянцевскій Музей, изящнѣйшее зданіе въ Россіи, принадлежалъ x) въ 1793 году гвардіи капитанъ-поручику Петру Егоровичу Пашкову (см. „Указатель Москвы" 1793). Имя геніальнаго зодчаго xx) и время постройки намъ неизвѣстны. П. Б.

x) По свидетельству Е. П. Янковой (Д. Благово, „Рассказы бабушки", СПб 1885, стр 208) дом этот был построен для Александра Ильича Пашкова

xx) Вероятно Баженов (1737–1799). См. Одно из наш. центр. учрежд. Е. Варб. М. 1898. стр. 31-34. Текст А. И. Некрасов. Города Москов...

который получилъ недавно золотую медаль на голубой лентѣ, мимо всѣхъ медалей низшаго класса. Чтó сдѣлалъ этотъ Петровъ и какія оказалъ услуги—это для меня покрыто мракомъ неизвѣстности; но знаю только, что онъ будетъ имѣть хорошенькую, умную и талантливую жену, и что я буду пировать у него на свадьбѣ, потому что всѣ Соломони меня приглашали. Младшей я не совѣтовалъ бы выходить замужъ, чтобъ не потерять прекрасный, рѣдкій талантъ, который требуетъ еще развитія; а оно едва-ли возможно при домашнихъ хлопотахъ и заботахъ супружеской жизни. Я увѣренъ, что старшую сестрицу черезъ годъ мы не узнáемъ: забудетъ скрипку и фортепьяно, обопьется чаю, растолстѣетъ, облѣнится—и мамзель Соломони поминай какъ звали! Итальянская Сильфида превратится въ жирную купчиху.

6 Мая, Воскресенье. Сейчасъ со скачки. Скакало восемь лошадей; выигралъ рыжій жеребецъ *Витязь*, принадлежащій Мосоловымъ и собственнаго ихъ завода. Славная лошадь! Отъ *Юби*. По окончаніи перваго гита, когда стали взвѣшивать ѣздока и обтирать лошадь, графъ Орловъ сходилъ съ эстрады и долго любовался побѣдителемъ. Послѣ перескачки, которую Витязь опять выигралъ легко, графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ Мосоловыхъ и поздравлялъ ихъ. Сказывали, что онъ только съ ними держитъ заклады на деньги, съ другими же охотниками бьется на одни калачи. Братья Мосоловы очень умные люди, знающіе охотники и ведутъ дѣла свои аккуратно. И въ этотъ разъ Цыгане также пѣли и плясали, а напослѣдокъ былъ и кулачный бой. Побѣдителемъ явился курятникъ изъ Охотнаго Ряда *Сычовъ*, съ трехъ ударовъ уничтожившій своего противника. Ему накидали денегъ чуть не полную шляпу и поили виномъ; но и побѣжденный не былъ забытъ: достались и ему пригоршни двѣ серебряныхъ рублей. Князь Хилковъ, секретарь скачекъ, сказывалъ, что Цыгане записаны были прежде крѣпостными крестьянами графа Орлова и единственно его попеченію обязаны были тѣмъ, чѣмъ теперь сдѣлались; а до того времени были, какъ и всѣ кочующіе Цыгане, просто гадки. Графъ, по возращеніи уже изъ чужихъ краевъ, даровалъ имъ свободу и записалъ въ мѣщане.

8 Мая, Вторникъ. Нынѣшнею ночью былъ такой морозъ, что хоть бы въ Октябрѣ. Думаю, что пострадаютъ всѣ фруктовыя деревья, и Москва останется безъ яблокъ, грушъ и вишенъ.

Вчера ѣздилъ въ Русскій театръ. Давали «Наталью, боярскую дочь», Глинки. Я скучалъ и зѣвалъ: никакъ не могу привыкнуть къ этимъ драмамъ, взятымъ изъ повѣстей Карамзина. Эти повѣсти сами

по себѣ восхитительны, а на сценѣ до крайности утомительны и скучны. Отчего же? Право не понимаю. Кромѣ неискусства передѣлывателей, должна быть и еще какая-нибудь другая причина. И «Лиза» Ѳедорова скучна, а «Наталья», по моему, еще скучнѣе. Персонажи всѣ на ходуляхъ, несутъ такую пошлость, что мочи нѣтъ. Какой-то остросɫовъ попотчивалъ автора эпиграммою, которую повторяютъ всѣ, хотя она вовсе не задорна:

„Наталью“ видѣлъ ли?—„Изрядная новинка“.
„Фарфоръ или фаянсъ?—„О нѣтъ, простая глинка“.

Я небольшой охотникъ до эпиграммъ, но не люблю ничего неестественнаго и напыщеннаго, не люблю этихъ сценическихъ проповѣдей, которыя никого не трогаютъ и не исправляютъ. Вотъ, напримѣръ такъ драма: «Отецъ семейства», въ которой такъ превосходенъ Померанцевъ. Нравоученіе проистекаетъ изъ дѣйствія и потому трогаетъ и врѣзывается въ душу. Морализировать на сценѣ безполезно: не будешь моралистомъ лучше Соломона и Сираха. Кто захочетъ учиться, тотъ будетъ читать ихъ, а нашимъ драматургамъ и во снѣ не мечталось такого знанія сердца человѣческаго.

14 Мая, Понедѣльникъ. Сегодня опять скачка. Какъ ни хочется видѣть ее, но я не поѣду: Петербургскіе гости мои прибыли и завтра отправляются въ Липецкъ; а сегодня повезу ихъ въ Нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ маленькую оперу «Der Schatzgräber». Послѣ спектакля иллюминація въ саду, воксалъ и балъ.

Иванъ Николаевичъ *) проѣхалъ на дняхъ, а длинный Иванъ Кузьмичъ давно уже распоряжается на водахъ. Я выѣду дней черезъ десять въ деревню, а оттуда вмѣстѣ съ своими въ Липецкъ. Альбини сказывалъ, что опредѣленіе мое послѣдуетъ непремѣнно чрезъ мѣсяцъ, а много, недѣль чрезъ шесть. Эйнбродтъ хлопочетъ, и тесть его, почтенный Гасконецъ Лабатъ, не даетъ ему покоя. Добрые люди! Къ 10-му будущаго мѣсяца пришли мнѣ въ Липецкъ одного Дурака, какого хочешь—для меня все равно, а за это вотъ тебѣ вчерашній анекдотъ.

Алябьевъ, поссорившись за картами съ Яковлевымъ, вызвалъ его на дуэль. «А на чемъ ты хочешь драться?» спросилъ послѣдній. «Разумѣется, на сабляхъ» отвѣчалъ Алябьевъ.—«Не могу».—«Почему же не можешь? Я обиженъ и имѣю право назначать оружіе».—«Воля твоя, не могу».—«Ну, такъ на шпагахъ».—«О, ни за что не могу! Я наслѣдовалъ отъ короля Іакова І-го, отъ имени котораго фамилія моя происходитъ, врожденную антипатію къ обнаженному оружію, и не

*) Новосильцовъ, директоръ Липецкихъ водъ. П. Б.

могу смотрѣть на него». Всѣ засмѣялись, Алябьевъ также—и Шампанское примирило противниковъ.

18 Мая, Пятница. Вотъ послѣднее мое донесеніе и послѣднія сплетни изъ Москвы. Не хотѣлось и пера брать въ руки, а пришло время ложиться спать, такъ и потянуло къ конторкѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ. Альбини сказывали, что въ Петербургѣ только и разговоровъ что́ о войнѣ, и думаютъ, что фельдмаршалъ графъ Каменскій будетъ начальствовать войсками. Въ Петербургскомъ обществѣ господствуетъ самый воинственный духъ и явное нерасположеніе къ Французамъ. Это замѣтно, кажется, еще болѣе здѣсь. Тѣ охотники до новостей, которые не разъѣхались еще по деревнямъ, бѣгаютъ, рыщутъ и толкуютъ о какомъ-то проектѣ для составленія многочисленной арміи. Я слышалъ, что всѣ отставные генералы и офицеры, бывшіе нѣкогда въ походахъ и сраженіяхъ, будутъ приглашены вступить опять въ службу. И. И. Дмитріевъ утверждаетъ, что Государь не допуститъ Россію до униженія и, во что̀ бы ни стало, начнетъ новую борьбу съ Наполеономъ; но, впрочемъ, говоритъ: «заботиться нѐ о чемъ; нужна только довѣренность къ правительству». Онъ совѣтовалъ мнѣ заняться въ деревнѣ чѣмъ-нибудь серьёзнымъ. Я самъ давно объ этомъ думалъ и рѣшился приступить къ сочиненію трагедіи. Сюжетъ у меня есть: изъ исторіи древнихъ Персовъ. Имя героя громкое—«Артабанъ». Иной насмѣшникъ превратитъ его въ барабанъ; но къ этому готовиться должно, и насмѣшекъ не избѣжишь. Впрочемъ, надобно точно написать что-нибудь путное, чтобъ было съ чѣмъ пріѣхать въ Петербургъ. Рекомендательныхъ писемъ у меня будетъ немного, и тѣ, которые на нихъ вызывались прежде, вѣроятно, откажутся, когда придется приняться за перо. Но пусть будетъ, что̀ будетъ: во всякомъ случаѣ, лучше надѣяться на себя. Петръ Ивановичъ радуется моей рѣшимости и увѣряетъ, что трагедія выдетъ превосходная. Добрая душа! Онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что мы скоро разстанемся; и въ случаѣ, еслибъ я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ одинъ, то непремѣнно хочетъ проводить меня и пожить со мною хотя недѣльку въ новомъ городѣ.

Былъ въ Иславскомъ у И. П. Архарова: веселый пріютъ! Что̀ за добрѣйшее семейство! Радушно, привѣтливо, ласково, а о гостепріимствѣ нечего и толковать. Кокошкинъ снаряжаетъ у нихъ домашній спектакль—драму «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», и самъ играть будетъ Мейнау. Предлагали мнѣ роль простяка Петруши, да мнѣ не до того: рѣчь идетъ о подмосткахъ другаго рода. Славное село подмосковное Иславское! Вопервыхъ, на рѣкѣ, садъ боярскій, аллеи съ трехъ

концовъ, оранжереи и пропасть разныхъ затѣй. Иванъ Петровичъ обѣщалъ мнѣ дать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ Петербургскимъ своимъ знакомымъ: надѣюсь, что они не будутъ заключать въ себѣ такой же рекомендаціи, какою снабдилъ онъ одного своего сосѣда. Вотъ она:

«Любезный другъ Петръ Степановичъ! Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дуракѣ: запиши его въ свою канцелярію и, при случаѣ, не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь—мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому-что онъ его не стòитъ; да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей».

Вслѣдствіе этой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина.

23 Мая, Среда. О высылкѣ Дурака я къ тебѣ писалъ, но совсѣмъ забылъ упомянуть о ружьѣ: снабди меня своимъ широкодульнымъ старбусомъ.

«Впродолженіе шести недѣль мы видѣлись съ Дарьею Егоровною ежедневно» говорилъ Граве: «вмѣстѣ играли, рѣзвились, шутили, болтали всякій вздоръ, а я ни разу не замѣтилъ, чтобъ она когда-нибудь покраснѣла».—«И немудрено» отвѣчалъ старикъ Рѣдькинъ: «она до сихъ поръ едва-ли знаетъ, когда ей краснѣть должно».

Сказано умно и справедливо: для невинной души все невинно.

Я завтра выѣзжаю и, къ сожалѣнію, одинъ. Прошлогодніе товарищи мои сбились съ толку: Литхенсъ публиковалъ свой отъѣздъ въ чужіе края; да я увѣренъ, что онъ не поѣдетъ,

Потому-что очарованъ
И къ ногамъ ея прикованъ;

а на Ѳедора Павловича нашла страсть заниматься въ своей экспедиціи. «Mais de quoi s'occupe-t'on chez vous?» спросилъ его Затрапезный. «Mais on ne fait rien, ou on fait des riens» отвѣчалъ Граве, и это, кажется, сущая правда. Спасибо, что не умничаетъ подобно другимъ, которые, переписавъ какую-нибудь бумагу, думаютъ, что они уже предѣловые люди, на которыхъ должно быть обращено вниманіе цѣлой Россіи.

29 Мая, Вторникъ. Тула городокъ—Москвы уголокъ. Это также справедливо, какъ справедливы большею частью и всѣ народныя замѣчанія и поговорки. Тула точно можетъ назваться Замоскворѣчьемъ,

по своимъ каменнымъ зданіямъ, красивымъ улицамъ, по движенію на нихъ народа, по своей торговлѣ и промышленности; одинъ оружейный заводъ стòитъ иного города. Я ходилъ взглянуть на этотъ заводъ. Начальникъ его, генералъ Чичеринъ, ласковый и привѣтливый, далъ мнѣ въ проводники заводскаго пристава, Капитона Карловича Шультена, который все показалъ мнѣ въ подробности и обстоятельно, старался меня вразумить въ заводское производство. На заводѣ встрѣтилъ и директора П. Г. Цвиленева. Онъ, между прочимъ, сказывалъ, что мастеровые, работающіе на этомъ заводѣ, составляютъ какую-то особенную касту, такъ что всякаго изъ нихъ всегда отличить можно отъ другихъ мастеровыхъ по ухваткамъ, походкѣ и по образу изъясненія. Цвиленевъ утверждалъ, что Тульскіе оружейники отличаются неимовѣрною бойкостью въ поведеніи и смышлёностью въ своемъ дѣлѣ, необыкновенно понятливы и переимчивы: имъ стòитъ одинъ разъ только взглянуть на какую бы то ни было вещь, чтобъ ее сдѣлать; но за то съ ними надобно умѣть ладить и держать ухо востро̀, иначе тотчасъ сядутъ тебѣ на голову. «Конечно», присовокупилъ Цвиленевъ, «они не дошли еще до степени плутовства Вошанскихъ ямщиковъ *), однакожъ есть изъ нихъ такіе, которые, какъ говорится, въ одно ухо влѣзутъ, а въ другое вылѣзутъ, такъ что и не услышишь. Такъ, поэтому, не даромъ одинъ проѣзжій, выведенный, видно, изъ терпѣнія медлительною починкою своего экипажа и вынужденною за нее огромною платою, написалъ къ нимъ на стѣнѣ *общественнаго* трактира, гдѣ я останавливался, слѣдующія вирши:

О вы мастеровые Тулы!
Вы настоящія акулы.
Мнѣ съ вами времени и деньгамъ лишь изъянъ.
Всѣ молодцы вы на посулы,
А только смо̀трите въ карманъ. В. Б—ъ.

Желалъ бы я знать, кто этотъ В. Б—ъ, и подозрѣваю близкаго сосѣда. Нѣкоторые купцы, давно знакомые съ нашимъ домомъ, приглашали меня къ себѣ и, между прочимъ, знаменитый нѣкогда торговецъ лошадьми и поставщикъ ихъ ко двору, старикъ Гаврило Рожковъ, котораго я посѣтилъ съ удовольствіемъ, пилъ у него чай и пуншевалъ съ нимъ. Въ благодарность за *компанію*», какъ онъ выразился, «и въ воспоминаніе моего дѣтства» подарилъ онъ мнѣ прекрасную старинную Голландскую картину, изображающую конный заводъ, и заставилъ стар-

*) Село Вошаны, близъ Тулы, извѣстное въ тогдашнее время удалыми и плутоватыми своими ямщиками. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

шаго сына Ивана тряхнуть стариной, то есть, спѣть нѣсколько Русскихъ пѣсенъ. Этотъ сынъ его, Иванъ, проживавшій прежде по торговлѣ своей въ Петербургѣ, былъ славенъ въ свое время прекраснымъ голосомъ. Онъ до такой степени былъ мастеръ пѣть Русскія пѣсни, что вошелъ въ пословицу: «поетъ какъ Рожковъ», говорили про пѣвца, котораго похвалить хотѣли. По этому случаю многія знатныя особы приглашали его на Аѳинскіе вечера; онъ бывалъ еженедѣльно у кн. Безбородко или у пріятельницы его, которая послѣ вышла замужъ за статскаго совѣтника Ефремова. Но даръ пѣсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главнымъ были необыкновенныя удальство и смѣлость, которыя доставили ему покровительство тогдашнихъ знаменитыхъ гулякъ, графа В. А. Зубова и Л. Д. Измайлова. Они держали за него извѣстный огромный закладъ, въ тысячу рублей, состоявшій въ томъ, что Рожковъ верхомъ на Сибирскомъ своемъ иноходцѣ взъѣдетъ въ четвертый этажъ одного дома въ Мѣщанской; и Рожковъ не только взъѣхалъ, но, выпивъ залпомъ бутылку Шампанскаго не слѣзая съ лошади, тою же лѣстницею съѣхалъ обратно на улицу. Тысяча выигранныхъ рублей были наградою Рожкову. Бѣдный Иванъ Гавриловичъ не можетъ забыть этого подвига и, несмотря на свои 45 лѣтъ и почти лысую голову, съ такимъ энтузіазмомъ описываетъ прелести гостепріимной Аспазіи, что невольно возбуждаетъ въ васъ любопытство. «Когда я взъѣхалъ къ ней въ фатеру, окружили меня гости, особъ до десяти будетъ, да и кричатъ: «Браво, Рожковъ! Шампанскаго!» И вотъ ливрейный лакей подаетъ мнѣ на подносѣ налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, примолвивъ: «Это за твое здоровье, а тебѣ подадутъ цѣлую бутылку».

Здѣшній губернаторъ Н. П. Ивановъ человѣкъ преобходительный, и его очень любятъ; а прокуроръ Василій Петровичъ Гурьевъ человѣкъ чрезвычайно свѣтскій и большой острякъ. У него жена красавица, очень образована и, кажется, большая кокетка. Мнѣ случилось обѣдать съ ними у губернскаго предводителя князя Петра Сергѣевича Вадбольскаго, тестя Александра Матвѣевича Муромцова, содержателя нынѣшней въ Москвѣ Нѣмецкой труппы: предобрый и прекрасный человѣкъ, очень сожалѣетъ, что зять его взялся не за свое дѣло.

4 Іюня, Понедѣл. С. Ивановское. Сижу себѣ на балконѣ да почитываю разсужденіе Шлёцера «О причинахъ безпрерывно возрастающей въ Россіи дороговизны на произведенія сельскаго хозяйства и о средствахъ къ ограниченію возвышенія на нихъ цѣнности». Вотъ, думаю, еслибъ я прочиталъ это разсужденіе до покупки своихъ винныхъ за-

пасовъ, то не спрашивалъ бы, отчего Русское вино возвысилось въ цѣнѣ наравнѣ съ Французскимъ. Причины, изложенныя профессоромъ, по моему, основательны; но справедливы ли предлагаемые способы къ отвращенію возвышенія цѣнъ на наши продукты—этого рѣшить не умѣю. Я слышалъ, что министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, не того мнѣнія, чтобъ изыскивать средства къ уменьшенію цѣнности на произведенія сельскаго хозяйства, а напротивъ, радуется, если цѣны на нихъ возвышаются; потому что тогда, говоритъ онъ, оплачивается трудъ сельскаго хозяина, помѣщика или крестьянина—все равно, а сверхъ того возвышается и цѣна на земли. П. С. Молчановъ отзывается о графѣ Румянцовѣ, какъ о необыкновенно-умномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ и, сверхъ того, настоящемъ патріотѣ.

У насъ дымъ коромысломъ отъ сборовъ въ Липецкъ. Одинъ обозъ отправили, другой отправляется завтра, а сами выѣдемъ 8 или 9 числа. Еслибъ не совѣстно было оставить домашнихъ, я бы полетѣлъ сейчасъ.

Есть у насъ сосѣдка Пелагея Петровна Владыгина, мать моего соученика, тоторый отличался въ пансіонѣ талантомъ рисованія. Она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, но такая хозяйка, какихъ нескоро встрѣтить можно. Доходы получаетъ огромные, а между тѣмъ крестьяне въ наилучшемъ положеніи, и сама живетъ барынею, не скряжничая. Я удивился, когда взглянулъ на ея хозяйство: рогатаго скота много, и весь претучный; мелкаго также пропасть; при мнѣ загоняли птицу: вереницѣ гусей нѣтъ конца, утокъ стадà, а индѣекъ и куръ, право, столько же, сколько на гумнѣ воробьевъ. Есть у ней про добраго гостя и бутылка хорошаго вина, и Московское пивцо, и домашнее Шампанское изъ смородины—словомъ, все есть въ лучшемъ видѣ; а едва ли она знаетъ грамотѣ. Мнѣ приходитъ иногда въ голову: на что̀ же эта грамота?

14 Іюня, Четвергъ, Липецкъ. Какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе быть въ Липецкѣ, но я въѣхалъ въ него съ какимъ-то стѣсненіемъ сердца. Мы остановились попрежнему въ домѣ Вишневскихъ, и я попрежнему занялъ туже прошлогоднюю свою камору, только на этотъ разъ одинъ и не такъ уже радостенъ:

Нѣтъ ни Литхенса, ни Граве,
Да и самъ я весь не свой:
Все мечтается о славѣ,
Путь къ безсмертью предо мной.
Голова моя въ туманѣ;
Мысль одна: объ „Артабанѣ“.

Кромѣ шутокъ, я желалъ бы написать что-нибудь путное; но едва ли удастся, потому что предвижу развлеченія безпрерывныя. Впрочемъ, увидимъ: трудъ не пойдетъ на ладъ, такъ мы его и бросимъ.

Ежедневное наше общество составляютъ И. Н. Новосильцовъ съ неотлучнымъ своимъ Иваномъ Кузьмичомъ, который также комплиментируетъ по прошлогоднему; Ѳ. Ѳ. Кернъ, одинъ изъ героевъ Прагскаго штурма, прекрасный человѣкъ, умный оригиналъ съ Сократовской физіономіей; М. К. Рѣдькинъ, Ив. Егор. Штейнъ, И. Н Лодыгинъ и Альбини. Домашніе мои утромъ ѣздятъ къ водамъ, но я не ѣзжу; за то вечеромъ являюсь въ галлерею на отдыхъ отъ борьбы съ Персидскимъ моимъ пострѣломъ и на болтовню съ милыми знакомками.

20 Іюня, Середа. Мы только что возвратились съ Штейномъ съ охоты. Трое сутокъ прорыскали въ полѣ верстъ за 20 отъ Липецка, за крупною полевою дичью: стрепетами, драхвами, дикими гусями и журавлями. Брали съ собою большихъ ястребовъ, которые чрезвычайно насъ тѣшили. Привезли всякой птицы чуть не цѣлый возъ; словомъ, веселились напропалую.

А между тѣмъ и «Артабанъ» мой помаленьку подвигается впередъ. Остовъ готовъ, надобно облекать его въ тѣло и кожу. И съ этимъ надѣюсь сладить; но буду ли умѣть вдохнуть въ него душу—это дѣло другое.

Пріѣхавшій губернаторъ Д. Р. Кошелевъ получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что тамъ всѣ продолжаютъ толковать о войнѣ и что приготовленія къ ней дѣлаются въ огромныхъ размѣрахъ. Ему даютъ чувствовать, чтобъ онъ былъ дѣятельнѣе и, на всякій случай, предупредилъ помѣщиковъ своей губерніи, отъ которыхъ, вѣроятно, потребуются, по важности случая, многія пожертвованія. Все это не новость, потому что и въ Москвѣ только о томъ и толку, и всѣ желаютъ войны; но жаль одного, что Москва, кажется, лишится добраго своего начальника, который рѣшительно проситъ увольненія. Если это случится, то послѣдуютъ и другія перемѣны во властяхъ, которыя для ней чувствительны быть могутъ.

25 Іюня, Понедѣльникъ. Губернатору данъ былъ въ галлереѣ великолѣпный обѣдъ по подпискѣ. Общій угодникъ Пріори распоряжался мастерски, и ни въ чемъ не было недостатка. Мы заплатили по 5 рублей съ персоны и проводили почетнаго гостя съ честью. Онъ поѣхалъ въ Лебедянскій уѣздъ осматривать деревню, которую купить намѣренъ, сельцо Кузьминку, принадлежащее Петру Петровичу Бибикову; оно будетъ продано съ аукціона за долги. Имѣніе устроенное и отличное во всѣхъ отношеніяхъ. Я бывалъ въ Кузьминкѣ еще въ дѣтствѣ и помню прекрасное ея мѣстоположеніе и барскій домъ.

Жду не дождусь своего опредѣленія въ службу. Альбини утверждаетъ, что непремѣнно все скоро сдѣлается и чтобъ я не тревожился; но, зная, что man versucht in der Welt so manches und es gelingt einem nicht *), не могу не тревожиться. Хорошо, что есть еще добрые люди, которые пекутся обо мнѣ, какъ родные, и почитаю великимъ счастіемъ, что ѣду въ Петербургъ не одинъ, а съ Альбини, и что есть уже у меня тамъ знакомое семейство старика Лабата; а то, пожалуй, пришлось бы сказать вмѣстѣ съ Бородулинымъ:

Пріѣхалъ въ городъ новый.
Ну, точно лѣсъ сосновый,
И запахъ непріятный.
Какой народъ невнятный!

Я встрѣтилъ старика Сазонова, который коротко былъ знакомъ съ преосвященнымъ Тихономъ Задонскимъ. Онъ много разсказывалъ о подвигахъ святителя, о его трудахъ, смиреніи, кротости и милосердіи. Сазоновъ говорилъ, что преосвященный былъ простосердеченъ, какъ дитя, и что онъ не допускалъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ обмануть его или солгать передъ нимъ. Живя въ Задонскѣ на покоѣ, онъ не имѣлъ никакихъ доходовъ и былъ бѣденъ; однакожъ никто изъ нищей просящей братіи не отходилъ отъ него, не получивъ чего-нибудь: если не имѣлъ денегъ, то давалъ просвиру, ломоть хлѣба, лоскутъ холстины или сукна; а однажды, зимою, отдалъ одному юродивому свое полукафтанье, чтобъ сколько-нибудь согрѣть бѣдняка. Преосвященный Симонъ Рязанскій былъ другомъ Тихона и нерѣдко снабжалъ его многими вещами для раздачи бѣднымъ. *Таковъ подобаше намъ архіерей*!

30 Іюня, Субота. Вотъ примѣръ дружбы въ прежнее время. Въ 1771 году двадцати-трехлѣтній маіоръ, красавецъ Александровъ, женился по любви и противъ воли родителей своихъ на дочери небогатаго помѣщика Чирикова. Молодые супруги жили счастливо цѣлый годъ, т.-е. до тѣхъ поръ, покамѣстъ было чѣмъ жить; но небольшія средства ихъ скоро истощились; наступило время жестокой нужды, тяжкихъ заботъ и лишеній всякаго рода; а между тѣмъ Богъ даровалъ имъ дочь, и недостатокъ въ потребностяхъ жизни сталъ еще ощутительнѣе. Горе овладѣло юною четою, а отъ сильнаго горя до тяжкой болѣзни одинъ шагъ. Молодая женщина занемогла; мужъ не зналъ, что̀ дѣлать; писалъ къ отцу и къ матери, умолялъ ихъ о пособіи, но письма оставались безъ отвѣта. Къ кому прибѣгнуть и на что̀ рѣшиться въ такой крайности? Вступить опять въ службу не было случая; да и могъ ли служить онъ, вовсе не зная службы? Чины получалъ онъ, жи-

*) На свѣтѣ дѣлаются разныя попытки, и кое-кому не удаются.

вучи дома, будучи еще въ пеленкахъ записанъ сержантомъ гвардіи въ Преображенскій полкъ; лѣтъ черезъ восемнадцать произведенъ въ прапорщики и тотчасъ выпущенъ въ армію капитаномъ, а чрезъ годъ уволенъ отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора. Дѣлать онъ ничего не умѣлъ, а женитьба противъ воли родителей лишила его уваженія и всякаго довѣрія въ цѣлой губерніи. Словомъ, положеніе Александрова было безвыходное и ужасное.

Но вотъ бывшій школьный его товарищъ и другъ Нетунахинъ, служившій въ Петербургѣ въ генералъ-прокурорской канцеляріи и очень любимый начальствомъ за свою грамотность, расторопность по службѣ и незазорное поведеніе, узнавъ о бѣдственномъ состояніи Александрова, выпросилъ себѣ кратковременный отпускъ и отправился въ Тамбовскую губернію навѣстить своего друга. Онъ нашелъ его въ отчаяніи, а жену изнемогавшую отъ изнурительной болѣзни. «Милые друзья мои», сказалъ онъ имъ, «не время разсуждать намъ о причинахъ бѣдственнаго вашего положенія: прошедшее невозвратимо; но вспомните, что отчаяніе смертный грѣхъ и что у Бога милости много. Вотъ нѣсколько сотенъ рублей, скопленныхъ мною на дѣятельной службѣ. Ты, Петръ, начни съ того, чтобъ поскорѣе добыть все нужное для больной жены твоей и бѣдной малютки: эти хлопоты тебя разсѣятъ. А вы, сударыня, вмѣсто того, чтобъ день и ночь крушиться и плакать, займитесь, хотя чрезъ силу, маленькимъ хозяйствомъ вашимъ: устройте такъ, чтобъ мы въ свое время пили чай, обѣдали и ужинали; а тамъ, недѣльки черезъ двѣ, когда Богъ порадуетъ меня вашимъ спокойствіемъ, я предложу вамъ средство избавиться навсегда отъ зависимости нуждъ и всѣхъ скорбей, которыя неразлучны съ ними. Итакъ, за дѣло! Чтó было, то прошло; чтó будетъ—увидимъ».

Сказано—сдѣлано. На деньги, данныя Нетунахинымъ, мужъ исправилъ всѣ домашнія потребы, а жена слегка озаботилась хозяйствомъ. Прошло нѣсколько дней; надежда оживила увядшія лица молодой четы: она стала спокойнѣе. Время проходило въ дружескихъ бесѣдахъ; когда изсякли разговоры о прошедшемъ, стали толковать о будущемъ и дѣлали разныя предположенія. Мужъ хотѣлъ идти въ управители къ какому-нибудь богатому помѣщику другой губерніи, не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ. Жена его совѣтовала лучше искать какой-нибудь губернской должности. Нетунахинъ молчалъ и давалъ волю ихъ предположеніямъ, а между тѣмъ тайно написалъ письмо къ родителямъ Александрова, въ которомъ, изложивъ все бѣдственное положеніе ихъ сына, заключилъ тѣмъ, что хотя между родителями и дѣтьми можетъ быть судьею одинъ только Богъ, но что онъ, руководимый человѣколюбіемъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать

передъ ними за провинившагося сына; что всякому гнѣву есть предѣлъ, и что въ этомъ отношеніи нехудо вспомнить выраженіе Священнаго Писанія, которымъ обѣщается *судъ безъ милости несотворшему милости*. Въ ожиданіи же отвѣта на свое письмо, онъ продолжалъ жить съ друзьями своими по прежнему и скоро имѣлъ несказанное удовольствіе замѣчать иногда улыбку на лицахъ молодыхъ страдальцевъ и рѣшительное, хотя и постепенное, возвращеніе здоровья молодой женщины. Наконецъ, ожидаемый отвѣтъ полученъ. Старики Александровы рѣшительно объявили, что они не хотятъ слышать объ ослушномъ сынѣ и что онъ можетъ почитать себя счастливымъ, если дотолѣ они не предали его проклятію за неблагодарность и ослушаніе. Такая жестокость очень огорчила Нетунахина, но онъ скрылъ огорченіе отъ друзей своихъ и на другой же день, за чаемъ, объявилъ имъ, что онъ составилъ планъ будущей ихъ жизни: что они должны ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ найдетъ имъ занятіе; и хотя для маіорскаго чина нелегко найти соотвѣтственную должность, но что онъ надѣется чрезъ своихъ покровителей уладить все къ лучшему, а до тѣхъ поръ они будутъ жить съ нимъ вмѣстѣ. Ахнули бѣдные супруги отъ такого рѣшенія ихъ друга. Ѣхать въ Петербургъ! Но какъ, съ чѣмъ и зачѣмъ? «Это не ваше дѣло, мои милые», возразилъ Нетунахинъ: «Тотъ, Кто внушилъ мнѣ мысль пріѣхать сюда къ вамъ, внушитъ мнѣ и средства устроить васъ. Въ Петербургѣ или въ Америкѣ—все равно, только я твердо вѣрю, что добрыя намѣренія не остаются безъ исполненія. Будьте покойны и сбирайтесь въ дорогу».

Сборы были непродолжительны: старый чемоданъ съ платьемъ, небольшой ларецъ съ бѣльемъ и узелъ съ дорожными припасами составляли весь скарбъ семейства эмигрантовъ. Они отправились въ простой ямской повозкѣ. Мать, съ дочерью на рукахъ, сидѣла внутри, а молодые люди расположились по облучкамъ. Такъ ѣхали они всю дорогу до Петербурга, въ который прибыли послѣ пятинедѣльнаго путешествія. Первымъ дѣломъ Нетунахина, по возвращеніи въ Петербургъ, было явиться къ своему начальнику и откровенно объяснить ему несчастное положеніе своего друга. «А что́ же онъ думаетъ дѣлать?» спросилъ его начальникъ. «Искать какой-нибудь должности», отвѣчалъ Нетунахинъ. «Должности? Но человѣка въ его чинѣ, который нигдѣ не служилъ, куда опредѣлить можно?» Нетунахинъ молчалъ. «Еслибъ онъ, по крайней мѣрѣ, былъ мало-мальски расторопенъ, то, конечно, нашлась бы ему должность; но, сколько я изъ словъ твоихъ понять могу, онъ едва ли на что́ другое способенъ, какъ только обниматься съ женою, и потому я едва ли буду умѣть придумать, куда и какъ пріютить его». Нетунахинъ молчалъ. «Развѣ въ директоры экономіи,

если онъ человѣкъ честный?» Нетунахинъ все молчалъ. «А ручаешься ли ты за его честность?»—«О, что́ касается честности», подхватилъ Нетунахинъ, «то я за него ручаюсь, какъ самъ за себя».—«Ну, хорошо, ступай съ Богомъ и прикажи своему пріятелю читать всѣ узаконенія и постановленія, касающіяся должности директора экономіи. Послѣ увидимъ». Словомъ, Александровъ вскорѣ былъ опредѣленъ въ должность директора экономіи, которую, при содѣйствіи Нетунахина, исправлялъ семь лѣтъ въ Тамбовской губерніи, къ полному удовольствію начальства. Успѣхи его по службѣ обратили къ нему сердца престарѣлыхъ его родителей, которые не только простили его, но и отдали ему все принадлежащее имъ имѣніе. Онъ вышелъ въ отставку, а чтобъ не сидѣть поджавши руки, вошелъ въ откупа, разбогатѣлъ, нажилъ въ короткое время огромное состояніе, изъ котораго половину отдалъ своему другу, который, служа вѣрой и правдой, съ безкорыстіемъ примѣрнымъ, достигъ до званія сенатора, но, въ заботахъ о чужихъ дѣлахъ, забылъ собственныя свои и ровно имѣлъ столько, чтобъ не умереть съ голоду. Вотъ копія съ дарственной записи, подаренная мнѣ старикомъ М. К. Рѣдькинымъ, который коротко зналъ обоихъ друзей и разсказалъ мнѣ ихъ исторію.

4 Юля, Среда. Петръ Ивановичъ порадовалъ меня письмомъ въ два листа. Увѣдомляетъ, что публичное торжество въ Университетѣ было самое блистательное и что всѣ диссертаціи и рѣчи необыкновенно любопытны, обѣщается доставить мнѣ ихъ тотчасъ по напечатаніи и чрезвычайно хвалитъ слово Малиновскаго, которымъ торжество было открыто. Страховъ остается ректоромъ и на слѣдующій годъ. Слава Богу! Послѣ Харитона Андреевича назначеніе всякаго другаго ректоромъ было бы чувствительно для всего Университета, для студентовъ и профессоровъ. Между прочимъ, мой Петръ Ивановичъ, ни съ того ни съ другаго, вдругъ вздумалъ безъ меня ѣздить въ театръ, и 22-го Іюня былъ въ «Русалкѣ», которую играла Носова. Пишетъ, что ея физіономія ему очень приглянулась, и что, смотря на нее, онъ вспоминалъ обо мнѣ. Вотъ онъ каковъ, нашъ цѣломудренный Іосифъ! Пишу къ нему, что напрасно онъ лучше не съѣздилъ, въ мое воспоминаніе, въ Нѣмецкій театръ; пошелъ бы за кулисы и поболталъ съ мад. Шредеръ или съ Кафкою: тогда бы на опытѣ увидѣли стоицизмъ его.

9 Юля, Понедѣльникъ. Вотъ прекрасные стихи, присланные изъ Петербурга молодымъ Эллизеномъ къ сестрѣ. Онъ пишетъ, что актеръ Кудичъ говорилъ ихъ на сценѣ и произвелъ восторгъ неописанный:

Für seinen König muss das Volk sich opfern;
Das ist das Schicksal und Gesetz der Welt;
Nichts würdig ist die Nation, die nicht
Ihr alles freudig setzt an ihre Ehre! *)

Этотъ восторгъ доказываетъ общее желаніе борьбы съ западнымъ исполиномъ. А вотъ игра въ вопросы и отвѣты, которая въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ обществахъ входитъ въ моду. Она производится такимъ образомъ, что одна половина участвующихъ въ ней лицъ пишетъ на лоскуткахъ бумаги вопросы, а другая—отвѣты, по произволу. Эти вопросы и отвѣты скатываются и кладутся каждые въ особый ящикъ, корзинку, хоть, пожалуй, въ стаканъ—все равно. Затѣмъ всѣ поочередно вынимаютъ прежде вопросъ, а послѣ отвѣтъ и читаютъ ихъ вслухъ. Нынче обыкновенно назначаютъ бо̀льшею частью вопросы и отвѣты политическіе. Эллизенъ пишетъ, что на вечеринкѣ у придворнаго доктора Торсберга играли въ эту игру, и нѣкоторые отвѣты изумительно согласовались съ нынѣшними обстоятельствами. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые я перевелъ для своихъ:

1. Вопросъ. Кто будетъ побѣдителемъ въ предстоящей войнѣ?— Отвѣтъ. Тотъ, кто добрѣе.—2. Вопросъ. Кто будетъ союзникомъ нашего Государя?—Отвѣтъ. Мужество и терпѣніе.—3. Вопросъ. Много ли намъ нужно войскъ для побѣды?—Отвѣтъ. Россія.—4. Вопросъ. Можемъ ли мы твердо надѣяться на своихъ сосѣдей?—Отвѣтъ. Наша сила въ Богѣ.

А знаешь ли, что̀ сдѣлалъ твой, или вѣрнѣе, нашъ Муракъ? Вчера, видно, отъ скуки, ушелъ одинъ къ озеру и, завидѣвъ по срединѣ стадо утокъ, отправился за ними вплавь. Лодыгинскіе люди, замѣтивъ, что фаворитъ ихъ поплылъ (Муракъ—общій фаворитъ въ Липецкѣ) одинъ, вышли на берегъ ожидать результата этой продѣлки. Что-жъ? Муракъ, распугавъ старыхъ утокъ, которыя съ крикомъ улетѣли, давай гоняться за молодыми позднышами, и, передушивъ ихъ нѣсколько штукъ, благополучно возвратился на берегъ съ одною парою въ зубахъ, которую и принесъ домой, торжественно провожаемый и превозносимый людьми Лодыгина. Что̀-то дѣлаетъ у тебя его братецъ?

13 Іюля, Пятница. Кажется, Буало сказалъ, что писать стихи должно въ городѣ, а не въ деревнѣ, и я начинаю чувствовать справедливость словъ угрюмаго старика. Два дѣйствія «Артабана» почти готовы, а прочитать ихъ некому и не съ кѣмъ размѣняться мыслями. Я попробовалъ было прочитать ихъ старшей сестрѣ, да не впопадъ:

*) Подданные должны жертвовать собою для короля; таковы судьба и законъ на свѣтѣ. Ничего не стоитъ народъ, который за честь свою радостно не отдаетъ всего что̀ у него имѣется.

«Охота тебѣ, братецъ, душиться въ твоей каморѣ и заниматься пустяками, когда на дворѣ такая прекрасная погода! Лучше бы поѣхалъ прокатиться съ Дарьей Егоровной верхомъ. А вотъ и Михайло Константиновичъ говоритъ: «Надъ чѣмъ это вашъ философъ коптитъ такъ пристально? Этакъ онъ и съ ума спятитъ». Одолжила голубушка! А чуть ли она не права: въ лучшее время года сидѣть взаперти и низать рифмы, можетъ-быть, для того только, чтобъ послѣ служить посмѣшищемъ людямъ—прекрасная будущность! Впрочемъ, безъ билета въ маскарадъ не пускаютъ, а мой «Артабанъ» долженъ мнѣ служить билетомъ для входа въ маскарадъ свѣта; послѣ, пожалуй, его хоть въ печку—туда и дорога!

Сказывали, что сюда прибудетъ на дняхъ труппа актеровъ, принадлежащихъ Лебедянскому помѣщику Танѣеву. Если это именно та, которую я видѣлъ нѣкогда въ моемъ дѣтствѣ на Лебедянской ярмаркѣ, то сердечно радъ буду взглянуть на нее и сравнить тогдашнія мои ощущенія съ нынѣшними. Эта труппа давала тогда въ Лебедянѣ оперу «Добрые солдаты», и я до сихъ поръ не могу забыть музыки одного хора:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно.
Наши зажегъ ты сердца,
Видимъ въ тебѣ мы отца.

Стишки какъ будто нашего издѣлія.

Пишутъ изъ Москвы, что Московскій Французскій театръ съ будущаго Ноября причисленъ будетъ, такъ же какъ и Русскій, къ дирекціи театральныхъ зрѣлищъ. Актеры получатъ названіе «императорскихъ», и труппа будетъ пополнена. Нѣкоторые сюжеты уже пріѣхали и, между прочимъ, какой-то monsieur Lanneau, который имѣетъ репутацію хорошаго актера. Но мнѣ кажется, что не въ актерахъ дѣло, а въ актрисахъ. До сихъ поръ на Московской Французской сценѣ мы видѣли только преужасныя женскія хари, съ которыми никакая пьеса не могла имѣть настоящаго успѣха. Дарованіе дарованіемъ, но въ женщинѣ красота, или, по крайней мѣрѣ, пріятная физіономія—не послѣднее дѣло на сценѣ. Какая можетъ быть иллюзія, когда вдругъ какую-нибудь Агнесу играетъ сорокалѣтнее и красноносое пугало? Ужъ, конечно, лучше видѣть бездарную, но хорошенькую мадамъ Кремонъ и слушать, какъ пропищитъ она:

Lorsque dans une tour obscure, или
Jeunes filles qu'on marie и проч.,

чѣмъ видѣть и слышать беззубую старуху, madame Lavandaise въ роли кокетки Селимены, или рыжую madame Duparay въ роли На-

нины. Кстати о безобразіи женщинъ. Разъ какъ-то въ театрѣ молодой Тютчевъ сдѣлалъ очень смѣшное замѣчаніе. Онъ увѣрялъ, что изъ пожилыхъ женщинъ всѣхъ націй старыя француженки самыя безобразныя. «Возьмите», говорилъ онъ, «нашу Русскую старуху, Нѣмку, Англичанку, Голландку, Итальянку: всѣ болѣе или менѣе имѣютъ видъ неотвратительный; старыя же Француженки, напротивъ, всякая похожа на Бабу-Ягу; разумѣется, есть исключенія, но они рѣдки». Поди ты съ нимъ!

17 Іюля, Вторникъ. Вчера у отца-протопопа пилъ я чай съ однимъ старикомъ, купцомъ Силинымъ, который былъ прежде крестьяниномъ Нарышкина, но внесъ за себя 5000 рублей, получилъ увольненіе отъ помѣщика, записался въ купцы и теперь торгуетъ лѣсами, скотомъ и саломъ на полмильйона. Это человѣкъ очень здравомыслящій, но чрезвычайно-оригинальный въ своихъ объясненіяхъ. Ка̀къ бы предметъ разговора ни былъ серьёзенъ, онъ не можетъ удержаться, чтобъ не пересыпать его разными прибаутками на виршахъ своего издѣлія. Разсуждая о торговлѣ, онъ утверждалъ, что для Русскаго малограмотнаго человѣка внутренняя торговля, и особенно сельскими хозяйственными произведеніями, есть самая благонадежная. «Если отъ нея», говоритъ онъ, «не будешь мильйонщикомъ въ одинъ годъ, то не будешь тотчасъ и *банкрутомъ*, то-есть *плутомъ*. Торговать же съ Нѣмцами у *порта* все равно, что̀ ловить за хвостъ *чорта*. Нѣмцы торговлю свою ведутъ по *газетамъ*, да по *примѣтамъ*, а намъ нѣтъ прибыли въ *этомъ*». Я спросилъ его, не помѣшаетъ ли война нашей торговлѣ и не ожидаетъ ли онъ себѣ убытковъ? «Ничего, батюшка», отвѣчалъ онъ: «что̀ война, что̀ *миръ*, а купцу все *пиръ*. Вотъ изволишь видѣть, сударикъ ты мой, убытки-то нашему брату не отъ войны, а отъ того, что иные или не по силѣ *забираются*, или не по карману *проживаются*, на войну только *ссылаются*, а на повѣрку выходитъ, что если *купецъ* не *глупецъ*, такъ не пустъ и *ларецъ*». Очень также забавны выходки его противъ Наполеона, доказывающія, какая глубокая ненависть поселилась къ нему во всѣхъ классахъ нашего народа. «На Москвѣ», говоритъ онъ, «народъ больно ершиться сталъ: купцы въ городѣ калякаютъ, что мы-де лавки побросаемъ и всѣ поголовно пойдемъ, а ужъ этого *врага* прицѣпимъ чорту *на рога*». Нескладно, да ладно.

Отецъ-протопопъ сказывалъ, что онъ священствуетъ около 40 лѣтъ и въ продолженіе долгаго своего священства замѣтилъ, что во время военное бываетъ раждающихся болѣе, чѣмъ въ мирное, и сверхъ-того менѣе больныхъ и умирающихъ. «Это говорю я вамъ не облыжно», прибавилъ онъ, «и намедни въ проѣздъ свой въ Москву останавливавшійся

у меня помѣщикъ изъ Конь-Колодезя, Г. А. Синявинъ, сказывалъ, что и онъ сдѣлалъ такое же замѣчаніе. Отчего это происходитъ—Господь одинъ вѣдаетъ; только событіе не подвержено сомнѣнію». Вотъ задача для физіологовъ, если только эти люди чувствуютъ себя способными разрѣшать тайны Провидѣнія. Но едва ли.

22 Іюля, Воскресенье. Почтенный старикъ Н. А. Алферьевъ разсказывалъ, что въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, и что онъ самъ вовлеченъ былъ этимъ потокомъ въ непростительныя шалости. «Ка̀къ Богъ вынесъ изъ этой бездны, въ которую мы погружались», говорилъ старикъ, «я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, любезный, чтобъ молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей, и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда—прости имъ Господи—бывало, суются туда же! Кто неразвратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ; а всему виною были праздность и Французскіе учители. Да и какъ было не быть празднымъ? Молодой человѣкъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ двадцать лѣтъ имѣлъ уже чинъ майора и даже бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ, привольно, и заниматься, благодаря воспитанію, ничѣмъ не умѣлъ. Такъ поневолѣ приходила въ голову какая-нибудь блажь».—Алферьевъ разсказывалъ также много койчего объ Иллюминатахъ-алхимикахъ, которыхъ секта была дѣйствительно вредна, потому что состояла изъ явныхъ обманщиковъ. Эти плуты, подъ предлогомъ обогащенія другихъ, наживались сами, разоряя въ конецъ своихъ адептовъ. Иллюминаты-алхимики употребляли многіе непозволительные способы для достиженія своихъ цѣлей: они прибѣгали къ разнымъ одуряющимъ куреніямъ и напиткамъ и заклинаніямъ духовъ для того, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать на слабоуміе ввѣрившихся ихъ руководству; но, что̀ всего хуже и опаснѣе было, они умѣли привлекать къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ возбужденіемъ стра̀стей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію. Для этихъ людей ничего не было невозможнаго, потому что не было ничего священнаго, и они не гнушались никакими средствами, какъ бы они преступны ни были, чтобъ исполнить свои преднамѣренія. Главою этихъ гнусныхъ и, къ счастію, немногочисленныхъ въ Москвѣ людей, былъ Французъ *Перренъ*, мужчина лѣтъ сорока, видный собою,

ловкій, вкрадчивый, мастеръ говорить и выдававшій себя какимъ-то Баярдомъ, великодушнымъ, щедрымъ, сострадательнымъ и готовымъ на всякое доброе дѣло; но это былъ лицемѣръ перваго разряда, развратившій не одно доброе семейство и погубившій многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій. Я былъ съ нимъ знакомъ. Этотъ молодецъ квартировалъ на Мясницкой въ домѣ Левашова, но только для виду; а настоящее его логовище было за Москвою рѣкою, въ Кожевникахъ, въ домѣ Мартынова, или Мартьянова, куда собирались къ нему адепты обоего пола. Однакожь *Перренъ* не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ могъ продолжать свои операціи и, благодаря ревнивому характеру одного богатаго мужа, слѣдившаго за своею женою, мошенничества его были, наконецъ, открыты; лицемѣра изобличили, уличили и спровадили за границу со всѣми его соумышленниками и помощниками: Мезеромъ, Курбе, Гофманомъ, мадамъ Пике́ и мамзель Шевато. Странное дѣло, нашлись люди, которые объ этихъ подлецахъ сожалѣли и даже хлопотали, чтобъ оставить ихъ въ Москвѣ.

Но это сказаніе слишкомъ пространно, и я сообщу его когда-нибудь послѣ, потому что теперь зоветъ меня къ себѣ «Артабанъ». Свой своему поневолѣ другъ.

26 Іюля, Четвергъ. Пресмѣшное происшествіе! Ѳ. Г. Вишневскому собака откусила носъ! Это приключеніе составляетъ теперь предметъ разговоровъ цѣлаго Липецка и всѣхъ его окрестностей.

Ѳ. Г. Вишневскій, Московскій баринъ, добрый, прекрасный, гостепріимный старикъ, имѣетъ страсть щупать все, что́ ни увидитъ и что̀ ни попадется ему подъ руку: идетъ ли по улицѣ мимо какого-нибудь новаго дома, онъ ощупаетъ всѣ углы и стѣны; войдетъ ли въ домъ, ощупаетъ всѣ мёбели; увидитъ люстру, или гардины—подставитъ стулъ и полѣзетъ щупать гардины и люстру. Но съ этой страстью щупать вещи неодушевленныя онъ соединяетъ другую въ отношеніи къ людямъ и животнымъ: онъ ихъ щупаетъ и цалуетъ. Мужчины и пожилыя дамы не сердятся на него за эту привычку, но дѣвицы бѣгаютъ его какъ чумы. Чуть только зазѣвается какая нибудь барышня, Ѳ. Г. тутъ какъ тутъ: обхватитъ пальцами шейку и тотчасъ чмокъ въ затылокъ или въ плечо. Что же касается кошекъ и собакъ, то сколько бы ихъ ему ни встрѣтилось, онъ перещупаетъ и перецалуетъ всѣхъ, отъ первой до послѣдней. Не проходитъ дня, чтобъ жена его, старуха свѣтская и умная, не напоминала ему о неприличіи такихъ поступковъ, и чтобъ дочери его, дѣвицы чрезвычайно-образованныя, не упрашивали его быть осторожнѣе и не заставлять ихъ краснѣть за него; не тутъ-то было: онѣ еще не успѣютъ кончить нравоученія, а Ѳ. Г—чъ, смотри и спроказитъ что-нибудь.

Третьягодня въ галлереѣ собралось пропасть посѣтителей. Ѳ. Г—чъ, по обыкновенію, расхаживалъ и щупалъ все, что ни попало; ощупавъ галерейную мебель, забрался въ буфетъ и ощупалъ всю посуду; вышелъ въ садъ—ощупалъ всѣ деревья и всѣ камешки и кирпичи, приготовленные для садовыхъ дорожекъ; перещупалъ и перецаловалъ всѣхъ лошадей, привезшихъ матеріалы для нѣкоторыхъ построекъ; словомъ, онъ былъ въ необыкновенномъ припадкѣ щупанья; наконецъ, попалась ему мордашка И. А. Лихонина, прекрасивая, но и презлая собачонка, купленная имъ съ медвѣжьей травли и очень привязанная къ своему хозяину. Ну, какъ же Ѳ. Г—чу обойтись безъ того, чтобъ не пощупать и не поцаловать такое сокровище? Вотъ онъ и началъ ухаживать за нею. «Моська, моська, сюда, сюда!» Мордашка ни съ мѣста; но Ѳ. Г—чъ не плохъ: набралъ въ буфетѣ бисквитовъ и давай приманивать мордашку бисквитами; бросилъ ей одинъ — съѣла, бросилъ другой—проглотила, третьимъ приманилъ къ себѣ и далъ ей съѣсть его изъ рукъ. Вотъ, кажется, и познакомились. Ѳ. Г—чъ погладилъ мордашку—терпитъ; за такое снисхожденіе еще бисквитъ; онъ взялъ ее на руки и сѣлъ съ нею на стулъ—мордашка расположилась на колѣняхъ и опять получила бисквитъ. Дѣло идетъ совсѣмъ на ладъ; остается только пощупать шейку да поцаловать въ мордочку и—подвигъ конченъ. Ѳ. Г—чъ обхватилъ шею и уже нагнулся, чтобъ поцаловать мордашку, но послѣдняя операція не удалась: неблагодарная вдругъ всею пастью впилась ему въ носъ и, какъ піявка, повисла на немъ. Кровь брызнула фонтаномъ. Ѳ. Г—чъ заревѣлъ бѣлугой, и всѣ бывшіе въ галереѣ бросились на помощь къ паціенту. Лихонинъ схватилъ графинъ воды и ну отливать свою мордашку, словомъ, шумъ и гамъ, кончившіеся тѣмъ, что бѣднаго щупателя или щупальщика, ни живаго, ни мертваго, посадили въ карету съ истерзаннымъ носомъ и отправили домой въ сопровожденіи встревоженнаго его семейства. Удивительный оригиналъ! Меньшая дочь его утверждаетъ, что это происшествіе нисколько не отучитъ ея папеньку отъ несчастной страсти къ щупанью и поцалуямъ. Прекрасная перспектива!

30 Іюля, Понедѣльникъ. Вотъ продолженіе исторіи о Перренѣ. Не подумай, чтобъ это былъ вымыслъ — нѣтъ: это настоящее событіе, о которомъ, по свидѣтельству многихъ, немало говорено было въ свое время. Я только сократилъ и выпустилъ нѣкоторыя грязныя подробности разсказа Алферьева; иначе, пришлось бы исписать цѣлую десть бумаги.

Нѣкто Глѣбовъ, очень богатый человѣкъ, будучи бездѣтнымъ вдовцомъ, немолодыхъ лѣтъ, скучалъ своимъ одиночествомъ. Въ карты иг-

рать онъ не любилъ, псовымъ охотникомъ не былъ, въ винѣ не находилъ никакого вкуса, а умственныя занятія были не по его способностямъ; слѣдовательно онъ, естественно, долженъ былъ умирать со скуки. Въ тогдашнее время, публичныхъ развлеченій было немного. Представленія на театрѣ были рѣдки, маскарады еще рѣже, да и новый содержатель театральной труппы Н. С. Титовъ (1776) не умѣлъ еще приманить публику въ Головинскій театръ свой, стоявшій на концѣ города: не всякому охота была тащиться такую даль и по такимъ скверным дорогамъ, какія въ то время существовали, чтобъ позѣвать на плохихъ актёровъ.

Итакъ, Глѣбовъ скучалъ. Перренъ узналъ, что такой-то богатый баринъ сильно скучаетъ и, на этомъ основаніи, тотчасъ же задумалъ построить зданіе своего благосостоянія. Въ этомъ намѣреніи онъ, чрезъ пріятеля своего молодаго князя, знакомится съ Глѣбовымъ и при первомъ свиданіи очаровываетъ его своею любезностью, разсказываетъ ему свои путешествія, смѣшитъ разными анекдотами и заставляетъ его удивляться такимъ событіямъ и принимать участіе въ такихъ приключеніяхъ, въ которыхъ не было ни на волосъ истины. Послѣ двухъ или трехъ посѣщеній проворный Французъ сдѣлался почти необходимъ Глѣбову. Послѣдній прежде скучалъ, а теперь вдвое сталъ скучать безъ Перрена; словомъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Перренъ совершенно овладѣлъ Глѣбовымъ; но за то Глѣбовъ перестал скучать и, по совѣту своего друга, рѣшился вступить въ супружество.

Но на комъ жениться Глѣбову? Пожилой невѣсты онъ взять за себя не захочетъ, а молодая не будетъ любить его. «Мсьё Перренъ, какъ помочь горю?» — «Мсьё Глѣбовъ, вы должны жениться на дѣвушкѣ молодой, прекрасной собою, образованной и, главное на сиротѣ, чтобъ не навязывать родныхъ жены вашей себѣ на шею. Такая дѣвушка есть: вы ее нѣсколько разъ видѣли и говорили съ нею у мадамъ Пикѐ, когда мы съ вами вмѣстѣ пили у нея чай; скажу болѣе: по ея вопросамъ и разспросамъ о васъ я замѣтилъ, что вы ей приглянулись и, какъ я послѣ слышалъ отъ мадамъ Пике́, она точно къ вамъ неравнодушна. Чего же лучше? Отъ васъ зависитъ быть счастливымъ».

Глѣбовъ развѣсилъ уши. Дѣвушка была точно хороша собою, и хотя была иностранка, но могла объясняться нѣсколько по-русски; а иностранное произношеніе придавало разговору ея особенную пріятность. «Но она не нашего вѣроисповѣданія», замѣтилъ Глѣбовъ. — «Она такъ расположена къ вамъ, что завтра же, если захотите, приметъ вашу религію», отвѣчалъ Перренъ. Глѣбовъ задумался. «Мсьё Перренъ, я ревнивъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я ревновалъ

жену свою ко всѣмъ знакомымъ; но, женившись теперь, я могу сдѣлаться Туркомъ! Мсьё Перренъ, я чувствую, что буду любить жену свою, потому что она мила; а любовь безъ ревности не существуетъ».— «И хорошо сдѣлаете, мсьё Глѣбовъ. Любите жену вашу и ревнуйте ее, сколько хотите: это придастъ разнообразіе вашей жизни, и вы не впадете въ апатію. Ревность молодитъ человѣка».

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Глѣбовъ поѣхалъ предложить руку мамзель Рабо̀, 19-ти лѣтней сиротѣ, уроженкѣ Марсельской и крестницѣ мадамъ Пикѐ. Разумѣется, эта рука съ 40,000 рублей годоваго дохода была принята съ однимъ только условіемъ, чтобъ обращеніе въ Православную вѣру мамзель Рабо̀ оставалось для всѣхъ тайною, а вѣнчаніе происходило въ какой-нибудь деревенской церкви, въ которой, кромѣ священника и церковно-служителей, другихъ присутствующихъ при бракѣ никого не было. Причиною такого требованія была необыкновенная стыдливость невѣсты, которая прежде не могла безъ ужаса и отвращенія помыслить о бракѣ, и если теперь побѣдила этотъ ужасъ и отвращеніе, то единственно по какому-то невольному влеченію сердца. Къ этому требованію прибавлена была еще просьба: оставить у нея въ услуженіи ея горничную, мамзель Шевато́, къ которой она такъ привыкла, что не могла равнодушно подумать о разлукѣ съ нею. Глѣбовъ согласился на всѣ условія; а чтобъ еще болѣе угодить своей невѣстѣ, принялъ къ себѣ въ должность дворецкаго, Француза Курбѐ, рекомендованнаго ему Перреномъ. По крайней-мѣрѣ, думалъ онъ въ первое время нашего супружества жена моя будетъ имѣть человѣка, съ которымъ объясниться можетъ.

Бракъ состоялся: мамзель Рабо̀ обращена въ Марью Петровну Глѣбову. Она была весела, довольна, счастлива, обнимала и цаловала безпрестанно своего мужа, не сходила у него съ колѣнъ, трепала его по щечкамъ, называла его самыми нѣжными именами: mon tout, mon choux, mon bijou, mon âme, mon ange и проч. и проч., словомъ, забыла о своей застѣнчивости. Мужъ былъ въ восторгѣ; но этотъ восторгъ продолжался недолго: на четвертый же день брака онъ сдѣлался, въ свою очередь, застѣнчивъ, задумчивъ, молчаливъ и даже равнодушенъ къ ласкамъ жены своей. Мсьё Перренъ и мадамъ Пикѐ посѣщали молодыхъ почти ежедневно, но Глѣбовъ принималъ ихъ не съ такимъ уже удовольствіемъ, какъ прежде, и видимо избѣгалъ какого-то съ ними объясненія, хотя оно, казалось, и готово было сорваться у него съ языка.

Тѣмъ временемъ многочисленные знакомые Глѣбова, узнавъ о неожиданномъ его бракѣ, безпрестанно пріѣзжали съ нему; но, подъ предлогомъ болѣзни мадамъ Глѣбовой, одни не были принимаемы, дру-

гіе принимаемы на короткое время и не очень охотно, такъ, что любопытство Москвичей видѣть молодую и узнать о подробностяхъ брака не могло быть вполнѣ удовлетворено. Изъ этого, разумѣется, произошли толки, изъ толковъ развились предположенія и заключенія, а изъ этихъ послѣднихъ, какъ водится, родились сплетни, которыя чуть-чуть не остановились на томъ, что Глѣбовъ женился непремѣнно на уродѣ и стыдится показать ее своимъ знакомымъ; но Перренъ опровергалъ эти слухи. «Помилуйте», говорилъ онъ, «кто могъ принудить Глѣбова жениться на безобразной женщинѣ? Напротивъ, это ангелъ красоты и нѣжности. А какъ умна, какъ образована, какъ привлекательна и какъ любитъ своего мужа! Къ-несчастію, этотъ мужъ слишкомъ ревнивъ, слишкомъ самолюбивъ и себялюбивъ, и хочетъ наслаждаться своимъ счастіемъ въ тишинѣ уединенія одинъ, и даже меня, своего друга, допускаетъ къ себѣ рѣдко, и то на минуту, какъ будто я въ состояніи былъ похитить его сокровище!» Вотъ Москва и загудѣла: Глѣбовъ ревнивецъ, Глѣбовъ тиранъ; онъ держитъ въ заперти красавицу-жену, на которой женился по взаимной любви; да это настоящее истязаніе для молодой женщины, и Глѣбова надобно принудить жить открытѣе или отдать въ опеку.

А между тѣмъ, пока Москва гудѣла, на сердцѣ Глѣбова лежала глубокая тайна: страшное подозрѣніе закралось въ его душу и не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью; онъ безпрестанно вертѣлъ въ рукахъ записку, которую нашелъ въ комнатѣ жены своей, и какъ ни плохо разумѣлъ Французскій языкъ, но столько понять могъ, что въ этой запискѣ заключались какія-то наставленія и разные способы...

Сейчасъ принесли съ почты пакетъ изъ С. Петербурга. Добрый старикъ Лабатъ премилымъ письмомъ, въ которомъ столько же нѣжностей, сколько и грамматическихъ ошибокъ, извѣщаетъ, что 14-го числа сего мѣсяца я опредѣленъ въ Коллегію, и приглашаетъ пріѣхать скорѣе въ Петербургъ. Домашніе мои въ восторгѣ; но есть и недомашніе, которые, сверхъ чаянія моего, столько же радуются. Итакъ студенчество мое, благодаря Бога, кончилось Завтра у насъ большой обѣдъ для всего Липецка; скоро, можетъ быть, отправятъ меня въ Москву, откуда, попрежнему, писать буду и доскажу окончаніе Перреновыхъ плутней.

Умнаго Дурака отправятъ въ твое Никольское сохранно. Прости!

ДНЕВНИКЪ ЧИНОВНИКА.

Москва. 25 Августа 1806 года. Субота. Я въ Москвѣ съ 16-го числа. Меня протурили изъ Липецка по разнымъ дѣламъ; а признаюсь, грустно было оставить милый городокъ, съ которымъ соединено столько пріятныхъ воспоминаній; mais le devoir avant tout *). Впрочемъ, какъ ни настаиваютъ мои покровители о скорѣйшемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, я полагаю, что еще нескоро туда попаду. Альбини рѣшительно хочетъ отвезти меня самъ, и домашніе мои тому рады; но Альбини, прежде окончанія сезона водъ, оставить Липецка не можетъ, слѣдовательно ближе Октября, или даже Ноября, я Петербурга не увижу.

И. И. Дмитріевъ пожалованъ сенаторомъ; я ѣздилъ его поздравить и нашелъ у него Н. Н. Бантыша-Каменскаго, которому онъ меня рекомендовалъ, объявивъ, что я изъ студентовъ и записанъ уже въ Иностранную Коллегію. Каменскій вспомнилъ, что видѣлъ меня въ прошломъ году у графа Остермана, дозволилъ мнѣ пріѣхать къ себѣ и обѣщалъ дать рекомендательное письмо къ оберсекретарю Иностранной Коллегіи, И. К. Вестману.

Что́ говорили, то и случилось: власти въ Москвѣ другія. Новаго губернатора Ланскаго очень хвалятъ; но о генералъ-губернаторѣ Тутолминѣ не говорятъ ничего и, кажется, его не знаютъ. Онъ пріѣхалъ 19-го числа и вступилъ въ должность. Сожалѣютъ объ Александрѣ Андреевичѣ, которому болѣзнь воспрепятствовала продолжать быть пестуномъ древней столицы. Я недавно только узналъ, что Беклешовъ тоже былъ не главнокомандующимъ, а только генералъ-губернаторомъ.

Ждутъ не дождутся манифеста о войнѣ. Всѣ умы въ волненіи пуще, нежели были въ прошломъ году. Князь Одоевскій опять занялъ квартиру свою противъ воротъ Почтамта, чтобъ скорѣе получать новости. Монета въ цѣнѣ возвышается: рубль ходитъ уже 1 рубль 32 коп., а червонецъ—4 рубля 10 коп. и, говорятъ, будетъ еще дороже.

*) Но долгъ прежде всего.

На другой день пріѣзда былъ въ Русскомъ театрѣ. Давали *Купца Бота*, въ роли котораго Плавильщиковъ такъ хорошъ. Послѣ комедіи играли оперу *Служанка-госпожа*. Вотъ настоящая роль Сандуновой: ломайся себѣ сколько угодно, все будетъ хорошо; Итальянскія оперы по характеру ея игры и пѣнія.

29 Августа, *Среда*. Былъ у Н. Н. Бантыша-Каменскаго. Да это не человѣкъ, а сокровище. Съ виду неказистъ: такъ, старичишечка лѣтъ 70-ти, маленькій и худощавенькій; а что за бездна познаній! Принялъ благосклонно и удивлялся, отчего я не просился на службу въ Архивъ, какъ то дѣлаютъ всѣ Московскіе баричи. Въ томъ-то и дѣло, сказалъ я, что я не Московскій баричъ, и мнѣ нужна служба дѣятельная. Онъ похвалилъ, но прибавилъ, что кто желаетъ быть полезнымъ, тотъ найдетъ всюду дѣло. Онъ говорилъ большею частью о Московской старинѣ, объ эпохѣ чумы и Пугачевскаго бунта. Желая повѣрить разсказъ Алферьева о *Перренѣ*, я осмѣлился спросить его, точно ли этотъ Французъ, и особенно исторія его съ Г., обратили на себя такое вниманіе тогдашняго Московскаго начальства? «Помнится, что-то похожее было», отвѣчалъ мнѣ Николай Николаевичъ, «но я мало занимался этимъ вздоромъ; впрочемъ, послѣ чумы на Москву напала другая зараза: Французолюбіе. Много Французовъ и Француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные. Не одному Г. подсунули Французскую шлюху: много Москвичей и познатнѣе его были жертвами обмана; только случаи эти не могли быть мнѣ въ подробности извѣстны, потому что я велъ очень уединенную жизнь, занимаясь дѣлами Архива». В. И. Богдановъ сказывалъ, что Каменскій очень друженъ съ митрополитомъ Платономъ и чрезвычайно уважаемъ всѣми духовными.

6 Сентября, *Четвергъ*. Наконецъ, манифестъ отъ 30-го Августа о войнѣ съ Французами полученъ. Записные политиканы наши, по словамъ Дмитріева,

И ѣдутъ, и плывутъ,
И скачутъ, и ползутъ,

чтобъ сообщить другъ другу слышанныя или полученныя ими изъ Петербурга по сему случаю новости. Я не очень знаю, что̀ говорится и дѣлается въ высшемъ кругу; но что̀ касается до круга моихъ знакомыхъ, то они всѣ радуются рѣшимости Государя, и всѣ вообще готовы не токмо на какое пожертвованіе, но и на всякое самоотверженіе. Намедни новый губернаторъ какъ нельзя лучше выразился насчетъ этого общаго любопытства и толковъ о предстоящихъ событіяхъ. «Да, ска-

залъ онъ; *заговорило сердце Русское!*» Теперь еще покамѣстъ Москва пуста, только нѣкоторые знатные Москвичи возвращаются изъ подмосковныхъ; но какъ скоро всѣ съѣдутся, то я увѣренъ, что пойдетъ дымъ коромысломъ. Новый генералъ-губернаторъ открыто говоритъ, что необходимо поголовное вооруженіе, и что надобно однимъ разомъ уничтожить врага, а для этого нужны сильныя средства. Въ манифестѣ есть ссылка на указъ 1-го Сентября прошлаго года; въ этомъ указѣ сказано, что Государь не можетъ равнодушно смотрѣть на опасности, угрожающія Россіи, и что безопасность имперіи, достоинство ея, святость союза и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль его составляющее, водворить на прочныхъ основаніяхъ миръ въ Европѣ, заставили его (тогда) подвинуть войска за границу. Кажется, лучшихъ причинъ къ войнѣ и теперь быть не можетъ. Благослови Господь!

Фельдмаршалъ графъ Каменскій въ Петербургѣ и будетъ, кажется, командовать арміею. Опытные люди говорятъ, что онъ всегда извѣстенъ былъ за отличнаго тактика, а съ Бонапарте это качество нелишнее; храбрость храбростью, да и военныя соображенія необходимы: они сберегаютъ солдатъ. А между тѣмъ, покамѣстъ еще фельдмаршалъ не передъ войскомъ, онъ присутствовалъ 1-го числа на празднествѣ Академіи Художествъ и подарилъ нѣсколькимъ ученикамъ, которыхъ ему рекомендовали за отличнѣйшихъ, по сту рублей. Я самъ сегодня читалъ письмо архитектора Бушуева къ матери, въ которомъ онъ описываетъ бывшее празднество и вмѣстѣ великодушіе стараго воина. Черта похвальная; но меня-то зачѣмъ онъ обидѣлъ въ прошломъ году грубымъ пріемомъ? Впрочемъ, Богъ съ нимъ! Лишь бы посчастливилось ему скрутить Французскаго забіяку.

10 Сентября, Понедѣльникъ. Сегодня неожиданно посѣтилъ меня пріѣхавшій изъ Петербурга Бахертъ, чиновникъ очень порядочный, который, по страстной любви къ мадамъ Кафка, намѣренъ на ней жениться и вступить въ актёры. Нечего сказать, охота пуще неволи! Сезонъ Нѣмецкаго театра открывается 14-го числа 2-ю частью «Русалки», въ которой главную роль будетъ занимать нареченная невѣста. Не думаю, однакожъ, чтобъ Бахертъ сдѣлалъ глупость жениться на актрисѣ, и еще на какой? На актрисѣ par excellence. Потолкуютъ— и будетъ съ нихъ.

Я рѣшительно непамѣренъ болѣе ѣздить въ Нѣмецкій театръ иначе, какъ въ дни представленія большихъ оперъ. Драмы и комедіи безъ Штейнсберга, при настоящихъ распоряженіяхъ, будутъ похожи на площадныя игрища. Игра свѣчъ не стоитъ. Правду сказать, и давно бы пора перестать кулисничать. Времени потеряно много, а польза неве-

лика. Впрочемъ, я ошибаюсь—польза есть: никогда не научился бы я ни съ кѣмъ такъ болтать по-нѣмецки, какъ съ этими Нѣмками, и не полюбилъ бы такъ Нѣмецкихъ поэтовъ, какъ люблю ихъ теперь. Они—*отрада души моей,* какъ выражается князь Шаликовъ.

13 Сентября, Четвергъ. Въ Англійскомъ клубѣ разсказываютъ, что 7-го числа торжественно поднесено было отъ Сената Государю благодареніе, по случаю изданнаго 30-го Августа манифеста. Депутатами были князь Н. И. Салтыковъ и графъ А. С. Строгановъ. Вотъ такъ славно! Расцаловалъ бы того, кому такая мысль пришла въ голову. Въ прошедшее Воскресенье Лютеранской церкви пасторъ старикъ Бруннеръ, въ поученіи своемъ, сказалъ: «Какая награда можетъ быть Государю за тѣ неимовѣрные труды и попеченія, которые онъ подъемлетъ для блага и спокойствія своихъ подданныхъ, кромѣ искренней ихъ признательности? И потому, любезные слушатели, въ полномъ сознаніи дѣйствительности его благодѣяній, будемъ ему признательны, будемъ любить его и молиться за него Тому, въ Чьей рукѣ сердце Государя и собственный нашъ жребій». Прекрасно!

Погода стоитъ удивительная. Небо такъ ясно, такъ безоблачно, хоть бы въ Маѣ. Говорятъ, что это плохой знакъ для будущаго урожая озимыхъ хлѣбовъ; но на людей Богъ не угодитъ: то молятся о дождѣ, то о вёдрѣ, то-есть всякій молится о томъ, что́ ему нужно въ частности, а объ общемъ итогѣ не думаетъ. Мнѣ случилось встрѣтиться съ однимъ помѣщикомъ, который чрезвычайно негодовалъ на дождь потому только, что онъ мѣшалъ ему кончить строеніе. Ѳ. С. Мосоловъ замѣтилъ, что строеніе кончить можно и послѣ, а дождь случился такъ во̀время, что для хозяина и земледѣльца онъ сущій кладъ. «Да у меня все имѣніе на оброкѣ», возразилъ помѣщикъ съ неудовольствіемъ и—тѣмъ порѣшилъ дѣло.

16 Сентября, Воскресенье. Вчерашній день, по случаю празднества коронаціи, въ Успенскомъ соборѣ было необыкновенное стеченіе народа. Преосвященный викарій Августинъ служилъ соборомъ и произнесъ прекрасное слово. Благодаря нѣкоторымъ знакомымъ священникамъ, я пробрался до самаго почти алтаря и, стоя на клиросѣ, могъ разсмотрѣть всѣ власти Московскія—видъ великолѣпный! Между прочимъ, замѣтилъ и оберъ-полицеймейстера А. Д. Балашева, котораго, говорятъ, И. И. Дмитріевъ сосваталъ на одной своей родственницѣ Бекетовой.

Въ Русскомъ театрѣ давали трагедію «Титово Милосердіе». Плавильщиковъ игралъ Тита хорошо. О прочихъ актерахъ говорить не-

чего: ниже посредственности. Публики было много, и она не сидѣла поджавши руки; аплодисменты не прерывались; всякій стихъ, имѣющій какое нибудь отношеніе къ Государю, заглушаемъ былъ рукоплесканіями. Въ партерѣ встрѣтился со старикомъ Алферьевымъ, пріѣхавшимъ съ Липецкихъ водъ. Звалъ меня къ себѣ покалякать. Онъ остановился у Баца, на Тверской, и пробудетъ здѣсь съ недѣлю. Непремѣнно у него буду: не разскажетъ ли еще что-нибудь?

П. П. Бекетовъ и князь А. А. Урусовъ пожертвовали Университету своими собраніями дорогихъ камней и чучелъ разныхъ птицъ и животныхъ. Спасибо! Еслибъ нашлось поболѣе такихъ жертвователей, то университетскій музеумъ вскорѣ бы обогатился; къ несчастью, они рѣдки.

22 Сентября, Субота. Домашніе мои пишутъ, что у нихъ начались безпрерывныя полеванія. Я завидую тѣмъ, кто въ нихъ участвуетъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, у меня страсть къ охотѣ наслѣдственная. Не знаю, какъ у васъ; но говорятъ, что въ нашей сторонѣ нынѣшній годъ бездна всякой дичи и звѣрей всякаго рода. Какъ бы я желалъ теперь вспомнить блаженныя времена моего дѣтства и попрежнему порыскать

По полямъ, и по лѣсамъ,
И по мхамъ, и по болотамъ,
По долинамъ и буграмъ,
И сказать: прости—заботамъ!

Мнѣ разсказывали, что лѣтъ 10-ть или 12-ть назадъ, въ Москвѣ существовала Англійская парфорсная охота, которой главная квартира находилась прежде на Воробьевыхъ горахъ, а послѣ въ селѣ Троицкомъ. Директорами этой охоты были Н. М. Гусятниковъ, превеликій англоманъ и человѣкъ очень аккуратный, и какой-то богатый Англичанинъ, которые содержали ее насчетъ общества охотниковъ великолѣпно: гончія собаки были настоящія Англійскія, равно и пикёры, то-есть ловчій и доѣзжачій, были Англичане и ѣздили на Англійскихъ гунтерахъ. Нѣсколько времени все шло какъ нельзя лучше, и всѣ были довольны; но послѣ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ иные богатые маменькины дѣтки и бабушкины внучки чуть не посломали себѣ шей, перепрыгивая по Англійскому обычаю

Черезъ пни, черезъ кочки и колоды,
Черезъ заборы, рвы и воды,

на такихъ лошадяхъ, которыя умѣли не прыгать, а только піафировать, вдругъ на бѣдную охоту и ея директоровъ возстало страшное гоненіе: она подверглась общему негодованію въ Московскихъ салонахъ, и, къ сожалѣнію, надобно было ее уничтожить. А жаль! Эти охоты,

содержимыя на общій счетъ желающихъ ими пользоваться, чрезвычайно удобны для охотниковъ всякаго состоянія. Заплатилъ одинъ разъ въ годъ извѣстную небольшую сумму—и ѣзди себѣ бариномъ, не заботясь рѣшительно ни о чемъ.

25 Сентября, Вторникъ. Знаменитая панорама Парижа, принадлежавшая архитектору Кампорези, снята, и самое строеніе продается въ сломку на дрова. Sic transit gloria mundi! [1]) А какая прелестная была эта панорама! Говорили, что хотятъ снять панораму Москвы съ колокольни Ивана Великаго. Если это правда, то архитекторъ или живописецъ, который съ сей точки снимать ее будетъ, ошибется въ разсчетѣ: онъ потеряетъ лучшій point de vue—Кремль. По мнѣнію знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, напримѣръ Тончи, Молинари и др., лучшимъ пунктомъ для снятія Москвы могутъ быть Воробьевы горы, съ которыхъ вся Москва видна какъ на ладони, или Сухарева башня. Если же бы захотѣли представить Москву въ отдаленіи пейзажемъ, то надобно рисовать ее съ Поклонной горы, или съ возвышенностей с. Черкизова.

На будущей недѣлѣ фехтовальный учитель Севенаръ съ сыномъ будутъ держать публичный assaut съ другимъ, такимъ же фехтовальщикомъ, какъ и они сами, сэромъ Сибертомъ. Посмотримъ, кто изъ нихъ проворнѣе и ловчѣе. Я учился у Севенара и прежде у Сиво въ пансіонѣ Ронка́ и, къ сожалѣнію, не могу похвастаться ихъ отзывами. На вопросъ Ронка́ Сиво, надѣется ли онъ, что я успѣю сколько-нибудь въ искусствѣ, послѣдній отвѣчалъ: «Monsieur, je n'ai jamais vu de flandrin plus gauche que celui-là» [2])—и справедливо: я было выкололъ ему глазъ. Танцованье и фехтованье дались мнѣ еще менѣе, чѣмъ математика.

29 Сентября, Субота. Альбини пріѣдутъ въ Москву не прежде, какъ въ концѣ будущаго мѣсяца; слѣдовательно и думать нечего быть въ Петербургѣ ближе Ноября. Петръ Ивановичъ восхищается моимъ «Артабаномъ», котораго 4-е дѣйствіе я почти кончилъ; но я не очень ему довѣряю. Когда совершенно кончу, покажу Мерзлякову и Буринскому, а тамъ рѣшусь показать Плавильщикову, котораго попрошу сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе и дать совѣтъ насчетъ расположенія сценъ. Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть!

Не помню, на чемъ остановилась исторія о «Перренѣ» [3]); кажется, на запискѣ, найденной мужемъ въ комнатѣ жены своей. Изъ этой

[1]) Такъ проходитъ слава на свѣтѣ.

[2]) М. г., никогда не видалъ я коротышки косолапѣе этого.

[3]) См. выше подъ 30 Іюля.

записки, заключавшей въ себѣ наставленія и средства, какъ скрыть нѣкоторыя обстоятельства, предосудительныя для чести мамзель Рабо́, Глѣбовъ получилъ понятія, хотя и не совсѣмъ ясныя, что онъ могъ быть жертвою обмана, и потому рѣшился надзирать за женою и за окружавшими ее Французами молча и скрѣпя сердце. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и однакожъ не представилось ни одного случая, который бы далъ возможность Г. убѣдиться или въ справедливости, или въ неосновательности своего подозрѣнія. Онъ страдалъ, потерялъ аппетитъ и сонъ, ослабѣлъ и похудѣлъ, сдѣлался равнодушнымъ ко всему, кромѣ одной идеи: подстеречь жену свою, которая между тѣмъ съ каждымъ днемъ становилась къ нему нѣжнѣе, оказывала ему наивозможныя ласки, пеклась о немъ и тысячью мелочныхъ предупрежденій, которыхъ тайна извѣстна однимъ только женщинамъ, старалась разсѣять мрачныя мысли своего мужа и возвратить его нѣжность.

Наконецъ случай, такъ нетерпѣливо ожидаемый Глѣбовымъ, представился. Однажды ночью услышалъ онъ, что чуть-чуть скрипнула дверь, ведущая изъ спальни въ корридоръ, въ глубинѣ котораго находилась комната мамзель Шевато̀, и что съ этимъ скрипомъ жена его, вставъ съ постели, тихонько на цыпочкахъ пошла въ корридоръ, и затѣмъ, какъ ему почудилось, въ комнату своей горничной. Г. сдѣлалъ тоже самое: всталъ и также на цыпочкахъ отправился за женою, остановился у дверей Шевато́, притаилъ дыханіе, приложилъ ухо къ дверямъ и сталъ слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ комнатѣ начался уже разговоръ шопотомъ. «Да отчего же ты, несчастная, до сихъ поръ ничего еще не умѣла сдѣлать ни для себя, ни для насъ? Ты видишь, мужъ твой олухъ; что́ можешь ты извлечь изъ него однѣми ласками и угожденіями, когда нужны характеръ и настойчивость. Надобно подъ-часъ и возвысить голосъ. Ласки твои были кстати для начала; но теперь, когда ты видишь, что̀ за человѣкъ твой мужъ, который какъ будто пренебрегаетъ твоими ласками, надобно взяться за него другимъ образомъ: надобно у него просить, требовать и надоѣдать ему. Гдѣ брильянты первой жены его? Они всѣ должны бы давно принадлежать тебѣ и намъ. Да отчего онъ такъ перемѣнился вскорѣ по слѣ свадьбы? Этой загадки ты не умѣла разрѣшить мнѣ до сихъ поръ; сдѣлала ли ты именно все то, о чемъ я говорилъ тебѣ и даже далъ письменное наставленіе? Я всегда зналъ, что ты глупа, но до сихъ поръ не думалъ, чтобъ ты была глупа до такой степени». Этой выходки говорящаго достаточно было для Г., чтобъ узнать въ немъ Перрена; съ этой минуты все для него было ясно. Онъ возвратился на постель свою, закашлялъ и какъ будто ненарочно, въ просонкахъ, уронилъ со стола табакерку, чтобъ прекратить ночное свиданіе и вы-

звать жену, которая точно возвратилась, но ужъ не на цыпочкахъ, и хотя тихо, но обыкновенною своею походкою и спокойно, какъ будто выходила за чѣмъ-нибудь другимъ. Мужъ не обратилъ вниманія на приходъ жены и притворился спящимъ, но между тѣмъ обдумывалъ планъ, который на другой же день и хотѣлъ привести въ исполненіе.

Утромъ Марья Петровна разливала чай, но была печальнѣе обыкновеннаго; Г. же, напротивъ, казался спокойнѣе и былъ разговорчивѣе. «Нынѣшнею ночью мнѣ снились престранныя вещи», сказалъ онъ; между прочимъ, приснилось мнѣ, что ты—не ты и что, вмѣсто тебя, я обнималъ змѣю». Жена посмотрѣла ему пристально въ глаза. «Сонъ твой удивителенъ, милый другъ; но мой сонъ еще удивительнѣе: мнѣ пригрезилось, что какой-то злой духъ точно обратилъ меня въ змѣю, и я жалила и кусала тебя, но, побѣжденная твоимъ терпѣніемъ, я опустила голову; ты хотѣлъ раздавить меня и однакожъ не раздавилъ, а великодушно предоставилъ меня судьбѣ моей». Г. изумился. «Такъ поэтому ты догадываешься, о чемъ я говорить намѣренъ?»—«Не только догадываюсь, но знаю и два мѣсяца ищу случая броситься къ ногамъ твоимъ и открыть тебѣ всѣ адскіе противъ тебя замыслы, которыхъ хотѣли меня сдѣлать орудіемъ.»—«Кто жъ ты, несчастная?»—«Я бѣдная сирота, воспитывавшаяся изъ милости въ одномъ богатомъ Парижскомъ домѣ и обольщенная Перреномъ. Фамилія моя точно Рабó, но мнѣ не 19-ть лѣтъ, какъ хотѣли въ томъ увѣрить тебя, а 24. Я долго отказывалась отъ участія въ замыслахъ злодѣя, но меня къ тому принудили почти силою и угрозами, а сверхъ того представили такія блестящія надежды въ будущемъ, что онѣ въ несчастномъ, отчужденномъ моемъ положеніи вскружили мнѣ голову. Я сказала все; остальное ты самъ узнать можешь. Теперь дѣлай со мною, чтò хочешь. Совѣсть мучитъ меня, и я готова искупить мое заблужденіе и, если хочешь преступленіе, такими наказаніями, какія ты придумаешь; подвергаюсь имъ безусловно: какъ бы они жестоки ни были, но будутъ все легче теперешняго невыносимаго моего положенія». Кончивъ признаніе, она зарыдала. Г. обомлѣлъ и погрузился въ размышленіе. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ подалъ ей руку и сказалъ, что ее прощаетъ, но что она должна все сказанное ему подтвердить передъ тѣмъ лицомъ, которое онъ привезетъ съ собою; а между тѣмъ, чтобъ до тѣхъ поръ весь разговоръ сохранялся въ тайнѣ отъ Перре́на, Шеватó и Курбé.

У Г. былъ пріятель, начальникъ разъискной экспедиціи, князь Николай Ѳедоровичъ Барятинскій. Онъ поѣхалъ къ нему, открылъ ему всю поднаготную и просилъ совѣта и наставленія, чтò дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ.—«Чтó дѣлать?» сказалъ ему Барятинскій; «да главное ты уже сдѣлалъ, то-есть простилъ жену свою и поступилъ

х) был обер-полицеймейстером с 1775-1782, с 1782-1784 — Московск. губернатором, с 1784-1796 Генерал-Губернатором Тверского и Новгородск. наместничества и с 9 XI 1796 — 15 VI 1797 г. СПб Генер.-Губернатором, а затем был отставлен от службы и выслан в тамбовск. деревню. С 1801-1814 доживал свой век в Москве.

умно: иначе вышла бы огласка, а насмѣшники не были бы на твоей сторонѣ. Пусть эта раскаявшаяся женщина въ поступкахъ своихъ отдастъ теперь отчетъ Богу; но разбойниковъ преслѣдовать должно. Поѣдемъ сейчасъ къ Архарову, а ужъ онъ по своей обязанности будетъ умѣть распорядиться какъ слѣдуетъ».

Тогдашній оберъ-полиціймейстеръ, бригадиръ Н. П. Архаровъ, имѣлъ репутацію мастера своего дѣла. Его иначе не называли, какъ Русскимъ де-Сартиномъ; насчетъ его догадки и проницательности ходило въ народѣ множество анекдотовъ, которые—были справедливы или нѣтъ—но доказывали, однакожъ, что Архаровъ обладалъ большими способностями для своего назначенія. Онъ терпѣливо выслушалъ обоихъ друзей, нѣсколько подумалъ и потомъ громко свистнулъ. На этотъ свистъ явился дежурный полицейскій, котораго онъ тотчасъ же отправилъ за однимъ изъ помощниковъ своихъ, Максимомъ Ивановичемъ Шварцомъ. «Это малой ловкій и дѣльный», сказалъ Архаровъ, «хотя душонка-то у него такая же, какъ и его фамилія».

Шварцъ не замедлилъ явиться. «Знаешь ли ты, Максимъ Иванычъ, Француза Перрена?»—«Какъ не знать, ваше высокородіе! Это самый тотъ, который возлюбленную свою выдалъ недавно замужъ за одного богатаго помѣщика.»—«Это, братецъ, не наше съ тобою дѣло; всякій воленъ жениться на комъ похочетъ; а вотъ видишь ли: у этого Перрена должны быть другіе замыслы, такъ надобно сегодня же о нихъ поразвѣдать и узнать покороче, чѣмъ онъ промышляетъ, какіе и откуда имѣетъ доходы, съ кѣмъ водится, и нѣтъ ли у него какихъ товарищей и пособниковъ. На этого Француза жалобъ никогда не бывало, и видишь ли, онъ принятъ въ хорошихъ домахъ; однакожъ мнѣ нужно узнать въ подробности весь его домашній бытъ. Такъ ты собери-ка немедленно всѣ свѣдѣнія, да завтра же утромъ и представь ихъ мнѣ. Теперь ступай съ Богомъ!» Отпустивъ Шварца, Архаровъ распростился также съ княземъ Барятинскимъ и Глѣбовымъ наказавъ послѣднему не отлучаться на другой день изъ дома, потому что въ продолженіе дня онъ побываетъ у него самъ, инкогнито.

А покамѣстъ – прости; на досугѣ доскажу окончаніе этой исторіи.

4 Октября, Четвергъ. У Алферьева видѣлъ я старика Дмитрія Ѳедоровича Алфимова, который нѣкогда служилъ товарищемъ Московскихъ губернаторовъ, прежде И. И. Юшкова, а потомъ графа Ѳедора Андреевича Остермана, брата канцлера (1771—1778), вмѣстѣ съ Никитою Ивановичемъ Бестужевымъ. Ему давно за 70 лѣтъ, а до сихъ поръ такъ живъ, такъ разговорчивъ и такую имѣетъ память, что нельзя не удивляться. Это неисчерпаемый источникъ разныхъ сказаній

о современныхъ ему событіяхъ. За завтракомъ—nota bene, весьма невкуснымъ, стряпни г. Баца – послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, которыя развязали ему языкъ, онъ забросалъ насъ анекдотами о нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ сослуживцахъ, которые, видно, были препорядочные оригиналы. Такъ, напримѣръ, разсказывалъ о губернаторѣ Остерманѣ, котораго необыкновенная разсѣяность извѣстна всѣмъ по преданіямъ, какъ онъ однажды принялъ одного знатнаго посѣтителя за одну барыню, обличалъ его въ мотовствѣ и распутствѣ и грозилъ отдать въ опеку; и какъ въ одномъ пріятельскомъ домѣ онъ хотѣлъ поднять хозяина на руки вмѣсто внука его, удивляясь, отчего мальчикъ въ недѣлю такъ потяжелѣть могъ. Между прочимъ смѣшилъ онъ насъ разсказомъ о процессѣ тогдашняго прокурора Тимоѳея Григорьевича Миславскаго, извѣстнаго подъ скромнымъ названіемъ Тимоши, съ ассесоромъ Розъискной Экспедиціи Builderжевымъ, за корову, процессѣ, продолжавшемся лѣтъ восемь и кончившемся тѣмъ, что корова признана не принадлежащею ни тому, ни другому; наконецъ, pour la bonne bouche разсказалъ о двухъ братьяхъ Михиныхъ (изъ которыхъ одинъ служилъ секретаремъ), женившихся въ одинъ день и часъ на бабушкѣ и внучкѣ. Эти Михины имѣли нѣкоторое состояніе и были очень дружны между собою, но до женитьбы такъ скупы, что вся цѣль ихъ брака, кромѣ надежды на приданое невѣстъ, состояла въ томъ, чтобъ не платить работницамъ. Однакожъ они обманулись въ разсчетѣ и, вмѣсто предполагаемой экономіи, вовлечены были въ излишнія издержки, о которыхъ толковали ежеминутно съ самою плачевною физіономіею. Алферьевъ подтвердилъ исторію о Перренѣ со всѣми ея подробностями и, старики другъ передъ другомъ въ запуски вспоминали о минувшихъ годахъ своего молодечества, удивляясь, какъ могло все такъ легко сходить имъ съ рукъ, и еще болѣе тому, что прежняя ихъ жизнь не оставила на нихъ никакихъ слѣдовъ, и они до сихъ поръ пользуются совершеннымъ здоровьемъ. Жаль, что пришедшіе не въ пору къ Алферьеву другіе посѣтители помѣшали мнѣ кончить мои разспросы у словоохотливыхъ стариковъ о происшествіяхъ, бывшихъ во время чумы, и особенно о томъ участіи, которое принималъ въ уничтоженіи заразы присланный отъ Императрицы князь Г. Г. Орловъ. Впродолженіе моихъ разспросовъ я замѣтилъ, до какой степени всѣ эти старики были проникнуты уваженіемъ къ памяти императрицы Екатерины: ни одинъ изъ нихъ не могъ произнести имени Великой, не вздохнувъ глубоко и не прибавивъ къ нему фразы: *блаженной памяти*!

9 Октября, Вторникъ. Мало-по-малу Москвичи начинаютъ возвращаться изъ деревень, и общества становятся гораздо оживленнѣе.

Въ клубѣ возникаютъ толки и разныя предположенія касательно наступающихъ военныхъ дѣйствій; а между тѣмъ вчера Общество Испытателей Природы праздновало день своего основанія. Президентствовалъ графъ А. К. Разумовскій, у котораго въ его селѣ Горенкахъ такая богатая коллекція разныхъ заморскихъ растеній, собранныхъ съ неимовѣрными трудами и издержками во всѣхъ частяхъ свѣта. Были Ив. Ив. Дмитріевъ, графъ Хвостовъ, оберъ-полиціймейстеръ Балашовъ, Бекетовъ, много другихъ особъ, и между прочимъ докторъ Фрезъ или Фрезе, состоящій членомъ общества. Безъ этого Фреза ни одинъ достаточный Москвичъ ни выздоровѣть, ни умереть не смѣетъ: это оракулъ всѣхъ богатыхъ домовъ. Кромѣ того, что онъ, по званію своему медика, полновластно распоряжается здоровьемъ своихъ паціентовъ,—онъ ихъ совѣтникъ, опекунъ и въ одномъ лицѣ своемъ соединяетъ всѣ эти важныя и тягостныя обязанности. Говорятъ, что онъ человѣкъ умный и благонамѣренный; должно быть такъ, если умѣлъ снискать такое общее благорасположеніе. Нынѣшнею весною за кузину нашу М. Ф. В. сватался женихъ, и партія, казалось, была очень выгодная; но тетка не могла рѣшиться безъ согласія Фреза, который этого согласія, къ прискорбію невѣсты, почему-то не далъ, и жениху отказали. Какъ хочешь суди, а нельзя безъ положительныхъ достоинствъ добиться такого вліянія на семейства: мы не Гуроны же какіе-нибудь.

Помѣщикъ Кологривовъ, родственникъ полиціймейстера Ивашкина, пріѣхавшій по дѣламъ въ Москву, привезъ борзую собаку такой неслыханной рѣзвости, что у всѣхъ охотниковъ только и разговоровъ, что объ этомъ феноменѣ. Говорятъ, что Л. Д. Измайловъ предлагалъ за нее двѣ тысячи рублей; но Кологривовъ отклонилъ предложеніе, сказавъ, что, будучи самъ охотникомъ, онъ не отдастъ ея ни за какія деньги; отказъ его изумилъ многихъ и еще болѣе возвысилъ достоинство собаки въ мнѣніи охотниковъ. Всѣ наперерывъ ѣздятъ на садку взглянуть на Вихря, но только рѣдкимъ удалось видѣть его; потому что Кологривовъ вывозитъ свое сокровище не въ назначенное время, а какъ случится.

12 Октября, Пятница. На этихъ дняхъ, послѣ разгульнаго обѣда у А. Ѳ. Воейкова, Мерзляковъ, заспорившій съ амфитріономъ объ истинномъ краснорѣчіи, спросилъ у него: «Да знаешь ли самъ ты, чтó составляетъ настоящую силу краснорѣчія?» Воейковъ захохоталъ. «Это знаетъ всякій школьникъ, Алексѣй Ѳедорычъ: «умъ, логика, познанія, даръ слова, звучный и пріятный органъ и ясное произношеніе составляютъ оратора».—«Не на вопросъ отвѣтъ, Александръ Ѳедо-

рычъ. Я спросилъ, что̀ составляетъ *настоящую* силу краснорѣчія?»—Да что же другое можетъ составлять его, какъ не тѣ качества, которыя я уже назвалъ?»—«Эхъ, любезный, да развѣ простой мужикъ имѣетъ какое-нибудь понятіе о логикѣ? Развѣ онъ учился чему-нибудь? Развѣ произношеніе его ясно и правильно? А между тѣмъ мы видимъ часто очень краснорѣчивыхъ людей изъ простонародья. Нѣтъ, Александръ Ѳедорычъ, дѣйствительная сила краснорѣчія заключается единственно въ собственномъ неколебимомъ убѣжденіи того, въ чемъ другихъ убѣдить желаешь. Не знай ничего, имѣй какой хочешь органъ и выговоръ, но будь проникнутъ своимъ предметомъ, и тогда будешь имѣть успѣхъ; иначе со всѣми твоими качествами ты останешься только простымъ школьнымъ риторомъ».

Воейковъ объявилъ, что хочетъ написать поэму.—«Мѣтишь въ Хераскова, любезный!» сказалъ Мерзляковъ. «Лучше напиши хорошую пѣсню: скорѣе доплетешься до безсмертія. До Гомера или Виргилія достигнуть мудрено; да и при нашемъ образѣ мыслей и жизни, при нашихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, какой вымыселъ можетъ подѣйствовать на душу твоихъ читателей? Къ тому же, принимаясь за дѣло, надобно прежде соразмѣрить съ нимъ свои силы. Ты человѣкъ умный и долженъ знать, что страсть къ большимъ литературнымъ трудамъ—несомнѣнный признакъ мелкаго таланта, точно такъ же, какъ и страсть къ необдуманнымъ колоссальнымъ предпріятіямъ — рѣзкій признакъ мелкой души: то и другое доказываетъ только неясное сознаніе своей цѣли и заблужденіе самолюбія».

Мерзляковъ обѣщался просмотрѣть моего «Артабана».—«Но зачѣмъ принялся ты за трагедію?» сказалъ онъ мнѣ: «развѣ не нашелъ занятія болѣе по твоимъ силамъ? Озеровъ всѣхъ васъ свелъ съ ума». Я откровенно признался ему, что сочиняю «Артабана» въ томъ только намѣреніи, чтобъ проложить себѣ дорогу въ общество Петербургскихъ литераторовъ, зная самъ, что трагедія моя не будетъ имѣть никакихъ сценическихъ достоинствъ; но по крайней мѣрѣ нѣкоторые порядочные въ ней стихи могутъ служить доказательствомъ моей грамотности.—«Ну, это дѣло другое, и выдумка недурная», улыбаясь сказалъ Мерзляковъ; «посмотримъ твоего *барабана*».

16 Октября, Вторникъ. Вчера выѣхалъ военный губернаторъ въ Петербургъ. Нашлись люди, которые чрезвычайно озабочены тѣмъ, что онъ отправился въ *Понедѣльникъ*: какая-де надобность выѣзжать въ Понедѣльникъ? Вѣдь въ недѣлѣ семь дней. Истина неоспоримая!

А между тѣмъ въ клубѣ толкуютъ, что Тутолминъ поѣхалъ точно не даромъ и что поголовное вооруженіе должно состояться непремѣнно.

Странное дѣло: поголовнаго вооруженія желаютъ болѣе тѣ люди, отъ которыхъ нельзя было ожидать какой-нибудь воинственности; это старики или отставные, давно живущіе на покоѣ.

Въ дѣтствѣ моемъ случалось мнѣ видать извѣстную Катерину Прокофьевну Трощинскую, необыкновенную красавицу во всѣхъ отношеніяхъ, которая въ Москвѣ съ ума сводила молодыхъ и стариковъ, знатныхъ и незнатныхъ, и которую нарочно ѣздили смотрѣть въ тѣ общества и собранія, гдѣ встрѣтить ее предполагали. Она обыкновенно каждую весну и осень, по дорогѣ изъ Москвы въ деревню и обратно, заѣзжала съ мужемъ къ моей бабкѣ и отдыхала у насъ цѣлые сутки, а иногда и болѣе. Она очень ласкала меня и всегда привозила какой-нибудь гостинецъ. Первая книга гражданской печати, которую я читалъ, *Свѣтъ зримый въ лицахъ*, съ картинками, была послѣднимъ ея подаркомъ; послѣ я не видѣлъ ея болѣе, но сохранилъ о ней самое пріятное и даже ясное воспоминаніе.

Намедни въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, отслушавъ обѣдню и подходя ко кресту, я пораженъ былъ сходствомъ одной старицы съ Катериною Прокофьевною: тотъ же ростъ, тѣже черты лица, только похудѣвшаго и пожелтѣвшаго; тѣже глаза, только угасшіе и впалые; тѣже ямочки на щекахъ и тоже кроткое выраженіе физіономіи. Я на нее смотрю пристально, и она на меня также смотритъ; я смѣшался и однакожъ не могъ свести съ нея глазъ. Она улыбнулась и, указывая на меня, что-то сказала послушницѣ, стоявшей съ нею на клиросѣ. Та подошла ко мнѣ. «Мать Екатерина приказала спросить васъ: вы не сынъ ли Александры Гавриловны?»—«Точно такъ. Но скажите, неужто же это Катерина Прокофьевна?» «Да-съ. Мать Екатерина проситъ васъ, если что̀ не мѣшаетъ вамъ, зайдти къ ней въ келью». «Съ радостью! Скажите матушкѣ, съ величайшей радостью», отвѣчалъ я: и точно, я такъ былъ счастливъ, что готовъ былъ заплакать отъ удовольствія. Первымъ словомъ Катерины Прокофьевны, по входѣ моемъ въ ея келью, было:—«Ты ли это, Стёпушка? Боже мой, какъ похожъ на мать! Еслибъ не твое сходство съ нею, я никогда бы тебя не узнала». —«Но я бы узналъ васъ, Катерина Прокофьевна, не смотря на черное одѣяніе ваше и эту высокую шапку».—«Да», сказала она. «Богъ привелъ меня къ тихому пристанищу; не знаю, какъ благодарить Его за то душевное спокойствіе, которое я нашла въ этихъ стѣнахъ. Теперь молюсь объ одномъ, чтобъ кончина моя была такъ же тиха и безмятежна; что̀ же принадлежитъ до жизни загробной, то буди Его святая воля! Я вѣрую во спасеніе, потому что и на мнѣ также есть капля крови Христовой». Тутъ пошли взаимные вопросы и разспросы: я разсказалъ ей о своихъ, о себѣ, о моихъ надеждахъ и предположе-

ніяхъ и проч. и просилъ ее разсказать мнѣ свою исторію. «Она коротка», отвѣчала она: «я овдовѣла; успѣхи въ обществахъ, которые я имѣла, никогда не прельщали меня, и этотъ коварный свѣтъ не владѣлъ моимъ сердцемъ. Я размыслила: что̀ я буду дѣлать въ обществѣ одна, безъ связей, безъ сердечныхъ привязанностей? Быть цѣлью искательствъ бездушныхъ людей или предметомъ злословія... Богъ съ нимъ, этимъ обществомъ! И вотъ рѣшилась идти въ монастырь, продала свои сто душъ и столько же оставленныхъ мнѣ мужемъ, построила себѣ эту келью, шесть лѣтъ жила на послушаніи, пять лѣтъ какъ пострижена, половину капитала отдала монастырю, меня пріютившему, остальной—родственникамъ покойнаго мужа, которые снабжаютъ меня всѣмъ нужнымъ превыше моихъ надобностей, и живу, какъ я сказала тебѣ, въ ожиданіи безмятежной кончины. Я рада была тебя видѣть, потому что знала тебя ребенкомъ, но другихъ старыхъ знакомыхъ рѣдко принимаю: они напоминаютъ мнѣ такое время и такія обстоятельства, которыя я стараюсь забыть, и Господь помогаетъ мнѣ слагать съ себя ветхаго человѣка и мало по малу облекаться въ новаго».

Напившись, по обыкновенію монастырскому, чаю, я оставилъ Катерину Прокофьевну съ неизъяснимымъ чувствомъ умиленія и покорности Провидѣнію. Она напутствовала меня благословеніями. Богъ вѣсть, удастся ли опять видѣться съ нею?

21 Октября, Воскресенье. Перестань выть, любезный: вотъ тебѣ требуемое окончаніе исторіи о Перренѣ. Проклятый надоѣлъ мнѣ смертельно. У меня недоставало духу передать тебѣ въ подробности всѣхъ продѣлокъ этого мерзавца, и потому долженъ былъ сокращать и очищать записанный мною буквально разсказъ Алферьева; а это стоитъ труда и отвлекаетъ меня отъ «Артабана». Ну, слушай!

Архаровъ, по обѣщанію своему, точно на другой день вечеромъ пріѣхалъ къ Глѣбову и привезъ съ собою Шварца. Оба прибыли въ партикулярныхъ платьяхъ и подъ другими фамиліями. Г. представилъ ихъ, какъ стародавнихъ пріятелей, женѣ и просилъ ее разсказать имъ откровенно все то, въ чемъ она ему наканунѣ созналась, и вмѣстѣ пояснить многія другія обстоятельства, о которыхъ они спрашивать ее будутъ. Г. представилъ ей, что этого требуетъ обоюдное ихъ спокойствіе, и чтобъ она не имѣла за себя никакого опасенія. Марья Петровна сначала нѣсколько смѣшалась, но потомъ, тотчасъ же оправившись, объявила, что она не намѣрена ничего скрывать и, рѣшившись однажды сдѣлать признаніе мужу, не имѣетъ причины утаивать проступка своего отъ его пріятелей, тѣмъ болѣе, что онъ самъ того желаетъ. За симъ, подтвердивъ Архарову и Шварцу все сказанное мужу,

она кончила свою исповѣдь тѣмъ, что изъявила готовность отвѣчать на всѣ другіе вопросы, какіе ей сдѣланы будутъ.

Русскій де-Сартинъ съ своимъ помощникомъ остались довольны дальнѣйшими показаніями Марьи Петровны. Изъ нихъ открылось, что Дюкро, одинъ изъ извѣстныхъ Парижскихъ искателей приключеній, не поладивъ съ Парижскою полиціею, отправился, подъ фамиліею Перрена, физика, химика и механика, въ Вѣну, въ которой хотѣлъ основать свою резиденцію и общество алхимиковъ; однакожъ, не встрѣтивъ въ разсчетливыхъ Нѣмцахъ ни того радушія, ни того любопытства и легковѣрія и особенно той щедрости, какія для успѣховъ его операцій были необходимы, онъ бросился въ Петербургъ и прожилъ тамъ около года, втираясь въ высшій кругъ общества и составляя себѣ нужныя знакомства; какъ вдругъ, послѣ одного свиданія съ какимъ-то богатымъ человѣкомъ, онъ тотчасъ рѣшился ѣхать въ Москву, принявъ къ себѣ въ услуженіе фокусника Мезера, слесаря Курбѐ, кондитера Гофмана, бывшую надзирательницу въ одномъ пансіонѣ мадамъ Пикѐ и швею Шеватȯ. По прибытіи въ Москву, нанялъ онъ для себя квартиру на Мясницкой, въ домѣ Левашова, а для своей колоніи въ отдаленной части города, въ домѣ Мартьянова, въ которомъ водворилъ мадамъ Пикѐ полною хозяйкою, выдавъ ее за вдову одного Французскаго полковника, оставившаго ей по смерти хорошее состояніе, и за крестную мать сироты Рабȯ; прочіе же Французы и Нѣмецъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, исполняли должности—первый домашняго друга, а послѣдніе разныхъ служителей, разумѣется, только при гостяхъ; но безъ постороннихъ людей они были такими же господами, какъ и сама хозяйка. Откуда Перренъ получалъ деньги, Марья Петровна сама не знала; но ей извѣстно было, что въ деньгахъ онъ никогда не нуждался, щедро платилъ своимъ агентамъ и давалъ ей самой болѣе, нежели сколько было нужно, непремѣнно требуя, чтобъ она всегда была щегольски одѣта.—«Я имѣю свои виды», говорилъ онъ ей, «и хочу сдѣлать твое счастіе; это счастіе можетъ заключаться только въ замужествѣ съ богатымъ человѣкомъ, и я увѣренъ, что оно скоро удастся; но для этого ты должна войти въ мои намѣренія и способствовать имъ всѣми твоими силами и способностями. Обратись покамѣстъ, такъ-сказать, въ машину, которую я буду двигать по своей волѣ. Доселѣ я могъ быть виноватъ предъ тобою; но чтȯ было, то прошло, и воспоминаніе прошедшаго не должно препятствовать твоей будущности. Мы находимся въ такой странѣ, въ которой съ умомъ и ловкостью всего достигнуть можно. Итакъ вотъ роль, которую ты на себя принять должна: ты, крестница мадамъ Пике́, сирота, воспитанная ею; тебѣ девятнадцать только лѣтъ; первому мужчинѣ, котораго я укажу тебѣ, ты должна

оказывать возможныя ласки и стараться влюбить его въ себя, показывая къ нему сердечную склонность; и еслибъ успѣхъ увѣнчалъ наше намѣреніе, то, разумѣется, ты должна раздѣлить съ нами все то, что̀ пріобрѣсть можешь отъ его нѣжности и щедрости. Въ противномъ же случаѣ я долженъ буду бросить тебя на произволъ судьбы, потому что средства мои почти совершенно истощились; и если какой-нибудь благопріятный случай не поправитъ моихъ обстоятельствъ, то чрезъ шесть мѣсяцевъ я буду въ Лондонѣ или Мадридѣ». Такимъ образомъ Марья Петровна волею и неволею приняла на себя роль невинной дѣвушки и ежедневно исполняла ее сообразно намѣреніямъ Перрена, стараясь нравиться тѣмъ посѣтителямъ, которыхъ онъ привозилъ къ мадамъ Пике́, и завлекать ихъ въ свои сѣти; но старанія ея были безуспѣшны до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтилась съ Глѣбовымъ, которому, наконецъ, она понравилась, и вышла за него замужъ.

«Но скажите, сударыня», спросилъ ее Архаровъ: «что̀ дѣлали посѣтители въ то время, когда они вамъ не строили куръ?» — «Что̀ дѣлали?» отвѣчала Марья Петровна. «Нѣкоторые пили и играли въ карты или кости, а другіе занимались съ Перреномъ въ особомъ кабинетѣ, въ который ни я, ни мадамъ Пике́, ни мамзель Шевато̀, не имѣли позволенія входить. Въ чемъ состояли эти занятія, происходившія всегда почти послѣ ужина, мнѣ неизвѣстно; но полагаю, что въ физическихъ опытахъ». Архаровъ продолжалъ свои разспросы: въ какую игру чаще всего играли гости? Если въ фараонъ, то кто металъ банкъ? Всѣ ли вообще занимались игрою? Кто именно былъ въ числѣ гостей? По какимъ днямъ происходили собранія? Были ли для нихъ назначаемы особые дни, или всякій имѣлъ право пріѣзжать ежедневно? Какія роли занимали мадамъ Пике́ и Шевато̀? И, наконецъ, нѣтъ ли у Перрена какихъ-нибудь другихъ знакомствъ и связей съ подобными ему авантюристами? Марья Петровна объяснила, что гости большею частью играли въ фараонъ, и Мезеръ, въ качествѣ домашняго друга, держалъ банкъ; что не всѣ посѣтители играли, но нѣкоторые молодые люди занимались ею, или слушали разсказы Перрена, а люди пожилые большею частью отправлялись съ нимъ въ кабинетъ; но что̀ тамъ дѣлали— она сказать не умѣла; что пріѣздъ къ нимъ былъ ежедневный, но не иначе, какъ по приглашенію, такъ что между посѣтителями никогда не встрѣчалось людей другъ съ другомъ незнакомыхъ; а для нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ для ея мужа, назначалось всегда особое время, въ которое, кромѣ одного приглашеннаго, никого не принимали. Мадамъ Пике́ играла роль хозяйки дома; но эта роль измѣнялась смотря по обществу, которое у нихъ собиралось: то представлялась она, также какъ и Шевато́, очень серьезною, добродѣтельною и набожною жен-

щиною, то, напротивъ, старалась казаться легкомысленною, безъ всякихъ правилъ и понятія о благонравіи; словомъ, какъ низко она сама ни упала, но стыдится объяснить все то, на что̀ эти женщины рѣшались и на что́ способны рѣшиться. Что̀ касается до связей и знакомствъ Перрена съ такими же, какъ и онъ, искателями приключеній, то ей извѣстно, что онъ имѣетъ ихъ много и находится съ ними въ безпрестанной перепискѣ, но что къ мадамъ Пике́ они не являются, и если видятся съ Перреномъ, то въ его квартирѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Въ заключеніе своего объясненія Марья Петровна, поименовавъ всѣ тѣ лица, которыя ѣздили къ мадамъ Пике́, призналась, что, если она со времени замужества никого принимать не хотѣла, такъ это изъ опасенія встрѣтить кого-нибудь изъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, бывшихъ свидѣтелями ея непроизвольнаго кокетства.

Дальнѣйшихъ подробностей разсказывать нечего; кончу тѣмъ, что Архаровъ допросомъ Марьи Петровны хотѣлъ только убѣдиться въ ея чистосердечіи и повѣрить всѣ свѣдѣнія, собранныя Шварцомъ. Въ тотъ же вечеръ у Перрена и мадамъ Пике́, въ одно и тоже время, произведенъ былъ обыскъ. У перваго найдена была огромная корреспонденція, доказавшая, что онъ имѣлъ обширные виды на карманы многихъ Русскихъ баръ и барынь, а въ домѣ послѣдней, въ особомъ кабинетѣ, небольшая лабораторія, собраніе разныхъ физическихъ и оптическихъ инструментовъ, порядочное количество книгъ и рукописей по части алхиміи, астрологіи и магіи, и наконецъ нѣсколько тетрадей съ разными рецептами и средствами къ сохраненію молодости, красоты, обновленію угасшихъ силъ, возбужденію сердечной склонности, и проч. и проч. У Мезера найдены всевозможные аппараты для произведенія фокусовъ и, сверхъ того, большое количество фальшивыхъ и крапленыхъ картъ и поддѣланной зерни; у Курбе́—цѣлыя связки разной величины и разныхъ формъ ключей, съ нѣсколькими слесарными инструментами; у Гофмана—пропасть стклянокъ съ разными настойками и другими неизвѣстными жидкостями, множество заготовленныхъ на разныхъ составахъ конфектъ; словомъ, мошенники захвачены со всѣми орудіями ихъ плутней, и всѣ, начиная съ Перрена до Шевато̀, обличены, уличены и высланы за границу.

А Марья Петровна? Болѣе года жила она въ дальней деревнѣ, куда отправилъ ее мужъ, оплакивая свои несчастія и заблужденія. По прошествіи же сего времени, Г. поѣхалъ къ ней самъ и, узнавъ о скромной ея жизни, искренно примирился съ нею, взялъ обратно съ собою въ Москву и представилъ ее всѣмъ своимъ знакомымъ, которыхъ любовь и уваженіе она впослѣдствіи снискать умѣла любезностью, не-

укоризненнымъ поведеніемъ и нелицемѣрной привязанностью къ мужу. Глѣбовъ со слезами признавался послѣ Архарову, что онъ совершенно счастливъ. «Ну, конечно, чего на свѣтѣ не бываетъ!» отвѣчалъ хладнокровно нашъ де-Сартинъ.

27 Октября, Субота. Къ 10-му или 15-му числу будущаго мѣсяца, по первому санному пути, я ожидаю въ Москву моихъ домашнихъ, которые пріѣдутъ проводить меня. Альбини должны пріѣхать нѣсколькими днями прежде. Я приготовилъ для нихъ помѣщеніе.

Я кончилъ моего «Артабана» и показывалъ его Мерзлякову. «Галиматья, любезный!» сказалъ онъ мнѣ безъ церемоній; «да нужды нѣтъ: читай его Петербургскимъ словесникамъ самъ, да погромче, оглуши ихъ—и дѣло съ концомъ. Есть славные стихи, только не у мѣста». Вотъ одолжилъ! Я не сержусь за правду, потому что она оскорбляетъ только глупцовъ и малодушныхъ, а я ни тѣмъ, ни другимъ быть не хочу; но долженъ признаться, что сердце какъ-то невольно щемитъ. Попробую иное перемѣнить, а другое сократить; такъ авось лучше будетъ.

Съ горя ѣздилъ вчера смотрѣть на Плавильщикова въ ролѣ Досажаева въ «Школѣ Злословія», и нынче только узналъ, что эта комедія переведена Иваномъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ - Апостоломъ, который былъ кавалеромъ при Государѣ во время его малолѣтства, а теперь находится посланникомъ въ Мадридѣ. Роль Досажаева, говорятъ, была лучшею ролью Дмитревскаго; но и Плавильщиковъ въ ней отмѣнно хорошъ.

Мнѣ показалось, что въ театрѣ меньше слушали пьесу, чѣмъ говорили о политикѣ. Я вслушался въ разговоры сидѣвшихъ возлѣ меня въ креслахъ Н. И. Баранова и А. М. Лунина, не дождавшихся конца пьесы и уѣхавшихъ въ Англійскій клубъ; говорили, что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія военнаго губернатора, который будто-бы долженъ привезти съ собою какія-то особыя и очень важныя повелѣнія Государя на счетъ приготовленія къ войнѣ; думаютъ, что скоро послѣдуетъ еще манифестъ, объясняющій наши отношенія къ прочимъ государствамъ и настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ. Между прочимъ, какой-то господинъ разсказывалъ своему сосѣду, что Александръ Андреевичъ вышелъ въ отставку оттого, что онъ носилъ званіе не главнокомандующаго, а только военнаго губернатора. Не думаю; это сущій поклёпъ на почтеннаго вельможу-стоика: въ настоящее время выйдти въ отставку по такой пустой причинѣ въ званіи Беклешова все равно, что̀ бѣжать съ поля сраженія; да если онъ и не носилъ званія главнокомандующаго, такъ въ сущности былъ имъ. Это сплетни, и вѣрить имъ не должно.

1 Ноября, Четвергъ. Покамѣстъ, отъ скуки, я опять началъ таскаться по театрамъ. Князь М. А. Долгоруковъ, у котораго я сегодня обѣдалъ, пригласилъ меня съ собою въ ложу. Давали *Эдипа* и комедію *Алхимистъ*, въ бенефисъ Мочалова. Плавильщиковъ игралъ еще лучше нежели когда-нибудь, и Воробьева въ роли Антигоны была очень недурна. Въ комедіи Сандуновъ являлся въ семи разныхъ персонажахъ и очень смѣшилъ публику. Это настоящій Протей: удивительно, какъ ловко и скоро перемѣняетъ онъ костюмы и мастерски гримируется. Конечно, при пособіи другихъ перемѣнить кафтанъ и парикъ можно и скоро; но какимъ образомъ изъ молодаго румянаго парня превратиться вдругъ въ дряхлаго старика съ морщинистымъ лицомъ, а еще болѣе изъ мужчины въ женщину—я, право, не постигаю. Штейнсбергъ былъ также величайшій мастеръ на эти штуки и, бывало, морилъ насъ со смѣху въ подобныхъ пьесахъ; но для Штейнсберга ненужно было выводить себѣ морщинъ закопченой пробкой: ему только стоило по своему искривить лицо, приподнять нижнюю челюсть, прищурить глаза— и вы его примете за старика. Бѣдный Штейнсбергъ! *Nun lebe, lebe wohl!* [1]) какъ сказалъ пасторъ Гейдеке въ концѣ надгробнаго ему слова, при его отпѣваніи. А вѣдь это *lebe wohl*, обращенное къ мертвецу, для мыслящаго человѣка не *nonsens* [2]), и мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ, долженствовавшихъ вылиться изъ сердца, заключается многое, что̀ можетъ познакомить насъ съ духовнымъ міромъ.

5 Ноября, Понедѣльникъ. Снѣгъ валитъ хлопьями. Я радуюсь, потому что чѣмъ скорѣе установится зимній путь, тѣмъ скорѣе прибудутъ наши, и тѣмъ скорѣе послѣдуетъ отъѣздъ мой въ Петербургъ. Теперь я какъ будто самъ не свой: тѣломъ здѣсь, мыслями тамъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ быть въ неопредѣленномъ положеніи; а между тѣмъ получаю безпрерывныя понужденія о скорѣйшемъ прибытіи къ должности.

За обѣдомъ у Л—хъ, П. И. Аверинъ разсказывалъ, между прочимъ, что при началѣ Французской революціи императрица Екатерина, разсуждая съ Сегюромъ о тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ во Франціи, изъявила опасеніе, чтобъ всѣ принятыя королемъ мѣры къ успокоенію народа не были скорѣе гибельны, нежели спасительны для монархіи. Сегюръ умолялъ ее изложить по этому случаю свои мысли на бумагѣ и дозволить ему сообщить ихъ, хотя неоффиціально, королю. Императрица отвѣчала, что она неохотно вмѣшивается въ чужія дѣла; но если онъ считаетъ, что мнѣніе ея можетъ имѣть какой-нибудь вѣсъ

[1]) Lebe wohl по-нѣмецки значитъ и „прощай“, и „живи здорово“.

[2]) Безсмыслица.

и принести отечеству его пользу, то она съ удовольствіемъ напишетъ для него записку, содержаніе которой, въ видѣ простаго разговора, онъ можетъ передать своему королю. Аверинъ присовокупилъ, что у него есть отрывокъ изъ этой записки съ Русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ по приказанію графа Безбородко, для кого-то изъ тогдашнихъ вельможъ, не знавшихъ Французскаго языка. Послѣ обѣда я просилъ Аверина подѣлиться со мною этимъ сокровищемъ и, признаюсь, не надѣялся на его снисхожденіе. «Изволь, мой милый», отвѣчалъ онъ: «пріѣзжай завтра ко мнѣ утромъ, и я дамъ тебѣ списать что̀ захочешь». Вотъ этотъ отрывокъ; кажется, онъ составляетъ заключеніе записки; переводъ плоховатъ, но при оригиналѣ въ немъ нужды нѣтъ, и я его не посылаю.

«Ainsi, monsieur, le résumé de notre conversation est qu'un roi «est perdu, lorsqu'il transige avec son inviolabilité. Il faut que l'auto-«rité d'un souverain soit un principe vital pour ses sujets, autrement «l'autorité n'existe plus; car ce qui constitue la monarchie, c'est la con-«fiance réciproque du souverain et de la nation. C'est à tort que l'Assemb-«lée Nationale pense qu'elle peut relever cette monarchie avec toutes «les restrictions qu'elle veut imposer au pouvoir royal, et c'est encore «plus à tort qu'elle croit pouvoir faire parvenir plus facilement la vé-«rité aux oreilles du roi par le mode qu'elle employe à présent. Il n'en «sera rien, monsieur. Pour que la vérité soit efficace, il faut que le «souverain la comprenne, ou paraisse la comprendre par lui-même et «se l'attire, sans qu'on là lui impose. Quant à la monarchie, il n'y a «qu'une seule chose qui puisse la sauver dans les circonstances actuel-«les: c'est la fermeté du roi et sa résolution inébranlable de ne pas ac-«céder aux propositions de tuteurs, que dans un excès de bonté il s'est «donnés lui-même. Mais avant tout le roi devrait faire ce que Jésus-«Christ a fait à Jérusalem: prendre un fouet et chasser les marchands «du temple, et si par impossible le salut de la monarchie dépendait du «concours de pareilles gens, la nécessité où serait le roi de le subir, «serait le plus grand malheur qui puisse lui arriver, ainsi qu'à la «nation» [1]).

[1]) И такъ, милостивый государь, бесѣда наша сводится къ тому, что монархъ погибъ, коль скоро входитъ въ сдѣлки относительно своей неприкосновенности. Надобно, чтобы власть монарха была жизненнымъ началомъ для его подданныхъ, иначе этой власти нѣтъ; ибо сущность монархіи состоитъ во взаимномъ довѣріи между государемъ и народомъ. Напрасно Національное Собраніе полагаетъ возможнымъ поднять монархію посредствомъ всяческихъ ограниченій, которыя оно хочетъ наложить на королевскую власть, и еще болѣе напрасно думать, что, благодаря тѣмъ средствамъ, которыя оно теперь употребляетъ, истинна скорѣе будетъ доходить до короля. Изъ этого, милостивый государь, ничего не выдетъ. Истина только тогда дѣйственна, когда самъ государь ее постигаетъ или даетъ видъ, что постигаетъ, когда онъ ея самопроизвольно ищетъ. Что̀ касается

Если въ окончаніи записки находится столько истинъ и премудрой прозорливости, то что́ же должна была заключать въ себѣ цѣлая записка? Какъ жаль, что такое сокровище можетъ быть утрачено для насъ и для исторіи великой Монархини!

П. И. Аверинъ дозволилъ мнѣ списать также составленную имъ исторію Сената со времени его учрежденія въ 1711 году до 1801 года, съ комментаріями и со включеніемъ замѣчательныхъ мнѣній и голосовъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, пріобрѣтшихъ извѣстность умомъ своимъ и знаніемъ дѣлъ. Это сочиненіе составляетъ два огромные фоліанта. Не знаю, успѣю ли я воспользоваться его дозволеніемъ вполнѣ, но, во всякомъ случаѣ, постараюсь сдѣлать хотя нѣкоторыя выписки.

9 Ноября, Пятница. Наконецъ всѣ мои собрались; гости и домашніе прибыли почти въ одно время. Они удивились, что въ Москвѣ такъ недавно выпалъ снѣгъ, когда у нихъ санной путь установился еще до 1-го числа. Альбини ѣздилъ съ визитами и привезъ намъ кучу разныхъ новостей, изъ которыхъ, однакожъ, какъ самъ говоритъ, многія сомнительны; но что̀ достовѣрно, такъ это—народное вооруженіе. Утверждаютъ, что въ продолженіе текущаго мѣсяца послѣдуетъ манифестъ. Наши нувеллисты распустили слухъ, что Государь самъ изволитъ прибыть въ Москву; но еслибъ это была правда, военный губернаторъ вѣрно бы зналъ о томъ, а онъ ничего не знаетъ, хотя и недавно возвратился изъ Петербурга: слѣдовательно, это пустая выдумка.

Я успѣлъ вчера свозить своихъ въ Нѣмецкій театръ. Давали *Die Schwester von Prag*. Смѣялись до сыта; но портной *Какаду* ужъ не прежній, *Коропъ* плохъ; но послѣ Штейнсберга играть его больше некому. Бывало, одинъ выходъ незамѣнимаго комика съ этой глупой и пошлой аріею:

Ich bin der Schneider Kakadu,
Gereist durch aller Welt,
Und bin von Kopfe bis zum Schuh'
Ein Bügeleisen - Held;
Gerade komm ich von Paris etc. etc.

заставлялъ хохотать до слезъ. Что̀ за фигура и костюмъ, что́ за мимика, какая веселость и увлеченіе! Это умора, «умориссима», какъ

монархіи, она можетъ быть спасена, при настоящихъ обстоятельствахъ, только твердостью короля и неколебимою его рѣшимостью не склоняться на предложенія опекуновъ, которыхъ, по излишней добротѣ, онъ самъ себѣ назначилъ. Но прежде всего королю слѣдуетъ поступить, какъ поступилъ Іисусъ Христосъ въ Іерусалимѣ: взять бичъ и выгнать изъ храма торговцевъ. И если бы (что̀ не мыслимо) спасеніе монархіи зависѣло отъ сборища подобныхъ людей, то необходимость подчиняться имъ была бы для короля, какъ и для народа, величайшимъ бѣдствіемъ.

говоритъ капельмейстеръ Керцелли. Но Штейнсбергъ игралъ и пѣлъ не одно только то, что̀ находилось въ роли; онъ импровизировалъ самъ стихами или прозою—для него было все равно. Видя его внѣ сцены всегда серьёзнымъ и задумчивымъ, нельзя было подумать, чтобъ онъ могъ быть такъ уморителенъ на театрѣ. Впрочемъ, это не первый примѣръ: Мольеръ и Шекспиръ внѣ сцены были также важны, серьёзны и задумчивы; а эти молодцы стоятъ многихъ Штейнсберговъ, бывшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Петръ Ивановичъ, стакнувшись съ моими, понуждаетъ меня заранѣе хлопотать о рекомендательныхъ письмахъ, которыя мнѣ обѣщали графъ Остерманъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій и И. П. Архаровъ. Но я раздумалъ: не возьму ни отъ кого. М. И. Невзоровъ утверждаетъ, что всякое рекомендательное письмо подвергаетъ насъ двойной обязанности: къ тому, кто его далъ и къ кому оно дано; лучше положиться на собственныя свои силы; если жъ ихъ не достанетъ, такъ Богъ помощникъ; въ противномъ случаѣ ничто не удастся. Максимъ Ивановичъ пустаго слова не скажетъ. Сосѣдка наша, старуха Силина, Московка чистой породы, пресерьезно говоритъ: «Батюшка, есть о чемъ заботиться! Были бы деньги, такъ протекція сама сыщется». Денегъ-то у меня много не будетъ, но я вѣрую въ трудъ.

12 Ноября, Понедѣльникъ. Сборы мои въ дорогу уже начались. Меня обшиваютъ и надѣляютъ то тѣмъ, то другимъ для домашняго обихода. Матушка, разсуждая съ Альбини о Петербургскомъ житьѣ-бытьѣ и не имѣя ни малѣйшаго о немъ понятія, изъявила желаніе, чтобъ я нанялъ себѣ *порядочный домъ*. Петербургскіе гости расхохотались. «А сколько же онъ (то-есть я) будетъ получать отъ васъ на прожитокъ?»—«Ужъ конечно не меньше тысячи рублей въ годъ; а сверхъ того стану по зимамъ посылать къ нему въ Петербургъ муку, крупу, ветчину, разную живность, варенье и проч., точно также, какъ все посылала и въ Москву; къ тому жъ прислуга своя. Кажется, можно прилично жить». Разумѣется, можно жить, когда другіе живутъ и ничего не имѣя. По одёжкѣ протягивай ножки и, сидя на рогожѣ, не говори о соболяхъ.

Не смотря на скверную погоду, снѣгъ и вѣтеръ, дѣдушка*), по обычаю своему, притащился объявить мнѣ, что послѣ завтра будутъ давать «Дидону», въ которой Плавильщиковъ играетъ роль Ярба. Если что̀ не помѣшаетъ, то не только поѣду самъ проститься съ Москов-

*) Василій Алексѣевичъ Буловъ, отставной суфлеръ. См. выше, подъ 23-го Февраля 1805 года.

скимъ театромъ, но повезу и всѣхъ своихъ въ этотъ прощальный спектакль, о которомъ извѣщу тебя прощальнымъ же письмомъ изъ Москвы. Дѣдушка разсказывалъ, что у Сандуновыхъ между собою начинаетъ быть неладно подъ предлогомъ обоюдной невѣрности, но что настоящая причина ссоры заключается въ томъ, что мужъ, выстроивъ на общій капиталъ бани, записалъ ихъ на свое имя. По сему случаю жена прибѣгла къ покровительству князя Юрія Владимировича Долгорукаго и просила его посредства. Любопытно знать, чѣмъ все это кончится; а вѣдь они женились по страстной любви! Неужто же Карамзинъ сказалъ правду, что

Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но тонкій волосокъ;
Дохнетъ ли рѣзвый вѣтерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межъ ними—
Всему конецъ, и связи нѣтъ!

Впрочемъ, тутъ ужъ не бабочка и не вѣтерокъ, а преогромныя бани. Te voilà, pauvre humanité *)!

16 Ноября, Пятница. Мы предполагали выѣхать 19-го числа, но оказалось неодолимое препятствіе: это число пришлось въ Понедѣльникъ, и потому выѣзжаемъ днемъ прежде, то-есть послѣ завтра. Прощальные мои визиты почти кончены; рекомендательныхъ писемъ я ни отъ кого не взялъ, потому что не просилъ, а обѣщавшіе сами напомнить о нихъ не догадались. Пишу къ тебѣ послѣднее письмо изъ Москвы; а чтобъ оно было несовсѣмъ безъ интереса, такъ вотъ отчетъ о «Дидонѣ». Плавильщиковъ (Ярбъ) поразилъ меня: это рыкающій левъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли, и особенно въ концѣ втораго дѣйствія, онъ такъ былъ страшенъ, что даже у меня, привыкшаго къ ощущеніямъ театральнымъ, невольно билось сердце и застывала кровь; а о сестрахъ я уже не говорю: бѣдняжки до смерти перепугались. По возвращеніи изъ театра, я записалъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ показался мнѣ превосходнѣе. Семейство князя Михайла Александровича, къ которому я входилъ въ ложу во время антракта, встрѣтило меня радостнымъ вопросомъ: «А каковъ нашъ Лекенъ?» — «Нечего и говорить», отвѣчалъ я: «превосходенъ!» — «Вотъ то-то же! А у васъ только и на языкѣ, что Штейнсбергъ да мамзель Штейнъ!» Княжны не могутъ простить мнѣ сравненія послѣдней съ Сандуновою.—Въ Понедѣльникъ открывается Французскій театръ, причисленный уже къ Императорскимъ

*) Вотъ ты гдѣ, бѣдное человѣчество!—Имя Сандунова, какъ артиста, немногимъ теперь извѣстно; а Сандуновскія бани до сихъ поръ славятся въ Москвѣ! П. Б.

театрамъ; въ это время я буду далеко отъ Москвы, и *задняя забывая, простираться впредъ*. Однакожъ, какъ ни доволенъ я отъѣздомъ, а грустно разстаться съ своими, и невольно думается: когда-то, гдѣ и какъ Богъ приведетъ опять свидѣться? До сихъ поръ я былъ не одинъ; тепло было мнѣ на свѣтѣ, и вотъ чрезъ нѣсколько дней я вдругъ какъ будто осиротѣю и буду одинъ... нѣтъ, виноватъ, я не буду одинъ:

Erinnerung und Hoffnung blühn
Den Herzen, die von Freundschaft glühn *).

Прости: изъ Петербурга я не могу писать къ тебѣ такъ часто, какъ доселѣ писалъ; но можешь быть увѣренъ, что будешь получать раза два или три въ мѣсяцъ ежедневный и подробный журналъ моего житья-бытья и моихъ похожденій на чужой сторонѣ. Привычка—вторая натура: я не могу заснуть безъ того, чтобъ не записать всего, что̀ видѣлъ, слышалъ или чувствовалъ впродолженіе прожитаго дня. Побереги Дураковъ моихъ; и если они произведутъ достойныхъ себѣ потомковъ, то прикажи воспитать ихъ нѣсколько для меня на всякій случай.

*

С.-Петербургъ, 24 Ноября 1806. Субота. Послѣ пятисуточнаго путешествія, мы наконецъ дотащились до Петербурга, и вотъ другой день, какъ я дышу воздухомъ Петербургскимъ и—дома сумасшедшихъ, въ которомъ мы остановились. Почтенный Эллизенъ, тесть Альбини и главный докторъ Обуховской больницы умалишенныхъ, пріютилъ насъ до того времени, какъ успѣемъ пріискать себѣ квартиры. Это умный, искусный врачъ и добрый человѣкъ. Онъ никакъ не допустилъ меня переѣхать въ гостинницу, увѣряя, что онъ давно уже знако̀мъ со мною; а съ старымъ знакомымъ не церемонятся, и потому онъ арестуетъ меня до пріисканія помѣщенія, которое у него есть уже въ виду, въ домѣ друга его, придворнаго доктора Торсберга, у Каменнаго моста. У Эллизена есть сынъ (такой же красавецъ въ мужчинахъ, какъ въ женщинахъ дочь), который служитъ въ Иностранной же Коллегіи коллежскимъ ассесоромъ и весною долженъ ѣхать въ Америку въ званіи секретаря посольства. Итакъ, волею-неволею, я долженъ прожить нѣкоторое время въ домѣ сумасшедшихъ и, признаюсь, не смотря на ласку и привѣтливость хозяина и на доказательства истинно-братской дружбы Альбини, мужа и жены, я чувствую себя не очень покойнымъ и мысленно тревожусь какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ: не суждено

*) Воспоминаніе и надежда цвѣтутъ для сердецъ, горящихъ чувствомъ дружбы.

ли мнѣ кончить Петербургское мое поприще въ томъ же домѣ, въ которомъ я его началъ? Впрочемъ, воля Божія!

Утромъ явился я къ одолжителю моему, старику Лабату, который встрѣтилъ меня съ восхищеніемъ и тотчасъ же пригласилъ обѣдать. Я отговаривался подъ разными предлогами, но напрасно. Упрямый уроженецъ Гасконіи не выпустилъ меня изъ своего кабинета до самаго обѣда и не приказалъ сказывать о пріѣздѣ моемъ ни старухѣ женѣ своей, ни дочерямъ (изъ которыхъ младшая, Катерина, сегодня именинница), желая неожиданно представить имъ меня предъ самымъ обѣдомъ. Но вотъ наступилъ часъ этого обѣда, и дамы вышли въ гостиную; старикъ, оставивъ меня за ширмами, завелъ обо мнѣ рѣчь и съ негодованіемъ жаловался на мое неприбытіе; дамы стали что-то говорить въ мою защиту, какъ вдругъ онъ, толкнувъ меня изъ-за ширмъ, «le voici votre grand flandrin»! вскричалъ онъ: «étouffez le de vos embrassements!» *) Разумѣется, дамы ахнули отъ удовольствія, и буквально чуть не задушили меня своими объятіями. Странное дѣло: болѣе года прошло съ того времени, какъ мы разстались и, слѣдовательно, я долженъ былъ бы показаться имъ годомъ старѣе—вышло напротивъ; я помолодѣлъ для нихъ пятью годами; онѣ обошлись со мною какъ съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ и рѣшительно взяли подъ свою опеку. Тѣмъ лучше! Скоро наѣхали гости, большею частью старые Французскіе эмигранты: маркизъ де-Лаферте, за отсутствіемъ графа Блакаса повѣренный въ дѣлахъ Лудовика XVIII; графъ де-Монфоконъ, маркизъ де-Мастенъ, шевалье де-Ла-Моттъ, генералъ ле-Брёнъ, знаменитый корабельный строитель, состоящій въ нашей службѣ; гвардіи капитаны: Шапъ де-Растиньякъ, графъ де-Бальменъ, Дамасъ, графъ де-Местръ, сочинитель прекрасной книги: «Voyage autour de ma chambre», настоятель церкви Мальтійскаго ордена аббатъ Ловманъ, и другіе; но изъ Русскихъ было только двое: я и прелюбезный молодой человѣкъ, Филипъ Филиповичъ Вигель, съ которымъ мы тотчасъ и познакомились. Лабатъ живетъ въ правомъ флигелѣ Михайловскаго замка, котораго онъ при покойномъ государѣ былъ кастеланомъ. Теперь эта должность упразднена, и онъ, для проформы, переименованъ въ смотрители Зимняго дворца, съ оставленіемъ при немъ всего жалованья и содержанія.

Вскорѣ послѣ обѣда пріѣхалъ Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ, лейбъ-хирургъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, не поспѣвшій къ обѣду по служебнымъ своимъ занятіямъ при дворѣ; меня тотчасъ же ему представили, и я не зналъ, какъ выразить ему благодарность за его хлопоты и заботы о моемъ опредѣленіи. Это прекраснѣйшій человѣкъ. Онъ

*) Вотъ онъ, вашъ великій коротышка; задушите его въ вашихъ объятіяхъ.

женатъ на старшей дочери Лабата, вдовѣ генерала Лукашевича, отъ котораго у нея осталось двое дѣтей: сынъ, оставившій службу и находящійся въ деревняхъ своихъ, и дочь, воспитывавшаяся въ институтѣ и живущая у дѣда: дѣвушка преумная и предобрая, но дурная собою и, къ несчастью, тоскующая о томъ безпрерывно. Едва познакомились мы съ ней—и какъ будто цѣлый вѣкъ были знакомы: она тотчасъ успѣла повѣрить мнѣ свое горе и свои жалобы на природу, отказавшую ей въ красотѣ. Aimez moi un peu, monsieur, et je serai une tendre soeur pour vous; je ne puis être rien autre chose pour personne; car vous voyez, je suis si laide *). Бѣдная Марья Лукинична!

Долго продержали меня добрые Лабаты, разспрашивая о томъ о семъ и давая такія подробныя наставленія на счетъ моего поведенія, что, слушая ихъ, я едва удержался отъ смѣха. Они отпустили меня подъ однимъ только условіемъ, чтобъ всякій день у нихъ обѣдать. Поздно возвратился я въ свой домъ сумасшедшихъ, гдѣ радушный мой хозяинъ и милая Дарья Егоровна начинали уже о мнѣ безпокоиться. Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что нанялъ славнаго извощика по тридцати рублей въ мѣсяцъ, и продержу его до тѣхъ поръ, пока не узна́ю самъ всего Петербурга.

25 Ноября, Воскресенье. Ныньче слушалъ обѣдню у Спаса на Сѣнной. По окончаніи службы читанъ былъ манифестъ отъ 16-го числа о войнѣ съ Французами. Удивительно, какъ пришелся кстати апостолъ: «Братіе, облецытеся во вся оружія Божія и шлемъ спасенія воспріимите и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій» (ко Еффесеемъ, зачало 233).

По рекомендаціи Эллизена, былъ у Торсберга и нанялъ квартиру въ три комнаты съ небольшою кухнею, по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. Этотъ Торсбергъ человѣкъ замѣчательной наружности, лѣтъ пятидесяти, маленькій, кругленькій пузанчикъ съ такою открытою физіономіею, такой румяный и такого веселаго нрава, что совсѣмъ непохожъ на доктора. Я началъ съ нимъ говорить по-нѣмецки и очаровалъ его такъ, что онъ, кажется, готовъ былъ бы отдать мнѣ квартиру даромъ, звалъ къ себѣ по Четвергамъ, объявивъ, что въ этотъ день собираются у него пріятели, бываетъ музыка, играютъ и поютъ, иногда танцуютъ, послѣ ужинаютъ и всѣ проводятъ время чрезвычайно весело. Да, этотъ безподобный Herr Doctor—сущая находка!

Альбини также наняли себѣ квартиру и почти насупротивъ дома Торсберга, такъ что изъ окошекъ моихъ видны окошки ихъ квартиры.

*) Любите меня немного, сударь, а я буду вамъ нѣжною сестрою; инымъ чѣмъ я не могу быть ни для кого, потому что вы видите, какъ я дурна собою.

Послѣ завтра мы переѣдемъ каждый въ свое гнѣздо, а завтра отправлюсь явиться къ начальству.

26 Ноября, Понедѣльникъ. Утромъ былъ у оберъ-секретаря Иностранной Коллегіи, Ильи Карловича Вестмана; принялъ меня какъ нельзя благосклоннѣе, но пенялъ, отчего такъ долго не являлся я къ должности; разспрашивалъ, чѣмъ занимался прежде и чѣмъ намѣренъ заниматься теперь, хочу ли дѣйствительно служить или служить только для того, чтобъ, какъ многіе, за выслугу лѣтъ получать чины. Я отвѣчалъ, что занимаюсь литературою, легко могу заниматься переводами, если нужно, и что желаю служить дѣйствительно, зачѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ; иначе старался бы опредѣлиться въ Московскій Архивъ.—«Да», сказалъ онъ мнѣ съ умѣшкою, «для переводовъ комедій Коцебу, подъ дирекціею Малиновскаго». Я возразилъ, что и въ Архивѣ Николай Николаичъ Бантышъ-Каменскій нашелъ бы дѣло желающему.—«Правда», сказалъ онъ, «но дѣло-то Николая Николаича требуетъ труда и усидчивости, а потому охотниковъ на него не находится». Илья Карловичъ велѣлъ позвать экзекутора, С. К. Константинова, и поручилъ ему представить меня, когда явлюсь къ должности, секретарю В. А. Полѣнову и познакомить съ членами Казеннаго Департамента, а между тѣмъ назначить и въ дежурство. «Если же вы, по пріѣздѣ, еще не устроились», присовокупилъ Вестманъ, «такъ можете съ недѣлю и не ходить въ Коллегію». Я сказалъ, что съ благодарностью воспользуюсь его предложеніемъ и употреблю нѣсколько дней на обмеблированіе квартиры и обзаведеніе себя всѣмъ нужнымъ.

Послѣ обѣда заѣзжалъ на короткое время къ Лабатамъ. Нашелъ у нихъ шталмейстера Ададурова съ женою: сидѣли у камина, болтая всякій вздоръ. Звали съ собою во Французскій театръ, въ которомъ имѣютъ постоянную ложу; но я просилъ уволить меня до будущей недѣли отъ всякаго развлеченія. Анна Ивановна Ададурова, которой меня рекомендовали, молодая женщина, очень любезная и словоохотливая, приглашала къ себѣ. Хорошо; но прежде надобно осмотрѣться. Купилъ мебель и посуду, всего рублей на полтораста, и перевезъ на квартиру, въ которой завтра же и ночевать буду.

27 Ноября, Вторникъ. Альбини непремѣнно хотѣлъ меня представить знаменитому доктору, лейбъ-медику Франку, который былъ его наставникомъ въ медицинѣ и котораго почитаетъ онъ своимъ благодѣтелемъ. Я согласился ѣхать съ нимъ единственно въ угодность ему, потому что знакомство съ Франкомъ ни къ чему мнѣ служить не могло; но между тѣмъ послѣ чрезвычайно доволенъ былъ, увидѣвъ это замѣ-

чательнѣйшее лицо въ лѣтописяхъ современной медицины. Франку на видъ около семидесяти лѣтъ; но какое прекрасное старческое лицо, какой умный и живой разговоръ! Онъ спросилъ меня, какими предметами наукъ я занимался въ Университетѣ и не имѣю ли намѣренія продолжать занятія по какой нибудь спеціальной части для составленія себѣ карьеры. Этотъ вопросъ смутилъ меня: *предметы наукъ*, *спеціальная часть*! Этого никогда мнѣ и въ голову не приходило, и Франкъ, кажется, полагалъ, что говоритъ съ *Нѣмецкимъ студентомъ*. Однакожъ, къ счастью, мнѣ пришло на мысль сказать, что я больше занимался словесностью, которую считалъ полезнѣйшею для избраннаго мною рода службы. Тутъ заговорилъ онъ о Гёте, Шиллерѣ, директорѣ нашего Кадетскаго Корпуса Клингерѣ, Гуфландѣ и проч., исчислялъ ихъ творенія и кончилъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ словесностью не худо бы заниматься и какою-нибудь спеціальною наукою, потому что одна словесность не составляетъ знанія и не можетъ развить въ человѣкѣ способность мышленія въ степени, сообразной съ требованіями современнаго просвѣщенія. Ахъ, правда, правда, Herr Franck, и слава Богу, что вы не замѣтили, какъ я, слушая васъ, краснѣлъ за свое невѣжество! Все это пишу я въ новой своей квартирѣ, на новомъ столѣ, сидя на новомъ стулѣ и обмакивая новое перо въ новую чернильницу. Словомъ, у меня все почти новое, даже и новыя мысли; стараго только и осталось, что полное чувства сердце да двѣ физіономіи моихъ челядинцевъ.

28 Ноября, Среда. Заѣзжалъ въ Коллегію и неожиданно встрѣтился съ пансіонскими соучениками моими, А. Н. Хвостовымъ и П. А. Азанчевскимъ, которые также служатъ въ Коллегіи. Степанъ Константиновичъ, по порученію Вестмана, представилъ меня Василью Алексѣевичу Полѣнову, который уже зналъ обо мнѣ отъ самаго Вестмана и обѣщалъ дать занятіе. Умный, прекраснѣйшій человѣкъ! Потомъ рекомендовалъ экспедитору, М. В. Веньяминову, предоброму и очень живому старику, который болѣе сорока лѣтъ занимается однимъ и тѣмъ же изготовленіемъ кувертовъ для отправляемыхъ бумагъ и запечатываніемъ ихъ. Эти куверты дѣлаетъ онъ мастерски, безъ ножницъ, по принятому въ Коллегіи обычаю, и поставляетъ въ томъ свою славу. «Вотъ, батюшка», сказалъ онъ, «милости-ка просимъ къ намъ: выучимъ тебя дѣлать кувертики, выучимъ на славу». Потомъ Степанъ Константиновичъ повелъ меня въ такъ называемый Департаментъ Казенныхъ Дѣлъ и представилъ членамъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ Н. В. Яблонскому, приставу при Грузинскихъ царяхъ и царицахъ; Маркову, занимающемуся составленіемъ книги «Всеобщій

Стряпчій»; контролёру Ѳ. Д. Иванову, высокому, худощавому старику въ рыжемъ парикѣ, состоящему церковнымъ старостою при одной изъ церквей, объ украшеніи которой заботится онъ непрестанно, и наконецъ казначею, статскому совѣтнику Борису Ильичу Юкину, страстному любителю ружейной охоты. Все это узналъ я почти тотчасъ отъ моего разговорчиваго вожатаго и частью отъ нихъ самихъ, потому что всѣ они, кажется, добрые, простосердечные люди и любятъ поговорить; очень обласкали меня.

У входа въ Секретную Экспедицію, въ которой давно уже нѣтъ никакихъ секретовъ, замѣтилъ я сторожа, худощаваго и невысокаго роста старика, обвѣшеннаго медалями. Посмотрѣвъ на него, я удивился, что въ его лѣта волосы у него черны какъ смоль. «А сколько, слышь ты, дашь ему лѣтъ?» спросилъ меня экзекуторъ. «Я полагаю», отвѣчалъ я наобумъ, «что ему должно быть лѣтъ 70».—«Эхъ-ма, слышь ты, далеко за 90! Государя Петра I-го помнитъ. Ты потолкуй съ нимъ; учнетъ, слышь ты, разсказывать, что̀ твоя книга».—«Ужъ конечно, батюшка Степанъ Константинычъ, потолкую, да и еще и какъ!» Это такая пожива, какія нашему брату встрѣчаются не всякій день.

Я назначенъ въ дежурство надворнаго совѣтника И. А. Лазарева, вмѣстѣ съ переводчикомъ Н. И. Хмѣльницкимъ и М. И. Кусовниковымъ. Скучно тѣмъ, что надобно ночевать въ Коллегіи.

29 Ноября, Четвергъ. Обѣдалъ у Лабата. Онъ, сверхъ страсти своей къ гостепріимству, имѣетъ еще и другое качество—быть отличнымъ знатокомъ повареннаго искусства. Всѣ кушанья приготовляются у него по его приказаніямъ, отъ которыхъ поваръ не смѣетъ отступить ни на волосъ. Эти кушанья такъ просты, но такъ вкусны, что нельзя не ѣсть, хотя бы и не хотѣлось. Александръ Львовичъ Нарышкинъ, величайшій гастрономъ своего времени, отзывался о его *cuisine bourgeoise* *), что она несравненно вкуснѣе затѣйливой и прихотливой собственной его кухни. Графъ Монфоконъ ежедневный гость за столомъ Лабата. Онъ очень полюбилъ меня, особенно за то, что я небольшой охотникъ до Вольтера, котораго онъ ненавидитъ, приписывая его ученію бѣдствія своего отечества. Старики любятъ поспорить, да и все семейство, кажется, отъ того не прочь, кромѣ внучки, которая мало мѣшается въ горячіе споры.

Вечеромъ были во Французскомъ спектаклѣ. Давали Мольерова *Донъ-Жуана*, переложеннаго въ стихи Томасомъ Корнелемъ, и маленькую оперку *La maison à vendre*. Я удивился совершенству, съ какимъ

*) Мѣщанская кухня.

играли актеры: какіе таланты и какой ансамбль! Дюранъ, Калланъ, Дегиньи, Дюкроаси—это первоклассные артисты. Какая естественность и какъ говорятъ стихи; прелесть и только! Въ оперѣ участвовали актеры Андріё, Сенъ-Леонъ, Клапаредъ, Флоріо, Меесъ, и актрисы Филлисъ-Андріё и сестра ея, Филлисъ-Бертенъ. Вотъ это такъ спектакль! Богъ дастъ, пообживусь, буду попристальнѣе слѣдить за Французскими спектаклями. У мадамъ Филлисъ-Андріё отличный голосъ; но, сверхъ того, какая очаровательная актриса!

30 Ноября, Пятница. Сегодня объявленъ манифестъ о милиціи. Благодареніе Богу! Все наконецъ объяснилось, и противъ общаго врага приняты мѣры сильныя и дѣйствительныя. Въ Коллегіи толкуютъ объ огромныхъ пожертвованіяхъ, которыя всѣ состоянія въ Петербургѣ изъявляютъ готовность принести въ даръ отечеству. Я воображаю, что̀, по полученіи сего манифеста, произойдетъ въ Москвѣ, и какіе толки произведетъ онъ въ Англійскомъ клубѣ! Кого-то выберутъ начальствующимъ Московскою милиціею: это очень любопытно знать. Тамъ столько старыхъ, отличныхъ Екатерининскихъ генераловъ: графъ А. Г. Орловъ, князь А. А. Прозоровскій, князь Ю. В. Долгорукій, Марковъ и проч. А богачи Московскіе? За ними то ужъ вѣрно дѣло не станетъ: если они такъ щедры и податливы тамъ, гдѣ эти качества не могутъ имѣть достойной оцѣнки, то какъ, воображаю, распояшутся они теперь, когда этой щедрости потребуютъ отъ нихъ общественная нужда и сохраненіе славы отечества.

Въ ожиданіи служебнаго занятія я только и дѣлаю, что знакомлюсь съ своими сослуживцами, и ныньче больше часа протолковалъ въ Казенномъ Департаментѣ о всячинѣ, въ которой, разумѣется, важнѣйшимъ предметомъ были Бонапарте и его дерзостныя покушенія противъ Россіи. Но Богъ вѣсть какимъ образомъ, отъ Бонапарте перешли мы вдругъ въ Троянской войнѣ. Не знаю, почему-то сдѣлалось извѣстно, что я *studiosus*, пишу стихи и, слѣдственно, долженъ быть смыслящъ въ древней исторіи. «До сихъ поръ понять не могу распредѣленія чиновъ Греческой арміи», говорилъ Өедоръ Даниловичъ Ивановъ: «замѣчаю въ ней большую неурядицу и отсутствіе всякой субординаціи; вижу, напримѣръ, что Агамемнонъ былъ главнокомандующимъ, то-есть въ родѣ нашего фельдмаршала, слѣдовательно прочіе, какъ-то Ахиллесъ, Аяксы, Діомедъ, Улиссъ, должны были, какъ будто, быть корпусными или дивизіонными командирами, а между тѣмъ они своего фельдмаршала ни во что не ставятъ, особенно этотъ забіяка Ахиллесъ, который называетъ его публично пьяницей; да я бы тотчасъ же велѣлъ его заметать дротиками, коли ружья не были еще вы-

думаны. Растолкуйте, пожалуйста, отчего все это происходило?» На этотъ вопросъ я рѣшительно не нашелся что̀ отвѣчать и, къ предосужденію своей учености, предоставилъ другимъ собесѣдникамъ разрѣшить недоумѣніе добраго контролёра. Мнѣ сказывали, что Троянская война, въ мирное время, всегда была главнымъ предметомъ разсужденій членовъ Казеннаго Департамента, въ который приходилъ ежедневно ораторствовать переводчикъ В. А. Викулинъ, сынъ богатаго откупщика Викулина, прозванный Гамбургскою газетою.

Возвращаясь изъ Коллегіи, встрѣтился съ Кистеромъ, который преблагополучно поживаетъ здѣсь съ мадамъ Штейнсбергъ и квартируетъ вмѣстѣ съ Гебгардомъ. Онъ хотѣлъ зайти ко мнѣ разсказать многое о здѣшнемъ Нѣмецкомъ театрѣ и вмѣстѣ узнать, что̀ дѣлается у Нѣмцевъ въ Москвѣ. Буду радъ, потому что одному иногда бываетъ скучно, а надоѣдать Альбини и Лабату безпрерывными посѣщеніями какъ-то совѣстно, хотя они не только желаютъ, но даже требуютъ, чтобъ я какъ можно чаще былъ у нихъ.

На-дняхъ думаю представиться Державину съ моимъ «Артабаномъ». Великій поэтъ, въ эпоху губернаторства своего въ Тамбовѣ, былъ друженъ съ дѣдомъ моимъ, который, послѣ увольненія отъ должности Вятскаго губернатора, жилъ въ Тамбовской деревнѣ и, любя чтеніе, былъ однимъ изъ усердныхъ поклонниковъ пѣвца Фелицы.

1 Декабря, Субота. Утро просидѣли у меня Нѣмцы. Кистеръ привелъ Гебгарда, который чрезвычайно былъ радъ познакомиться со мною и принесъ поклонъ отъ жены своей, бывшей мамзель Штейнъ, доброй моей пріятельницы. Они разсказали мнѣ всю поднаготную о здѣшнемъ Нѣмецкомъ театрѣ и зазвали въ сегодняшній спектакль. Проводивъ ихъ, я пошелъ обѣдать въ гостинницу Лондонъ, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, и познакомился тамъ съ князьями Вадбольскими, братьями В. П. Муромцовой, жены теперешняго содержателя Московской Нѣмецкой труппы. Они отлично играютъ на бильярдѣ. Послѣ сытнаго обѣда, за который заплатили по 2 р. 50 к. съ персоны, мы отправились вмѣстѣ въ Нѣмецкій театръ. Давали Kabale und Liebe. Гебгардъ игралъ Фердинанда, Кудичъ—президента, Боркъ—Вурма, Брюкль,—музыканта, мадамъ Эвестъ—жену его, мамзель Лёве—леди Мильфортъ, а мадамъ Гебгардъ-Штейнъ—Луизу. Послѣднюю въ роли Луизы я видѣлъ уже въ Москвѣ; она попрежнему превосходна, если еще не превосходнѣе. Вся пьеса была обставлена и разъиграна мастерски. Не говорю о Гебгардѣ: роль Фердинанда лучшая изъ его ролей; но какъ хорошо, естественно играла мадамъ Эвестъ, какой талантъ у этого Борка для представленія такихъ хладнокровныхъ

злодѣевъ, каковъ Вурмъ; съ какою величавостью и достоинствомъ играла эта *полногрудая* красавица мамзель Лёве—право заглядѣнье! Я вышелъ изъ спектакля вполнѣ очарованный и талантами актеровъ, и ансамблемъ всей пьесы, и спѣшилъ передать сдѣланное на меня ими впечатлѣніе милой своей Schwester Dorchen, которая покамѣстъ сидитъ одна, занимаясь уборкою новаго своего жилища: мужъ началъ ѣздить по своимъ больнымъ.

2 Декабря, Воскресенье, Сегодня, наконецъ, Богъ привелъ увидѣть Государя. Сколько дней ходилъ я всюду, чтобъ гдѣ-нибудь встрѣтить его, и никакъ не удавалось; но за-то нынѣшній день насмотрѣлся на него вдоволь. Какая величавая наружность, какой красавецъ, и ко всему этому—какая душа! Я увидѣлъ его въ то время, когда онъ съ парада изволилъ идти гулять на Дворцовую набережную, и слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи; когда же, дойдя до Троицкаго моста, онъ оборачивался назадъ, я отходилъ въ сторону и не спускалъ съ него глазъ; онъ два раза останавливался и благосклонно изволилъ разговаривать съ какими-то генералами... Что̀ за ангельское лицо и плѣнительная улыбка!

Когда, за обѣдомъ, я объявилъ семейству Лабата, что видѣлъ Государя, оно было въ восхищеніи. Эти добрые люди такъ ему преданы и такъ его любятъ, что не могутъ иначе говорить о немъ, какъ съ величайшимъ восторгомъ и почти со слеза̀ми. «Кромѣ того, что онъ примѣрный государь», говорятъ они, «но вмѣстѣ и благодѣтель нашъ; и если мы имѣемъ средства жить, такъ этимъ всѣмъ ему обязаны». Я недавно въ Петербургѣ, а ужъ не отъ нихъ однихъ слышу подобные отзывы о благости Государя.

4 Декабря, Вторникъ. Нынѣшнюю ночь я ночевалъ на дежурствѣ въ Коллегіи, и отъ того въ дневникѣ моемъ будетъ пропускъ. Я предполагалъ провести эту ночь скучно и неловко, но вышло напротивъ: товарищи мои, Кусовниковъ и Хмѣльницкій, ребята славные и веселые; послѣдній большой любитель литературы, много читаетъ и занимается самъ переводомъ трагедіи «Зельмира», но жалуется, что плохо идетъ: не ладитъ съ рифмами. Я узналъ отъ него, что онъ сынъ того Хмѣльницкаго, который сочинилъ книгу «Свѣтъ зримый въ лицахъ», и что извѣстный Эминъ, авторъ комедіи въ стихахъ «Знатоки», женатъ на родной его сестрѣ и находится теперь губернаторомъ въ Выборгѣ. Радъ сердечно: c'est une connaissance à cultiver *).

*) Это знакомство надо поддерживать.

Получилъ письмо отъ своихъ и отъ Петра Ивановича, который продолжаетъ и безъ меня жить у насъ и обѣщается не оставлять моихъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ его не прогонятъ; слѣдовательно онъ останется надолго. Пишетъ, что сестры очень тупы и лѣнивы, и вмѣсто того, чтобъ слушать логику и риторику, забавляются, болтая съ нимъ всякій вздоръ. Я узнаю милыхъ сестрицъ моихъ; да что до того? Вѣдь не всѣмъ же быть барышнями Скульскими и Извѣковою *).

5 Декабря, Среда. Былъ у Державина и до сихъ поръ не могу прійдти въ себя отъ сердечнаго восхищенія. Съ именемъ Державина соединено было все въ моемъ понятіи, все, что̀ составляетъ достоинство человѣка: вѣра въ Бога, честь, правда, любовь къ ближнему, преданность къ государю и отечеству, высокій талантъ и трудъ безкорыстный... и вотъ я увидѣлъ этого мужа,

Кто, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ!

Сильно билось у меня сердце, когда въѣхалъ я на дворъ невысокаго дома на Фонтанкѣ, находящагося невдалекѣ отъ прежней моей квартиры въ домѣ умалишенныхъ. Вхожу въ сѣни съ «Артабаномъ» подъ мышкою и спрашиваю дремавшаго на стулѣ лакея: «Дома ли его высокопревосходительство и принимаетъ ли сегодня?» — «Пожалуйте-съ», отвѣчалъ мнѣ лакей, указывая рукой на деревянную лѣстницу, ведущую въ верхнія комнаты. — «Но, голубчикъ, нельзя ли доложить прежде, что вотъ пріѣхалъ С. П. Ж.; а то, можетъ быть, его высокопревосходительство занятъ.» — «Ничего-съ, пожалуйте; енаралъ въ кабинетѣ одинъ.» — «Такъ проводи же, голубчикъ.» — «Ничего-съ, извольте идти сами-съ, прямо по лѣстницѣ; а тамъ и дверь въ кабинетъ, первая налѣво». Я пошелъ, или скорѣе, поплелся; ноги подгибались подо мною, руки тряслись, и я весь былъ самъ не свой: меня била лихорадка. Взойдя наверхъ и остановившись предъ стеклянною дверью, первою налѣво, завѣшенною зеленою тафтою, я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать — отворить ли дверь, или дожидаться покамѣстъ кто-нибудь случайно отворитъ ее. Я такъ былъ смѣшанъ и такъ смѣшонъ! Къ счастью, явилась мнѣ неожиданная помощь въ образѣ прелестной дѣвушки, лѣтъ 18-ти, которая, пробѣжавъ мимо меня и, вѣроятно, замѣтивъ мое смущеніе, тотчасъ остановилась и, добродушно спросивъ: «вы вѣрно къ дядюшкѣ?» безъ церемоніи отворила дверь, примолвивъ: «войдите». Я вошелъ. Старецъ лѣтъ 65-ти, блѣдный и угрюмый, въ бѣломъ кол-

*) См. выше подъ 13 Апрѣля 1805.

пакѣ, въ бѣличьемъ тулупѣ, покрытомъ синею шелковою матеріею, сидѣлъ въ креслахъ за письменнымъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ кабинета, углубясь въ чтеніе какой-то книги. Изъ-за пазухи у него торчала головка бѣлой собачки, до такой степени погруженной въ дремоту, что она и не замѣтила моего прихода. Я кашлянулъ. Державинъ—потому что это былъ онъ—взглянулъ на меня, поправилъ на головѣ колпакъ и, какъ будто съ просонья зѣвнувъ, сказалъ мнѣ: «Извините, я такъ зачитался, что и не замѣтилъ васъ. Что́ вамъ угодно?» Я отвѣчалъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ я первою обязанностью поставилъ себѣ быть у него съ данью того искренняго уваженія къ его имени, въ которомъ былъ воспитанъ; что онъ, будучи такъ коротко знако̀мъ съ дѣдомъ, конечно не откажетъ и внуку въ своей благосклонности. Тутъ я назвалъ себя. «Такъ вы внукъ Степана Данилыча? Какъ я радъ! А зачѣмъ сюда пріѣхали? Не опредѣляться ли въ службу?» и, не давъ мнѣ времени отвѣчать, продолжалъ: «Если такъ, то могу попросить князя Петра Васильича (Лопухина) и даже графа Николая Петровича (Румянцова)». Я объяснилъ ему, что я уже въ службу опредѣленъ и что ни въ комъ и ни въ чемъ покамѣстъ надобности не имѣю, кромѣ его благосклонности. Онъ сталъ распрашивать меня, гдѣ я учился, чѣмъ занимался, какое наше состояніе и проч., и когда я удовлетворилъ всѣмъ его вопросамъ, онъ, какъ будто спохватившись, сказалъ: «Да чтожъ вы стоите? Садитесь».—Я взялъ стулъ и подсѣлъ къ нему. «Ну а это что́ у васъ за книга?» Я отвѣчалъ, что это трагедія моего сочиненія «Артабанъ», которую я желалъ бы посвятить ему, если только она того сто̀итъ. «Вотъ какъ! Такъ вы пишите стихи, хорошо! Прочитайте-ка что-нибудь». Я развернулъ моего «Артабана» и прочиталъ ему сцену изъ 3-го дѣйствія, въ которой впавшій въ опалу и скитающійся въ пустынѣ царедворецъ Артабанъ повѣряетъ стихіямъ свою скорбь и негодованіе, пылая мщеніемъ. Державинъ слушалъ очень внимательно, и когда я пересталъ читать, онъ, ласково и съ улыбкою посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Прекрасно. Оставьте, пожалуйста, трагедію вашу у меня; я съ удовольствіемъ ее прочитаю и скажу вамъ свое мнѣніе». Я былъ въ восторгѣ; у меня развязался языкъ, и откуда взялось краснорѣчіе! Я сталъ говорить о его сочиненіяхъ, многія цитировалъ цѣликомъ; разсказалъ о знакомствѣ моемъ съ И. И. Дмитріевымъ, о его къ нему посланіи, начинающемся такъ: *Бардъ безъимянный, тебя ль не узнаю*, которое прочиталъ отъ начала до конца; распространился о нѣкоторыхъ Московскихъ литераторахъ, особенно о Мерзляковѣ и Жуковскомъ, которые были ему вовсе неизвѣстны; словомъ, сдѣлался чрезвычайно смѣлъ. Державинъ все время слушалъ меня съ видимымъ удо-

вольствіемъ и потомъ, нѣсколько призадумавшись, сказалъ, что онъ желалъ бы, чтобъ я остался у него обѣдать. Я объяснилъ ему, что съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ бы его волю, еслибъ не далъ уже слова обѣдать у прежняго своего хозяина, доктора Эллизена. «Ну такъ милости просимъ послѣ завтра; потому что хотя завтра и праздникъ, но у насъ день невеселый: память по Николаѣ Александровичѣ Львовѣ». Я поклонился, въ знакъ согласія. «Да прошу впередъ безъ церемоніи ко мнѣ жаловать всякій день, если можно. Вѣдь у васъ здѣсь знакомыхъ, должно быть, немного».

И вотъ послѣзавтра я буду обѣдать у Державина! Напишу о томъ къ своимъ. Боюсь, что не повѣрятъ моему благополучію. Воображаю, что̀ скажетъ Петръ Ивановичъ, и какъ выросту я въ его мнѣніи.

6 Декабря, Четвергъ. Слушалъ обѣдню въ церкви Николы Морскаго, въ которой сегодня храмовый праздникъ. Литургію совершалъ митрополитъ Амвросій съ синодальными членами: преосвященными Псковскимъ Иринеемъ и Иверскимъ Меѳодіемъ. Какая величавая наружность у митрополита! Какой ростъ и какая осанка! Служитъ просто, но съ большою важностью. Меня поразилъ придворный протодьяконъ, Алексѣй Григорьевичъ Воржскій, приглашенный на сегодняшнее служеніе по случаю праздника. Что̀ у него за голосъ—вообразить себѣ нельзя, и какое мастерское произношеніе! Вѣрное, чистое, ясное; всякое слово выкатывалось жемчугомъ; а еще болѣе меня удивило то, что, при чтеніи Евангелія, онъ соблюдалъ надлежащую интонацію, дѣлалъ удaренія на тѣхъ словахъ, которыя для бо́льшаго уразумѣнія того требовали, и возвышалъ или понижалъ голосъ сообразно смыслу возглашаемой рѣчи. Онъ при дворцовой церкви считается, по старшинству, въ пятыхъ, но по достоинству—первый. У старшаго протодьякона, Ивана Александровича, голосъ еще сильнѣе, но не обработанъ; онъ также великъ ростомъ и еще дороднѣе Воржскаго, но не имѣетъ ни этой благородной осанки, ни этого необыкновеннаго мастерства въ чтеніи. Воржскій, какъ разсказывалъ мнѣ послѣ обѣдни дьячекъ Иванъ Филипповичъ—очень неглупый человѣкъ, привезенъ сюда Ярославскимъ архіереемъ Павломъ, бывшимъ синодальнымъ членомъ; преосвященный любилъ великолѣпіе церковной службы и самъ сформировалъ какъ Воржскаго, такъ и отличныхъ пѣвчихъ, изъ которыхъ многіе взяты въ придворный пѣвческій хоръ.

7 Декабря, Пятница. Къ Гавріилу Романовичу пріѣхалъ я, по назначенію, въ 3 часа. Домашніе его находились уже въ большой гостинной, находящейся въ нижнемъ этажѣ, и сидѣли у камина; а самъ

онъ, въ томъ же синемъ шелковомъ тулупѣ, но въ парикѣ, задумчиво расхаживалъ по комнатамъ и по временамъ гладилъ головку собачки, которая также, какъ и вчера, высовывалась у него изъ-за пазухи. Лишь только я успѣлъ войти, какъ онъ тотчасъ же представилъ меня своей супругѣ, Дарьѣ Алексѣевнѣ. «Вотъ, матушка, С. П. Ж., о которомъ я тебѣ говорилъ. Прошу полюбить его: онъ внукъ стариннаго Тамбовскаго моего пріятеля». Потомъ, обратившись къ племянницамъ, продолжалъ: «вамъ рекомендовать его не́чего; сами познакомитесь». И тутъ же, совершенно перемѣнивъ вчерашній учтивый со мною тонъ, съ большою живостью началъ говорить объ «Артабанѣ». «Читалъ я, братецъ, твою трагедію и, признаюсь, оторваться отъ нея не могъ: ну, право, прекрасно! Да откуда у тебя талантъ такой? Все такъ громко, высоко; стихи такіе плавные и звучные, какіе рѣдко встрѣчалъ я даже у Шихматова». Я остолбенѣлъ: мнѣ пришло на мысль, что онъ вздумалъ морочить меня. Однакожъ, думаю: нѣтъ; изъ чего бы ему, Державину, говорить мнѣ комплименты, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ въ трагедіи моей не было никакихъ достоинствъ? «Я отвѣчалъ, что съ малолѣтства напитанъ былъ чтеніемъ Священнаго Писанія, книгъ пророческихъ и его сочиненій; что едва только выучился лепетать, какъ зналъ уже наизустъ нѣкоторыя его оды, какъ-то «Бога», «Вельможу», «Мой Истуканъ», «На смерть князя Мещерскаго» и Къ Фелицѣ», и что, эти стихотворенія служили для меня лучшимъ руководствомъ въ нравственности, нежели всѣ школьныя наставленія. Кажется, онъ остался очень доволенъ моимъ объясненіемъ.

За обѣдомъ посадили меня возлѣ хозяйки, которая была ко мнѣ чрезвычайно ласкова и внимательна. «Пожалуйста бывайте у насъ чаще; мы всякій день обѣдаемъ дома и по вечерамъ никуда почти не выѣзжаемъ. Будьте у насъ какъ у родныхъ». Державинъ за столомъ былъ неразговорчивъ; напротивъ, прелестныя племянницы его говорили безпрестанно, мило и умно. Племянниковъ не было, а мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ ними. Старшій, Леонидъ, служитъ въ Иностранной Коллегіи и недавно пріѣхалъ изъ Мадрида, гдѣ онъ былъ при посольствѣ. Но время не ушло.

Послѣ обѣда Гаврила Романовичъ сѣлъ въ кресла за дверью гостинной и тотчасъ же задремалъ. Вѣра Николаевна сказала мнѣ, что это всегдашняя его привычка. «А что это за собачка», спросилъ я, «которая торчитъ у дядюшки изъ-за пазухи, только жмуритъ глаза да глотаетъ хлѣбные катышки изъ руки дядюшкиной?» — «Это воспоминаніе добраго дѣла», отвѣчала мнѣ В. Н. «Къ дядюшкѣ ходила по временамъ за пособіемъ одна бѣдная старушка, съ этой собачкой на рукахъ. Однажды, зимою, бѣдняжка притащилась, окоченѣвшая отъ хо-

лода и, получивъ обыкновенное пособіе, ушла, но вскорѣ возвратилась и со слезами умоляла дядюшку взять себѣ эту собачку, которая всегда къ нему такъ ласкалась, какъ-будто чувствовала его благодѣяніе. Дядюшка согласился, но съ тѣмъ, чтобъ старушка получала отъ него по смерть свою пансіонъ, который она и получаетъ; только она по дряхлости своей не ходитъ за нимъ, а дядюшка заноситъ его къ ней самъ, во время своихъ прогулокъ. Съ тѣхъ поръ собачка не оставляетъ дядюшку ни на минуту, и если она у него не за пазухой, или не вмѣстѣ съ нимъ на диванѣ, то лаетъ, визжитъ и мечется по цѣлому дому». При этомъ разсказѣ у меня навернулись на глазахъ слезы, и я не стыдился ихъ; потому что, по словамъ его же, неистощимаго и неисчерпаемаго Державина,

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство
Какого Крезъ не собиралъ!

Покамѣстъ нашъ бардъ дремалъ въ своемъ креслѣ, я разсматривалъ извѣстный портретъ его писанный Тончи. Какая идея! Какъ написанъ, и какое до сихъ поръ еще сходство! Мнѣ хотѣлось видѣть его бюстъ, изваянный Рашетомъ и такъ имъ прославленный въ стихотвореніи *Мой Истуканъ*; но онъ, по желанію поэта, находился наверху, въ диванной его супруги:

А ты, любезная супруга,
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ,
Спрячь для себя, родни, для друга
Его въ серпянный свой диванъ.

Проснувшись, Гаврила Романовичъ опять, между прочимъ, повторилъ предложеніе дать мнѣ на всякій случай рекомендательныя письма къ князю Лопухину и къ графу Румянцову, и даже настоялъ на томъ, чтобъ я къ нимъ представился. «Князь Лопухинъ», сказалъ Гаврила Романовичъ, «человѣкъ стариннаго покроя и не тяготится принять и приласкать молодаго человѣка, у котораго нѣтъ связей; да и Румянцовъ человѣкъ обходительный и покровительствуетъ людямъ талантливымъ и ученымъ. Правду молвить, и всѣ-то *они* (разумѣя министровъ) большею частью люди добрые; вотъ хоть бы и графъ Петръ Васильичъ, хотя и не можетъ до сихъ поръ забыть моего Беатуса. Да какъ быть!»

Я откланялся, обѣщая бывать у Гаврила Романовича такъ часто, какъ только могу, и конечно сдержу свое слово, лишь бы не надоѣсть.

8 Декабря, Субота. В. А. Полѣновъ далъ мнѣ работу. Я думалъ и Богъ-вѣсть какая важность, анъ гора родила мышь: перевести два листика

съ Французскаго! Я тутъ же перевелъ въ одинъ присѣстъ, да и бумага-то не заключаетъ въ себѣ ничего интереснаго. Послѣ ушелъ въ любезный Казенный Департаментъ болтать о Троянской войнѣ. Борисъ Ильичъ, однако, настоящій Немвродъ. Узнавъ, что и я такой же охотникъ, какъ онъ самъ, и что еще недавно охотился въ Липецкѣ, онъ съ любопытствомъ распрашивалъ меня о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до охоты въ нашемъ краю: какія въ немъ мѣста для стрѣльбы, болотистыя, гористыя или кустарники; есть ли рѣки и озера; какого сорта больше дичь; какой породы у меня подружейныя собаки, и прочее. И когда я обстоятельно разсказывалъ ему, что есть и болота, и кустарники, рѣки и озера, что всякой дичи бездна, куликовъ, дупельшнеповъ, вальдшнеповъ и гаршнеповъ; что дикихъ гусей и утокъ мильоны и, сверхъ того, множество дичи степной, кроншнеповъ, драхвъ, стрепетовъ и журавлей; что у меня двѣ собаки, которыхъ хотя и кличутъ *дураками*, но, что въ сущности это первыя собаки въ свѣтѣ для всякаго дѣла: Борисъ Ильичъ ахалъ отъ удивленія и, наконецъ, всплеснувъ руками, съ горестью вскричалъ: «Хоть бы одинъ денекъ поохотился въ такомъ раю; а то вѣдь, не повѣрите, возьмешь коллежскій катеръ, поѣдешь на взморье, таскаешься, таскаешься, да и убъешь *чирка*. Вотъ, сударь, наше положеніе!»

Познакомился съ Васильемъ Михайловичемъ Ѳедоровымъ, авторомъ драмы: «Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія». Онъ служитъ въ Коллегіи надворнымъ совѣтникомъ. У него свой домикъ въ Мѣщанской, недалеко отъ моей квартиры. Сказывалъ, что знакомъ со всѣми почти Русскими актёрами и особенно съ Яковлевымъ; звалъ къ себѣ и обѣщалъ съ нимъ познакомить.

Между разговорами, Ѳедоровъ сдѣлалъ замѣчаніе, которое показалось мнѣ новымъ и чрезвычайно-основательнымъ. «Литераторы и даже простые любители литературы», сказалъ онъ, «какъ масоны, узнаютъ другъ друга по какой-то особенности, которая ихъ характеризуетъ. Ничто не сводитъ такъ скоро и такъ коротко людей, какъ поклоненіе Музамъ. Вотъ, напримѣръ, мы съ вами только-что познакомились, а какъ будто уже давно вмѣстѣ жили. Я не могу разъяснить, отчего это происходитъ: отъ однихъ ли и тѣхъ же вкусовъ и наклонностей и одинаковаго воззрѣнія на предметы; но есть что-то таинственное, что̀ влечетъ одного литератора къ другому; разумѣется, бываютъ исключенія, но они рѣдки».

9 Декабря, Воскресенье. Ѣздилъ сегодня съ визитомъ къ Аннѣ Ивановнѣ Ададуровой и попалъ очень кстати, потому что она имянинница. Къ ней наѣхало множество знакомыхъ съ поздравленіями и,

между прочимъ, прелестная Катерина Петровна Воеводская съ мужемъ; толстая графиня Морелли, по первому браку Байкова, съ дочерью, полковникъ Протасовъ, который считается у Ададуровыхъ домашнимъ другомъ, семейство Лазаревыхъ и проч. Хозяйка приняла меня очень ласково и тотчасъ рекомендовала Воеводской, единственной особѣ въ этомъ обществѣ, которой я желалъ быть представленнымъ. Алексѣй Петровичъ, мужъ хозяйки, человѣкъ очень добрый и тихій, приглашалъ меня на вечеръ, но я, не давая слова, только что откланивался: разумѣй, какъ знаешь. Онъ большой охотникъ до нюхательнаго табаку, и я замѣтилъ, что знаетъ въ немъ толкъ, потому что долго и съ важностью толковалъ объ искусствѣ стирать его. «Всякое дѣло мастера боится», подумалъ я: «если шталмейстеръ такой же знатокъ въ лошадяхъ, какъ и въ табакѣ, то конюшенная часть при дворѣ должна быть въ порядкѣ».

Обѣдалъ у Лабата съ графомъ Монфокономъ и Ф. Ф. Вигелемъ. Зашла рѣчь о Французскихъ трагикахъ. Старый эмигрантъ утверждалъ, что, послѣ Корнеля и Расина, первое мѣсто по справедливости принадлежитъ Кребильону, и что его «Радамистъ» несравненно выше всѣхъ трагедій Вольтера; но Вигель, опровергая его мнѣніе, доказывалъ, что всѣ трагедіи Вольтера, за исключеніемъ написанныхъ имъ въ глубокой старости, превосходятъ не только другія трагедіи Кребильона, но самого «Радамиста», въ которомъ роль Фарасмана—слабая копія съ Расинова «Митридата». Слово-за-слово завязался такой горячій споръ, что мы не знали куда дѣваться. По какому-то безотчетному чувству, я не очень люблю Вольтера; но въ настоящемъ случаѣ, по мнѣнію моему, Вигель совершенно правъ. Несмотря на молодость свою, онъ очень свѣдущъ во Французской литературѣ, знаетъ Французскій языкъ въ совершенствѣ и пишетъ на немъ свободно.

10 Декабря, Понедѣльникъ. Наконецъ, успѣлъ побывать и въ Русскомъ театрѣ. Давали «Эдипа», въ которомъ роль Эдипа игралъ Шушеринъ, Тезея—Яковлевъ, Креона—Сахаровъ, Полиника—Щениковъ, Антигону—Семенова. Шушеринъ восхитилъ меня чувствомъ и простотою игры своей. Какъ хорошъ онъ былъ во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ своей роли, и особенно въ сценѣ проклятія сына! Онъ играетъ Эдипа совершенно другимъ образомъ, нежели Плавильщиковъ, и придаетъ своей роли характеръ какого-то убожества, вынуждающаго состраданіе. Во всей первой сценѣ втораго дѣйствія съ дочерью онъ былъ, по мнѣнію моему, гораздо выше Плавильщикова. Раздумье о настоящемъ бѣдственномъ положеніи, воспоминаніе о невольныхъ преступленіяхъ и обращеніе къ Киѳерону—всѣ эти мѣста роли исполнены

имъ были мастерски, съ горестною мечтательностью, живо и естественно; но въ сценахъ съ Креономъ Плавильщиковъ, какъ мнѣ показалось, игралъ съ бо́льшимъ достоинствомъ. О Яковлевѣ можно сказать тоже, что̀ Карамзинъ сказалъ о Ларивѣ: *это царь на сценѣ.* Кажется, что природа надѣлила его всѣми возможными дарами, чтобы занимать первое мѣсто на трагической сценѣ. Какая мужественная красота, какая величавость и какой органъ! Но роль Тезея едва ли должна быть по сердцу знаменитому актеру: она слишкомъ ничтожна для этой великолѣпной натуры. Семенова прелестна; въ первый разъ въ жизни удается мнѣ видѣть въ актрисахъ Русской сцены такое прекрасное явленіе: молода, красавица и играетъ съ большимъ чувствомъ. Щениковымъ я недоволенъ: выученная кукла, на фандарахъ, и не производитъ никакого впечатлѣнія; но Сахаровъ—актеръ опытный: дикція вѣрная, голосъ ясный, на сценѣ какъ дома, и стихи произноситъ мастерски.

Спектакль кончился прелестнымъ дивертисментомъ. Прежде танцовали pas de trois танцовщикъ Дютанъ съ танцовщицами Сенъ-Клеръ и Новицкою, въ Турецкихъ костюмахъ, живо, быстро, восхитительно. За ними появились въ pas de deux балетмейстеръ Дидло Апполономъ и воспитанница Иконина—Діаною. Этотъ Дидло признается теперь лучшимъ современнымъ хореографомъ въ Европѣ, но по наружности своей онъ вѣрно послѣдній. Худой, какъ остовъ, съ преогромнымъ носомъ, въ свѣтлорыжемъ парикѣ, съ лавровымъ на головѣ вѣнкомъ и съ лирою въ рукахъ, онъ, не смотря на искусство, съ какимъ танцовалъ свое *pas,* скорѣе былъ похожъ на каррикатуру Апполона, чѣмъ на самаго свѣтлаго бога пѣснопѣній. За то Діана—такъ ужъ настоящая Діана: какой чудесный станъ, какая возвышенная грудь, какіе пріемы и какая грація! Но такъ какъ совершенства на свѣтѣ нѣтъ, то и грація Діаны-Икониной показалась мнѣ нѣсколько холодновата: никакой игры и жизни въ физіономіи. Наконецъ, pour la bonne bouche *), танцовщикъ Огюстъ съ знаменитою Колосовою поподчивали публику Русскою пляскою подъ музыку и напѣвъ хоромъ пѣсни: *Я по цвѣтикамъ ходила...* Нечего сказать, очаровательно! Колосова исполнена граціи одушевленной и безискусственной:

Ступитъ ли ножкой,
Кивнетъ ли головкой,
Вздернетъ ли плечикомъ—
Словно рублемъ подаритъ!

Огюстъ красавецъ: настоящій Русскій парень, съ умной, очаровательной физіономіей. Я узналъ отъ сидѣвшаго возлѣ меня въ пар-

*) На закуску.

терѣ чиновника Панина, повидимому страстнаго любителя театра и знакомаго съ артистами, что настоящая фамилія Огюста—Пуаро и что онъ родной братъ знаменитой нѣкогда актрисы мадамъ Шевалье, бывшей любовницы графа Кутайсова. Панинъ прибавилъ, что Огюстъ, въ эпоху славы сестры своей, былъ такимъ же добрымъ малымъ, какъ и теперь, и чрезъ посредство сестры успѣлъ оказать безкорыстно многимъ дѣйствительныя услуги. Онъ очень любимъ всѣми.

11 Декабря, Вторникъ. Обѣдалъ у Гаврила Романовича. Это не человѣкъ, а воплощенная доброта; ходитъ себѣ въ своемъ тулупѣ съ Бибишкой за пазухою, насупившись и отвѣсивъ губы, думая и мечтая, и повидимому не занимаясь ничѣмъ, чтó вокругъ его происходитъ. Но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притѣсненіе, или, напротивъ, какой-нибудь подвигъ человѣколюбія и доброе дѣло—тотчасъ колпакъ на бекрень, оживится, глаза засверкаютъ, и поэтъ превращается въ оратора, поборника правды, хотя, надо сказать, ораторство его не очень краснорѣчиво, потому что онъ недостаточно владѣетъ собою: слишкомъ горячится, путается въ словахъ и голосъ имѣетъ довольно грубый; но со всѣмъ тѣмъ въ эти минуты онъ очень увлекателенъ и живописенъ. Кажется, что мое чтеніе ему понравилось, потому что онъ заставлялъ меня читать нѣкоторыя прежнія свои стихотворенія и слушалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы они были для него новостью и не его сочиненія. Меня поразило въ немъ то, что онъ не чувствовалъ настоящихъ превосходныхъ красотъ въ своихъ стихотвореніяхъ, и ему нравились въ нихъ именно тѣ мѣста, которыя менѣе того заслуживали.

Гаврила Романовичъ настоялъ, чтобъ я непремѣнно представился съ рекомендательными его письмами князю Лопухину и графу Румянцову; эти письма далъ онъ мнѣ за открытыми печатями, которыя очень ловко смастерилъ кривой его секретарь. Я вижу такія печати въ первый разъ въ жизни и, право, не понимаю, для чего онѣ дѣлаются. Спрошу у М. В. Веньяминова, который долженъ обстоятельно знать все, чтò касается до пакетовъ и печатей, потому что все прочее для него трынъ-трава.

12 Декабря, Середа. Нынѣшній день, по случаю дня рожденія Государя, въ Казанскомъ соборѣ былъ большой съѣздъ всѣхъ властей и чиновъ, къ которымъ присовокупилось огромное стеченіе народа. Такая была давка и духота, что многимъ дѣлалось дурно, и нѣкоторыхъ выводили и выносили. Благодарственное молебствіе совершено съ колѣнопреклоненіемъ. Митрополитъ читалъ молитву такъ внятно и явственно,

что во всѣхъ концахъ церкви было слышно, можетъ быть и отъ того, что вмѣстѣ съ колѣнопреклоненіемъ вдругъ водворилась глубокая, необыкновенно-торжественная тишина: всякій ловилъ каждое слово молитвы, заключавшей въ себѣ прошеніе о здравіи Государя и о дарованіи ему побѣды надъ проклятымъ зажигою Бонапарте. Въ молебствіи участвовалъ опять Воржскій, и при возглашеніи многолѣтія, возвышая постепенно голосъ, на послѣднихъ словахъ «многая лѣта», кончилъ такимъ громовымъ восклицаніемъ, что удивилъ всѣхъ.

Послѣ обѣда ходилъ взглянуть на вновь строющійся архитекторомъ Воронихинымъ огромный соборъ. Зданіе будетъ великолѣпное: подраженіе собору Св. Петра въ Римѣ. Воронихинъ былъ дворовый человѣкъ графа Строганова, за талантъ отпущенъ имъ на волю и записанъ въ службу; онъ строилъ *) для государя Павла Петровича Михайловскій замокъ, въ два съ небольшимъ года достигъ до чина надворнаго совѣтника, а теперь уже коллежскій. Одинъ изъ его помощниковъ, котораго я случайно встрѣтилъ, сказывалъ, что новый соборъ долженъ достроиться года черезъ четыре, и что могъ бы готовъ быть и прежде, еслибъ не останавливалъ недостатокъ въ деньгахъ, по случаю военныхъ обстоятельствъ.

13 Декабря, Четвергъ. Человѣкъ располагаетъ—Богъ опредѣляетъ! Хотѣлъ было сегодня утромъ ѣхать представиться князю Лопухину, а вечеромъ быть на вечеринкѣ у своего хозяина, но сильно простудился и не поѣхалъ ни туда, ни сюда. У князя Лопухина побывать успѣю; но чтò подумаетъ Торсбергъ, на ласковое приглашеніе котораго я не явился? Впрочемъ, я написалъ ему записку по-нѣмецки, и онъ можетъ самъ меня освидѣтельствовать. Альбини увѣряетъ, что если я не выѣду и не объѣмся чего-нибудь, то дня черезъ три болѣзнь пройдетъ сама собою. Дай Богъ! Одному сидѣть скучно. Принялся читать: «Ossian's und Sined's Lieder».

14 Декабря, Пятница. Графъ Монфоконъ навѣстилъ меня: приходилъ узнать, чтò со мною дѣлается и отчего не видать меня въ *павильйонъ*, то-есть у Лабатовъ. Спасибо ему за посѣщеніе, а пуще за разные разсказы *о добромъ старомъ времени* во Франціи. Онъ былъ нѣкогда неизмѣннымъ посѣтителемъ Французскаго театра, коротко зналъ Лекеня, Бризара, Превиля, Моле, Монвеля, актрисъ Дюмениль, Клеронъ и Дюкло, которой былъ, кажется, счастливымъ обожателемъ. Монфоконъ предобрый человѣкъ, но все принимаетъ къ серцу, всему придаетъ какую-то важность, говоритъ всегда такъ, какъ будто сердится,

*) Т.-е. вѣроятно участвовалъ въ постройкѣ. П. Б.

и оттого говоритъ дурно. Сколько я замѣтить могъ, это недостатокъ всѣхъ знатныхъ эмигрантовъ, которыхъ упорные характеры раздражены несбывшимися надеждами и продолжительнымъ несчастіемъ: они не терпятъ противорѣчія. Впрочемъ, мой графъ Монфоконъ, какъ ни спутанно говоритъ, но умѣетъ объяснить мнѣ всѣ придворныя и закулисныя интриги своего времени. Я узналъ отъ него весь тогдашній Парижъ съ его временщиками и временщицами, съ его любезностью и легкомысліемъ, съ его талантами и отсутствіемъ здраваго смысла.

15 Декабря, Субота. П. О. Вейтбрехтъ, оставившій на время службу въ Коллегіи и опредѣлившійся въ канцелярію генерала Татищева, учрежденную по случаю формированія милиціи, сказывалъ, что тамъ съ часу на часъ ожидаютъ извѣстія о сраженіи, которое графъ Каменскій предполагалъ имѣть съ Французами. Говорятъ, что старый фельдмаршалъ поклялся не уступать Бонапарте ни шагу, хотя бы армія его была вдвое многочисленнѣе нашей. Но больному не до политики, да и нечего загадывать преждевременно: что̀ произойдетъ, узнаемъ въ свое время изъ оффиціальныхъ объявленій.

Гебгардъ съ Н. И. Хмѣльницкимъ потчивали меня анекдотами. Первый, между прочимъ, разсказывалъ о продѣлкахъ актрисы мадамъ Дальбергъ съ своими покровителями, какъ, напримѣръ, умѣла она заставить покровителя своего № 1, С. С. П., платить за подарки, дѣлаемые ей покровителемъ № 2, Б.; а сей давалъ жалованье и содержаніе ея покровителю № 3, Л. Это прекрасный сюжетъ для комедіи. Хмѣльницкій же морилъ меня со смѣху, разсказывая объ одномъ сановникѣ, который нѣкогда имѣлъ большую значительность и съ необыкновенною добротою души и ничѣмъ невозмущаемымъ хладнокровіемъ соединялъ страсть говорить афоризмами. Онъ принималъ многочисленныхъ просителей своихъ весьма привѣтливо, выслушивалъ ихъ терпѣливо, но никогда не могъ объясниться съ ними положительно и всегда оставлялъ ихъ въ недоумѣніи. Напримѣръ, одному заслуженому чиновнику, ходатайствовавшему о пенсіи, онъ никакъ не могъ сказать просто, что пенсія ему назначена, но на вопросъ старика: не послѣдовало-ли милостивой резолюціи на его просьбу, и что онъ надѣется на просимую милость, сановникъ отвѣчалъ: *надежда доставляетъ человѣку истинныя радости, а иногда и большія огорченія* — «Но, ваше превосходительство, я служилъ вѣрою и правдою, и мнѣ кажется, что имѣю нѣкоторое право утруждать васъ; иначе у меня не достало бы на это духа».—*Когда не достаетъ духу поддерживать право свое, оно навсегда потеряно.* — «Такъ неужели, ваше превосходительство, я такъ несчастливъ, что мнѣ отказано, и какъ долженъ я судить объ этомъ отка-

зѣ?»—*Судить о томъ, чего мы не знаемъ, есть большое заблужденіе.*—«Слѣдовательно, ваше превосходительство можете обѣщать мнѣ исполнить мою просьбу?»—*Люди обѣщаютъ по своимъ намѣреніямъ и держатъ обѣщанія по обстоятельствамъ...* Въ другой разъ, прочитавъ просьбу одной очень богатой провинціальной вдовы, которая добивалась какого-нибудь почетнаго званія для того, чтобъ открыть роскошный домъ и, какъ выражалась она, *покормить Петербургъ*, онъ спросилъ ее: какого же именно званія она желаетъ?— «Да мнѣ хочется быть при дворѣ», отвѣчала вдова; «напримѣръ, хоть бы фрейлиною.»—*Фрейлиною?* возразилъ озадаченный сановникъ, но потомъ, спохватившись, сказалъ: *впрочемъ, на милость образца нѣтъ.* Вотъ настоящій дипломатъ!

16 Декабря, Воскресенье. Послѣ завтра Альбини обѣщалъ выпустить меня изъ клѣтки, и я мысленно наслаждаюсь будущею моею свободою; теперь же покамѣстъ довольствуюсь и тѣмъ, что нѣкоторые знакомые не оставляютъ посѣщать меня. Не знаю, какъ узналъ старый соученикъ мой Левандовскій, что я въ Петербургѣ и занемогъ, и тотчасъ же навѣстилъ меня. Онъ большой пріятель съ Анастасевичемъ, плохимъ переводчикомъ «Федры», который живетъ почти противъ меня, и предлагалъ познакомить съ нимъ; но я не хочу заводить большаго знакомства, пока не пообживусь въ Петербургѣ.

Я посылалъ отъискать знакомца моего, живописца Т. Ф. Дурнова *), который такъ заинтересовалъ меня въ прошедшемъ году въ Липецкѣ хвастовствомъ своимъ. Онъ явился самъ, съ возвратившимся человѣкомъ, и мы оба взаимно другъ другу обрадовались: онъ, вѣроятно, потому что нашелъ случай передъ кѣмъ прихвастнуть, а я, съ своей стороны, потому что въ теперешнемъ болѣзненномъ моемъ одиночествѣ такой человѣкъ, какъ онъ, сущій кладъ. Сказывалъ, что пишетъ картину, которой сюжетомъ *Убіеніе младенцевъ* **). «Это не картина, а чудо!» говорилъ онъ; «наглядѣться нельзя, не оторвешься отъ ней; три фигуры: мать, ребенокъ и воинъ; но какъ исполнены — ужъ не Пуссену чета!» Между прочимъ, разсказывалъ, что живописцы Егоровъ, Шебуевъ и Боровиковскій занимаются изготовленіемъ образовъ для Казанской церкви. «Да что?» примолвилъ онъ, «плохо дѣло подвигается. Вотъ кабы поручили нашему брату, такъ мы бы имъ показали, какъ должно писать иконы; а между тѣмъ дай-ка я спишу съ васъ портретъ: такой сдѣлаю, что и на Вандика послѣ смотрѣть не

*) См. выше 23 Іюня 1805.

**) Эта картина находится въ Академіи Художествъ—и точно хороша. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

захочешь». Любезный Рафаэль - Дурновъ просидѣлъ до 9-ти часовъ вечера, выпилъ дюжины двѣ чашекъ чаю и оставилъ меня съ сожалѣніемъ, обѣщая возвратиться скоро и потолковать о портретѣ.

17 Декабря, Понедѣльникъ. Приходилъ Александръ Васильевичъ Приклонскій съ разными вѣстями. Въ канцеляріи министра и въ Коллегіи толковъ и разговоровъ не оберешься по случаю полученнаго извѣстія, что графъ Каменскій 13-го числа вдругъ отказался отъ командованія арміею и, сдавъ ее старшему по себѣ генералу, Бенигсену, уѣхалъ самопроизвольно въ какое-то мѣстечко; а между тѣмъ непріятель въ виду, и сраженіе должно было произойти на другой день. Всѣ недоумѣваютъ о причинѣ такого непонятнаго и неслыханнаго поступка, который можно отнести только къ внезапному помѣшательству; да иначе и толковать его нельзя, потому что невозможно подумать, чтобъ графъ Каменскій, *оставшій мечъ Екатерины, булатъ, обдержанный въ бояхъ*, какъ назвалъ его Державинъ, бѣжалъ съ мѣста сраженія. Еслибъ даже и подлинно, какъ предполагаютъ, графъ Каменскій имѣлъ несчастіе узнать, по неосторожности одного изъ подчиненныхъ ему генераловъ, о недовѣрчивости Государя къ его распоряженіямъ, по случаю преклонности его лѣтъ (недовѣрчивости, столь естественной въ настоящихъ важныхъ обстоятельствахъ), то и тогда бы слѣдовало ему не сѣтовать, а по суворовски доказать противное, разбивъ на голову Бонапарте и аггеловъ его*).

18 Декабря, Вторникъ. Сегодня въ первый разъ вышелъ на воздухъ, прогулялся по тротуарамъ и затѣмъ отдохнулъ у своихъ сосѣдей, которыхъ не знаю какъ благодарить за нѣжныя попеченія о моемъ сиротствѣ. Хотѣлъ начать свои выѣзды, но Альбини уговорилъ отложить ихъ до завтра; причемъ Schwester Dorchen премило напомнила мнѣ о Русской пословицѣ: *бережонаго Богъ бережетъ.*

А между тѣмъ въ городѣ носятся слухи, что сраженіе съ Французами происходитъ, если уже не произошло, и съ часу на часъ ожидаютъ курьера съ обстоятельнымъ донесеніемъ Государю. Помоги Богъ!

Что̀ за прелестныя вещи нашелъ я въ «Sined's Lieder»! Маленькая поэма «die October-Nacht», по мнѣнію моему, ни въ чемъ не уступаетъ поэмамъ Оссіановымъ: тоже воображеніе, таже неопредѣленность образовъ и, если дозволено такъ выразиться, таже привлекательная заоблачность. Прекрасно! Но я увѣренъ, что Sined не понравился бы положительному нашему Алексѣю Ѳедоровичу. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя: онъ и «Артабана» моего назвалъ, какъ я предчувствовалъ, барабаномъ и ахинеею, а между тѣмъ Гаврила Романовичъ его хвалитъ.

*) Любопытно, что наблюдать за графомъ Каменскимъ поручено было графу П. А. Толстому. П. Б.

19 Декабря, Среда. Выѣздъ мой какъ нельзя болѣе удаченъ и счастливъ: всюду радость, и на всѣхъ веселыя лица. Курьеръ изъ арміи прибылъ и привезъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной генераломъ Бенигсеномъ при Пултускѣ, на другой же день отъѣзда графа Каменскаго изъ арміи. Сраженіе было кровопролитное. Французы дрались храбро, напирали отчаянно, но мы устояли и побѣдили. Конечно, потеря въ людяхъ и съ нашей стороны велика, но за то Французовъ легло вдвое болѣе. Илья Карловичъ говоритъ, что дѣло, однакожъ, не кончено, и Бенигсенъ не остановится на этой побѣдѣ, а пойдетъ впередъ. Чтò будетъ, то будетъ; по крайней мѣрѣ мы дали себя знать, и первый блинъ не комомъ!

За обѣдомъ у Лабата старый іезуитъ, аббатъ Пингелли, пользующійся общимъ уваженіемъ и домашній другъ дюка де-Серра-Капріола, сказывалъ, что есть слухи, будто-бы въ Парижѣ неочень спокойно и ежедневно открываютъ сношенія роялистовъ съ нѣкоторыми тамошними капиталистами; но что министръ полиціи, Фуше, который все знаетъ, *не обо всемъ* и *не о всѣхъ* сообщаетъ Бонапарте, во избѣжаніе огласки, а довольствуется только безгласнымъ уничтоженіемъ замысловъ королевской партіи. Потому думаютъ, что Фуше едва ли не бьетъ на всякій случай на обѣ руки.

20 Декабря, Четвергъ. Гаврила Романовичъ спрашивалъ меня, былъ ли я у князя Лопухина и графа Румянцова, и на отвѣтъ мой, что, по болѣзни, быть еще не успѣлъ, сказалъ: «Экой ты братецъ! Да поѣзжай къ нимъ, и особенно къ князю; только снорови къ нему утромъ, часу въ десятомъ; я предувѣдомилъ его, и онъ радъ будетъ принять тебя». Завтра поѣду.

За обѣдомъ А. В. Казадаевъ (кажется, директоръ или командиръ Горнаго Корпуса) очень умный, знающій и начитанный человѣкъ, сказывалъ, что есть положительныя свѣдѣнія изъ Сибири о нахожденіи тамъ вновь золотой руды, почти на поверхности земли, въ видѣ песка, и что мѣстà, гдѣ руда эта находится, давно уже извѣстны мѣстнымъ жителямъ, но они содержатъ ихъ въ тайнѣ не только отъ начальства, но и отъ самихъ купцовъ, производящихъ съ ними мѣновую торговлю, единственныхъ людей, имѣющихъ сношенія съ отдаленными народами.

Да, у хозяина моего вечерà превеселые! Много хорошенькихъ, миловидныхъ Нѣмочекъ и молодыхъ людей, очень порядочныхъ, изъ которыхъ многіе были расфранчены въ пухъ. Чтò касается до собратій Эскулаповыхъ, то были нѣкоторые изъ самыхъ именитѣйшихъ. Я повстрѣчалъ лейбъ-медиковъ Фрейганга и Бека, докторовъ Симпсона, Рюля, Сутгофа, Штофрегена и другихъ; болѣе всѣхъ мнѣ пришлись по

сердцу Штофрегенъ и глухой Сутгофъ: въ этихъ людяхъ много учености и еще болѣе добродушія. Несмотря на свое значеніе, они совсѣмъ не на ходуляхъ, какъ бо́льшая часть такихъ людей, которымъ неожиданно улыбнулось счастье. Штрофрегенъ уроженецъ Рижскій; онъ здѣсь одинъ изъ первыхъ послѣдователей Месмера, и хотя негласно, но пользуетъ иныхъ больныхъ посредствомъ магнетизма. Пожилые люди занимались игрою въ бостонъ, а молодые бренчали на фортепьяно и пѣли Французскіе романсы и Нѣмецкія пѣсни. Послѣднія напомнили мнѣ Москву и много потраченнаго даромъ времени. Я слушалъ ихъ не отходя отъ фортепьяно, пока не ударило 11 часовъ, и всѣ не пошли за ужинъ, отъ котораго я отказался, подъ предлогомъ недавняго выздоровленія, и вотъ въ одинокой своей кельѣ записываю на сонъ грядущій

„Едва ли не даромъ еще прожи́тый день!“

21 Декабря, Пятница. Въ 10 часу явился я къ князю П. В. Лопухину. Меня впустили безъ доклада, потому что, кажется, и всѣхъ безъ доклада принимали. Какой-то молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: Что́ вамъ угодно?—«Ничего», отвѣчалъ я: «хочу только вручить его свѣтлости вотъ это письмо отъ Г. Р. Державина». Юноша предложилъ мнѣ отнести письмо къ князю, но, увидѣвъ, что оно за открытою печатью, спохватился и сказалъ, что князь занимается съ директоромъ Салтыковымъ и экспедиторами Столыпинымъ и Ниловымъ, но чрезъ полчаса будетъ свободенъ, и тогда онъ обо мнѣ доложитъ. Я покамѣстъ сѣлъ на истертый, вѣроятно просителями, диванъ и прождалъ около часу. По выходѣ директора съ экспедиторами, молодой человѣкъ побѣжалъ доложить обо мнѣ и, тотчасъ же возвратившись назадъ, объявилъ мнѣ съ улыбкою и чрезвычайно ласково, что князь проситъ меня пріѣхать къ нему въ часъ пополудни. Я отправился покамѣстъ въ Коллегію, и ровно въ часъ былъ опять въ той же пріемной залѣ. Вскорѣ меня пригласили въ кабинетъ министра. Князь сидѣлъ на диванѣ, опершись обѣими руками на столъ и поддерживая ими голову—прекрасную голову мужчины лѣтъ 55-ти съ чѣмъ-нибудь, и читалъ книгу, кажется, Французскую энциклопедію. Я подалъ ему письмо, которое, прочитавъ и положивъ на столъ, «садись, братецъ», сказалъ онъ: «что́ дѣлаетъ Г. Р., и давно ли ты знако́мъ съ нимъ?» Я разсказалъ ему исторію нашего знакомства и прибавилъ, что я никогда бы не осмѣлился безпокоить его свѣтлость, еслибъ Г. Р. настоятельно того не потребовалъ. «Почему жъ и не такъ?» сказалъ онъ. «Да ты опредѣлился ужъ куда-нибудь?» Я отвѣчалъ, что опредѣлился въ Иностранную Коллегію. «Похлопочи, чтобъ тебя перевели въ кан-

целярію министра, а то въ Коллегіи столько васъ, что ни до чего не добьешься». – «Но у меня нѣтъ никакого случая», сказалъ я. «Да, нечего таить грѣха», молвилъ онъ со вздохомъ: «безъ случая всегда и вездѣ плохо». Тутъ доложили ему о приходѣ какого-то толстенькаго г. Розенкампфа, который и вошелъ вслѣдъ за докладчикомъ, раскланиваясь и прижимая къ груди шляпу. Князь, кажется, былъ радъ его приходу, потому что, сколько я замѣтилъ, едва ли онъ не тяготился мной. Я всталъ и сталъ откланиваться. «Княгиня моя по утрамъ только выѣзжаетъ», сказалъ онъ, отпуская меня, «а по вечерамъ всегда бываетъ дома. Приходи: я познакомлю тебя съ ней».

Воспользуюсь милостивымъ приглашеніемъ при случаѣ, но теперь что̀ могу сказать о князѣ министрѣ, кромѣ того, что я никого не встрѣчалъ въ его лѣта съ такими прекрасными, правильными чертами лица, и что онъ снисходительно принимаетъ даже и тѣхъ лѣдей, которые, не имѣя къ нему никакихъ опредѣленныхъ отношеній, ни надобности, попали въ кабинетъ его, можетъ быть, несовсѣмъ во̀ время?

Одна коммиссія сошла съ рукъ, остается представиться графу Румянцову; но этотъ подвигъ можно отложить и до праздниковъ.

23 Декабря, Воскресенье. Третьяго дня былъ я у человѣка, который повидимому равнодушенъ ко всему, ни въ чемъ не принимаетъ участія и у котораго на прекрасномъ лицѣ какъ будто напечатано Нѣмецкое: abgelebt [1]). Смотря на него, я думалъ, какъ должно быть тяжело тому, кому все наскучило! И вотъ сегодня встрѣтился съ человѣкомъ такихъ же лѣтъ, но совершеннымъ его антиподомъ: живой, пламенный ученый, но примѣнившій ученость свою къ практикѣ, необыкновенно-здравомыслящій и одаренный такимъ простымъ Русскимъ краснорѣчіемъ, что я невольно его заслушался. Этотъ человѣкъ—врачъ, Осипъ Кирилловичъ Каменецкій, похожій фигурою и даже образомъ изъясненія на нашего Невзорова. Гаврила Романовичъ очень уважаетъ его; и не мудрено: кажется, у нихъ свойства одинаковыя—любятъ истину и не боятся ее выражать всякій по своему.

Въ числѣ утреннихъ посѣтителей у Гаврила Романовича находился, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, Дмитрій Ивановичъ Павловъ, человѣкъ очень достаточный и принадлежащій по службѣ къ оберъ-егермейстерскому вѣдомству [2]). Онъ принятъ прекрасно въ домѣ А. Л. Нарышкина, своего начальника, и особенно на половинѣ Марьи Антоновны. Онъ заговорилъ о заграничной жизни и о ея удобствахъ,

[1]) Отжито.

[2]) Дѣдъ графа Д. А. Толстаго съ материнской стороны. П. Б.

о дешевизнѣ мануфактурныхъ произведеній и жизненныхъ припасовъ, о ловкости служителей и, между прочимъ, довольно рѣзкимъ тономъ сталъ утверждать, что для него всегда странно казалось смотрѣть на огромное количество дворовыхъ слугъ, которые составляютъ принадлежность домашняго быта не только нашихъ баръ, но и самыхъ небогатыхъ помѣщиковъ, что это совершенно безполезная роскошь, и что достаточно, какъ это бываетъ въ чужихъ краяхъ, двухъ или трехъ человѣкъ для услугъ самаго богатаго дома. Къ этому присовокупилъ онъ, что давно бы пора приняться за умъ: ввести у насъ такой же порядокъ и уничтожить всю эту дворню, которая съѣдаетъ половину доходовъ нашихъ.—«А, позвольте вамъ сказать», возразилъ Каменецкій: «не напрасно ли вы слишкомъ вооружаетесь противъ этой многочисленной прислуги нашихъ помѣщиковъ? Дворня ваша составлена не вами, а вашими предками, и вы наслѣдовали ее отъ нихъ вмѣстѣ съ ихъ привычками и вкусами, съ ихъ образомъ жизни и даже, большею частью, образомъ ихъ мыслей. Этотъ образъ жизни, какъ прежде былъ основанъ на мѣстныхъ условіяхъ, такъ остался и теперь. Иному кажется, что наступило другое время, что свѣтъ измѣнился, люди тоже; а ничего не бывало: и время, и люди сходны межъ собою. Настоящіе Русскіе помѣщики, не исключая и васъ—такіе же, какими они были за сто лѣтъ назадъ, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ понятій, которыя, съ постепеннымъ и непримѣтнымъ развитіемъ образованности, должны были необходимо измѣниться въ нихъ. Давнымъ давно придумываютъ средства, какъ бы уменьшить дворню и даже совсѣмъ освободиться отъ нея, но до сихъ поръ еще ничего не придумали. Графъ Ѳ. Г. Орловъ, который былъ, что̀ называется *Русская здоровая голова*, говорилъ: «Хотите, чтобъ помѣщикъ не имѣлъ дворни. Сдѣлайте, чтобъ онъ не былъ ни псовымъ, ни конскимъ охотникомъ, уничтожьте въ немъ страсть къ гостепріимству, обратите его въ купца или мануфактуриста, и заставьте его заниматься однимъ—ковать деньги». Скажутъ, что можно быть псовымъ и конскимъ охотникомъ и гостепріимнымъ хозяиномъ безъ того, чтобъ не прислуживали вамъ двадцать человѣкъ—справедливо; но тогда вы должны будете прибѣгнуть къ найму спеціальныхъ людей, которыхъ количество хотя будетъ и втрое меньше, но содержаніе ихъ будетъ стоить втрое дороже; а сверхъ того что они не могутъ представить никакого обезпеченія въ своей исправности, куда дѣвать своихъ? Обратить въ крестьянъ, завести фабрику? Съ первымъ способомъ будетъ сопряжено насиліе, и оно не удастся; потому что эти люди понатерлись около васъ, болѣе или менѣе образованы по вашей мѣркѣ, охотно за соху не примутся, и употребить ихъ въ такую работу, къ которой они не чувствуютъ ни склонности, ни спо-

собности, и которую почитают для себя униженіемъ - жестоко и несправедливо. Фабрики же не помѣщичье дѣло и рѣдко могутъ быть выгодны для купца. Да и зачѣмъ вамъ жаловаться, что васъ съѣла дворня? Пусть ѣстъ; чѣмъ ея у васъ больше, тѣмъ больше къ вамъ ўваженія: это вывѣска, что живете не для одного себя, а кормите и пòите другихъ. Не походить же намъ на Англичанъ, у которыхъ только и правилъ, что взаимныя услуги: служишь—плачу тебѣ; отслужилъ—со двора долой. Эхъ-ма! За службу сына корми отца, и за службу отца воспитывай сына; а то все фабрики да заведенія, глядишь—и разорился: ни фабрикъ, ни заведеній! За двумя зайцами не гоняться: либо дворянинъ, либо купецъ—что-нибудь одно».

Правъ или неправъ почтенный Осипъ Кирилловичъ, я опредѣлять не берусь; но во всякомъ случаѣ спасибо ему за урокъ молодцу, который самъ не можетъ обойтись безъ двухъ камердинеровъ, десятка офиціантовъ и лакеевъ и двухъ десятковъ конюховъ, псарей, доѣзжачихъ и охотниковъ, чтò и составляетъ его заслуги по егермейстерской части. Не спорю, что заводить многочисленную дворню тому, у кого ея нѣтъ, было бы безразсудно; но если она уже есть—какъ быть! Сноси терпѣливо сопряженныя съ нею невыгоды за тѣ выгоды, которыя она тебѣ доставляетъ.

24 Декабря, Понедѣльникъ. Сегодня обрадованъ я былъ встрѣчею съ землякомъ моимъ, П. Н. Кобяковымъ. Онъ служитъ здѣсь въ Военной Коллегіи и нѣсколько занимается театральною литературою. Добрый малый! Я зазвалъ его къ себѣ на чашку чаю, и мы натолковались вдоволь. Онъ сказывалъ, что очень знакòмъ со всѣми Русскими актерами, особенно съ Воробьевымъ и семействомъ Самойловыхъ, для которыхъ перевелъ Французскую оперку *Les Amants Protées*, подъ названіемъ *Оборотни*; всѣ аріи въ этой оперѣ переводилъ для него, въ кратковременную здѣсь бытность, А. Ѳ. Воейковъ. Кобяковъ признался, что стиховъ писать вовсе не умѣетъ, и просилъ меня перевести для него нѣсколько арій изъ какой-то новой оперы, которую онъ намѣренъ отдать своимъ пріятелямъ для ихъ бенефиса, а за эту услугу обѣщалъ познакомить меня съ ними. Это, чтó называется, загребать жаръ чужими руками; но дѣлать нечего—земляку помочь надобно.

Чѣмъ болѣе я вглядывался въ Кобякова, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ сходства съ отцомъ его, который находится въ такой связи съ Рязанскимъ нашимъ магогомъ, Л. Д. Измайловымъ, что, во время бывающихъ у него оргій, имѣетъ право садиться къ нему на колѣни и говорить ему *ты*: такой же маленькій и кругленькій, такой же охотникъ переливать изъ пустаго въ порожнее и въ разговорахъ обыкно-

венно также растопыриваетъ пальцы. Онъ очень любитъ разсуждать о театрѣ, въ который ходитъ ежедневно даромъ. Сказывалъ, что Воробьевъ отличный пѣвецъ, музыкантъ и актеръ, особенно въ операхъ, переведенныхъ съ Итальянскаго, и что терпѣть не можетъ музыку такихъ оперъ, какъ *Новое Семейство*, *Ѳедулъ съ дѣтьми*, *Два Охотника* и проч., называя ее *Англійскою музыкою*; по словамъ его, Воробьевъ человѣкъ очень невоздержанный, но невоздержанность не мѣшаетъ ему исполнять свою обязанность рачительно и добросовѣстно, потому что въ тотъ день когда играетъ, онъ ничего не пьетъ, кромѣ воды, и никого къ себѣ не пускаетъ. Кобяковъ прибавилъ, что Русская пословица: *пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ*, какъ будто нарочно сложена для Воробьева.

25 Декабря, Вторникъ. Вотъ мои сегодняшніе утренніе визиты: былъ у Державина, князя Лопухина, Ададурова, Вестмана, Эллизена, А. И. Корсакова и князя Дундукова-Корсакова. Къ Будбергу нечего было и ѣздить: онъ не принимаетъ; старичка своего Лабата поздравилъ у него за обѣдомъ, у А. И. Корсакова пробылъ болѣе часу, потому что онъ преблагосклонно позволилъ мнѣ полюбоваться безподобною своею картинною галлереею. Какія сокровища! Онъ совершенный знатокъ въ картинахъ; между прочимъ, сказалъ, что бо́льшая ихъ часть пріобрѣтена имъ за безцѣнокъ при разныхъ случаяхъ, какъ-то иногда у незнающихъ охотниковъ, а иногда у мѣнялъ, и даже на рынкахъ у продавцовъ всякой ветхой рухляди. Въ кабинетѣ у него я замѣтилъ пяльцы съ вышитымъ по канвѣ изображеніемъ Богоматери. Мнѣ показалось искусство необычайнымъ: точно миньятюрная живопись. Я думалъ, что это работа какой-нибудь дамы; но А. И. объявилъ мнѣ, что въ свободное время онъ вышиваетъ самъ и очень любитъ это занятіе. Я изумился и едва могъ повѣрить, чтобъ этотъ почтенный человѣкъ могъ быть такой великій искусникъ на женскія рукодѣлья; однакожъ, за обѣдомъ у Лабата, Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ подтвердилъ мнѣ справедливость словъ его и при этомъ разсказалъ, какъ это необыкновенное искусство его въ вышиваньѣ однажды было поводомъ къ очень забавному недоразумѣнію. Алексѣй Ивановичъ поднесъ ея величеству императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ вышитую картину своей работы, которая могла назваться чудомъ искусства и терпѣнія. Императрица, не думая, чтобъ такое превосходное шитье могло быть дѣломъ мужчины, и особенно такихъ лѣтъ, какихъ былъ Корсаковъ, приняла эту картину за приношеніе которой нибудь изъ ближнихъ его родственницъ и, по добротѣ души своей, благоволила послать ему, въ знакъ своего удовольствія, *брильянтовыя серьги*. Анекдотъ распростра-

нился съ разными прибавленіями и комментаріями; но дѣло было такъ, а не иначе.

26 Декабря, Среда. Съ удовольствіемъ читалъ Высочайшій рескриптъ Пашкову за уступку дома на Моховой, для помѣщенія театра. Старику это будетъ пріятно, а съ нимъ вмѣстѣ порадуются и хлѣбосолы Ренкевичевы. Несмотря что я далеко отъ Москвы, сердце невольно прыгаетъ отъ радости при всякомъ добромъ извѣстіи изъ Бѣлокаменной, и вообще все, что̀ до нея касается, возбуждаетъ во мнѣ какое-то неизъяснимо-живое участіе. Москва мнѣ не родина, но сдѣлалась больше чѣмъ родина, потому что въ ней научился я мыслить и чувствовать. Люди родятся дважды: физически и нравственно; въ послѣднемъ отношеніи я уроженецъ Московскій.

А каковъ мой Снѣгирь-Немо? *) Получилъ отъ него предлинное и премилое письмо, которымъ, между прочимъ, извѣщаетъ, что въ прошедшую Суботу, 22-го числа, онъ ѣздилъ во Французскій спектакль, единственно въ мое воспоминаніе и для того, чтобъ сообщить мнѣ что нибудь о Московскомъ театрѣ и, *къ счастію*, попалъ, какъ онъ выражается, *на казусъ*. Давали *La Petitte Ville* Пикара и *Les Fausses Confidences*. Первая пьеса прошла благополучно, но въ послѣдней произошла сумятица за кулисами по случаю драки двухъ участвовавшихъ въ пьесѣ актеровъ. Престрашная оплеуха, полученная Девремономъ, раздалась на весь театръ, произвела смятеніе въ актерахъ, и пьеса доиграна была кое-какъ отъ несвоевременнаго выхода задорныхъ персонажей на сцену.

Землякъ мой Кобяковъ принесъ мнѣ либретто Итальянской оперы *Impressario in Angustio* и проситъ перевести въ ней всѣ аріи, а речитативы берется перевести самъ прозою. Чудакъ! Речитативовъ во всей оперѣ, по обычаю Итальянцевъ, не наберется и трехъ страницъ, а все дѣйствіе заключается въ пѣніи, то-есть аріяхъ, дуэтахъ, терцетахъ и огромномъ финалѣ, составляющемъ почти половину всей пьесы. Это ужъ не игрушка, а работа. Постараюсь отъ ней избавиться, но едва ли успѣю. Малышъ Кобяковъ говоритъ, что Воробьевъ и Самойловъ будутъ сами о томъ просить меня.

27 Декабря, Четвергъ. Во Французскомъ спектаклѣ видѣлъ «Лодоиску»: отлично обставлена, и музыка прекрасная. Тирана игралъ Андріё, любовника—Сенъ-Леонъ, Лодоиску—мадамъ Бертенъ, а Татарина Титзикана—Меесъ. Послѣдній великолѣпенъ, всѣмъ взялъ: фигу-

*) См. выше, 12 Апрѣля 1805.

рой, игрою и голосомъ—такимъ огромнымъ, но пріятнымъ басомъ, что заслушаешься. Гунніусъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ театральныхъ басовъ въ Европѣ, но съ Меесомъ не можетъ идти въ сравненіе. Конечно, послѣдній поетъ только Французскую музыку; а каково бы онъ спѣлъ партіи *Ассура*, *Зороастра*, *Лепорелло* или *Хорасмисна*—еще неизвѣстно; но какъ бы то ни было, Меесъ пѣвецъ отличный, а какъ актеръ—нечего и говорить! Арію съ

Sachez que les Tartares
Ne sont barbares
Qu'avec leurs ennemis

хоромъ пропѣлъ онъ увлекательно, и публика была въ восхищеніи. Въ игрѣ этого человѣка пропасть энергіи; да, сверхъ того, онъ и комикъ отличный. Сенъ-Леонъ, молодой пѣвецъ и актеръ, очень пріятной наружности, и голосъ имѣетъ симпатическій. Онъ изъ хорошей дворянской фамиліи и пріѣхалъ сюда за мадамъ Бертенъ, въ которую былъ влюбленъ страстно. Теперь, говорятъ, эта страсть угасла, и онъ возвращается къ семейству, какъ только кончится срокъ контракта. Но мадамъ Бертенъ не останется вдовою, и мѣсто его при ней занимаетъ, если ужъ не занялъ, капельмейстеръ Боельдьё, сочинитель прелестной музыки *Багдадскаго Калифа*; а на сценѣ замѣститъ его какой-то Жозефъ. Въ началѣ спектакля давали Мольерову комедію *Les Précieuses Ridicules*, въ которой Фрожеръ въ роли слуги, переодѣтаго бариномъ, заставлялъ хохотать до слезъ. Это актеръ преуморительный. Правда, онъ игралъ нѣсколько каррикатурно; но что̀ до того, если и самая роль ничто иное, какъ каррикатура? Театръ былъ полонъ. Въ антрактахъ я глазѣлъ на ложи перваго яруса и очень былъ радъ увидѣть красавицу Марью Антоновну. Она нѣсколько полна, но что за ангельская голова и какія роскошныя плечи!...

28 Декабря, Пятница. Заходилъ къ Петру Александровичу Рахманову, пріѣхавшему сюда съ намѣреніемъ вновь поступить въ военную службу. «Надоѣло», говоритъ онъ, «таскаться по чужимъ краямъ; запасшись знаніями, надобно приложить ихъ къ дѣлу». Очень умный человѣкъ и гораздо умнѣе, чѣмъ показался онъ мнѣ прежде, когда встрѣтилъ я его въ первый разъ въ Москвѣ у К. А. Муромцовой. Тогда разсуждалъ онъ о всевозможныхъ предметахъ, начиная съ математики, спеціальной его части, до музыки и даже танцевъ, такъ опредѣлительно и свысока, что поневолѣ должно было принять его за педанта, желающаго блеснуть своими свѣдѣніями; теперь нахожу, что если говоритъ онъ много, такъ это потому, что очень откровененъ и со-

общителенъ. Нашелъ у него еще одного нашего Москвича, В. Ѳ. Вельяминова-Зернова, съ которымъ Рахмановъ покамѣстъ, отъ нечего дѣлать, переводитъ оперу *Орфей*, музыка сочиненія Глука, отъ которой онъ въ восторгѣ. Я выразилъ ему свое удивленіе, что такой великій математикъ занимается операми и любитъ музыку. «Что́ вы говорите!» отвѣчалъ онъ, «да я природный музыкантъ и самъ сочиняю симфоніи и квартеты; а вотъ сочинилъ и балетъ», и съ этимъ словомъ указалъ онъ мнѣ на претолстую тетрадь съ нотами. «Ну», подумалъ я, «теперь, послѣ такихъ двухъ примѣровъ, какъ Рахмановъ и нашъ Гаврило Ивановичъ Мягковъ, математикъ-арфистъ, безполезно утверждать, что математики не могутъ быть музыкантами и даже поэтами. Вельяминовъ-Зерновъ служитъ по Министерству Юстиціи, но жалуется, что почти не имѣетъ занятій и не получаетъ никакого жалованья. Онъ малый очень неглупый и со свѣдѣніями, но, кажется, стѣсненъ обстоятельствами.

Математикъ-музыкантъ, въ продолженіе разговоровъ своихъ, попалъ на одну идею, которая поразила меня своею справедливостью. «При началѣ всякой карьеры», сказалъ онъ, «молодому человѣку надобно заботиться только о томъ, чтобъ *угадать свое призваніе*. Попалъ онъ въ свою колею—дѣло сдѣлано и, несмотря на всѣ препятствія, онъ непремѣнно достигнетъ своей цѣли; въ противномъ случаѣ, батюшка, ни ваши таланты, ни ваши протекціи ничего не сдѣлаютъ: получишь чинокъ-другой, а все-таки кончится тѣмъ, что поѣдешь въ Саратовскую губернію planter vos choux *), или по́рскать подъ гончими и хлопать арапникомъ.

29 Декабря Субота. Графъ Румянцовъ настоящій министръ: какая осанка и вѣжливая обходительность, какъ говоритъ краснорѣчиво и умно! Онъ обворожилъ меня милостивымъ своимъ пріемомъ, спрашивалъ о моемъ воспитаніи, о настоящихъ занятіяхъ, о знакомствѣ съ Гавриломъ Романовичемъ и кончилъ тѣмъ, что дозволилъ мнѣ, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ или намѣреній моихъ на счетъ службы, обратиться къ нему, и что онъ тогда не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Я вышелъ изъ пріемной залы совершенно имъ очарованный. Графу Румянцову не болѣе 55 лѣтъ и, если судить по бюсту отца его, который я видѣлъ у И. И. Дмитріева, то онъ долженъ быть очень похожъ лицомъ на героя Кагульскаго.

Дожидаясь выхода министерскаго въ аудіенцъ-залу, я съ любопытствомъ разсматривалъ толпу окружавшихъ меня чиновниковъ, между которыми замѣтилъ директора графской канцеляріи, Ѳ. П. Львова, род-

*) Сажать капусту.

ственнника Гаврила Романовича, и экспедитора П. А. Словцова, извѣстнаго необыкновенными своими способностями. Въ одномъ чиновникѣ узналъ я Панина, который съ такою благосклонностью разсказывалъ мнѣ въ театрѣ объ Огюстѣ и мадамъ Шевалье. Онъ подошелъ ко мнѣ и очень снисходительно разговорился со мною. Сказывалъ, что служитъ въ канцеляріи графа столоначальникомъ, и спрашивалъ, какую я имѣю до графа надобность. Я объяснилъ ему, что собственно не имѣю никакой, но что Г. Р. Державину угодно было, чтобъ я представился графу. Онъ удивился. «Такъ почему-жъ», сказалъ онъ, «Г. Р. не поручилъ Львову представить васъ? Онъ пользуется благосклонностью графа и самъ обязанъ мѣстомъ своимъ рекомендаціи Гаврила Романовича» *). Между прочимъ Панинъ разсказалъ мнѣ, что онъ рекомендованъ графу П. С. Молчановымъ и, узнавъ отъ меня, что я также былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ о скоромъ его пріѣздѣ сюда, по окончаніи возложенныхъ на него изслѣдованій о злоупотребленіяхъ въ Псковской и Саратовской губерніяхъ, и что, вѣроятно, онъ при первомъ удобномъ случаѣ получитъ какое нибудь важное назначеніе; потому что князь Куракинъ и графъ Румянцовъ, имѣя большое довѣріе къ его способностямъ и знанію дѣлъ, успѣли обратить на него вниманіе Государя. Онъ присовокупилъ, что экспедиторъ Словцовъ старинный пріятель какъ ему, такъ и М. М. Сперанскому; потому что они, какъ изъяснился Панинъ, *всѣ однокашники.*

30 Декабря Воскресенье. Кобяковъ, приходившій за своими аріями, сказывалъ, что на театрѣ разучиваютъ новую трагедію Озерова: «Дмитрій Донской». Говоритъ, что это произведеніе геніальное и является очень кстати въ теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что наполнено множествомъ патріотическихъ стиховъ, которые во время представленія должны произвести необыкновенный эффектъ. Кобяковъ говорилъ, что въ трагедіи участвуютъ всѣ лучшіе актеры, и что Яковлевъ въ ней особенно превосходенъ. Я не очень довѣряю знанію и вкусу моего земляка; но, быть можетъ, онъ и правъ. Посмотримъ это чудо драматической поэзіи.

Гаврила Романовичъ хотѣлъ на этихъ дняхъ представить меня А. Н. Оленину и О. П. Козодавлеву. «Тотъ и другой», сказалъ онъ, «очень добрые люди. Первый имѣетъ очень много должностей, очень занятъ и обязанъ безпрестанно выѣзжать; но за то жена домосѣдка и очень любезная женщина, радушно принимаетъ своихъ знакомыхъ ежедневно по вечерамъ. У нихъ очень нескучно.

Гаврила Романовичъ сказывалъ, что пріятель и родственникъ его, В. В. Капнистъ, написавъ комедію «Ябеда», неоднократно читалъ ее

*) Графъ Румянцовъ былъ тогда министромъ комерціи. П. Б.

при многихъ посѣтителяхъ у него, у Н. А. Львова и у А. Н. Оленина, и когда въ городѣ заговорили о неслыханной дерзости, съ какою выведена въ комедіи безнравственность губернскихъ чиновниковъ и обнаружены ихъ злоупотребленія, Капнистъ, испугавшись, чтобъ благонамѣренность его не была перетолкована въ худую сторону и онъ не былъ очерненъ во мнѣніи Императора, просилъ совѣта, чтó ему дѣлать. «Тоже, чтó сдѣлалъ Мольеръ съ своимъ Тартюфомъ», сказалъ ему Н. А. Львовъ: «испроси позволеніе посвятить твою комедію самому Государю». Капнистъ послѣдовалъ совѣту, и всѣ толки умолкли. Тѣ же самые люди, которые сначала такъ сильно вооружались противъ Капниста, вдругъ перемѣнили свое мнѣніе и стали находить комедію превосходною. «Ябеда» была представлена на театрѣ въ бенефисъ актера Крутицкаго, который отлично выполнилъ роль предсѣдателя. Г. Р. прибавилъ, что, конечно, комедія Капниста очень живо представляетъ взяточниковъ, эту язву современнаго общества, но въ послѣдствіяхъ своихъ совершенно безполезна и, къ сожалѣнію, не обратитъ ихъ на путь истинный. Не постигаю пристрастія Державина къ Боброву. Я читалъ и читаю его съ величайшимъ вниманіемъ, стараясь отыскать въ немъ что-нибудь, чтò бы затронуло душу—ничего, рѣшительно ничего! Воображеніе не только что мрачное, какъ у Юнга, но какое то безпорядочное, и въ картинахъ не нахожу никакой вѣрности. При утомительномъ многословіи мыслей мало; правда, грому много, но этотъ громъ театральный и не поражаетъ. Вотъ ужъ можно сказать: *много шуму изъ пустяковъ*.

31 Декабря Понедѣльникъ. Набожный контролеръ нашъ, Ѳ. Д. И. замѣтилъ, что день Пултуской побѣды, 14-го числа, пришелся въ день памяти св. шести мученикъ Ѳирса, Аполлонія, Леввія и проч., въ который, по уставу церковному, поется слѣдующій кондакъ: *Благочестія вѣры поборницы злочестиваго мучителя оплевавше, обличисте звѣрообразное его кровопролитіе и побѣдисте того яростное противленіе, Христовою помощію укрѣпляеми*. Странный случай! Этотъ кондакъ очень кстати обращенъ быть можетъ къ нашимъ воинамъ, участвовавшимъ въ кровопролитной Пултусской битвѣ, какъ оставшимся въ живыхъ, такъ и павшимъ за отечество. Я сказалъ: случай; но, можетъ быть, и не случай, а только намъ такъ кажется.

Былъ въ маскарадѣ и въ первый разъ отъ роду видѣлъ такую многочисленную и блестящую публику. Кромѣ разнородныхъ комически-наряженныхъ масокъ, танцовавшихъ, прыгавшихъ, дурачившихся и бѣсившихся напропалую, было много великолѣпно-разодѣтыхъ кадрилей, очень чинно расхаживавшихъ съ нѣкоторыми изъ сидѣвшихъ въ ло-

жахъ дамъ. Мнѣ очень понравилась одна женская маска, одѣтая разнощицею писемъ. Она интриговала очень многихъ и совала имъ въ руки небольшіе конвертцы; но, по замѣчанію моему, она обращалась только къ извѣстнымъ значительнымъ особамъ, какъ-то: Н. Н. Новосильцову, ходившему объ руку съ княземъ Чарторыжскимъ, къ генералъ-адъютанту Уварову, котораго я видѣлъ въ Москвѣ на праздникѣ, данномъ князю Багратіону; къ Д. Л. Нарышкину и князю Салтыкову, которые, распечатавъ эти конвертцы, очень смѣялись. Я подошелъ къ маскѣ и спросилъ ее, нѣтъ ли ко мнѣ письмеца? Но она, посмотрѣвъ на меня, съ досадою отвѣчала: *Vous êtes encore trop imberbe pour recevoir des lettres de qui que ce soit; quand vous aurez un peu plus de barbe et un peu moins de présomption, je vous en apporterai*, [1]) и съ послѣднимъ словомъ показала мнѣ кукишъ. Нечего сказать, воструха! Вовсе не похожа на моихъ Московскихъ Нѣмокъ, съ которыми встрѣчалъ я въ маскарадѣ истекающій нынѣ годъ.

Я не дождался 12-ти часовъ, когда, обыкновенно, звукомъ трубъ и другихъ духовыхъ инструментовъ, извѣщаютъ о наступленіи новаго года, и поѣхалъ встрѣтить его къ Альбини, у котораго засталъ семейную вечеринку и какъ разъ попалъ къ послѣднему двѣнадцатому удару Державинскаго *глагола временъ*. Поздравивъ Schwester Dorchen со всѣми присутствующими бокаломъ Шампанскаго и мысленно обнявъ всѣхъ своихъ вмѣстѣ съ тобою, мой возлюбленный, я предложилъ тостъ за здравіе общаго нашего благодѣтеля, и мы всѣ хоромъ возгласили:

Willkommen, neues Jahr!
Wir bringen fröhlich dar
Dir unsern Gruss.

Gewähr' uns Ruh und Glück!
Und Herz und Mund und Blick
Preist jauchzend das Geschick
Und segnet dich.

Schütz Alexandern, Gott!
Wenn frech und wild ihn droht
Der Feinde Wuth:
Dann ziehe hoch und hehr
Vor Alexanders Heer
Dein guten Engel her
Und schlage sie!

[1]) Вы еще слишкомъ молокососъ, чтобы получать отъ кого бы то ни было письма; когда у васъ побольше отростетъ борода и вы будете не такъ притязательны, я вамъ принесу писемъ.

1807 годъ.

1 Января, Вторникъ. Въ наступившемъ году начинаю дневникъ мой календарнымъ вступленіемъ: *Благословиши вънецъ лъта благости твоея, Господи!* Начинаю имъ потому, что хотя и не очень давно живу на свѣтѣ, но успѣлъ уже убѣдиться, что безъ благословенія свыше никакое начинаніе, какъ бы оно мелко ни было, не будетъ имѣть успѣха.

Отслушавъ обѣдню въ Казанскомъ соборѣ и побывавъ съ поздравленіемъ у почтеннаго Ильи Карловича, я расположился провести цѣлый день дома, но получилъ приглашеніе явиться въ *павильйонъ* къ обѣду и отказаться не смѣлъ. Эти добрые обитатели Михайловскаго павильйона лелѣятъ меня, какъ роднаго сына, и я, право, совѣщусь, что до сихъ поръ не могу ничѣмъ доказать имъ моей признательности. Обѣдъ, по обыкновенію, былъ веселый, то-есть шумный: разговоры и споры не прерывались ни на минуту, и случись тутъ посторонній, незнакомый человѣкъ, онъ подумалъ бы, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь важномъ происшествіи въ семействѣ, а между тѣмъ ничуть не бывало: дочери утверждали, что надобно къ предназначенному балу перекрыть мебель, а старикъ доказывалъ, что этого вовсе не нужно; дочерей поддерживалъ патеръ Локманъ, а старика—графъ Монфоконъ, и вотъ пошелъ дымъ коромысломъ! Наконецъ, споръ кончился тѣмъ, что бывшій кастеланъ, всплеснувъ руками, какъ будто съ горестью воскликнулъ: *O mes filles, mes filles, vous mourrez sur du fumier!* *) и тутъ же, сдѣлавъ плутовскую гримасу, объявилъ, что обойщикъ, три дня назадъ, принесъ матерію, и еслибъ не праздники, то мебель была бы уже обита за-ново. Вотъ это ужъ настоящая гасконнада!

Въ пылу всѣхъ этихъ пустыхъ разговоровъ и споровъ, удалось мнѣ поймать у патера Локмана преумное его истолкованіе одного изреченія, часто употребляемаго въ разговорахъ о внезапно-обогатившихся людяхъ: *Il a vendu son âme au diable* или, по-русски: «онъ чорту душу продалъ». «Эта поговорка (сказалъ Локманъ) имѣетъ свое основаніе. Для пріобрѣтенія богатства—говорю: *богатства*, а не обыкновеннаго достатка—необходимо имѣть черствое сердце, широкую совѣсть и свойство не пренебрегать никакими средствами, противными правиламъ чести и доброй нравственности. Напримѣръ, можно ли обогатиться собственнымъ личнымъ трудомъ?—никогда. Единственный результатъ, который можетъ человѣкъ извлечь изъ личнаго труда, будетъ тотъ, что онъ не умретъ съ голоду; а если пріобрѣтетъ столько, чтобъ

*) О мои дочери, мои дочери, вы умрете въ нищетѣ!

имѣть нѣкоторыя удобства въ жизни, то это должно быть названо уже счастіемъ. Какія же средства къ скорому пріобрѣтенію богатства? Напримѣръ, служить орудіемъ развитія порочныхъ склонностей и возбудителемъ ихъ, не тоже ли, что̀ *продать душу чорту?* Получить доходное мѣсто, брать взятки и употреблять во зло довѣріе правительства, не значитъ ли также *продать душу чорту?* Войти въ подряды съ казною, брать за поставляемыя вещи или припасы низшаго качества туже цѣну, какъ бы они были высшаго, подкупая пріемщиковъ, развѣ не тоже, что̀ *продать душу чорту?* Наконецъ, набогатиться отдачею денегъ въ ростъ, или чрезмѣрною скупостью, или обращеніемъ труда другихъ въ свою пользу, или угожденіемъ и потворствомъ слабостямъ и страстямъ человѣческимъ, не тоже ли въ самомъ дѣлѣ, что̀ *продать душу чорту*, то-есть отступить отъ правилъ, предписываемыхъ человѣку ученіемъ христіанскимъ? Вотъ и настоящее значеніе этой поговорки, которая, какъ мнѣ извѣстно, существуетъ у всѣхъ народовъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ».

Патеръ Локманъ, не смотря на то, что великій спорщикъ, очень умный человѣкъ,и бесѣды съ нимъ всегда болѣе или менѣе поучительны.

2 Января, Середа. У Державина нашелъ я великаго Дмитревскаго, которому и былъ представленъ въ качествѣ трагика. Пѣвецъ Фелицы заставилъ краснѣть меня похвалами моему «Артабану». Прочитай, братецъ», говорилъ онъ Ивану Аѳанасьевичу, «его трагедію—удивишься: я самъ оторваться отъ нея не могъ. Откуда онъ только выкопалъ такое происшествіе; да и стихи такіе гладкіе, звучные и громкіе, что право не подумаешь, чтобъ это было сочиненіе 18-лѣтняго мальчика. Дай-ка ему посозрѣть, такъ выйдетъ настоящій Бобровъ!» Дмитревскій тотчасъ же просилъ меня доставить ему удовольствіе прослушать мою трагедію и назначилъ мнѣ явиться къ нему завтра утромъ. Не знаю, какъ благодарить Гаврила Романовича и чѣмъ могу заслужить его милости; я едва не пла̀чу отъ восхищенія...

Дѣдушка неправъ, описавъ мнѣ Дмитревскаго какимъ-то притворщикомъ. Конечно, у него манеры стариннаго придворнаго: такая же вѣжливость, и онъ также изъясняется отборными выраженіями; но развѣ это худо? Мнѣ кажется, вся сила въ томъ, что дѣдушка изъ суфлерской дыры своей не могъ изучить обычаевъ высшаго общества и наблюденіе свѣтскихъ приличій принялъ за притворство.

Наружность Дмитревскаго чрезвычайно живописна: сѣдъ какъ лунь, волосы зачесываетъ назадъ, черты лица имѣетъ необыкновенно правильныя, физіономію привлекательную и выразительную, глаза умные съ поволокою, движенія тихія и размѣренныя, и ходитъ, отъ старости,

сгорбившись. Онъ былъ чрезвычайно опрятно одѣтъ: въ суконномъ коричневомъ кафтанѣ Французскаго покроя съ стальными пуговицами, шитомъ шолковомъ жилетѣ, въ брызжахъ и манжетахъ, словомъ, точно походилъ болѣе на стараго царедворца, чѣмъ на стараго актера. Жаль, что голова у него безпрестанно трясется; но прожить 72 года въ безпрерывныхъ трудахъ и опасеніяхъ за себя и другихъ—не бездѣлка: поневолѣ затрясешь головою!

Ѳ. П. Львовъ, разсуждая съ Дмитревскимъ о его путешествіи въ Парижъ, спросилъ его, между прочимъ, справедливо ли, что онъ тамъ игралъ на театрѣ вмѣстѣ съ Гаррикомъ и Лекеномъ? «Никогда», отвѣчалъ онъ, «я не могъ играть съ Гаррикомъ, потому что не знаю Англійскаго языка, а Гаррикъ необыкновенно дурно изъяснялся по-французски. Съ Лекеномъ же мнѣ играть не было возможности по той причинѣ, что наши амплуа были одинаковы, и если я зналъ нѣкоторыя роли изъ Французскихъ трагедій, такъ это тѣже самыя, которыя игралъ и Лекенъ. Впрочемъ, я не такъ былъ и самонадѣянъ, чтобъ состязаться съ этими исполинами театральнаго искусства, и особенно съ Лекеномъ, который былъ геній въ своемъ родѣ. Конечно, и Гаррикъ былъ великій человѣкъ, но скорѣе *комедіантъ*, чѣмъ актеръ, т. е. подражатель природѣ въ обыкновенной нашей жизни, между тѣмъ какъ Лекенъ создавалъ типы персонажей историческихъ. Надобно было видѣть Лекена въ роляхъ Магомета, Танкреда, Оросмана, Замора и Эдипа-царя, чтобъ постигнуть, до какой степени совершенства можетъ быть доведено сценическое искусство, потому что вообразить себѣ этого нельзя. Лекенъ и мадамъ Дюмениль, это настоящія трагическія божества, и въ послѣдней, если было менѣе искусства, то чуть ли еще не больше таланта».

3 Января, Четвергъ. Едва только разсвѣло, какъ я уже былъ на ногахъ, чтобъ бѣжать къ Дмитревскому съ моимъ «Артабаномъ». Но зачѣмъ ходилъ я къ нему, окаянный? Всѣ мечты мои, какъ хрусталь Альнаскара, разлетѣлись въ дребезги, и я разженился съ любимою моею идеею—видѣть когда-нибудь «Артабана» на сценѣ. Эту идею, Богъ ему судья, вселилъ въ бѣдную мою голову Гаврило Романовичъ, ангелъ доброты, но въ этомъ случаѣ демонъ-соблазнитель. Не бѣда, что пятимѣсячный трудъ мой невозвратно пропалъ; но бѣда въ томъ, что я потерялъ довѣренность къ самому себѣ и къ своему таланту, и превращаюсь опять въ переводчика и сочинителя разныхъ дюжинныхъ оперъ и пошлыхъ арій. О weh, о weh!

Въ десять часовъ утра я былъ у нашего Росціуса, который принялъ меня необыкновенно ласково. Онъ былъ одѣтъ точно такъ же, какъ и вчера, и сидѣлъ въ большихъ креслахъ. «Очень, очень радъ,

душа», сказалъ онъ, «видѣть васъ и прослушать трагедію вашу. Садитесь сюда въ кресла, а я посижу на диванѣ; но прежде надобно запереться, чтобъ намъ не мѣшали». Онъ всталъ и заперъ дверь. «Ну, теперь начните, да читайте не торопясь: у насъ времени много». Я началъ читать, по наставленію Мерзлякова, громко; но Дмитревскій остановилъ меня, примолвивъ: «лучше потише, душа, а то устанешь». Я перемѣнилъ тонъ и дошелъ до конца 1-го дѣйствія—и что же? Дмитревскій заснулъ! Я остановился; но онъ, вдругъ очнувшись, вскрикнулъ: «Прекрасно! Да на какомъ мы дѣйствіи остановились?» При этомъ вопросѣ у меня опустились руки, и я хотѣлъ сложить тетрадь свою; но Дмитревскій настоялъ, чтобъ я продолжалъ чтеніе. Кое-какъ добрался я до конца пьесы и спросилъ сонного моего слушателя, что̀ онъ о ней думаетъ, и можетъ ли она быть представлена на театрѣ. Дмитревскій отвѣчалъ, что трагедія точно отличная и прекрасно написана, но что есть нѣкоторыя длинноты, и ужъ слишкомъ страшна, такъ страшна, что, по мнѣнію его, *зрители не усидятъ на мѣстахъ своихъ*; что она сдѣлала бы огромный эффектъ на сценѣ Французскаго театра, потому что Французская публика скорѣе поняла бы и оцѣнила ея красоты и великолѣпіе стиховъ; что, конечно, экспозиція немножко растянута, сюжетъ развивается медленно, что замѣтна нѣкоторая путаница въ расположеніи сценъ, а въ развязкѣ какая-то внезапность, и что самые стихи можно бы смягчить и ближе примѣнить ихъ къ характерамъ персонажей, но что, впрочемъ, все прекрасно, безподобно, восхитительно! Я обомлѣлъ отъ удивленія, слыша отъ Дмитревскаго такія неопредѣленныя похвалы вмѣстѣ съ такими ясными намеками на негодность моей трагедіи, и вспомнилъ слова дѣдушки. Господи Боже мой! Да изъ чего же было все это пустословіе? Чтобъ мнѣ дать почувствовать, что мой «Артабанъ» никуда не годится. Эхъ-ма, старикъ! сказалъ бы напрямки—и дѣло съ концомъ. А то: «все такъ прекрасно, что хоть плюнуть, и все такъ безподобно, что хоть за окошко брось!» Но видно, не я первый, не я и послѣдній.

Чтобъ не обнаружить предъ старикомъ моего огорченія и не показать ему, что я понялъ его намеки, я не вдругъ оставилъ его и завелъ рѣчь о настоящемъ составѣ Русской труппы. «Есть прекраснѣйшіе сюжеты», сказалъ онъ мнѣ, «и съ большими талантами. Совѣтую посѣщать Русскій театръ чаще. Въ трагедіяхъ вы увидите Шушерина и Яковлева, которые могли бы назваться первоклассными актерами, еслибъ не были избалованы нашею публикою и всегда старательно выполняли свои роли. Увидите молодую Семенову, которая подаетъ большія надежды. Что̀ касается до актеровъ комическихъ, то мы имѣемъ двухъ-трехъ человѣкъ такихъ, которые могли бы съ честью стоять

наряду съ лучшими комиками прежней Французской сцены; напримѣръ Рыкаловъ и Пономаревъ; первый въ роляхъ à manteaux и въ financiers превосходитъ даже Крутицкаго, а послѣдній—гримъ необыкновенный, потому что не каррикатура, но естественъ и отлично понимаетъ свои роли; жаль только, что память начинаетъ измѣнять ему. Въ операхъ первое мѣсто принадлежитъ Воробьеву: не смотря на утрату голоса, онъ настоящій буфъ, въ родѣ Итальянскихъ буфовъ, только гораздо благороднѣе ихъ и одаренъ удивительно-сообщительною веселостью. Молодые Самойловы также очень хороши; очень жаль, что Самойлова не играетъ въ комедіяхъ: это была бы превосходная субретка, особенно въ комедіяхъ Мольера; живость въ разговорѣ, свобода въ тѣлодвиженіяхъ, очень выразительная, простодушно-плутовская физіономія и необычайная естественность все обличаетъ въ ней, что ноа могла бы быть великою комическою актрисою; а между тѣмъ она играетъ русалокъ и подобныя роли, которыя будутъ со временемъ гробомъ ея таланта. Да какъ быть? Всему свое время, и русалкамъ также!» Я спросилъ у Дмитревскаго, читалъ ли онъ новую трагедію Озерова. «Слышалъ ее раза два», отвѣчалъ онъ, «и сверхъ того видѣлъ ея репетицію на сценѣ. Нечего сказать, трагедія прекрасная и такъ пришлась теперь кстати: много превосходныхъ патріотическихъ стиховъ, которые публика, конечно, не оставитъ примѣнить къ настоящимъ обстоятельствамъ. О трактаціи сюжета теперь разсуждать не время; поговоримъ послѣ представленія, когда поуменьшится общій интересъ». Дмитревскій проводилъ меня до лѣстницы, взявъ съ меня слово не оставлять его моими посѣщеніями. Но что въ томъ прибыли? Эта учтивость не возвратитъ мнѣ собственнаго моего уваженія къ моему таланту.

4 Января, Пятница. Пожертвованія на составленіе и въ пользу милиціи начались блистательнымъ образомъ. Наши коренные вельможи и знатное духовенство показали достохвальный примѣръ, и за ними послѣдовали и продолжаютъ слѣдовать прочія состоянія народа: всѣ наперерывъ спѣшатъ принести посильные дары свои отечеству, а иной возлагаетъ на алтарь его и послѣднюю лепту, какъ, напримѣръ, бѣдная актриса старуха Вагнерова, жертвующая десятью рублями, то-есть мѣсячнымъ своимъ жалованьемъ

Вотъ списокъ извѣстнымъ лицамъ, которыя первыя ознаменовали усердіе свое щедрыми приношеніями. Въ главѣ ихъ митрополиты: Амвросій, отъ Лавры, 25,000 рубл. и отъ Новгородскаго архіерейскаго дома 20,000, а всего 45,000, и Платонъ 20,000 рубл.; Александръ Львовичъ Нарышкинъ единовременно 10,000, ежегодно по 6,000 и за 16,000

душъ крестьянъ своихъ, не входящихъ въ составъ милиціи, 32,000, а сверхъ того 4,000 четвертей хлѣба; супруга его, Марья Алексѣевна — столовый серебряный свой сервизъ и такой же туалетъ; Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ 10,000 р. и 2,000 кулей муки; графъ А. С. Строгановъ—40,000 р.; графъ Н. П. Шереметевъ—20 мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и 2,000 ружей; графъ Безбородко—10,000 р.; графъ Бобринскій—6,000 р.; А. Н. Оленинъ—2,000 р. и 2 пушки со всѣми снарядами; Н. П. Архаровъ—10,000 р.; дѣйств. ст. сов. Ростовцовъ 100 пудовъ свинцу; адмиралъ Балле—ежемѣсячно по 200 р.; Санктпетербургское купечество—135,000 р.; Московскіе актеры—2,400 р.; балетмейстеръ Валберхъ—500 р.; здѣшніе актеры и актрисы: Шушеринъ, Яковлевъ, Воробьевъ и Рахмановъ—по 200 р.; Сахаровъ, Рыкаловъ, Щениковъ, Пономаревъ, Волковъ, Сахарова, Каратыгина и Семенова—по 100 р.; фигурантъ Аблецъ—100 р.; Бобровъ, Прытковъ и Рожественскій—по 75 р.; Чудинъ, фигурантъ Ивановъ и Алексѣева—по 50 р.; Черникова—30 р., и старушка Вагнерова—10 р.

5 Января, Субота. Чему посмѣешься, тому и поработаешь: вотъ и нашъ Алексѣй Ѳедоровичъ наконецъ облѣпился. Петръ Ивановичъ прислалъ мнѣ оду его на новый годъ по случаю Пултусской побѣды, къ которой такъ и хочется примѣнить стихи Ив. Ив. Дмитріева изъ пьесы его «Чужой толкъ».

Такъ громко, высокó, а все не веселитъ
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!

Готовъ держать закладъ, что эта ода написана имъ по заказу, потому что отъ перваго стиха: *Исполнилось, о вѣстъ златая*! и до послѣдняго, одинъ только наборъ словъ, хотя, впрочемъ, наборъ мастера своего дѣла. Но другая ода на новый же годъ, Василья Колосова, начинающаясь такъ: *Хвала тебѣ, злодѣйствъ каратель*! есть нѣчто диковинное въ своемъ родѣ: въ ней лирикъ воспѣваетъ подвиги графа Каменскаго въ Пултусскомъ сраженіи, между тѣмъ какъ онъ въ немъ и не участвовалъ. Кажется, этотъ Колосовъ долженъ быть человѣкомъ съ воображеніемъ очень пылкимъ: лѣтъ пять назадъ, издалъ онъ лирическое стихотвореніе, подъ названіемъ «Плодъ энтузіазма» —*горькій плодъ заблужденія* на счетъ своего призванія.

6 Января, Воскресенье. Несмотря на шестнадцатиградусный морозъ, Крещенскій парадъ былъ великолѣпный. Въ первый разъ въ жизни вижу столько войска и въ такомъ пышномъ видѣ. Торжественное молебствіе совершено было придворнымъ духовенствомъ въ при-

сутствіи Государя въ нарочно устроенной для того на Невѣ, противу дворца, Іордани. Я изумился, увидѣвъ Государя въ одномъ мундирѣ, и не постигаю, какъ могъ онъ въ такой легкой одеждѣ выносить такую стужу—вотъ прямо Русскій человѣкъ!

Вечеромъ собрались у меня Хмельницкій, Вельяминовъ-Зерновъ и Кобяковъ. Послѣдній спѣшитъ переводомъ своей оперы и, по случаю моего уклоненія отъ перевода стиховъ, находится въ престрашныхъ хлопотахъ. Не понимаю, зачѣмъ браться не за свое дѣло? Добро бы эти оперы приносили ему какую выгоду, а то ровно никакой. Спасибо Вельяминову, который, узнавъ въ чемъ дѣло, добродушно обѣщалъ выручить моего земляка и, отъ нечего дѣлать, начинить всѣ его оперы, настоящія и будущія, стихами всевозможныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вельяминовъ удивительно легко пишетъ стихи: не болѣе какъ въ четверть часа онъ, для доказательства своей способности, перевелъ одну большую арію изъ оперы «Импрезаріо», надъ которою мой бѣдный Кобяковъ корпитъ столько времени. Этою аріею принадлежащій къ труппѣ стихотворецъ даетъ слѣдующій совѣтъ патрону своему, *импрезаріо*, какъ избѣжать разоренія.

Чтобъ вамъ такъ не разоряться,
Должно правилъ придержаться:
Primo, Крезомъ притворяться
И *secundo*, обѣщать,
Только слова не держать;
Ни актрисамъ, ни актерамъ,
Пѣвчимъ и декоратёрамъ,
Фигурантамъ, машинистамъ,
И портнымъ, и копіистамъ
Должно гроша не давать
И раздѣлываться съ ними
Лишь посулами одними.
Чтò вамъ стоитъ обѣщать?
Этимъ людямъ не платите:
Лишь ласкайте ихъ, да льстите,
Все сулите, да сулите—
Вотъ и будетъ благодать!
Но уважьте даръ поэта,
Заплатите вы ему:
Это нужно потому,
Что блестящая монета
Блескъ придастъ его уму.

Я списалъ эти вздорные стихи въ память способности Вельяминова писать ихъ; но Кобяковъ въ восторгѣ, а я и подавно, потому что навсегда избавился отъ его докуки.

7 Января, Понедѣльникъ. Цѣлое утро проболтался въ Коллегіи попустому, спрашивая самъ себя: да когда же дадутъ мнѣ какое-нибудь

занятіе? До сихъ поръ я ничего другаго не дѣлаю, какъ только дежурю въ мѣсяцъ разъ, да толкую о Троянской войнѣ; между тѣмъ время идетъ да идетъ, а расходъ времени, какъ говоритъ мой Петръ Ивановичъ, самый невозвратный расходъ.

Гебгардъ принесъ мнѣ книжку: «Züge zu einem Gemählde von Moskwa», сочиненную Вистенгаузеномъ въ 1775 году, и просилъ сказать ему, похожа ли нынѣшняя Москва на прежнюю. Я пробѣжалъ книжку мелькомъ: кажется, родная наша мало измѣнилась, несмотря на то, что постарѣла тридцатью годами. Только гостинницы и трактиры перемѣнились.—Гебгардъ звалъ завтра въ «Разбойниковъ» смотрѣть на него въ Карлѣ Морѣ; Амалію играетъ милая жена его.

Завтра пойду съ пузыремъ-Кобяковымъ знакомиться съ Воробьевымъ, хотя, признаться, хотѣлось бы лучше познакомиться съ Яковлевымъ; но Кобяковъ говоритъ, что теперь, по случаю безпрестанныхъ репетицій трагедіи «Дмитрій Донской», всѣ лучшіе наши трагики заняты по горло, и потому не время.

8 Января, Вторникъ. Были у Воробьева и застали его передъ самымъ обѣдомъ. Онъ радушно пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ трапезу, и Кобяковъ безъ церемоніи усѣлся за столъ, выпивъ предварительно порядочный стаканчикъ травнику; но я отказался, потому что долженъ былъ обѣдать въ павильйонѣ. Воробьевъ малъ ростомъ, довольно плотенъ; движенія его живы и ловки, говоритъ скоро и съ присмѣшкой; лицо имѣетъ нѣсколько багровое, какъ по большей части и всѣ люди, придерживающіеся чарочки. Мнѣ особенно понравились глаза его, черные и быстрые, изъ которыхъ такъ и просвѣчиваются умъ и какая-то добродушная, безпечная веселость. Семейство его состоитъ изъ жены, дородной женщины, на лицѣ которой замѣтны еще остатки прежней красоты, и единственной дочери, премилой дѣвочки лѣтъ восьми или девяти, бѣленькой, румяненькой и очень полненькой, имѣющей въ лицѣ много сходства съ матерью. Я завелъ было рѣчь о здѣшнихъ модныхъ операхъ—куда тебѣ! Воробьевъ и говорить не хотѣлъ. Надоѣли проклятыя! сказалъ онъ: вѣкъ бы не слыхалъ о нихъ; то ломай Тарабара, то Личарду, то Торопку—чортъ знаетъ что такое! Только на потѣху райку», и тутъ же запѣлъ:

„Коль назначено судьбою
Разлучиться намъ съ тобою,
Быть мнѣ вѣрной обѣщай,
Милая моя, прощай“.

Я спросилъ его, справедливо ли, что князь Волконскій, при постановкѣ «Русалки» на Московскомъ театрѣ, присылалъ изъ Москвы

актёра Волкова учиться у него роли Тарабара, или, какъ тогда говорили въ Москвѣ, Тара́барской грамотѣ, и если справедливо, то какъ онъ нашелъ Волкова. «Онъ точно былъ здѣсь», отвѣчалъ Воробьевъ, «и являлся ко мнѣ, будто бы по приказанію Александра Львовича; ну я и сказалъ ему: поди братецъ въ театръ, да смотри на меня и перенимай, какъ знаешь, если тебѣ велѣно. Съ тѣмъ онъ и ушелъ; но передъ отъѣздомъ опять приходилъ и просилъ, чтобъ я прослушалъ, какъ онъ пропоетъ Польской Тарабара:

„На что такъ чудесить,
Къ чему куралесить,
Другихъ обижать?“

Я прослушалъ и сказалъ ему, что хотя онъ и *волкъ*, а все-таки лаетъ *по-собачьи*; тѣмъ дѣло и кончилось. Мужика въ сорокъ лѣтъ не научишь, если до тѣхъ поръ самъ не выучился». Воробьевъ сказывалъ, что Самойловъ съ первыхъ дебютовъ своихъ очень понравился публикѣ, и она снисходительно извиняла не только его неловкость и совершенное незнаніе приличій на сценѣ, но даже самыя неосторожныя его обмолвки, которыя никому другому не прошли бы даромъ.

Гебгардъ въ роли Карла Мора несовсѣмъ мнѣ понравился. Въ игрѣ его нѣтъ того глубокаго чувства, которымъ долженъ быть проникнутъ Карлъ Моръ, жертва неслыханнаго коварства и заблужденій своей молодости. Мой пріятель не постигъ этого характера, о которомъ можно было бы исписать цѣлую книгу; за то Амалія была настоящею Амаліею—чувствительною, любящею, мечтательною Нѣмкою среднихъ вѣковъ. Мадамъ Гебгардъ стала еще лучшею актрисою, чѣмъ была прежде... Франца Мора игралъ Розенштраухъ недурно. Онъ, говорятъ, очень добрый, религіозный человѣкъ и будто бы готовится въ пасторы, но, въ ожиданіи хорошаго пастората, играетъ на театрѣ. Для исполненія роли Франца, слѣдовало бы ему изучить разсужденіе Ифланда объ этой роли, въ которой знаменитый актёръ и писатель былъ, говорятъ, превосходенъ. Въ Германіи роль Франца Мора считается первою ролью, потому что требуетъ большаго изученія, между тѣмъ, какъ для роли Карла достаточно, чтобъ актёръ былъ одаренъ большою чувствительностью и былъ пригожъ собою. Линденштейнъ уморительно игралъ роль Шпигельберга; онъ на сценѣ, какъ дома.

9 Января, Среда. Гаврила Романовичъ представилъ меня А. С. Шишкову, сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ», задушевному другу президента Россійской Академіи, Нартова. Съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ я почтенную фигуру этого чело-

вѣка, котораго дѣтскіе стихи получили такую народность, что, кажется, нѣтъ ни въ одномъ Русскомъ грамотномъ семействѣ ребенка, котораго не учили бы лепетать:

„Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Намъ не хуже“, и проч.

Не могу повѣрить, чтобъ этотъ человѣкъ былъ такимъ недоброжелателемъ нашего Карамзина, за какого хотятъ его выдать. Мнѣ кажется, что находящіяся въ «Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ» колкія замѣчанія на нѣкоторыя фразы Карамзина доказываютъ не личное нерасположеніе къ нему Александра Семеновича, а только одно несходство въ мнѣніяхъ и образѣ воззрѣнія на свойства Русскаго языка. Изъ всего, что̀ ни говорилъ Шишковъ—а говорилъ онъ много—я не имѣлъ случая замѣтить въ немъ ни малѣйшаго недоброжелательства или зависти къ кому-нибудь изъ нашихъ писателей; напротивъ, во всѣхъ его сужденіяхъ, подкрѣпляемыхъ всегда примѣрами, заключалось много добродушія и благонамѣренности. Онъ очень долго толковалъ о пользѣ, какую бы принесли Русской словесности собранія, въ которыя бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтенія своихъ произведеній, и предлагалъ Гаврилу Романовичу назначить вмѣстѣ съ нимъ поперемѣнно, хотя по одному разу въ недѣлю, литературные вечера, обѣщая склонить къ тому же Александра Семеновича Хвостова и сенатора Ивана Семеновича Захарова, которыхъ домы и образъ жизни представляли наиболѣе къ тому удобствъ. Богъ вѣсть, какъ обрадовался этой идеѣ добрый Гаврила Романовичъ и просилъ Шишкова устроить какъ можно скорѣе это дѣло.

Между прочимъ, Шишковъ разсказывалъ, что одна изъ родственницъ его супруги, молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, въ прошедшемъ году вылѣчилась радикально отъ чахотки, употребляя, по совѣту О. К. Каменецкаго, по два раза въ сутки угольный порошокъ, распущенный въ рюмкѣ воды, а по утрамъ принимая по полурюмкѣ росы съ цвѣтовъ ромашки, которую собирали для ней ея люди. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ присовокупилъ, что хотя иностранные медики не любятъ Каменецкаго за его безпощадную правдивость и величаютъ его обскурантомъ и эмпирикомъ, но что на это смотрѣть нечего, и его простонародныя средства бываютъ бо̀льшею частью всегда спасительны. Вѣра Николаевна спросила меня за столомъ, отчего я такъ угрюмъ,

все молчу. Я отвѣчалъ: *che quando parla il dottore, il pantalone tace* *); всѣ захохотали, а я тому и радъ, что не даромъ выронилъ слово.

10 Января, Четвергъ. У Лабата встрѣтилъ Александра Тургенева, который въ прошедшемъ году на пансіонскомъ экзаменѣ подшептывалъ мнѣ Нѣмецкую рѣчь. Онъ сказывалъ, что средняго брата отправляетъ доучиваться въ Гёттингенъ, а меньшой останется покамѣстъ въ пансіонѣ до полученія золотой медали. Тургеневъ долженъ быть очень дѣятеленъ и проворенъ; онъ служитъ при статсъ-секретарѣ Новосильцовѣ и вмѣстѣ въ Коммиссіи Составленія Законовъ помощникомъ референдарія. Говорилъ много о графѣ Строгановѣ, о княгинѣ Голицыной и о многихъ другихъ знатныхъ особахъ, у которыхъ принятъ за свой. Не успѣли отобѣдать, какъ онъ ужъ исчезъ, извинившись недосугомъ. Вигель читалъ очень смѣшное рондо, написанное на Тургенева по-французски общимъ ихъ пріятелемъ Блудовымъ; въ этихъ стихахъ много веселости и безобиднаго остроумія.

Графъ Местръ точно долженъ быть великій мыслитель: о чемъ бы ни говорилъ онъ, все очень занимательно, и всякое замѣчаніе его такъ и врѣзывается въ память, потому что заключаетъ въ себѣ идею и сверхъ-того, идею прекрасно выраженную; напримѣръ, говоря о нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ изъ высшаго круга, онъ сказалъ, что очень любитъ и уважаетъ ихъ, а между тѣмъ видится съ ними рѣдко, потому что характеры ихъ, какъ нѣкоторыя химическія тѣла, очень хороши сами по себѣ, но никогда не соединяются съ другими.

11 Января, Пятница. Вотъ что́ называется *и сытъ, и пьянъ.* Обѣдалъ у коммиссара Придворной Конторы А. И. Андреева, стариннаго знакомца нашей фамиліи, которой онъ считаетъ себя почему-то обязаннымъ. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ обо мнѣ, отъискалъ меня и затащилъ къ себѣ на обѣдъ, который давалъ онъ своимъ сослуживцамъ по случаю совершившагося ему шестидесятилѣтія. Пиръ, какъ говорится, былъ на весь міръ. Такую роскошь и излишество встрѣчаю я только въ другой разъ въ своей жизни: обѣдъ Андреева, по количеству и качеству кушанья и напитковъ едва ли не превосходнѣе былъ обѣда, даннаго Московскимъ Англійскимъ клубомъ въ честь героя Багратіона. Гостей было человѣкъ до тридцати, и передъ каждымъ гостемъ было поставлено по бутылкѣ Шампанскаго вмѣсто квасу, а Венгерскимъ и какого-то особеннаго рода Рейнвейномъ обносили по два раза. Подлѣ хозяина сидѣлъ членъ гофъ-интендантской конторы Алек-

*) Когда говоритъ докторъ, пересмѣшникъ молчитъ.

сѣй Григорьевичъ Ходневъ, а подлѣ меня братъ нашего драматурга Н. И. Ильина, Алексѣй Ивановичъ, который служитъ также въ Конторѣ и которому хозяинъ поручилъ меня подчивать. Онъ мастерски исполнилъ порученіе и такъ меня уподчивалъ, что, по окончаніи обѣда, я насилу могъ подняться со стула и не помню, какъ очутился до́ма. Люди мои говорятъ, что меня кто-то привезъ, и я, не раздѣвшись, бросился на постель и проспалъ больше трехъ часовъ. Голова и теперь ходитъ кругомъ, и мучитъ сильная жажда: хочется опять Венгерскаго— да гдѣ его взять? удовольствуюсь квасомъ. Андреевъ долженъ быть очень богатъ, а не богатъ, такъ тороватъ. Квартиру онъ занимаетъ весьма небольшую въ казенномъ домѣ на Захарьевской улицѣ; но если изба не богата углами, такъ за то богата пирогами.

Ахъ, Господи! Что жъ это такое? Нѣтъ сна, и все хочется пить:

„Bacchus siehe
Wie ich glühe!
Sieh den leeren Humpen an!
Evoe Bacche! Evoe Bacche!
Humanam sequimur sortem—
Voluptas nulla post mortem!"

Мнѣ кажется, что я совсѣмъ одурѣлъ.

12 Января, Суббота. Кажется, я вчера порядочно отличился. Не вѣдаю, что́ думаетъ обо мнѣ амфитріонъ Андреевъ; но знаю, что я самъ о себѣ очень невысокаго мнѣнія. До сихъ поръ болитъ голова и самъ весь не свой. Для облегченія совѣсти, я все разсказалъ Альбини, который, насмѣявшись вдоволь моей проказѣ, велѣлъ мнѣ пить Зельцерскую воду: да будетъ она для меня водою забвенія! Хотя бы къ завтрему освѣжиться и не упустить репетиціи «Дмитрія Донскаго», на которую обѣщалъ меня взять Иванъ Аѳанасьевичъ, а тамъ что́ Богъ дастъ!

13 Января, Воскресенье. Я въ восторгѣ! У насъ не слыхано и не видано такой театральной пьесы, какою завтра Озеровъ будетъ подчивать публику. Роль Димитрія превосходна отъ перваго до послѣдняго стиха. Какое чувство и какія выраженія! Въ роляхъ Ксеніи, князя Бѣлозерскаго и Тверскаго есть мѣста восхитительныя, а поэтическій разсказъ боярина о битвѣ съ Татарами Мамая и единоборствѣ Пересвѣта съ Темиромъ и Димитрія съ Челубеемъ превосходитъ все, что́ только есть замѣчательнаго въ этомъ родѣ, и разсказъ Терамена не можетъ идти ни въ какое съ нимъ сравненіе. Оттого ли, что стихи въ трагедіи мастерски приноровлены къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, или мы всѣ вообще теперь еще глубже проникнуты чувствомъ

любви къ Государю и отечеству, только дѣйствіе, производимое трагедіею на душу, невообразимо. Стоя у кулисы, къ которой прислонилъ меня, какъ чучелу, пузатикъ Кобяковъ, я плакалъ, какъ ребенокъ; да и не я одинъ: мнѣ показалось, что и самъ Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей роли какъ будто захлебывался и глоталъ слезы. Это была послѣдняя репетиція трагедіи; завтра утромъ будетъ только одно небольшое повтореніе ролей, чтобъ актёры имѣли время успокоиться и приготовиться къ настоящему представленію.

Я былъ бы теперь въ совершенномъ отчаяніи, еслибъ, по милости пьянственнаго моего окаянства, чуть не уложившаго меня въ постель, не попалъ сегодня на эту репетицію и лишился такого благопріятнаго случая покороче познакомиться съ новою трагедіею и сойтись съ нѣкоторыми актёрами и особенно съ Яковлевымъ, который какъ-то пришелся мнѣ по душѣ. Онъ, говорятъ, иногда куликаетъ, да что до того за дѣло? Можно умѣренно и куликнуть съ человѣкомъ, который умѣетъ такъ сильно чувствовать красоты нашей поэзіи и мастерски передавать ихъ. Хотѣлось мнѣ, чтобъ Иванъ Аѳанасьевичъ представилъ меня князю Шаховскому и Озерову; но старикъ сказалъ: «теперь, душа, не время; видишь очень заняты; а вотъ послѣ». И въ самомъ дѣлѣ, князь Шаховской, очень толстый и неуклюжій человѣкъ, повидимому лѣтъ 35, плѣшивый, съ огромнымъ носомъ и писклывымъ голоскомъ, бѣгалъ и суетился на сценѣ: то училъ нѣкоторыхъ актёровъ, то кричалъ на статистовъ, то дѣлалъ колкія замѣчанія актрисамъ, то разговаривалъ съ Дмитревскимъ, то болталъ по-французски съ нѣкоторыми актерами и, наконецъ, поймавъ въ толпѣ актрису Самойлову, сталъ увѣрять ее, что какъ ни хороша она въ русалкахъ и въ другихъ глупыхъ роляхъ подобнаго рода, но была бы гораздо лучше въ роляхъ служанокъ; словомъ, князь Шаховской, не смотря на свою дородность, показался мнѣ какимъ-то неуловимымъ существомъ: *der Alte überall und nirgends* *). За то Яковлевъ—совершенный его антиподъ: когда, во время антракта, Дмитревскій представилъ меня ему, сказавъ, что мнѣ хочется съ нимъ познакомиться и что я самъ написалъ трагедію, въ которой есть очень хорошіе стихи, Яковлевъ только что улыбнулся, какъ-то искривя ротъ, и спросилъ меня:—«Вы откуда?» —«Изъ Москвы»—отвѣчалъ я.—«Бывали тамъ часто въ театрѣ?»—«Бывалъ, хотя и не такъ часто, какъ бы хотѣлось.»—«А съ Иваномъ Аѳанасьевичемъ гдѣ познакомились?»—«У Г. Р. Державина».—«У Державина? Вотъ что!» Потомъ, какъ бы подумавъ немного, спросилъ:—«Да вы служите гдѣ-нибудь?»—«Служу въ Иностранной Коллегіи съ

*) „Старикъ вездѣ и нигдѣ"—названіе одной изъ тогдашнихъ повѣстей. П. Б.

знакомцемъ вашимъ В. М. Ѳедоровымъ, который обѣщалъ меня познакомить съ вами.›—Гм... много у васъ дѣла?›—‹До сихъ поръ никакого.›—«Гм.. такъ заходите ко мнѣ по вечерамъ; когда не играю, я почти всегда сижу дома›.—‹Непремѣнно приду›.—‹Гм.. а съ кѣмъ вы еще знакомы изъ нашихъ?›—«Да недавно Кобяковъ познакомилъ меня съ Я. С. Воробьевымъ›.—‹Кобяковъ? Гм... а вы охотники до русалокъ?›.—‹Люблю и русалокъ, если ихъ хорошо играютъ.›—‹Гм... ну такъ до свиданія›.—И вотъ мой Яковлевъ пошелъ задумавшись опять расхаживать по сценѣ. Ему не болѣе 35 лѣтъ; онъ очень статенъ, лицо выразительное, физіономія задумчивая, голосъ очаровательный, говоритъ какъ бы нехотя и, кажется, вовсе не думаетъ о томъ, о чемъ говоритъ; во всемъ существѣ его есть что-то особенное, но привлекательное, и я увѣренъ, что, не смотря на угрюмость его, онъ долженъ быть одаренъ прекрасными качествами души и сердца. Да иначе и быть не можетъ: безъ теплой души, безъ нѣжнаго сердца, нельзя произнести такъ превосходно и съ такимъ глубокимъ чувствомъ:

„Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ;
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые, и въ память нашихъ дѣлъ
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ!...
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ,
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ!"

или:

„И вы, жестокіе, мнѣ предлагать могли
Безъ дружбы и любви скитаться на земли?"

и заставить почти всѣхъ плакать чуть не навзрыдъ. Какъ ни патетиченъ Шушеринъ въ нѣкоторыхъ сценахъ ‹Эдипа›, но никогда не сравнится съ Яковлевымъ въ способности такъ увлекать зрителей, потому что не имѣетъ физическихъ средствъ послѣдняго. Кажется, Яковлевъ вовсе не занимается своимъ туалетомъ. Волосы всклочены, галстухъ завязанъ кой-какъ, черный сюртукъ какъ будто шитъ не по его мѣркѣ: узокъ, и рукава очень коротки, точно онъ изъ него выросъ; изъ кармана торчитъ, вмѣсто носоваго платка, какая-то ветошка... словомъ, въ костюмѣ его замѣтна чрезвычайная небрежность и даже отсутствіе приличія.—Семенова прелестна: совершенный типъ древней Греческой красоты; при дневномъ свѣтѣ она еще лучше, чѣмъ при лампахъ, и повидимому большая щеголиха. Она была окутана въ бѣлую Турецкую шаль; на шеѣ жемчуги, а на пальцахъ брильянтовыхъ колецъ и перстней больше, чѣмъ на иной нашей Московской купчихѣ въ праздничный день. Думая, что съ ней также можно поболтать, какъ и съ милыми моими Нѣмецкими чечотками, я было подбѣжалъ къ ней

съ комплиментами насчетъ игры ея въ роли Антигоны—куда тебѣ! она взглянула на меня такъ презрительно и свирѣпо и такъ свысока промолвила: *чего съ?* что у меня отнялся языкъ, и я бросился поскорѣе назадъ, какъ будто наткнулся на вилы. Шушеринъ, сверхъ того, что талантъ превосходный, долженъ быть еще и очень умный человѣкъ, но едва ли имѣетъ доброе сердце. При всякой ошибкѣ кого изъ актеровъ онъ не упускалъ случая подмигивать кому-нибудь глазами, кивать головою и саркастически улыбаться. Роль свою читалъ онъ прекрасно, но тихо, жалуясь на слабость здоровья. Когда приходила очередь Щеникову читать свою роль князя Тверскаго, авторъ, сидѣвшій на сценѣ у директорской ложи, показывалъ явные знаки нетерпѣнія и неудовольствія, а князь Шаховской морщилъ лицо и одинъ разъ, обратясь къ Озерову, довольно громко сказалъ: «Что жъ дѣлать! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады».

Говорятъ, что Озеровъ чрезвычайно самолюбивъ; вѣрю: въ сознаніи своего превосходства предъ другими онъ имѣетъ все право быть самолюбивымъ; не идіотъ же онъ какой-нибудь, чтобъ не умѣлъ оцѣнить своего дарованія! Впрочемъ, кажется, надобно отличать самолюбіе отъ хвастовства; напр. Трофимъ Ѳедоровичъ Дурновъ, серьезно увѣряющій, что его картины превосходнѣе Рубенсовыхъ—хвастунъ; а Корреджіо, восхищающійся своею картиною и съ восторгомъ восклицающій: «anch'io sono pittore!» только самолюбивъ. Признаюсь, я не очень постигаю и того, почему всякій ремесленникъ, отъ простаго столяра до механика, можетъ, не страшась порицанія за свое тщеславіе, безнаказанно выхвалять доброту и пользу своихъ изобрѣтеній и произведеній, а литераторы, живописцы, ваятели, прославившіеся какими-нибудь произведеніями словесности или художества, лишены этого права, и еслибы захотѣли похвалить свои творенія, то подверглись бы осмѣянію. Это вопросъ, который бы слѣдовало разрѣшить академіи. Въ настоящемъ положеніи нашей литературы, когда никакія сочиненія, какъ бы они превосходны ни были, не приносятъ авторамъ никакой вещественной пользы, можно и должно, мнѣ кажется, извинять ихъ безкорыстное самолюбіе.

15 Января, Вторникъ. Вчера, по возвращеніи изъ спектакля, я такъ былъ взволнованъ, что не въ силахъ былъ приняться за перо, да признаться и теперь еще опомниться не могу отъ тѣхъ ощущеній, которыя вынесъ съ собою изъ театра. Боже мой, Боже мой! Что это за трагедія «Димитрій Донской» и что́ за Димитрій—Яковлевъ! Какое дѣйствіе производилъ этотъ человѣкъ на публику—это непостижимо и невѣроятно! Я сидѣлъ въ креслѣ и не могу отдать отчета въ томъ,

что со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди; меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ знобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то апплодировалъ изъ всей мочи, то барабанилъ ногами по полу—словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблока. Въ ложахъ сидѣло человѣкъ по десяти, а партеръ былъ набитъ биткомъ съ трехъ часовъ пополудни; были любопытные, которые, не успѣвъ добыть билетовъ, платили по 10 р. и болѣе за мѣсто въ оркестрѣ между музыкантами. Всѣ особы высшаго общества, разубранныя и разукрашенныя какъ будто на какое-нибудь торжество, помѣщались въ ложахъ бельэтажа и въ первыхъ рядахъ креселъ, и, не смотря на обычное свое равнодушіе, увлекались общимъ восторгомъ и также апплодировали и кричали *браво*! наравнѣ съ нами.

Въ половинѣ шестаго часа я пришелъ въ театръ и занялъ свое мѣсто въ пятомъ ряду креселъ. Только нѣкоторые нумера въ первыхъ рядахъ и нѣсколько ложъ въ бельэтажѣ не были еще заняты, а впрочемъ всѣ мѣста были уже наполнены. Нетерпѣніе партера ознаменовывалось апплодисментами и стучаньемъ палками; оно возрастало съ минуты на минуту — и не мудрено: три часа стоять на одномъ мѣстѣ не бездѣлка; я испыталъ это истязаніе; всякое терпѣніе лопнетъ. Однакожъ мало по малу наполнились и всѣ мѣста, оркестръ настроилъ инструменты, дирижёръ подошелъ къ своему пюпитру; но шести часовъ еще не било, и главный директоръ не показывался еще въ своей ложѣ. Но вотъ прибылъ и онъ, нетерпѣливо ожидаемый Александръ Львовичъ, въ голубой лентѣ по камзолу, окинулъ взглядомъ театръ, кивнулъ головой дирижеру, оркестръ заигралъ симфонію, и всѣ пріутихли, какъ бы въ ожиданіи какого-нибудь необыкновеннаго, таинственнаго происшествія. Наконецъ, съ послѣднимъ аккордомъ музыки занавѣсъ взвился, и представленіе началось.

Яковлевъ открылъ сцену. Съ перваго произнесеннаго имъ стиха: «Россійскіе князья, бояре» и проч. мы всѣ обратились въ слухъ, и общее вниманіе напряглось до такой степени, что никто не смѣлъ пошевелиться, чтобъ не пропустить слова; но при стихѣ:

„Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!"

вдругъ раздались такія рукоплесканія, топотъ, крики *браво* и проч., что Яковлевъ принужденъ былъ остановиться. Этотъ шумъ продолжался минутъ пять и утихъ не надолго. Едва Димитрій, въ отвѣтъ князю Бѣлозерскому, склонявшему его на миръ съ Мамаемъ, произнесъ:

„Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!“

шумъ возобновился съ бо́льшею силою. Но надобно было слышать, какъ Яковлевъ произнесъ этотъ стихъ! Этимъ однимъ стихомъ онъ умѣлъ выразить весь характеръ представляемаго имъ героя, всю его душу и, можетъ-быть, свою собственную. А какая мимика! Сознаніе собственнаго достоинства, благородное негодованіе, рѣшимость—всѣ эти чувства, какъ въ зеркалѣ, отразились на прекрасномъ лицѣ его. Словомъ, еслибы Яковлевъ не имѣлъ и никакой репутаціи, то, прослушавъ, какъ произнесъ онъ одинъ этотъ стихъ, нельзя было бы не признать въ немъ великаго мастера своего дѣла. Я не могу запомнить всѣхъ прекрасныхъ стиховъ въ сценѣ Димитрія съ посломъ Мамаевымъ; однакожъ, благодаря таланту Яковлева, нѣкоторые какъ бы насильно врѣзались въ память, какъ напр.:

„Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу Русскій князь покоренъ одному“;

или:

„Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой!“

Всѣ эти стихи, равно какъ и множество другихъ въ продолженіе всей трагедіи выражаемы были превосходно и производили въ публикѣ восторгъ неописанный; но въ послѣдней сценѣ трагедіи, когда, послѣ побѣды надъ Татарами, Димитрій, израненный и поддерживаемый собравшимися вокругъ него князьями, становится на колѣни и произноситъ молитву:

„Но первый сердца долгъ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки, вѣдайте—великъ Россійскій Богъ!“

Яковлевъ превзошелъ самъ себя. Какое чувство и какая истина въ выраженіи! Конечно, ситуація персонажа сама по себѣ возбуждаетъ интересъ, стихи безподобные; но играй роль Димитрія не Яковлевъ, а другой актеръ, я увѣренъ, эти стихи не могли бы никогда такъ сильно подѣйствовать на публику. За то и она сочувствовала великому актеру и поняла его: я думалъ, что театръ обрушится отъ ужасной суматохи, произведенной этими послѣдними стихами. Тотчасъ начались вызовы автора, котораго представилъ публикѣ Александръ Львовичъ изъ своей ложи; потомъ вызванъ былъ и Яковлевъ—неоспоримо главный виновникъ успѣха трагедіи.

О Шушеринѣ въ роли князя Бѣлозерскаго сказать нечего. Эта роль незначительна, и ему не было случаевъ развить своихъ дарованій; но Семенова была прелестна, особенно въ послѣдней сценѣ, когда Ксенія узнаётъ, что Димитрій живъ; она съ такимъ чувствомъ и съ такою естественностью проговорила:

„Оживаю...
И слезы радости я первы проливаю“,

что расцѣловалъ бы ее, голубушку. Я искренно простилъ ей это высокомѣрное и грубое *чего-съ?* которымъ поподчивала она меня на репетиціи. Можетъ быть, и самъ я не правъ, забывъ пословицу: *не спросясь броду, не суйся въ воду*; но все-таки можно было бы сказать мнѣ нѣсколько словъ поучтивѣе.

Сожалѣю, что, не имѣя передъ глазами трагедіи, которая еще не напечатана и появится въ печати только на сихъ дняхъ, я не въ состояніи обстоятельно обозначить тѣ мѣста въ которыхъ главныя дѣйствующія лица были особенно хороши; могу сказать только, что старикъ Сахаровъ превосходно прочиталъ поэтическій разсказъ боярина и мастерски передалъ описаніе единоборства Пересвѣта съ Темиромъ:

„Широкъ, могущъ плечьми, душою бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился
И такъ, какъ глыба съ горъ, съ нимъ вмѣстѣ мертвъ свалился“;

а послѣдніе прекрасные стихи, изображающіе бѣгство Татаръ и побѣду надъ ними:

„Имъ степь широкая, какъ узкая дорога—
И Русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога!“

передалъ съ такимъ одушевленіемъ и такъ живо и увлекательно, что возбудилъ всеобщій восторгъ. Сахаровъ, говорятъ, въ свое время игралъ первыя роли и почитался очень талантливымъ актеромъ. Не знаю, до какой степени это справедливо, но долженъ сказать, что и теперь онъ чтецъ превосходный.

Я слышалъ, что здѣсь не очень довольны Московскимъ директоромъ театра, П. Н. Приклонскимъ, и опять заговорили о назначеніи В. А. Всеволожскаго. Въ прошедшемъ году полагали, что онъ непремѣнно опредѣленъ будетъ; да и чего бы лучше? Человѣкъ богатый, гостепріимный, живетъ бариномъ, на открытую ногу, страстный охотникъ до музыки, имѣетъ собственный оркестръ, любитель театра и всякихъ общественныхъ увеселеній. Такихъ людей со свѣчей поискать; нѣтъ сомнѣнія, что назначеніе Всеволожскаго оживило бы театръ и ободрило бы актеровъ.

16 Января, Среда. «Дмитрій Донской» надѣлалъ такого шума, что только о немъ и говорятъ. При всякой встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ можешь быть увѣренъ, что встрѣтишь и вопросъ: *что, видѣли ли Донскаго*? А каковъ Яковлевъ? Озеровъ Озеровымъ; но мнѣ кажется, что Яковлевъ въ событіи представленія играетъ первую роль. Пожалуй, скажутъ, что это несправедливо, а я такъ думаю напротивъ. Автору воздаяніе впереди—потомство; а послѣ актёра, будь онъ хоть семи пядей во лбу, что̀ останется? Преданіе лѣтъ на пятьдесятъ, да и то преданіе сбивчивое и невѣрное; потому что если онъ и живой подвергается оцѣнкѣ произвольной, то о мертвомъ, какъ толковать ни станутъ, повѣрки не будетъ, а между тѣмъ охотниковъ глодать кости мертвыхъ—многое множество; слѣдовательно, пусть актёръ и наслаждается при жизни преимущественно предъ авторомъ своими успѣхами.

Когда сегодня за обѣдомъ въ павильонѣ я разсказывалъ о произведенномъ на меня впечатлѣніи трагедіею и Яковлевымъ, хозяинъ и хозяйка захохотали. «Mais vous êtes un enfant: une tragédie russe et un Yacovleff!»—Признаюсь, это мнѣ не понравилось.—«Mais avez vous jamais vu Yacovleff?»—«Oh! qui donc ira voir vos saltimbanques?» *)—Я смолчалъ, но у меня какъ будто оборвалось сердце. Графъ Монфоконъ принялъ мою сторону, и такъ какъ, видно, судьбою предназначено, чтобъ ни одинъ обѣдъ не проходилъ безъ горячаго спора, то онъ и начался, какъ говорится, «à couteaux tirés». Я былъ въ отчаяніи, что мнѣніе мое сдѣлалось яблокомъ раздора, но вмѣстѣ былъ и доволенъ, что нашелъ за себя такого неустрашимаго воителя, каковъ былъ старый графъ, который перекричалъ всѣхъ и одержалъ полную побѣду. Патеръ Локманъ какъ-то однажды объявилъ мнѣ, что всѣ эти споры за обѣдомъ предпринимаются единственно для сваренія желудка; я начинаю этому вѣрить, потому что, едва вышли изъ-за стола и помѣстились въ гостиной у камина, междоусобіе прекратилось, и водворилось прежнее сердечное согласіе. Между тѣмъ кстати о трагедіяхъ и трагическихъ актерахъ: Монфоконъ, котораго иногда величаютъ Monsieur de Lyon (потому что настоящій титулъ его Monfaucon, comte de Lyon), за чашкою кофе разсказалъ намъ нѣсколько анекдотовъ о Ларивѣ, изъ которыхъ одинъ довольно занимателенъ.

Ларивъ, играя въ Марсели какую-то роль, въ которой находилось очень поэтическое описаніе Апеннинскихъ горъ, такъ мастерски умѣлъ изобразить всѣ ужасы дикихъ пустынь, страшныхъ пещеръ, глубокихъ пропастей, непроходимость и мракъ лѣсовъ съ ихъ свирѣпыми обита-

*) Но вы ребенокъ: Русская трагедія и Яковлевъ!—Но вы когда-нибудь видѣли Яковлева?—О, кто же пойдетъ смотрѣть на ваши балаганы!

телями, медвѣдями и волками, что поразилъ зрителей. Послѣ представленія, одинъ богатый негоціантъ прислалъ ему дюжину стараго Апеннинскаго вина при запискѣ, что, въ уваженіе столь превосходнаго произведенія Апеннинъ, онъ помирится съ страною, столь ужасно имъ изображаемою. Ларивъ нашелъ вино по своему вкусу—и что же? съ тѣхъ поръ онъ никогда не могъ повторить повѣствованія объ Апеннинахъ съ прежнимъ увлеченіемъ и произвести прежнее впечатлѣніе на публику. Онъ признавался, что воспоминаніе о проклятомъ винѣ съ перваго стиха знаменитаго повѣствованія невольно поражало его воображеніе и отнимало у него всю энергію до такой степени, что онъ вынужденъ былъ передать роль другому актёру.

Вотъ еще замѣтка для психологовъ.

17 Января, Четвергъ. Въ Коллегіи толкуютъ, что у насъ будетъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ. Не знаю, каковъ онъ будетъ, если будетъ; но знаю, что объ увольненіи настоящаго *) едва ли кто тужить станетъ. Кажется, между нимъ и его сослуживцами существуетъ взаимное равнодушіе: une parfaite indifférence.

Политики наши высчитали, что учрежденіе милиціи доставитъ государству съ 31-ой губерніи 612,000 охраннаго войска; а о пожертвованіяхъ, которыя такъ охотно предлагаются всѣми состояніями народа, нечего и говорить: увѣряютъ, что денегъ достанетъ и передостанетъ на всѣ потребности и издержки военныя, тѣмъ болѣе, что есть еще губерніи, не вошедшія въ составъ милиціи и обязанныя ставить только провіантъ, фуражъ и разные другіе припасы. Между тѣмъ на сихъ дняхъ учрежденъ особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся до нарушенія общественнаго спокойствія. Слава Богу! Пора обуздать болтовню людей неблагонамѣренныхъ; можетъ быть, иные врутъ и по глупости, находясь подъ вліяніемъ Французовъ; но и глупца унять должно, когда онъ вреденъ. А сверхъ того, не надобно забывать, что нѣтъ глупца, который бы не имѣлъ своихъ подражателей:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire;

слѣдовательно, учрежденіе комитета какъ разъ во̀-время. Предсѣдателемъ назначенъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, а постоянными членами сенаторы Макаровъ и Новосильцовъ; въ случаѣ же нужды, будутъ присутствовать въ немъ Санктпетербургскій главнокомандующій С. К. Вязмитиновъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей.

Сказывали, что всѣ Французскіе актёры и другія лица, подданныя Франціи и государствъ отъ нея зависящихъ, принадлежащія къ вѣдом-

*) Андрея Яковлевича Будберга. П. Б.

ству театральной дирекціи, съ величайшею готовностью присягнули въ томъ, что они, на основаніи указа 28-го минувшаго Ноября, во все время настоящей войны, никакихъ сношеній ни съ кѣмъ во Франціи и подвластныхъ ей областяхъ ни подъ какимъ предлогомъ имѣть не будутъ, и что, въ противномъ случаѣ, предаютъ себя безусловно всякому взысканію, какому наше правительство подвергнуть ихъ заблагоразсудитъ. Сверхъ того, они будто бы предлагали даже и принять подданство; но Александръ Львовичъ объявилъ имъ, что Государь не требуетъ отъ нихъ этого пожертвованія.

А каково содержаніе, опредѣляемое Французскимъ плѣннымъ! Генераламъ назначается въ сутки по 3 р., полковникамъ по 1 р. 50 коп., майорамъ по 1 р., прочимъ офицерамъ по 50 коп., унтеръ-офицерамъ по 7 к. и рядовымъ по 5 к.; сверхъ того, послѣдніе нижніе чины будутъ получать пайки противу нашихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Да это такая милость, какой, вѣрно, они не ожидали, и неудивительно будетъ, если наши непріятели охотно будутъ сдаваться въ плѣнъ.

18 Января, Пятница. Возвращаясь изъ Коллегіи, встрѣтилъ Государя, прогуливающагося пѣшкомъ. При взглядѣ на его прекрасное, кроткое и спокойное лицо, много думъ возникаетъ въ головѣ, много чувствованій возрождается въ сердцѣ! Если всякому изъ насъ такъ сладостно быть любиму и однимъ человѣкомъ, то что́ долженъ ощущать онъ, котораго обожаютъ мильоны людей? Я думаю, что никому изъ вѣнценосцевъ не могутъ быть такъ приличны стихи Расина, какъ ему, доброму и мудрому нашему Государю.

Quel bonheur de penser et de dire en soi-même:
Partout dans ce moment on me bénit, on m'aime!
On ne voit point le peuple à mon nom s'alarmer,
Le Ciel dans tous les pleurs ne m'entend point nommer;
La sombre inimitié ne fuit point mon visage,
Je vois voler partout les coeurs à mon passage!

Ей-Богу, кого только ни встрѣтишь изъ порядочныхъ людей, будь онъ Русскій, Французъ, Нѣмецъ, Чухонецъ какой-нибудь, навѣрно услышишь искреннія ему благословенія.

У Гаврила Романовича обѣдали О. П. Козодавлевъ и Дмитревскій. Осипъ Петровичъ, кажется, добрый и привѣтливый человѣкъ, любитъ литературу и говоритъ обо всемъ очень разсудительно; онъ также старый знакомецъ И. И. Дмитріева, распрашивалъ меня о его житьѣ-бытьѣ и, между прочимъ, чрезвычайно интересовался университетомъ; хвалилъ покойнаго Харитона Андреевича, называя его настоящимъ *Русскимъ ученымъ*, и радовался, что Страховъ занялъ его мѣсто, при-

совокупивъ, что лучшаго преемника Чеботареву найти невозможно, и что Михайло Никитичъ *) весьма его уважаетъ. Говорили о «Димитріи Донскомъ», и на вопросъ Гаврила Романовича Дмитревскому, какъ онъ находитъ эту трагедію въ отношеніи къ содержанію и вѣрности исторической, Иванъ Аѳанасьевичъ отвѣчалъ, что, конечно, вѣрности исторической нѣтъ, но что она написана прекрасно и произвела удивительный эффектъ. «Не о томъ спрашиваю»; сказалъ Державинъ: «мнѣ хочется знать, на чемъ основался Озеровъ, выведя Димитрія влюбленнымъ въ небывалую княжну, которая одна одинехонька прибыла въ станъ и, вопреки всѣхъ обычаевъ тогдашняго времени, шатается по шатрамъ княжескимъ да разсказываетъ о любви своей къ Димитрію».— «Ну, конечно», отвѣчалъ Дмитревскій, «иное и не вѣрно, да какъ быть! Театральная вольность, а къ тому же и стихи прекрасные: очень эффектны». Державинъ замолчалъ, а Дмитревскій, какъ бы опомнившись, что не прямо отвѣчалъ на вопросъ, продолжалъ: «Вотъ изволите видѣть, ваше высокопревосходительство, можно бы сказать и много койчего насчетъ содержанія трагедіи и характеровъ дѣйствующихъ лицъ; да обстоятельства не тѣ, чтобъ критиковать такую патріотическую пьесу, которая явилась такъ кстати и имѣла неслыханный успѣхъ. Впрочемъ, надобно благодарить Бога, что есть у насъ авторы, посвящающіе свои дарованія театру безвозмездно, и такихъ людей, особенно съ талантомъ Владислава Александровича, пріохочивать и превозносить надобно; а то, неравно, Богъ съ нимъ, обидится и перестанетъ писать. Нѣтъ, ужъ лучше предоставимъ всякую критику времени: оно возьметъ свое, а теперь не станемъ огорчать такого достойнаго человѣка безвременными замѣчаніями».

Я увѣренъ, что у старика много кой-чего есть на умѣ, да онъ боится промолвиться; а любопытно было бы знать настоящія его мысли о «Димитріи». Яковлева онъ очень хвалитъ, однакожъ всегда не безъ прибавленія своего: *ну, конечно, можно бы и лучше, да какъ быть*! Между прочимъ, разсказывалъ онъ, что въ Парижѣ случилось ему однажды быть свидѣтелемъ любопытнаго состязанія въ искусствѣ декламаціи между актрисою Клеронъ и Гаррикомъ; это произошло на званномъ ужинѣ у первой, которая жила какъ принцесса и принимала у себя великолѣпно все лучшее общество. Гости непремѣнно желали, чтобъ она заставила Гаррика что нибудь продекламировать, но тотъ отказывался подъ разными предлогами; наконецъ, Клеронъ, истощивъ всѣ средства къ понужденію Гаррика удовлетворить желанію ея общества, вдругъ встала съ своего мѣста и, пригласивъ любимца своего

*) Муравьевъ, попечитель Московскаго Университета, жившій въ Петербургѣ. П. Б.

молодаго Ларива отвѣчать ей, продекламировала вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько лучшихъ сценъ изъ «Медеи». Всѣ гости пришли въ восторгъ; а Гаррикъ, подумавъ немного, сказалъ, что онъ понимаетъ, почему великая актриса нарушила обыкновенное свое правило не декламировать ни предъ кѣмъ внѣ театральной сцены, и потому признаётъ себя обязаннымъ отвѣтствовать ей такою же учтивостью. Съ этимъ словомъ онъ всталъ изъ-за стола и продекламировалъ сцену съ привидѣніемъ изъ «Гамлета». Несмотря на то, что многіе изъ присутствовавшихъ не знали по-англійски, онъ навелъ на нихъ ужасъ одною своею мимикою. Мамзель Клеронъ была въ восхищеніи и, въ доказательство своей признательности *къ первому современному актеру*, какъ она его называла (для того, чтобъ уколоть честнаго Лекена, съ которымъ была не въ большихъ ладахъ), безподобно продекламировала монологъ изъ «Альзиры»: Mânes de mon amant, j'ai donc trahi ta foi! Гаррикъ съ своей стороны не захотѣлъ остаться у ней въ долгу и тотчасъ же началъ декламировать извѣстный монологъ Гамлета To be or not to be, съ такою силою, и съ такимъ чувствомъ, что мы были поражены. Такимъ образомъ оба великіе артиста другъ передъ другомъ въ запуски декламировали лучшія сцены изъ своихъ ролей: Клеронъ изъ Герміоны, Шимены и Аменаиды, а Гаррикъ изъ Лира и Макбета. «Я не могу забыть этого вечера», продолжалъ Дмитревскій, «и до сихъ поръ не надивлюсь, какъ эти люди безъ всякихъ пособій къ театральной иллюзіи могли производить такое невѣроятное впечатлѣніе на своихъ слушателей. Правда, все общество составлено было изъ восторженныхъ любителей театра, какихъ теперь мы болѣе не встрѣчаемъ, но между тѣмъ надобно отдать справедливость и увлекательности таланта прежнихъ превосходныхъ актеровъ. Подъ конецъ ужина, мамзель Клеронъ пожелала, чтобъ я продекламировалъ что-нибудь изъ Русской трагедіи; но я рѣшительно отказался, потому что чувствовалъ свое безсиліе и только по неотступной ея просьбѣ дать ей нѣкоторое понятіе о звукахъ и гармоніи Русскаго языка, прочиталъ куплеты Сумарокова: *Время проходитъ, время летитъ* и прочее. Она слушала съ большимъ вниманіемъ; и когда я кончилъ, пресерьезно сказала: je n'y comprend rien, mais cela doit être charmant *). Настоящая Француженка!»

19 Января, Суббота. Сегодняшній вечеръ провелъ у Яковлева. Засталъ его одного. Онъ сидѣлъ задумчиво на диванѣ и читалъ какую-то книгу; на столикѣ лежало нѣсколько другихъ книгъ и стоялъ недо-

*) Ничего тутъ не понимаю, но должно быть прелестно!

питый стаканъ пунша. При входѣ моемъ онъ нѣсколько привсталъ и указалъ мнѣ мѣсто возлѣ себя, примолвивъ довольно сухо: «милости просимъ». Я сѣлъ и ожидалъ отъ него какого-нибудь вопроса, чтобъ начать разговоръ; но онъ молчалъ, вѣроятно ожидая отъ меня перваго слова. Наконецъ, подумавъ, что я пришелъ къ нему не въ молчанку же играть, я рѣшился прекратить это смѣшное безмолвіе. «Не помѣшалъ ли я вамъ?» спросилъ я его, «вы что-то читали?» — «Да», отвѣчалъ онъ, перелистывая книгу; «а передъ тѣмъ читалъ другую, Плутарха. «In varietate voluptas», сказалъ я.— «А это что́ значитъ?» — «Въ разнообразіи наслажденіе». Яковлевъ посмотрѣлъ на меня и вдругъ спросилъ: «а вы знаете по-латини?» — «Немного знаю», отвѣчалъ я, «но лучше знаю по-славянски» — «Не въ семинаріи ли учились?» — «Нѣтъ, до̀ма и въ Московскомъ университетѣ».— «Иванъ Аѳанасьичъ, помните, сказывалъ на репетиціи, что вы написали трагедію».— «Написалъ и, кажется, очень плохую». Яковлевъ опять очень выразительно посмотрѣлъ на меня. «Какъ же плохую? Иванъ Аѳанасьичъ при васъ же говорилъ, что въ ней есть стихи очень хорошіе.» — «Въ томъ-то и бѣда, Алексѣй Семенычъ, что одни стихи не составляютъ трагедіи, и я, къ сожалѣнію, догадываюсь о томъ поздно».— «Странно!» – «Ничего не странно, Алексѣй Семенычъ; согрѣшивъ, лучше поскорѣй покаяться, чѣмъ упорствовать въ своемъ заблужденіи.» — «Да вы, я вижу, большой чудакъ! Не хотите ли пуншу?» — «Давайте пуншу; я мало пью, но съ вами выпью стаканъ съ удовольствіемъ». Яковлевъ какъ будто оживился и громко закричалъ: «Семеніусъ!» Вошелъ слуга толстый и неуклюжій. «Принеси пуншу! Да вы какой любите, слабый или покрѣпче?» «Все равно, какой подадутъ, такой пить и буду.» — «Ну, такъ это значитъ: покрѣпче».— «Пожалуй хоть покрѣпче».— «А были ли вы въ Донскомъ?» — «Былъ и отъ души любовался вами: плакалъ какъ дуракъ и неистовствовалъ вмѣстѣ съ другими отъ восторга. Не хочу говорить вамъ комплиментовъ: вы не нуждаетесь въ нихъ; но долженъ сказать, что вы превзошли мои ожиданія. Я восхищался Шушеринымъ и Плавильщиковымъ въ роли Эдипа; но въ роли Димитрія вы совершенно овладѣли всѣми моими чувствами».— «Такъ вы видѣли Эдипа? Я не люблю роли Тезея и всегда играю ее съ неудовольствіемъ».— «Я это замѣтилъ».— «Какъ замѣтили?» — «Да такъ. Вы играли ее, что̀ называется, куды зря, и я не могъ предполагать, чтобъ актеръ съ вашими средствами и съ вашей репутаціей могъ играть такъ небрежно безъ особенной причины.» — «Да вы, я вижу прозорливы. А который вамъ годъ?» — «Осьмнадцатый въ исходѣ».— «А на видъ старше».— «Много прочувствовалъ, Алексѣй Семенычъ».— «Не бойсь, были влюблены?» — «Былъ и есть». Яковлевъ глубоко вздохнулъ и залпомъ осушилъ свой стаканъ

пуншу. «Вы сказали, что знаете хорошо по-славянски, такъ слѣдовательно, хорошо знаете и Библію?»—«Знаю, Алексѣй Семенычъ, отъ книги Бытія до Апокалипсиса, и чувствую всѣ высокія красоты Священнаго Писанія». Тутъ я очутился въ своей сферѣ и, грѣшный человѣкъ, не упустилъ воспользоваться случаемъ пустить пыль въ глаза удивленному Яковлеву, который, вѣроятно думалъ, что онъ одинъ только знаетъ Библію. Я прочиталъ ему наизустъ пѣснь Моисея, лучшія мѣста изъ «Пророковъ», изъ «Притчей», изъ «Премудрости Соломона» и «Сираха», нѣсколько главъ изъ евангелія Іоанна Богослова, указалъ на всѣ высокія мѣста въ посланіяхъ апостольскихъ, такъ что мой Яковлевъ слушалъ меня съ величайшимъ изумленіемъ. «Теперь простите (сказалъ я ему), иду домой записывать въ свой журналъ нашу съ вами бесѣду».—«Для чего же это?»—«Для того, что имѣю привычку записывать всѣ ежедневные случаи моей жизни».—«Такъ поэтому вы человѣкъ опасный?»—«Не для васъ, Алексѣй Семенычъ, а скорѣе для себя, потому, что въ запискахъ своихъ не щажу одного только себя».—«Неужто же записываете и грѣшки свои?»—Непремѣнно, если эти грѣшки сопряжены съ ощущеніями души или съ чувствованіями сердца».— «Ну, послушайте, выпьемъ еще по стакану пуншу».—«Согласенъ, только съ условіемъ, чтобъ вы прочитали мнѣ что-нибудь».—«Пожалуй; да что̀ же и зачѣмъ я читать буду? Вы и такъ можете видѣть и слышать меня за мѣдный рубль».—«Прочитайте, что̀ хотите, я люблю вашъ органъ и вашу дикцію: они доходятъ до сердца».—Развѣ что нибудь изъ Державина, напримѣръ «На смерть князя Мещерскаго?»—«Чего же лучше? Давайте, я пожалуй буду суфлировать вамъ».—«Не нужно; я знаю прежняго Державина наизустъ». И вотъ Яковлевъ, закричавъ опять: «Семеніусъ—пуншу», пріосанился и началъ: «Глаголъ временъ, металла звонъ» и проч.

Онъ читалъ прекрасно; но когда дошелъ до стиховъ

Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

то произнесъ ихъ съ такою невѣроятно-страшною выразительностью, что меня затрепала лихорадка, и мнѣ показалось, что смерть съ угрожающимъ видомъ точно стоитъ передо мною. Я долго не могъ прійдти въ себя, и только опомнился, когда Яковлевъ кончилъ уже всю оду.

Мы разстались искренними друзьями, давъ другъ другу слово видѣться сколь возможно чаще. На прощаньѣ Яковлевъ сказалъ мнѣ: «вѣдь я и самъ давнишній стихотворецъ; когда-нибудь прочитаю вамъ

и свое маранье; только прошу не взыскать — самоучка!» Слушать стихи его буду, но пуншу пить не стану: это какой-то ѳмегъ.

20 Января, Воскресенье. Балъ у Воеводскихъ былъ пренарядный; между танцующими я видѣлъ много пригожихъ женщинъ и ловкихъ кавалеровъ; но пригожѣе хозяйки и ловче бывшаго соученика моего въ пансіонѣ Ронка̀, Петра Валуева, никого не замѣтилъ. Въ числѣ гостей находилось много очень извѣстныхъ людей и, между прочимъ, графъ П. В. Завадовскій, общій опекунъ, какъ его называли; Ѳ. А. Голубцовъ [1]); сенаторы: И. А. Алексѣевъ, толстый и угрюмый, Н. А. Беклешовъ, братъ бывшаго Московскаго градоначальника, небольшаго роста старичокъ съ круглымъ добродушнымъ лицомъ и веселою физіономіею; графъ Ильинскій, котораго мнѣніе, данное въ Сенатѣ, такъ сдѣлалось народнымъ; А. А. Саблуковъ, оракулъ Воспитательнаго Дома и А. С. Макаровъ, членъ Новаго Комитета для разсмотрѣнія дѣлъ о нарушеніи общественнаго спокойствія. Эти матадоры играли въ карты. Милая хозяйка приглашала меня танцовать и даже указывала мнѣ дамъ, которыхъ бы я ангажировать могъ; но я рѣшительно отказался, не желая срамить себя и несчастную даму, которая бы имѣла неосторожность взять меня въ свои кавалеры. На отказъ мой безподобная Катерина Петровна шутя спросила меня: «Mais à quoi donc êtes vous bon? Vous ne dansez pas et ne jouez pas».— A vous admirer, madame» [2]), отвѣчалъ я, и такъ вдругъ сконфузился отъ пошлаго своего комплимента семидесятыхъ годовъ, что хоть бы провалиться сквозь землю. Съ отчаянья подсѣлъ я къ А. И. Ададуровой и проболталъ съ нею до самаго ужина. Она пѣняла мнѣ, что вовсе почти у нихъ не бываю, да что же дѣлать? Всюду поспѣть невозможно; а если иногда и поспѣешь, то зачѣмъ? Отъ лишняго разсѣянія черствѣетъ и ржавѣетъ душа.

21 Января, Понедѣльникъ. Въ обращеніи И. К. Вестмана съ нами есть много сходства съ обращеніемъ Антонскаго съ своими пансіонерами. Помидимому, онъ также не обращаетъ большаго вниманія на поведеніе своихъ подчиненныхъ, также ласковъ и снисходителенъ, никогда никому не дѣлаетъ выговоровъ, а умѣетъ держать себя такъ, что всѣ его уважаютъ и даже боятся. Онъ, рѣшительно можно сказать, умный и добрый человѣкъ стараго покроя. Сегодня, проходя изъ Секретной Экспедиціи, онъ встрѣтилъ меня въ бесѣдѣ съ 95-лѣтнимъ сторожемъ Воронинымъ и удивился, о чемъ я могу разговаривать съ сто-

[1]) Тогдашній министръ финансовъ. П. Б.

[2]) Такъ на что же вы годны? Вы не танцуете и не играете.—На то, чтобы васъ обожать, сударыня.

рожемъ. Я сказалъ ему, что Воронинъ преинтересное существо и былъ очевидцемъ такихъ происшествій, которыя мы знаемъ только по преданіямъ, и то не всегда вѣрнымъ. Онъ улыбнулся и спросилъ меня, отчего я не хожу въ нашъ архивъ къ П. Г. Дивову, у котораго бы я нашелъ много любопытной старины и, между прочимъ, имѣлъ бы случай изучить наши трактаты съ иностранными державами, что̀ необходимо нужно для человѣка, посвящающаго себя дипломатикѣ. У меня давно вертѣлось въ головѣ ходить, отъ нечего дѣлать, въ архивъ къ Дивову, но боялся потревожить его; потому что нѣтъ ничего несноснѣе для человѣка занятаго дѣлами, какъ посѣщенія людей праздныхъ; но И. К. развязалъ мнѣ руки, и я отправился къ Дивову.

П. Г. Дивовъ умный, образованный и обходительный человѣкъ, и я, право, не знаю, почему я такъ его пугался; развѣ оттого, что онъ такой же начальникъ архива, какъ и Н. Н. Бантышъ-Каменскій, который, Богъ вѣсть почему, прослылъ медвѣдемъ, между тѣмъ какъ, несмотря на его угрюмость (послѣдствіе невѣроятнаго трудолюбія и сидячей, уединенной жизни) онъ одинъ изъ добрѣйшихъ людей въ свѣтѣ. Но Дивовъ даже и неугрюмъ, а имѣетъ всѣ пріемы настоящаго дипломата и большой охотникъ поговорить. Онъ радъ былъ моему приходу и предложилъ мнѣ сообщить все, что́ въ его распоряженіи находится, кромѣ нѣкоторыхъ заповѣдныхъ бумагъ, которыя безъ особаго предписанія никому не сообщаются. Зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ о томъ? Отъ этихъ словъ я вдругъ потерялъ всю охоту рыться въ другихъ бумагахъ. Со мною случилось тоже, что́ съ однимъ искателемъ кладовъ, который, найдя корчагу серебряныхъ монетъ, пренебрегъ ею для того, что возлѣ находилась другая, съ золотыми, ему недоступная. Такова натура человѣческая. Впрочемъ, я считаю и то уже настоящимъ кладомъ, что мои утра проходить будутъ не въ однихъ толкахъ о Троянской войнѣ, недостаткѣ дичи по берегамъ Финскаго залива и завидномъ искусствѣ дѣлать конверты безъ пособія ножницъ. Дивовъ, какъ сказалъ я, любитъ поговорить; но онъ не безъ свѣдѣній, и разговоръ его всегда à la hauteur des évènements du jour *), да, сверхъ того, иногда въ немъ проскакиваютъ довольно счастливыя мысли; напримѣръ, разговаривая съ статскимъ совѣтникомъ Званцовымъ, который жаловался на молчаніе одного изъ лучшихъ друзей своихъ, находящагося при посольствѣ въ Неаполѣ, Дивовъ сказалъ, что на такихъ людей, каковъ пріятель Званцова, сѣтовать не должно, потому что свойство ихъ привязываться только къ тѣмъ предметамъ, которые у нихъ передъ глазами. «Они похожи на желѣзные опилки (прибавилъ Дивовъ), которые

*) На высотѣ современныхъ событій.

притягиваются магнитомъ только въ близкомъ разстояніи». Говоря о нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ богатыхъ фамилій, состоящихъ на службѣ въ Коллегіи, не занимающихся дѣломъ и ничего не знающихъ, а между тѣмъ почитающихъ себя великими мудрецами, онъ сказалъ, что недостатки ихъ происходятъ оттого, что имъ всѣ льстили съ дѣтства, отъ математическаго учителя до танцовальнаго; и было бы гораздо полезнѣе посылать ихъ учиться въ манежъ, потому что лошадь не льститъ: неумѣлаго тотчасъ сшибетъ, будь онъ богатъ, какъ Крезъ.

22 Января, Вторникъ. Помнится, въ одномъ Московскомъ журналѣ напечатана была, года три назадъ, въ примѣръ высокопарной галиматьи, шуточная ода Пегасу, начинавшаяся такъ:

„Сафиро-храбро-мудро-ногій
Лазурно-бурый конь Пегасъ"

и оканчивавшаяся преуморительнымъ наборомъ словъ. Надняхъ появилась другая ода, уже нешуточная, а серьёзная и пресерьёзная, и не Пегасу, а смѣлому его наѣзднику, В. А. Озерову; эту оду, состряпанную какимъ-то рифмоплётомъ и напечатанную въ театральной типографіи, можно смѣло поставить въ рядъ съ вышеписанной ахинеею. Вотъ ея начало:

„О музъ прелестно-вѣчно-юныхъ
Наперсникъ и усердный жрецъ!
Твои громозвучащи струны
Суть упоенье для сердецъ;
Когда рука твоя пріяла
Свой остро-пламенный рѣзецъ,
Она Эдипа начертала.
Ты нынѣ Дмитрія творецъ".

Окончаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ началу. Вотъ, покамѣстъ, единственный поэтическій вѣнокъ нашему Эврипиду.

Я слышалъ отъ Французскаго актёра Флоріо, что Французскій театръ въ Москвѣ не новость, и что, лѣтъ пятнадцать назадъ, пріѣзжала въ Москву изъ Швеціи Французская труппа подъ дирекціею родственника его, Воланжа, отличнаго актёра. Къ сожалѣнію, эта труппа пробыла недолго, потому что выручка за представленія не покрывала расходовъ. Флоріо сказывалъ, что, кромѣ Воланжа, нѣкоторые сюжеты, какъ то Каронъ и мадамъ Дюплесси, были артисты весьма талантливые. Видно на все мода!

23 Января, Среда. Говорятъ, что генералъ Беннигсенъ, послѣ побѣды надъ Французами при Пултускѣ, теперь покамѣстъ играетъ съ ними въ шахматы, то есть они только маневрируютъ въ ожиданіи

благопріятнаго случая напасть другъ на друга. Въ нѣкоторыхъ стычкахъ Беннигсенъ имѣлъ преимущество и однажды разбилъ Бернадота. Утверждаютъ, однакожъ, что скоро должно ждать рѣшительныхъ вѣстей изъ арміи. Между тѣмъ вся Русь поднимается или, вѣрнѣе сказать, поднялась: милиція сформирована, и всѣхъ, отъ мала до велика, обуялъ какой-то воинственный духъ.

Дирижёръ оркестра въ Нѣмецкомъ театрѣ, Калливода, хорошій и сообщительный человѣкъ, далъ прочитать мнѣ прекрасный эстетическій разборъ всѣхъ твореній Моцарта, изданный подъ заглавіемъ: «Mozart's Geist. Она такъ понравилась мнѣ, что я тотчасъ же отнесъ ее къ математику-музыканту П. А. Рахманову, который не имѣлъ о ней никакого понятія. Онъ былъ въ восторгѣ и немедленно поскакалъ въ книжныя лавки отыскивать для себя эту книгу, которая, по его увѣренію, будетъ у него настольною.

Давича наша Гамбургская газета, Викулинъ, восхищающійся всѣмъ, что̀ только пахнетъ Англіею и Англичанами, разсказывалъ, что онъ читалъ какую-то статистическую книгу, въ которой подробно описаны всѣ пути сообщенія въ Англіи, и въ примѣръ необыкновеннаго ума и предпріимчивости Англичанъ приводилъ устройство двухъ каналовъ въ Сутамптонѣ, большаго и маленькаго, называемаго Ребричъ, одного возлѣ другаго, такъ что по одному плаваютъ большія суда, а по другому маленькія. «Умно придумано, сказалъ Приклонскій, и похоже на то, что̀ сдѣлалъ одинъ хозяинъ, построивъ амбаръ: онъ прорубилъ въ немъ двѣ лазеи, одну побольше, а другую поменьше: одну для кошекъ, а другую для котятъ». Мы померли со смѣху.

24 Января, Четвергъ. Эйнбродтъ сказывалъ, что старѣйшій изъ лейбъ-медиковъ, докторъ Рожерсонъ, бывшій любимый лейбъ-медикъ Великой Екатерины, находитъ, что кислая капуста, соленые огурцы и квасъ въ гигіеническомъ отношеніи чрезвычайно полезны для нашего Петербургскаго простонародья и предохраняютъ его отъ разныхъ болѣзней, которыя бы въ немъ развиться могли отъ вліянія климата и неумѣреннаго во всѣхъ случаяхъ образа жизни. Рожерсонъ употребляетъ самъ охотно кислую капусту въ сыромъ видѣ и предписываетъ ее своимъ паціентамъ отъ припадковъ желчи; но за то кислую капусту вареную или поджаренную въ маслѣ онъ находитъ чрезвычайно обременительною для желудка и такъ приготовленную не совѣтуетъ употреблять въ пищу. Докторъ Рожерсонъ высокій, худощавый, серьезный старикъ, имѣетъ много опытности и, сверхъ медицинскихъ познаній, пользуется славою ученаго человѣка. Говорятъ, что онъ не очень любитъ Франка, котораго считаетъ за представителя ненавистныхъ ему Нѣмецкихъ теорій въ медицинѣ.

Вечера́ моего хозяина по Четвергамъ, право, очень веселы, и докторъ Торсбергъ мастеръ угощать своихъ знакомыхъ и самъ себя угощаетъ безъ церемоніи. Прелюбезный карапузикъ! Удивляется, что я плачу́ ему за квартиру впередъ и сегодня превозносилъ меня Эллизену и Альбини за то, что я живу тихо и не играю въ карты. Вотъ нашелъ добродѣтель! Это все равно, что уважать человѣка за то, что онъ не воруетъ изъ кармана платковъ.

Впрочемъ, пусть его прославляетъ меня: это все-таки лучше, чѣмъ еслибъ онъ относился обо мнѣ худо. Сколько я въ короткое время пребыванія моего въ Петербургѣ замѣтить могъ, репутацію молодыхъ людей дѣлаютъ, во первыхъ, хозяева домовъ, а послѣ нихъ дворники и сидѣльцы въ мелочныхъ лавочкахъ. Сто́итъ только обратиться къ нимъ, чтобъ узнать въ подробности исторію житья-бытья всякаго жильца: напримѣръ, какого онъ поведенія, есть ли у него деньги и откуда ихъ получаетъ, ходятъ ли къ нему кредиторы, или самъ онъ ходитъ по должникамъ своимъ — словомъ, они разскажутъ вамъ все отъ аза до ижицы. Меня увѣряли, что не одна свадьба не устроилась и не одна разстроилась по милости этихъ фабрикантовъ репутацій.

Литературные вечера назначены по Суботамъ поочередно у Гаврила Романовича, А. С. Шишкова, И. С. Захарова и А. С. Хвостова. Они начнутся съ Суботы 2 Февраля у Шишкова, которому принадлежитъ честь первой о нихъ мысли; вѣроятно, послѣ кто-нибудь изъ извѣстныхъ особъ захочетъ также войдти въ очередь съ нашими меценатами, но покамѣстъ ихъ только четверо. Всѣ литераторы безъ изъятія, представленные хозяину дома кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ, имѣютъ право на нихъ присутствовать и читать свои сочиненія; но молодые люди, болѣе или менѣе оказавшіе успѣхи въ словесности, или подающіе о себѣ надежды, будутъ даже приглашаемы; потому что учрежденіе этихъ вечеровъ имѣетъ главнымъ предметомъ приведеніе въ извѣстность ихъ произведеній.

25 Января, Пятница. Слышно, что скоро на Русской сценѣ появится новая актриса, которая никогда себя не готовила для сцены. Это — дочь балетмейстера Вальберха, прекрасная собою и очень образованная дѣвушка. Говорятъ также, что какой-то молодой человѣкъ, служащій въ банкѣ, по фамиліи Крюковской, входитъ въ состязаніе съ Озеровымъ и пишетъ, или уже написалъ, новую патріотическую трагедію, взявъ сюжетъ изъ эпохи междуцарствія и назвавъ ее «Пожарскій». Павелъ Михайловичъ Арсеньевъ, ежедневный гость у А. Л. Нарышкина, увѣрялъ, что онъ слышалъ нѣкоторыя сцены и стихи, которые могутъ назваться превосходными. Дай Богъ! Кажется, дѣятель-

ность театральныхъ сочинителей увеличивается; обѣщаютъ еще три новыя комедіи извѣстныхъ писателей: князя Шаховскаго, Крылова и П. Сумарокова.

27 Января, Воскресенье. Кто-то сказалъ: On souffre moins de la part des grands que de la part de leurs singes [1]), и я начинаю тому вѣрить. Мнѣ очень хотѣлось представиться Александру Львовичу Нарышкину, и Лабатъ, старинный его знакомецъ и кредиторъ, далъ мнѣ рекомендательное къ нему письмо. Я былъ у него сегодня утромъ, но добрался до него не безъ труда. Какой-то господинъ, котораго называли Александромъ Ильичемъ, толстый, хриповатый и съ опухшимъ лицомъ, встрѣтилъ меня и весьма гордо и даже нѣсколько неучтиво сталъ распрашивать, что̀ я за человѣкъ, зачѣмъ пришелъ, отъ кого письмо и какого оно содержанія; говорилъ, что Александра Львовича едва ли можно сегодня видѣть, потому что онъ очень занятъ; что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ пришелъ въ другое время, и прочее тому подобное. Я отвѣчалъ, что письмо отъ Якова Петровича Лабата, который поручилъ мнѣ отдать его Александру Львовичу непремѣнно сегодня, и что если ему теперь нѣтъ времени, такъ я подожду, вмѣстѣ съ другими. Александръ Ильичъ отвернулся отъ меня и насмѣшливо улыбнулся, какъ бы давая мнѣ чувствовать: «ну, братъ, долго же тебѣ дожидаться». Между тѣмъ въ небольшой пріемной комнатѣ было довольно холодновато, и сѣсть было не на чемъ: немногіе стулья были всѣ заняты какими-то просительницами въ шляпкахъ. Я продрогъ и усталъ. Положеніе мое становилось непріятнымъ, но дѣлать было нечего: самъ кругомъ виноватъ; однакожъ скоро вышедшій камердинеръ объявилъ, что Александръ Львовичъ приказалъ принимать всѣхъ, и что онъ сѣлъ чесаться. Меня, какъ подателя письма, впустили перваго. Нарышкинъ сидѣлъ, закутанный въ пудро-мантель; его завивали и пудрили. Я подалъ ему письмо, которое онъ тотчасъ же распечаталъ и мигомъ пробѣжалъ глазами. «Очень радъ познакомиться», сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку и такъ безцеремонно, такъ откровенно и добродушно, что у меня разцвѣла душа. «А что̀ дѣлаетъ старый Гасконецъ?» спросилъ онъ, разумѣя Лабата. Я отвѣчалъ, что онъ довольно здоровъ, хотя попрежнему прихрамываетъ.... «И попрежнему объѣдается», продолжалъ Александръ Львовичъ, «надобно осторожнѣе поступать съ своимъ желудкомъ». Съ послѣднимъ словомъ онъ захохоталъ. «Vous voyez le diable qui prêche la morale [2]); но между нами

[1]) Меньше терпятъ отъ вельможъ, чѣмъ отъ ихъ обезьянъ.

[2]) Передъ вами дьяволъ, проповѣдующій о нравственности.

большая разница: я дѣлаю очень много движенія, а онъ сидитъ сиднемъ». Я поздравилъ его съ полученіемъ высочайшаго рескрипта отъ 19 числа. «А читалъ ли ты его, мой милый? Если читалъ, то вѣроятно замѣтилъ, что Государь, по милости своей, открылъ во мнѣ качества, которыхъ я самъ не подозрѣвалъ за собою».—C'est l'économie et l'ordre dans les affaires, dont veut parler votre excellence*), съ улыбкою подхватилъ высокій худощавый старикъ, живописецъ Месъ, какъ кажется, домашній у Нарышкиныхъ человѣкъ. За симъ Александръ Львовичъ приглашалъ меня обѣдать у него, когда только мнѣ вздумается, и поручилъ тому самому толстому господину, который такъ невѣжливо прежде говорилъ со мною, представить меня отъ его имени супругѣ его, Марьѣ Алексѣевнѣ, если я приду въ тѣ часы, когда она принимаетъ, и не застану его самого дома. Я откланялся; толстый хрипунъ проводилъ меня гораздо вѣжливѣе, чѣмъ встрѣтилъ и, на разставаньѣ, объявилъ мнѣ, что его зовутъ А. И. Сенъ-Никласъ, что онъ считается секретаремъ при его высокопревосходительствѣ, но завѣдываетъ домашними его дѣлами. «Ну такъ позвольте мнѣ, сказалъ я ему, явиться къ вамъ въ такое время, какъ вы сами назначите, и быть вамъ обязаннымъ моимъ представленіемъ Марьѣ Алексѣевнѣ». — «Да какую имѣете вы надобность до Марьи Алексѣевны?» возразилъ Сенъ-Никласъ. «Она небольшая охотница до новыхъ знакомствъ и всегда сѣтуетъ на Александра Львовича, что онъ рекомендуетъ ей молодыхъ людей, когда они ненужны для баловъ, а баловъ теперь не предвидится». Я отвѣчалъ, что бывать у Александра Львовича и не быть представленнымъ его супругѣ было бы очень странно и неучтиво. «Помилуйте!» подхватилъ Сенъ-Никласъ. «Марья Алексѣевна не знаетъ и половины гостей, которые ѣздятъ къ Александру Львовичу; да и самъ-то онъ едва ли помнитъ имена ихъ: войдутъ, поклонятся—а тамъ и дѣлай, чтó хочешь. Впрочемъ, какъ вамъ угодно, я всегда къ вашимъ услугамъ».

Не знаю, какъ приметъ меня Марья Алексѣевна; но чтò касается до Александра Львовича, то я вышелъ отъ него вполнѣ довольный и счастливый. Это настоящій Русскій баринъ. Онъ не думалъ унизить своего достоинства, протягивая дружелюбно руку незначительному чиновнику и предлагая ему приборъ за столомъ своимъ. Говорятъ, что онъ легкомысленъ; а какое кому до того дѣло? Онъ не путается въ дѣла государственныя, не беретъ на себя тяжелой обязанности быть

*) Ваше высокопревосходительство изволите разумѣть бережливость и порядокъ въ дѣлахъ.—Сличи въ XXXVI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова", стр. 41. П. Б.

рѣшителемъ судьбы людей и довольствуется своимъ жребіемъ быть счастливымъ и по возможности счастливить другихъ.

Я видѣлъ Александра Львовича въ прошломъ году въ Москвѣ, на клубномъ обѣдѣ, данномъ князю Багратіону, и мнѣ въ мысль не приходило, чтобъ онъ былъ такъ доступенъ и привѣтливъ. Напишу или переведу какую-нибудь пьеску и посвящу ему: можетъ быть, добьюсь и я безплатнаго входа въ театръ.

28 Января, Понедѣльникъ. Видѣлъ здѣшняго оберъ-полиціймейстера Эртеля. Прежде онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Москвѣ и нагналъ такой страхъ на Москвичей, что всѣ его боялись пуще Архарова. Теперь онъ тихъ и скроменъ; генералъ старѣетъ, а старѣющій человѣкъ, естественно, долженъ чувствовать болѣе нужды въ людяхъ и потому быть съ ними обходительнѣе. Я слышалъ, что его не очень уважаютъ въ обществѣ, хотя и отдаютъ справедливость его расторопности.

Графъ Монфоконъ сказывалъ, что онъ въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ нѣсколько разъ извѣстную въ исторіи прелестницу Маріонъ де-Лормъ, которой тогда было уже около 130 лѣтъ; давно пережила она всѣхъ своихъ современниковъ и даже біографовъ и находилась въ бѣдности. Родители Монфокона и другіе извѣстные люди ей помогали. Сколько Монфоконъ могъ себѣ припомнить, Маріонъ была преотвратительная старуха и совсѣмъ почти выжила изъ ума и памяти. Единственнымъ предметомъ ея разговоровъ былъ кардиналъ де-Ришельё: имъ только она и бредила. Sic transit gloria mundi!

29 Января, Вторникъ. Н. Челищевъ доставилъ мнѣ письма отъ моихъ домашнихъ и малую толику деньжонокъ, въ которыхъ я начиналъ чувствовать нужду. Какъ быть! Въ два съ половиною мѣсяца я издержалъ около 500 рубл. Деньгамъ радъ, но право столько же радъ и посланію Петра Ивановича: онъ пишетъ, что Москва *гуляетъ* во всю Ивановскую, ополчаясь на силу вражію, на могучаго забіяку Бонапарта—могучаго, какъ онъ выражается, и существенными силами своихъ полчищъ, и тѣмъ нравственнымъ очарованіемъ, какое придаютъ ему военныя его удачи. Мой добрый Петръ Ивановичъ всегда свысока, и не можетъ написать страницы безъ затѣйливыхъ фразъ.

Челищевъ разсказывалъ, что, съ пробужденіемъ воинственнаго духа, показался въ Москвѣ такой приливъ денегъ, какого старики не запомнятъ; но за то вмѣстѣ съ нимъ появились и азартныя игры въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какихъ также не запомнятъ старики. Всѣ прежнія любимыя увеселенія, какъ-то: собранія, балы, спектакли

и разнаго рода охоты, предоставлены теперь мелкой сошкѣ, а богачи пустились искать ощущеній сильнѣйшихъ за карточными столами. Банкъ во всемъ разгарѣ: проигрываютъ и выигрываютъ неимовѣрныя суммы. Нѣчто подобное начиналось уже въ запрошломъ году, и мнѣ очень памятны эти физіономіи банкометовъ, тощія и страдальческія, физіономіи, которыя я не желалъ бы встрѣчать часто въ жизни; эти дрожащія руки, закрывающія карты принадлежащей имъ стороны и послѣ медленно ихъ вскрывающія съ такимъ трепетомъ, какъ будто бы вскрывали они роковой жребій свой на жизнь или смерть... Страшно смотрѣть!

31 Января, Четвергъ. Вопросъ: можно ли проспать сутки не просыпаясь? *Отвѣтъ*: можно. Я проспалъ 25 часовъ; и еслибы меня изъ сожалѣнія не разбудили, то, можетъ-быть, проспалъ бы и долѣе. Альбини ужаснулся, а хозяинъ мой, добрый Торсбергъ, разсказывая сегодня гостямъ своимъ о такомъ необыкновенномъ случаѣ, непремѣнно настаивалъ на консультацію. Однакожъ я ничего не чувствую, и милыя Нѣмочки, кромѣ опухшихъ глазъ и оплывшаго лица, никакой другой перемѣны во мнѣ не замѣтили. Мы пѣли до самаго ужина, и я такъ славно вторилъ Schwester Dorchen въ дуэтѣ изъ «Волшебной Флейты», что заслужилъ общее одобреніе: такъ и заливался!

Mann und Weib, und Weib und Mann
Reichen an die Gottheit an!

Въ концѣ ужина пріѣхавшій изъ дворца дежурный лейбъ-медикъ Бекъ объявилъ, что въ 9 часу прибылъ изъ арміи курьеръ съ какими-то важными извѣстіями, о которыхъ объявлено будетъ только по прибытіи другаго курьера, ожидаемаго завтрашній день.

1 Февраля, Пятница. Славный мнѣ выдался день! Только-что успѣлъ я продрать глаза, какъ явились Альбини съ Торсбергомъ и какимъ-то придворнымъ цирюльникомъ; оба медика стали уговаривать меня пустить себѣ кровь для того, чтобъ предупредить послѣдствія вчерашней спячки. По несогласію моему, они готовы были прибѣгнуть къ насилію, и Торсбергъ серьёзно доказывалъ, что Альбини обязанъ заставить меня рѣшиться на кровопусканіе, во избѣжаніе отвѣтственности передъ моими домашними, которые повѣрили меня ему на руки. Сначала я отшучивался просто, но вдругъ пронялъ меня такой истерическій смѣхъ, что мои эскулапы и стоявшій въ молчаніи цирюльникъ не знали, что̀ подумать, и стали переглядываться между собою. Мнѣ вообразилось, что мы разыгрываемъ сцену изъ Мольерова «Пурсоньяка», а Торсбергу, что предусмотрительность его оправдалась, и я вдругъ спя-

тилъ съ ума. Насилу могъ я избавиться отъ неугомонныхъ моихъ попечителей, давъ имъ честное слово принять такія лекарства, какія прописать для меня имъ вздумается, съ тѣмъ только, чтобъ освободили меня отъ кровопусканія.

Вечеромъ былъ во Французскомъ спектаклѣ. Давали комедію «Le Bourru Bienfaisant», торжество Лароша, и оперку «Le déjeuner des garçons», въ которой такъ хороши мадамъ Филисъ и Сенъ-Леонъ, отъѣзжающій скоро въ Парижъ. Но актёры играли и пѣли для слѣпыхъ и глухихъ: никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія, никто не слушалъ ни комедіи, ни оперы, потому что всѣ смотрѣли на Ставицкаго, присланнаго генераломъ Бенигсеномъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау. Подполковникъ Ставицкій, флигель-адъютантъ, сидѣлъ въ ложѣ графини Строгановой и что-то съ жаромъ разсказывалъ входившимъ безпрестанно въ ложу разнымъ особамъ. Въ креслахъ и партерѣ между зрителями слышался какой-то невнятный говоръ: одни шептались, другіе переговаривались громче, а нѣкоторые вставали съ мѣстъ своихъ и, подходя къ ложамъ, дѣлали вопросы знакомымъ дамамъ, но, вмѣсто отвѣтовъ, были въ свою очередь осыпаемы только вопросами. Не смотря на все напряженное вниманіе, я не могъ уловить ни одной опредѣленной фразы и только могъ различить слова: «Une victoire complète, une bataille sanglante, beaucoup de blessés, le comte Osterman, Toutschkoff, Koutaisoff», и тому подобное; въ такомъ волненіи публики прошелъ весь спектакль, подъ конецъ котораго въ ложѣ Александра Львовича столько набралось его знакомыхъ, что онъ, кажется, не зналъ, куда отъ нихъ дѣваться. Впрочемъ, и во всѣхъ ложахъ, особенно у Катерины Ильиничны Кутузовой, Марьи Антоновны Нарышкиной и такой же красавицы, княгини Суворовой, столпилось много посѣтителей и посѣтительницъ, и было такъ шумно, какъ бы въ домашнихъ гостиныхъ.

Возвращаясь изъ театра, я замѣтилъ, что большею частію всѣ дома, мимо которыхъ я проѣзжалъ, были освѣщены необычайно свѣтло, а у иныхъ подъѣздовъ стояло много экипажей и простыхъ саней. Это не даромъ: общихъ праздниковъ нѣтъ, о балахъ не слыхать; слѣдовательно, городскіе обыватели собираются для передачи другъ другу полученныхъ вѣстей. Завтра въ Коллегіи узнаю и я о всѣхъ подробностяхъ бывшаго сраженія, но дорого бы далъ, чтобъ узнать о нихъ теперь, на сонъ грядущій, потому что неудовлетворенное любопытство не въ ладахъ съ Морфеемъ.

2 Февраля, Субота. Кажется, надъ нами сбылась народная поговорка: *наша взяла, а рыло въ крови.* Илья Карловичъ, бывшій утромъ

у министра, слышалъ отъ него, что однихъ только нашихъ Русскихъ осталось на мѣстѣ сраженія около 30,000 человѣкъ, а о Пруссакахъ ничего еще неизвѣстно. Бой продолжался двои сутки съ попеременнымъ успѣхомъ, но мы наконецъ одолѣли. Въ самомъ городѣ Эйлау, который князь Багратіонъ взялъ приступомъ, была ужасная рѣзня: мы били Французовъ по улицамъ, какъ поросятъ; къ сожалѣнію, не могли его оставить за собою, потому что какой-то генералъ, желая собрать разсѣянныхъ солдатъ, приказалъ несвоевременно бить сборъ, и они поспѣшили на призывъ, не успѣвъ совершенно вытѣснить непріятеля. Родофиникинъ и Дивовъ увѣряютъ, что, по соображенію знающихъ людей, это сраженіе вовсе не оканчиваетъ дѣла и есть только начало другихъ битвъ, хотя, можетъ быть, и не столь кровопролитныхъ, и что оно важно только въ отношеніи къ нравственному вліянію, какое можетъ имѣть на духъ нашихъ войскъ, считавшихъ доселѣ Бонапарта непобѣдимымъ. Теперь мы доказали, что онъ несовсѣмъ такъ непобѣдимъ, какъ утверждали, и что можно бороться съ нимъ не безъ успѣха.

Что-то будутъ говорить сегодня за обѣдомъ у Гаврила Романовича и на литературномъ вечерѣ у Шишкова? Очень желаю слышать толки и сужденія людей благомыслящихъ о теперешнихъ нашихъ военныхъ обстоятельствахъ и, признаюсь, столько же хочется знать, что̀ происходить будетъ на первомъ литературномъ вечерѣ, на который многіе собираются по приглашенію почтеннаго хозяина.

3 *Февраля, Воскресенье.* Поздно вчера возвратился я отъ А. С. Шишкова веселый и довольный. Общество собралось не такъ многочисленное, какъ я предполагалъ: человѣкъ около двадцати, не больше. Гаврила Романовичъ, И. С. Захаровъ, А. С. Хвостовъ, П. М. Карабановъ, князь Шихматовъ, И. А. Крыловъ, князь Д. П. Горчаковъ, флигель-адъютантъ Кикинъ, котораго я видѣлъ въ Москвѣ у К. А. Муромцовой, полковникъ Писаревъ, А. Ѳ. Лабзинъ, В. Ѳ. Тимковскій, П. Ю. Львовъ, М. С. Щулепниковъ, молодой Корсаковъ, Н. И. Язвицкій, сочинитель *Букваря*, Я. А. Галинковскій, авторъ какой-то книги *для прекраснаго пола*, подъ заглавіемъ *Утренникъ* (въ которой, по отзыву Щулепникова, лучшими статьями можно почесть: *Любопытныя познанія для счисленія временъ* и *Бѣлые листы для записокъ на 12 мѣсяцевъ*) и наконецъ я, не сочинившій ни букваря, ни бѣлыхъ листовъ для записокъ на 12 мѣсяцевъ, но пріѣхавшій въ одной каретѣ съ Державинымъ, что̀ стоитъ *букваря* и *бѣлыхъ листовъ для записокъ*. Долго разсуждали старики о кровопролитіи при Эйлау и о послѣдствіяхъ, какія отъ нашей побѣды произойти могутъ. Одни говорили, что Бонапарту нужно нѣкоторое время, чтобъ оправиться отъ полученнаго имъ

перваго въ его жизни толчка; другіе утверждали, что если разстройство во Французской арміи велико, то и мы потерпѣли немало, что наша побѣда стоитъ пораженія и обошлась намъ дорого, потому что изъ 65,000 человѣкъ, бывшихъ подъ ружьемъ, выбыла изъ строя почти половина. Слово за слово, завязался споръ. Кикинъ и Писаревъ, какъ военные люди, съ жаромъ доказывали, что надобно продолжать войну, и что мы кончимъ непремѣнно совершеннымъ истребленіемъ Французской арміи и самого Бонапарта; а Лабзинъ съ Хвостовымъ возражали, что теперь-то именно и должно хлопотать о заключеніи мира, потому что, имѣя въ двухъ сраженіяхъ поверхность надъ Французами, мы должны воспользоваться благопріятнымъ случаемъ выйти съ честью изъ опасной борьбы съ сильнымъ непріятелемъ. Хозяинъ рѣшилъ споръ тѣмъ, что какъ продолженіе войны, такъ и трактація о мирѣ зависятъ отъ благопріятнаго оборота обстоятельствъ, а своимъ произволомъ ничего не сдѣлаешь, и что бываютъ случаи, повидимому, очень маловажные, которые имѣютъ необыкновенно важное вліяніе на происшествія, уничтожая наилучше составленные планы или способствуя имъ. «Возьмемъ, напримѣръ», сказалъ серьезный старикъ, «хотя бы и послѣднее сраженіе: отчего погибъ корпусъ Ожеро́? Оттого, что внезапно поднялась страшная метель и снѣжная вьюга прямо Французамъ въ глаза; они сбились съ настоящей дороги и неожиданно наткнулись на главныя наши батареи. Конечно, разсчетъ разсчетомъ и храбрость храбростью; но положеніе дѣлъ таково, что надобно дѣйствовать осторожно и не спѣша рѣшаться какъ на продолженіе войны, такъ и на заключеніе мира; а впрочемъ, Государь знаетъ, что̀ должно дѣлать».

Время проходило, а о чтеніи не было покамѣстъ и рѣчи. Наконецъ, по слову Гаврила Романовича, ходившаго задумчиво взадъ и впередъ по гостинной, что пора бы приступить къ дѣлу, всѣ усѣлись по мѣстамъ. «Начнемъ съ молодёжи», сказалъ А. С. Хвостовъ, «у кого что̀ есть, господа?» Мы, сидѣвшіе позади, около стѣнъ, переглянулись другъ съ другомъ и почти всѣ въ одинъ голосъ объявили, что ничего не взяли съ собой. «Такъ не знаете ли чего наизустъ?» смѣясь продолжалъ Хвостовъ. «Какъ же это вы идете на сраженіе безъ всякаго оружія?» Щулепниковъ отвѣчалъ, что можетъ прочитать стихи свои къ «Трубочкѣ».—«Ну хоть къ «Трубочкѣ!» подхватилъ И. С. Захаровъ, меценатъ Щулепникова, «стишки очень хорошіе». Щулепниковъ подвинулся къ столу и прочиталъ десятка три куплетовъ къ своей *Трубочкѣ*, но не произвелъ никакого впечатлѣнія на слушателей.—«Пахнетъ табачнымъ дымкомъ», шепнулъ толстый Карабановъ Язвицкому.—«Какъ быть!» отвѣчалъ послѣдній, «первую пѣсенку зардѣвшись спѣть». Гаврила Романовичъ, видя, что на молодёжь пока-

мѣстъ надѣяться нечего, вынулъ изъ кармана свои стихи: *Гимнъ Кротости* и заставилъ читать меня. Я прочиталъ этотъ гимнъ къ полному удовольствiю автора и, кажется, заслужилъ репутацiю хорошаго чтеца. Разумѣется, всѣ присутствующiе были, или казались въ восторгѣ, и похваламъ Державину не было конца. За этимъ всѣ пристали къ Крылову, чтобъ онъ прочиталъ что-нибудь. Долго отнѣкивался остроумный комикъ, но наконецъ разрѣшился баснею изъ Лафонтена «Смерть и Дровосѣкъ», въ которой, сколько припомнить могу, есть прекрасные стихи:

. . . . „При томъ жена и дѣти,
А тамъ боярщина, подушныя, оброкъ,
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?"

а заключительный смыслъ разсказа выраженъ съ такою простотою и вѣрностью:

„Что какъ на свѣтѣ жить ни тошно,
Но умирать еще тошнѣй."

Это стоитъ Лафонтенова стиха:

„Plus tôt souffrir que mourir".

Казалось, что послѣ Крылова, никому не слѣдовало бы отваживаться на чтенiе стиховъ своихъ, каковы бы они ни были; однакожъ князь Горчаковъ, по приглашенiю прiятелей своихъ, Кикина и Карабанова, рѣшился на этотъ подвигъ и, вынувъ изъ-за пазухи довольно толстую тетрадь, обратился ко мнѣ съ просьбою прочитать его посланiе къ какому-то *Честану* о *Клеветѣ*. Какъ ни лестно было для меня это приглашенiе, однакожъ я долго отговаривался, извиняясь тѣмъ, что, не зная стиховъ, невозможно хорошо читать ихъ, потому что легко дать имъ противомысленную интонацiю; но Гаврила Романовичъ съ нетерпѣнiемъ сказалъ: «Э, да ну, братецъ, читай! Что ты за педантъ такой?» И вотъ я, покраснѣвъ отъ стыда и досады, взялъ у Горчакова тетрадь и давай отбояривать:

„Свершилось наконецъ, и ты, Честанъ, и ты
Предметъ злословья сталъ и жертвой клеветы.
Чудовища сiи кого не поражали?
Когда и на кого свой ядъ не извергали?
Ты молодъ и пригожъ, ты честенъ и богатъ,
Ты добродѣтеленъ—такъ ты и виноватъ.
Предъ свѣтомъ виненъ тотъ, кто зависти достоинъ:
Въ немъ трусомъ прослыветъ побѣдоносный воинъ,
Безмезднаго судью мздоимцемъ нарекутъ,
Невинную красу къ распутницамъ причтутъ!

Что̀ хочешь ты скажи, лишь злое кстати слово—
И общество его превозносить готово.
Зови того глупцомъ, кто кротокъ или благъ;
Кто жъ строгъ и справедливъ—людей и Бога врагъ,
Свѣтъ будетъ повторять: онъ щедръ на порицанья“.

Далѣе не припомню, но все посланіе въ томъ же тонѣ; немножко длинновато, и стихи идутъ попарно вереницею, бьютъ въ тактъ, какъ два молота объ наковальню, но въ нихъ мѣстами довольно силы и есть мысли—читать можно. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ и, по окончаніи чтенія, А. С. Хвостовъ сказалъ, кивая на князя Горчакова, съ которымъ, какъ видно, онъ изстари друженъ: *это нашъ Ювеналъ.*

Очередь дошла до Карабанова. Онъ также членъ Россійской Академіи и, повидимому, очень уважается, потому что писалъ и переводилъ много всякой всячины, отъ театральныхъ пьесъ до книгъ духовнаго содержанія. Щулепниковъ говорилъ, что изъ всѣхъ его сочиненій лучшими почитаются шуточныя стихотворенія, которыхъ, къ сожалѣнію, напечатать нельзя. Мнѣ показалось очень страннымъ, что такой толстый, пухлый и серьёзный человѣкъ занимается бездѣльемъ, и я думалъ, что сочинитель куплетовъ къ *Трубочкѣ* подшучиваетъ надо мною; однакожъ многіе подтвердили слова Щулепникова, прибавивъ, что эти стихотворенія, какъ-то «Пахарь», «Казакъ» и проч., написаны легко, остроумно и прекраснымъ языкомъ. Карабановъ прочиталъ лирическую пѣснь на манифестъ о милиціи, которою всѣхъ болѣе восхищался полковникъ Писаревъ, повторявшій при окончаніи каждой строфы, состоящей изъ двѣнадцати шестистопныхъ стиховъ: «прекрасно, прекрасно!» Карабановъ читаетъ внятно, но такъ протяжно, монотонно и вяло, что невольно одолѣваетъ дремота: такъ читалъ я Псалтирь по дѣдушкѣ. Я могъ запомнить только нѣсколько стиховъ изъ послѣдней строфы, въ которой авторъ обращается къ Государю:

. Тебѣ защитой будь
Неколебимая Россіянъ вѣрныхъ грудь;
И вѣруетъ вся Русь, что днесь въ охрану трона
Возстанетъ самъ Господь отъ горняго Сіона.

А. С. Шишковъ приглашалъ князя Шихматова прочитать сочиненную имъ недавно поэму въ трехъ пѣсняхъ: «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ»; но онъ не имѣлъ ея съ собою, а наизусть не помнилъ, и потому положили читать ее въ будущую Субботу, у Гаврилы Романовича. Морякъ Шихматовъ, необыкновенно благообразный молодой человѣкъ, ростомъ малъ и вовсе не красавецъ, но имѣетъ такую кроткую и свѣтлую физіономію, что, кажется, ни одно нечистое помышле-

ніе никогда не забиралось къ нему въ голову. Признаюсь въ грѣхѣ, я ему позавидовалъ: въ эти годы снискать такое уваженіе и быть на порогѣ въ Академію... За ужиномъ, обильнымъ и вкуснымъ, А. С. Хвостовъ съ Кикинымъ начали шутя нападать на Шихматова за отвращеніе его отъ миѳологіи, доказывая, что это непобѣдимое въ немъ отвращеніе происходитъ отъ одного только упрямства, а что, вѣрно, онъ самъ чувствуетъ и понимаетъ, какимъ огромнымъ пособіемъ могла бы служить ему миѳологія въ его сочиненіяхъ. «Избави меня Боже!» съ жаромъ возразилъ Шихматовъ, «почитать пособіемъ вашу миѳологію и пачкать вдохновеніе этой бѣсовщиной, въ которой, кромѣ постыднаго заблужденія ума человѣческаго, я ничего не вижу. Пошлыя и безстыдныя бабьи сказки—вотъ и вся миѳологія. Да и самая-то древняя исторія, до временъ христіанскихъ, Египетская, Греческая и Римская, сущія бредни, и я почитаю, что поэту-христіанину неприлично заимствовать изъ нея уподобленія не только лицъ, но и самыхъ происшествій, когда у насъ есть исторія библейская, неоспоримо-вѣрная и сообразная съ здравымъ разсудкомъ. Славныя понятія имѣли эти Греки и Римляне о божествѣ и человѣчествѣ, чтобъ перенимать нелѣпыя ихъ каррикатуры на то и другое и усвоивать ихъ нашей словесности!»

Образъ мыслей молодаго поэта, можетъ быть, и слишкомъ одностороненъ; однакожъ въ словахъ его есть много и правды.

Послѣ ужина Гаврила Романовичъ пожелалъ, чтобъ я продекламировалъ что-нибудь изъ «Артабана», котораго онъ, какъ я подозрѣваю, успѣлъ, по расположенію ко мнѣ, расхвалить Шишкову и Захарову, потому что они настоятельнѣе всѣхъ стали о томъ просить меня. Я отказался рѣшительно отъ декламаціи, извинившись тѣмъ, что ничего припомнить не могу, но предложилъ, если будетъ имъ угодно, прочитать свое посланіе къ *Счастливцу*, написанное гекзаметрами. Тотчасъ же около меня составился кружокъ, и я, не робѣя, пропѣлъ имъ:

„Юноша, тщетно себѣ ты присвоилъ названье счастливца;
Ты, не окончившій поприща, смѣешь хвалиться побѣдой!“ *) и проч.

Старики слушали меня со вниманіемъ и благосклонностью; особенно Гаврила Романовичъ, котораго всегда поражаетъ какая-нибудь новизна, очень хвалилъ и мысли, и выраженія; но позади меня кто-то очень внятно прошепталъ: *въ Третьяковщину заѣхалъ*! И этотъ *кто-то* чуть

*) Эти стихи, написанные въ 1805 году (въ то время, когда никто еще не писалъ гекзаметрами, кромѣ Тредьяковскаго), напечатаны впослѣдствіи въ „Учебной Книгѣ Россійской Словесности“, изданной г. Гречемъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

ли не былъ Писаревъ. Богъ съ нимъ! Гаврила Романовичъ сѣтовалъ, зачѣмъ я не прочиталъ ему прежде этихъ стиховъ, и прибавилъ, что если у меня *въ чемоданѣ* есть еще что-нибудь, то принесъ бы къ нему напоказъ. Дорогой отозвался онъ о князѣ Шихматовѣ, что «онъ точно имѣетъ большое дарованіе, да ужъ не по лѣтамъ больно умничаетъ».

5 Февраля, Вторникъ. Люблю видѣть Нѣмцевъ въ трагедіяхъ Шиллера, Гете, Клингера и Цшокке; люблю ихъ въ драмахъ Лессинга, Ифланда и Коцебу, въ «Эйлаліи Мейнау», въ «Охотникахъ» и «Гуситахъ»; восхищаюсь ими въ фарсахъ, въ «die Schwester von Prag», въ «das neue Sonntagskind», и проч.; но Боже избави видѣть, ка́къ разыгрываютъ они пьесы героическія, напримѣръ хоть бы «Октавію», въ которую сегодня нелёгкая занесла меня! Что̀ это такое? Куда дѣвались таланты актёровъ? Что̀ сталось съ актрисами? Что́ за обстановка? Ахъ, ты, Господи! Что́ за Маркъ Антоній, котораго игралъ даровитый Кудичъ? Что̀ за Октавіанъ—полнощекій мой Гебгардъ? Что̀ за Клеопатра—полногрудая красавица Леве? и наконецъ, что́ за Октавія, пріятельница моя, мадамъ Гебгардъ, хотя и сноснѣйшая изъ всѣхъ нестерпимо-несносныхъ персонажей уродливой драмы Коцебу? Да это не спектакль, а подкачельное игрище. И охота же имъ, добрымъ моимъ Нѣмцамъ, выходить изъ своей колеи и взбираться на ходули, когда они такъ хорошо ходятъ на своихъ ногахъ! Я сидѣлъ впродолженіе всего спектакля какъ на иголкахъ, краснѣя и блѣднѣя за своихъ знакомцевъ; но когда досидѣлъ до сцены, въ которой Маркъ Антоній (Кудичъ), сидя съ Клеопатрою (Леве) на какомъ-то пуховикѣ, покрытомъ конюшеннымъ ковромъ, изволитъ растарабаривать о сладости взаимной любви, а Октавіанъ - Гебгардъ приходитъ не въ пору пенять ему за то̀, что онъ измѣняетъ женѣ своей, а его сестрѣ, то со мною чуть не сдѣлалась истерика. Вѣдь надобно же было выдумать такую гиль и разыгрывать ее съ такими Египетско-Чухонскими ужимками и ухватками, что не будь я пріятель Октавіи и Октавіана, то лопнулъ бы со смѣху! Въ первый разъ отъ роду пожалѣлъ я объ истраченномъ рублѣ, который могъ бы употребить съ большею пользою: зрѣлище не стоило гроша. По неволѣ вспомнишь Штейнсберга: со всѣмъ своимъ талантомъ онъ никогда не отваживался на представленіе пьесъ героическихъ, взятыхъ изъ древней исторіи, ни высокихъ комедій. «Это не по нашему масштабу» говорилъ онъ: «наше дѣло рыскать по землѣ, а не летать по воздуху». Вотъ это значитъ умъ.

6 Февраля, Среда. Сегодня удалось мнѣ видѣть богатую брильянтовую «челенгу», подаренную нѣкогда султаномъ адмиралу Ушакову.

Старый морякъ пожертвовалъ было ее въ пользу милиціи, но Государь пожелалъ, чтобъ она осталась навсегда въ семействѣ Ушакова памятникомъ его подвиговъ, а за усердіе приказалъ удостовѣрить его въ постоянномъ своемъ благоволеніи.

Кстати объ адмиралахъ. Толкуютъ, что адмиралъ Синявинъ, высадивъ внезапно команду, человѣкъ въ триста, на одинъ изъ Далматскихъ острововъ, Курцоли, занятый Французами, перебилъ и взялъ въ плѣнъ у нихъ много людей и совершенно вытѣснилъ ихъ оттуда. О великихъ способностяхъ и неустрашимости Синявина говорятъ очень много; подчиненные его обожаютъ и, кажется, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и большою народностью.

Нашъ Ѳедоръ Даниловичъ всегда въ восторгѣ, когда дѣло идетъ о какой-нибудь филантропической мѣрѣ. Прежде онъ очень превозносилъ Румфордовъ супъ, а теперь превозноситъ какое-то растеніе *рогатку* или *чилимъ*, которое находится по берегамъ рѣкъ, прудовъ и озеръ и можетъ быть употребляемо въ пищу. Министръ коммерціи, графъ Румянцовъ, предложилъ Экономическому Обществу сдѣлать испытаніе, въ какой степени это растеніе, похожее на каштанъ или картофель, можетъ быть полезно и ка̀къ успѣшнѣе разводить его въ большомъ количествѣ. Ѳедоръ Даниловичъ увѣряетъ, что прибрежные жители рѣки Суры иногда ѣдятъ его и находятъ вкуснымъ и питательнымъ, и что оно можетъ замѣнить хлѣбъ. Все это прекрасно; но зачѣмъ же заботиться объ успѣшномъ разведеніи *чилима*, а не обратить лучше вниманія на средства къ успѣшному урожаю самой ржи или пшеницы тамъ, гдѣ онѣ плохо родятся? А гдѣ родятся хорошо, такъ на что жъ тамъ *чилимъ*? Что-то непонятно...

7 Февраля, Четвергъ. Вѣстей, вѣстей, изъ Москвы, матушки-Москвы бѣлокаменной! Вотъ, что̀ пишутъ о дѣлахъ театральныхъ. «На Французскомъ театрѣ дебютировала актриса Ксавье въ роли Волтеровой «Меропы». Мадамъ Ксавье женщина очень высокаго роста, довольно нескладная, органъ имѣетъ грубый, чувствительности ни на грошъ, и также похожа на «Меропу», какъ гренадеръ на танцмейстера. Она не произвела никакого эффекта, да и публики было немного. Другой дебютъ ея былъ въ роли «Малабарской Вдовы», но еще неудачнѣе: она рѣшительно не понравилась, и Москвичи не знаютъ, зачѣмъ она прислана на Московскую сцену, на которой Французскихъ трагическихъ актёровъ нѣтъ, а смотрѣть на одну мадамъ Ксавье и слушать ея безчувственную декламацію никому нѣтъ охоты. «Не понимаю», сказалъ въ Англійскомъ клубѣ директоръ Приклонскій, пріятель Мордвинова, покровителя мадамъ Ксавье, «отчего было такъ мало публики

въ оба дебюта такой извѣстной актрисы?» — «Оттого», подхватилъ шалунъ Протасьевъ, «что въ первый дебютъ ея была оттепель и шелъ мокрый снѣгъ, а во второй прилучился морозъ и была ясная погода». На Русскомъ театрѣ давали «Магомета», котораго игралъ Плавильщиковъ съ большимъ успѣхомъ. У Нѣмцевъ пошло дѣло на бенефисы: Литхенсъ давалъ какую-то драму «Агнеса Бернауеръ», Эме — оперу «Оберонъ» съ музыкою Враницкаго; а Гальтенгофъ объявилъ, что дастъ Херубиніевскаго «Водовоза». Французъ Тексье́ въ домѣ Н. С. Салтыкова, на Мясницкой, читаетъ лекціи о драматическомъ искусствѣ (lectures dramatiques); онъ повторяетъ Лагарпа и воображаетъ, что читаетъ свое. Балетмейстеръ Мунарети поставилъ новый балетъ подъ названіемъ *Охотники*, который смотрѣть *охотниковъ* немного. Цыгане по попрежнему поютъ и пляшутъ; ни одна пирушка безъ нихъ состояться не можетъ, и Стешка, также, какъ и прежде, соловьинымъ своимъ голосомъ дѣйствуетъ на сердца и карманы своихъ слушателей и поклонниковъ. На дняхъ появилась въ продажѣ книжка, подъ заглавіемъ «Плугъ и Соха», съ эпиграфомъ: *Отцы наши не глупѣе насъ были*; ее приписываютъ графу Растопчину. Говорятъ, что эта книжка сочинена имъ на Дмитрія Марковича Полторацкаго, который вводитъ у насъ обработываніе земли на манеръ Англійскій. Странно, что это сочиненіе не продается въ книжныхъ лавкахъ, а найти его можно только въ домѣ знакомки твоей, А. С. Небольсиной, на Поварской улицѣ.

9 Февраля, Суббота. Сегодняшій литературный вечеръ у Гавріила Романовича начался чтеніемъ стиховъ его на выступленіе въ походъ гвардіи. На этотъ разъ я охотно отказался бы отъ чтенія ихъ предъ публикою (такъ мнѣ они не по сердцу), но побоялся, чтобъ онъ опять не огрѣлъ меня названіемъ педанта, и волею-неволею провозгласилъ:

Ступай и побѣди
Никѣмъ непобѣдимыхъ;
Обратно не ходи
Безъ звѣздъ на персяхъ зримыхъ!

Въ дѣтствѣ моемъ я слыхалъ отъ родныхъ, что дядя мой, Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ, котораго я зазналъ ужъ старикомъ и помѣщикомъ деревенскимъ въ полномъ значеніи слова, занимался нѣкогда литературою и былъ въ связи съ Крыловымъ и Клушинымъ. Мнѣ захотѣлось повѣрить это семейное сказаніе, и я, подсѣвъ къ Крылову, спросилъ его, въ какой мѣрѣ оно справедливо. «А такъ справедливо, какъ нельзя болѣе», отвѣчалъ мнѣ Крыловъ. «И вотъ, спросите у Гавріила Романовича, который лучше другихъ знаетъ все, что́

касается до Рахманинова. Онъ былъ очень начитанъ, самъ много переводилъ и могъ назваться по своему времени очень хорошимъ литераторомъ. Рахманиновъ былъ гораздо старѣе насъ и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями; онъ даже содѣйствовалъ намъ къ заведенію типографіи и далъ намъ слово участвовать въ изданіи нашего журнала «Санктпетербургскій Меркурій», но по обстоятельствамъ своимъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать въ Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ и не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Вольтеръ и современные ему философы были его божествами. Петръ Лукичъ Вельяминовъ, другъ Гаврила Романовича, былъ также его другомъ и, кажется, свойственникомъ». Вслушавшись въ фамилію Рахманинова, Гаврила Романовичъ вдругъ спросилъ насъ: «А о чемъ толкуете?» Я отвѣчалъ, что говоримъ о дядѣ Иванѣ Герасимовичѣ Рахманиновѣ, и что я хотѣлъ узнать отъ Ивана Андреича о литературныхъ трудахъ его. «Дà», сказалъ Гаврила Романовичъ, «онъ переводилъ много, между прочимъ, философическія сочиненія Вольтера, политическое его завѣщаніе и другія его сочиненія въ 3-хъ частяхъ; извѣстіе о болѣзни, исповѣди и смерти его, Дюбуа; «Спальный Колпакъ» Мерсье; издалъ Миллерово «Извѣстіе о Россійскихъ дворянахъ» и, наконецъ, издавалъ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ «Утренніе Часы». Человѣкъ былъ умный и трудолюбивый, но большой вольтеріанецъ. Иванъ Андреичъ и Клушинъ были съ нимъ коротко-знакомы. Да кстати о Клушинѣ: скажите, Иванъ Андреичъ, точно ли Клушинъ былъ такъ остеръ и уменъ, какъ многіе утверждаютъ, судя по вашей дружеской съ нимъ связи?» — «Онъ точно былъ уменъ», сказалъ съ усмѣшкою Крыловъ, «и мы съ нимъ были искренними друзьями до тѣхъ поръ, покамѣстъ не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе Андреевской ленты графу Кутайсову...» — «А тамъ поссорились?» — «Нѣтъ, не поссорились; но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія на счетъ цѣли, съ какою эта ода была сочинена, и совѣтовалъ ея не печатать, изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній до самой своей смерти, случившейся года три назадъ».

Между тѣмъ Иванъ Семеновичъ Захаровъ, вынувъ изъ портфёля претолстую тетрадь, приглашалъ всѣхъ послушать новый переводъ нравоучительныхъ правилъ Рошфуко (Maximes), сдѣланный какимъ-то Пименовымъ (вѣроятно однимъ изъ его многочисленныхъ protégés), и какъ ни хвалилъ онъ этотъ переводъ, но кажется, ни у кого не было охоты слушать его; а А. С. Шишковъ безъ церемоніи объявилъ, что онъ большой нелюбитель этихъ нарумяненныхъ Французскихъ моралистовъ, которыхъ все достоинство заключается въ одномъ щегольствѣ

выраженій, и что, какъ бы ни былъ хорошъ переводъ, онъ не можетъ принести ни большой пользы, ни удовольствія, потому что знающіе Французскій языкъ предпочтутъ чтеніе сочиненія въ оригиналѣ, а для незнающихъ оно въ переводѣ покажется сухимъ и недостаточнымъ для полнаго понятія объ авторѣ. Князь Шихматовъ присовокупилъ, что ужъ если дѣло пошло на переводъ моралистовъ, то надлежало бы приняться не за Рошфуко и Лабрюера, а скорѣе за Іисуса Сираха... «Вотъ тамъ правила!» сказалъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ; «вотъ гдѣ настоящая, полная наука общежитія! И почему бы трудолюбивому и грамотному человѣку не взять на себя труда перевести Сираха, выпустивъ изъ него нѣкоторыя длинноты и повторенія, и не издать его особою нравоучительною книжкою? Почему бы не приспособить афоризмовъ этого писателя, столь простыхъ, понятныхъ и такъ глубоко врѣзывающихся въ память, къ первоначальному чтенію для юношества, и почему бы не наполнить ими всѣхъ азбукъ и даже прописей? Чего хочешь, того и просишь у этого дивнаго Сираха, и всякой найдетъ себѣ въ немъ то, что̀ можетъ быть ему на потребу и утѣшеніе въ жизни—отъ самыхъ первыхъ основаній премудрости, заключающейся въ страхѣ Божіемъ, почтенія къ властямъ и любви къ ближнему, до самыхъ тонкихъ общественныхъ приличій, *все* есть, и это *все* ка́къ превосходно выражено!..

Остальное до завтра.

10 Февраля, Воскресенье. «Все это такъ, однакожъ пора вамъ, князь, познакомить насъ съ вашими «Пожарскимъ, Мининымъ и Гермогеномъ», сказалъ А. С. Хвостовъ. «Моралисты моралистами, а поэзія поэзіей, и намъ забывать ее не должно. Мы отложили чтеніе вашей поэмы до нынѣшней Субботы; ну такъ подавайте ее сюда безъ отговорокъ».— «Я и не думалъ отговариваться», возразилъ князь Шихматовъ очень простодушно. «Я сочинялъ мою поэму не для того, чтобъ оставлять ее въ портфёлѣ, и радъ такимъ слушателямъ». Развернувъ тетрадь, князь приготовился было читать ее, но А. С. Шишковъ не далъ ему разинуть рта, схватилъ тетрадь и самъ началъ чтеніе. Стихи хороши, звучны и сильны, а богатство въ рифмахъ изумительное: авторъ вовсе не употребляетъ въ нихъ глаголовъ, и оттого стихи его сжаты, можетъ быть, даже и слишкомъ сжаты; но это ихъ не портитъ. Не постигаю, какъ могъ онъ побѣдить это затрудненіе, составляющее камень претыканія для бо̀льшей части стихотворцевъ. О достоинствѣ содержанія поэмы и расположеніи ея судить нельзя, не прочитавъ ея всей отъ начала до конца à tête reposée; но видно по всему, что молодой поэтъ успѣлъ набить руку. Шишковъ читалъ твореніе своего любимца внят-

но, правильно и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Я отъ души любовался сѣдовласымъ старцемъ, который такъ живо сочувствовалъ красотѣ стиховъ и передавалъ ихъ съ такою увлекательностью; судя по блѣдному лицу и серьёзной его физіономіи, нельзя было предполагать въ немъ такого теплаго сочувствія къ поэзіи. Я запомнилъ множество прекрасныхъ стиховъ и могъ бы вчера безошибочно записать ихъ, но сегодня почти всѣ перезабылъ и могу припомнить только нѣкоторые изъ посвященія Государю:

И родъ Романовыхъ возвысивъ на престолъ,
Исторгли навсегда глубокій корень золъ.
Два вѣка протекли, какъ родъ сей достохвальный
Даруетъ счастіе Россіи безпечальной:
Распространилъ ее на Сѣверъ и на Югъ,
Величіемъ ея исполнилъ земной кругъ,
Облекъ ее красой и силою державной
И въ зависть міръ привелъ ея судьбою славной.

И далѣе, изъ воззванія Гермогена къ народу:

Отдайте жизнь, сыны Россіи,
Полмертвой матери своей;
Обрушьте на враждебны выи
Яремъ, носящійся надъ ней.

Крыловъ не читалъ ничего, сколько его о томъ ни просили: извинялся, что новаго не написалъ, а стараго читать не стóитъ, да и не помнитъ. Ѳ. П. Львовъ прочиталъ стишки свои къ «Пѣночкѣ», написанные хореемъ довольно легко и съ чувствомъ:

Пѣночка моя драгая,
Что́ сюда тебя влекло?
Легкое твое крыло
Чистый воздухъ разсѣкая, и проч.

Но эти стишки возбудили споръ. П. А. Кикинъ ни за что̀ не хотѣлъ допустить, чтобъ въ легкомъ стихотвореніи къ птичкѣ можно было употребить выраженіе *драгая* вмѣсто *дорогая*, и сказать *крыло*, когда надобно было сказать *крылья*. За Львова вступились Карабановъ и другіе; но Захаровъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что слово *драгая*, вмѣсто *дорогая*, и въ легкомъ слогѣ можетъ быть допущено такъ же, какъ и слова *возлюбленный* и *драгоцѣнный*, вмѣсто *любезный* или *любезнѣйшій*, какъ, напримѣръ:

Ты зачѣмъ меня оставилъ
Мой *возлюбленный* супругъ,
И въ чужбину путь направилъ? и пр.

Но что̀ касается до выраженія *крыло* вмѣсто *крылья*, то по совѣсти надлежало бы измѣнить его, потому что птица можетъ разсѣкать воздухъ только двумя крыльями, а на одномъ въ воздухѣ даже и держаться не можетъ. Этотъ споръ, видимо, непріятенъ былъ Ѳедору Петровичу, и онъ часто посматривалъ на Крылова, который какъ-то насмѣшливо улыбался.

«А знаете ли вы», спросилъ у меня Щулепниковъ, «стихи графа Д. И. Хвостова, которые онъ, въ порывѣ негодованія за какое-то сатирическое замѣчаніе, сдѣланное ему Крыловымъ, написалъ на него?» — «Нѣтъ, не слыхалъ» отвѣчалъ я. — «Ну, такъ я вамъ прочитаю ихъ, не потому, чтобъ они заслуживали какое-нибудь вниманіе, а только для того, чтобъ вы имѣли понятіе о сатирическомъ талантѣ графа. Всего забавнѣе было, что онъ выдавалъ эти стихи за сочиненіе неизвѣстнаго ему остряка и распускалъ ихъ съ видомъ сожалѣнія, что есть же люди, которые имѣютъ несчастную наклонность язвить таланты вздорными, хотя, впрочемъ, и *очень остроумными* эпиграммами. Вотъ эти стишонки:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесаный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ, совсѣмъ разбросанный,
Зоилъ Крыловъ Иванъ:
Объѣлся онъ иль пьянъ?

Крыловъ тотчасъ же угадалъ стихокропателя. *Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушки не спрячешь*, сказалъ онъ и отмстилъ ему такъ, какъ только въ состояніи мстить умный и добрый Крыловъ: подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые стихи графа Хвостова, направился къ нему на обѣдъ, ѣлъ за троихъ и послѣ обѣда, когда Амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, началъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера».

За ужиномъ говорили объ умершемъ 6-го Января Московскомъ губернскомъ предводителѣ князѣ П. М. Дашковѣ, сынѣ княгини Екатерины Романовны; его хвалили какъ человѣка очень добраго и много благодѣтельствовавшаго подъ рукою бѣднымъ дворянамъ. Онъ былъ очень образованъ, веселаго нрава и хотя чрезвычайно толстъ, но любилъ танцовать и танцовалъ легко. Впрочемъ, онъ также имѣлъ своихъ недоброжелателей: его укоряли въ легкомысліи и заносчивости. Въ послѣднее время неожиданная милость Государя, который, въ изъявленіе

благоволенія своего къ *Москвѣ*, наградилъ его Александровскимъ орденомъ, вскружила ему голову *).

Во время ужина пріѣхалъ флигель-адъютантъ Маринъ и сказывалъ, что, кажется, путешествіе Государя рѣшено, и едва-ли онъ скоро не отправится въ армію. Объ этомъ слышалъ онъ отъ обергофмаршала графа Толстаго, утромъ, при смѣнѣ своей съ дежурства. Кикинъ шутя спросилъ его: et comment vont vos bonnes fortunes? Буду отвѣчать тебѣ, сказалъ Маринъ, какъ одинъ путешественникъ, возвратившійся изъ Рима, отвѣчалъ своему знакомцу на подобный вопросъ: Il y a tant des bonnes fortunes à Rome, qu'il n'y a plus de bonne fortune. Острякъ за словомъ, какъ говорится, въ карманъ не полѣзетъ. Онъ также сочинилъ стихи на современныя происшествія и читалъ ихъ послѣ ужина, стоя, не придавая имъ большой важности; въ нихъ есть обращеніе къ Бонапарту, выраженное очень энергически. Мнѣ понравился одинъ стихъ, который можно обратить въ афоризмъ:

„Высокомѣріе предтеча есть паденья".

11 Февраля, Понедѣльникъ. Чѣмъ больше вижу Яковлева на сценѣ, тѣмъ больше удивляюсь этому человѣку. Сегодня онъ поразилъ меня въ роли Мейнау, въ драмѣ *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Какой талантъ! Вообще я не большой охотникъ до *коцебятины*, какъ называетъ князь Горчаковъ драмы Коцебу; однакожъ Яковлевъ умѣлъ до такой степени растрогать меня, что я, благодаря ему, вышелъ изъ театра почти съ полнымъ уваженіемъ къ автору. Какъ мастерски игралъ онъ нѣкоторыя сцены, и особенно ту, въ которой Мейнау обращается къ слезамъ, невольно выкатившимся изъ глазъ его при воспоминаніи объ измѣнѣ жены и объ утратѣ вмѣстѣ съ нею блаженства всей своей жизни! Съ какимъ неизъяснимымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ произнесъ онъ эти немногія слова: *милости просимъ, давно небывалые гости*! слова, которыя заставили плакать навзрыдъ всю публику; а нѣмая сцена внезапнаго свиданія съ женою, когда, только-что перешагнувъ порогъ хозяйскаго кабинета, онъ неожиданно встрѣчаетъ жену и вдругъ, затрепетавъ, бросается стремглавъ назадъ—эта сцена верхъ совершенства!

Въ роли Мейнау я видѣлъ Плавильщикова, Штейнсберга и Кудича. Первый игралъ умно и съ чувствомъ, но не заставлялъ плакать

*) Преданіе увѣряетъ, что за большимъ обѣдомъ подали князю Дашкову письмо и, прочитавъ его, онъ измѣнился въ лицѣ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ; въ этомъ письмѣ мать его, знаменитая княгиня Дашкова, осыпáла его ругательствами (слышано отъ сына князя Дашкова, М. П. Щербинина). П. Б.

подобно Яковлеву. Штейнсбергъ и Кудичъ также были хороши, всякій въ своемъ родѣ; но Боже мой, какая разница между ними и какъ всѣ они далеко отстали отъ этого чародѣя Яковлева! Я никогда не воображалъ, что актёръ, безъ всякой театральной иллюзіи, безъ нарядняго костюма, одною силою таланта могъ такъ сильно дѣйствовать на зрителей. Дѣло другое въ «Димитріи Донскомъ», или въ какой-нибудь другой трагедіи, въ которой могли бы способствовать ему и превосходные стихи самой пьесы, и великолѣпная ея обстановка, а то ничего, ровно ничего, кромѣ пошлой прозы и полуистертыхъ и обветшалыхъ декорацій. А костюмъ Яковлева? Черный, поношенный, дурносшитый сюртукъ, старая измятая шляпа, всклоченные волосы, и совсѣмъ тѣмъ, какъ увлекалъ онъ публику! Многіе говорили мнѣ, что Яковлевъ и въ самыхъ драмахъ является трагическимъ героемъ. Ничего не бывало: вѣроятно, эти многіе не видали Яковлева въ роли Мейнау. Одно, въ чемъ упрекнуть его можно—это въ совершенномъ пренебреженіи своего туалета. Городской костюмъ ему не дался, и всякій Нѣмецкій сапожникъ одѣтъ лучше и приличнѣе, чѣмъ былъ на сценѣ онъ, знаменитый любимецъ Мельпомены.

Роль мадамъ Миллеръ, то есть Эйлаліи, играла Каратыгина прекрасно. Въ игрѣ этой актрисы много драматическаго чувства, много безъискусственной простоты, которая дѣйствуетъ на душу и нечувствительно увлекаетъ ее. Эта женщина вполнѣ обладаетъ, какъ говорятъ Французы, *даромъ слезъ* (don des larmes). Это лучшая Эйлалія изъ всѣхъ доселѣ видѣнныхъ мною *). Какъ мамзель Штейнъ (нынѣшняя Гебгардъ) ни была хороша, но сравниться съ нею не можетъ, а о Московскихъ Русскихъ актрисахъ нéчего и говорить.

Отчего во Французскихъ спектакляхъ, когда дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ, разстилаютъ на сценѣ сукно, а въ Русскихъ этого не дѣлаютъ? Неужто же ноги Французскихъ актрисъ и актёровъ нѣжнѣе и чувствительнѣе ногъ актёровъ и актрисъ Русскихъ? Или Французская публика взыскательнѣе Русской? Это что-то неладно и, конечно, долго продолжиться не можетъ. Опрятность сцены гораздо важнѣе, нежели думаютъ, для произведенія сценическихъ эффектовъ, а о приличіи костюмовъ и говорить нечего. Не будь Яковлевъ одѣтъ такъ *мизерабельно*, по выраженію пріятеля моего, Кобякова, онъ показался бы вдвое превосходнѣе; да и драма-то выиграла бы вдвое, еслибъ декораціи были поновѣе и почище, какъ, напримѣръ, во Французскихъ спектакляхъ, или въ балетѣ.

*) Два года послѣ, автору „Дневника" удалось видѣть въ Ригѣ знаменитую мадамъ Оманъ (Ohman), и она только одна могла въ роли *Эйлаліи* сравниться съ Каратыгиной. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

12 Февраля, Вторникъ. Я полагалъ, что нашъ П. А. Рахмановъ считаетъ себя математикомъ только про свой обиходъ, а на повѣрку выходитъ, что онъ признается и многими извѣстными учеными за одну изъ лучшихъ головъ математическихъ. Заѣхавъ сегодня къ нему изъ Коллегіи, я засталъ у него нѣсколькихъ ученыхъ и, между прочимъ, знаменитаго математика Гурьева (помнится Семена Емельяновича) и присутствовалъ при ихъ диспутѣ. Рахмановъ защищалъ свои опыты «О поверхностяхъ вращенія и о цилиндрическихъ и коническихъ поверхностяхъ», недавно вышедшіе изъ печати, и заставилъ замолчать всѣхъ. Вотъ онъ каковъ, математикъ-музыкантъ! Несмотря на то, что математика для меня настоящая тарабарская грамота, я, однакожъ, могъ замѣтить, что доводы и доказательства Рахманова были сильнѣе возраженій его диспутантовъ и что они уступили не изъ одного только уваженія къ хозяину дома. Отстоявъ свои опыты, Рахмановъ принялся хвалить сочиненіе Гурьева, также недавнее, подъ заглавіемъ: «Основанія трансцендентной (или трансцендентальной, Богъ его знаетъ!) геометріи кривыхъ поверхностей» (изволь понять), и всѣ присутствующіе хоромъ пристали къ Рахманову. Эти взаимныя похвалы другъ другу ученыхъ математиковъ привели мнѣ на память сцену Триссотина и Вадіуса изъ Мольеровой комедіи «Ученыя Женщины», такъ прекрасно переведенную И. И. Дмитріевымъ:

Триссотинъ.

Вы истинный поэтъ, скажу я безпристрастно.

Вадіусъ.

Вы сами рифмы плесть умѣете прекрасно!

Какъ бы то ни было, но я, однакожъ, понять не могу, какъ можетъ согласить Рахмановъ любовь свою къ математикѣ съ любовью къ музыкѣ и въ одно и тоже время заниматься *теоріею* какихъ-то *наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій многихъ перемѣнныхъ количествъ* (и выговорить-то не подъ-силу) и «Донъ-Жуаномъ» Моцарта или «Аксуромъ» Сальери? Непостижимо!

13 Февраля, Середа. Альбини приглашали завтра на вечеръ къ Эллизену. У него праздникъ по случаю пожалованія его въ статскіе совѣтники. Онъ семь лѣтъ былъ въ чинѣ.

Въ Коллегіи сказывали, что указъ объ учрежденіи ордена Св. Георгія для солдатъ уже подписанъ и на сихъ дняхъ будетъ обнародованъ. Прекрасно! Не одно «ура!» прогремитъ доброму, попечительному нашему Государю въ его храбромъ войскѣ.

Обществу Московскихъ гражданъ изъявлена чрезъ Тимоѳея Ивановича Тутолмина Высочайшая благодарность за устройство дома призрѣнія для 150 человѣкъ, по случаю рожденія Великой Княжны Елисаветы Александровны, и въ особенности купцу Павлову, простившему 36,000 р. несостоятельнымъ должникамъ своимъ *).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ получилъ очень лестный рескриптъ отъ вдовствующей Императрицы за пожертвованный имъ въ пользу воспитательныхъ заведеній значительный капиталъ, назначенный было имъ своему воспитаннику, барону Сердобину, но, за смертію его, оставшійся въ распоряженіи князя.

Старикъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ ежедневный гость у М. Н. Муравьева и Н. Н. Новосильцова.

14 Февраля, Четвергъ. Вотъ и еще письмо отъ добраго моего Петра Ивановича: хочетъ пріѣхать сюда, но не пишетъ зачѣмъ. Петербургъ не его сфера. Впрочемъ, для меня все равно; я обниму его съ величайшею радостью и буду его вожатымъ; въ два съ половиною мѣсяца я успѣлъ изучить Петербургъ, конечно, лучше таблицы умноженія. Петръ Ивановичъ восхищается моими знакомствами, въ восторгѣ отъ благосклонности ко мнѣ Гаврила Романовича, и чуть не поссорился за меня съ Мерзляковымъ, который, не смотря на удостовѣренія его, что Державинъ похвалилъ моего «Артабана», продолжаетъ утверждать, что эта трагедія—одинъ пустой наборъ словъ и сущая галиматья. Грустно слышать подобные отзывы о миломъ дѣтищѣ; но, кажется, они справедливы, и я начинаю съ ними соглашаться.

Приходилъ Гебгардъ съ Кистеромъ, который хочетъ дебютировать на здѣшней Нѣмецкой сценѣ. «А на какое амплуа хотите вы выступить?» спросилъ я его.—«На амплуа трагическихъ злодѣевъ (Bösewichte)».—«Вотъ какъ! Изъ первыхъ любовниковъ попасть въ злодѣи! Чѣмъ же начнете вы?»—«Ролью Арапа въ Фіеско».—«А тамъ?»—«Тамъ что̀ Богъ дастъ!» Я смекнулъ, что денежки бѣднаго Штейнсберга пошли гулять по бѣлому свѣту. «А мадамъ Штейнсбергъ?»—«Мадамъ Штейнсбергъ отправляется въ Ригу или за границу: ей нужно поправить здоровье въ другомъ климатѣ».—Понимаю!

*) Авторъ „Дневника“ коротко знако́мъ былъ съ внукомъ и наслѣдникомъ сего Павлова, Антипомъ Ивановичемъ Павловымъ, человѣкомъ очень извѣстнымъ въ Москвѣ и одареннымъ прекрасными свойствами души и сердца. Въ 1812 году, во время нашествія непріятеля, онъ лишился почти всего огромнаго своего состоянія, но перенесъ несчастіе свое безъ ропота и сохранилъ веселое расположеніе духа до самой своей смерти. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Я откровенно признался Гебгарду, что былъ очень недоволенъ представленіемъ «Октавіи» и не люблю его въ роли кесаря Октавіана, что эта роль не идетъ къ нему такъ же, какъ и роль Марка-Антонія къ Кудичу. «Вы правы», сказалъ онъ мнѣ, «но что жъ дѣлать? Нельзя же вѣчно играть Фердинанда и Карла Моора, потому что публика желаетъ видѣть иногда и другія пьесы».—«Такъ играйте Дона Карлоса», «Орлеанскую Дѣву», «Мессинскую Невѣсту», «Валленштейна», «Эгмонта», «Клавиго», «Фьеско», «Вражду Братьевъ»—словомъ, играйте что̀ хотите, только не трагедіи, взятыя изъ Римской и Греческой исторій, и особенно трагедіи такія, какъ «Октавія», въ которыхъ вы, господа Нѣмцы, смѣшны». Мой Гебгардъ понадулся, но противъ правды нѣтъ словъ.

15 Февраля, Пятница. Вчерашній вечеръ у Эллизена былъ на славу. Кромѣ знаменитыхъ медиковъ, которые почти всѣ собрались поздравить достойнаго своего собрата съ полученіемъ монаршей милости, пріѣхали многіе и не принадлежащіе къ сословію медиковъ, какъ-то нашъ д. ст. сов. Родофиникинъ, служащіе при статсъ-секретаряхъ: Новосильцовѣ—ст. сов. Дружининъ и Витовтовѣ—Аделунгъ; референдарій Коммисіи Составленія Законовъ Розенкампфъ, котораго видѣлъ я у князя П. В. Лопухина, и еще двое неизвѣстныхъ мнѣ высшихъ чиновниковъ: Ризенкамфъ и Рененкамфъ. Это созвучіе фамилій очень забавляло хозяина, который, обращаясь къ нимъ, не иначе говорилъ: Meine liebe Herren Rosen-Riesen-und Rennen-kämpfe. Играли въ бостонъ и пили пуншъ-ройяль—смѣсь коньяку съ Шампанскимъ, подслащенную ананаснымъ вареньемъ. Очень вкусно. Дамъ не было, потому что хозяинъ вдовецъ, а Schwester-Dorchen принимать гостей женскаго пола почему-то отказалась, хотя отецъ и предлагалъ ей вмѣсто простаго вечера дать балъ. Хозяинъ мой Торсбергъ пенялъ мнѣ, что я рѣдко бываю у него по Четвергамъ и сказалъ, что вчера, за отсутствіемъ моимъ, барышни были невеселы и отказались даже пѣть любимое ихъ тріо: «Nach Regen folget Sonnenschein», потому что некому было подтянуть имъ. Я обѣщался быть у него въ слѣдующій Четвергъ, и точно буду, потому что у радушнаго и краснощекаго моего брюханчика безцеремонно, весело, и всегда много премилыхъ Нѣмочекъ.

За ужиномъ, пока гости еще несовсѣмъ удовлетворили аппетитъ, толковали о предметахъ серьезныхъ; такъ, напримѣръ лейбъ-хирургъ Кёльхенъ говорилъ, что безъ сильной страсти къ наукѣ превосходнымъ медикомъ быть нельзя, и что человѣкъ, посвящающій себя медицинѣ и имѣющій въ виду пріобрѣтеніе однихъ только средствъ къ своему су-

ществованію, никогда не достигнетъ до настоящей степени искусства, какое требуется отъ хорошаго медика. «Правда», отвѣчалъ веселый Торсбергъ; «однакожъ всѣ мы, сколько насъ ни есть, принимаясь въ первый разъ за анатомическій ножъ, побѣждали свое отвращеніе къ разсѣкаемому трупу одною надеждою на будущую *практику*, а къ зловонію мертвеца привыкали только въ томъ убѣжденіи, что оно современемъ превратится для насъ въ упояющіе ароматы». Это откровенное замѣчаніе простодушнаго доктора возбудило общій хохотъ.

Между прочимъ Дружининъ (котораго зовутъ, кажется, Яковомъ Александровичемъ) сказывалъ, что министръ коммерціи графъ Румянцовъ очень хлопочетъ объ усовершенствованіи переплетнаго мастерства въ Россіи и исходатайствовалъ разныя преимущества переплетчикамъ.

Ужинъ кончился далеко за̀-полночь въ шумномъ весельи; тосты за здоровье Государя, министровъ и хозяина почти не прекращались. Собесѣдники наперерывъ обращались къ Эллизену съ разными пустыми вопросами, мнѣ кажется, только для того, чтобъ имѣть случай назвать его: *Herr Staatsrath*. Пресмѣшные Нѣмцы!

Утромъ сегодня заходилъ ко мнѣ Вельяминовъ съ жалобою на земляка моего Кобякова, что не даетъ ему покою: то проситъ перевести ему арію, то присочинить двѣ, а наконецъ присталъ къ нему, чтобъ онъ перевелъ цѣлый финалъ изъ оперы: *Каирскій Караванъ*. «Конечно, всѣ эти пустяки не стоятъ мнѣ большаго труда», говорилъ Вельяминовъ, «но я дорожу временемъ и могу употребить его на что-нибудь лучшее, чѣмъ на сочиненіе или переводъ вздорныхъ куплетовъ, которые другъ нашъ Петръ Николаичъ выдаетъ за свои». Я совѣтовалъ Вельяминову отучить Кобякова отъ этихъ продѣлокъ, сочинивъ для него какую-нибудь нелѣпицу въ родѣ тѣхъ, которыя онъ такъ мастерски импровизируетъ; пока нашъ пріятель будетъ доискиваться въ ней смысла, сказалъ я, ты успѣешь отдохнуть.

Завтра очередной литературный вечеръ у И. С. Захарова. Гаврила Романовичъ требуетъ, чтобъ я прочиталъ какіе-нибудь изъ своихъ стиховъ. «Иначе (прибавилъ онъ), если никто изъ молодыхъ людей читать не станетъ, то опять, того смотри, насъ поподчуютъ переводомъ Рошфуко, да и цѣль собраній будетъ не достигнута». Богъ вѣсть, соберусь ли я съ духомъ читать стихи свои предъ публикою. И хочется, и колется... Впрочемъ, смѣлость беретъ города!

16 Февраля, Субота. Отецъ писалъ, чтобъ я похлопоталъ по Березняговскому дѣлу и попросилъ кого-нибудь въ Межевомъ Департаментѣ Сената о скорѣйшемъ окончаніи этого несчастнаго процесса, продолжающагося болѣе 17-ти лѣтъ. Рано утромъ отправился я въ

Сенатъ и провозился тамъ до двухъ часовъ, отыскивая секретаря Булкина, къ которому прежде для справокъ и наставленій отецъ адресоваться мнѣ приказалъ. Булкинъ съ великимъ огорченіемъ объявилъ, что онъ не завѣдываетъ больше нашимъ дѣломъ, и что оно, по приказанію оберъ-прокурора, Клима Гавриловича Голикова, передано другому секретарю, Степану Степановичу Ватіевскому. «А гдѣ жь Ватіевскій?» спросилъ я у Булкина. «А вонъ сидитъ тамъ», отвѣчалъ Булкинъ. Я обратился къ Ватіевскому. Презрительно посмотрѣвъ на меня, онъ спросилъ довольно грубо: «Чтó вамъ угодно?» Я объяснилъ въ чемъ дѣло. «Сегодня день неприсутственный», сказалъ онъ, «извольте придти въ другой разъ».—«Да потому-то, что день неприсутственный и господа секретари свободны отъ докладовъ, я и рѣшился безпокоить васъ, тѣмъ болѣе, что желаніе мое такъ маловажно и заключается только въ томъ, чтобъ узнать, въ какомъ положеніи находится наше дѣло».—«Не отъ насъ зависитъ-съ, а отъ оберъ-секретаря: адресуйтесь къ нему».–«Гдѣ же оберъ-секретарь?»—«Въ залѣ присутствія.»—«Можно его видѣть?»—«Спросите у курьера».—«А какъ зовутъ его...?»—«Кого, курьера или оберъ-секретаря?»–«Разумѣется послѣдняго».—«Богданъ Иванычъ Крейтеръ». И вотъ я, съ какимъ-то стѣсненіемъ въ душѣ, обратился къ курьеру и просилъ его доложить обо мнѣ оберъ-секретарю. Едва курьеръ успѣлъ войдти въ залу, какъ тотчасъ же и вышелъ оберъ-секретарь, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, довольно почтенной наружности, и прямо ко мнѣ съ вопросомъ: «А чтó, батюшка, вамъ угодно?» Я сказалъ ему, что желалъ бы узнать о положеніи нашего дѣла. «Да вы пріѣзжій, чтò-ли?»—«Нѣтъ, я здѣсь служу, но въ дѣлахъ неопытенъ и въ Сенатѣ знакомствъ не имѣю».—«А у кого изъ секретарей ваше дѣло?»–«У г. Ватіевскаго».—«Это по Найденской дачѣ, чтò ли?» спросилъ онъ у секретаря. «Точно такъ».—«Что жъ вы ему ничего не сказали?» продолжалъ Крейтеръ съ видомъ укора. «Подайте дѣло!» Секретарь съ какою-то гримасою всталъ со стула, отперъ шкапъ, вытащилъ оттуда огромную связку бумагъ и, развязавъ ее, подалъ Крейтеру, который, пробѣжавъ нѣсколько листовъ съ конца, тотчасъ же объявилъ мнѣ, что дѣло наше остановилось за неполученіемъ какихъ-то новыхъ справокъ изъ Вотчиннаго Департамента Межевой Канцеляріи, что оно не можетъ быть такъ скоро рѣшено, но чтобъ я не унывалъ, потому что въ справедливости доказательствъ со стороны нашей нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; а затѣмъ, чтобъ я не тратился попустому и, въ случаѣ надобности, безъ церемоніи обращался прямо къ нему, и что онъ дастъ мнѣ въ свое время совѣтъ, къ кому изъ сенаторовъ должно будетъ разнести обыкновенныя записки. «У насъ, батюшка, примолвилъ онъ, засѣдаютъ люди добрые.

Вотъ хоть бы Петръ Амплеевичъ (Шепелевъ), князь Павелъ Петровичъ (Щербатовъ) или Неплюевъ — сенаторы радушные и правдивые; а къ Климу Гаврилычу, можетъ, сыщете какую-нибудь *протекцію*». Я отвѣчалъ, что имѣлъ честь лично представляться князю Петру Васильичу, и что онъ принялъ меня милостиво, а сверхъ того знакомъ съ сенаторомъ И. С. Захаровымъ, у котораго буду сегодня и на литературномъ вечерѣ. «Ну, такъ и слава Богу! Чего жъ, батюшка, лучше? Христосъ съ вами! Успокойте родителей вашихъ!»

Я живо тронутъ былъ радушіемъ этого благороднаго человѣка и, конечно, никогда его не забуду [1]).

Теперь отправимся къ Захарову на чтеніе.

17 Февраля, Воскресенье. Вчерашній вечеръ у И. С. Захарова не похожъ былъ на вечеръ литературный. Кого не было! Сенаторы, оберъ-прокуроры, камергеры и даже самъ главнокомандующій С. К. Вязмитиновъ. Когда я вошелъ въ гостиную, меня какъ будто обдало кипяткомъ и чуть не помутились глаза; я боялся, чтобъ не пришлось мнѣ читать стихи свои передъ этимъ ареопагомъ; дѣло, однакожъ, обошлось благополучно: я читалъ ихъ послѣ ужина, подкрѣпивъ себя тремя или четырьмя рюмками добраго вина и въ то время, когда уже бо́льшая половина гостей разъѣхалась.

Изъ лицъ, которыя были на вечерѣ, всѣхъ болѣе произвелъ на меня впечатлѣніе Вязмитиновъ, и совсѣмъ не по званію своему главнокомандующаго и министра военныхъ силъ, а по необычайной своей вѣжливости и благосклонному, предупредительному обращенію [2]). Вязмитиновъ приглашенъ былъ на вечеръ въ качествѣ автора: онъ нѣкогда (1778 г.) сочинилъ оперку, извѣстную подъ заглавіемъ *Новое Се-*

[1]) Б. И. Крейтеръ былъ не только добрый и честный человѣкъ въ полномъ значеніи слова, но, сверхъ того, знающій и опытный дѣлецъ. Автору „Дневника" удалось узнать многія подробности его жизни, дѣлающія честь уму его и сердцу. Вотъ одинъ примѣръ его безкорыстія. И. Ѳ. С—ій (честнѣйшій человѣкъ) нанималъ у него въ домѣ, на Сергіевской улицѣ, квартиру и, будучи перемѣщенъ на службу въ Саратовъ, долженъ былъ ѣхать, не имѣя чѣмъ расплатиться съ хозяиномъ. „Какъ же быть, Богданъ Иванычъ?" говорилъ И. Ѳ., „у меня не только на расплату съ вами, но едва ли достанетъ денегъ и на прогоны".—„Э, ну!" отвѣчалъ старикъ, „заплотите когда-нибудь; а не достанетъ на прогоны, такъ, пожалуй, я дополню".—„А если умру?" возразилъ С—ій.—„Ну, такъ сочтемся на томъ свѣтѣ", рѣшилъ добрый Крейтеръ.

[2]) О С. К. Вязмитиновѣ будетъ пространнѣе говорено впослѣдствіи. Авторъ „Дневника" имѣлъ случай видѣть его ежедневно съ 1812 по 1816 годъ, быть свидѣтелемъ неутомимыхъ его трудовъ по должности главнокомандующаго и управляющаго Министерствомъ Полиціи, и оцѣнить высокія качества души его и сердца. Это былъ мужъ совѣта и разума и, не смотря на высокое свое званіе, необыкновенно скроменъ, кротокъ, доступенъ и привѣтливъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

мейство, и самъ, какъ меня удостовѣряли, положилъ ее на музыку. Хотя оперка, въ двухъ дѣйствіяхъ, имѣвшая въ свое время только случайный успѣхъ, и не можетъ давать ему права на званіе литератора (чего, конечно, онъ и не добивается), но любовь его къ словесности, желаніе слѣдить за ея успѣхами и уваженіе къ трудамъ литературнымъ заслуживаютъ того, чтобъ предъ нимъ растворились двери и самой Академіи. Онъ не похожъ на того вельможу, который, какъ я слышалъ, публично утверждалъ, что литераторы рѣшительно ни къ чему неспособные люди, и что всѣхъ бы ихъ слѣдовало засадить въ домъ сумасшедшихъ. Вотъ меценатъ!

Гаврила Романовичъ долго и съ жаромъ разговаривалъ о чемъ-то съ сенаторами, княземъ Салаговымъ и Рѣзановымъ, засѣдающими въ въ одномъ департаментѣ съ хозяиномъ дома, и потомъ, живо обратясь къ сидѣвшему возлѣ Вязмитинова оберъ-прокурору П**, вдругъ спросилъ его: «Да за что жъ, Гаврила Герасимовичъ, вы мучите человѣка? Вотъ я сейчасъ просилъ Дмитрія Ивановича и князя о скорѣйшемъ окончаніи дѣла этого несчастнаго Ананьевскаго. Они ссылаются на васъ, что вы предложили потребовать еще какія-то новыя отъ Палаты справки; но вѣдь справки были давно собраны всѣ; если же нѣтъ, то зачѣмъ не потребовали ихъ прежде и въ свое время?» П** извинялся, увѣряя, что дѣло Ананьевскаго скоро кончено будетъ. «Кончено будетъ!» возразилъ Гаврила Романовичъ; «но покамѣстъ онъ и съ дѣтьми можетъ умереть съ голоду».

Мнѣ стало понятно, отчего многіе не любятъ Державина.

Началось чтеніе. Читали стихи какого-то Кукина на случай избранія адмирала Мордвинова, друга А. С. Шишкова, въ губернскіе начальники Московской милиціи. Стихи очень плохи: видно, что они произведеніе какого-нибудь домашняго стихотворца, болѣе усерднаго, нежели талантливаго. Хозяинъ прочиталъ переводъ свой нѣсколькихъ писемъ Фенелона о благочестіи; нѣтъ сомнѣнія, что эти письма Камбрейскаго архіепископа въ высокой степени поучительны и полезны; но надобно читать ихъ дòма, съ нѣкоторымъ размышленіемъ, а не въ такомъ обществѣ, которое собирается слѣдить за успѣхами Русской литературы не по переводамъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей, а по новымъ оригинальнымъ сочиненіямъ; да и переводъ Захарова напыщенъ и вовсе не имѣетъ характера Фенелонова слога, столь простаго и благороднаго. Слушая эти письма, гости почти дремали; но, кажется, хозяинъ не замѣчалъ этого и безжалостно продолжалъ чтеніе до самаго ужина, а между тѣмъ Вязмитиновъ уѣхалъ, воспользовавшись минутою отдохновенія чтеца; за нимъ вскорѣ удалились князь Салаговъ, Рѣзановъ, и еще многіе, одни за другими, вставая потихоньку

съ мѣстъ своихъ, прокрадывались изъ гостиной на цыпочкахъ; нечувствительно кружокъ разрѣдѣлъ, и остались только мы, большею частью слушатели по призванію, то-есть тѣ, которымъ хотѣлось или ужинать, или читать стихи свои. Мнѣ хотѣлось и того, и другаго; но мало ли чего хочется! И дородная барышня Скульская, двадцати-пяти-лѣтняя невинность, любимая ученица моего Петра Ивановича, въ одной изъ своихъ черезчуръ наивныхъ басенокъ сказала сущую правду:

Мы сами иногда не знаемъ,
Чего такъ пламенно желаемъ!

Конечно, мнѣ удалось и поужинать, и прочитать стихи свои *Къ деревнѣ*:

Деревня милая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь подъ кровъ счастливый твой?

но за-то и выслушать получасовое замѣчаніе нѣкоторыхъ повидимому записныхъ аристарховъ о томъ, что эпитетъ *милая* не у мѣста и можетъ прилагаться только къ одушевленнымъ предметамъ, какъ напримѣръ, къ другу, къ женщинѣ, къ ребенку и проч.; что нельзя также сказать, обращаясь къ деревнѣ: *когда я возвращусь подъ кровъ твой*, потому что деревня слово *собирательное* и хотя состоитъ изъ *многихъ кововъ*, но собственно сама по себѣ *кровомъ* назваться не можетъ, но, что, впрочемъ, очень легко исправить эти стихи слѣдующимъ образомъ:

„Деревня *тихая*, о хижина *драгая*“ и проч.

Всѣ замѣчанія были въ томъ же родѣ; но никто не замѣтилъ мнѣ того, что̀ я замѣтилъ самъ себѣ, то-есть, что стихи мои не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ одного набора словъ, и что въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, на которой бы остановиться можно было; они похожи на какую-то жижу, смѣсь воды съ каплею меда: пить непротивно, но и вкуса никакого нѣтъ.

Въ заключеніе, добродушный хозяинъ сказалъ мнѣ съ видомъ *прозорливца*, что онъ тотчасъ же угадалъ, что я принадлежу къ новой Московской школѣ. «У васъ есть способности», примолвилъ онъ; «но вамъ надобно еще поучиться. Поживите съ нами, мы васъ *выполируемъ*»... Покорнѣйше благодарю!

А между тѣмъ я подслушалъ, какъ Гаврила Романовичъ, который, видно, небольшой охотникъ до грамматики и просто *поэтъ*, кому-то прошепталъ: «такъ себѣ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее!»

Ужинъ былъ славный. Безспорно, стихи мои могутъ подлежать критикѣ; но объ ужинѣ и самый злѣйшій зоилъ не можетъ сказать ничего, кромѣ хорошаго; иначе, по *деликатному* выраженію Бородулина:

„Онъ будетъ наглый лжецъ!“

18 Февраля, Понедѣльникъ. Минувшіе два года сряду праздновалъ я день своего рожденія у себя дома—праздновалъ не богато, но весело, въ небольшомъ кружку знакомыхъ и мылыхъ мнѣ людей. Памятны мнѣ наши бесѣды за простою студенческою трапезою: умныя, краснорѣчивыя разсужденія Алексѣя Θеодоровича, и острыя шутки Буринскаго, и прибаутки Снѣгиря *Nemo*, и застольныя пѣсни Злова; а вотъ нынѣшній годъ Богъ привелъ праздновать этотъ день у чужихъ людей... Хотѣлъ было идти *туда*, но пошелъ въ павильонъ слушать гасконады добродушнаго Лабата и споры его съ дочерьми и графомъ Монфокономъ.

И хорошо сдѣлалъ: непритворныя ласки болтливаго семейства благотворно подѣйствовали на больную душу. Разспросамъ конца не было: зачѣмъ пропадалъ такъ долго? у кого бывалъ? чѣмъ занимался? и проч. и проч. Дочери увѣряли, что я похудѣлъ; а внучка, Марья Лукинична, съ участіемъ утверждала, что я непремѣнно долженъ быть влюбленъ, потому что, по ея мнѣнію, молодымъ людямъ нельзя не быть влюбленнымъ. «Слѣдовательно, и вы влюблены?» спросилъ я ее.—«Hélas, je suis si laide, et pourtant je voudrais bien me marier» [1]), отвѣчала она. Расцаловалъ бы ее, голубушку, за такое откровенное признаніе!

За обѣдомъ маркизъ Лафертè [2]) сказывалъ, что послѣднія побѣды наши надъ Французами при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау возродили большія надежды въ королѣ и его приверженцахъ на возможность скораго возвращенія во Францію. «Возвращенія, можетъ быть; но ужъ, конечно, не такъ скораго», замѣтилъ графъ Монфоконъ, потому что l'Ogre Corse покамѣстъ очень могущественъ и владѣетъ огромными средствами, чтобъ съ успѣхомъ противостоять державамъ цѣлой Европы въ совокупности. Безъ особаго чуда», прибавилъ онъ, «бѣдный нашъ король долго долженъ еще скитаться по чужимъ областямъ, и я боюсь, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, не доживемъ до счастія увидѣть возвращеніе ему похищеннаго трона» [3]).—«Къ несчастью, Монфоконъ правъ», сказалъ, съ видомъ величайшаго сожалѣнія и всплеснувъ руками, Лабатъ: «Бонапарте силенъ, борьба съ нимъ скоро окончиться не можетъ, и одна надежда на помощь Божію и содѣйствіе Россіи».—«А я такъ думаю напротивъ», возратилъ Лафертè: «еще нѣсколько усилій со стороны Германіи, Англіи и Россіи, и Бонапарте удержаться

[1]) Увы, я такъ не пригожа и однако очень хотѣла бы выдти замужъ.

[2]) Знатный эмигрантъ, за отъѣздомъ графа Блакаса, оставшійся повѣреннымъ въ дѣлахъ короля Людовика XVIII-го.

[3]) Однакожъ, старый графъ Монфоконъ дожилъ до этого счастія и могъ бы участвовать въ щедротахъ короля эмигрантамъ (въ министерство Виллеля), но смерть постигаетъ насъ большею частью въ то время, когда мы достигаемъ совершеннаго исполненія надеждъ и желаній нашихъ: Монфоконъ умеръ, сбираясь въ Парижъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

не можетъ; потому что если онъ испытаетъ нѣсколько такихъ же неудачъ, какъ при Эйлау, то и Францiя не останется спокойною».

19 Февраля, Вторникъ. Масляница въ полномъ разгарѣ. Я таскался по балаганамъ глазѣть на народъ, продрогъ и промочилъ ноги; а зачѣмъ ходилъ—Богъ-вѣсть. Лучше было бы заняться чѣмъ-нибудь путнымъ, вмѣсто того, чтобъ рисковать здоровьемъ. Пожалуй, чего добраго, Альбини съ Торсбергомъ опять захотятъ пустить мнѣ кровь! Можетъ статься, оно было бы и нужно, только не изъ рукъ и не ланцетомъ...

По набережной гулявшихъ было много; было также довольно нарядныхъ экипажей, но въ этомъ отношенiи Петербургъ не можетъ равняться съ Москвою: у насъ вообще упряжь гораздо великолѣпнѣе. Московскiе щеголи ничего не дѣлаютъ въ половину; отличаться такъ отличаться: подавай золоченыя колеса, красную сафьянную сбрую съ вызолоченнымъ наборомъ, который горѣлъ бы какъ жаръ; подавай лошадей—львовъ и тигровъ съ гривами ниже колѣна, такихъ лошадей, которыя бы, какъ выражаются охотники, просили *кофе*; а какъ одѣть кучеровъ иначе, какъ не въ бархатные кафтаны, голубые, зеленые, малиновые съ бобровыми опушками, съ какою-то блестящею оторочкою! Словомъ, заглядѣнье! Здѣсь все гораздо проще и, можетъ быть, во всемъ больше вкуса; но для человѣка, привыкшаго къ раззолоченымъ каретамъ, къ красной сбруѣ, къ бархатнымь кафтанамъ яркихъ цвѣтовъ и гремящимъ цѣпямъ, которыми перевозжены коренныя лошади и подручная, здѣшнiе экипажи могутъ показаться нѣсколько бѣдными. Мнѣ понравился, впрочемъ, экипажъ офицера Конной Гвардiи Жандра: четверня огромныхъ рыжихъ лошадей съ проточинами, всѣ одна въ одну, идутъ на курбетахъ; карета почти чернаго цвѣта съ красными обводками, очень легкая и красивая; а упряжь изъ тоненькихъ веревочекъ, обтянутыхъ глянцевою кожею, съ самымъ легкимъ серебрянымъ наборцемъ—очень мило и красиво.

Приходилъ сослуживецъ мой Алексѣй Юшневскiй, бывшiй нашъ студентъ, прiятель Гнѣдича, малый умный и чудакъ преестественный. Онъ засталъ меня за письменною конторкою съ перомъ въ рукѣ. «Что дѣлаешь?»—«Пишу».—«Сочиняешь?» — «Описываю».—«Какого чорта ты описываешь?»—«Не чорта, а свой день».—«Славное занятiе! И не скучно?»—«Привыкъ».—«Правда, ко всему привыкнуть можно....» — «Кромѣ голода...»—«И жажды», подхватилъ онъ: «прикажи-ка подать чаю».—«Прикажи самъ».

Юшневскiй велѣлъ принести самоваръ и чайный приборъ, поставилъ столикъ и, накрывъ его салфеткой, расположился пить чай, en amateur. «Вы всѣ профаны», сказалъ онъ, «пьете чай кой-какъ; на-

добно пить его со вкусомъ, какъ пьютъ Московскія купчихи».—«Кушай во здравіе; у меня чай Московской; его станетъ на годъ на всю артель сослуживцевъ».—«Знаю; Хмѣльницкій не нахвалится твоимъ чаемъ; оттого-то, признаться, я и зашелъ къ тебѣ».—«Спасибо за откровенность».—«Впрочемъ это шутка, а зашелъ я къ тебѣ вотъ зачѣмъ: не хочешь ли познакомиться съ Гнѣдичемъ?»—«Какъ не хотѣть!»—«Такъ отправимся къ нему завтра».—«Нѣтъ, не могу».—«Почему же?»—«Надобно подождать пока поумнѣю: все это время я очень глупъ».—«Такъ намъ долго прійдется ждать».—«Богъ не безъ милости! Я былъ свидѣтелемъ и не такихъ чудесъ».—«Какихъ же?»—«Я видѣлъ слабоумнаго Грамматина на степени перваго ученика въ пансіонѣ, и умнаго золотомедальнаго ученика Граве на публичномъ Нѣмецкомъ театрѣ, въ роли странствующаго башмачника».—«Что̀ жь это доказываетъ?»—«Это доказываетъ, что первые бываютъ послѣдними и послѣдніе первыми».—«Теперь подлинно я вижу, что мы долго не пойдемъ къ Гнѣдичу: ты *къ тому же* залѣзъ въ метафизику».—«Поживи съ мое, залѣзешь въ нее и ты».

Юшневскій захохоталъ; онъ былъ старѣе меня четырьмя годами. «Да признайся, что̀ ты тамъ вараксалъ въ то время какъ я пришелъ?»—«Право, записывалъ день свой».—«Не ужъ-то же въ самомъ дѣлѣ ежедневно записываешь всякій вздоръ?»—«Непремѣнно».—«Какая цѣль тратить по пустому время? Лучше бы читалъ или сочинялъ что-нибудь дѣльное».—«Со временемъ, можетъ-быть, и этотъ вздоръ на что-нибудь пригодится».—«Поэтому запишешь и нашъ разговоръ съ тобою?».—«Слово-въ-слово».—«И покажешь мнѣ?»—«Завтра же въ Коллегіи».—«Чудакъ!»—«Родомъ такъ».—«Предвижу, что вы будете большими друзьями съ Гнѣдичемъ: онъ въ своемъ родѣ также чудакъ».—Можетъ быть; но покамѣсть я не пойду къ нему».—«А сказать ему о тебѣ?»—«Кто жъ мѣшаетъ? Скажи, что я радъ съ нимъ познакомиться, но не теперь: у меня точно голова не въ порядкѣ».—«Да что̀ жъ такое? Денегъ нѣтъ, или семейныя огорченія?»—«Небольшія деньги на нужду есть, а въ семействѣ до сихъ поръ все обстоитъ благополучно».—«Ну такъ воля твоя, не понимаю».—«И понимать нечего; бываетъ у молодыхъ лошадей мытъ, а у людей корь и оспа и разные волдыри на тѣлѣ; у меня волдыри на душѣ и на сердцѣ: нравственный мытъ—вотъ и все; будетъ съ тебя?»

Мой Юшневскій отправился домой приговаривая: «Жаль, очень жаль! Но, видно, мы долго не пойдемъ къ Гнѣдичу».

20 Февраля, Среда. Утромъ заходилъ въ Коллегію и, къ крайней досадѣ моей, узналъ, что дежурство мое приходится въ Воскресенье.

Нечего сказать—весело! Послѣдній день Масляницы я буду затворникомъ. Одна надежда на Хмѣльницкаго, что не дастъ умереть со скуки.

Я показывалъ Юшневскому вчерашній дневникъ мой. Онъ удивился, прочитавъ его, и не утерпѣлъ, чтобъ не подписать подъ нимъ: *съ подлиннымъ вѣрно* [1]), примолвивъ: «долго не идти намъ къ Гнѣдичу!»

Вечеромъ съ часъ просидѣлъ у Гаврила Романовича. Онъ былъ неразговорчивъ и что-то невеселъ, однакожъ не жалуется на нездоровье. Просилъ меня прійдти завтра утромъ взглянуть на четверку лошадей, которыхъ прислалъ ему графъ Кутайсовъ съ Тамбовскаго своего завода. Говоритъ, что обошлись недорого; только боится, чтобъ не были очень бойки.

21 Февраля, Четвергъ. Лошади, присланныя графомъ Кутайсовымъ Державину, точно хороши: большаго роста, одна въ одну, рыжегалой, такъ называемой розовой масти, и въ добавокъ выѣзжены. Старикъ любовался ими изъ окна своего кабинета, а завтра намѣренъ выѣхать на нихъ въ первый разъ. Онѣ обошлись ему 1,200 рубл. съ приводомъ—недорого: за такую цѣну нельзя было бы купить ихъ и на Лебедянской ярмаркѣ. Кутайсовъ прислалъ также и князю Лопухину шесть лошадей только другой масти.

Теперь я догадываюсь, отчего Гаврила Романовичъ вчера былъ такъ невеселъ и задумчивъ. У него въ головѣ письмо къ Государю о дозволеніи передать свою фамилію старшему изъ своихъ племянниковъ, Леониду Львову. Онъ намѣренъ былъ просить объ этомъ на первой недѣлѣ Великаго поста, но его извѣстили, что Государь скоро отъѣзжаетъ въ армію, и что теперь не время безпокоить его величество.— «Боюсь, чтобъ не ушло время», сказалъ Гаврила Романовичъ», и чтобъ не сбылось мое предсказаніе:

„Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима“.

«Отсутствіе Государя, вѣроятно, продолжится недолго», замѣтилъ я.— «Богъ вѣсть, братецъ, а смерть не за горами» [2]).

[1]) Эта подпись на дневникѣ сохранилась и до сихъ поръ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Въ томъ же году Гаврила Романовичъ поручилъ автору „Дневника“ отнести всеподданнѣйшее письмо его объ усыновленіи Л. Н. Львова къ П. С. Молчанову, назначенному тогда статсъ-секретаремъ у принятія прошеній (вмѣсто умершаго М. Н. Муравьева). Молчановъ тотчасъ же доложилъ о немъ Государю, но высочайшаго соизволенія на усыновленіе Львова не послѣдовало. Это письмо, написанное собственною рукою Державина, передано авторомъ „Дневника“ въ подлинникѣ, съ разными другими бумагами, М. П. Погодину; оно весьма любопытно въ томъ отношеніи, что поэтъ право свое на испрашиваемую милость основываетъ на сочиненіи имъ *Солянаго Устава.* Державинъ и Соляной Уставъ! *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Эти слова, сказанныя голосомъ слабымъ и печальнымъ, навѣяли на меня какое-то неизъяснимое уныніе.

Я оставилъ Державина въ грустномъ расположеніи духа и для разсѣянія отправился къ Яковлеву, у котораго нашелъ любезнаго отца Григорія. Они сбирались платить дань Масляницѣ — ѣсть блины. «Милости просимъ на новую бесѣду!» сказалъ весело Яковлевъ, «старая вся исчерпана, и мы наговорились вдоволь, такъ что не о чемъ больше и говорить. Ваша очередь быть запѣвалою»... «То-есть *запивалою*, хотѣли вы сказать, Алексѣй Семенычъ», отвѣчалъ я; «въ такомъ случаѣ, если бесѣда исчерпана, то, кажется, не совсѣмъ еще исчерпанъ вонъ этотъ графинъ съ травникомъ, и я готовъ выпить рюмку». Яковлевъ захохоталъ. «Мы закусили, въ ожиданіи блиновъ. Въ сосѣдней харчевнѣ пекутъ отличные, и дóма такихъ не дождешься». — «Вы правы: Московскіе охотники до блиновъ не иначе ѣдятъ ихъ, какъ изъ харчевень». — «Отчего же это бываетъ?» — «Видно оттого, что въ харчевнѣ, по количеству съѣдаемыхъ блиновъ, сковорода опекается лучше.» — «А гдѣ вы были теперь?» — «У Гаврила Романовича». — «Зачѣмъ же такъ рано? Еще не пробило и 12». — «Смотрѣлъ съ нимъ присланныхъ ему лошадей». — «А вы знаете въ нихъ толкъ?» — «Не могу хвалиться, но думаю, что знаю не меньше другихъ... Между тѣмъ, по словамъ Фонвизина: *не о птицахъ предлежитъ дѣло, а о разумной твари.* Когда вы играете?» — «Завтра играю *Вольфа* въ Гусситахъ». — «Пойду смотрѣть». — «А вы любите драмы?» — «Люблю, когда вы играете въ нихъ. Намедни съ удовольствіемъ видѣлъ васъ въ роли Мейнау». — «Каратыгина была лучше меня». — «Ну, не скажу: Каратыгина лучшая Эйлалія, какую я въ жизни моей видѣлъ; но вы — совершенство! Вамъ не доставало одного: умѣнья одѣться. Вы слишкомъ пренебрегаете своимъ костюмомъ: вышли на сцену даже небритые». — «А вы и это замѣтили? Но завтра костюмъ мой будетъ старогерманскій: вы будете довольнѣе мною, хотя Каратыгина, въ роли Берты, убьетъ меня и заставитъ васъ плакать». — «Поможете ей и вы, Алексѣй Семенычъ; только смотрите, берегитесь: въ партерѣ будетъ находиться человѣкъ, который замѣтитъ всякое ваше слово и всякое тѣлодвиженіе ваше». — «Замѣтитъ да и запишетъ», сказалъ иронически Яковлевъ; «вишь вы какой соглядатай; мы къ этому не привыкли».

Наконецъ, принесли блины въ горшкѣ, окутанномъ салфеткой. Яковлевъ ѣлъ мало, какъ бы нéхотя, но мы съ отцомъ Григоріемъ не положили охулки на руку. «Блины блинами», сказалъ отецъ Григорій, «а рѣчь рѣчью. Давича, когда вы взошли, я толковалъ Алексѣю Семеновичу о томъ, что, мнѣ кажется, трудно удержаться актеру въ своемъ естественномъ характерѣ человѣка и, волею-неволею, не принять

болѣе или менѣе свойствъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ представляетъ, а чрезъ то не потерять своихъ собственныхъ».—«Пустяки», отвѣчалъ Яковлевъ, «можно пріучиться къ ненатуральному разговору и къ высокопарности—и больше ничего. Сахаровъ цѣлый вѣкъ свой представляетъ злодѣевъ, а въ сущности добрѣйшій человѣкъ. Шушеринъ играетъ нѣжныхъ отцовъ, а ужъ такой крючокъ, что Боже упаси! Вонъ и Каратыгинъ: кромѣ вѣтрогоновъ да моторыгъ ничего другаго не играетъ, а посмотри его дома: порядоченъ и бережливъ; а Пономаревъ? То записной подъячій, то скряга, то плутъ-слуга, а нéчего сказать: смирнѣе и скромнѣе его человѣка не сыщешь. Да я и самъ: лѣтъ около пятнадцати вожусь на сценѣ съ *Ярбами*, *Магометами*, а все остался тѣмъ же Яковлевымъ. Пустяки, совершенные пустяки! Однакожъ послѣ блиновъ не выпить ли пуншу?»

Отецъ Григорій отказался отъ пунша, и я также, памятуя тотъ óмегъ, которымъ угостилъ меня Яковлевъ въ первое мое посѣщеніе, и попросилъ воды. «Что жъ вамъ за охота пить воду?» спросилъ хозяинъ.—«А вы развѣ не читали Пи́ндара?»—«Читалъ двѣ оды его, въ переводѣ Державина, и помню».—«Слѣдовательно, должны знать, что *всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй*; а если хотите, такъ П. И. Кутузовъ перевелъ еще вразумительнѣе: *всѣхъ лучше жидкостей вода*! Собесѣдники засмѣялись. «Этакъ переводить немудрено», замѣтилъ отецъ Григорій.—«Напротивъ, гораздо труднѣе, чѣмъ вы полагаете», сказалъ Яковлевъ: «надобно имѣть особое дарованіе, чтобъ поэтическіе стихи обращать въ медицинскіе афоризмы».

Я отправился домой, къ возлюбленной моей конторкѣ, единственной повѣренной всѣхъ моихъ думъ, мыслей и чувствованій. Эхъ-ма!

22 Февраля, Пятница. Надобно отдать справедливость старику Василью Александровичу Самсонову, что онъ человѣкъ необыкновенно умный и опытный въ жизни. Я просидѣлъ съ нимъ цѣлое утро и не замѣтилъ, какъ прошло время. Онъ не истощался въ разсказахъ: память имѣетъ чрезвычайную и, сверхъ того, мастеръ говорить; а какъ онъ предупредителенъ, нѣженъ и забавенъ въ обращеніи съ женою своею, крошечною и добродушною старушенцею—право, мило смотрѣть. Вотъ настоящіе Русскіе Филимонъ и Бавкида! Они живутъ скромно, однакожъ гостепріимны и рады угостить всякаго, чѣмъ Богъ послалъ. Самсоновъ охотникъ покушать и большой пріятель съ извѣстнымъ Петербургскимъ гастрономомъ, камеръ-юнкеромъ Ласунскимъ *), который никогда не обѣдаетъ дома безъ того, чтобъ для аппетита не пригласить и Василья Александровича.

*) Первымъ супругомъ Спасобородинской игуменьи Маріи? П. Б.

Старикъ много разсказывалъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ персонажахъ царствованія императрицы Екатерины II-й. «Многіе изъ нихъ», говорилъ онъ, «точно были геніальные люди; но другіе пользовались репутаціею умныхъ и дѣловыхъ сановниковъ только потому, что Императрица руководила ими, а въ сущности были очень ограниченныхъ способностей и ума; но за то эти господа мастера были окружать себя какою-то великолѣпною важностью и составлять себѣ кліентовъ, которые проповѣдывали о ихъ великихъ достоинствахъ. Они выдавали себя и за меценатовъ, имѣя подъ рукою нѣсколько голодныхъ поэтовъ для домашняго обихода и прославленія ихъ добродѣтелей, потому что *меценатство* было тогда въ модѣ. А знаешь ли, отчего оно попало тогда въ моду? Императрица, которая покровительствовала словесности, наукамъ и художествамъ, замѣтивъ въ одномъ вельможѣ закоренѣлое презрѣніе къ произведеніямъ ума и художествъ, изволила спросить оберъ-шталмейстера Нарышкина: «отчего *такой то* не любитъ живописи и ненавидитъ стихотворство до такой степени, что, по словамъ княгини Дашковой, онъ всѣхъ, ни къ чему годныхъ людей своихъ, называетъ живописцами и стихотворцами?» – «Оттого, матушка», отвѣчалъ Нарышкинъ, «что онъ голова глубокомысленная и мелочами не занимается».—«Правда твоя, Левъ Александрычъ», вздохнувъ, сказала Императрица; «только и то правда, что головы, слывущія за глубокомысленныхъ, часто бываютъ пустыя головы». Замѣчаніе Императрицы огласилось, и съ тѣхъ поръ придворные другъ предъ другомъ стали покровительствовать стихотворцамъ и живописцамъ, заводить домашніе театры и составлять картинныя галереи.

«Такъ иногда», продолжалъ Самсоновъ, «премудрая Монархиня однимъ кстати сказаннымъ словомъ измѣняла нравы, вводила новые обычаи, и даже нечувствительно смягчала природныя свойства людей, ее окружавшихъ. Напримѣръ: узнавъ, что одинъ изъ ближайшихъ къ ней сановниковъ, обязанный, по занимаемому имъ посту, выслушивать просителей, обходился съ ними надменно, не принималъ труда обстоятельно объясняться съ ними и вообще былъ недоступенъ, она, въ одномъ изъ своихъ вечернихъ собраній, завела рѣчь о томъ, какъ должна быть противна надменность въ вельможахъ, обязанныхъ быть посредниками между государями и народомъ. «Эта надменность происходитъ», замѣтила Императрица, «отъ ограниченности ихъ ума и способностей: они боятся всякаго столкновенія съ людьми, чтобъ тѣ не разгадали ихъ, и, для произведенія эффекта, нуждаются въ оптическомъ обманѣ разстоянія и театральномъ костюмѣ»; и съ послѣднимъ словомъ обратившись къ гордецу, она вдругъ спросила его: «а что, у тебя много бываетъ просителей?»—«Не мало, Государыня», отвѣчалъ сановникъ.—«Я увѣ-

рена, что они выходятъ отъ тебя гораздо довольнѣе, чѣмъ при входѣ въ твою пріемную: несчастье и нужда требуютъ снисходительности и утѣшенія, и твое дѣло позаботиться, чтобъ эти бѣдные люди не роптали на насъ обоихъ». Вельможа понялъ намёкъ и съ тѣхъ поръ изъ надменнаго и неприступнаго сановника сдѣлался самымъ доступнымъ, вѣжливымъ, снисходительнымъ и даже предупредительнымъ государственнымъ человѣкомъ.»

Вечеромъ любовался Яковлевымъ и Каратыгиною въ «Гусситахъ»: они были превосходны, особенно въ сценѣ выбора дѣтей, которыхъ рѣшено послать въ непріятельскій станъ, они заставили всѣхъ плакать навзрыдъ, и я замѣтилъ, что Яковлевъ едва ли не плакалъ самъ: съ такимъ необыкновеннымъ чувствомъ игралъ онъ эту сцену! За то Бобровъ, игравшій военачальника Гусситовъ, былъ очень смѣшонъ. Я видѣлъ его въ роли Мамаева посла въ «Димитріи Донскомъ»; тамъ былъ онъ сноснѣе и даже недуренъ, вѣроятно, оттого, что грубые пріемы и необработанный голосъ согласовались больше съ характеромъ роли Татарина. Говорятъ, что Бобровъ превосходно играетъ Тараса Скотинина въ «Недорослѣ»; вѣрю, потому что онъ въ роли военачальника былъ настоящимъ Скотининымъ.

Я не въ состояніи объяснить, какое непріятное дѣйствіе производятъ это безпрерывное чиханье и сморканье и этотъ безпрестанный кашель райской и даже партерной публики Русскаго театра во время патетическихъ сценъ драмы или трагедіи. Мнѣ кажется, можно бы, изъ уваженія къ другимъ посѣтителямъ, какъ-нибудь и скрыть свою чувствительность, проявляющуюся въ такихъ непристойныхъ симптомахъ.

23 Февраля, Суббота. Сегодня нечаянно столкнулся я съ Харламовыми, Александромъ и Николаемъ Гавриловичами. Они также Данковцы и коротко знаютъ біографію всего нашего семейства. Старшій изъ братьевъ, статскій совѣтникъ, служитъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія—большой дѣлецъ, въ короткое время нажилъ прекрасное состояніе и дѣлитъ его съ братомъ, отставнымъ морякомъ, хилымъ и больнымъ. У нихъ огромный домъ въ Большой Садовой улицѣ, противъ третьей съѣзжей, и много незанятыхъ квартиръ. Они чрезвычайно уговаривали меня переѣхать къ нимъ и предлагали свои услуги.—«Мы Петербургскіе старожилы», говорили они, «люди холостые и независимые, и намъ было бы пріятно позаботиться о пріѣзжемъ землякѣ». Я благодарилъ услужливыхъ братьевъ и обѣщалъ бывать у нихъ часто, если позволитъ время. За обѣдомъ у Альбини я разсказывалъ имъ объ этой встрѣчѣ и объ одолжительномъ предложеніи земляковъ моихъ. «Отъ добра добра не ищутъ», сказали въ одинъ голосъ мужъ и

жена: «квартира у Торсберга хорошая, а сверхъ того, переѣхавъ къ Харламовымъ, вы отдалитесь отъ насъ и другихъ вашихъ знакомыхъ». Разумѣется, такъ.

Съ нами обѣдали генералъ суперинтендентъ пасторъ Рейнботъ и ловеласъ Иванъ Кузьмичъ *), который не отвыкъ отъ обыкновенныхъ комплиментовъ. Но—увы! съ комплиментами своими принужденъ онъ въ Петербургѣ обращаться къ однѣмъ, развѣ, горничнымъ, или тому подобнымъ дамамъ, потому что не бываетъ ни въ одномъ порядочномъ обществѣ. Въ Липецкѣ для него было золотое время: тамъ онъ, по званію секретаря директора Липецкихъ водъ, безнаказанно могъ надоѣдать всѣмъ дамамъ, пьющимъ и непьющимъ воды, лишь бы только случилось имъ попасть въ галерею.

Рейнботъ очень умный и, кажется, дѣльный человѣкъ. Онъ очень знакомъ съ пасторомъ Гейдеке и старикомъ Бруннеромъ и чрезвычайно уважаетъ ихъ. Съ Гейдеке онъ даже въ перепискѣ и снабжаетъ его нѣкоторыми книгами по части теологіи и педагогики, которыхъ въ Москвѣ добыть нельзя. Онъ распрашивалъ меня о Московскомъ его житьѣ-бытьѣ и, между прочимъ, сказывалъ, что Гейдеке имѣетъ много враговъ, которые стараются клеветать на него и вредить ему. Я отвѣчалъ, что сколько мнѣ извѣстно, Гейдеке жизнь ведетъ непозорную, уважается многими извѣстными въ Москвѣ людьми, извѣстными литераторами и университетскими профессорами и почитается человѣкомъ вовсе необыкновеннымъ. «Въ томъ-то и бѣда», сказалъ Рейнботъ, «что обыкновенные люди успѣваютъ вообще скорѣе необыкновенныхъ, потому что послѣдніе хотятъ, чтобъ дорожили ими самими, между тѣмъ какъ первые дорожатъ только своими покровителями. Чуть ли у нашего друга не слишкомъ остро перо, а еще острѣе языкъ».

Возвратившись отъ Альбини, я нашелъ у себя Кобякова и очень обрадовался, что не одинъ проведу вечеръ дома. Кобяковъ пришелъ съ жалобою на Вельяминова, что переводы его черезчуръ становятся плохи; напримѣръ, въ финалѣ *Импрезаріо* онъ заставляетъ любовницу пѣть:

Пусть отсохнетъ рука,
Коль пойду за старика:
Старики ревнивы, злы,
Настоящіе козлы!

Я чуть не умеръ со смѣху и догадался, въ чемъ дѣло. «Ты, любезный другъ», сказалъ я Кобякову, «напрасно сѣтуешь на Вельяминова: вѣдь *Импрезаріо* опера-буффа, а въ оперу-буффу эти стихи допустить

*) См. выше подъ 23-го Іюля 1805.

можно. Посмотрѣлъ бы ты, ка́къ мы въ Москвѣ переводили оперы: и не то сходило съ рукъ; да и самые диѳирамбы Сумарокова чѣмъ лучше Вельяминовскаго перевода? Самъ посуди:

Бахуса я вижу зла.
Разъяренну, пьяну, мертву,
Принесу ему на жертву
Я козла!

«А что́ ты думаешь?» сказалъ Кобяковъ, «вѣдь и подлинно можно ихъ вставить въ финалъ. Музыка шумная: пожалуй, словъ и не разслышатъ; только *козлы*-то мнѣ не нравятся».—«Ну такъ поставь *ослы*— и дѣло съ концомъ». Землякъ мой успокоился. Немногое нужно, чтобъ огорчить человѣка; но, кажется, нужно еще менѣе, чтобъ его утѣшить.

24 Февраля, Воскресенье. Мы избавились отъ дежурства и послѣдній день масляницы провели не въ заключеніи. Кусовниковъ и Хмѣльницкій уладили дѣло славно: силою краснорѣчія и красной бумажки они уговорили протоколиста Котова, канцеляриста Сычова и Матвѣя Дмитріевича Дубинина замѣнить насъ: для нихъ это ничего не значитъ, потому что живутъ въ домѣ самой Коллегіи и могутъ, не отлучаясь, пить сколько душѣ угодно. На мой пай достался Дубининъ.

М. Д. Дубининъ человѣкъ историческій, мужъ стариннаго покроя и типъ канцелярскихъ чиновниковъ прежняго времени; это послѣдній въ своемъ родѣ, и природа, создавъ его, наконецъ, разбила форму. Ему за шестьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ пятьдесятъ онъ провелъ на службѣ въ Коллегіи, достигнувъ до почетнаго названія *живаго архива*. У него красный, фигурчатый съ наростами носъ, всегда заспанные глаза, пѣгіе нечесанные волосы, небритая борода, очки на лбу, перо за ухомъ и пальцы въ чернилахъ. Онъ пишетъ уставцомъ, четко, красиво, безошибочно, и уписываетъ на одной страницѣ то, чего другой, лучшій писецъ новаго поколѣнія не упишетъ на цѣломъ листѣ. Его главное дѣло держать реестръ печатаемымъ патентамъ, и онъ завѣдываетъ приложеніемъ къ нимъ печатей—чего лучше и аккуратнѣе его никто исполнить не въ состояніи; но ему поручаютъ переписку и другихъ бумагъ по Коллегіи, и особенно по Казенному Департаменту. Утромъ и натощакъ Матвѣй Дмитріевичъ всегда на ногахъ; но по окончаніи присутствія, онъ тотчасъ приступаетъ къ трапезѣ, и тогда уже видѣть его иначе нельзя, какъ лежащаго и утоляющаго жажду. Матвѣй Дмитріевичъ, съ оригинальнымъ своимъ почеркомъ, съ необыкновенною своею памятью и нанковымъ сюртукомъ, былъ извѣстенъ всѣмъ прежнимъ начальникамъ Коллегіи: князю Безбородкѣ, графу Растопчи-

ну и князю Чарторижскому, да и нынѣшній министръ Будбергъ знаетъ его; что касается до оберъ-секретарей, то онъ ихъ не ставитъ ни во что̀, но за то весьма уважаетъ казначея Бориса Ильича, который никогда не отказываетъ ему въ выдачѣ пяти рублей впередъ жалованья, а передъ большими праздниками рискуетъ иногда даже и десятью рублями. Какъ бы то ни было, но Матвѣй Дмитріевичъ считается, почему то, человѣкомъ почти необходимымъ въ своей сферѣ, и всѣ служащіе, начиная отъ оберъ-секретаря до нашего брата, не иначе называютъ его, какъ по имени: Матвѣй Дмитричъ, а при случаѣ спѣшной работы, прибавляютъ и слово *любезный*. Коллежское преданіе и экзекуторъ Степанъ Константиновичъ гласятъ, что будто-бы нѣкогда Матвѣй Дмитріевичъ и по утрамъ придерживался чарочки, и что во времена оны нѣкоторые жестокосердые оберъ-секретари, по тогдашнему обычаю, въ предупрежденіе несвоевременныхъ его отлучекъ, приказывали разувать его; но я на этотъ разъ дѣлаюсь пирронистомъ и не хочу вѣрить преданію.

Итакъ, по неожиданной благосклонности Матвѣя Дмитріевича я былъ на свободѣ и воспользовался ею, чтобъ сдѣлать визитъ землякамъ моимъ, Харламовымъ, которые, не ожидая такого скораго посѣщенія, очень обрадовались и приняли меня чрезвычайно-ласково. Вопросамъ и разспросамъ о Данковѣ и Данковскихъ помѣщикахъ конца не было. Я передалъ имъ какъ умѣлъ, все, что̀ только могъ знать и наконецъ спросилъ ихъ: отчего же они, повидимому, такъ любя родину, не съѣздятъ взглянуть на нее и повидаться съ родными?— Оттого», отвѣчалъ старшій братъ, «что тамъ у насъ не осталось ни одной души и ни клока земли, да и ближнихъ родныхъ нѣтъ, а есть однофамильцы: куда и къ кому мы пріѣдемъ? Здѣсь Богъ благословилъ насъ довольствомъ и спокойствіемъ, здѣсь, видно, и умереть прійдется; а признаюсь, когда случится увидѣть Данковца и слышать что-нибудь доброе о комъ-нибудь изъ земляковъ своихъ, право, сердце не нарадуется. Пожалуйста, переѣзжайте къ намъ въ домъ и располагайте нами, какъ вашими родными, безъ всякихъ церемоній и жеманства». Я увѣрилъ ихъ, что жеманство не въ моемъ характерѣ, и я его не люблю, потому что оно— вывѣска глупости, а я не желаю, чтобъ меня считали за дурака, и потому воспользуюсь ихъ обязательностью при первомъ удобномъ случаѣ.

Совѣтникъ отзывался о губернаторѣ Петрѣ Степановичѣ Пасевьевѣ чрезвычайно хорошо. «Это кладъ, а не человѣкъ», говорилъ онъ: «уменъ и добръ и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобъ облагородить Канцелярію Правленія. Къ несчастью, едвали мы скоро съ нимъ не разстанемся, потому что его славятъ сенаторомъ.

Обѣдалъ въ павильйонѣ: попалъ на *маркиза де-ла-Мотта*, котораго видѣлъ я на другой день моего пріѣзда въ Петербургъ у Лаба-

товъ въ Екатерининъ день, но тогда оставилъ безъ замѣчанія; сегодня разглядѣлъ его поближе. Что за отвратительная фигурка! Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ, маленькій, пузатенькій, косой, плѣшивый и, при всемъ томъ, пренадмѣнный, tranchant, и едва-ли не воображающій себя какимъ нибудь Шуазёлемъ или Морепа́. Онъ не умолкалъ о политикѣ, межевалъ государства, отнималъ области у одного и отдавалъ ихъ другому, заточалъ Бонапарте съ братьями въ возстановленную имъ Бастилію и проч.; а между тѣмъ, самъ продаетъ Дмитрію Львовичу Нарышкину Страсбургскіе пироги и Прованское масло, véritable huile d'Aix и даетъ чувствовать, что чуть-чуть не изъ первыхъ людей у него въ гостинной. Каковы же должны быть послѣдніе? хотѣлось бы мнѣ спросить его; но, кажется, ему скоро не сдобровать, потому что недавно женился онъ на такой бабищѣ, что страшно взглянуть: огромная, толстая, рябая, голосистая, съ такими рѣзкими ухватками, что такъ и кажется, что она при одномъ прикосновеніи къ ла-Мотту, расшибетъ его въ прахъ. Молодые супруги, которыхъ медовый мѣсяцъ еще не истекъ, развозятъ покамѣстъ другъ друга по своимъ знакомымъ на показъ, а тамъ что будутъ дѣлать—знаетъ развѣ одинъ добродушный и вспыльчивый графъ Монфоконъ. Онъ все время, покамѣстъ ла-Моттъ рѣшалъ судьбы царствъ и народовъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ: кашлялъ и вертѣлся на стулѣ, однако-жъ молчалъ; но лишь только молодые старые уѣхали, онъ вдругъ вскочилъ и, сложивъ ладони, прежалобно вскрикнулъ: «Oh, mon Dieu, mon Dieu! Il faut être bien sot pour se croire un sage» *). Вспомнивъ, что сегодня прощальный день, я, по Русскому обычаю, попросилъ прощенія у дамъ; но онѣ вдругъ привязались ко мнѣ, чтобъ я покаялся имъ во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, которыя будто бы онѣ уже знаютъ. Я бѣжалъ отъ нихъ безъ оглядки: онѣ рѣшительно принимаютъ меня за ребенка.

25 Февраля. Понедѣльникъ. Я началъ говѣть. Въ Казанскомъ Соборѣ служатъ чинно и благолѣпно, и хотя народу много, но покамѣстъ тѣсноты большой нѣтъ. На ефимоны ѣздилъ въ Невскій монастырь, въ которомъ до сихъ поръ еще не былъ. Служба простая, но величественная. Покаянный канонъ читалъ намѣстникъ Израиль внятно и вразумительно. Мнѣ понравился іеродіаконъ Филадельфъ, чрезвычайно благообразный, ловкій и развязный въ служеніи; голосъ его не исполинскій, какъ у Воржскаго, но звученъ и пріятенъ. Ирмосы пѣли монахи прекрасно; клиръ состоялъ изъ однихъ басовъ, кромѣ какого-то по́слушника, высокаго тенора. Это басовое пѣніе шестиглас-

*) О Боже мой, Боже мой! Надо быть очень глупымъ, чтобы почитать себя за мудраго.

ныхъ ирмосовъ невыразимо дѣйствуетъ на душу. Въ Троицкой Лаврѣ поютъ также отлично, но тамъ голоса перемѣшаны; здѣсь же, напротивъ, одни басы. Сказывали, что митр. Амвросій очень любитъ столбовое пѣніе и, въ бытность свою Казанскимъ архіепископомъ, кромѣ обыкновенныхъ пѣвчихъ архіерейскаго дома, имѣлъ еще хоръ, составленный изъ однихъ басовъ, который предпочтительно любилъ слушать.

26 Февраля, Вторникъ. Въ бесѣдѣ съ умнымъ человѣкомъ многому научиться можно; но если этотъ умный человѣкъ смотритъ на жизнь и свѣтъ съ своей особой точки зрѣнія, то онъ можетъ сбить съ толку. Умные, краснорѣчивые люди, увлекательнѣе всякой книги: читая книгу, ты имѣешь время поразмыслить и остеречься, а живое слово дѣйствуетъ такъ внезапно, что не успѣешь и опомниться, какъ ты уже въ его власти.

Вотъ хотя бы, напримѣръ, и старшій графъ де-Местръ, Сардинскій посланникъ: я не хотѣлъ бы остаться съ нимъ недѣлю одинъ съ глазу на глазъ, потому что онъ тотчасъ бы изъ меня сдѣлалъ прозелита. Ума палата, учености бездна, говоритъ какъ Цицеронъ, такъ убѣдительно, что нельзя не увлекаться его доказательствами; а если поразмыслить, то, не смотря на всю христіанскую оболочку, которою онъ прикрываетъ всѣ свои разсужденія (онъ иначе не говоритъ, какъ разсуждая), многое, многое кажется мнѣ несогласнымъ ни съ тѣмъ ученіемъ, ни съ тѣми правилами, которыя поселяли въ насъ съ дѣтства. Давеча изъ церкви я зашелъ навѣстить старика Лабата, чего-то объѣвшагося по случаю католической масляницы, и нашелъ у него де-Местра, стоявшаго предъ каминомъ и съ жаромъ разсуждавшаго. Изъ разнообразнаго, живаго и увлекательнаго его разговора я успѣлъ схватить налету нѣсколько идей, поразившихъ меня своею новизною. Онъ утверждалъ, что почти во всѣхъ случаяхъ жизни надобно опасаться болѣе друзей, чѣмъ враговъ своихъ; потому что послѣдніе по крайней мѣрѣ не введутъ васъ въ заблужденіе своими совѣтами, и что сознаніе нашего ничтожества должно повѣрять одному только Богу, но передъ людьми скрывать его, во избѣжаніе ихъ презрѣнія. Это, можетъ-быть, и правда, однакожъ что-то отзывается іезуитизмомъ. Но вотъ идеи, которыя кажутся мнѣ безукоризненно вѣрными: разсуждая объ одномъ государственномъ человѣкѣ, котораго всѣ вообще почитали за геніальнаго, графъ де-Местръ сказалъ, что «онъ съ своей стороны не очень вѣритъ въ его геніальность, потому что этотъ вельможа всегда окружалъ себя людьми вовсе посредственными, и если онъ дѣлалъ это для того, чтобъ лучше скрывать свои намѣренія и предположенія, то и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не впопадъ, потому что

нашимъ тайнамъ измѣняютъ большею частью не тѣ люди, которымъ мы повѣряемъ ихъ сами, но почти всегда тѣ, которые *о нихъ догадываются.*

Но пора мнѣ, по словамъ философа Сковороды,

Тщету отложити
Мудрости земныя
И въ мирѣ почити
Отъ злобы дневныя,

сирѣчь: идти на боковую, чтобъ завтра не опоздать на молитву.

27 Февраля, Среда. Идучи изъ церкви, встрѣтилъ Александру Васильевну П., которую такъ часто случалось мнѣ видать въ Москвѣ у тетки В. и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ. Тогда она была рѣзвою, веселою и милою дѣвушкою, но вскорѣ выдали ее замужъ за какого-то стараго и даже небогатаго полковника, и я потерялъ ее изъ виду. Теперь она овдовѣла и живетъ одна. Мы обрадовались другъ другу, потому что Петербургъ кажется и для нея чужою стороной. Лицо такое же ангельское, такая же свѣжесть, но что̀ за толщина—Боже мой! Ходитъ переваливаясь и насилу двигаетъ ноги. Не понимаю, какъ женщина въ 22 года такъ отолстѣть можетъ. Звала къ себѣ, увѣряя, что всегда почти до̀ма и особенно по вечерамъ, но предупредила, что живетъ покамѣстъ небогато, въ небольшой квартирѣ на Сѣнной, и что лѣстница высокая и неопрятна. «Какъ быть», сказала она, «послѣ Московскаго простора и довольства пришлось здѣсь жить въ тѣснотѣ и нуждѣ». Все равно, пойду къ ней непремѣнно вспомнить старину. Правду сказать: и миловидна, удивительно какъ миловидна!

Дмитрій Моисѣевичъ Паглиновскій присылалъ за мною. Онъ что-то имѣетъ передать мнѣ отъ дяди А. Г. Рахманинова, отправившагося въ деревню. Вотъ и еще человѣкъ, пропавшій для службы: въ 27 лѣтъ, будучи штабсъ-ротмистромъ Конной Гвардіи и красавцемъ въ полномъ значеніи слова—вдругъ женился, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ степь на покой! Впрочемъ, со стороны судить объ этомъ мудрено: все дѣлается не безъ причины.

28 Февраля, Четвергъ. Былъ у Паглиновскаго. Важное дѣло сообщилъ онъ мнѣ отъ дяди: «Александръ Герасимычъ поручилъ мнѣ просить васъ навѣщать насъ какъ можно чаще». - «Только-то?» — «Больше ничего». Вотъ прямо добрый человѣкъ! Хотя шутка несовсѣмъ забавна, но доказываетъ привѣтливость почтеннаго Дмитрія Моисѣевича *). Разумѣется, что я не останусь у него въ долгу.

*) Д. М. Паглиновскій, правитель военной канцеляріи генералъ-адъютанта графа Ливена, завѣдывавшаго военными дѣлами при особѣ Государя, былъ человѣкъ отличныхъ

При мнѣ пріѣзжалъ къ нему В. П. Кокушкинъ по какому-то дѣлу. Этотъ Кокушкинъ былъ въ свое время довольно значительнымъ персонажемъ, потому что пользовался благосклонностью канцлера князя Безбородки, при которомъ считался на службѣ. Я говорю: считался, потому что, какъ мнѣ сказывали, онъ по натурѣ своей служить не могъ, какъ служатъ другіе, ибо едва-едва зналъ грамотѣ и дѣлать ничего не умѣлъ; но за то, при добромъ сердцѣ, веселомъ нравѣ, испытанной честности и прекрасномъ наслѣдственномъ состояніи, онъ обладалъ драгоцѣннымъ для того времени даромъ *учрежденія пировъ*, и кромѣ того, что любилъ самъ попить и погулять, считался мастеромъ потчивать другихъ. Эти достоинства доставили ему почетное званіе распорядителя Аѳинскихъ вечеровъ князя Безбородки. Не должно, однакожъ, думать, чтобъ добрый и благородный Василій Петровичъ былъ большой знатокъ въ напиткахъ—отнюдь нѣтъ, и преданіе гласитъ, что, не смотря на всѣ его притязанія на званіе знатока въ винахъ, геніальный канцлеръ доказалъ ему, какъ дважды два—четыре, что онъ о вкусахъ въ винѣ не имѣетъ никакого понятія, и вотъ какимъ образомъ: приказавъ своему метръ-д'отелю, во время одного званаго обѣда, обнести гостей простымъ Бордоскимъ виномъ, придавъ ему названіе стараго *аква-марина*, въ винодѣліи несуществующаго, князь Безбородко, обратясь къ Кокушкину, спросилъ его: «А каково винцо' Василій Петровичъ?»—«Подлинно отличное», отвѣчалъ онъ, «отъ роду такого *аква-марина* не пивалъ: хорошо бы еще рюмочку!» Разумѣется,

качествъ ума и сердца. При той значительности, которою онъ пользовался, по чрезвычайно важному своему мѣсту, при тѣхъ близкихъ сношеніяхъ съ первыми людьми государственными тогдашняго времени, которыя давали ему право на нѣкоторое предпочтеніе передъ другими, онъ былъ не только неспѣсивъ и незаносчивъ, но, напротивъ, скроменъ, снисходителенъ, вѣжливъ и безкорыстно услужливъ до невѣроятной степени. По назначеніи графа Аракчеева министромъ военныхъ силъ, канцелярія графа Ливена была упразднена, и Паглиновскій поступилъ правителемъ же канцеляріи къ новому министру, котораго благосклонностью и уваженіемъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ. Но всемогущая сила обстоятельствъ измѣнила служебное поприще этого достойнаго человѣка: онъ былъ долго въ отставкѣ, потомъ опять вступилъ въ службу и умеръ совѣтникомъ Ассигнаціоннаго Банка.

Паглиновскій и дядя мой Рахманиновъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ Бахметевыхъ, и я познакомился съ первымъ въ домѣ послѣдняго. Иногда съ нимъ бывали очень забавные случаи; такъ, напримѣръ, одинъ служивый, будучи огорченъ отказомъ, сдѣланнымъ ему вслѣдствіе резолюціи графа Ливена, и вообразивъ, что резолюція эта послѣдовала потому только, что Паглиновскій не захотѣлъ принять участія въ его просьбѣ, попотчивалъ его на прощанье слѣдующимъ двустишіемъ:

„Не Дмитрій ты Донской, не Дмитрій ты Ростовскій,
А Дмитрій ты простой, лишь Дмитрій Паглиновскій!"

Позднѣйшее примѣчаніе.

взрывъ общей веселости обнаружилъ мистификацію. По смерти князя, Кокушкинъ остался вѣренъ своей привязанности къ фамиліи Безбородки и считается домашнимъ человѣкомъ у брата канцлера, графа Ильи Андреевича Безбородки, который въ настоящее время служитъ обществу въ почетномъ званіи здѣшняго совѣстнаго судьи и столько же извѣстенъ добротою души своей, сколько и неимовѣрнымъ своимъ богатствомъ.

Вотъ что̀ за человѣкъ Василій Петровичъ. Теперь онъ лишился бо̀льшей части своего состоянія, сталъ старѣе и хотя не съ такою уже побѣдною бодростью можетъ выходить изъ турнира съ современными героями попоекъ, но попрежнему любитъ пиры и браги. Знакомство его чрезвычайно-обширно, и онъ въ кругу здѣшнихъ знатныхъ и богатыхъ негоціантовъ катается, какъ сыръ въ маслѣ, и едва ли кто изъ нихъ рѣшится снарядить обѣдъ или дать веселую вечеринку, не пригласивъ раздѣлить ихъ Василья Петровича; словомъ, онъ любезный всѣмъ гость и пріятный для всѣхъ собесѣдникъ.

1 Марта, Пятница. Надобно исповѣдываться, а я еще не прінскалъ себѣ духовника: надлежало бы подумать о томъ заранѣе. Теперь не́чего дѣлать: пойду къ отцу Григорію Вознесенскому, благо съ нимъ знако̀мъ. Благослови Господь!

2 Марта, Субота. Наконецъ Богъ привелъ причаститься Святыхъ Тайнъ, и на душѣ какъ-то легче стало. Причастниковъ у ранней обѣдни было множество и въ томъ числѣ нѣсколько знакомыхъ. Ямпольскій сказывалъ, что мнѣ хотятъ дать какую-то немаловажную работу, или къ кому-то прикомандировать по одному дѣлу для переводовъ. Дай-то Богъ, потому что вотъ три мѣсяца, какъ рѣшительно ничего не дѣлаю и только толкую о Троянской войнѣ. Пожалуй, домашніе скажутъ, что за этимъ не стоило ѣздить въ Петербургъ.

Александръ Львовичъ Нарышкинъ сегодня отправляется въ Москву. Говорятъ, что тамъ открылись безпорядки по театру, и чуть ли не будетъ назначенъ новый директоръ.

Государь причащаться изволилъ со всею императорскою фамиліею, и по сему случаю, изъ экономіи Государя, доставлено оберъгофмаршаломъ графомъ Толстымъ къ губернатору 2,000 рублей на выкупъ нѣсколькихъ самобѣднѣйшихъ отцовъ семействъ, содержащихся за долги. Харламовъ, которому Пасевьевъ поручилъ исполнить безъ всякой огласки это доброе дѣло, сказывалъ, что такъ дѣлается всякій годъ.

3 Марта, Воскресенье. Гаврила Романовичъ говорилъ, что литературные вечера были отложены 26-го числа по случаю масляницы, а вчера—по причинѣ общаго говѣнья, но что въ будущую Субботу приглашаетъ къ себѣ Александръ Семеновичъ Хвостовъ, за которымъ считается очередь.

Есть на свѣтѣ люди, которымъ никогда ни въ чемъ нѣтъ удачи: что̀ бы они ни затѣвали, какъ бы обстоятельно ни обдумывали свои предпріятія, всегда подвернется какое-нибудь препятствіе, всегда сыщется какой-нибудь неожиданный случай, который разстроитъ ихъ намѣренія, уничтожитъ начинанія, собьетъ ихъ съ толку и, лиша всякой энергіи, заставитъ ихъ опустить руки и жить какъ прійдется, au jour la journée. Такихъ людей умники называютъ безпечными и даже—Богъ имъ судья! ни къ чему годными, а ханжи величаютъ юродивыми и большею частью чуждаются ихъ, какъ отверженныхъ Богомъ. Таковъ, напримѣръ, былъ умный и добрый Иванъ Захаровичъ Кондыревъ, котораго примѣрныя неудачи такъ вѣрно очертилъ Александръ Ханенко *) въ небольшомъ шуточномъ, но глубокомысленномъ къ нему посланіи:

> И еслибъ сдѣлался ты шляпнымъ фабрикантомъ,
> То люди стали бы родиться безъ головъ.

Таковъ былъ и Сергѣй Аѳанасьевичъ Волчковъ, о которомъ сегодня столько толковали и котораго странная и непостижимая судьба была предметомъ толковъ и разговоровъ Петербургскаго общества и самаго двора въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II. Кондыревъ, въ сравненіи съ Волчковымъ, могъ назваться счастливцемъ потому что, послѣ разныхъ утратъ въ семействѣ и состояніи отъ случаевъ совершенно непредвидѣнныхъ, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ умереть въ своемъ, хотя и тѣсномъ, углу и на своей постели въ присутствіи двухъ-трехъ человѣкъ, искренно его любившихъ; но Волчковъ не

*) Ханенко и Михайло Магницкій были лучшими воспитанниками Университетскаго Благороднаго Пансіона. Семенъ Родзянко увѣковѣчилъ ихъ въ преданіяхъ пансіонскихъ пародіею одной извѣстной оды, въ которой находится слѣдующее обращеніе къ директору пансіона А. А. Антонскому:

> Въ *Ханенкахъ* ты, въ *Магницкихъ* славенъ;
> Но гдѣ жъ ты самъ себѣ не равенъ?
> Ты и въ *Колпинскихъ* тожъ Антонъ!

Братья Колпинскіе были воспитанники самыхъ ограниченныхъ способностей. Недостаткомъ памяти и отсутствіемъ всякаго соображенія они часто возбуждали насмѣшки другихъ воспитанниковъ; но Антонскій отличалъ ихъ за кроткое поведеніе и за благонравіе. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

имѣлъ и этого утѣшенія. Отлично образованный по тогдашнему времени, прекрасный собою, имѣя хорошее состояніе и независимый ни отъ кого, Волчковъ вступилъ въ военную службу и, какъ отличный молодой человѣкъ, былъ назначенъ состоять при графѣ Салтыковѣ, командовавшемъ тогда арміею въ Пруссіи. Въ сраженіи при деревнѣ Пильцигѣ, или Пальцигѣ, въ которомъ Русскіе остались побѣдителями, Волчковъ раненъ былъ въ ногу и лишился глаза, и долженъ былъ, послѣ весьма трудной и неудачной операціи, возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ женился, но выборъ супруги былъ несчастливъ: казавшаяся до свадьбы такою доброю и простосердечною, она вскорѣ, по совершеніи брака, обратилась въ сущаго демона и безъ стыда говорила, что если она вышла за калѣку, такъ потому только, что хотѣла имѣть положеніе въ свѣтѣ, и что считаетъ такого мужа, какъ Волчковъ, криваго и хромаго, не больше, какъ своимъ прикащикомъ. Отъ такого образа мыслей недалеко до разврата, и этотъ развратъ обнаружился во всей его гнусности; домъ Волчкова превратился въ адъ. Дѣлать было нечего, и послѣ многихъ совѣщаній съ знакомыми, совѣщаній, изъ которыхъ ничего другаго не вышло, кромѣ огласки и соблазна, супруги согласились разлучиться; но эту разлуку Волчковъ обязанъ былъ купить почти половиною своего состоянія. Раздѣливъ имѣніе, онъ полагалъ себя еще достаточно обезпеченнымъ и надѣялся прожить вѣкъ свой въ довольствѣ и спокойствіи, въ упражненіяхъ умственныхъ, занятіяхъ литературныхъ и художественныхъ; но какъ говорится, il a compté sans son hôte; начались внезапныя неудачи: то выгоритъ деревня, то случится неурожай, то выпадетъ скотъ, то возникнетъ процессъ, то обкрадетъ прикащикъ, такъ что бѣдный Волчковъ, маявшись года съ четыре, принужденъ былъ къ разнымъ тяжелымъ уступкамъ неблагопріятной фортунѣ; прежде продалъ домъ, тамъ заложилъ бо́льшую часть имѣнія, а наконецъ и самъ отправился экономничать въ Симбирскую деревню, въ которой ожидали его еще пущія несчастія. Явился на сцену самозванецъ Пугачовъ, губитель вѣрныхъ своему долгу дворянъ и помѣщиковъ. Клевреты злодѣя успѣли схватить Волчкова, мучили и терзали его, разграбили домъ, сожгли деревни, перевѣшали въ глазахъ его нѣкоторыхъ дворовыхъ людей, ему преданныхъ, и священника съ причетомъ, и хотѣли уже приняться за него самого, какъ вдругъ остановлены были, будто чудомъ, какимъ-то внезапнымъ извѣстіемъ о приближеніи отряда войскъ, и скрылись, оставивъ бѣднаго калѣку чуть живаго отъ нанесенныхъ ему побой, обливанья кипяткомъ и проч. и проч. Долго лечился Волчковъ въ Симбирскѣ; тѣлесныя раны его заживали медленно, но раны душевныя еще медленнѣе. Уныніе овладѣло имъ. Вмѣсто того, чтобъ приняться за выстройку вновь де-

ревни и приведеніе въ какой-нибудь порядокъ разстроенныхъ дѣлъ своихъ, онъ предоставилъ все на произволъ судьбы, и какъ человѣкъ дознавшій горькими опытами, что всѣ начинанія его, какъ бы ни были хорошо обдуманы, не могутъ имѣть благопріятныхъ послѣдствій, впалъ въ совершенное бездѣйствіе. Состояніе помѣщика, проживающаго въ деревнѣ бездѣйственно и беззаботно, лишаетъ уваженія, а лишеніе уваженія подрываетъ кредитъ, и вотъ Волчковъ имѣлъ несчастіе видѣть, какъ наслѣдственныя его помѣстья стали постепенно поступать во владѣніе несговорчивыхъ его кредиторовъ. Часъ-отъ-часу становился онъ бѣднѣе и бѣднѣе, и наконецъ, дойдя почти до совершеннаго убожества, долженъ былъ возвратиться въ опостылѣвшій ему Петербургъ, въ которомъ ожидала его жена и новыя бѣдствія.

Исторію Волчкова окончу послѣ. Теперь въ головѣ порученіе, которое мнѣ дать хотятъ; но дадутъ ли? Что-то не вѣрится, и едва-ли Ямпольскій не сказалъ это какъ-нибудь, наобумъ.

4 Марта, Понедѣльникъ. Илья Карловичъ говорилъ, что онъ точно заботится о доставленіи мнѣ постоянной и занимательной работы; но такъ-какъ это дѣло несовсѣмъ зависитъ отъ него, то и надобно подождать до времени. Я это предчувствовалъ.

«Лучше остаться безъ куска хлѣба, лучше лишиться головы, чѣмъ быть обязаннымъ своей фортуной безчестному человѣку», говорилъ во время óно молодой капитанъ Арсеньевъ. Такой образъ мыслей, пожалуй, многіе назовутъ донкихотствомъ, но между тѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ что-то унизительно тягостное въ одолженіяхъ безчестныхъ людей, что-то такое, въ чемъ благородный человѣкъ не хотѣлъ бы сознаться передъ другими, и что̀ бы желалъ онъ позабыть самъ, какъ непріятный тяжелый сонъ.

Что́ жъ долженъ былъ чувствовать физически-разстроенный, но несовсѣмъ еще потерявшій сознаніе собственнаго достоинства бѣдный Волчковъ, когда сила жестокихъ обстоятельствъ подвергла его униженію не отказаться отъ пособій безчестной жены своей, пособій, которыя предложила она ему вслѣдствіе общаго о немъ сожалѣнія. Участіе этой женщины въ несчастной судьбѣ мужа основано было на свѣтскихъ приличіяхъ, тайномъ желаніи прослыть великодушною, и надеждѣ, что онъ отринетъ ея предложенія.

Но Волчковъ, по неблагоразумному совѣту одного довольно значительнаго при дворѣ лица, не только ихъ не отринулъ, но даже объявилъ, что желаетъ переѣхать къ женѣ въ домъ, потому что онъ формально съ нею не разведенъ и надѣлилъ ее состояніемъ, слѣдовательно и въ правѣ былъ желать совмѣстной съ нею жизни. Эта рѣшимость

мужа огорчила жену; но ей поздно было отказаться отъ своихъ предложеній: во многихъ знатныхъ домахъ начали уже говорить, что Волчкова сошлась съ мужемъ, и хвалили ее, что она не захотѣла оставить его въ несчастномъ его положеніи.

И вотъ Волчковъ переѣхалъ къ женѣ, которая отвела ему особое помѣщеніе. Сначала онъ не имѣлъ причины жаловаться на свою рѣшимость: калѣку кормили, поили и укладывали спать во̀ время съ подобающимъ уваженіемъ; и даже старикъ, камердинеръ его, уцѣлѣвшій отъ Пугачевскаго побоища, пользовался нѣкоторымъ вниманіемъ въ домѣ; но это продолжалось недолго. Однажды вѣрная супруга ввела къ нему мальчика лѣтъ восьми и представила его какъ сына. «Это нашъ наслѣдникъ», сказала она довольно-ласково: «полюбите и благословите его». Волчковъ вытаращилъ глаза, и это движеніе его физіономіи равносильно было вопросу: откуда могъ взяться у насъ наслѣдникъ? «Нечего таращить глаза!» продолжала Волчкова: «это мой сынъ, слѣдовательно и вашъ».—«Можетъ быть, вашъ», возразилъ Волчковъ тихо и кротко, «но ужъ вѣрно не мой».—«Такъ вы отрекаетесь отъ него и хотите выставить меня какъ распутную женщину?»—«Напротивъ, я совсѣмъ этого не желаю, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ отказъ мой въ признаніи мальчика сыномъ. Пока не огласился проступокъ вашъ, никто не можетъ укорить васъ въ распутствѣ; но еслибъ я сегодня призналъ этого ребенка своимъ сыномъ, то завтра бы заговорили о вашемъ поведеніи, и конечно, мнѣніе свѣта было бы не въ вашу пользу». Волчкова съ бѣшенствомъ оставила мужа, и съ этой минуты начались его истязанія, какимъ умѣютъ подвергать только женщины, когда онѣ рѣшились быть не женщинами—то есть со всею настойчивостью, свойственною ихъ полу, и со всею злостью адскаго демона. Правда, эти истязанія были мелочны, но ѣдки и жгучи, какъ капли кипящаго металла. Женщина неспособна владѣть кинжаломъ; но что̀ значитъ кинжалъ въ сравненіи съ мильонами булавокъ и иголокъ, которыми она поражаетъ васъ ежечасно, ежеминутно, каждую секунду? Долго и терпѣливо сносилъ Волчковъ непостижимые поступки жены своей и всѣхъ ея приближенныхъ; но терпѣніе его наконецъ истощилось, и онъ, полуразрушенный, бѣжалъ изъ своего ада, къ князю Мещерскому *), который снисходительно пріютилъ страдальца, хотя и не надолго, потому что Волчковъ вскорѣ затѣмъ умеръ.

5 Марта. Вторникъ. Пишутъ изъ Москвы, что нашъ родной медикъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ издаетъ наблюденія свои надъ ко-

*) Князь Александръ Ивановичъ, тотъ самый, котораго кончину такъ краснорѣчиво воспѣлъ Державинъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

ровьею оспою, признанныя превосходными. Онъ дѣлалъ опыты надъ смѣшеніемъ обѣихъ матерій оспы, человѣческой и коровьей, и достигъ чрезвычайно важныхъ результатовъ, которые могутъ служить основаніемъ оспопрививанію. Хотя это и не по моей части, но нельзя не сообщить о томъ знакомымъ моимъ эскулапамъ, потому что

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ.

Я искалъ типографіи, въ которой могъ бы напечатать своихъ «Бардовъ» *). Кобяковъ рекомендовалъ мнѣ типографію театральную, куда мы вмѣстѣ съ нимъ и отправились. Содержатель ея—не кто другой, какъ Василій Ѳедотовичъ Рыкаловъ, и я чрезвычайно обрадовался случаю съ нимъ познакомиться. Знаменитый актёръ довольно большаго роста, тученъ, лицо круглое, глаза большіе на выкатѣ, физіономія подвижная и умная. Договорившись въ цѣнѣ за наборъ, печать и бумагу, я отдалъ ему свой манускриптъ и просилъ поручить корректуру хорошему корректору. «Вотъ этимъ я уже не могу служить вамъ», сказалъ мнѣ Василій Ѳедотовичъ, «корректоръ у меня для первыхъ оттисковъ есть, но хорошимъ его назвать не могу: послѣднюю корректуру потрудитесь держать сами; хорошіе корректоры у насъ, въ Петербургѣ рѣдкость». Это меня удивило; я объяснилъ Рыкалову, что у насъ, въ Москвѣ, во всѣхъ типографіяхъ есть корректоры отличные, особенно у Селивановскаго и Попова съ товарищи. «Дѣло другое», продолжалъ Рыкаловъ, «въ Москвѣ университетъ и множество студентовъ и грамотныхъ людей, неимѣющихъ занятій: они рады работать почти за ничто. Селивановскій человѣкъ привѣтливый и живетъ открыто: онъ приглашаетъ студентовъ къ себѣ, ласкаетъ ихъ, оставляетъ обѣдать, и они проводятъ у него цѣлые дни; а здѣсь, батюшка, грамотными людьми безъ денегъ не очень разживешься, и кто будетъ считать на дешевизну труда другаго, тотъ очень ошибется въ своихъ разсчетахъ». Рыкаловъ сказывалъ, что на сценѣ репетируютъ нѣсколько новыхъ комедій, въ которыхъ для него есть очень хорошія роли; между прочимъ *Полубарскія Затѣи* князя Шаховскаго и еще комедія Павла Сумарокова *Деревенскій въ столицѣ*.

Мы уговорились съ Кобяковымъ ѣхать завтра къ Самойловымъ. Пора познакомиться съ ними: эта чета талантливая и, говорятъ, живутъ между собою душа въ душу.

*) Небольшая поэма, заимствованная изъ Синеда (die October-Nacht). Авторъ „Дневника“ написалъ ее въ намѣреніи посвятить Державину и доказать ему, что поэмы въ родѣ Боброва сочинять не трудно. Это была великолѣпная ахинея, но тогда имѣла нѣкоторый успѣхъ, какъ большею частью все громкое, мрачное и напыщенное. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

6 Марта. Среда. Въ павильонѣ удивляются, что давно меня не видали. Старикъ обѣщается разсердиться не въ шутку, то-есть не по-гасконски, а добрыя трещотки увѣряютъ, что я бѣгу отъ нихъ: Vous nous fuyez, и точно бѣгу, только не отъ нихъ, а отъ самого себя. Говорятъ, что вообще лучше идти навстрѣчу бѣдѣ, чѣмъ дожидать ее, сложа руки. Правда ли? Мнѣ хочется испытать это надъ собою.

Самойловы—славная парочка. Мужъ оченъ неглупъ, и хотя мало образованъ, но любитъ свое искусство и судитъ о немъ основательно; а жена мила до чрезвычайности, простодушна, веселаго характера и не имѣетъ того нестерпимаго самолюбія, которымъ такъ заражены почти всѣ актрисы. Они живутъ за Торговымъ Мостомъ въ домѣ Латышова, который нанимается для помѣщенія артистовъ дирекціею театра. Въ квартирѣ ихъ все такъ порядочно, чисто и опрятно, что любо смотрѣть: они должны быть очень попечительны въ маленькомъ своемъ хозяйствѣ. Я встрѣтилъ у нихъ капельмейстера Антонолини, котораго совѣтами они также пользуются, хотя настоящій руководитель ихъ капельмейстеръ Кавосъ. Антонолини извѣстенъ талантомъ своимъ въ музыкальныхъ композиціяхъ и, сверхъ того, очень радушенъ, веселъ и словоохотливъ — настоящій Итальянскій маэстро. Онъ успѣлъ разсказать мнѣ многое о свойствѣ талантовъ Самойловыхъ и говорилъ, что при средствахъ, которыми надѣлила ихъ природа, они могли бы сдѣлаться первокласными артистами даже въ самой Италіи, еслибъ, къ сожалѣнію, музыкальное ихъ образованіе не было такъ ограничено; особенно Самойловъ съ своимъ неслыханнымъ теноромъ—огромнымъ, звучнымъ, пріятнымъ, доходящимъ до сердца, съ своими сценическими способностями, могъ бы быть однимъ изъ величайшихъ драматическихъ пѣвцовъ въ свѣтѣ.

Все это при первомъ случаѣ повѣрю я собственными своими глазами и ушами; но теперь покамѣстъ желалъ бы знать, отчего на здѣшнемъ театрѣ не даютъ такихъ оперъ, какъ «Волшебная Флейта», «Похищеніе изъ Сераля», «Донъ-Жуанъ», «Аксуръ» и проч., и довольствуются «Русалками», «Княземъ Невидимкою» и нѣкоторыми переводными изъ Французскаго opернаго репертуара. При такихъ талантахъ, каковы Самойловы, кажется, можно надѣяться на успѣхъ и болѣе музыкальныхъ оперъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они единственно участвуютъ. Мой математикъ-музыкантъ Рахмановъ едва только заслышитъ о «Русалкѣ», то бѣжитъ прочь и негодованіе свое изъявляетъ самыми энергическими выраженіями; да и самъ Воробьевъ не любитъ подобныхъ оперъ и называетъ ихъ «Англійскими». Рахмановъ говоритъ, что всѣ эти Русалки и прочая такая же дребедень только портятъ вкусъ публики, и дирекціи слѣдовало бы дать ему другое направленіе. На Нѣмецкомъ

театрѣ «Русалки» и «Чертова Мельница» даются большею частью по Воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, для публики особаго рода; но въ обыкновенные дни можно слышать оперы Моцарта, Сальери, Вейгля и другихъ знаменитыхъ композиторовъ, хотя эти оперы исполняются и не очень удовлетворительно. Рахманову очень хочется слышать на Русской сценѣ Глюкова «Орфея», и онъ увѣряетъ, что партія Орфея какъ разъ прійдется по голосу и средствамъ Самойлова. Вельяминовъ, по совѣту и настоянію Рахманова, занимается переводомъ этой оперы и, конечно, переведетъ ее хорошо; но едва ли они оба въ состояніи будутъ убѣдить дирекцію принять ее на театръ: не то время.

7 Марта. Четвергъ. Давно добивался я вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ здѣшнихъ театральныхъ артистовъ, о занимаемыхъ ими амплуа и объ окладахъ ихъ жалованья. Мнѣ хотѣлось сравнить состояніе здѣшняго театра съ состояніемъ Московскаго. Къ сожалѣнію, Кобяковъ доставилъ мнѣ списокъ артистовъ только съ отмѣтками ихъ амплуа, но безъ обозначенія ихъ содержанія; а о нѣкоторыхъ и совсѣмъ не упомянулъ, потому что, будто бы, упоминать о нихъ не стоитъ. Не кстати сострилъ! Во всякомъ случаѣ, изъ этого списка видно, что число Русскихъ актеровъ и актрисъ здѣшняго театра не такъ велико, какъ сначала я думалъ, и мало превышаетъ число актеровъ Московскихъ. Вотъ они всѣ: трагическіе, драматическіе, комическіе и оперные.

1) Яковлевъ, 2) Шушеринъ, 3) Сахаровъ, 4) Щениковъ, 5) Бобровъ, 6) Шараповъ, 7) Рыкаловъ, 8) Пономаревъ, 9) Рожественскій, 10) Каратыгинъ, 11) Прытковъ, 12) Орловъ, 13) Жебелевъ, 14) Бѣлобровъ, 15) Волковъ, 16) Глухаревъ, 17) Гомбуровъ, 14) Воробьевъ, 19) Самойловъ, 20) Чудинъ, 21) Биркинъ, 22) Каратыгина, 23) Семенова, 24) Сахарова, 25) Рахманова, 26) Ежова, 27) Петрова, 28) Самойлова, 29) Черникова, 30) Карайкина, 31) Сыромятникова, 32) Белье и нѣсколько другихъ.

Кто эти «другіе» и «другія»—мой Кобяковъ сообщить полѣнился, однакожъ дополнилъ свой списокъ тѣмъ, что въ числѣ дѣйствующихъ на сценѣ персонажей есть многія воспитанницы Театральнаго Училища, изъ которыхъ замѣчательнѣе всѣхъ, по красотѣ и таланту, Болина и меньшая Семенова.

А вотъ сюжеты и Французской труппы:

1) Ларошъ, 2) Дюранъ, 3) Деглиньи, 4) Дюкроаси, 5) Калланъ, 6) Фрожеръ, 7) Дамасъ, 8) Мезьеръ, 9) Флоріо, 10) Монготье, 11) Андріе, 12) Сен-Леонъ, 13) Клапаредъ, 14) Жозефъ, поступающій на мѣсто уѣзжающаго Сенъ-Леона, 15) Меесъ, 16) Дюмушель, 17) Андре; актрисы: 18) Вальвиль, 19) Лашассенъ, 20) Филисъ-Андріе, 21) Филисъ-Бертенъ, 22) Меесъ, 23) Бонне, 24) Монготье, 25) Милленъ, 26) Туссеръ-Мезьеръ и нѣкоторые другіе.

Опять «другіе»! Бога вы не боитесь, любезный Кобяковъ, неужели въ спискѣ и Нѣмецкихъ актёровъ такое же заключеніе?

*) См. Шубинский, Историч. рассказы

1) Кудичъ, 2) Гебгардъ, 3) Вильде, 4) Брюкль, 5) Эвестъ, 6) Шульцъ, 7) Боркъ, 8) Миллеръ, 9) Рекке, 10) Линденштейнъ, 11) Цейбигъ, 12) Эльменрейхъ, 13) Дробишъ; актрисы: 14) Леве, 15) Гебгардъ-Штейнъ, 16) Дальбергъ, 17) Брюкль, 18) Эвестъ, 19) Штейнъ, 20) Шульцъ и прочіе.

Такъ и есть: вотъ и «прочіе». О Кобяковъ! вы искушаете мое терпѣніе. Взглянемъ теперь на списокъ артистовъ балетной труппы.

Балетмейстеры: 1) Дидло и 2) Вальберхъ; танцовщики: 3) Огюстъ, 4) Дютакъ, 5) Эбергардъ, 6) Гольцъ; танцовщицы: 7) Колосова, 8) Сенъ-Клеръ, 9) Иконина, 10) Новицкая, 11) Махаева, 12) воспитанница Данилова и много другихъ воспитанниковъ и воспитанницъ Театральной школы.

Нѣтъ ужъ, воля ваша, Петръ Николаичъ, а ваше «много другихъ» нестерпимо: за эту неаккуратность я попрошу Вельяминова отмстить вамъ аріями извѣстнаго его рукодѣлья.

Я не видалъ еще и половины всѣхъ этихъ персонажей на сценѣ: все было некогда, а, кажется, ничего не дѣлалъ и не дѣлаю.

8 Марта, Пятница. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ молодецкій проигрышъ и еще болѣе молодецкій отыгрышъ нашего Л. Д. Измайлова. Онъ понтировалъ у князя У**, державшаго огромный банкъ вмѣстѣ съ княземъ Ш** и многими другими дольщиками. Левъ Дмитріевичъ пріѣхалъ съ какого-то обѣда съ огромною свитою своихъ Рязанскихъ приверженцевъ, въ числѣ которыхъ, разумѣется, былъ и Кобяковъ, родитель моего пріятеля, поставщика переводныхъ оперъ. Войдя въ залу, Левъ Дмитріевичъ сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, на которомъ метали банкъ, и задремалъ. Банкометъ спросилъ его, не вздумаетъ ли онъ поставить карты. Измайловъ не отвѣчалъ и продолжалъ дремать. Банкометъ возвысилъ голосъ и спросилъ громче прежняго: «Не поставите ли и вы карточку?» Измайловъ очнулся и, подойдя къ столу, схватилъ первую попавшуюся ему карту, поставилъ ее тёмною и сказалъ: «Бейте 50,000 р.» Банкометъ положилъ карты на столъ и сталъ совѣтоваться съ товарищами. «Почему жъ не бить?» сказалъ князь Ш**, «карта глупа; а не бивши не убьешь». Князь У** взялъ карты и соника убилъ даму. Измайловъ не перемѣнился въ лицѣ, отошелъ отъ стола и сказалъ только: «Тасуйте карты; я сниму самъ». Банкометъ стасовалъ карты и посовѣтовался еще разъ съ товарищами. Измайловъ подошелъ опять къ столу и велѣлъ прокинуть. Князь У** прокинулъ. «Фоска идетъ 50,000 и по второмъ абцугѣ Измайловъ добавилъ 50,000 мазу. У банкомета затряслись руки, и онъ взглянулъ на товарища такъ жалостно, что князь Ш**, не выдержавъ, усмѣхнулся и сказалъ ему: «Ну что жъ? знай свое, мечи да и только». Банкометъ повиновался, и чрезъ нѣсколько абцуговъ трефовая десятка проиграла Измайлову. Окружающіе его, Кобяковъ, Шаховской и другіе стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везетъ; но этого довольно было, чтобъ совершенно взволно-

вать Измайлова, который все любитъ дѣлать наперекоръ другимъ. Онъ схватилъ новыя карты, выдернулъ изъ средины червонную двойку и сказалъ: «полтораста». Банкометъ помертвѣлъ и остолбенѣлъ. Минуты двѣ продолжалась его нерѣшимость, бить или не бить страшную карту; но князь Ш**, искусный пользоваться благосклонностью фортуны, опять ободрилъ своего собрата: «Чего испугался? не свои бьешь». Князь У** заметалъ. Долго не выходила поставленная карта, и всѣ присутствующіе оставались въ какомъ-то необыкновенно-томительномъ ожиданіи, устремя неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко бѣлѣвшуюся на огромномъ зеленомъ столѣ, потому что другіе понтёры играть перестали. Наконецъ, князь У**, противъ обыкновенія своего, сталъ метать, не закрывая картъ своей стороны, и червонная двойка упала направо. «Ухъ!» вскрикнулъ банкометъ. «Ухъ!» повторили его товарищи. «Ухъ!» возгласила свита Измайлова; но самъ онъ, не измѣнившись въ лицѣ и не смутившись ни мало, отошелъ отъ стола, взялъ шляпу, поклонился хозяевамъ и примолвилъ: «До завтра, господа; утро вечера мудренѣе», вышелъ вонъ изъ залы гораздо бодрѣе, нежели вошелъ въ нее. Тутъ начались совѣщанія: надобно ли будетъ на другой день продолжать метать ему банкъ, или удовольствоваться однимъ настоящимъ выигрышемъ. Большинствомъ голосовъ присудили метать до милліона, но проигрывать не болѣе настоящаго выигрыша.

На другой день былъ знаменитый бѣгъ, и стеченіе народа было чрезвычайное. Московскіе охотники собрались любоваться на «Красика», принадлежащаго родственнику графа Орлова, Лопухину, лошадь отличную во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по быстротѣ и правильности бѣга, такъ и по красотѣ. Эту лошадь, настоящій охотничій алмазъ, какъ ее называютъ, покамѣстъ держали подъ спудомъ, показывали не всякому, а нѣкоторымъ только охотникамъ по выбору, и проѣзжали не иначе, какъ по утрамъ. Она поручена въ наѣздку толстяку купцу Буренину, извѣстнѣйшему въ Москвѣ ѣздоку и страстному охотнику. «Красику» назначили цѣну баснословную: говорили, что и шесть тысячъ рублей ему не цѣна, и что, кромѣ Измайлова, купить его некому *).

Эти слухи дошли до Льва Дмитріевича, который тотчасъ смекнулъ, что покупка этой лошади въ такое время, когда онъ проигрался и когда о подвигѣ его затрезвонила Москва, можетъ быть для него очень кстати, потому что заставитъ перемѣнить направленіе общей болтовни

*) Автору „Дневника" удалось видѣть „Красика" у Измайлова, въ селѣ его Хитровщинѣ, въ 1814 году. Онъ точно былъ необыкновенно-красивъ и, не смотря на свои 15 лѣтъ, бѣгалъ еще рѣзво и сильно.

и забыть о его проигрышѣ, преувеличенномъ вдесятеро и занимавшемъ публику гораздо болѣе, нежели его самого. Онъ купилъ «Красика» тутъ же на бѣгу за семь тысячъ рублей, а вечеромъ отправился опять на игру къ князю У**.

Долго продолжалась игра, но Измайловъ какъ будто не рѣшался принять въ ней участіе. Только послѣ ужина придвинулся онъ къ столу и поставилъ на двѣ карты 75 тысячъ рубл. Банкометъ былъ бодрѣе и уже безъ робости металъ карты. Обѣ карты выиграли Измайлову; онъ загнулъ ихъ и сказалъ: «на слѣдующую талію». Князь У** стасовалъ карты и приготовился метать. Измайловъ поставилъ двѣ новыя карты и, не взглянувъ на нихъ, загнулъ каждую мирандолемъ. По второму абцугу онъ вскрылъ одну карту, которая оказалась десяткою и ужъ выигравшею соника; онъ перегнулъ ее и сказавъ: «по прокидкѣ», вскрылъ между тѣмъ другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, слѣдовательно, также выигравшею, онъ перегнулъ ее и положилъ на первую очень покойно, какъ будто дѣло шло о десяткѣ рублей, а не о Дѣдновѣ *), съ которымъ онъ, въ случаѣ дальнѣйшаго проигрыша, рѣшился разстаться. У князя У** заходили руки, но дѣлать было не́чего: карты поставлены мирандолемъ, и отступиться не было возможности. Послѣ нѣсколькихъ абцуговъ, десятка опять выиграла; банкометъ бросилъ карты и всталъ изъ-за стола, а Измайловъ прехладнокровно предложилъ загнуть еще мирандоль, но банкометы не согласились. «Ну, такъ мы квиты», сказалъ Измайловъ и тотчасъ же уѣхалъ домой, гдѣ, по случаю покупки «Красика», дожидались его многіе охотники съ поздравленіями и Цыгане съ своими молодецкими пѣснями и плясками.

Наша бѣлокаменная держится стариннаго своего правила: дѣлу время и потѣхѣ часъ. И милиція, и карточная игра идутъ своимъ чередомъ. Только не черезчуръ ли, родная, распотѣшилась? Въ прошедшемъ мѣсяцѣ писали и нынче пріѣзжіе разсказываютъ, что въ Москвѣ, отъ множества съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи помѣщиковъ, появился такой приливъ денегъ, что не знаютъ, куда ихъ дѣвать, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинственность престрашная: всѣ такъ и рвутся на службу.

10 Марта Воскресенье. Вчера у Хвостова познакомился съ Гнѣдичемъ. Онъ, кажется, человѣкъ очень добрый и не даромъ любилъ его Харитонъ Андреевичъ, но ужъ вовсе невзраченъ собою: кривъ и

*) Знаменитое село по Рязанской дорогѣ, на Окѣ, принадлежавшее Измайлову. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

такъ изуродованъ оспою, что грустно смотрѣть. Онъ убѣдительно приглашалъ меня къ себѣ и жалѣлъ, что далеко живемъ другъ отъ друга: квартира его у Знаменья, на самомъ концѣ Невскаго Проспекта. «Мы съ вами не чужіе», сказалъ онъ, «оба университетскіе, и вотъ вамъ рука на всегдашнее братство». Я извинился, что не успѣлъ быть у него съ Алексѣемъ Петровичемъ. «Да, Юшневскій мнѣ сказывалъ», продолжалъ онъ съ усмѣшкою, «что вы не хотѣли знакомиться со мною по случаю какого-то безпорядка вашихъ мыслей; но я надѣюсь, что теперь вы, по собственному выраженію вашему, совсѣмъ перемытились». Я покраснѣлъ и внутренно разбранилъ Юшневскаго за его нескромность. Гнѣдичъ читалъ свой переводъ седьмой пѣсни «Иліады», переводъ мастерской *), съ Греческаго подлинника и, по общему мнѣнію, ничѣмъ не хуже перевода первыхъ шести пѣсенъ Кострова, котораго Гнѣдичъ можетъ назваться достойнымъ продолжателемъ. Слушатели были въ восхищеніи. Гнѣдичъ читаетъ хорошо и внятно, только чуть ли не слишкомъ театрально и громогласно; на такое чтеніе у меня не достало бы груди.

Кромѣ обыкновенныхъ посѣтителей литературныхъ вечеровъ, я встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Москвы Павла Юрьевича Львова, который въ послѣдніе два года издавалъ еженедѣльникъ, подъ заглавіемъ *Московскій Курьеръ*. Я не читалъ этого «Курьера», равно какъ и другихъ его сочиненій и переводовъ, но, по разговорамъ его съ А. С. Шишковымъ и другими членами Россійской Академіи и низкимъ его поклонамъ, замѣтилъ, что едва ли не хочется ему попасть въ Академію. Если попадетъ, то любопытно будетъ знать, за какіе подвиги удостоится онъ этой чести, когда ни Карамзинъ, ни Мерзляковъ не попали еще въ Академію.

Гаврила Романовичъ представилъ меня А. Н. Оленину. Это маленькій и очень проворный человѣчекъ, въ военномъ милиціонномъ мундирѣ съ зеленымъ перомъ. Онъ очень благосклонно приглашалъ къ себѣ, но только по вечерамъ: иначе, онъ рѣдко бываетъ дома. Оленинъ разсказывалъ, между прочимъ, о какихъ-то вновь вышедшихъ двухъ книжкахъ, подъ самыми нелѣпыми заглавіями, какъ-то: «Ахъ, какъ вы глупы, господа Французы!» и еще «Путешествіе дьявола и глупости, или причины возмущеній Франціи и Брабанта» и проч.; къ послѣднему заглавію прибавлено: «печатано въ лунѣ, въ четвертое лѣто царствованія Каннибаловъ». Удивлялись, какъ находятся люди, которые въ такую важную эпоху занимаются такими вздорными сочиненіями!

*) Авторъ „Дневника" такъ думалъ въ то время и сознается въ своемъ заблужденіи. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Утверждаютъ, что Государь непремѣнно желаетъ употребить въ настоящее военное время старыхъ, опытныхъ генераловъ царствованія императрицы Екатерины, и что, не смотря на непостижимый поступокъ графа Каменскаго, внезапно удалившагося изъ арміи, Государь твердо стоитъ въ своемъ намѣреніи, и потому третьяго дня изволилъ опредѣлить въ службу генерала князя Прозоровскаго, который нѣкогда былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а недавно избранъ командующимъ 6-ю областью милиціи; онъ старшій изъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ и въ этомъ качествѣ въ прошломъ году подносилъ Государю орденъ Св. Георгія. Увѣряютъ, что онъ вскорѣ пожалованъ будетъ фельдмаршаломъ.

Едва ли у А. С. Шишкова еще не больше страсти къ морскому дѣлу и къ своимъ морякамъ, чѣмъ къ самой литературѣ. Онъ съ такимъ горячимъ участіемъ и такъ восторженно разсказывалъ о подвигѣ какого-то лейтенанта Скаловскаго, о которомъ писалъ ему вице-адмиралъ Синявинъ, что я на него залюбовался. Этотъ Скаловскій, командиръ небольшаго брига, застигнутъ былъ затишьемъ въ недальнемъ разстояніи отъ Спалатро. Находившіеся тамъ Французы, увидя его въ этомъ положеніи, немедленно выслали противъ него нѣсколько большихъ канонерскихъ лодокъ, на которыхъ число пушекъ и людей вчетверо было больше, чѣмъ у Скаловскаго. Всѣ считали погибель его неизбѣжною: ничего не бывало! Скаловскій, не теряя присутствія духа и бодрости, отпаливался отъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, что одну лодку потопилъ, а другую изрѣшетилъ такъ, что онѣ должны были возвратиться въ Спалатро. Правда, и онъ потерпѣлъ немало: корпусъ брига и такелажъ до такой степени были избиты, что Скаловскій насилу и кой-какъ могъ доплыть до Курцоли.

Гаврила Романовичъ очень доволенъ, что взысканный имъ нѣкогда И. П. Лавровъ, служившій въ послѣднее время экспедиторомъ Министерства Юстиціи, назначенъ на сихъ дняхъ правителемъ Канцеляріи Комитета 13-го Января. Это постъ важный и требуетъ отъ человѣка, его занимающаго, особой сметливости, доброты душевной и безкорыстнаго трудолюбія. Лавровъ человѣкъ строгихъ правилъ, хотя формы его вовсе не изящны и часто бываютъ предметомъ насмѣшекъ.

Государь отправляется въ армію на этой недѣлѣ, не позже 16-го числа. Свита его будетъ по прежнему немногочисленна.

11 Марта. Понедѣльникъ. Иванъ Аѳанасьевичъ сказывалъ, что завтра утромъ Крюковской будетъ читать у него свою трагедію «Пожарскій», и что по этому случаю онъ пригласилъ къ себѣ Яковлева и Шушерина, которымъ назначаются главныя роли. Какъ ни совѣстно

было мнѣ напрашиваться къ старику, но любопытство превозмогло, и я попросилъ его дозволить мнѣ прійдти къ нему во время чтенія. «Милости просимъ, душа», сказалъ онъ, «если занятія по должности вамъ не помѣшаютъ». Занятія по должности! Да это злой сарказмъ!

Я замѣтилъ, что въ Коллегіи мелкіе чиновники раздѣляются на два разряда, то-есть на такихъ, которые, подобно мнѣ, ежедневно ходятъ къ должности, и также, подобно мнѣ, рѣшительно ничего не дѣлаютъ, и другихъ, которые почти никогда въ Коллегіи не бываютъ, а между тѣмъ имѣютъ постоянныя занятія. Желалъ бы и я знать: какая причина такому неравенству въ распредѣленіи работы? Ну пусть бы не занимали тѣхъ, которые не хотятъ, или не умѣютъ ничего дѣлать; но за что́ должны бить баклуши мы, грѣшные, когда у насъ есть и добрая воля и кой-какія способности? Ужъ не отъ недостатка ли довѣрія пренебрегаютъ нами, или отъ того, что начальники, привыкнувъ къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, чуждаются новыхъ физіономій и тяготятся ими? Право, становится скучно и даже досадно: нѣтъ въ виду никакой выслуги и, пожалуй, прійдется опять приняться за поэзію, или таскаться по театрамъ; да на бѣду и театры закрыты до Пасхи—куда ни кинь, такъ клинъ. Князь Петръ Васильевичъ правъ: «въ Коллегіи столько васъ, что ни до чего не добьешься», сказалъ умный министръ и слова его подтверждаются на опытѣ *).

Изъ всѣхъ способовъ возбужденія къ успѣшному составленію милиціи самымъ дѣйствительнѣйшимъ въ Москвѣ оказался самый простѣйшій, приведенный въ исполненіе на основаніи Высочайшаго рескрипта Тутолмину отъ 1-го Января. Этимъ рескриптомъ повелѣно: имена всѣхъ избранныхъ дворянствомъ начальниковъ земскаго войска, областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ, равно и сдѣлавшихъ приношенія и пожертвованія въ пользу милиціи, внести въ особую часть дворянской родословной книги. Пріѣзжіе изъ Москвы разсказываютъ, что хотя бѣлокаменная и безъ этого побужденія дѣйствовала бы съ одинаковымъ усердіемъ и самоотверженіемъ, но едва ли бы съ такою необыкновенною поспѣшностью проявила она эту воинственность, которой такъ удивляются. Не только дворянство Московской губерніи, но и всѣ прочія сословія Москвы находятся въ какомъ-то чаду, и вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ они не слышатъ земли подъ собою и такъ беззаботно живутъ, какъ будто бы завтра ожидало ихъ преставленіе свѣта: дымъ коромысломъ и послѣдняя копейка ребромъ!

12 Марта. Вторникъ. Трагедія Крюковскаго должна имѣть огромный успѣхъ на сценѣ, потому что всѣ почти стихи въ роли князя Пожар-

*) См. выше, 21-го Декабря 1806 г.

скаго имѣютъ отношеніе къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ и патріотическимъ чувствованіямъ народа. Такіе возгласы, какъ, напримѣръ:

„Москва не мать ли мнѣ?“

произнесенныя Яковлевымъ, хоть у кого расшевелятъ сердце. Дмитревскій казался въ восхищеніи и почти при всякомъ стихѣ приговаривалъ: «браво! прекрасно! безподобно!» и проч., называлъ автора вторымъ Озеровымъ, поздравлялъ Яковлева съ великолѣпной ролью и благодарилъ Бога, что могъ дожить до такой блистательной эпохи нашей сценической литературы. Авторъ вѣрилъ ему на слово и былъ внѣ себя отъ удовольствія. «А вотъ князь Шаховской замѣтилъ мнѣ многое», сказалъ онъ, «и я, по совѣту его, перемѣнилъ нѣкоторыя ситуаціи и даже сократилъ кой-какія тирады».—«И хорошо сдѣлали», подхватилъ Дмитревскій; «князь Александръ Александровичъ знаетъ дѣло, и совѣтами его пользоваться не мѣшаетъ: оно, знаете, со стороны виднѣе; и хотя ваша трагедія теперь не имѣетъ никакихъ погрѣшностей, но, вѣроятно, прежде можно было кое-что замѣтить». При этой фразѣ Яковлевъ повернулся на стулѣ, а Шушеринъ слегка усмѣхнулся.

Крюковской, бѣлокурый молодой человѣкъ, пріятной наружности, одѣтъ щеголевато, говоритъ недурно, но читаетъ плохо, а между-тѣмъ, кажется, думаетъ, что читаетъ хорошо. По окончаніи чтенія, онъ вскорѣ распростился съ Дмитревскимъ и отправился къ князю Шаховскому условиться съ нимъ о постановкѣ своей трагедіи на сцену и о времени ея представленія. «Послѣ благопріятнаго вашего отзыва, Иванъ Аѳанасьевичъ», сказалъ онъ, откланиваясь, «я не имѣю больше причины сомнѣваться въ успѣхѣ моей пьесы».

Едва только счастливый авторъ вышелъ изъ комнаты, Дмитревскій спросилъ Яковлева и Шушерина, нравятся ли имъ назначенныя для нихъ роли. Яковлевъ очень дѣльно отвѣчалъ, что роль Пожарскаго, какъ и всякая другая роль, которую не надобно изучать, а только выучить наизусть, чтобъ потомъ, не заботясь объ игрѣ, хватать аплодисменты на лету, не можетъ не нравиться актеру, и что онъ, съ своей стороны, очень ею доволенъ. «А вотъ каково-то будетъ инымъ прочимъ», прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на Шушерина, «и что̀ сдѣлаетъ Яковъ Емельянычъ изъ роли Заруцкаго—такъ мы увидимъ».—«Якову Емельянычу поздно дѣлать что нибудь изъ какой бы то ни было роли, а тѣмъ болѣе изъ такой ничтожной и безцвѣтной, какова роль Заруцкаго», отвѣчалъ Шушеринъ; «онъ будетъ играть и ее также, какъ игралъ роль князя Бѣлозерскаго, то-есть какъ-нибудь, чтобъ только публикѣ

было не противно. Сами видите, Алексѣй Семенычъ, что я старѣю и хилѣю; грудь и органъ слабѣютъ. Теперь вамъ подобаетъ рости, мнѣ же малитися».—«Ну, вотъ вы сейчасъ состарѣлись и занемогли!» перехватилъ Яковлевъ, «а того и смотри, что какъ получите пансіонъ, такъ переживете и меня».—«Мудрено, Алексѣй Семенычъ: я двадцатью годами постарѣе васъ...»—«И тридцатью похитрѣе», примолвилъ, смѣясь, Яковлевъ, находившійся въ веселомъ расположеніи духа. «А сколько лѣтъ быть должно нашему Петру Алексѣичу?» спросилъ Шушерина Дмитревскій. «То-есть Плавильщикову? Да онъ семью годами моложе меня», отвѣчалъ Шушеринъ: «я родился въ 1753 году, а онъ въ 1760-мъ».—«Ну такъ вы съ Плавильщиковымъ могли бы быть моими сыновьями, а Алексѣй внукомъ», сказалъ Дмитревскій: «я родился въ 1733 году, то-есть ровно за сорокъ лѣтъ до рожденія Алексѣя и 20 лѣтъ до вашего появленія на свѣтъ Божій. Много съ вами пережили мы добраго и худаго, Яковъ Емельянычъ; только на мою долю досталось болѣе, чѣмъ на вашу того и другаго. Какъ быть! У всякаго изъ насъ была своя свѣтлая полоса въ жизни; моя прошла, а ваша проходитъ—чтожъ? по крайней мѣрѣ мы не лишены утѣшительныхъ воспоминаній, которыхъ многіе не имѣютъ».

Мы вышли отъ Дмитревскаго вмѣстѣ съ Яковлевымъ, который вдругъ сдѣлался печаленъ и задумчивъ. «Вы куда отправляетесь?» спросилъ онъ меня угрюмо. «Домой», отвѣчалъ я.—«Пойдемте ко мнѣ обѣдать».—«Какой же теперь обѣдъ? Еще рано».—«Я обѣдаю всегда почти въ первомъ часу. Право, пойдемте. Отобѣдаемъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ; вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе».—Если такъ, то извольте, я вашъ гость, и тѣмъ охотнѣе, что мнѣ хочется знать мнѣніе ваше о трагедіи Крюковскаго.

И вотъ мы пришли и усѣлись за небольшой столикъ, поставленный у стѣны и накрытый, вмѣсто скатерти, цвѣтною салфеткой. Выпивъ, по приглашенію хозяина, рюмку травнику и закусивъ ломтикомъ паюсной икры, я хотѣлъ было завести съ нимъ рѣчь о трагедіи, но толстобрюхій Семеніусъ принесъ миску щей съ двумя кусками холодной кулебяки и заставилъ меня отложить диссертацію до окончанія обѣда, который, впрочемъ, продолжался недолго и конченъ былъ на второмъ блюдѣ, состоявшемъ изъ жареныхъ окуней. Яковлевъ неприхотливъ и умѣренъ въ пищѣ.

«Ну теперь, Алексѣй Семенычъ, что́ скажете вы о «Пожарскомъ?» спросилъ я моего амфитріона.—«А что́ я сказать могу», отвѣчалъ онъ, «кромѣ того, что̀ сказалъ уже Дмитревскому: роль Пожарскаго славная для меня роль, потому что мнѣ аплодировать станутъ такъ, что затрещитъ театръ. Что́ же касается до другихъ ролей, то я думаю,

онѣ такъ вялы и безхарактерны, что никакой талантъ не въ состояніи создать изъ нихъ что-нибудь дѣльное. Впрочемъ, это и натурально, потому что въ трагедіи нѣтъ никакой интриги, на основаніи которой можно было бы развить характеры и страсти участвующихъ въ ней лицъ; но дѣло не въ томъ: какъ ни плоха пьеса Крюковскаго въ художественномъ отношеніи, однакожъ, слава Богу, что начинаютъ появляться и такія пьесы, потому что онѣ хорошо написаны и содержатъ въ себѣ много прекрасныхъ стиховъ. Разумѣется, «Пожарскій»— одна попытка молодаго писателя и, будучи на мѣстѣ Дмитревскаго, я не сталъ бы такъ превозносить автора, а далъ бы ему добрый совѣтъ и указалъ бы на слабыя мѣста его трагедіи; а то старый хитрецъ тотчасъ произвелъ его и въ Озерова *). Поди, добивайся отъ него правды!»

Я замѣтилъ Яковлеву, что Дмитревскій, вѣроятно, потому не говоритъ этой правды, что ея не слушаютъ; а безъ настоящей пользы дѣлу, кому охота обижать чужое самолюбіе? «Богъ его знаетъ», возразилъ онъ; «можетъ быть, и такъ; но я его не понимаю, хотя и люблю, какъ роднаго отца. Добро бы онъ хитрилъ съ другими, а то и со мною поступаетъ точно также. Иногда чувствуешь самъ, что игралъ не такъ, какъ бы слѣдовало, а онъ тутъ-то и начнетъ хвалить тебя на чемъ свѣтъ стоитъ; въ другой же разъ играешь отъ всей души, разовьешь всѣ свои средства, самъ бываешь доволенъ собою и публика въ восхищеніи, а онъ, вмѣсто справедливаго одобренія, и порадуетъ тебя обыкновеннымъ проклятымъ своимъ комплиментомъ: «ну конечно, можно бы, душа, и лучше; да какъ быть!»

Я смекнулъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился откровенно сообщить Яковлеву свои мысли. «Знаете ли, Алексѣй Семеновичъ», сказалъ я: «вы едва ли не заблуждаетесь на счетъ Дмитревскаго въ отношеніи къ вамъ; я думаю, что онъ вовсе не хитритъ съ вами. Если вы не разсердитесь, то я вамъ это поясню».—«Прошу покорнѣйше. Только врядъ ли вамъ удастся разувѣрить меня въ томъ, въ чемъ я убѣжденъ пятнадцати лѣтнимъ опытомъ, то есть съ тѣхъ поръ, какъ знаю Дмитревскаго».—

*) Не одинъ Дмитревскій такъ думалъ въ то время. Нашлись люди, которые отдавали даже преимущество Крюковскому передъ Озеровымъ, вслѣдствіе чего авторъ „Пожарскаго", вскорѣ по представленіи своей трагедіи, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Парижъ *для усовершенствованія трагическаго таланта*. Тамъ жилъ онъ около двухъ лѣтъ, если не больше, написалъ преплохую трагедію „Елисавета", которую даже и на театръ поставить было невозможно, и разстроенный здоровьемъ, возвратился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

„Свѣжо преданіе—а вѣрится съ трудомъ!"

Позднѣйшее примѣчаніе.

«Я и не намѣренъ разувѣрять васъ, а только хочу сказать, что̀ думаю».—«Ну, такъ говорите».—«Вотъ видите ли: между вами должно быть недоразумѣніе, которое происходитъ отъ того, что вы смотрите на искусство съ разныхъ точекъ зрѣнія, а затѣмъ и дарованія ваши неодинаковы. Вы—дитя природы, а онъ—чадо искусства; средства ваши огромны, а онъ имѣлъ ихъ мало и замѣнялъ ихъ чѣмъ могъ: умомъ и эффектами, которыхъ насмотрѣлся вдоволь на иностранныхъ театрахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что все то, что̀ кажется хорошо вамъ, не можетъ нравиться Дмитревскому, который желалъ бы видѣть въ васъ другаго себя. Вы сказали, что онъ хвалитъ васъ именно тогда, когда, по мнѣнію вашему, вы играете слабо, и бываетъ недоволенъ вами въ то время, когда вы бываете довольны собою и развиваете всѣ огромныя средства вашего таланта. Что жъ это доказываетъ?—то, что Дмитревскій желалъ бы, чтобъ эти средства не увлекали васъ за тѣ предѣлы, которые искусство поставило таланту. Онъ послѣдователь Французской театральной школы; а всякій послѣдователь этой школы почитаетъ не только излишнее увлеченіе, но даже излишнее одушевленіе актера на сценѣ нѣкоторымъ неуваженіемъ къ публикѣ. Я, съ своей стороны, совершенно противнаго мнѣнія, и люблю видѣть васъ на сценѣ во всей безъискусственной простотѣ вашего таланта, но долженъ сказать, что Дмитревскій такъ же вѣренъ своимъ понятіямъ и правиламъ; и если онъ, по робкой природѣ своей, опасаясь обидѣть наше самолюбіе, не говоритъ правды намъ, или высказываетъ ее обинякам, то съ вами онъ, конечно, не хитритъ, а говоритъ, что̀ думаетъ, только посвоему. Я почти увѣренъ, что въ роляхъ драматическихъ онъ всегда бываетъ довольнѣе вами, чѣмъ въ другихъ роляхъ, требующихъ сильнѣйшаго увлеченія, потому что условія драмы не дозволяютъ вамъ предаваться вполнѣ вашей энергіи».—«То-есть, вы хотите сказать, что я кричу», подхватилъ Яковлевъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ: «это я слышалъ отъ многихъ такъ называемыхъ знатоковъ нашего театра».—«Вы не поняли меня, Алексѣй Семенычъ», отвѣчалъ я: «напротивъ, вы слышали уже, что я люблю видѣть васъ на сценѣ во всей безъискусственной простотѣ вашего таланта, но я—публика, и Дмитревскій—профессоръ декламаціи, мы совершенно противоположнаго образа мыслей. Я—публика требуемъ сильныхъ ощущеній, и для насъ все равно, какимъ образомъ вы ни произвели въ насъ эти ощущенія; но Дмитревскій смотритъ на игру вашу, какъ художникъ, не довольствуется тѣмъ, что вы заставляете его плакать или поражаете ужасомъ: ему надобно, чтобъ вы заставили его плакать или поразили ужасомъ, оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ понятій, которыя онъ составилъ себѣ объ искусствѣ и внѣ которыхъ для него нѣтъ превосходнаго актера».—«Мнѣ кажется, вы

зарапортовались», сказалъ, улыбаясь, Яковлевъ: «не лучше ли выпить пуншу?» Я хотѣлъ отвѣчать, что за пуншемъ толковать можно, какъ неожиданно вошелъ Сергѣй Ивановичъ Кусовъ въ сопровожденіи шута Тычкина *), имѣющаго особый даръ развеселять Яковлева; разумѣется, о театрѣ не было больше и помину, и диссертація о Дмитревскомъ смѣнилась необходимыми возліяніями Вакху.

13 Марта, Среда. Сегодня на вопросъ мой В. А. Полѣнову: въ какомъ разрядѣ чиновниковъ считаюсь я по Коллегіи, онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ считаться наравнѣ съ другими, при разныхъ должностяхъ. «Какъ при разныхъ должностяхъ», возразилъ я, «когда я ничего не дѣлаю?» — «Да и другіе тоже ничего не дѣлаютъ», отвѣчалъ онъ, «и есть между вами тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, а камеръ-юнкеровъ и много». И онъ показалъ мнѣ списокъ нашей братьи-тунеядцевъ, въ заглавіи котораго именно стоитъ: «Состоящіе при разныхъ должностяхъ». Я очень былъ радъ узнать о томъ и теперь необлыжно могу увѣрить своихъ, что я, за неимѣніемъ никакой должности, состою «при разныхъ должностяхъ».

Вчера, въ день восшествія на престолъ Государя, Екатерина Романовна Дашкова получила Высочайшій благодарственный рескриптъ за поднесенные ею Государю два какіе-то рѣдкіе стола, которые и повелѣно хранить въ Московской Оружейной Палатѣ, и вчера же слава нашего Университетскаго Пансіона, Михайла Леонтьевичъ Магницкій, произведенъ въ статскіе совѣтники.

*) Тычкинъ, разорившійся купецъ, призрѣнъ былъ добрымъ и всѣми уважаемымъ Иваномъ Васильевичемъ Кусовымъ, который помѣстилъ его у себя въ домѣ (на Васильевскомъ Острову, возлѣ Тучкова моста) и давалъ бѣдняку содержаніе. Этотъ Тычкинъ говорилъ на виршахъ и очень былъ смѣшонъ въ своихъ разсужденіяхъ на счетъ житейскаго быта. Яковлевъ называлъ его новымъ Діогеномъ и написалъ къ нему стихотворное посланіе, въ которомъ отдаетъ ему преимущество предъ древнимъ философомъ. Вотъ послѣдняя строфа этого посланія, которое въ то время ходило по рукамъ:

„О, циникъ нынѣшняго вѣка,
Всея премудрости экстрактъ!
Искалъ тотъ тщетно человѣка—
Счастливѣй ты его стократъ:
Живешь не въ бочкѣ ты, въ квартирѣ,
И, къ удивленію, въ семъ мірѣ
Ты человѣка отъискалъ;
Нашелъ его не за горами,
Но между Невскими брегами.
Гаси фонарь—ты счастливъ сталъ!"

Позднѣйшее примѣчаніе.

За обѣдомъ въ павильонѣ генералъ Лебренъ, разговаривая о знатныхъ Французскихъ эмигрантахъ, находящихся у насъ въ службѣ, назвалъ въ числѣ ихъ барона де-Лангладъ. Эта фамилія меня поразила: неужто же, думалъ я, упоминаемый баронъ де-Лангладъ и нашъ безтолковый Данковскій городничій баронъ де-Лангладе, котораго старикъ Кудрявцевъ называетъ «ворона на разладѣ»—одно и то же лицо? Où, diable, les grandeurs vont-elles se nicher? Я спросилъ генерала, не знаетъ ли, гдѣ служитъ этотъ знатный баронъ. «Я слышалъ, что онъ имѣетъ очень хорошее мѣсто», отвѣчалъ Лебренъ, «и служитъ полиціймейстеромъ (maître de police) въ какомъ-то городѣ недалеко отъ Москвы. Онъ человѣкъ очень добрый, но, говорятъ, до крайности безтолковъ, иначе онъ могъ бы давно составить себѣ блистательную карьеру». Тутъ я не выдержалъ и разсказалъ все, что зналъ о нашемъ городничемъ и даже не скрылъ прозвища, которымъ заклеймилъ его Кудрявцевъ. «Да», сказалъ Лебренъ, «вашъ полицеймейстеръ, кажется, не похожъ на своихъ предковъ и своего отца, которые въ цѣлой Вандеѣ были извѣстны не только твердостью характера и неустрашимостью, свойственными вообще всѣмъ Вандейцамъ, но и своею сметливостью. Бароны де-Лангладъ съ баронами де-Лагранжъ считались молодцами на всякое дѣло, какъ въ домашней, такъ и общественной жизни; попечительные отцы семействъ своихъ, удалые охотники, безстрашные воины, умные совѣщатели о пользахъ своей провинціи, бароны де-Лангладъ и де-Лагранжъ уважаемы были дворомъ, любимы дворянствомъ и почитаемы народомъ».

Такъ вотъ изъ какого соколинаго гнѣзда вылетѣла Данковская наша ворона! Поди, разсказывай: никто не повѣритъ.

14 Марта. Четвергъ. Если нашъ Матвѣй Дмитріевичъ Дубининъ можетъ назваться типомъ старинныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, то Семенъ Тихоновичъ Овчинниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, служащій совѣтникомъ въ Экспедиціи для Ревизіи Счетовъ — настоящій прототипъ прежнихъ чиновниковъ высшаго разряда, которые, при неуклонномъ исполненіи служебныхъ своихъ обязанностей и безусловномъ уваженіи къ своей должности, любили иногда повеселиться и погулять съ пріятелями и всему находили свое время. Семенъ Семеновичъ Филатьевъ, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ и переводчикъ Лукановой «Фарсаліи», надъ которою трудится третій годъ, непремѣнно настоялъ, чтобъ я шелъ вмѣстѣ съ нимъ обѣдать къ пріятелю его Семену Тихоновичу. «Да помилуйте, я съ нимъ вовсе не знакомъ: какъ же я пойду къ нему обѣдать?»—«Нужды нѣтъ, любезнѣйшій другъ», отвѣчалъ Филатьевъ: «ужъ если пойдете къ нему со мною, такъ это все равно, что ко мнѣ,

и онъ будетъ такъ радъ, какъ вы себѣ не воображаете». Дѣлать было нечего, я согласился, и вотъ мы отправились пѣшкомъ отъ Торговаго моста, гдѣ живетъ Филатьевъ, въ Грязную улицу, въ которой, на собственномъ пепелищѣ, живетъ Семенъ Тихоновичъ. Входимъ; въ передней встрѣтили насъ два плохо одѣтые мальчика, лѣтъ по двѣнадцати, съ румяными личиками и веселыми физіономіями; въ столовой ожидалъ самъ хозяинъ, занимаясь установкою графинчиковъ съ разными водками и нѣсколькихъ тарелокъ съ различною закускою. Въ углу, на креслахъ сидѣлъ уже одинъ гость, довольно тучный баринъ, съ отвислымъ подбородкомъ и съ крестикомъ въ петлицѣ, и гладилъ жирнаго кота, мурлыкавшаго на окошкѣ. Поставленный въ срединѣ комнаты столъ накрытъ былъ на пять приборовъ. Завидя Филатьева, Семенъ Тихоновичъ бросился обнимать его съ изъявленіемъ живѣйшей радости. «Вотъ одолжилъ, старый пріятель! Вотъ подлинно одолжилъ; пожаловалъ въ самую пору: щи не простынутъ. Все ли благополучно въ Пекинѣ?» [1]). При этомъ вопросѣ онъ захохоталъ. Филатьевъ рекомендовалъ меня какъ своего пріятеля и назвалъ по имени. «Ба, ба, ба!» вскричалъ Семенъ Тихоновичъ и залился опять такимъ смѣхомъ, что мнѣ и самому смѣшно стало. «Да я чуть ли не былъ и съ батюшкою-то вашимъ знакóмъ въ то время, какъ онъ служилъ здѣсь, въ Петербургѣ».— «Это былъ мой дядя», отвѣчалъ я. «Дядюшка вашъ? Ха, ха, ха! Все-таки родственникъ же. Давно живемъ, сударикъ; знакомыхъ было много; больше половины отправились въ Елисейскія. Ха, ха, ха!» Филатьевъ спросилъ его, не ожидаетъ ли онъ еще кого-нибудь, что столъ накрытъ на пять приборовъ. «Никого, сердечный,» подхватилъ Овчинниковъ. »Вишь такъ накрыть догадалась Марѳа; говоритъ: можетъ-быть, кто-нибудь завернетъ и еще, такъ не стать же перекрывать столъ. Умница, спасибо ей, право умница! Ха, ха, ха!... Гей! Марѳа! готовы ли щи? упрѣла ли каша?»—«Готово, родимый, готово, извольте закусывать да и садиться за столъ», раздался изъ кухни громкій голосъ Марѳы: «сейчасъ принесу». И вотъ Семенъ Тихоновичъ предложилъ приступить къ закускѣ. «Милости просимъ, водочки какой кому угодно: все самодѣльщина, ха, ха, ха; вѣдь мы люди холостые только о себѣ думаемъ, ха, ха, ха! Чтó жъ будешь дѣлать: жениться опоздалъ, мать Экспедиція не приказала, ха, ха, ха! Семенъ Семенычъ, Иванъ Васильичъ [2]), вотъ зор-

[1]) Старикъ С. С. Филатьевъ, отлично-добрый, честный и нравственный человѣкъ, имѣлъ свои смѣшныя стороны; онъ до такой степени пристрастенъ былъ къ Китайцамъ, что считалъ ихъ образованнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ и не иначе говорилъ о Китаѣ, какъ съ знаками величайшаго уваженія, и все Китайское находилъ безусловно-превосходнымъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Статскій совѣтникъ Мироновичъ, товарищъ по службѣ Овчинникова. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

ная, это калганная, желудочная; а вотъ и родной травничокъ, такой, бестія, забористый, что выпьешь рюмку, другой захочется. Ха, ха, ха! А юношу-то чѣмъ просить? Чай онъ крѣпости не любитъ? Ха, ха, ха...» — «Да и до слабостей не охотникъ, Семенъ Тихонычъ», сказалъ я: «выпью, что̀ хозяинъ укажетъ, и отъ крѣпкаго изыдетъ сладкое».— «Ахъ, ты разумникъ мой! вотъ одолжилъ, право одолжилъ! Ха, ха ха! Милости просимъ: икорка знатная, да и сёмушка-то—деликатесъ!»

Семену Тихоновичу лѣтъ за шестьдесятъ. Онъ сѣдъ какъ лунь, великъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ, говоритъ голосомъ не по росту – тонкимъ и пронзительнымъ; лицо его добродушно, физіономія свѣтла и обращеніе безцеремонно. Можно поручиться, что онъ цѣлый вѣкъ свой живетъ въ мирѣ съ своей совѣстью, въ ладахъ съ людьми и ни разу не ссорился съ жизнью.

Но вотъ толстая Марѳа съ веселымъ видомъ поставила на столъ миску щей и принесла горшокъ съ кашею. Мы сѣли за столъ и не положили охулки на руку; все было изготовлено вкусно: щи съ завитками, каша съ рубленными яйцами и мозгами—словомъ, объяденье. За этими блюдами послѣдовали: огромной разварной лещъ съ приправою изъ разныхъ кореньевъ и хрѣномъ, сосиски съ крупнымъ зеленымъ горохомъ, часть необыкновенно-нѣжной и сочной жареной телятины съ огурцами и, наконецъ, круглый рѣшетчатый съ вареньемъ пирогъ, вмѣсто дессерта. Послѣ каждаго блюда Семенъ Тихоновичъ подливалъ намъ то мадеры, то пива, а послѣ жаркаго раскупорилъ самъ бутылку превкусной шипучей смородиновки собственнаго издѣлья. Служившіе за столомъ общипанные мальчики не были имъ забыты: отъ всякаго кушанья откладывалъ онъ бѣсенятамъ своимъ, какъ называлъ онъ ихъ, обильныя подачки, и даже котъ на свой пай получилъ порядочную порцію телятины; все это дѣлалъ онъ, пересыпая разными прибаутками и продолжая хохотать отъ души.

Не успѣли отобѣдать, какъ толстая Марѳа явилась съ нѣсколькими бутылками разныхъ наливокъ и поставила ихъ передъ хозяиномъ. «Мы вѣдь не Французы», сказалъ Семенъ Тихоновичъ, осматривая бутылки, «чортова напитка—кофію, не пьемъ, а вотъ милости про̀симъ отвѣдать нашихъ домашнихъ наливочекъ, кому какая по вкусу придется; хороши, право хороши, языкъ проглотишь; есть и кудрявая, сирѣчь рябиновочка, есть и малиновка, да такая, что отъ рюмки самъ сдѣлаешься малиновымъ. Ха, ха, ха! А вотъ вишневочка: ужъ такая вышла, изъ собственныхъ своихъ вишенокъ, что любо-дорого; была и клубничная, да, признаться, всю выпили; у насъ не застоится. Ха, ха, ха!» Тутъ онъ подозвалъ стоявшихъ у дверей мальчишекъ, которые, отъ избытка употребленнаго продовольствія, пыхтѣли, какъ тюлени,

вытащенные изъ воды на берегъ, и приказалъ имъ, «на потѣху гостей», пѣть пѣсни. Мальчики повиновались и запищали:

Насъ рано мати будила
И говорила:
Ну теперь, дѣти,
Пора вставати.

«А каковы мои пѣвчіе?» говорилъ Семенъ Тихоновичъ, помирая со смѣху. Веселость его такъ была увлекательна, что мы, не смотря на пошлость возбудившей ее причины, сами хохотали до слезъ.

На обратномъ пути Филатьевъ разсказывалъ, что Семенъ Тихоновичъ съ самой ранней молодости своей отличался трудолюбіемъ, точностью въ исполненіи дѣлаемыхъ ему порученій и примѣрною честностью, что онъ достигъ настоящаго чина и получилъ Владимирскій крестъ за 35-ти лѣтнюю службу, служа въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ и по одной части, и теперь находится на вершинѣ своихъ желаній, получивъ полный пенсіонъ и занимая, хотя незначительное, но покойное мѣсто съ порядочнымъ жалованьемъ. Онъ совершенно счастливъ, имѣя досугъ заниматься маленькимъ своимъ хозяйствомъ и ежедневно, по выходѣ изъ экспедиціи, пировать у себя или у своихъ пріятелей, не заботясь объ изготовленіи бумагъ къ слѣдующему утру. «Такъ окончили службу большею частью всѣ мои современники-сослуживцы, любезнѣйшій другъ», сказалъ мнѣ Филатьевъ; «такъ, благодаря Бога, кончилъ ее и я. Кто былъ смолоду ограниченъ въ своихъ желаніяхъ, по службѣ не залѣзалъ впередъ и, не считая себя непризнаннымъ геніемъ, прилежно и честно трудился въ своей сферѣ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что проведетъ остатокъ дней своихъ весело и покойно и даже, подобно Семену Тихоновичу, въ нѣкоторомъ довольствѣ».

Все это нравоученіе какъ будто цѣликомъ взято Филатьевымъ изъ какой-нибудь прописи, а между тѣмъ онъ правъ.

15 Марта, Пятница. Пишутъ изъ Москвы, что, не смотря на военное хлопотное время, наконецъ, рѣшено строить театръ, къ чему и приступятъ тотчасъ же послѣ Пасхи. Мѣсто для постройки выбрано у Арбатскихъ воротъ. Эта мысль хороша, потому что большая часть дворянскихъ фамилій живетъ на Арбатѣ или около Арбата. Болтливый корреспондентъ мой прибавляетъ, что, вскорѣ по открытіи спектаклей, дадутъ въ первый разъ «Модную Лавку» Крылова, которую публика желаетъ видѣть такъ нетерпѣливо, что заранѣе теперь хлопочетъ о мѣстахъ. Зловъ готовитъ бенефисъ свой къ Маю и намѣренъ дать драму «Сынъ Любви», въ которой Фрица хочетъ играть самъ, а роль

барона Нейгофа уговорилъ играть старика Померанцева, уволеннаго на пенсіонъ въ прошедшемъ году. Дылда мадамъ Ксавье, за неимѣніемъ возможности, по случаю поста, показывать на сценѣ себя, развозитъ на показъ дочь свою, un petit prodigue, которая, говорятъ, чрезвычайно мила и декламируетъ стихи не хуже своей матери.

Вечеромъ былъ у Гнѣдича; засталъ его дома и за работою. Онъ очень обрадовался мнѣ и сказалъ, что, со времени свиданія нашего въ прошедшую Суботу у А. С. Хвостова, онъ ждалъ меня всякій день и не надѣялся уже скоро меня видѣть. «Но завтра непремѣнно увидѣли бы у Шишкова», отвѣчалъ я. «Да, правда; а вы не слыхали, что̀ у него читать будутъ?»—«Да, кажется, считаютъ на вашу восьмую пѣснь Иліады».—«Можетъ быть, я и прочитаю ее; но желалъ бы послушать и другихъ. Нѣтъ ли въ запасѣ чего-нибудь у васъ?» Я сказалъ, что ничего приготовить не могъ, потому что мало имѣю времени, находясь при разныхъ должностяхъ. «О-го? такъ молоды и при разныхъ должностяхъ! Слѣдовательно вы—другой Тургеневъ, и жалованья получаете много».—«Да побольше тысячи рублей, а сверхъ того, снабжаютъ меня бѣльемъ разнаго рода и разбора, отпускаютъ фунтовъ по 10 чаю, банокъ по 20 варенья и еще кой-какую провизію, въ числѣ которой есть и вяленые поросята». Гнѣдичъ устремилъ на меня единственный свой глазъ и, конечно, подумалъ: «точно Юшневскій правъ; голова у него не въ порядкѣ». Но я скоро разрѣшилъ его недоумѣніе и растолковалъ ему, что́ значатъ мои должности и откуда проистекаютъ мои доходы. Все это очень забавляло Гнѣдича, особенно толки о Троянской войнѣ, и онъ съ участіемъ спросилъ меня, отчего же, не будучи занятъ службою, я такъ мало, или, скорѣе, ничего не пишу и не примусь за какой-нибудь дѣльный и продолжительный трудъ, чтобъ со временемъ составить себѣ почетное имя въ литературѣ. Я отвѣчалъ, что, пріѣхавъ такъ недавно въ Петербургъ, я не успѣлъ еще осмотрѣться и хочу, прежде чѣмъ рѣшительно посвятить себя литературѣ, заняться службою; и если въ Коллегіи не добьюсь какого-нибудь назначенія, то постараюсь перейти въ другое вѣдомство; что, впрочемъ, я весьма начинаю сомнѣваться въ призваніи своемъ къ литературѣ, и похвалы Гаврила Романовича моему дарованію, которыя сгоряча я принялъ за чистыя деньги, теперь, по зрѣломъ размышленіи, кажутся мнѣ несовсѣмъ основательными: онъ въ восторгѣ отъ Боброва, а кто жъ не знаетъ, что̀ такое Бобровъ! «Однакожъ, въ ожиданіи назначенія должности, надобно дѣлать что-нибудь», сказалъ мнѣ Гнѣдичъ. «Вы любите поэзію, страстны къ театру и, учась въ хорошей школѣ, пріобрѣли достаточно вкуса, чтобъ не писать дурныхъ стиховъ и безпристрастно цѣнить литературные труды свои; а потому я совѣтовалъ бы вамъ заняться

пока переводомъ какой-нибудь хорошей театральной пьесы; вотъ, напримѣръ, начните-ка переводить Гамлета».

Тутъ Гнѣдичъ съ жаромъ распространился о достоинствѣ этой трагедіи и началъ превозносить Шекспира, который, по мнѣнію его, одинъ только могъ создать подобный характеръ. Выхвативъ изъ шкапа Шекспировы сочиненія во Французскомъ прозаическомъ переводѣ, онъ началъ декламировать сцену Гамлета съ привидѣніемъ, представляя попеременно то одного, то другаго, съ такими странными тѣлодвиженіями и такимъ дикимъ напряженіемъ голоса, что ласкавшаяся ко мнѣ собака его, Мальвина, бросилась подъ диванъ и начала прежалобно выть. Гнѣдичъ хорошо разумѣетъ Французскій языкъ, но говоритъ на немъ изъ рукъ вонъ плохо и въ чтеніи коверкаетъ его безъ милосердія: такого уморительнаго произношенія никогда не случалось мнѣ слышать. Кажется, сцена появленія привидѣнія—одна изъ фаворитныхъ сценъ Гнѣдича; онъ отъ нея въ восторгѣ и удивляется искусству, съ какимъ она подготовлена, ибо, по словамъ его, иначе привидѣніе не могло бы производить такое поразительное впечатлѣніе на зрителей. По всему замѣтно, что переводчикъ «Иліады» изучаетъ и Шекспира: онъ говоритъ о немъ дѣльно и убѣдительно, и, не смотря на свои странности, внушаетъ довѣріе къ своимъ сужденіямъ.

Гнѣдича въ университетѣ прозвали ходульникомъ *), l'homme aux échasses, потому что онъ всегда говорилъ свысока и всякому незначительному обстоятельству придавалъ какую-то особенную важность. Я думаю, что въ этомъ отношеніи онъ мало перемѣнился; но совсѣмъ тѣмъ нельзя не признать его человѣкомъ умнымъ и, что́ еще лучше, добрымъ и благонамѣреннымъ: à tout prendre, c'est une bonne connaissance à cultiver. Съ нимъ не скучно, и если онъ любитъ проповѣдывать самъ, то слушаетъ охотно и другихъ съ живымъ, неподдѣльнымъ участіемъ, и возражаетъ безъ обиды чужому самолюбію. Я замѣтилъ что у него есть страстишка говорить афоризмами, какъ почти у всѣхъ грекофиловъ, и другая—прихвастнуть своими bonnes fortunes; но у всякаго есть свой конекъ: отъ исполина Державина до Лиллипута Кобякова. Я сердечно радъ, что мы дружески сошлись съ Гнѣдичемъ и, дастъ Богъ, не разойдемся врагами, потому что поняли другъ друга. Кажется, одно обстоятельство послужило еще къ бо́льшему нашему сближенію. Говоря о многихъ близкихъ моихъ знакомыхъ, которыхъ я потерялъ изъ виду и которыхъ надѣялся здѣсь найти, я случайно назвалъ семейство Д. И. К., заслуженнаго генерала, поселившагося, года четыре назадъ, въ Петербургѣ по обязанностямъ службы; вдругъ Гнѣ-

*) См. выше, 26 Февраля 1806 года.

дичъ вскочилъ, будто змѣею укушенный, и прямо ко мнѣ съ вопросомъ: «Такъ неужели вы ихъ знаете? да это быть не можетъ!» — «Точно такъ», отвѣчалъ я, «и, въ подтвержденіе словъ моихъ, вотъ вамъ и доказательства». Тутъ я разсказалъ ему всѣ подробности, касающіяся до семейства К., и въ особенности распространился о милой, косой генеральшѣ Софьѣ Александровнѣ, вышедшей за пожилаго своего мужа 14-ти лѣтъ отъ роду, любезной, веселой кокеткѣ, подъ часъ танцующей мазурку съ молодыми офицерами, а иногда презадумчиво читающей какую-нибудь серьезную книгу; разсказалъ и о томъ, какъ эта косая красавица умѣетъ быть всегда на высотѣ своего общества, и какъ радушно слушаетъ она объясненія своихъ воздыхателей, молодыхъ и стариковъ, красавцевъ и безобразныхъ, городскихъ щеголей и неучей деревенскихъ и, по обычаю Полекъ, мастерски ободряетъ ихъ искательства. «Такъ, такъ! теперь вижу, что вы ихъ знаете», подхватилъ Гнѣдичъ, «они уѣхали отсюда минувшею осенью и, къ вѣчному сожалѣнію моему, кажется, навсегда. Старикъ вышелъ въ отставку и рѣшился жить въ деревнѣ. Я не могу забыть о Софьѣ Александровнѣ, съ которой знакóмъ былъ около четырехъ лѣтъ, и время, проведенное въ ея обществѣ, почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни».

Ну, разумѣется, такъ! Все это въ порядкѣ вещей и быть иначе не можетъ: я знаю Софью Александровну почти съ малолѣтства.

16 Марта, Суббота. Сегодня съ ранняго утра Казанская площадь была усѣяна народомъ, а въ соборѣ такая толпа и давка, что я могъ продраться въ него съ величайшимъ трудомъ. Государь, въ дорожномъ экипажѣ, прибылъ въ 12 часу; послѣ краткаго молебна, приложившись къ образамъ, изволилъ онъ отправиться въ дорогу, напутствуемый общими благословеніями. Онъ сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ, а графъ Ливенъ и Новосильцовъ поѣхали каждый въ особыхъ экипажахъ.

Говорятъ, что предъ самымъ отъѣздомъ Государь изволилъ пожаловать Александра Алексѣевича Чесменскаго, бывшаго бригадиромъ въ отставкѣ, генералъ-майоромъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ попрежнему оставался при главнокомандующемъ милиціею пятой области, графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ, по его порученіямъ; разумѣется, эта милость оказана Чесменскому единственно по уваженію заслугъ стараго графа.

Но вотъ милости, оказанныя достойнымъ людямъ за собственныя ихъ заслуги: вчера М. М. Сперанскій получилъ Анненскую ленту, а находящійся при С. К. Вязмитиновѣ коллежскій совѣтникъ Марченко— Анненскій крестъ на шею. Сперанскій быстро подвигается впередъ; да и нельзя иначе: уменъ, дѣловой, сметливъ и мастеръ писать. Марчен-

ко также обѣщаетъ много: ему не болѣе 26 лѣтъ, а считается оракуломъ своего министерства и, не смотря на свои способности и необыкновенно пріятную наружность, скроменъ какъ красная дѣвушка, почтителенъ къ старшимъ и привѣтливъ со всѣми, кто имѣетъ до него дѣло. Сожалѣютъ, что онъ не слишкомъ свѣтскаго образованія и не знаетъ иностранныхъ языковъ. Семенъ Семеновичъ Жегулинъ былъ его руководителемъ съ малолѣтства, а это хорошая школа.

Но, кажется, время отправляться къ А. С. Шишкову. Благодаря музамъ, я попалъ въ общество почтенныхъ людей; надобно поддержать себя, и если я не могу сдѣлаться литераторомъ по призванію, такъ по крайней-мѣрѣ пусть узнаютъ, что я не безграмотенъ и не хуже другихъ гожусь на всякое дѣло по службѣ.

17 Марта, Воскресенье. Вчера слушали мы 8-ю пѣснь «Иліады», которую Гнѣдичъ читалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и напряженіемъ голоса. Я, право, боюсь за него: еще нѣсколько такихъ вечеровъ — и онъ того и гляди начитаетъ себѣ чахотку. Въ переводѣ его есть прекрасные стихи и особенно въ изображеніи раздраженнаго Зевса:

„Златую цѣпь спущу съ небесной я твердыни,
Низвѣситесь по ней всѣ боги и богиги!"

Вообще Гнѣдичъ владѣетъ языкомъ отлично, и хотя въ стихахъ его есть нѣкоторая напыщенность, но за то они гладки, ударенія въ нихъ вѣрны, выраженія точны, рифмы созвучны—словомъ, переводъ хоть куда.

Кромѣ Гнѣдича, другихъ чтецовъ не было. Много разговаривали прежде о политикѣ, объ отъѣздѣ Государя, о Сперанскомъ, которому предсказываютъ блестящую будущность, о генералѣ Тормасовѣ, котораго вчера предъ самымъ отъѣздомъ своимъ Государь назначилъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ, о дюкѣ де-Серра-Капріола, извѣстномъ ненавистью своею къ Бонапарте; но послѣ перешли опять къ литературѣ и театру. Любопытствовали знать о новой трагедіи «Пожарскій» и сожалѣли, что не пригласили автора на вечеръ. «Да, странно, что о немъ ничего не было слышно!» сказалъ Шишковъ. «И откуда онъ могъ взяться?» Я объяснилъ, что Крюковской служитъ въ Банкѣ *), что я видѣлъ его и слышалъ его трагедію. «Ну, что жъ? Какова?» спросилъ Державинъ. Я отвѣчалъ, что стихи есть превосходные; но что

*) Матвѣй Васильевичъ Крюковской въ это время не служилъ еще въ Банкѣ, а только искалъ случая опредѣлиться туда. Онъ былъ поручикомъ въ отставкѣ и членомъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

касается до трактаціи сюжета, расположенія сценъ и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то въ этомъ отношеніи, по мнѣнію моему, она очень посредственна, что̀ подтвердилъ и самъ Яковлевъ, которому назначается роль героя пьесы. «Да отчего же о ней говорятъ такъ много?» замѣтилъ Карабановъ; «тутъ, батинька, должно быть какое-нибудь недоразумѣніе».—«Яковлевъ плохой судья», сказалъ Гнѣдичъ, который, не знаю почему, не очень любитъ Яковлева. «Можетъ быть, Яковлевъ и ошибается», отвѣчалъ я; «но трагедіею публика интересуется, потому что, не смотря на свои недостатки, она все-таки есть произведеніе замѣчательное, и также, какъ «Дмитрій Донской», теперь является очень-кста̀ти». Александръ Семеновичъ Хвостовъ началъ утверждать, что въ послѣднее время замѣтно большое движеніе въ театральной литературѣ, и что этому, безъ сомнѣнія, способствовало соединеніе такихъ отличныхъ талантовъ, какіе теперь украшаютъ нашу сцену, какъ, напр. Шушеринъ, Яковлевъ, Семенова, Рыкаловъ, Пономаревъ, Рахманова и другіе. «Мнѣ кажется, что это совершенно наоборотъ» сказалъ Гнѣдичъ: «не актеры образуютъ писателей, но писатели актеровъ. Безъ Сумарокова и Княжнина мы не имѣли бы Дмитревскаго и его послѣдователей: Шушерина, Плавильщикова и Яковлева; безъ Озерова талантъ Семеновой не получилъ бы такого развитія и, можетъ быть, зачахъ бы преждевременно, истомленный ролями старинныхъ трагедій, въ которыхъ слогъ не только устарѣлъ, но и вовсе неудобенъ для правильнаго произношенія. Да и сами Шушеринъ и Яковлевъ развѣ были тѣми, чѣмъ стали они со времени трагедій Озерова, и роли Эдипа, Фингала и, наконецъ, Дмитрія Донскаго развѣ не дали имъ случая выказать свои дарованія въ новомъ блескѣ?» И. С. Захаровъ вступился за старыя трагедіи и доказывалъ, что слогъ ихъ вовсе не такъ устарѣлъ, потому что, не смотря на появленіе новыхъ трагедій, публика продолжаетъ смотрѣть съ удовольствіемъ на представленія и старыхъ. Изъ этого готовъ былъ возникнуть споръ, но Гнѣдичъ замолчалъ изъ учтивости. Къ счастью, что не было Кикина и Писарева, а то бы пошелъ дымъ коромысломъ.

«Можетъ быть, хорошіе писатели и подлинно содѣйствуютъ образованію актёровъ», сказалъ Карабановъ; «но, кажется, и то не менѣе справедливо, что хорошіе актеры возбуждаютъ охоту въ писателяхъ трудиться для театра. Вотъ, напримѣръ, вы сами, Николай Иванычъ, теперь переводите «Леара» и, помнится, сами же говорили, что не будь Шушерина для роли Леара и Семеновой для роли Корделіи, вамъ бы и въ голову не вошло переводить эту трагедію».—Это правда», отвѣчалъ Гнѣдичъ; «но я перевожу или, лучше, передѣлываю «Леара» соб-

ственнно для бенефиса Шушерина, по его просьбѣ *), и еслибы не былъ увѣренъ, что онъ хорошо его сыграетъ, то, конечно, не сталъ бы тратить время попустому; но авторъ, который предпринимаетъ трудъ не случайный и заботится о художественной его отдѣлкѣ собственно для своей славы, не имѣетъ въ предметѣ ни Шушерина, ни Семеновой, а только характеры выводимыхъ имъ на сцену персонажей, и не станетъ соображаться съ средствами тѣхъ сюжетовъ, которые ихъ играть должны, а предоставитъ соображаться имъ самимъ съ его твореніемъ. Авторъ трагедіи, или комедіи—не капельмейстеръ какой-нибудь, который обязанъ сочинять музыку заказанной ему оперы, соображаясь съ голосами, находящимися въ распоряженіи его импрессаріо».

За ужиномъ разговорились о Россійской Академіи. «А сколько считается теперь всѣхъ членовъ?» спросилъ Державинъ Петра Ивановича Соколова. «Да около шестидесяти», отвѣчалъ секретарь Академіи. «Неужто же насъ такое количество?» сказалъ удивленный Шишковъ: «я думалъ, что гораздо менѣе».—«Точно такъ; но изъ нихъ, какъ вашему превосходительству извѣстно, находятся на лицо немногіе: одни въ отсутствіи, другіе избраны только для почета, а нѣкоторые...» «Не любятъ грамоты», подхватилъ А. С. Хвостовъ. Всѣ засмѣялись. «Правда, что иные точно безполезны», замѣтилъ Шишковъ: «втерлись въ литераторы, Богъ вѣсть какимъ образомъ, не имѣя на то никакого права, между тѣмъ какъ много писателей достойныхъ не засѣдаетъ еще въ Академіи. Впрочемъ, прибавилъ онъ, надобно надѣяться, что все измѣнится къ лучшему. Государь намѣренъ сдѣлать большія преобразованія: одни изъ средствъ къ распространенію просвѣщенія уже угаданы, другія обновлены и усилены, третьи очищены и облагорожены, остается направить ихъ къ надлежащей цѣли; это не замедлится, и тогда Россійская Академія будетъ имѣть настоящее свое значеніе, а труды достойныхъ нашихъ писателей получатъ надлежащее ободреніе».

Мнѣ такъ хотѣлось знать, изъ какихъ лицъ составлена Академія, что я рѣшился попросить у сидѣвшаго возлѣ меня Соколова именнаго списка ея членамъ. Онъ съ величайшею готовностью обѣщалъ мнѣ дать его, пригласивъ прійдти за нимъ въ Академію, гдѣ онъ бываетъ каждое утро.

Мы вышли отъ Шишкова вмѣстѣ съ Гнѣдичемъ и разсуждали дорогою, отчего, не смотря на радушіе хозяевъ, такъ мало собирается у нихъ молодыхъ писателей; да и тѣ, которые приходятъ, ничего почти не приносятъ съ собою для чтенія. «Должно думать», сказалъ перевод-

*) „Леаръ“ былъ представленъ въ первый разъ на театрѣ 18 Ноября 1807 года, въ бенефисъ Шушерина.

чикъ «Иліады», «что наши юноши мало трудятся собственно для литературы, и только стараются попасть въ общество литераторовъ для какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей, а можетъ быть, и отъ нечего дѣлать. Да правду сказать, въ числѣ этихъ господъ академиковъ низшей степени есть такіе, которые не очень могутъ ободрить молодаго поэта. Вы не слыхали, какъ вашъ сосѣдъ за столомъ, Петръ Ивановичъ, подтрунивалъ надъ сочинителями пьесъ театральныхъ: вся эта поэзія, говорилъ онъ Тимковскому, всѣ эти трагедіи и поэмы одна только роскошь въ литературѣ; а намъ не до роскоши, когда мы нуждаемся въ насущномъ хлѣбѣ. Намъ нужны не поэты, а люди, которые бы умѣли писать въ прозѣ правильно и ясно; у насъ нѣтъ ни эпистолярнаго, ни дѣловаго слога, о которомъ похлопотать непремѣнно слѣдовало; а заботиться о прочемъ — одна суетность и, право, не стоитъ труда. Вотъ извольте видѣть, какъ разсуждаетъ Петръ Ивановичъ; а еще секретарь Академіи!»

18 Марта, Понедѣльникъ. Давича изъ Коллегіи нарочно ѣздилъ къ Соколову за спискомъ членовъ Академіи и такъ радъ, что получилъ обѣщанное сокровище! Что жъ это значитъ? Въ числѣ 58 человѣкъ, только 5 извѣстныхъ поэтовъ съ истиннымъ талантомъ: Державинъ, Херасковъ, Капнистъ, Дмитріевъ и Нелединскій, и только два настоящіе литератора съ именемъ: М. Н. Муравьевъ и А. С. Шишковъ, къ которымъ, правда, можно присоединить и нѣсколько даровитыхъ особъ изъ высшаго духовенства, какъ то: преосвященныхъ Иринея Псковскаго, Анастасія Бѣлорусскаго, Меѳодія Тверскаго, Ѳеоктиста Курскаго и Михаила Черниговскаго, а тамъ хоть шаромъ покати! Вижу людей знатныхъ: графа Строганова, графа Мусина-Пушкина, Татищева, князя Куракина, князя Бѣлосельскаго, графа Васильева, Трощинскаго и князя Голицына, и нахожу натуральнымъ, что Академія ищетъ себѣ достойныхъ покровителей; но понять не могу, какъ попали въ нее люди вовсе неизвѣстные въ литературѣ или, что̀ еще хуже, извѣстные своею бездарностью? Отчего въ спискѣ красуются имена графа Хвостова, Кутузова, Стахія Колосова, Николева, Мальгина, Озерецковскаго, Никитина, Дружинина, Савостьянова, Никольскаго и самого секретаря Академіи Соколова, а нѣтъ въ немъ именъ Карамзина, Крылова, Озерова, князя Шаховскаго, Чеботарева, Мерзлякова и другихъ? Невольно удивляешься, видя рядъ именъ, можетъ быть, и почтенныхъ людей, но ужъ вовсе не поэтовъ и не литераторовъ. Скажутъ, что они люди ученые, хоть и это еще не доказано; но въ такомъ случаѣ мѣсто ихъ скорѣе въ Академіи Наукъ. Академія Россійская основана въ видахъ пользы Русской литературы, по примѣру Академіи Французской; слѣдова-

тельно и должна быть составлена изъ однихъ знаменитыхъ литераторовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вельможъ, ея покровителей и предстателей у престола. Иначе, всякій, переведя какую-нибудь книжку, можетъ тотчасъ и попасть въ Академію, какъ, напримѣръ, попалъ въ нее Я. А. Дружининъ за переводъ «Пиѳагоровыхъ Учеництъ» Виланда... Ума не приложу; потолкую объ этомъ съ Гавриломъ Романовичемъ.

19 Марта. Вторникъ. Гаврила Романовичъ написалъ на отъѣздъ Государя молитву, которую Московскій мой знакомецъ Нейкомъ, пріѣхавшій сюда на прошедшей недѣлѣ, намѣренъ положить на музыку и исполнить ее или въ своемъ концертѣ, или въ концертѣ Филармоническаго Общества. Боюсь вымолвить, но эти стихи нашего барда слабы и не похожи на прежнія его сочиненія; а, кажется, былъ прекрасный случай къ вдохновенію.

Толковали о князѣ Платонѣ Александровичѣ Зубовѣ, который, не смотря на свое пятилѣтнее отсутствіе, до сихъ поръ еще считается шефомъ Кадетскаго Корпуса. Въ это званіе возвелъ его императоръ Павелъ Петровичъ, а членомъ Государственнаго Совѣта пожалованъ онъ уже государемъ Александромъ Павловичемъ. Гаврила Романовичъ увѣряетъ, что Зубовъ имѣетъ много природныхъ способностей. «Во время моего статсъ-секретарства», говорилъ старикъ, «часто случалось мнѣ, передъ докладомъ Императрицѣ, заходить къ Зубову и объясняться съ нимъ по разнымъ дѣламъ, о которыхъ я докладывать былъ долженъ Императрицѣ, и выслушивать его заключенія: они были очень правильны».

Къ слову о статсъ-секретарствѣ Гаврила Романовича. Любопытно происшествіе, случившееся съ нимъ во время исправленія этой должности. Державинъ докладывалъ однажды Императрицѣ по какому-то очень важному дѣлу и, по случаю сдѣланнаго ею возраженія, до того забылся въ горячности своего объясненія, что осмѣлился схватить ее за конецъ мантильи, какъ бы въ спорѣ съ какою нибудь обыкновенною знакомою дамою. Государыня тотчасъ позвонила. «Кто еще тамъ есть?» спросила она очень хладнокровно вошедшаго на звукъ колокольчика камердинера своего Зотова. «Статсъ-секретарь Поповъ», отвѣчалъ Зотовъ».—«Позови его сюда». Поповъ вошелъ. «Побудь здѣсь, Василій Степанычъ», сказала ему Императрица съ улыбкою: «а то вотъ этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ». Державинъ опомнился и, въ отчаяньи, бросился Государынѣ въ ноги. «Ничего», примолвила Императрица; «продолжайте докладывать: я слушаю». Это происшествіе, которое разсказывалъ Поповъ и въ которомъ сознавался самъ Держа-

винъ, было, кажется, настоящею причиною перемѣщенія его изъ статсъ-секретарей въ сенаторы.

Увѣряютъ, что звонокъ былъ прежде принадлежностью однихъ присутственныхъ мѣстъ и въ домашнее употребленіе введенъ только въ началѣ царствованія императрицы Екатерины Великой. До того же всѣ знатныя особы держали при себѣ или пажиковъ или, большею частью, карликовъ и карлицъ для призыва нужныхъ служителей и другихъ небольшихъ комнатныхъ услугъ. Эти гномы находились при своихъ патронахъ безотлучно, знали всѣ ихъ привычки, умѣли угождать имъ и до такой степени успѣвали снискивать ихъ довѣріе, что въ стѣнахъ кабинета, который могъ назваться міромъ этихъ маленькихъ существъ, не было для нихъ ничего сокрытаго: все говорилось и дѣлалось при нихъ безъ малѣйшаго опасенія ихъ нескромности, какъ-будто ихъ и не существовало.

20 Марта. Середа. Французскій актеръ, старикъ Дюкроаси, который такъ превосходенъ въ роляхъ à manteaux, составляющихъ его амплуа, кажется, настоящій Французъ de la vieille roche: уменъ, простодушенъ, словоохотливъ и, кажется, очень набоженъ. Мы застали его сидящаго въ креслахъ предъ каминомъ съ молитвенникомъ въ рукахъ. Эта книжка, судя по истертымъ ея листамъ, должна быть въ безпрестанномъ употребленіи; возлѣ креселъ на столикѣ, лежали «Phédon» Платона и еще нѣсколько религіозныхъ книгъ. Странное сочетаніе духовнаго направленія съ обязанностями актера!

23 Марта. Суббота. А. Г. Харламовъ присовѣтовалъ мнѣ повидаться на счетъ Березняговскаго нашего дѣла съ однимъ изъ искуснѣйшихъ здѣшнихъ повѣренныхъ, И. Я видѣлъ этого дѣльца, говорилъ съ нимъ, но не добился отъ него никакого толку. Онъ началъ съ предлиннаго разсужденія о томъ, что всякое дѣло имѣетъ двѣ стороны, и почему справедливое дѣло можетъ иногда показаться несправедливымъ и обратно; что всякій судья смотритъ на обстоятельства дѣла съ своей особой точки зрѣнія, въ чемъ упрекать его не должно, потому что не всѣ люди одарены одинаковою прозорливостью и проч., и наконецъ повершилъ извѣстною поговоркою Д. П. Трощинскаго: «дѣло не въ докладѣ, а въ докладчикѣ». Я не могъ догадаться, къ чему клонится все это многорѣчивое предисловіе, тѣмъ болѣе, что просилъ его объ одномъ только указаніи, какимъ образомъ я могъ бы имѣть ближайшее наблюденіе за ходомъ нашего дѣла и успокоить отца, встревоженнаго передачею этого дѣла въ завѣдываніе другаго, новаго секретаря; но И* недолго оставлялъ меня въ недоумѣніи и довольно рѣзко объявилъ, что

онъ легко можетъ въ томъ пособить мнѣ и даже руководствовать меня въ нужныхъ случаяхъ, если я дамъ ему пятьсотъ рублей тотчасъ и столько же по окончаніи процесса. Я молча выпучилъ на него глаза, и мое удивленіе послужило ему поводомъ къ новой диссертаціи о возмездіи, которымъ всѣ мы одинъ другому обязаны за труды, хлопоты и потерю драгоцѣннаго времени. «Вы знаете», вдругъ спросилъ онъ у меня, «что̀ такое время?» У меня такъ и завертѣлось на языкѣ отвѣчать ему стихами Хемницера:

А время вещь такая,
Которую съ тобой не стану я терять,

но, къ счастью, воздержался отъ грубаго слова и, учтиво раскланявшись, оставилъ знаменитаго дѣльца, который, кажется, задумалъ подражать Англійскимъ адвокатамъ и брать деньги даже и за совѣты. Пятьсотъ рублей тотчасъ и столько же по окончаніи процесса! Не́чего сказать, молодецъ! Впрочемъ, Паглиновскій научитъ меня, что̀ я предпринять долженъ.

Но лучше, по выраженію князя Шаликова, «поспѣшимъ въ объятія Музъ» и поѣдемъ на очередной литературный вечеръ къ Державину. Тамъ, по словамъ другаго поэта болѣе талантливаго:

Забудемъ житейское горе
И сбросимъ съ усталыхъ раменъ
Тяжелую, скучную ношу
Вседневныхъ заботъ безотвязныхъ,
Мы силы души обновимъ
Цѣлебной струей Иппокрены!

24 Марта. Воскресенье. Княгиня Дашкова, по смерти сына, необыкновенно стала щедра на пожертвованія. Недавно поднесла она Государю какіе-то рѣдкіе столы, а теперь подарила университету весь свой музеумъ натуральной исторіи, замѣчательный по рѣдкимъ экземплярамъ животныхъ четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, минераловъ и разныхъ раковинъ. Это—драгоцѣнное пріобрѣтеніе для университета. Теперь нашъ профессоръ натуральной исторіи, А. А. Антонскій, не будетъ болѣе на лекціяхъ своихъ показывать одни камешки: «Вотъ видите ли, дѣти, камешекъ-та, о которомъ толковалъ я вамъ на прошедшей-та лекціи. Какъ же онъ называется?»—«Лабарданъ», отвѣчалъ бывало всегда повѣса Мневскій.—«Ну вотъ и видно, что охотникъ-та жрать: все съѣстное-та на умѣ; лабарданъ-та рыба, а камешекъ называется лабрадоръ-та». Такъ проходили почти всѣ его лекціи.

Видно, нашей братьѣ, мелкотравчатымъ стиходѣямъ, совѣстно стало приходить на литературные вечера съ пустыми руками; немного

ихъ было вчера у Гаврила Романовича, да и тѣ, которые были, какъ-то: П. А. Корсаковъ и Щулепниковъ, опять ничего не принесли съ собою; но, въ замѣну плохихъ стиховъ, наслушался я умныхъ рѣчей и вдоволь насмотрѣлся на многихъ почтенныхъ людей, въ числѣ которыхъ министръ просвѣщенія, графъ Заводовскій, занимаетъ первое мѣсто. Это мужъ вѣка Екатерины Великой. Онъ очень величавъ наружностью; въ движеніяхъ его много истиннаго достоинства; говоритъ протяжно, и какъ будто взвѣшивая каждое слово, но за то выражается правильно, и разговоръ его исполненъ здравомыслія. Сказывали, что смолоду онъ былъ красавецъ; можетъ-быть; но теперь кромѣ живыхъ умныхъ глазъ, другихъ остатковъ прежней красоты незамѣтно; лицо угревато и багрово, а отъ бѣлонапудренныхъ волосъ кажется еще багровѣе. Разговаривали о войнѣ и о намѣреніяхъ Государя достигнуть общаго мира въ Европѣ. «Цѣль великая», сказалъ графъ Петръ Васильевичъ, «но едва-ли достижимая; помирившись съ Французами, мы будемъ воевать съ Англичанами. Государь желаетъ мира для того, чтобъ приняться за необходимыя преобразованія для блага Россіи, а, можетъ-быть, и всего человѣчества; но именно по этой-то причинѣ и не оставятъ насъ въ покоѣ. Не говорю о Бонапарте, который—заклятый врагъ спокойствія Россіи, потому что она одна въ состояніи полагать преграды ненасытному его властолюбію; но и державы намъ дружественныя или, вернѣе сказать, тѣ, которыя мы почитаемъ дружественными, не будутъ спокойно смотрѣть на наше могущество, возростающее по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, образованности и усовершенствованія внутренняго управленія въ государствѣ, о чемъ такъ печется Государь съ самаго восшествія своего на престолъ. Да, впрочемъ, говоря откровенно, я считаю и войну не совсѣмъ для насъ безполезною: доказано, что продолжительный миръ иногда ослабляетъ государства; къ тому жъ надобно принять и то въ соображеніе, что безъ войны нельзя ни образовать военныхъ людей, ни узнать ихъ способностей, а искусные и опытные военачальники для Россіи необходимы. Въ какомъ бы мы видимомъ согласіи ни находились съ нашими сосѣдями, спокойствіе и безопасность государства требуютъ, чтобъ оружіе было всегда на готовѣ».

А. С. Шишковъ прочиталъ стихи Анны Петровны Буниной на смерть одной изъ ея пріятельницъ, молодой дѣвушки шестнадцати лѣтъ. Въ нихъ есть мысли и довольно силы въ выраженіяхъ; но, странное дѣло, они какъ будто писаны по заказу и не производятъ никакого дѣйствія на душу; это стихи не женщины, оплакивающей свою подругу, а скорѣе студента, разсуждающаго о жизни и смерти; отсутствіе чувства—главный ихъ недостатокъ. Бунина не хотѣла назвать сти-

ховъ своихъ элегіею потому, что они писаны четырехстопнымъ ямбомъ въ десятистишныхъ строфахъ, и дала имъ пышное названіе оды, какъ будто бы нельзя написать элегіи четырехстопными ямбами. Но если стихи мнѣ вовсе не по душѣ, то эпиграфъ къ нимъ пришелся по̀-сердцу; это двустишіе, взятое изъ сочиненій какого-то Испанскаго поэта, а можетъ быть и просто какая-нибудь эпитафія:

Dionosla Dios, no pòrque la Diese
Mas para montrar en tierra su obra.

То-есть «Богъ далъ намъ ее не для того, чтобъ оставить ее здѣсь, но чтобъ показать на землѣ Свое твореніе». Эту мысль могла бы развить Бунина въ своихъ стихахъ, не гоняясь за глубокомысліемъ, которое не всегда бываетъ у мѣста, и особенно тамъ, гдѣ должно преобладать одно чувство.

Гаврила Романовичъ толковалъ о какомъ-то Селакадзевѣ, у котораго будто бы находится большое собраніе Русскихъ древностей и, между прочимъ, Новгородскія руны и костыль Іоанна Грознаго. Онъ очень любопытствовалъ видѣть этотъ Русскій музеумъ и приглашалъ А. С. Шишкова и А. Н. Оленина вмѣстѣ осмотрѣть его. «Мнѣ давно говорили о Селакадзевѣ», сказалъ Оленинъ, «какъ о великомъ антикваріи, и я, признаюсь, по страсти къ археологіи, не утерпѣлъ, чтобъ не побывать у него. Что̀ жъ вы думаете, я нашелъ у этого человѣка? Цѣлый уголъ наваленныхъ черепковъ и битыхъ бутылокъ, которые выдавалъ онъ за посуду Татарскихъ хановъ, отысканную будто бы имъ въ развалинахъ Сарая; обломокъ камня, на которомъ, по его увѣренію, отдыхалъ Дмитрій Донской послѣ Куликовской битвы; престрашную кипу старыхъ бумагъ изъ какого-нибудь уничтоженнаго Богемскаго архива, называемыхъ имъ Новгородскими рунами; но главное сокровище Селакадзева состояло въ толстой уродливой палкѣ, въ родѣ дубинокъ, употребляемыхъ Кавказскими пастухами для защиты отъ волковъ; эту палку выдавалъ онъ за костыль Іоанна Грознаго. Когда я сказалъ ему, что на всѣ его вещи нужны историческія доказательства, онъ съ негодованіемъ возразилъ мнѣ: «Помилуйте, я честный человѣкъ и не стану васъ обманывать». Въ числѣ этихъ древностей я замѣтилъ двѣ алебастровыя статуйки Вольтера и Руссо, представленныхъ сидящими въ креслахъ и въ шутку спросилъ Селакадзева: «А это что̀ у васъ за антики?» — «Это не антики», отвѣчалъ онъ, «но точныя оригинальныя изображенія двухъ величайшихъ поэтовъ нашихъ, Ломоносова и Державина». Послѣ такой выходки моего антикварія, мнѣ оставалось

только пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ въ приращеніи подобныхъ сокровищъ и уйти, что̀ я и сдѣлалъ» *).

Рѣшительно не понимаю, отчего во всѣхъ здѣшнихъ литераторахъ замѣтно какое-то обидное равнодушіе къ Московскимъ поэтамъ, хотя бы, напримѣръ, къ Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину и другимъ. И. С. Захаровъ, толкующій безпрестанно о грамматикѣ, говоритъ о нихъ, какъ объ ученикахъ и никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ они имѣли дарованіе, а между тѣмъ покровительствуетъ такимъ писателямъ, которыхъ Мерзляковъ не допустилъ бы даже на свои лекціи, а отправилъ бы ихъ къ Аѳанасію Михайловичу Смирнову. Какое же можетъ быть сравненіе не только между Мерзляковымъ или Пушкинымъ, но даже между Измайловымъ, Колычевымъ, княземъ Шаликовымъ и прочими второклассными Московскими писателями, и какимъ-нибудь сочинителемъ стишковъ «къ Трубочкѣ» и ему подобными риѳмоплётами, которыхъ встрѣчаю я на литературныхъ вечерахъ? Изъ Москвичей одинъ И. И. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ и кавалеръ; а Карамзинымъ восхищается одинъ только

*) Г. Р. Державинъ не удовольствовался предостереженіемъ А. Н. Оленина и, четыре года спустя (1811), предъ самымъ составленіемъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова, ѣздилъ послѣ бывшаго у него обѣда, въ обществѣ Н. С. Мордвинова, А. С. Шишкова, И. И. Дмитріева и того же А. Н. Оленина къ Селакадзеву, жившему въ одномъ изъ переулковъ Семеновскаго полка, въ не совсѣмъ опрятной квартирѣ. По просьбѣ Гаврилы Романовича авторъ „Дневника" съ Н. А. Корсаковымъ отправился впередъ, чтобъ предувѣдомить антикварія о посѣтителяхъ. Онъ былъ въ восхищеніи, самъ принялся мести комнаты и сметать пыль съ своихъ рѣдкостей, поставилъ нѣсколько восковыхъ свѣчей въ подсвѣчники, надѣлъ новый сюртукъ и съ преважнымъ видомъ расположился на софѣ ожидать гостей, спрашивая попеременно то у автора „Дневника", то у Корсакова: „такъ этотъ Дмитріевъ министръ юстиціи? Такъ этотъ Мордвиновъ членъ Государственнаго Совѣта?" и когда они удовлетворили его вопросамъ, онъ съ какою-то гордостью безпрестанно повторялъ: „Ну что-жъ пусть посмотрятъ, пусть посмотрятъ". По пріѣздѣ Державинъ, не обращая вниманія на другіе предметы, бросился разсматривать Новгородскія руны и, къ общему удивленію, отыскалъ нѣсколько отрывковъ, которые его заинтересовали до такой степени, что онъ тотчасъ же списалъ ихъ и впослѣдствіи помѣстилъ ихъ въ разсужденіе свое о лирической поэзіи, читанное въ Бесѣдѣ. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ съ переводомъ Гаврилы Романовича:

Угли жрцу говоръ Еролку.	Переводъ:
Пакоща свада	По злобѣ свара
Дюжу убой	Сильному смерть,
Тяжа нагата	Тяжба съ богатствомъ
Тощъ перелой.	Худъ передѣлъ.

А. Н. Оленинъ замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ видѣлъ музеумъ Селакадзева, въ немъ ничего не прибавилось и ничего не измѣнилось, кромѣ того, что подъ одною статуйкою, вмѣсто прежней подписи, „М. В. Ломоносовъ", явилась другая съ именемъ „И. И. Дмитріевъ". *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Гаврила Романовичъ и стоитъ за него горою; прочіе же про него или молчатъ, или говорятъ, что пишетъ изряднёхонько прозою, между тѣмъ какъ нашъ Карамзинъ заслуживаетъ уваженія и за свои стихотворенія, въ которыхъ языкъ превосходный и много чувства. Но что̀ больше удивляетъ меня, что почти всѣ эти господа здѣшніе литераторы ничего не читали изъ сочиненій Марзлякова и Жуковскаго, и вотъ тому доказательства: за ужиномъ А. С. Шишковъ сказывалъ, что Логинъ Ивановичъ Кутузовъ читалъ ему Грееву элегію «Сельское Кладбище», переведенную братомъ его Павломъ Ивановичемъ, и Шишковъ находитъ переводъ очень хорошимъ и близкимъ къ подлиннику. Я замѣтилъ, что Павелъ Ивановичъ перевелъ эту элегію послѣ Жуковскаго, котораго переводъ несравнительно превосходнѣе. «Не можетъ быть!» возразилъ Александръ Семеновичъ. «Говорю сущую правду», отвѣчалъ я, «и если угодно, прочитаю ее вамъ когда-нибудь, чтобъ вы могли посудить сами: я знаю ее наизустъ».—«Такъ, пожалуйста, нельзя ли теперь?» подхватилъ нетерпѣливый Гаврила Романовичъ. И вотъ я прочиталъ во всеулышаніе всю элегію отъ перваго до послѣдняго стиха, стараясь, сколько возможно, сохранить всю прелесть мелодическихъ стиховъ нашего Московскаго поэта. Когда я кончилъ, всѣ смотрѣли на меня, какъ на человѣка, отыскавшаго какую-нибудь рѣдкую вещь, или нашедшаго кладъ; элегію хвалили, но вмѣстѣ удивлялись и моей памяти. Я сказалъ, что стихи Жуковскаго сами невольно врѣзываются въ память, между тѣмъ какъ стихи П. И. Кутузова запомнить очень трудно.

Эта выходка стоила мнѣ, однакожъ, дорого: меня обнесли винигретомъ, любимымъ моимъ кушаньемъ.

25 Марта, Понедѣльникъ. Паглиновскій снабдилъ меня запискою къ знаменитому юрисъ-консульту Министерства Юстиціи, Ивану Алексѣевичу Соколову, которою просилъ его сказать мнѣ свое мнѣніе о Березняговскомъ дѣлѣ и наставить меня, какъ дѣйствовать въ нужномъ случаѣ. «Совѣтую вамъ», сказалъ мнѣ добрый Дмитрій Моисѣевичъ, «побывать у Соколова вечеромъ часовъ въ шесть: въ это время онъ всегда бываетъ дома и охотно принимаетъ посѣтителей. Предупреждаю васъ, что если вы играете въ шахматы, то будете для него драгоцѣннымъ гостемъ: старикъ страстно любитъ эту игру и бываетъ очень доволенъ, когда удастся ему найдти себѣ партнёра. Это единственное развлеченіе, которое онъ себѣ дозволяетъ».

Я разсказалъ Дмитрію Моисѣевичу о разговорѣ моемъ съ стряпчимъ И*, и онъ, не смотря на свое хладнокровіе, очень смѣялся предложенію его руководствовать меня въ дѣлѣ за 500 рублей, но удив-

лялся, почему не запросилъ онъ гораздо болѣе, потому что вообще стряпчіе, для приданія бо́льшей себѣ важности, имѣютъ правиломъ цѣнить свое ходатайство сначала въ три-дорога и послѣ мало-по-малу соглашаться на бездѣлку, какъ будто изъ особеннаго участія къ лицу, которое поручаетъ имъ свое дѣло. «Какъ быть!» прибавилъ Паглиновскій, «эти люди не могли бы существовать, еслибъ время отъ времени не попадались имъ простаки, на счетъ которыхъ они не только живутъ, но и роскошничаютъ».

26 Марта, Вторникъ. Романъ, настоящій романъ! Я опять встрѣтился съ Александрою Васильевною, которая, со времени послѣдняго нашего свиданія, мнѣ кажется еще болѣе потолстѣла. Такъ, бѣдняга, и переваливается, какъ откормленная утка. Она пригласила меня проводить ее до дому и зайдти къ ней, чтобъ кой-о-чемъ поговорить со мною. Я съ удовольствіемъ согласился, но послѣ былъ совсѣмъ тому не радъ, потому что едва не попалъ въ исторію. Попадавшіеся намъ на встрѣчу смотрѣли на насъ съ какимъ-то обиднымъ любопытствомъ и ухмыляясь; а одинъ франтъ, остановивъ меня, пренагло спросилъ: «Позвольте, милостивый государь, узнать, гдѣ и чѣмъ откармливаютъ такихъ госпожъ?» Я хотѣлъ было плюнуть ему въ глаза, но не успѣлъ опомниться, какъ онъ уже былъ далеко.

По приходѣ на квартиру, Александра Васильевна, замѣтивъ, что я нахожусь въ дурномъ расположеніи духа и, вѣроятно, догадавшись, что остановившій меня франтъ спрашивалъ о ней, сама завела рѣчь о своей толщинѣ и очень остроумно подтрунивала надъ собою. «Все это прекрасно», сказалъ я ей, «но какъ вы рѣшаетесь ходить однѣ, даже безъ лакея? Немудрено напасть на какого-нибудь сорванца, который одними вопросами можетъ навлечь вамъ неудовольствіе».—«Ну что жъ? Я отшучусь. Но дѣло не въ томъ: я хотѣла спросить васъ, хороша ли я?» Съ этимъ словомъ она подошла къ зеркалу и стала охорашиваться, любуясь лицомъ своимъ, безспорно прелестнымъ, миловиднымъ и привлекательнымъ. Я отвѣчалъ, что не знаю, къ чему можетъ клониться такой вопросъ, но долженъ признаться, что она хороша, какъ гурія, и еслибъ не безобразила ея толщина, то она была бы первою красавицею въ свѣтѣ. «А каковы у меня руки?» спросила она опять, показывая мнѣ свои руки. «Нечего сказать, и руки прелесть, заглядѣнье».—«Теперь посмотрите на мои волосы». Тутъ распустила она косу, и длинныя пряди густыхъ каштановыхъ и лоснящихся волосъ упали чуть не до самаго полу. «Волосы безподобные, удивительные», сказалъ я; «такіе волосы, какихъ я отъ роду не видывалъ».—«Ну такъ напьемтесь чаю, а послѣ я сдѣлаю вамъ еще нѣ-

сколько вопросовъ, на которые вы должны отвѣчать мнѣ откровенно, и тогда объясню вамъ, въ чемъ дѣло».—«Извольте». Чай принесли, и Александра Васильевна разливала его очень граціозно. Я постигнуть не могъ, что̀ значатъ всѣ эти приготовленія, и сидѣлъ какъ на иголкахъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи развязки. Но вотъ наконецъ чайный приборъ унесли, и Александра Васильевна приступила къ объясненію. «Скажите, который вамъ годъ?» —«Девятнадцать лѣтъ минуло въ Февралѣ».—«А мнѣ будетъ двадцать два года въ Сентябрѣ. Вы здѣсь одни, и родныхъ никого нѣтъ?»—«Ни одного человѣка».—«Такъ же, какъ и у меня. Слѣдовательно совершенно свободны и независимы?»—«Свободенъ, какъ птичка, въ отношеніи къ мелочнымъ обстоятельствамъ Петербургской жизни, но во всѣхъ другихъ случаяхъ завишу отъ воли отца и матери».—«А сколько они даютъ вамъ на прожитокъ?»—«Я получаю отъ нихъ покамѣстъ тысячу двѣсти рублей и, сверхъ того, много кой-какихъ вещей изъ домашняго хозяйства: есть всего вдоволь».—«У меня двѣ тысячи рублей своего дохода и, кромѣ того, мнѣ слѣдуетъ послѣ мужа пенсія, которую скоро получить надѣюсь. Послушайте: вы привыкли жить въ семействѣ, и вамъ однимъ должно быть очень скучно; я также изнываю отъ скуки одна: дорога въ Москву мнѣ запала надолго, если не навсегда, а здѣшнее общество для меня не существуетъ; отчего бы намъ одинокимъ сиротамъ на чужбинѣ не жить вмѣстѣ, какъ брату съ сестрой? Мы давно знакомы другъ съ другомъ: вы должны быть уживчивы, а за себя я ручаюсь. Я веселаго нрава, и вы со мною не соскучитесь. Я откровенна и васъ пріучу къ откровенности, потому что снисходительность—главное мое качество. Вы будете любить меня, какъ душу, а, можетъ быть, и теперь ужъ любите; впечатлѣнія, которыя мы получаемъ въ первой молодости, не исчезаютъ скоро. Подумайте, сколько удовольствія имѣть возлѣ себя сестру, которая бы любила васъ, ухаживала за вами, пеклась о вашемъ хозяйствѣ, утѣшала васъ въ неудачахъ, радовалась вашимъ успѣхамъ и, къ тому же, была бы сама счастлива. Право, подумайте! Я дѣлаю вамъ это предложеніе, откинувъ всякое притворство и ложный стыдъ, потому что чувствую себя въ состояніи быть доброю вамъ подругою и самоотверженіемъ своимъ пріобрѣсти себѣ въ васъ друга и брата. Я одна въ цѣломъ мірѣ, и мнѣ жить не для кого; не покинуть же мнѣ свѣтъ въ мои лѣта, съ моимъ здоровьемъ и съ моимъ веселымъ нравомъ; а и того хуже, не выйдти же опять замужъ за какого-нибудь стараго брюзгу, котораго любить нельзя? Теперь скажите, хотите ли имѣть толстую, но хорошенькую сестрицу, которую вы знаете почти съ малолѣтства и къ которой нѣкогда такъ нѣжно ласкались?»

Все это Александра Васильевна проговорила очень бѣгло по-французски, то улыбаясь, то надувъ губки и съ влажными отъ слезъ глазами. Я слушалъ ее, сидя какъ вкопанный и, признаюсь, не зналъ, что̀ отвѣчать ей: рѣшиться на такое важное дѣло тотчасъ, не обдумавъ его послѣдствій, казалось мнѣ безразсудствомъ; а съ другой стороны, отринуть вдругъ предложеніе милой женщины, въ которомъ заключалось столько добродушія и столько самоотверженія въ мою только пользу, было бы грубымъ невѣжествомъ. Наконецъ, я рѣшился просить у ней нѣсколько времени на размышленіе; но во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, я обѣщался быть ея неизмѣннымъ другомъ и бывать у ней какъ можно чаще; а еслибъ она захотѣла посѣтить и мою келью, то съ любовью привѣтствовать ее всегда названіемъ милой, доброй, толстой моей сестрицы.

И вотъ я сижу теперь у своей конторки, думая и передумывая о сегодняшнемъ странномъ со мною приключеніи; но, кажется, ломаю голову по пустому. Какъ ни заманчиво предложеніе, но принять его невозможно, рѣшительно невозможно. А жаль!

27 Марта, Середа. Былъ у И. А. Соколова, къ которому вчера, по милости названной моей сестрицы, попасть не успѣлъ. Онъ принялъ меня ласково, прочиталъ записку Паглиновскаго и, посадивъ подлѣ себя, спросилъ о существѣ дѣла. Я объяснилъ ему, какъ умѣлъ и, кажется, очень сбивчиво, наши права на землю, оспориваемыя двумя сосѣдями, имѣющими въ Петербургѣ большія связи, и просилъ дать мнѣ добрый совѣтъ, что̀ долженъ я дѣлать по случаю передачи нашего дѣла въ завѣдываніе другаго секретаря, который, по замѣчанію моему, неслишкомъ къ намъ благосклонствуетъ, что̀ необыкновенно тревожитъ моихъ домашнихъ. Иванъ Алексѣевичъ толковалъ со мною съ часъ и далъ мнѣ подробное наставленіе на всѣ случаи, которые могутъ встрѣтиться въ продолженіе дѣла; протолковалъ бы, можетъ быть, и долѣе, еслибъ не вошелъ Н. П. Брусиловъ и не помѣшалъ разговору. Я хотѣлъ откланяться, но добрый старикъ пригласилъ остаться на чашку чаю.

Между тѣмъ Брусиловъ тотчасъ же предложилъ партію въ шахматы. «Не́чего терять золотое время», сказалъ онъ Соколову, «и я вамъ долженъ реваншемъ».—«Готовъ, готовъ», отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, «добрый воинъ никогда не отказывается отъ баталіи; только *сегодня* не *вчера*, и врядъ ли нынче побѣда будетъ на вашей сторонѣ, потому что я собрался съ силами: выспался порядкомъ». Они начали партію, а я подсѣлъ къ нимъ посмотрѣть на ихъ *неподвижность* и послушать ихъ *молчанія*. Не́чего сказать: игра занимательная, настоя-

щая игра для глухонѣмыхъ! По счастію, она продолжалась недолго, потому что вошелъ чиновникъ Ананьинъ, служащій при статсъ-секретарѣ Муравьевѣ, съ какимъ-то порученіемъ отъ своего начальства, и Соколовъ вышелъ съ нимъ для объясненія въ другую комнату. Я воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ познакомиться съ Брусиловымъ. Зная, что онъ литераторъ, много писалъ и переводилъ, два года назадъ издавалъ «Журналъ Россійской Словесности» и почитается однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ; я было заговорилъ съ нимъ о литературѣ, но онъ не благоволилъ обратить на меня большаго вниманія и отвѣчалъ мнѣ очень холодно и сухо, какъ бы нéхотя. «Ну, Богъ съ тобой», подумалъ я, «если ты такой дикарь! Кажется, много кичиться тебѣ еще нечѣмъ: твои «Бездѣлки», «Приключенія одного дня», «Гваделупскій житель», «Бѣдный Леандръ» и «Превратность судьбы» не Богъ знаетъ еще какія заслуги, которыя давали бы тебѣ право поднимать носъ *) и безъ того уже вздернутый кверху».

Вскорѣ пріѣхалъ экспедиторъ Министерства Юстиціи, Петръ Андреевичъ Ниловъ, котораго я видѣлъ у Гаврилы Романовича. Я очень обрадовался, что встрѣтилъ знакомое лицо, съ которымъ можно было перемолвить слово; потому что, послѣ нѣсколькихъ *да-съ*, *нѣтъ-съ* и *кажется-съ*, сказанныхъ очень сухо Брусиловымъ, я потерялъ охоту обращаться къ нему съ вопросами. Ниловъ очень любезный и разговорчивый человѣкъ и къ тому же имѣетъ хорошее состояніе и очень пригожую и любезную жену, воспѣтую Державинымъ подъ именемъ «Параши». Она очень талантлива, прекрасно играетъ на арфѣ и любитъ заниматься словесностью. Между прочимъ, Ниловъ сказывалъ, что, по словамъ князя Петра Васильевича, Государь теперь уже въ Юрбургѣ, а 20-го числа былъ въ Полангенѣ, куда пріѣзжалъ изъ Мемеля и король Прусскій на нѣсколько часовъ для свиданія съ нимъ.

Вскорѣ возвратился Соколовъ съ своей конференціи, и Ниловъ нетерпѣливо обратился къ нему съ вопросомъ: «Ну что, Иванъ Алексѣевичъ, читали записку Злобина?» — «Читалъ, батюшка, читалъ: на-

*) Авторъ „Дневника“ раскаивается въ тогдашнемъ своемъ заблужденіи. Онъ служилъ послѣ съ Николаемъ Петровичемъ Брусиловымъ въ одномъ вѣдомствѣ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и имѣлъ случай узнать его короче. Это былъ человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ: благороденъ, правдивъ, чувствителенъ и добрый товарищъ. Единственными недостатками его характера была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ и подозрительность въ отношеніи къ другимъ. Отъ этого онъ дичился общества и избѣгалъ новыхъ знакомствъ. Впослѣдствіи, необходимыя сношенія по службѣ заставили его быть сообщительнѣе, а во время губернаторства своего въ Вологдѣ, и особенно подъ конецъ жизни, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

писана умно и дѣльно».—«Чтó жъ скажете?»—«Да ничего, мой отецъ: какъ посудятъ».—«Но вѣдь обстоятельства дѣла всѣ въ его пользу и требованія его справедливы».—«Совершенно справедливы; однакожъ, какъ посудятъ».—«По мнѣнію моему, иначе судить нельзя, какъ основываясь на данныхъ; а они ясны».—«Правда, правда, но какъ посудятъ».—«О чемъ же судить? Повторяю, Иванъ Алексѣевичъ, вѣдь Первый Департаментъ призналъ претензію Злобина справедливою?»—«Точно, претензію призналъ; но въ какой суммѣ—о томъ въ рѣшеніи его не упоминается, между тѣмъ какъ сумма взысканія съ Злобина опредѣлена, и онъ самъ противъ того не споритъ».—«Такъ чего жъ, думаете вы, ожидать онъ долженъ?»—«Какъ посудятъ».—«Но я желалъ бы знать ваше мнѣніе, почтеннѣйшій Иванъ Алексѣевичъ».—«Право, не знаю чтò сказать вамъ; какъ посудятъ» *).

Подали чай, и Соколовъ съ Брусиловымъ опять усѣлись за шахматы. Я хотѣлъ было подождать результата этой игры въ молчанку, но, чувствуя, что меня пронимаетъ истерическая зѣвота, рѣшился откланяться хозяину, мысленно благодаря его за данныя мнѣ наставленія, которыми онъ, повидимому, такъ скупился для другихъ.

28 Марта, Четвергъ. Я полагалъ, что Павелъ Юрьевичъ Львовъ только добивается членства Россійской Академіи, а онъ уже академикъ. Вотъ какъ! Отчего жъ пропущенъ онъ въ спискѣ секретаря Академіи? Видно отъ того, что «незамѣтенъ». Но, кажется, высокое имя митропо-

*) И. А. Соколовъ, умный и благонамѣренный человѣкъ, готовый всегда дать добрый совѣтъ людямъ безгласнымъ и неимѣющимъ покровительства, былъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ людьми высшаго круга, съ богачами, съ своимъ начальствомъ и даже съ сослуживцами. Будучи принужденъ, по званію своему, излагать мнѣнія свои по разнымъ дѣламъ, онъ исполнялъ свою обязанность свято и безпристрастно и, какъ настоящій опытный законовѣдъ, съ надлежащею опредѣлительностью, но никогда не настаивалъ на своемъ мнѣніи и не защищалъ его ни предъ министромъ, во время его юрисъ-консульства, ни впослѣдствіи передъ Коммиссіею Прошеній, въ которой былъ членомъ. Авторъ „Дневника" имѣлъ случай въ продолженіи четырехъ лѣтъ (съ 1812 по 1816) видѣть почти ежедневно этого достойнаго человѣка и быть очевиднымъ свидѣтелемъ его праводушія. Докладывая иногда Коммиссіи по особо-поручаемымъ ему отъ статсъ-секретаря дѣламъ, авторъ „Дневника", по свойственной молодымъ людямъ заносчивости, позволялъ себѣ часто неумѣстныя замѣчанія на мнѣнія опытнаго юриспрудента, который отвѣчалъ всегда однимъ и тѣмъ же привычнымъ своимъ словомъ: „мнѣніе мое *такое-то*, а тамъ какъ посудятъ, как посудятъ". Одинъ только разъ Иванъ Алексѣевичъ далъ почувствовать автору „Дневника" ошибочность его выраженій. „Знаете", сказалъ онъ, „чтò бъ отвѣчалъ Дмитрій Прокофьичъ Трощинскій на замѣчанія ваши? *Да ужъ пожалуйте не забѣгайте впередъ воображеніемъ вашимъ.* Обыкновенное выраженіе Д. П. Трощинскаго, требовавшаго отъ докладчиковъ своихъ простоты и ясности въ объясненіи дѣлъ, безъ всякихъ собственныхъ ихъ разсужденій.

лита Платона должно быть «замѣтно», а между тѣмъ и оно не находится ни въ спискѣ академиковъ, ни въ спискѣ почетныхъ членовъ Академіи. Чтò-то неладно...

Чѣмъ болѣе просматриваю корректуру моихъ бардовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что я не сотворенъ поэтомъ; а вѣдь того и смотри, что заставятъ читать на литературномъ вечерѣ, да, можетъ быть, и похваливать станутъ. А. Ѳ. Мерзляковъ, прочитавъ «Артабана», сказалъ: «Ахинея, братецъ, ахинея! Впрочемъ, читай его Петербургскимъ словесникамъ самъ, погромче—попадешь въ литераторы». И чуть ли онъ не правъ [1]: мнѣ сдается, что стихотвореніе выигрываетъ отъ громкаго чтенія, и Гнѣдичъ не даромъ надсажаетъ грудь надъ своимъ переводомъ «Иліады».

Александръ Львовичъ возвратился изъ Москвы вмѣстѣ съ Аполлономъ Александровичемъ Майковымъ. Онъ нашелъ какіе-то безпорядки въ управленіи Московскимъ театромъ: директоръ жаловался на актеровъ, актеры на директора, а публика недовольна и тѣмъ и другими. Говорятъ, что Сила Сандуновъ игралъ не послѣднюю роль во всей этой несогласицѣ. Теперь, кажется, рѣшено, что Всеволожскій будетъ назначенъ директоромъ, хотя Майкову хотѣлось бы самому занять это мѣсто. Между прочимъ, сказывали, что желчный Сила Сандуновъ, вслушавшись въ слова одного извѣстнаго любителя театра, утверждавшаго, что Плавильщиковъ рѣдкій актеръ и поражаетъ на сценѣ зрителей, отвѣчалъ слѣдующею эпиграммою:

Что рѣдкій онъ актеръ, никто не споритъ въ томъ;
Всѣмъ взялъ: органомъ и дородствомъ.
И точно: поражаетъ сходствомъ
Съ быкомъ.

Пересолилъ, любезный Сила Николаичъ, пересолилъ, потому что это неправда! У Плавильщикова есть свои недостатки, но онъ все-таки большой талантъ, даже возлѣ Яковлева и Шушерина.

29 Марта, Пятница. Чиновникъ Панинъ, помнится, какъ-то говорилъ [2]), что Ѳ. П. Львовъ опредѣленъ директоромъ Канцеляріи Министра Коммерціи будто-бы по ходатайству Гаврилы Романовича. Это несправедливо: Львовъ лично извѣстенъ министру по служенію своему при отцѣ его, фельдмаршалѣ Задунайскомъ, въ то время, когда великій полководецъ, сложивъ съ себя, подъ предлогомъ болѣзни, коман-

[1]) См. выше 27 Октября 1806 года.
[2]) См. выше 29 Декабря 1806 года.

дованіе войсками, оставался въ Молдавіи безъ всякаго дѣла. Державинъ былъ только посредникомъ въ опредѣленіи Львова.

Изъ всего, что̀ Львовъ разсказываетъ о Задунайскомъ, можно вывести такое о немъ заключеніе: великій умъ, необычайная твердость души, огромныя познанія, но черствое сердце и непомѣрное самолюбіе. Императрица знала его коротко, уважала и цѣнила его заслуги, обходилась съ нимъ съ величайшею внимательностью, но не очень любила его.

30 Марта, Суббота. Сегодня обѣдалъ у Харламова, котораго нашелъ въ большой ажитаціи. Онъ только что передъ моимъ приходомъ возвратился съ штадтфизикомъ Форштейномъ со свидѣтельства двухъ помѣшанныхъ: вдовы полковницы Г** и ея дочери, жены купца Перевалова. Форштейнъ говоритъ, что, не смотря на привычку видѣть почти ежедневно сумасшедшихъ, онъ былъ чрезвычайно растроганъ состояніемъ этихъ несчастныхъ, и особенно Переваловой, достойной всякаго состраданія. Харламовъ разсказалъ причину ихъ сумасшествія; это печальная исторія, и я желалъ бы, чтобъ ее слышали всѣ отцы и матери, которые ищутъ для дочерей своихъ богатыхъ супружествъ, вопреки ихъ чувствованіямъ и не обращая вниманія на несходство ихъ нравовъ и положенія въ обществѣ съ нравами и положеніемъ въ обществѣ представляющихся жениховъ. Вотъ она, эта исторія, которая становится довольно гласною. Переваловъ, отпущенникъ князя Несвицкаго, наживъ въ короткое время какими-то не очень честными способами богатый капиталъ, захотѣлъ вывесть единственнаго сына своего въ люди и, во что̀ бы ни стало, пріобрѣсть ему дворянство; а какъ дворянство безъ заслугъ не дается, да и сынокъ-то былъ не такихъ свойствъ и воспитанія, чтобъ могъ оказать какія-нибудь заслуги, то папенька и придумалъ сдѣлать его сначала полудворяниномъ, то-есть женить на дворянкѣ, на имя которой купить нѣсколько сотенъ душъ, и ввести его покамѣстъ въ кругъ благородныхъ людей, чтобъ пріучить, какъ онъ изъяснялся, къ *деликатному* обхожденію и *употребительнымъ* поступкамъ. Задумано, сдѣлано; нашли благородную и недостаточную вдову, у которой было три взрослыя дочери невѣсты, миловидныя собою, воспитанныя въ пансіонѣ, то-есть умѣющія болтать по-французски, брянчать на фортепьяно, потанцовать и принарядиться, чѣмъ бы то ни было, къ лицу, впрочемъ, дѣвушки добрыя, чувствительныя и невинныя. «Выбирай, Семенъ», крикнулъ честолюбивый тятенька, «и тащи любую». У Семена разбѣжались глаза, онъ растерялся и не могъ повѣрить своему благополучію. «Какую прикажете, тятенька, такую и возьму».— «Ну такъ начнемъ съ старшей: она, кажись, для хозяйства пригоднѣе

будетъ». И вотъ, не объяснившись съ невѣстою, обратились съ предложеніемъ къ матери, впрочемъ, только для формы, потому что эта несчастная женщина заранѣе на все была согласна; да и какъ бы можно было не согласиться ей, имѣя въ виду, что у дочери ея, совершенной безприданицы, вдругъ будутъ восемьсотъ душъ, уже приторгованныхъ въ одной изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, богатый домъ, куча денегъ и брильянтовъ, экипажъ, словомъ—все, все, о чемъ во снѣ и на яву мечтается такъ часто недостаточнымъ людямъ? Но старшая дочь не пошла на приманку и отказала на отрѣзъ. Обратились къ средней, и она также: «лучше умереть чѣмъ выйдти за мужика», было ея отвѣтомъ. Старуха взвыла: дала слово, но какъ сдержать его, когда дочери не слушаются? Нельзя же вести ихъ насильно къ вѣнцу: неравно и въ церкви на вопросъ священника вымолвятъ *не хочу*; тогда, кромѣ несбывшихся надеждъ, сколько пересудовъ, и все это падетъ на нее! Оставался одинъ способъ выйдти изъ затрудненія: уговорить младшую дочь, дѣвушку 17 лѣтъ, больше кроткую и послушную чѣмъ ея сестры, и вотъ приступили къ ней: поди да поди, Аннушка, будешь барыней, помѣщицей, будешь жить въ богатствѣ, будешь счастлива и осчасливишь всѣхъ насъ; утѣшь старуху мать, которая выбилась изъ силъ въ безпрестанныхъ заботахъ о васъ, и проч. и проч.; словомъ, употребили всѣ увѣщанія, всѣ обольщенія, какія только употребляются въ подобныхъ случаяхъ—и бѣдная дѣвушка, мечтавшая сдѣлать счастіе порядочнаго человѣка, уступила, хотя не безъ горькихъ слезъ, желанію матери, рѣшилась выйдти за охреяна.

Однакожъ, время ѣхать къ Захарову. Сказывали, что будутъ читать какую-то сатиру князя Шаховскаго—любопытно. Я было обѣщался проревѣть своихъ Бардовъ, но лучше подожду, пока будутъ отпечатаны, и прочитаю ихъ на Державинскомъ вечерѣ.

—

Выслушавъ сатиру князя Шаховскаго, стихи Марина «Къ Капнисту», и Буниной «Видѣніе», и записавъ замѣчательныя въ нихъ мѣста, я ушелъ отъ Захарова безъ ужина. Меня что-то влекло поскорѣе домой. О сатирахъ до завтра; а теперь, чтобъ не забыть, кончу разсказъ Харламова о Переваловой.

Сборы къ бракосочетанію Аннушки съ Семеномъ Переваловымъ продолжались недолго: приданымъ снабдилъ женихъ или, скорѣе, его тятенька, потому что самъ онъ ни къ чему не былъ способенъ. Въ день брака доставили невѣстѣ купчую крѣпость на купленное будто бы ею имѣніе и вмѣстѣ для подписанія нѣсколько заемныхъ писемъ на имя старика Перевалова, въ двойной противъ купчей суммѣ. Наконецъ, церемонія кончена и, по купеческому обычаю, великолѣпный ужинъ

съ музыкою, а послѣ ужина танцы, и отчаянная попойка заключили радостный для Переваловыхъ день и, по шуточному выраженію Харламова, *вожделѣнное для нихъ событіе.*

Вотъ живетъ Аннушка въ домѣ своего свекра, но живетъ какъ чужая; нѣтъ ей ни въ чемъ воли: тятенька всѣмъ распоряжается самъ, никуда ее не пускаетъ и къ себѣ принимать никого не велитъ, кромѣ матери, да и то ненадолго: «мужъ-де тебѣ компанія, и сиди съ мужемъ; а мужа нѣтъ дома, такъ, покель не придетъ, думай объ немъ да его дожидайся». А мужъ—набитый дуракъ и, къ тому же, ревнивецъ престрашный. Аннушка стала призадумываться; это не понравилось ни свекру, ни мужу; Аннушка начала поплакивать—бѣда пущая: пошли выговоры; Аннушка занемогла—посыпались укоры: привередница, капризница! Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, и силы Аннушки истощались. Однажды утромъ бѣдная женщина, проплакавъ всю ночь, не вышла исполнять должность хозяйки—разливать чай. Свекоръ побѣжалъ въ спальню, разбранилъ больную, приказалъ встать съ постели и потащилъ ее за собою, приговаривая: «Вотъ евдакъ съ вами инъ лучше». Аннушка пришла въ слезахъ, сѣла за столъ, взяла чайникъ, но вдругъ уронила его на полъ и, всплеснувъ руками, громко закричала: «Матушка, матушка, что́ ты со мною сдѣлала!» Съ этой минуты она уже не произносила другихъ словъ, и на вопросы медика и нѣсколько образумившагося свекра и мужа, матери и сестеръ, отвѣчать иначе не могла, какъ только одною фразою: «Матушка, матушка, что̀ ты со мною сдѣлала!»

«А какая причина была помѣшательству вашей матушки?» спросилъ я, продолжалъ Харламовъ, сестеръ Переваловой, которыя разсказывали мнѣ всю эту исторію. «Причина очень проста», отвѣчали со слезами бѣдныя дѣвушки: «горе. Матушка цѣлый почти годъ не оставляла сестры ни на минуту, спала съ нею въ одной комнатѣ, наблюдала за исполненіемъ предписаній доктора и безпрестанно слышала отъ нея эти несчастныя слова, этотъ убійственный упрекъ: «матушка, матушка, что́ ты со мною сдѣлала!» Наконецъ, она выбилась изъ силъ; мы замѣнили ее при сестрѣ, чего до тѣхъ поръ она не позволяла, повторяя намъ ежеминутно: я одна виновата, одна и должна быть наказана. Но наши попеченія о сестрѣ не облегчили душевныхъ страданій матушки: она впала въ глубокую меланхолію, и вотъ, какъ видите, около пяти мѣсяцевъ, выплакавъ всѣ слезы, сидитъ полумертвая, не обращая ни на что́ и ни на кого вниманія, только вздыхаетъ, а по временамъ смотритъ на образъ Спасителя и шепчетъ прося: «Господи, помилуй меня грѣшную!»

Я полюбопытствовалъ знать, какъ переносятъ свое несчастіе оба Перевалова и какое впечатлѣніе производитъ на нихъ присутствіе этихъ помѣшанныхъ? «Ничего», сказалъ Харламовъ: «оба вертѣлись тутъ же при свидѣтельствованіи, которое, собственно по ходатайству ихъ, производилось и было нужно, какъ для полученія пенсіона матери, такъ и для учрежденія опеки надъ имѣніемъ дочери. Впрочемъ, сестры Г** говорили, что отецъ Переваловъ заботится, чтобъ онѣ ни въ чемъ не терпѣли недостатка и, по тщеславію своему, желаетъ прослыть щедрымъ и великодушнымъ; а сынъ безпрестанно возитъ женѣ то яблоки, то конфекты; нынче же утромъ приставалъ къ ней съ вопросами: не хочетъ ли она шеколаду; но у несчастной одинъ всѣмъ отвѣтъ: «матушка, матушка, что̀ ты со мною сдѣлала!»

31 Марта, Воскресенье. Сатира князя Шаховскаго показалась мнѣ произведеніемъ замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ: написана легко и остроумно, безъ натяжекъ, безъ всякихъ претензій на глубокомысліе. Это пріятная, безобидная шутка, въ которой Шаховской очень живо очертилъ нѣсколькихъ оригиналовъ современнаго общества, выхваченныхъ, какъ говорятъ, изъ салона А. А. Нарышкина. Крыловъ утверждаетъ, что портреты очень сходны. Авторъ сначала обращается къ Мольеру:

Такъ ты одинъ, Мольеръ, безъ злобы и безъ шутства,
Смѣяся надъ людьми, умѣлъ людей смѣшить;
Твой быстрый взглядъ проникъ въ умы, сердца и чувства,
Чтобъ, забавляя насъ, насъ разуму учить.

И далѣе:

Мой духъ горитъ желаньемъ:
Полезнымъ сдѣлаться порока осмѣяньемъ;
Хочу я чудаковъ на разумъ навести.
Что̀ дѣлать! Не могу я видѣть безъ досады
Пороки, слабости и странности людей.

Здѣсь начинаетъ онъ описывать эти пороки и странности, и какими прекрасными стихами!

Одни довольны всѣмъ, всему на свѣтѣ рады:
Несчастіе гнететъ ихъ ближнихъ и друзей,
Бѣды со всѣхъ сторонъ, родные ихъ въ обидѣ,
Въ гоненьи, въ гибели; да имъ въ томъ нужды нѣтъ;
Не трогай ихъ однихъ, гори огнемъ весь свѣтъ:
Имъ это фейерверкъ—въ большомъ лишь только видѣ.

Другіе, напротивъ, всѣмъ недовольны:

Что̀ хочешь дѣлай ты—ничто имъ не въ угоду:
Сердиты на морозъ, на жаркую погоду,

Изволятъ гнѣваться на малыхъ и большихъ—
Нѣтъ спуску никому...
Мнѣ скажутъ: пусть ихъ врутъ, какая въ томъ бѣда?
Всѣ знаютъ, что они за то на свѣтъ озлились,
Что сами ни къ чему на свѣтѣ не годились.
Согласенъ, не было бъ въ ихъ болтовнѣ вреда,
Когда бы люди всѣ о всемъ судили сами
И не лѣнились бы своими жить умами,
Иль, еслибъ родились глупцы безъ языка,
А то, къ несчастью, чтò зависть вымышляетъ
Тó лѣность слушаетъ, а глупость разглашаетъ.

Какой вѣрный портретъ вѣстовщика:

Увидя вѣстовщикъ меня издалека,
Спѣшитъ, бѣжитъ ко мнѣ...
..... Боится опоздать –
А для чего? чтобъ ложь чужую перелгать.

Ну, а это не живой ли Б. К.?

Вотъ мой сосѣдъ....
Все хвалитъ, такаетъ, лишь только бъ угодить
Тому, кто иногда изволитъ брать съ собою
Его по улицамъ отъ скуки походить
И на вечеръ въ свой домъ изрѣдка приглашаетъ;
А въ немъ весь свѣтъ большой за картами сидитъ
Или подъ музыку охотничью зѣваетъ.

Прекрасно описанъ К. Ч.

. Но едва-ль не счастливѣй его,
Тамъ шпорами бренча, хватъ такту бьетъ ногою,
Затянутъ, вытянутъ, любуяся собою,
Кобенясь, ни во чтó не ставитъ никого:
Лишь дай здоровья Богъ его четверткѣ чалой,
Тарасу кучеру, да пристяжной удалой,
А впрочемъ, дѣла нѣтъ ему ни до кого.

А каковъ селадонъ С.?

Близъ хвата франтъ сидитъ съ премоднымъ воспитаньемъ,
Съ ухваткой дамскою, съ сорочьимъ щебетаньемъ,
Головку искривя; такъ нѣженъ, такъ унылъ,
И молча говоритъ: смотрите, какъ я милъ!
Какъ милымъ и не быть? Легко ли, три аббата
На разныхъ языкахъ учили молодца
И, выпуская въ свѣтъ, увѣрили отца,
Что рѣдкость сынъ его, что въ немъ ума палата.

Окончаніе сатиры соотвѣтствуетъ ея началу:

Кто можетъ описать всѣхъ нашихъ чудаковъ?...
. .
Ихъ столько развелось за наши всѣ грѣхи,
Заморскихъ и своихъ, что тѣсно жить приходитъ,
И всякъ изъ нихъ на свой обычай колобродитъ:

Одинъ ударился писать на все стихи..
Другой политикъ сталъ...
Тотъ захозяйничалъ и въ деревняхъ мудритъ
Изъ иностранныхъ книгъ и съ образца чужаго
Безъ толку, безъ пути, онъ сѣетъ Русскій хлѣбъ—
Да на чужой манеръ хлѣбъ Русскій не родится.
Иной, забывъ, что онъ и старъ и чуть не слѣпъ,
Задумалъ всѣхъ плѣнять и въ щегольство пуститься;
А этотъ выдаетъ себя за мудреца,
Всклокотилъ голову, въ чернилахъ замарался,
Хоть много книгъ прочелъ—ума не начитался.

Стихотвореніе А. П. Буниной, «Видѣніе въ сумерки», непохоже на предъидущее: это великолѣпный наборъ словъ, предпринятый, кажется, въ намѣреніи польстить Державину. Изъ всего стихотворенія замѣчательны только два первые стиха:

Блеснулъ на Западѣ румяный царь природы,
Скатился въ океанъ—и загорѣлись воды.

Но изображеніе Державина—образцовая нелѣпость. Я не могъ не списать его для своего архива курьёзностей:

Чьихъ лиръ согласный звукъ во слухъ мой ударяетъ?
. .
Сквозь пальмовыхъ деревъ я вижу храмъ;
А тамъ
Средь миртовыхъ кустовъ, склоненныхъ надъ водою,
Почтенный мужъ съ открытой головою
На мягкихъ лиліяхъ сидитъ.
Въ очахъ его огонь горитъ,
Чело какъ утро ясно,
Съ устами и съ душой согласно,
На коемъ возложенъ изъ лавръ вѣнецъ;
У ногъ стоитъ златая лира.
Коснулся—и воспѣлъ причину міра,
Воспѣлъ и заблисталъ въ твореніяхъ творецъ!

Послѣ Державинъ будто бы заплакалъ; но такъ какъ всякому горю есть конецъ, то

Пѣвецъ отеръ слезу, коснулся вновь перстами,
Коснулся, загремѣлъ
И сладкозвучными словами
Земныхъ боговъ воспѣлъ.

Этимъ, однакожъ, не кончено: сочинительница продолжаетъ бредить, но бредить такъ, что ужъ изъ рукъ вонъ—даже и несмѣшно. Это стихотвореніе непремѣнно отправлю къ Мерзлякову: оно Петербургской школы, которой профессоры обѣщали меня «выполировать».

Въ заключеніе читали «Посланіе къ Капнисту» С. Н. Марина. Это посланіе—тоже нѣчто въ родѣ сатиры, но сатиры тяжелой, въ ко-

торой не найдешь ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и натянутаго умничанья. Талантъ Марина, столько замѣчательный въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ то эпиграммахъ, надписяхъ, нѣкоторыхъ пародіяхъ и небольшихъ шуточныхъ посланіяхъ, исполненныхъ веселости и колкихъ насмѣшекъ, совершенно подавляется предметами болѣе возвышенными, а тамъ, гдѣ Маринъ хочетъ быть моралистомъ, онъ становится скучнымъ и даже пошлымъ. Напримѣръ, что̀ это за стихи, которыми начинается его посланіе къ Капнисту?

Какая бы тому, Капнистъ, была причина,
Что умнымъ мыслитъ быть послѣдній дурачина? и проч.

Такихъ стиховъ и посланій я бы могъ представить кипу для чтенія на литературныхъ вечерахъ, еслибъ не опасался прослыть, по выраженію Буринскаго, «безсовѣстнымъ писакою». Посланіе Марина къ Капнисту какъ разъ напоминаетъ эпистолу воспитанниковъ Университетскаго Пансіона къ пансіонскому эконому Болотову «О пользѣ огурцовъ», забавную пародію превосходной эпистолы Ломоносова къ Шувалову «О пользѣ стекла»:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Болотовъ,
Которы огурцы чтутъ ниже бергамотовъ.

1 Апрѣля. Понедѣльникъ. Обѣдалъ сегодня въ павильйонѣ: Марья Лукинична имянинница. Пили за здоровье ея какимъ-то новымъ виномъ—Сен-пре или Сен-пере, о которомъ я никогда не слыхалъ; оно въ родѣ Шампанскаго или нашего Цимлянскаго, только съ горечью и на вкусъ мой вовсе нехорошо.

Имянинница проплакала почти весь обѣдъ. «Да о чемъ вы плачете?» — «Такъ». — «Безъ причины плакать нельзя». — «Можно». — «Я догадываюсь, о чемъ». — «Вѣдь вы не графъ де-Блакасъ». — «Хотите, скажу?» — «Скажите; только если также ошибетесь и заставите меня покраснѣть, то и васъ возненавижу, какъ этого рыжаго демона».

Изъ павильйона заходилъ къ Гнѣдичу; засталъ его за работой: корпитъ надъ «Леаромъ». Мнѣ показалось очень страннымъ, что, будучи такимъ поклонникомъ Шекспира, онъ вздумалъ поправлять его; у него «Леаръ» не только не Шекспировъ, но даже и не Дюсисовъ: всѣ патетическія сцены сумасшествія Леара выкидываются; а, кажется, на нихъ основанъ весь интересъ пьесы. Роль, назначаемая Яковлеву, ничтожна. Замѣтно, что заботы Гнѣдича объ одной только роли Корделіи для Семеновой. Онъ началъ также переводить «Танкреда», но не хочетъ продолжать его, покамѣстъ не спуститъ съ рукъ «Леара».

Говорили о сатирѣ князя Шаховскаго, которую третьяго дня читали у Захарова; Гнѣдичъ уже слышалъ ее у Шаховскаго, и она ему не понравилась. «Въ ней нѣтъ никакой силы», сказалъ онъ. «Ужъ если писать сатиры, такъ надобно подражать Ювеналу.»—«Почему жъ не подражать и Горацію?» отвѣчалъ я: «сатира князя Шаховскаго—пріятная шутка, написанная прекрасными стихами, и многіе характеры обрисованы вѣрно».—«Не спорю», возразилъ онъ; «но князь Шаховской колетъ булавками, тогда какъ въ сатирѣ надобно поражать кинжаломъ. Впрочемъ у него есть другая сатира: «Разговоръ цензора съ другомъ»—эта будетъ лучше, хотя и въ томъ же родѣ».

Гнѣдичъ предложилъ познакомить меня съ княземъ Шаховскимъ. Я съ радостью принялъ предложеніе, но попросилъ недѣли на двѣ отсрочки. «Или опять голова не въ порядкѣ?» спросилъ онъ меня, «и не *замытились* ли опять?»—«Нѣтъ, не то», отвѣчалъ я, «а не хочется идти къ нему съ пустыми руками; надобно рекомендоваться ему чѣмъ-нибудь: у меня есть стихи подъ заглавіемъ «Осень». На дняхъ принесу показать ихъ вамъ; вы мнѣ скажете ваше мнѣніе, и тогда отправимся къ Шаховскому».

2 Апрѣля. Вторникъ. Ѳедоръ Даниловичъ *) читалъ намъ духовное завѣщаніе одного изъ старинныхъ своихъ пріятелей, Ивана Михайловича Морсочникова, умершаго въ глубокой старости, у него на рукахъ, лѣтъ пятнадцать назадъ; оно замѣчательно, какъ по странному слогу, такъ и по ребяческой, забавной откровенности завѣщателя. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи списать для своего музеума литературныхъ курьёзностей нѣкоторые параграфы этой пространной исповѣди Морсочникова, о которомъ Ѳедоръ Даниловичъ отзывается, какъ о примѣрномъ христіанинѣ, заслужившемъ въ кругу своихъ знакомыхъ смиреніемъ, добротою и самоотверженіемъ своимъ въ пользу ближняго, названіе праведника. Не смотря на этотъ отзывъ, покойникъ, кажется, былъ большой чудакъ, хотя и занималъ въ 1772 году довольно важный постъ—секретаря, или едва ли не члена Розыскной Экспедиціи.

„Лѣта 1784 Мая на осмый день, въ онь же празднуется память святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, я нижеименованный надворный совѣтникъ Иванъ Михайловъ сынъ Морсочниковъ, отъ роду 68 лѣтъ, хотя и обрѣтаюся по благодати Божіей въ здравіи тѣлесномъ, полномъ умѣ и свѣжей памяти, но, помня часъ смертный, разсудилъ учинить при нижеозначенныхъ свидѣтеляхъ сіе мое духовное завѣщаніе въ примѣръ и назиданіе родному племяннику моему, единственному сыну здравствующей и понынѣ родной сестры моей Ирины Михайловой, по мужѣ Епанчиной, Гаврилѣ Алексѣеву Епанчину,

*) Контролеръ Ивановъ.

которому, окромѣ сего отеческаго моего назиданія, оставляю по кровному съ нимъ родству моему все мое имущество, поелику другихъ наслѣдниковъ, опричь его, племянника Гаврилы съ матерью, у меня нѣтъ, а именно..."

Здѣсь въ трехъ пунктахъ слѣдуетъ исчисленіе оставляемаго имущества, состоящаго въ небольшомъ домишкѣ, въ иконахъ, нѣсколькихъ серебряныхъ ложкахъ, портретѣ императрицы Екатерины II, чайной, столовой и кухонной посудѣ, небольшомъ количествѣ кой-какой мебели, платья, бѣлья, и наконецъ въ суммѣ 500 рублей, изъ которой половина назначалась на похоронныя издержки, раздачу по церквамъ и подаянія нищимъ; а затѣмъ уже начинаются оригинальныя наставленія племяннику.

„Пунктъ IV. Послику означенному племяннику моему Гаврилѣ, съ Егорьева дня, сирѣчь съ 23-го числа Апрѣля, отъ роду минуло 21 годъ, и оный совершеннолѣтній племянникъ мой стараніемъ моимъ записанъ на службу въ Сенатскій Архивъ, въ который по благословенію родительницы своей, а моей родной сестры, ежедневное прилежное хожденіе имѣть началъ, а потому завѣщаю ему племяннику моему Гаврилѣ первое: идучи изъ дома на службу, такожде и со службы домой, ни въ какія увеселительныя сходбища, а наипаче зазорныя мѣста не заходить и долговременнаго стоянія на улицахъ у лотковъ съ блинами и пирогами не имѣть, и разныхъ неприличныхъ рѣчей и прибаутокъ бывающихъ около нихъ во множествѣ разнаго званія людей не слушать; второе: по приходѣ въ Архивъ довлѣетъ ему, племяннику моему, сотворить въ началѣ троекратное поклоненіе, при крестномъ себя знаменованіи, образу Пресвятыя Богородицы Казанскія, и посемъ съ учтивостію, какъ благовоспитанному юношѣ надлежитъ, раскланявшись съ товарищи, благочинно сѣсть на свое мѣсто, и съ достодолжнымъ вниманіемъ приступить къ переписыванію порученной отъ повытья бумаги, безошибочно; а буде бы таковой бумаги не случилося, то въ молчаніи ждать приказа отъ начальства, а тѣмъ временемъ не сидѣть въ праздности, но имѣть занятіе или чиненіемъ перьевъ, каковыхъ должно имѣть всегда не мало въ запасѣ, или пробою оныхъ на подкладочномъ листѣ, дабы почеркъ былъ всегда одинаковъ, безъ царапанья и крючковъ, на каковые крючки и разводы начальствующія особы нынѣ весьма негодуютъ. А какъ бываетъ, что въ товарищахъ тѣхъ случаются такіе насмѣшники и озорники, что того и глядятъ, какъ бы надъ благовоспитаннымъ человѣкомъ учинить какое невѣжество или издѣвку, какъ то́ неоднократно случалось и со мною въ началѣ моего въ Экспедиціи служенія, сирѣчь: яко бы ненарокомъ закапать тебя съ обѣихъ сторонъ чернилами, или напудрить пескомъ, или, стянувъ изъ кармана носовой платокъ, запачкать оный разной дрянью и всунуть его опять въ карманъ, а потомъ и спросить, „что де у тебя замаранъ носъ", ты бы молъ утерся"—а ты бывало хвать и вытащишь изъ кармана платокъ такой загаженный, что самому противно станетъ; или же оные насмѣшники доходятъ и до такого нахальства, что иной разъ приколятъ, невдомёкъ тебѣ сзади какую хульную картину, на прикладъ: козла съ рогами или обезьяну, и подпишутъ, это молъ такой-то, а какъ ты изъ должности выдешь, такъ народъ на тебя смѣяться станетъ и указывать пальцами. Почему въ таковыхъ оказіяхъ завѣщаваю племяннику моему Гаврилѣ не имѣть огорченія и жалобами своими начальству не стужать; а поступать по обычаю христіанскому и всякую такую издѣвку и обиду принимать со смиреніемъ и въ молчаніи, поелику обидчикамъ и козностроителямъ судитъ Богъ, а ты имъ не судья.

„Пунктъ VI. Извѣстно моему племяннику Гаврилѣ, что я отъ рожденія моего никакихъ хмѣльныхъ напитковъ не употреблялъ и не точію заниматься горѣлкою или пивомъ, но и краснаго бутылочнаго не вкушалъ, и великое къ онымъ напиткамъ отвращеніе имѣю; чего ради за таковую трезвость отъ начальства всегда похваленъ бывалъ и Господомъ Богомъ въ здоровьѣ не оставленъ; почему и слѣдуетъ такожъ и племяннику

моему отъ горячихъ напитковъ всемѣрно воздерживаться и, окромѣ двукратнаго въ сутки питія чаю никакихъ заморскихъ и Россійскихъ ошалѣніе производящихъ напитковъ не вкушать.

„Пунктъ VII. Извѣстно также племяннику моему отъ матери его, а моей сестры, скорбное житіе мое при покойницѣ женѣ моей, Авдотьѣ Никифоровнѣ—царство ей небесное и вѣчная память—колико претерпѣлъ я отъ нея истязаній біеніемъ палкою и бросаніемъ горячими утюгами; наипаче же за непринятіе отъ просителей богопротивныхъ подносовъ, неоднократно залѣпленіемъ мнѣ глазъ негодными и протухлыми яицами: того ради племяннику моему Гаврилѣ завѣщаваю жить въ безбрачіи, и прошу Господа Бога да избавится онъ отъ неистовства женскаго, мѣру терпѣнія человѣческаго превосходящаго; а буде бы оный племянникъ мой, по Божію попущенію, какимъ ни наесть случаемъ обрачился, то да не мудрствуетъ и не препирается съ сожительницею своею, паче же удаляется гнѣва ея, понеже навожденіемъ бѣсовскимъ поразить его можетъ ударомъ смертельнымъ“.

Всѣ пункты завѣщанія въ такомъ же родѣ и, дѣлая наставленія племяннику, старикъ просто разсказываетъ происшествія своей жизни. Ѳедоръ Даниловичъ говоритъ, что встарину помѣщать наставленія въ завѣщаніяхъ было въ нѣкоторой модѣ. Не-ужъ-то же и на формы завѣщаній могла быть мода?

3 Апрѣля. Середа. Вчера познакомился я у гостепріимнаго А. И. Андреева [1]) съ придворнымъ протодьякономъ, Петромъ Николаевичемъ Мысловскимъ [2]), и смотрителемъ Эрмитажа, Васильемъ Степановичемъ Кислымъ. Пили чай съ подливкою какой-то ананасной настойки и наговорились вдоволь. Мысловскій знаетъ музыку и играетъ на фортепьяно. Голосъ у него не огромный, какъ у прочихъ протодьяконовъ, но, въ замѣну, онъ отлично образованъ и, кажется, недолго останется въ настоящемъ званіи, а поступитъ на какую-нибудь видную священническую или протопопскую вакансію. Чтò касается до Кислаго, то этотъ Кислый для меня слаще сахара: звалъ къ себѣ и обѣщалъ дозволить мнѣ свободный входъ въ Эрмитажъ во всякое время. Это будетъ совершеннымъ для меня благодѣяніемъ, потому что доставитъ мнѣ веселое занятіе по утрамъ, которыя до сихъ поръ проводилъ я въ одной коллежской болтовнѣ о вещахъ не только безполезныхъ, но даже и незанимательныхъ.

Толковали о нѣкоторыхъ придворныхъ чинахъ. Я удивился, что при дворѣ такъ мало штатсъ-дамъ: ихъ всего считается восемь, но на службѣ только четыре. Старшая изъ нихъ, княгиня Дашкова, находится

[1]) Комиссаръ придворной конторы. См. выше 11 Января.

[2]) П. Н. Мысловскій впослѣдствіи былъ ключаремъ, а наконецъ и протоіереемъ Казанскаго Собора, и въ этомъ санѣ занималъ нѣкоторое время должность увѣщателя подсудимыхъ. Авторъ „Дневника“, въ продолженіе своего съ нимъ знакомства, не можетъ достаточно нахвалиться дружескимъ расположеніемъ этого достойнаго человѣка и обязанъ ему многими любопытными свѣдѣніями, не всякому доступными. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

въ Москвѣ, графиня Анна Родіоновна Чернышова и графиня Браницкая живутъ по своимъ деревнямъ, а графиня Салтыкова хотя и здѣсь, но во дворецъ не ѣздитъ, потому что, по слабости нервъ, не можетъ сносить запаха помады, пудры и духовъ; остаются графини де-Литта и Ливенъ, да княгини Лопухина и Наталья Петровна Голицына, единственная штатсъ-дама, которая возведена въ это званіе нынѣшнимъ Государемъ Императоромъ. Княгиня Голицына, вопреки существовавшему въ подобныхъ случаяхъ обычаю, пожалована штатсъ-дамою не за заслуги мужа, который былъ только бригадиръ въ отставкѣ, но за семейныя свои добродѣтели и во вниманіе къ общему уваженію, которымъ она пользуется. Впрочемъ она происхожденія знатнаго: дочь графа Петра Григорьевича Чернышова, была фрейлиною еще въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II-й, и въ свое время считалась такою красавицею, что назначена была царицею знаменитаго турнира, о которомъ до сихъ поръ не наговорятся старожилы, съ восхищеніемъ описывая ловкость и удальство «молодцовъ» графовъ Орловыхъ.

Андреевъ увѣряетъ, что оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой до такой степени бережливъ въ расходахъ по управленію и содержанію дворца, что Государь иногда смѣется надъ нимъ и одинъ разъ въ шутку назвалъ его скрягою. «Такъ не угодно-ли будетъ Вашему Величеству поручить должность мою А. Л. Нарышкину?» отвѣчалъ графъ Толстой. Государь изволилъ расхохотаться.

4 Апрѣля. Четвергъ. Заходилъ изъ Коллегіи къ Александрѣ Васильевнѣ. Засталъ у нея одного чиновника изъ министерства военныхъ силъ, который принесъ извѣстіе о назначеніи ей за службу мужа вдовьяго пенсіона. Толстая моя красавица въ восхищеніи: обстоятельства ея округляются; показывала письмо отъ тетки, которая увѣряетъ, что будетъ доставлять ей аккуратно по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, и сверхъ того дастъ ей возможность обзавестись и экипажемъ. «А продолжаете ли вы гулять однѣ?» спросилъ я названную свою сестрицу. «Гуляю ежедневно и во всякую погоду», отвѣчала она, «потому что это необходимо для моего здоровья; иногда попадаются мнѣ франты, которые подшучиваютъ надо мною, но я отшучиваюсь». Нельзя милѣе сносить положенія своего, какъ сноситъ его эта добродушная и откровенная Александра Васильевна.

Рѣшено, что «Князь Пожарскій» представленъ будетъ на театрѣ въ половинѣ будущаго Мая. Роль маленькаго Георгія, сына Пожарскаго, поручена воспитаннику Театральной школы, Сосницкому, который, говорятъ, подаетъ большія надежды. Шушеринъ недоволенъ своею ролью

и говоритъ, что скоро, пожалуй, заставятъ его играть наперсниковъ, слѣдуя пословицѣ: «изъѣзженному коню навозъ возить».— «Чтожъ это вы равняете себя съ лошадью?» сказалъ ему бывшій нà-веселѣ Прытковъ. «Не равнять же мнѣ себя съ твоимъ братомъ—осломъ?» отвѣчалъ Шушеринъ.

5 Апрѣля. Пятница. Августъ Альбанусъ, Рижскій пасторъ написалъ похвальное слово Государю, которое ходитъ по рукамъ у всѣхъ здѣшнихъ именитыхъ Нѣмцевъ. Всѣ, кто только имѣетъ счастье знать Государя лично, утверждаютъ, что изображеніе его чрезвычайно вѣрно и безъ малѣйшей лести. Меня забираетъ охота перевести нѣкоторыя мѣста изъ этого прекраснаго сочиненія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть что-то давно мнѣ знакомое: какъ будто я уже читалъ его, или кто-нибудь подробно мнѣ о немъ разсказывалъ. На будущей Страстной недѣлѣ займусь этимъ переводомъ непремѣнно: дѣло стòитъ труда.

П. Сумароковъ скомпановалъ преужасную драму «Марѳа Посадница», въ которой всѣ дѣйствующія лица другъ за другомъ убиваются сами или другими, кромѣ одного, которое остается на сценѣ для закончанія драмы. Марѳа представлена героинею, но геройство ея въ разладѣ съ здравымъ смысломъ, потому что она въ перепискѣ съ королемъ Польскимъ Казимиромъ и умышляетъ предать ему Новгородъ и своихъ согражданъ. Хороша героиня! Сумароковъ настаивалъ, чтобъ этотъ сумбуръ представленъ былъ на театрѣ; но князь Шаховской не рѣшился принять его, и поэтому между ними возникло неудовольствіе. Сумароковъ теперь аппеллируетъ къ публикѣ и напечаталъ свою драму съ слѣдующимъ забавнымъ предисловіемъ:

«Актеръ г. Шушеринъ, убѣдившій меня «на скоро» (было зачѣмъ торопиться!) написать сію драму, есть «виновникъ ея порожденія» (хорошаго дѣтища далъ Богъ Шушерину!), а театръ, «обраковавшій (точно ленъ или пеньку) оную за единое ея содержаніе, есть причиною непоявленія ея на сцену. Станокъ тиснулъ листы, мое дѣло окончено, талантъ въ продажѣ за семь гривенъ (дорого!), и читателямъ остается судить, стòитъ ли чернилъ произведеніе». (Я—читатель и сужу: не стоитъ).

Прочитавъ это предисловіе, я подумалъ, что нахожусь въ прежнемъ своемъ галиматейскомъ обществѣ оперныхъ переводчиковъ. Если здѣшніе драматурги всѣ похожи на Сумарокова, то землякъ мой Кобяковъ не даромъ почитается въ мнѣніи актеровъ грамотнымъ человѣкомъ.

6 Апрѣля. Суббота. Очередной вечеръ А. С. Хвостова отлагается до Субботы Ѳоминой недѣли.

Таскался по гулянью около Гостинаго Двора. Грязь престрашная. Чадолюбивыя маменьки и бабушки толпятся около столовъ, на которыхъ разставлены игрушки, а наша братья-зѣваки большею частью глазѣютъ съ бульвара. Я замѣтилъ одного пожилаго съ огромнымъ носомъ барина, который отъискивалъ вербы о двѣнадцати херувимчикахъ и, къ крайней досадѣ своей, отъискать такой не могъ; одинъ изъ торгашей, посметливѣе другихъ, подряжался изготовить ему къ вечеру огромную вербу, хотя о пятидесяти херувимчикахъ: «это все въ нашей власти», говорилъ онъ, «лишь извольте пожаловать впередъ деньги»; но баринъ на это не согласился.

Между здѣшнимъ и Московскимъ гуляньями въ Лазареву Субботу пребольшая разница: въ Москвѣ на Красной площади просторъ, богатые экипажи, кавалькады—настоящее гулянье народное; здѣсь же, напротивъ, люди жмутся по одной кратчайшей линіи Гостинаго Двора, такъ что не только проѣхать, но и пройти съ трудомъ можно. Какая-то невыносимая давка, а отъ грязи только и спасенья, что бульваръ посрединѣ Невскаго Проспекта, да и на тотъ попасть не всякому удастся, потому что сплошь покрытъ народомъ, который толчется на одномъ мѣстѣ и безотчетно зѣваетъ на всѣ четыре стороны. Это не пріятное гулянье, а скорѣе: непріятное *стоянье.*

7 Апрѣля. Воскресенье. Со времени войны съ Французами появился въ Москвѣ особый разрядъ людей подъ названіемъ «нувелистовъ», которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобъ собирать разныя новости, развозить ихъ по городу и разсуждать о дѣлахъ политическихъ. Разумѣется, всѣ ихъ разсужденія имѣютъ одинъ припѣвъ: «Я поступилъ бы иначе; у меня пошло бы поживѣе» и проч. Мерзляковъ въ своей пѣснѣ прекрасно обрисовалъ одного изъ этихъ господъ, живущихъ политическими новостями:

Тамо старый дуралей,
Снявъ очки съ густыхъ бровей,
Исчисляетъ въ важномъ тонѣ
Всѣ грѣхи въ Наполеонѣ.

Я думалъ, что эти люди составляютъ принадлежность одной только Москвы, въ которой иному точно и дѣлать другаго нечего, какъ развозить новости и толковать о политикѣ; но сегодня обѣдалъ я съ такими отчаянными (по выраженію Настасьи Дмитріевны Офросимовой) «политикантами», что наши Московскіе въ подметки имъ не годятся, и пѣсня Мерзлякова какъ будто нарочно на счетъ ихъ была сложена; а между тѣмъ это люди совсѣмъ не праздные и даже сановники, хотя, кажется, и не съ большимъ вѣсомъ. Одинъ изъ нихъ осуждалъ дѣйст-

вія главнокомандующаго арміею, другой назначалъ своихъ генераловъ, а третій утверждалъ, что онъ для окончанія войны «просто взялъ бы Парижъ, а Бонапарте повѣсилъ бы какъ разбойника» и проч. и проч. Всѣ эти толки сопровождались такими неистовыми возгласами и кулачными ударами по бѣдному столу, что хозяйка дрожала за столовый свой хрусталь, а намъ становилось страшно. Охота же такъ горячиться изъ ничего! И развѣ нельзя сочувствовать общему дѣлу и принимать участіе въ теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не выходя изъ себя и не выставляя на-показъ вздорныхъ своихъ мнѣній? Я увѣренъ, что эти господа такъ гомозятся отъ того, что ихъ не спрашиваютъ; а попробуй спросить ихъ—станутъ въ тупикъ.

Но такъ какъ всякому человѣку случается въ жизни обмолвиться умнымъ словомъ, то и одинъ изъ моихъ ораторовъ сдѣлалъ подъ конецъ обѣда очень дѣльное замѣчаніе. «Нынче у всѣхъ молодыхъ людей», сказалъ онъ, «есть страстишка щегольнуть умомъ и своими способностями, а между тѣмъ кто выходитъ въ люди? Только тѣ, которые умѣютъ скрывать ихъ до благопріятнаго случая. Повѣрьте, что тотъ дурачится, кто хочетъ выказываться и возбуждать зависть въ началѣ служебной своей карьеры; онъ не кончитъ ея благополучно, если скоро не будетъ въ отставкѣ».

8 Апрѣля, Понедѣльникъ. Похвальное слово Государю, которымъ такъ мы восхищаемся и которое полагали «сочиненіемъ» пастора Альбануса, оказывается просто извлеченіемъ изъ похвальнаго слова Траяну Плинія-Младшаго; но пусть и такъ: все же нельзя не поблагодарить Альбануса за то, что онъ такъ удачно и мастерски умѣлъ примѣнить Плиніево изображеніе Траяна къ особѣ и качествамъ Государя.

Нельзя безъ сердечнаго удовольствія читать этого «слова», которое все состоитъ изъ отрывковъ Плиніева панегирика, почти буквально переведеннаго; и, читая его, невольно удивляешься, какъ могъ Римскій писатель, за семнадцать столѣтій предъ симъ, такъ вѣрно изобразить обожаемаго нашего Государя безъ особаго дара предвидѣнія и вдохновенія свыше, потому что не только наружность, не только плѣнительныя свойства, не только вызвышенный образъ мыслей, но и смыслъ самыхъ указовъ и постановленій императора Александра изображаются съ изумительною подробностью. Жаль одного, что это прекрасное «слово» не есть произведеніе писателя Русскаго.

9 Апрѣля, Вторникъ. Получено извѣстіе, что 4-го числа Государь изволилъ быть съ Прусскимъ королемъ въ Шиппенбейлѣ, куда прибыла и гвардія въ отличномъ порядкѣ, не смотря на форсированные

марши, которые принуждена она была дѣлать. 3-го числа, въ Бартенштейнѣ, у главнокомандующаго Бенигсена былъ огромный обѣдъ, на которомъ Государь присутствовалъ и былъ, говорятъ, до такой степени милостивъ къ заслуженному генералу, что при всѣхъ изъявилъ совершенное довѣріе къ его военнымъ соображеніямъ и опытности, и предоставилъ ему полную свободу дѣйствовать, какъ онъ, по обстоятельствамъ, признаетъ за лучшее. Эти вѣсти радуютъ здѣсь многихъ почтенныхъ людей, которыхъ было встревожили кой-какіе смутные слухи о предстоящихъ будто бы перемѣнахъ въ военномъ начальствѣ.

Вечеромъ сидѣли у меня Гнѣдичъ съ Юшневскимъ; говорили, разумѣется, большею частью о трагедіяхъ и объ актерахъ, хотя, правду сказать, и не то время, чтобъ толковать о театрѣ, а скорѣе бы надобно было читать канонъ покаянный и особенно мнѣ, грѣшному. Гнѣдичъ увѣряетъ, что съ нѣкоторыхъ поръ Русскій театръ видимо совершенствуется и, не говоря уже о прежнихъ извѣстныхъ талантахъ, которые впродолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, благодаря многимъ новымъ пьесамъ, на театръ поступившимъ, необыкновенно оживились и, можно сказать, переродились, являются на сцену таланты молодые, свѣжіе, съ лучшимъ образованіемъ и современными понятіями объ искусствѣ *). Юшневскій, соглашаясь съ Гнѣдичемъ, что театръ нашъ точно становится лучше, не хотѣлъ, однакожъ, согласиться съ нимъ въ томъ, чтобъ это усовершенствованіе могло имѣть такое сильное вліяніе на наше общество, чтобы, какъ онъ утверждаетъ, люди большаго свѣта, пріученные иностраннымъ воспитаніемъ смотрѣть съ нѣкоторымъ равнодушіемъ на отечественныя театральныя произведенія и Русскихъ актеровъ, вдругъ стали предпочитать Русскій театръ иностранному и охотнѣе посѣщать его, чѣмъ Французскій, и что «Эдипъ», «Дмитрій Донской», «Модная Лавка» и нѣсколько другихъ пьесъ не въ состояніи такъ скоро перемѣнить направленіе вкуса публики высшаго круга. Если жъ она съ такою жадностью бросилась смотрѣть на эти пьесы, такъ не потому ли, что, по замѣчанію статскаго совѣтника Полетики, она хотѣла убѣдиться въ двухъ невѣроятныхъ для нея вещахъ, т.-е. что Русскій авторъ написалъ хорошую пьесу, а Русскіе актеры хорошо ее разыграли? «Пожалуй», сказалъ онъ смѣясь, «вы, Николай Иванычъ, и опять станете увѣрять, что нѣсколько хорошихъ пьесъ и

*) Такъ прежде казалось и мнѣ; но я убѣдился въ послѣдствіи, что прежніе актеры, вопреки мнѣнію Гнѣдича, не менѣе новыхъ имѣли образованія и понятія объ искусствѣ, а сверхъ того, обладали еще и большими физическими способностями, нужными для сцены. По этому случаю, невольно приходятъ на память слова П. А. Плавильщикова, сказанныя имъ за обѣдомъ у князя М. А. Долгорукаго. См. выше 30 Октября 1805 г. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

хорошихъ актеровъ нечувствительно могутъ перемѣнить образъ мыслей и поведеніе нашихъ слугъ, ремесленниковъ и рабочихъ людей и заставить ихъ, вмѣсто питейныхъ домовъ, проводить время въ театрѣ. До этого еще далеко».

«Далеко или нѣтъ», отвѣчалъ Гнѣдичъ, «но это послѣдуетъ непремѣнно, если только явятся писатели съ талантомъ и станутъ сочинять пьесы занимательныя по содержанію и достоинству слога; если жъ эти пьесы будутъ, сверхъ того, и въ нашихъ нравахъ, то успѣхъ несомнителенъ: театры будутъ наполнены и переполнены зрителями; но та бѣда, что трудно написать хорошую пьесу, и особенно пьесу въ нашихъ нравахъ. Я знаю только одну въ этомъ родѣ, которая заслуживаетъ полнаго уваженія: это драма Ильина «Рекрутскій Наборъ». Въ ней все есть: и правильность хода, и занимательность содержанія, и ясность мысли, и теплота чувства, и живость разговора, и все это какъ нельзя болѣе приличествуетъ дѣйствующимъ лицамъ; жаль только, что авторъ безъ нужды заставилъ въ одной сценѣ втораго акта философствовать извощика Герасима: не будь этого промаха, драма Ильина могла бы назваться совершенною. Впрочемъ, какъ быть! Вотъ болѣе десяти лѣтъ, какъ Нѣмцы соблазняютъ насъ, и я первый приношу покаянную въ прежнемъ безотчетномъ моемъ удивленіи и подражаніи Нѣмецкимъ драматургамъ-философамъ».

10 Апрѣля, Середа. Мнѣ доставили только что появившіяся чрезвычайно интересныя записки знаменитой Англійской актрисы мистриссъ Робинзонъ, которой отецъ служилъ въ нашемъ флотѣ капитаномъ и умеръ здѣсь, въ Петербургѣ, въ 1785 году. Эта милая женщина, получившая отличное воспитаніе, вдругъ, по внушенію страсти къ театру, сдѣлалась, на восьмнадцатомъ году своего возраста, актрисою. Наставникомъ ея въ искусствѣ былъ Гаррикъ, который предпочиталъ игру ея въ роляхъ Юліи, Дездемоны, Офеліи и другихъ, требующихъ наиболѣе чувства, игрѣ всѣхъ актрисъ, когда-либо украшавшихъ Англійскую сцену. Къ несчастью, сценическое ея поприще было непродолжительно: на двадцать пятомъ году, въ наиблистательнѣйшую эпоху красоты своей и таланта, она впала въ какое-то нервическое разслабленіе, приковавшее ее къ постели, съ которой не сходила уже она до самой своей кончины, послѣдовавшей на сорокъ второмъ году ея жизни.

Болѣе шестнадцати лѣтъ провела геніальная страдалица почти въ совершенной неподвижности, лишенная употребленія рукъ и ногъ; но, твердая духомъ и бодрая умомъ, она умѣла найдти отраду въ занятіяхъ литературныхъ и нравственномъ образованіи дочери, которой диктовала прекрасныя свои стихотворенія и записки. Первыя преис-

полнены красотъ поэтическихъ, проникнуты глубокимъ чувствомъ, плѣнительны игривостью воображенія и свѣжестью колорита въ описаніяхъ; а послѣднія, кромѣ интересной біографіи самой писательницы, заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ и, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно вѣрныхъ замѣчаній объ искусствѣ театральномъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи перевести нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній. Оно же кстати: эти дни ходить мнѣ некуда и дѣлать нечего; займусь работой, которая вмѣстѣ будетъ для меня и разсѣяніемъ; по крайней мѣрѣ въ это время несносныхъ предчувствій не дамъ тоскѣ овладѣть собою.

Извѣстный уличный стихотворецъ старикъ Патрикѣичъ, котораго необыкновенной способности низать риѳмы завидуетъ самъ остроумный Маринъ *), а оригинальными виршами такъ восхищается мой другъ Кобяковъ, обмолвился преcправедливымъ двустишіемъ:

Горемъ бѣдѣ не пособишь,
Натуру свою лишь уходишь.

*) Въ одной изъ сатиръ своихъ, въ которой жалуется на затрудненіе въ пріисканіи риѳмъ:

„О, еслибъ я умѣлъ свою принудить Музу,
Чтобъ тяжкихъ правилъ сихъ сложить съ себя обузу!
Когда я съ Пиндаромъ сравнить кого готовъ,
Державинъ на умѣ, а подъ перомъ Хвостовъ;
Самъ у себя весь вѣкъ я, находясь въ неволѣ,
Завидую твоей о, *Патрикѣичъ*, долѣ.

Патрикѣичъ въ свое время былъ въ модѣ и служилъ потѣхою многимъ умнымъ людямъ, въ томъ числѣ и Фонвизину, на котораго написалъ онъ, такъ называемую имъ, эпиграмму:

„Открылся нѣкій Діонистръ (то-есть Денисъ)
Мнимый намѣстникъ и министръ,
Столпотворенію себя уподобляетъ!“ и проч.

Авторъ „Недоросля“ отвѣчалъ ему также стихами, оканчивающимися такъ:
„Счастлива та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жерёба!“

Но верхомъ совершенства въ нелѣпомъ сочетаніи риѳмъ были стихи, поднесенные Патрикѣичемъ Калужскому преосвященному. Они начинались такъ:

„Преосвященному пою Ѳеофилакту,
Во краснорѣчіи наукъ
Кой Вильманстрандскому подобенъ катаракту...“

а оканчивались желаніемъ, чтобъ преосвященный взглянулъ *любезно* на его посланіе *безмездно*; по въ выноскѣ замѣчено, что послѣднее выраженіе употреблено только для риѳмы, а сочинитель не прочь отъ подарка. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Почему, на основаніи этой аксіомы, не должно бы и мнѣ такъ сокрушаться «о томъ, о семъ, слѣдующемъ и прочемъ» [1]) и тосковать одному, запершись въ четырехъ стѣнахъ, когда для меня открыты всѣ четыре стороны свѣта? Но можно ли сладить съ собою? Я по крайней мѣрѣ сдѣлать этого не умѣю, и притворство покамѣстъ еще не мое ремесло. Какъ это дѣлаютъ другіе—не знаю; но казаться веселымъ, когда змѣя грызетъ сердце; отвѣчать кстати на вопросы любопытныхъ, когда не слышишь и не понимаешь, о чемъ тебя спрашиваютъ; говорить *да*, когда надобно сказать *нѣтъ* и обратно—все это для меня непостижимо, и я боюсь, что, при первомъ свиданіи съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ, того и смотри, разболтаю всю подноготную. Чтò изъ этого можетъ выйдти, одинъ Богъ вѣсть; но мнѣ кажется, что откровенность—лучшее лѣкарство для облегченія страданій души.

А между тѣмъ завтра Свѣтлое Воскресенье; у меня уже раздается въ ушахъ божественная пѣснь Дамаскина: «Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь; се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ Запада, Сѣвера и моря и отъ Востока чада твоя, благословяще Христа во вѣки!» Пойдемъ въ церковь, новый Сіонъ нашъ, «просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ и рцемъ: братіе, ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ!» Легче будетъ...

14—20 Апрѣля. Воскресенье—Суббота. Христосъ Воскресе!

Кромѣ Державина, я рѣшительно ни у кого съ поздравленіями не былъ и не буду впродолженіе цѣлой недѣли. Гаврила Романовичъ пенялъ, что пришелъ утромъ, и приглашалъ обѣдать; но я отговорился нездоровьемъ. Съ участіемъ посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ, что я въ самомъ дѣлѣ измѣнился въ лицѣ, и чтобъ я велъ себя осторожнѣе, потому что всякое излишество гибельно въ Петербургѣ для новичковъ, чтó знаетъ онъ по собственному опыту. При ссылкѣ на свое нездоровье, я краснѣлъ и чувствовалъ біеніе сердца: меня мучила совѣсть. Стòитъ только однажды сбиться съ прямаго пути, такъ и начнешь вилять вкривь и вкось по окольнымъ дорожкамъ, покамѣстъ не застрянешь въ какой-нибудь волчьей ямѣ. Я сказалъ неправду—и кому? Какъ бы не было впередъ хуже. Ainsi que la vertu le crime a ses degrés [2]).

Неблагодарно съ моей стороны не быть въ павильонѣ; но какъ идти туда, когда напередъ знаю, что попадусь въ руки безпощадной инквизиціи и что вопросамъ и разспросамъ любопытныхъ и сметливыхъ

[1]) Такъ записалъ извѣстный всѣмъ чиновникъ содержаніе одной полученной бумаги въ дежурную книгу. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Порокъ, какъ и добродѣтель, имѣетъ свои степени.

моихъ пріятельницъ конца не будетъ; да и безъ разспросовъ онѣ великія мастерицы угадывать по одному моему взгляду, движенію губъ и даже по моей походкѣ, что̀ происходитъ у меня на душѣ. Нѣтъ, какъ ни скучно, но рѣшусь просидѣть всю эту недѣлю дома подъ предлогомъ болѣзни, а тамъ что̀ Богъ дастъ!

—

Веселый хозяинъ мой заходилъ приглашать меня на вечеръ, который, вмѣсто Четверга, назначается въ Среду, по случаю имянинъ жены его. «Wir werden singen und springen», сказалъ онъ, подмигивая и припрыгнувъ: «Die Dame wird auch da seyn». Нашелъ чѣмъ заманивать меня добрый Торсбергъ! Не до пѣсенъ и пляски мнѣ грустному затворнику, у котораго въ головѣ теперь одна мелодія: Das waren mir seelige Tage!

Я всегда любилъ дѣлить досугъ свой съ людьми добрыми, какъ бы ничтожны они ни были; но теперь совокупное посѣщеніе такихъ оригиналовъ, какъ Т. Ѳ. Дурновъ и землякъ мой Кобяковъ, почитаю благодѣяніемъ судьбы. Они рады были приглашенію моему бывать у меня ежедневно и обѣщались даже обѣдать со мною во все продолженіе праздниковъ; народъ неприхотливый и довольствуется больше количествомъ, чѣмъ качествомъ. Не заведетъ ли благопріятный случай ко мнѣ еще и Вельяминова? Онъ былъ бы для меня сущею отрадою; съ нимъ время проходитъ незамѣтно.

—

Краснопольскій началъ переводить оперу Das neue Sonntags-Kind, подъ заглавіемъ «Домовые»; но едва ли онъ въ состояніи будетъ удержать въ своемъ переводѣ весь комизмъ арій, дуэтовъ и особенно преуморительнаго финала перваго дѣйствія: для этого нужно много веселости, а Краснопольскій переводитъ очень равнодушно, какъ ученикъ по лексикону, и вовсе незнакомъ съ Нѣмецкими вицами (Witz), иногда очень пошлыми и глупыми, но за то всегда смѣшными. Ну какъ, напримѣръ, онъ справится съ входною аріею студента-жениха, которою молодой педантъ изъясняетъ такое смѣшное участіе въ здоровьѣ своей невѣсты:

Ich frag's obsequialiter,
Das heisst, ergebnermassen,
Ob sie heut nocturnaliter
Geschlafen wie ein Katz?

Еслибъ переводъ могъ удасться, то нѣтъ сомнѣнія, что эта оперка, не во гнѣвъ будь сказано Якову Степановичу Воробьеву, который такой ненавистникъ Нѣмецкихъ и Французскихъ оперъ и оперетокъ, чрезвычайно бы понравилась веселой части публики, тѣмъ болѣе, что могла

бы удачно быть обстановлена: всѣ роли въ ней, какъ нарочно, созданы для Воробьева, Пономарева, Рожественскаго, Чудина, Лебедева, Самойлова, жены его, Болиной и Рахмановой.

Сказываютъ, что въ дирекцію театра поступаетъ такое множество драмъ оригинальныхъ и переводныхъ, что она не знаетъ, что́ съ ними дѣлать, а пуще какъ отбиться отъ назойливыхъ авторовъ, рѣшительно ее осаждающихъ; эти авторы большею частью подкрѣпляемы бываютъ рекомендательными письмами значительныхъ особъ, на которыя театральное начальство отвѣчать должно, что̀ приводитъ его въ великое затрудненіе. Многія изъ поступающихъ драмъ остаются даже и непрочитанными. Казначей театра, П. И. Альбрехтъ, получившій недавно Анненскій крестъ на шею, великій экономъ, предлагалъ князю Шаховскому употреблять ихъ для топки печей вмѣсто дровъ, потому что у него въ квартирѣ всегда холодно. «Да за что́ жъ, батюшка Петръ Иванычъ, ты меня совсѣмъ заморозить хочешь?» возразилъ сочинитель «Новаго Стерна»: «отъ нихъ еще пуще повѣетъ холодомъ».

И въ самомъ дѣлѣ, сколько авторовъ только и дѣлаютъ, что сочиняютъ драмы, Богъ вѣсть для кого и для чего; потому что ихъ почти никогда не принимаютъ на сцену и даже не читаютъ, если онѣ бываютъ напечатаны! Намедни Дмитревскій очень ясно истолковалъ причину этой несчастной страсти къ сочиненію драмъ и другихъ театральныхъ пьесъ прозою. «Естественно, мы всегда хотимъ успѣха», сказалъ онъ, «который бы не стоилъ намъ большихъ усилій; а драму написать легче, чѣмъ трагедію или комедію, и сочиненіе въ прозѣ не требуетъ столько труда и таланта, сколько сочиненіе въ стихахъ». По словамъ его, Вольтеръ былъ большой врагъ драматическихъ пьесъ въ прозѣ и говорилъ, что онѣ изобрѣтены «бездарною лѣностью».

Кто-то замѣтилъ очень остроумно, что правильная драматическая пьеса, трагедія или комедія, должна быть подобна золотой монетѣ, то-есть имѣть надлежащіе вѣсъ, цѣнность и звонъ. Вѣсъ ея—мысли, цѣнность—изящная чистота слога, звонъ—гармонія стиховъ.

—

Сегодня было у меня стеченіе преразнообразныхъ посѣтителей: чиновники, сочинители, актёры и художники, всѣ сошлись вмѣстѣ, и даже, какъ нарочно, явилась неожиданно красавица Александра Васильевна. Время прошло бы превесело, еслибъ я только могъ быть веселымъ. Сначала смотрѣли на сестрицу мою съ какимъ-то любопытнымъ изумленіемъ и какъ будто ея дичились; но она такъ мило и ловко сама подтрунивала надъ толщиной своей и такъ умно обо всемъ говорила и разсуждала, что мои гости забыли о толщинѣ ея, чтобъ любоваться необыкновенной прелестью ея плѣнительной головки и красивыхъ рукъ.

Оригиналъ Дурновъ, какъ художникъ, не сводилъ съ нея глазъ. «Что вы такъ смотрите на меня?» сказала она ему, улыбаясь. «Вы вѣрно удивляетесь, что такая прекрасная голова присажена къ такому неуклюжему тѣлу? Это для того, скажу вамъ, чтобъ я не очень гордилась преимуществами красоты своей, не была кокеткою и не сводила съ ума тѣхъ, которые, подобно вамъ, такъ пристально на меня смотрятъ».

Въ качествѣ сестрицы, навѣстившей больнаго братца, Александра Васильевна разливала намъ чай, и гости мои не положили охулки на руку: нѣсколько разъ подливали въ самоваръ воды и подсыпали въ чайникъ чаю. Гебгардъ болталъ безъ умолку и очень смѣшилъ разсказами о послѣдствіяхъ нашего пикника въ честь Иффланда и объ одномъ извѣстномъ баринѣ, который, не такъ давно принимая одну, также извѣстную, барышню съ Нѣмецкой сцены подъ свое покровительство, непремѣнно хотѣлъ, чтобъ это покровительство ознаменовано было съ его стороны возможнымъ великолѣпіемъ, и потому, заказавъ въ квартирѣ, изготовленной для пріема покровительствуемой особы, пышный банкетъ, онъ пригласилъ къ ужину всѣхъ ея сотоварищей и каждому предоставилъ въ распоряженіе особую карету, съ тѣмъ, чтобъ всѣ они изъ прежней квартиры красавицы слѣдовали за нею на приготовленное ей новоселье. «Это была преуморительная процессія», говорилъ Гебгардъ: «точно какія-нибудь похороны. Да и въ самомъ дѣлѣ», прибавилъ онъ, «это были похороны здраваго смысла, потому что не прошло двухъ «недѣль, какъ тщеславный покровитель чуть не былъ выброшенъ за «окошко такимъ же другимъ, имѣвшимъ на покровительство преимуще-«ственное право давности». Мнѣ всего больше понравилась наивность, которою заключилъ Гебгардъ свой разсказъ: «Надобно быть совершеннымъ Нѣмцемъ», сказалъ онъ, «чтобъ это выдумать».

—

Изъ павильйона присылали спросить, отчего такъ давно не видать меня и, въ случаѣ болѣзни, узнать, не имѣю ли въ чемъ нужды. Добрые люди! Были также старикъ Самсоновъ съ своими разсказами и братья Харламовы, которымъ я объявилъ, что въ половинѣ Мая переѣду къ нимъ въ домъ, и хотѣлъ условиться съ ними о квартирѣ; они не хотѣли о томъ и слышать, говоря, что сочтемся, и безъ памяти рады, что пріобрѣтаютъ себѣ жильца Данковца. У всякаго своя слабость.

Кстати о слабостяхъ. Самсоновъ разсказывалъ, что извѣстный Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, весьма умный, образованный и притомъ отлично добрый человѣкъ, имѣлъ, кромѣ слабости къ женскому полу, еще другую довольно забавную слабость: онъ не любилъ, чтобъ другіе, знакомые и пріятели его, ѣли въ то время, когда у него самого апе-

тита не было, ходили гулять, когда у него болѣла нога, и вообще дѣлали то, что̀ иногда онъ самъ дѣлать былъ не въ состояніи. У него ежедневно былъ роскошный столъ, и безъ гостей онъ никогда не бывалъ. Если чувствовалъ онъ себя хорошо, тогда потчивалъ на пропалую, выговаривая безпрестанно, что мало ѣдятъ и пьютъ; когда же не имѣлъ апетита, или, по предписанію доктора, обязанъ былъ воздерживаться отъ разныхъ кушаньевъ, то начиналъ всегда разсужденіе о томъ, какъ люди не берегутъ себя и безразсудно предаются излишеству въ пищѣ; что для насыщенія человѣка нужно немногое, а между тѣтъ онъ поглощаетъ всякую дрянь (тутъ онъ называлъ поименно всѣ лакомыя блюда стола своего) въ предосужденіе своего здоровья. Такъ и въ другихъ случаяхъ: ѣдетъ ли кто въ страстно-любимый имъ театръ (котораго онъ былъ главнымъ директоромъ) въ такое время, когда, по нездоровью или особымъ дѣламъ, онъ не могъ присутствовать при представленіи, и вотъ Елагинъ начнетъ ворчать: «Право, не понимаю этой страсти къ театру: что за не́видаль такая? Добро бы что-нибудь новое, а то все одно и тоже; что̀ вчера, то и нынче: тѣже пьесы, тѣже актёры и тѣже кулисы».

Однакожъ, мнѣ кажется, что эта слабость Елагина—общая слабость всѣхъ людей; только они не хотятъ въ ней сознаться и ея не высказываютъ. Въ сердцѣ каждаго, и самаго добраго человѣка, непременно таится, больше или меньше, проклятая зависть—клочокъ грѣха первороднаго; иначе отчего бы я, напримѣръ, добрый человѣкъ, такъ былъ доволенъ, что сегодня скверная погода и мѣшаетъ гулянью? Оттого, что мнѣ самому гулять не приходится, и я долженъ сидѣть дома.

—

Александръ Васильевичъ Приклонскій сказывалъ, что, не смотря на праздники, въ канцеляріи нашего министра существуетъ большая дѣятельность вслѣдствіе полученнаго вчера извѣстія о заключеніи въ Бартенштейнѣ договора между Государемъ и королемъ Прусскимъ. Этотъ договоръ, состоявшійся въ самый первый день Пасхи, имѣетъ основаніемъ возстановленіе Пруссіи и Австріи и защиту другихъ государствъ отъ властолюбія Бонапарте, угрожающаго имъ совершеннымъ разореніемъ. Говорятъ, что планъ Государя для дѣйствій въ пользу Пруссіи и Австріи очень обширенъ и составленъ имъ съ необыкновенною проницательностью и знаніемъ дѣла; но боятся, чтобъ исполненіе этого плана не встрѣтило препятствій, съ одной стороны, въ нерѣшительности Австріи, а съ другой, въ недобросовѣстности Англіи, которая обѣщала прежде до тридцати тысячъ вспомогательныхъ войскъ для высадки въ Пруссію, Французамъ въ тылъ, а теперь уменьшаетъ ихъ до десяти тысячъ. Приклонскій слышалъ также отъ Ивана Андреевича Вейде-

мейера, что Будбергъ рѣшительно проситъ увольненія отъ званія министра иностранныхъ дѣлъ, и что мѣсто его непремѣнно займетъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Я воображаю, какъ обрадуются всѣ, служащіе въ Коллегіи, этой перемѣнѣ начальства; можетъ быть, новый министръ захочетъ употребить на что-нибудь и насъ «считающихся при разныхъ должностяхъ» и неимѣющихъ не только никакой должности, но даже и ни какого занятія.

Къ слову о графѣ Румянцовѣ. Анна Никитична Нарышкина назначила его единственнымъ наслѣдникомъ своего огромнаго имѣнія, которое, по совѣсти, слѣдовало бы въ родъ Нарышкиныхъ, Александра Львовича съ братомъ, какъ доставшееся ей послѣ роднаго дяди ихъ, Александра Александровича. Это назначеніе давно уже предвидѣли, и по сему случаю между графомъ Румянцовымъ и Нарышкиными существовала большая холодность, обратившаяся съ недавняго времени въ явную непріязнь. Острый Александръ Львовичъ неутомимо преслѣдуетъ Румянцова разными колкостями, хотя и прекрасно выраженными, но, къ несчастью, безсильными для поправленія дѣла.

Завтра, дастъ Богъ, выползу изъ своего заточенія. Я такъ одичалъ въ эту недѣлю, что, право, не знаю, какъ встрѣчусь съ знакомыми и что̀ буду отвѣчать имъ на неминуемые ихъ вопросы.

21 Апрѣля, Воскресенье. Слава Богу, все обошлось благополучно! Вмѣсто ожидаемой пытки я встрѣтилъ однѣ довольно сносныя насмѣшки: «Oh, l'enfant! Oh, le pauvre enfant! Voyez le grand malheur qui lui arrive! Mais c'est charmant, c'est impayable!» — «Да, да», подумалъ я, «смѣйтесь, смѣйтесь, павильйонскія мои трещоточки, хохочите себѣ на-обумъ, а все-таки, несмотря на гасконскія выходки стараго зажиги вашего папа́, вы отъ меня ничего не узнаете: я отмолчусь. И точно: отмолчался.

За обѣдомъ много толковали о путешествіи Государя. Всюду принимаютъ его, какъ будущаго своего избавителя отъ ига новаго Чингисъ-Хана. Все это хорошо; но старые эмигранты ропщутъ на тѣ государства, за которыя онъ такъ великодушно вооружился, что они, съ своей стороны, мало представляютъ ему средствъ для продолженіи войны болѣе энергическимъ образомъ. Мсьё виконтъ, который бываетъ у Марьи Антоновны ежедневно и къ которому она имѣетъ полную довѣренность, потому что онъ завѣдываетъ ея интимною корреспонденціею, слышалъ отъ нея, что Государь встрѣчаетъ немало огорченія отъ нерѣшительности Австріи, которая дѣйствуетъ какъ бы не хотя, и что, кажется, надобно отложить всякую надежду на какое бы то ни было съ ея стороны содѣйствіе. Грустно слышать, что эти Нѣмцы заблуж-

даются насчетъ своего положенія и не хотятъ понять благихъ намѣреній нашего Государя въ ихъ собственную пользу. Виконтъ говоритъ, что со времени Суворова намъ не удался ни одинъ союзъ съ Австріей, которая всегда хочетъ загребать жаръ чужими руками.

Съ завтрашняго дня начинаются спектакли. Меня пригласили въ ложу, на комедію «Два Фигаро» (Les deux Figaros), въ которой, говорятъ, такъ превосходны Дюранъ, Калланъ и мадамъ Туссенъ; но, признаюсь, мнѣ хотѣлось бы еще взглянуть на Яковлева въ «Донскомъ» и опять послушать прекрасныхъ стиховъ Озерова. Впрочемъ, «Двухъ Фигаро» я еще не видалъ, и потому, благо есть случай, надобно идти во Французскій спектакль. За то во Вторникъ пойду смотрѣть на Рыкалова въ «Скапеновыхъ Обманахъ», а въ Среду къ Нѣмцамъ.

Челищевъ разсказывалъ, что въ минувшемъ Февралѣ двое секретарей посольства, Англійскаго и Австрійскаго, отправились на медвѣжью охоту въ окрестностяхъ Тосны. Два медвѣдя были обойдены за недѣлю до ихъ пріѣзда и, по наблюденіямъ сторожившихъ его крестьянъ, получавшихъ за то хорошую плату, оба преспокойно сосали лапы въ своихъ берлогахъ; но въ самый день пріѣзда охотниковъ, какъ будто встревоженные предчувствіемъ ожидавшей ихъ бѣды, вдругъ исчезли, и охотники, проѣхавшіе около ста верстъ, нашли только однѣ логовища да свѣжіе слѣды скрывшихся мишуковъ. Молодые дипломаты предались ужасному негодованію и гнѣву, обвиняя мужиковъ, что медвѣди ушли по одной ихъ неосторожности, и что, слѣдовательно, они должны возвратить имъ полученные за обходъ деньги. Сколько ни увѣряли мужики, что они вовсе не причиною такого своеволія медвѣдей, но дипломаты не хотѣли ничего слушать и требовали возвращенія своихъ денегъ. Къ счастью, одинъ крестьянинъ, посмышленнѣе другихъ, вызвался поставить имъ «охоту» почище медвѣжьей—охоту на лося. «Вотъ извольте, отцы мои, покушать да поотдохнуть, а ужъ къ утру вамъ будетъ лось». Охотники согласились. «А видали ли вы, мои батюшки, лосей-то?» Оказалось, что ни одинъ изъ нихъ живыхъ лосей не видывалъ. «Ну такъ завтра же изволите увидѣть, родные мои: такого представлю, что на подивленье». Повѣривъ обѣщанію, горячіе охотники въ нетерпѣливомъ ожиданіи застрѣлить незнакомаго имъ звѣря, расположились ночевать въ деревнѣ, а между тѣмъ проворный крестьянинъ добылъ гдѣ-то старую, яловую и комолую корову бурой шерсти, отвелъ ее въ самую чащу лѣса и, бросивъ голодной яловкѣ охапку сѣна, явился, ни свѣтъ ни заря къ охотникамъ съ донесеніемъ, что онъ обошелъ слѣды молодой лосихи, и что, для удачной охоты, должно слѣдовать за нимъ тотчасъ, чтобъ на мѣстѣ быть до разсвѣта. Разумѣется, охотники тотчасъ же поскакали съ вожатымъ своимъ въ лѣсъ, и, не

смотря на темноту ночи, успѣли разглядѣть въ чащѣ лосиху, смирно стоящую иназамѣчающую ихъ появленія. Думать было нечего: оба Нимврода взвели курки, прицѣлились и въ одно время дали залпъ, которымъ бѣдное животное было убито на повалъ. Происшествіе кончилось тѣмъ, что дипломаты щедро наградили своего вожатаго и, сверхъ того, поручили ему, за извѣстную плату, немедленно доставить убитую ими лосиху въ Петербургъ на показъ ихъ пріятелямъ. «Но вы можете угадать», сказалъ Чилищевъ въ заключеніе своей исторіи, «какъ исполнилъ мужичокъ это порученіе: лосиха-корова была съѣдена крестьянами всей деревни, за здравіе проницательныхъ охотниковъ.

23 Апрѣля, Вторникъ. Еслибъ комедія «Скапеновы Обманы» была сочинена въ наше время, то ее назвали бы не комедіею, а фарсомъ, чтò она въ сущности и есть. «Скапеновы Обманы»—фарсъ, но какой фарсъ! Содержаніе просто: плутъ слуга дурачитъ хозяина, стараго скрягу. Происшествія несбыточныя, характеры дѣйствующихъ лицъ неправдоподобные, завязка невѣроятная, развязка неестественная, а между тѣмъ вся эта галиматья такъ увлекательна, что все кажется и вѣроятнымъ и естественнымъ. Мнѣ кажется, что геній Мольера нигдѣ не проявляется съ такою силою, какъ въ фарсахъ, то есть въ «Скапеновыхъ Обманахъ», «Мнимомъ Больномъ», «Мѣщанинѣ во дворянствѣ», «Пурсоньякѣ» и «Мнимомъ Рогоносцѣ», потому что всѣ эти пьесы, будучи основаны на характерахъ нелѣпыхъ и происшествіяхъ невозможныхъ, требовали необычайнаго таланта, чтобъ заставить извинить въ нихъ недостатокъ вымысла и отсутствіе всякаго правдоподобія въ дѣйствіи *).

Но разсужденія въ сторону, поговоримъ о представленіи. Рыкалова можно назвать актёромъ par excellence, онъ игралъ роль Жеронта. Какая великолѣпная комическая фигура! Лицо, станъ, походка, движенія—все это въ немъ такъ неуклюже, такъ натурально глупо, что при одномъ появленіи его, нельзя удержаться отъ смѣха, а органъ, а дикція—это совершенная натура: никакихъ натяжекъ, никакого преувеличенія, ничего площаднаго; словомъ, видишь передъ собою не актёра, а настоящаго Жеронта. Но въ сценѣ, когда Скапенъ объявляетъ ему, что Турокъ захватилъ его сына и требуетъ за него выкупа, Рыкаловъ превзошелъ мои ожиданія: все, чтó я прежде ни слыхалъ о превосходной игрѣ его въ этой сценѣ, ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, чтò я увидѣлъ. Какъ уморительно смѣшно было его отчаяніе! Съ какою забавно-жалобною миною развязывалъ онъ кошелекъ свой, по-

*) Авторъ „Дневника“ думаетъ теперь иначе и проситъ извиненія за неосновательныя сужденія молодаго чиновника о великомъ Мольерѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

вторяя безпрестанно эти извѣстныя восклицанія: «Да зачѣмъ чортъ его на галеру-то носилъ? О, проклятый Турка, о проклятая галера!» Какъ мастерски съиграна имъ сцена, въ которой Скапенъ прячетъ его въ мѣшокъ и потчуетъ палочными ударами! Сначала его нетерпѣливыя движенія и корчи въ мѣшкѣ, потомъ удивленіе и ужасъ его при открытіи обмана, и наконецъ бѣшенство, съ какимъ онъ, избитый, вылѣзаетъ изъ мѣшка и преслѣдуетъ Скапена—все это выражено Рыкаловымъ превосходно и съ необыкновенною вѣрностью. Я теперь понимаю, почему старые Французскіе актёры отзываются о немъ съ такимъ уваженіемъ: онъ имъ передаетъ Мольера «à la Préville».

Роль Скапена игралъ Прытковъ довольно развязно; но быть развязнымъ на сценѣ и быть настоящимъ Скапеномъ, какъ Рыкаловъ былъ настоящимъ Жеронтомъ—большая разница. Сказать откровенно: роль Скапена Прыткову не по силамъ. Прытковъ былъ безцвѣтнымъ плутишкою, когда надобно было быть отъявленнымъ, дерзкимъ плутомъ, то-есть имѣть тотъ безстыдный взглядъ, ту рѣшительную походку, ту наглую поговорку, которая всегда отличаетъ первоклассныхъ плутовъ. Для роли Скапена, кажется, у насъ единственный актёръ—Сила Сандуновъ. Я воображаю, какъ бы этотъ молодецъ, такъ всегда превосходный въ роляхъ плутоватыхъ слугъ, отличился въ роли Скапена; и какъ бы онъ былъ подъ пару Рыкалову; но въ томъ-то и бѣда, что у насъ (впрочемъ, какъ и вездѣ, кромѣ Французскаго театра въ Парижѣ) соединеніе на одной сценѣ первоклассныхъ талантовъ невозможно.

Во все продолженіе спектакля одинъ старичокъ, сѣдой какъ лунь, сидѣвшій въ первомъ ряду кресель, обращалъ на себя безпрерывное вниманіе участіемъ, которое громогласно изъявлялъ къ дѣйствующимъ лицамъ. Покажется ли на сцену Рыкаловъ, и вотъ старичокъ заговоритъ: «Вишь какой старый скряга, вотъ ужо тебѣ достанется!» Начнетъ ли свою сцену Прытковъ, и старичокъ тотчасъ же встрѣтитъ его громкимъ привѣтствіемъ: «Экой мошенникъ, экая бестія! Вотъ ужъ настоящій каторжникъ!» При палочныхъ ударахъ Скапена Жеронту въ мѣшкѣ, старичокъ помиралъ со смѣху, приговаривая: «Дѣльно ему, дѣльно; хорошенько его, хорошенько стараго скрягу!» Но, при появленіи на сцену Болиной, игравшей роль цыганки, выходка старичка произвела общій взрывъ необыкновенной веселости и аплодисментовъ: «Ахъ, какая хорошенькая! То-то лакомый кусочекъ! Кому-то ты, матушка, достанешься?» При выходѣ изъ театра я любопытствовалъ узнать, кто этотъ старичокъ, такъ безцеремонно думающій вслухъ. Мнѣ сказали, что это дѣйствительный статскій совѣтникъ Полянскій, человѣкъ, принадлежащій къ высшему обществу, богатый и очень уважаемый за доброту души и благонамѣренность, но по старости лѣтъ ни-

куда невыѣзжающій кромѣ спектаклей, въ которыхъ онъ бываетъ ежедневно, по перемѣнкамъ: то въ Русскомъ, то во Французскомъ, а иногда и въ Нѣмецкомъ, когда играетъ Линденштейнъ, и всюду получаемыя имъ впечатлѣнія раздѣляетъ со всей публикой.

24 Апрѣля, Середа. Вмѣсто Нѣмецкаго театра попалъ къ Рахманову и вечеръ провелъ у него вмѣстѣ съ Вельяминовымъ. Они оба въ большихъ заботахъ о своемъ «Орфеѣ», примутъ ли его на театръ, кому пѣть Эврндику? Рахмановъ полагаетъ, что для партіи Эвридики голосъ Самойловой низокъ. Я объявилъ ему, что скоро на Русской сценѣ будетъ дебютировать въ роли Зетюльбы дочь какого-то Француза-гитариста, Фодоръ, дѣвка знатная, кровь съ молокомъ, у которой, говорятъ, голосъ огромный; слѣдовательно ему и безпокоиться не о чемъ: Орфей есть—и Эвридика будетъ. Рахмановъ былъ въ восхищеніи отъ этой новости и добивался, отъ кого я слышалъ. «Отъ кого же другаго я могъ ее слышать», сказалъ я, «какъ не отъ друга моего Кобякова, который, какъ настоящая театральная ищейка, все знаетъ, что̀ происходитъ за кулисами и, надобно отдать ему справедливость, свѣдѣнія его всегда вѣрны».—«Ну, такъ и я тебѣ скажу добрую новость», сказалъ Рахмановъ: «я наконецъ добылъ себѣ «Псаммитъ Архимеда».—«Это что̀ такое?»—«Это, братецъ ты мой, исчисленіе песку въ пространствѣ, равномъ шару неподвижныхъ звѣздъ—книга, которой я здѣсь на Французскомъ языкѣ отыскать не могъ и которую уступилъ мнѣ Гурьевъ». Радуюсь пріобрѣтенію Петра Александровича, не зная, впрочемъ, къ чему это исчисленіе песку служить можетъ: не при мнѣ писано...

25 Апрѣля, Четвергъ. Гаврила Романовичъ удивлялся, что я съ перваго дня праздника у него не былъ. «Я думалъ, что въ самомъ дѣлѣ не занемогъ ли ты, а ты рыскаешь по театрамъ!» Я не выдержалъ и разсказалъ ему *все*. «Только-то?» спросилъ онъ, усмѣхнувшись. «Ну, это еще не бѣда: впередъ наука. Между тѣмъ, изготовь-ка что-нибудь къ Хвостовской Субботѣ, а завтра вечеромъ предварительно мнѣ прочитай». Я предложилъ ему на выборъ «Бардовъ», или новое стихотвореніе «Осень»; только просилъ увольненія отъ завтрашняго вечера по случаю имянинъ моихъ и потому, что сбираюсь въ театръ смотрѣть «Магомета». «Ну такъ въ Субботу приходи обѣдать, а тамъ и поѣдемъ вмѣстѣ къ Хвостову».

Въ Коллегіи сказывали, что какой-то неважный чиновникъ, Коженковъ, въ припадкѣ бѣшенной ревности, зарѣзалъ жену. Опамятовавшись, онъ бросился въ полицію и самъ объявилъ о своемъ преступ-

леніи, прося поступить съ нимъ по законамъ и не извиняя себя никакими обстоятельствами. Говорятъ, что этотъ новый Отелло отчаяніемъ своимъ возбуждаетъ невольное состраданіе, тѣмъ болѣе, что жена его, по сдѣланному изслѣдованію и показанію сосѣдей, вовсе не похожа на Дездемону.

Заходилъ къ Гнѣдичу пригласить его завтра на скромную трапезу: угощу чѣмъ Богъ послалъ. Пригласилъ бы и Яковлева, еслибъ онъ не игралъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на мое одиночество, найдутся люди разломить пирогъ надъ головою имянинника. Отпраздную тезоименитство свое по преданію семейному: иначе было бы дурное предзнаменованіе для меня на цѣлый годъ.

А между тѣмъ въ обществахъ замѣтно какое-то безпокойство: вѣсти изъ главной квартиры Государя не утѣшительны. По милости Нѣмцевъ, армія наша нуждается въ продовольствіи, а Англичане отказали не только въ обѣщанномъ количествѣ войскъ, но даже и въ условленныхъ для нашихъ союзниковъ денежныхъ субсидіяхъ. Говорятъ, что Шведскій король такъ огорчился этою недобросовѣстностью, что не хочетъ посылать десанта и входитъ въ переговоры съ Бонапарте. Ай-да союзники!

26 Апрѣля, Пятница. Мнѣ очень хотѣлось узнать, нѣтъ ли здѣсь церкви или хотя придѣла во имя Св. Стефана, чтобъ отслушать обѣдню и отслужить святому просвѣтителю Перми молебенъ; но, къ сожалѣнію, по всѣмъ справкамъ, ни церкви, ни придѣла въ имя его не оказалось; я слушалъ обѣдню у Казанской. Не даромъ вчера въ Коллегіи добрый контролеръ нашъ, Ѳедоръ Даниловичъ, который признается за лучшаго статистика по части церквей, монастырей и всего принадлежащаго къ духовному вѣдомству, совѣтовалъ не терять времени въ пустыхъ разспросахъ, сказавъ рѣшительно: «Ужъ если говорю: нѣтъ, такъ вѣрно и не сыщешь; да и въ Москвѣ-то у васъ, кромѣ церкви Спаса, что̀ на Бору, гдѣ почиваютъ мощи святителя и гдѣ учреждено въ память его празднество, другихъ церквей и придѣловъ во имя его нѣтъ».

Имянинное «учрежденіе» мое хоть куда: трапеза исполнена, и телецъ упитанный есть. Графъ Монфоконъ, Гнѣдичъ, Юшневскій, Хмѣльницкій, Вельяминовъ и Кобяковъ — приглашенные гости; а пожалуетъ кто еще невзначай, милости просимъ: не отпустится тощъ. Попируемъ во славу и воспоминаніе Московскаго университета, а тамъ и въ театръ.

Гаврила Романовичъ, которому вчера я неосторожно намекнулъ о своихъ имянинахъ, присылалъ поздравить. Боюсь, чтобъ онъ не подумалъ, что я напросился на это поздравленіе. Недѣльки три назадъ, вспомнили бы меня и другіе-прочіе! Досадно...

27 Апрѣля, Субота. «Умѣренность—лучшій пиръ», сказалъ Державинъ въ стихотворномъ приглашеніи своемъ къ обѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что афоризмъ выраженъ прекрасно. Но я, виноватъ, не очень его понимаю: что́ кажется умѣреннымъ одному, то для другаго казаться можетъ излишествомъ, а для третьяго сущимъ недостаткомъ. Все это относительно и трудно для опредѣленія. По моему, вчерашняя трапеза моя была очень умѣренна: имянинный пирогъ, щи, окорокъ ветчины, да часть телятины; но для моего Кобякова она казалась роскошною. А попотчуй я такими же блюдами его дражайшаго родителя, избалованнаго роскошью Измайловскаго стола, онъ навѣрно бы сказалъ: «жить не умѣетъ; обѣдъ у него какъ на постояломъ дворѣ».

Какъ бы то ни было, только гости мои были очень довольны, не исключая и стараго эмигранта, который увѣрялъ, что наѣлся на недѣлю. Время провели въ разговорахъ и разсказахъ. Добрый Гнѣдичъ все съ высока: удивлялся, какъ могъ я съ удовольствіемъ смотрѣть на «Скапеновы Обманы»; добро бы на «Мизантропа», «Тартюфа» и прочія пьесы de caractère, а то площадной фарсъ—фи! Вотъ поди, толкуй съ нимъ! Въ качествѣ хозяина я не хотѣлъ возражать Гнѣдичу, но Хмѣльницкій вступился за комедію и очень забавно доказывалъ, что смѣяться гораздо пріятнѣе, чѣмъ зѣвать.

Была рѣчь о «Магометѣ». Гнѣдичъ негодовалъ, что Магомета, Омара и Сеида костюмируютъ Турками, тогда какъ они просто Арабы-Бедуины и, слѣдовательно, должны быть одѣты Бедуинами. Графъ Монфоконъ вслушался и, вѣрный преданіямъ Французскаго театра, вступился за костюмъ Магомета, присвоенный ему первоначальнымъ исполнителемъ роли, Лекеномъ. «Это очень хорошо было въ свое время», сказалъ Гнѣдичъ, «и лучше, нежели бы Лекенъ игралъ Магомета во Французскомъ кафтанѣ; но теперь, съ развитіемъ образованности, усовершенствованіями театральной сцены и сценическихъ принадлежностей, Турецкій костюмъ Магомета—такая же непростительная несообразность, какъ, еслибъ, слѣдуя прежнему обычаю, надѣть на Агамемнона огромный напудренный парикъ и затянуть Федру въ длинный корсетъ и фижмы».—«C'est incontestable», подхватилъ старый Французъ, засмѣявшись, «et pourtant j'ai bien vu de mes propres yeux m-lle Duclos jouer Électre avec une robe ronde à queue, des paniers et une coiffure à trois étages, poudrée et couronnée des fleurs; et pour vous dire tout, messieurs, c'est moi, qui lui avais fourni la robe». Мы померли со смѣху.

Въ театръ отправились мы вмѣстѣ съ Кобяковымъ и чуть-чуть не опоздали къ началу. Я очень удивился, когда, по поднятіи занавѣса, вмѣсто палатъ Зопировыхъ, увидѣлъ на сценѣ морской берегъ, мно-

жество народа въ древне-Ирландскихъ костюмахъ, Самойлова съ арфою въ рукахъ и Семенову на какомъ-то возвышеніи, окруженную толпою молодыхъ подругъ. «Петръ Николаевичъ, это что́ такое?»—«Это «Фингалъ».—«Но вѣдь назначенъ былъ «Магометъ»?—«Видно, перемѣнили спектакль по болѣзни кого-нибудь изъ актеровъ». И прекрасно! «Магометъ» впереди, а теперь посмотримъ на «Фингала», котораго я еще не видѣлъ. «Фингалъ», по мнѣнію Мерзлякова, трагедія плохая; онъ говорилъ—а ему можно вѣрить—что Озеровъ, какъ школьникъ, написавъ «Фингала» послѣ «Эдипа», спустился съ первой лавки на послѣднюю. Но я собственно интересовался не самою трагедіею, а игравшими въ ней Шушеринымъ, Яковлевымъ и Семеновою. Они всѣ трое играли хорошо; но изъ нихъ Шушеринъ лучше всѣхъ, потому что въ занимаемой имъ роли есть страсть, жажда мщенія, которою онъ могъ воспользоваться, чтобъ дать роли своей надлежащую физіономію; между тѣмъ, какъ изъ ролей Фингала и Моины, персонажей страдательныхъ и безцвѣтныхъ въ самой взаимной любви своей, едва ли что̀ можно было сдѣлать другое, кромѣ того, что́ сдѣлали Яковлевъ и Семенова, то-есть прекрасно читали прекрасные идиллическіе стихи и обворожали зрителей прелестью своей наружности. Въ самомъ дѣлѣ, Яковлевъ, въ роли Фингала, можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ художнику для картины. Это настоящій вождь Морвена: черты лица, станъ, походка, тѣлодвиженіе, голосъ—все было очаровательно въ этомъ баловнѣ природы. Что жъ касается до искусства его въ роли «Фингала», то мнѣ кажется, оно заключалось въ одномъ отсутствіи всякаго искусства: онъ игралъ съ одушевленіемъ и непринужденно, какъ и слѣдовало играть роль «добраго малаго» Фингала, который пороху не выдумалъ и котораго, по собственному его сознанію,

. . . Искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ...

но затѣмъ и баста. Впродолженіе всей пьесы я замѣтилъ одну только сцену, въ которой Яковлевъ былъ истинно-превосходенъ, потому что, видно, нашелъ ее достойною того, чтобъ надъ нею потрудиться. Это сцена спора, когда Фингалъ упрекаетъ Старна въ недобросовѣстности.

Царь, измѣняешь ли ты слову своему?

Коль намъ не вѣрить, царь, то вѣрить ли кому?

и затѣмъ отвѣтъ его на угрозу Старна: «Ты въ областяхъ моихъ!»—

Я здѣсь не въ первый разъ!

Это полустишіе сказано было Яковлевымъ съ такою энергіею, что у меня кровь прихлынула къ сердцу. За это полустишіе, которымъ онъ

увлекъ всю публику и отъ котораго застоналъ весь театръ, можно было простить геніальному актеру все его своенравіе въ исполненіи прочихъ частей роли Фингала.

Семенова, красавица Семенова, драгоцѣнная жемчужина нашего театра, Семенова имѣетъ все, чтобъ сдѣлаться одною изъ величайшихъ актрисъ своего времени; но исполнитъ ли она свое предназначеніе? Сохранитъ ли она ту постоянную любовь къ искусству, которая заставляетъ избранныхъ пренебрегать выгодами спокойной и роскошной жизни, чтобъ предаться неутомимымъ трудамъ для пріобрѣтенія нужныхъ познаній? Не слишкомъ ли рано нарядилась она въ бархатные капоты, облеклась въ Турецкія шали и украсилась разными дорогими погремушками? Сколько я отъ всѣхъ слышу, да и самъ частью испыталъ на репетиціи «Дмитрія Донскаго», когда она такъ грубо отпотчивала меня своимъ высокомѣрнымъ «чего-съ»? — въ ней недостаетъ образованности, простоты сердца и той душевной теплоты, которую Французы разумѣютъ подъ словомъ: aménité; а эти качества, за малымъ исключеніемъ, всегда бываютъ принадлежностью великихъ талантовъ. Семенова прекрасно сыграла Моину, безподобно играла Антигону и Ксенію; но этихъ ролей недостаточно, чтобъ положительно судить о рѣшительной будущности ея таланта. Эти роли могла играть она по внушенію другихъ: бывали же у насъ актрисы, которымъ, по безграмотству ихъ, начитывали роли, но которыя, однакожъ, имѣли успѣхъ, покамѣстъ не предоставляли ихъ самимъ себѣ. Милая Семенова, вы, безспорно, красавица, безспорно драгоцѣнная жемчужина нашего театра, и вами не безъ причины такъ восхищается вся публика; но скажите, отчего я, профанъ, не плачу, смотря на игру вашу, какъ обыкновенно плачу я по милости товарища вашего, Яковлева?...

Но время къ пѣвцу Фелицы, чтобъ до обѣда успѣть прочитать ему мою «Осень», или, скорѣе «Осень» мистриссъ Робинзонъ, которую передѣлалъ я на свой ладъ.

28 Апрѣля. Воскресенье. Вечеръ А. С. Хвостова не дается, какъ кладъ, и отложенъ опять до будущей Субботы, по внезапному нездоровью хозяина. Гаврила Романовичъ былъ очень доволенъ моею «Осенью», но замѣтилъ, что въ «Бардахъ» больше воображенія и силы. Разумѣется, такъ: въ этой небольшой поэмѣ столько такой разнообразной чухи, какой не отъищешь и въ сочиненіяхъ самого Семена Сергѣевича Боброва, сумбуротворца по преимуществу.

Сегодня у графа А. Н. Салтыкова по какому-то случаю танцовальная вечеринка. Молодая хозяйка любитъ повеселиться и потанцовать, и это очень естественно въ такой пригожей и любезной женщинѣ;

жаль только, что, за отсутствіемъ гвардіи, теперь въ городѣ мало хорошихъ танцоровъ, и чтобъ помочь горю, графъ Соллогубъ набираетъ изъ статскихъ «мастеровъ бальнаго дѣла»; но, кажется, наборъ не очень удается: всѣ заумничали и лѣзутъ въ серьезные дѣловые люди.

29 Апрѣля. Понедѣльникъ. Изъ Коллегіи ѣздилъ съ запоздалыми визитами: былъ у Ададуровыхъ и Воеводскихъ. Анна Ивановна пополнѣла, а Катерина Петровна, мнѣ кажется, еще болѣе похорошѣла. У первой засталъ оберъ-гофмейстера Тарсукова, свояка извѣстной Марьи Савичны Перекусихиной, первой и любимой камеръ-фрау императрицы Екатерины II-й. Онъ очень богатъ, и это состояніе наслѣдовала жена его послѣ смерти сестры. Говорятъ, что ей досталось однихъ только брильянтовъ и жемчуговъ на полмильйона. Анна Ивановна тоскуетъ о другѣ своемъ Протасовѣ, который находится въ походѣ вмѣстѣ съ полкомъ Конной Гвардіи. Понимаю это чувство: привычка—великое дѣло. Воеводская же разсказывала, что она не чувствуетъ ногъ подъ собою: протанцовала у графини Салтыковой цѣлую почти ночь и пріѣхала домой на разсвѣтѣ! Я совѣтовалъ ей беречь себя и красоту свою, которая отъ неумѣренныхъ танцевъ, и особенно отъ ночей, проведенныхъ безъ сна, пострадать можетъ. «А на что мнѣ красота?» возразила она: «я замужемъ и прельщать никого не намѣрена. Годомъ прежде, годомъ послѣ, а все же надо будетъ подурнѣть и состарѣться, по крайней мѣрѣ, пока время не ушло, напрыгаюсь и навеселюсь вдоволь, а тамъ и примусь за нравоученія своимъ дѣтямъ». Это въ своемъ родѣ тоже логика. Я спрашивалъ, справились ли съ кавалерами?—«Множество ихъ было», отвѣчала она, «и всякаго разбора ловкихъ и неловкихъ; но для меня все ровно, какіе эти господа ни были бы, лишь бы шаркали по паркету». Ну, и это дѣло, подумалъ я. Слѣдовательно, «Vous n'êtes pas pour les grands sentiments?» спросилъ я опять премилую хозяйку.—«Eh, mon Dieu, monsieur, je n'ai jamais étudié la métaphisique, et en vérité, je ne sais pas à quoi peuvent ils servir». Послѣ этой выходки для меня все стало ясно, какъ день, и я вышелъ отъ красавицы съ новыми познаніями въ физіологіи женщинъ. «Courte et bonne», говорятъ Французы; «kurz, aber lustig», повторяютъ Нѣмцы; а какой смыслъ дать этимъ фразамъ на Русскомъ языкѣ—я еще не придумалъ.

30 Апрѣля, Вторникъ. Забывъ, что мой Гасконецъ католическаго исповѣданія и что онъ не можетъ быть сегодня имянинникомъ, я пришелъ поздравить его, какъ водится, со днемъ ангела, и принесъ ему большую банку варенья полевой клубники, здѣсь малоизвѣстнаго, ко-

торое такъ ему нравилось въ Липецкѣ. Старикъ очень обрадовался вниманію моему, а также, думаю, и варенью, и тотчасъ спряталъ его въ свой кабинетный шкапъ, объявивъ дочерямъ и внучкѣ, что имъ не удастся отвѣдать изъ него ни ягодки; а барышни напустились на меня, зачѣмъ я не отдалъ этого варенья имъ, потому что старикъ въ одинъ день *все* съѣстъ и послѣ отъ того занеможетъ. «Comme si vous ne connaisez pas notre cher papa!» Но дѣлать было нечего: подслужился не въ попадъ.

Лабаты танцовали также третьяго дня у графини Салтыковой и разсказывали о подвигахъ Катерины Петровны: «Croyez vous, говорили онѣ, qu'elle n'a pas quitté le parquet depuis 10 heures du soir jusqu'à 5 heures du matin, et puis toujours gaie, prévenante et aimable. En vérité, c'est un ange.» Я объявилъ, что вчера провелъ у нея больше часу, и пересказалъ имъ весь нашъ разговоръ. «Oui, oui, подхватили онѣ, c'est elle - même, ни лучше ни хуже, какъ ее создалъ Богъ». Я оставилъ ихъ въ этихъ мысляхъ и не договорилъ того, чтò я думаю.

1 Мая Среда. Екатерингофское гулянье въ сравненіи съ Сокольницкимъ тоже, чтó здѣшняя толкотня въ Лазареву субботу по линіи Гостиннаго двора въ сравненіи съ гуляньемъ на Красной площади въ Москвѣ: узко, тѣсно, бѣдно и неуклюже. Нарядныхъ экипажей и охотничьихъ упряжекъ нѣтъ, а о богатыхъ барскихъ палаткахъ, которыя бы служили сборнымъ мѣстомъ для лучшаго общества, какъ это бываетъ въ Сокольникахъ—нѣтъ и помину. Вмѣсто трехъ-четырехъ таборовъ удалыхъ Цыганъ, вмѣсто нѣсколькихъ отличныхъ хоровъ Русскихъ пѣсенниковъ и роговой музыки, разставленныхъ тамъ и сямъ по Сокольничей рощѣ на полянкахъ, ближайшихъ къ дорогѣ, по которой движутся ряды экипажей, въ Екатерингофѣ красуются однѣ питейныя выставки, около которыхъ толпится народъ, а по мѣстамъ сѣрѣютъ запачканные парусинные навѣсы и полупалатки—пріютъ самоварниковъ; при нѣкоторыхъ изъ этихъ походныхъ трактировъ поются пѣсни и слышится по временамъ рожокъ или кларнетъ; но хриплые, давленные голоса и сиплый дребезжащій звукъ вполовину расколотаго инструмента отнимаютъ охоту наслаждаться такою музыкою.

Пробираясь лѣсомъ все далѣ и далѣ, мы наконецъ пришли къ деревушкѣ, состоящей изъ ряда небольшихъ однофасадныхъ домишекъ въ три окошка на улицу. Эта деревушка называется Екатерингофскою Слободкою и, кажется, есть le nec-plus-ultra гулянья, потому что вереница экипажей отъ нея поворачивала въ обратный путь. Всѣ окна въ домишкахъ были отворены настежъ, и проходящіе могли видѣть все, чтò происходило въ комнатахъ; а происходило въ нихъ то, чтò боль-

шею частью происходитъ у хозяевъ, угощающихъ пріятелей, наѣхавшихъ къ нимъ по случаю гулянья, то-есть попойка. Проходя мимо одного домишка, вросшаго почти въ землю, я вдругъ увидѣлъ предлинную и прехудощавую фигуру, которая, высунувшись изъ окна, схватила безъ церемоніи за воротникъ друга и вожатаго моего Кобякова и съ громкимъ восклицаніемъ: sta viator! потащила его къ себѣ въ окошко, приговаривая: «такъ-то пріятель, мимо проходишь, къ намъ не заходишь; все бы тебѣ къ актерамъ да актрисамъ; нѣтъ, любезный, теперь не вывернешься».—«И радъ бы, Левонтій Герасимычъ, да нельзя, я не одинъ», пропищалъ мой Кобяковъ».—«Съ кѣмъ же ты? Съ актёромъ что ли какимъ?»—«Нѣтъ, съ землякомъ, который недавно здѣсь и въ коллегіи служитъ».—«Такъ и его проси».—«Да онъ, можетъ, не пойдетъ».—«Ну такъ притащи его», и вдругъ, оборотясь ко мнѣ, Левонтій Герасимычъ закричалъ: «Гей, милостивый государь, какъ ваше имя и отечество—не знаю, покорнѣйше прошу сдѣлать мнѣ честь пожаловать на стаканъ пуншу; не то, я земляка вашего задушу». Видя, что народъ собирается около насъ и опасаясь скандалу, я рѣшился идти на выручку Кобякова, у котораго такіе пріятные и безцеремонные знакомцы, и сказалъ, что зайду съ удовольствіемъ. Услышавъ это, Левонтій Герасимычъ ослабилъ желѣзную свою лапу и освободилъ моего карапузика.

Мы вошли въ комнату. Съ полдюжины гостей сидѣли развалившись кто на софѣ, кто на креслахъ, и потягивали пуншикъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ баринъ, довольно плотный, съ краснымъ угреватымъ лицомъ, въ синемъ, выложенномъ черными шнурками казакинѣ, шелковомъ, пестромъ, канареечнаго цвѣта жилетѣ и широкихъ плисовыхъ шарварахъ, который брянчалъ на какой-то балалайкѣ особенной конструкціи, припѣвая себѣ подъ носъ. Всѣ пальцы пухлой руки его изукрашены были кольцами и перстнями разныхъ величинъ и фасоновъ. «Это знаменитый Хруновъ», шепнулъ мнѣ Кобяковъ, какъ бы желая пріятно удивить меня.—«Кто Хруновъ: хозяинъ или баринъ съ балалайкою?»—«Баринъ съ балалайкой».—«Чѣмъ же знаменитъ онъ?»—«А вотъ увидишь».

Между тѣмъ долговязый хозяинъ явился съ нѣсколькими стаканами горячаго пуншу и прямо къ намъ: «милости просимъ выкушать!» Товарищъ мой схватилъ стаканъ, но я попросилъ увольненія, потому что неохотно пью пуншъ, да и запахъ родимой горѣлки какъ-то непріятно подѣйствовалъ на мое обоняніе. «Отчего же вы не пьете?»—«Признаюсь, не люблю».—«Не хотите ли мадеры?»—«Нѣтъ, благодарю покорно»—«Да впрочемъ мадеры-то у меня и нѣтъ; не хотите ли лучше Шампанскаго?»—«Извините; что-то не хочется».—«У меня и

Шампанскаго нѣтъ; но можетъ быть вы любите сладкіе напитки, малагу напримѣръ?» — «За обѣдомъ иногда пью». — «Ну и малаги нѣтъ у меня. Чѣмъ же просить васъ?— «Не безпокойтесь: право, ничего не хочется». — «Да надобно же выпить что-нибудь». Тутъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу и какъ бы спохватившись: «Знаете ли», сказалъ онъ, «у меня есть отличный квасъ: не выпить ли квасу?» —Квасу выпью съ большимъ удовольствіемъ», отвѣчалъ я: «это мой обыкновенный напитокъ». И вотъ услужливый хозяинъ мой побѣжалъ за квасомъ, но чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ извиненіемъ, что квасъ весь вышелъ, но за то есть свѣжая колодезная вода, которую многіе предпочитаютъ Невской, и потому онъ совѣтуетъ мнѣ выпить хоть воды. Разумѣется, я согласился на воду, едва-едва удерживаясь отъ смѣха.

Обнеся собесѣдниковъ пуншемъ, Левонтій Герасимычъ обратился къ «знаменитому», по словамъ Кобякова, Хрунову съ просьбою потѣшить новоприбывшихъ гостей пѣсенкою. «Ужъ не откажите, Матвѣй Григорьевичъ, не откажите; вѣдь не часто намъ выдаются аказіи васъ послушать». — «Почему жъ и не такъ?» отвѣчалъ Хруновъ очень самодовольно, «насъ достанетъ для всѣхъ: для васъ и для вашего частнаго пристава, у котораго сегодня, послѣ гулянья, я долженъ быть на *банкетъ*». И вотъ «знаменитый» Хруновъ, ударивъ по струнамъ своей балалайки такъ сильно, что онѣ чуть не лопнули, запѣлъ знакомую пѣсню «Барыня, барыня», но съ припѣвами, какъ видно, собственнаго сочиненія и такими оригинальными приговорками, что невольно заставилъ насъ внимательно его слушать. Сначала игралъ и пѣлъ онъ довольно тихо, но по мѣрѣ того, какъ входилъ, по выраженію хозяина, «въ пассію», игра его, пѣніе и поговорки становились все бойчѣе и бойчѣе, такъ что, подъ конецъ, онъ, вскочивъ съ креселъ, началъ сперва притопывать ногою въ кадансъ и потомъ, постепенно оживляясь, какъ шаманъ, пустился изъ всей мочи въ плясъ, приговаривая на виршахъ всякій вздоръ о себѣ и о другихъ, какой только только могъ ему прійдти въ голову:

А Хруновъ, сударь, Хруновъ
Изъ числа большихъ вруновъ.
Барыня, барыня!
У Хрунова ни гроша,
За то слава хороша.
Барыня, барыня!
У Хрунова нѣтъ родни:
Лишь Измайловцы одни.
Барыня, барыня!

Между тѣмъ начинало смеркаться, и меня подмывало домой. Я напомнилъ товарищу, что въ гостяхъ какъ ни хорошо, а дома лучше,

и звалъ его въ обратный путь; но хозяинъ, замѣтивъ наши сборы, предложилъ закуску. «Вѣдь надобно же закусить на дорогу: котлетку, напримѣръ, или цыплёночка — что́ полегче; правда, котлетъ у меня не стряпаютъ, да и цыплятъ нѣтъ; за то есть славная колбаса и жареный глухарь: покорнѣйше прошу, сейчасъ подадутъ». Но я на этотъ разъ остался глухъ къ приглашенію и, несмотря на явное желаніе Кобякова отвѣдать колбасы и глухаря, увелъ его отъ оригинальнаго обитателя Екатерингофской Слободки.

Дорогою Кобяковъ разсказалъ мнѣ, что титулярный совѣтникъ Левонтій Гарасимычъ Максютинъ — его сослуживецъ и занимаетъ должность столоначальника въ Военной Коллегіи; что онъ очень любимъ начальствомъ за свою дѣятельность и, сверхъ жалованья, получаетъ ежегодное награжденье. «Человѣкъ очень хорошій», прибавилъ Кобяковъ, «но престрашный чудакъ. Недавно женился на мѣщанкѣ, дочери лавочника, которая принесла ему въ приданое тотъ самый домишко, гдѣ онъ угощалъ насъ, и тысячъ пять рублей деньгами. Вотъ ему теперь и чортъ не братъ». «Ну, а Хруновъ что̀ за птица?» — «Хруновъ, нетолько пѣвецъ и плясунъ, но и главный полковой актёръ, отличавшійся въ роли Самозванца [1]). Онъ изъ солдатскихъ дѣтей, служилъ унтеръ-офицеромъ въ Измайловскомъ полку, теперь въ отставкѣ; поетъ, пляшетъ и составляетъ необходимую принадлежность вечеринокъ офицеровъ Измайловскаго полка, и даже самого шефа этого полка, генерала Малютина [2]). Малой разбитной: его весело слушать».

Я не хотѣлъ возражать, потому что о вкусахъ не спорятъ.

3 Мая, Пятница. Борисъ Ильичъ пригласилъ меня вчера на взморье поохотиться на утокъ. Я согласился единственно изъ любопытства и отъ нечего дѣлать, вовсе не считая на потѣшную охоту и не полагая, по словамъ самого Бориса Ильича, найдти много дичи около береговъ Финскаго залива. «Таскаешься, таскаешься цѣлый день, да и убьешь чирка», сказалъ онъ мнѣ еще прошедшею зимою. Однакожъ, на мое счастье, мы охотились довольно удачно: убили нѣсколько паръ разной дичи и поймали тюленя, а главное, время провели не скучно.

[1]) Полковые спектакли на святкахъ и на масляницѣ бывали очень любопытны. Обыкновенно игрались трагедіи и, чаще другихъ, „Дмитрій Самозванецъ“ — пьеса преимущественно любимая солдатами. Въ ней можно было встрѣтить иногда Ксенію съ усами и Георгія двухъ аршинъ тринадцати вершковъ ростомъ.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Малютинъ и шефъ лейбъ-гусарскаго полка Андрей Семеновичъ Кологривовъ, были извѣстные bons vivants въ Русскомъ духѣ. Въ тогдашнее время о нихъ говорили: „кто у Малютина пообѣдаетъ, а у Кологривова поужинаетъ и къ утру не умрётъ, тотъ два вѣка проживетъ“. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Послѣ простаго, но сытнаго обѣда у добраго казначея, мы сѣли въ коллежскій катеръ, запасшись графинчикомъ водки, нѣсколькими бутылками квасу и холодною закускою, и отправились изъ коллежскаго дома, по теченью Невы. Обогнувъ Васильевскій островъ и миновавъ Вольные и Крестовскій острова, гребцы наши поставили парусъ и не болѣе какъ въ часъ времени достигли того мѣста на берегу залива, гдѣ обыкновенно останавливается Борисъ Ильичъ для охоты и гдѣ построилъ онъ на свой счетъ шалашъ, стоившій ему «около семи рублей». По выходѣ изъ катера, мы прошли сажень двѣсти вдоль по берегу и засѣли въ кустахъ ожидать приближенья въ намъ утокъ, которыхъ множество плавало по заливу, но такъ далеко, что выстрѣлы наши долетѣть до нихъ не могли, и, вѣроятно, пришлось бы намъ долго дожидаться ихъ приближенья, еслибъ, по счастью, другіе охотники, разъѣзжавшіе на лодкахъ и ельботахъ по взморью, выстрѣлами своими не прогнали птицъ подъ самые наши выстрѣлы. Я убилъ двухъ утокъ, а Борисъ Ильичъ и одинъ изъ гребцовъ застрѣлили по одной. Бывшая съ нами лягавая собака очень ловко перетаскала ихъ изъ воды на берегъ; но тутъ между нами возникло недоразумѣнье. Въ числѣ четырехъ убитыхъ птицъ находилось два нырка, которыми пренебрегаютъ охотники по ихъ отвратительному рыбному запаху; кто убилъ этихъ нырковъ, по которымъ добрые охотники даже и не стрѣляютъ? Разумѣется, вся вина пала на меня, потому что, видишь, я «не здѣшній, и Петербургская орнитологія мнѣ незнакома»; а такъ какъ для меня это было совершенно все равно, то я охотно и согласился быть виноватымъ. Вскорѣ поднялась еще ватага утокъ со взморья и пролетѣла почти надъ нашими головами; мы дали залпъ, и еще три птицы повалились къ ногамъ нашимъ—всѣ онѣ были хорошаго сорта. Возвращаясь изъ нашей засады къ катеру, Борисъ Ильичъ, къ великому своему удовольствію, застрѣлилъ пару куличковъ, а я дрозда, который, на бѣду свою, порхалъ надъ кустарникомъ.

На обратномъ пути, замѣтивъ, что у одного изъ заколовъ на взморьѣ стоялъ катеръ и закидывалась тоня, мы подъѣхали къ нему, любопытствуя узнать, начался ли уловъ лососей, какъ вдругъ съ плота послышался голосъ: «Это вы, Борисъ Ильичъ? Откуда?» — «А! это вы, Матвѣй Григорьевичъ? Вы какъ здѣсь очутились?» — «Да вотъ видите: плотно пообѣдали и трохи подгуляли, такъ пріѣхали поосвѣжиться. Вы съ охоты?» — «Съ охоты и довольно счастливой: парочкой уточекъ и вамъ служить будемъ».— «Благодаримъ на пріязни; а вотъ мы четвертую закидываемъ—ни малявки». — «Такъ и быть должно: лососкамъ пора еще не пришла».— «Да выйдьте къ намъ, Борисъ Ильичъ, на стаканчикъ шампанеи. Кто тамъ еще съ вами?» — «Пріятель сослуживецъ;

я сегодня охотился его счастьемъ».—«Ну такъ милости просимъ; авось его счастьемъ и намъ попадется что-нибудь».

Мы взошли на заколъ; намъ тотчасъ же поднесли по стакану Шампанскаго и подали въ корзинѣ хлѣба, сыру и ветчины для закуски. Вечеръ былъ тихій и ясный. Все взморье представляло видъ огромнаго, гладкаго зеркала. Не умѣю выразить, какъ подѣйствовало на меня это очаровательное однообразіе необозримой массы водъ и эта, ничѣмъ почти невозмущаемая, тишина. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть такую картину... «А что́, Борисъ Ильичъ, не закинуть-ли намъ тоню на счастье вашего сослуживца?» сказалъ Матвѣй Григорьевичъ, и потомъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ: «позволите?» Я отвѣчалъ, что готовъ подѣлиться съ нимъ своимъ счастьемъ, но прежде желалъ бы испытать самъ удачи и закинуть тоню собственно для себя. «Ну, такъ съ Богомъ! Прежде вамъ, а послѣ намъ».

Между тѣмъ рыбаки вытащили закинутую уже тоню, въ которой ничего не нашлось, кромѣ двухъ или трехъ мелкихъ корюшекъ, и немедля стали завозить неводъ для меня. Покамѣстъ продолжалась эта завозка, Матвѣй Григорьевичъ подчивалъ опять Шампанскимъ, до котораго, кажется, былъ большой охотникъ, и наконецъ, приказалъ поставить самоваръ, спросивъ предварительно: «не позабыли ли взять съ собою рому?»—«Все есть», откликнулся бойкій малый лѣтъ двадцати: «и ромъ, и водка; ничего не забыли».—«Инъ ладно!»

Но вотъ рыбаки начали выбирать на плотъ мою тоню и что-то перешептываться между собою. Я спросилъ ихъ, о чемъ говорятъ они. «Да что-то не въ мѣру тягостно. Лососкамъ лову большаго нѣтъ: попадется одинъ, много два; думаемъ: не осетръ ли?» Услышавъ объ осетрѣ, всѣ бросились къ неводу и съ любопытствомъ стали ожидать выгрузки матни съ возвѣщеннымъ осетромъ. Однакожъ, общія ожиданія не сбылись, и «на счастье» мое вытащена была не красная рыба, а сѣрый, прежирный тюлень.

Всѣ захохотали, но я вовсе не тужилъ: вопервыхъ, я радъ былъ случаю увидѣть тюленя, о которомъ только по картинкамъ имѣлъ нѣкоторое понятіе; а вовторыхъ, хотя бы и осетръ былъ пойманъ, то все же онъ, по принятому правилу, долженъ былъ принадлежать не мнѣ, а хозяину закола.

Послѣдняя закинутая тоня была на мое счастье, но въ пользу Матвѣя Григорьевича, и на этотъ разъ онъ не имѣлъ причины жаловаться на неудачу: вытащили довольно разной рыбы, сиговъ, окуней, ершей и, между прочимъ, двухъ угрей, которыхъ я также прежде не видывалъ. Старые пріятели раздѣлили тоню между собою и, послѣ двухъ-трехъ стакановъ пунша, мы отправились по домамъ, потому что былъ уже первый часъ ночи.

Дорогой спросилъ я Бориса Ильича, кто такой этотъ Матвѣй Григорьевичъ и съ кѣмъ онъ былъ на тонѣ. «Это извѣстный Валежниковъ», отвѣчалъ онъ, «имѣющій дѣла съ Коммиссаріатомъ и Провіантскимъ Департаментомъ, большой пріятель Перетца; а товарищи его, кажется, коммиссаріатскіе или провіантскіе чиновники; онъ человѣкъ очень хорошій и знаетъ свое дѣло».—«А кто жъ такой Перетцъ?»—«Перетцъ, богатый Еврей, у котораго огромныя дѣла по разнымъ откупамъ и подрядамъ, и особенно по перевозкѣ и поставкѣ соли въ казенные магазины».— «Ну, подумалъ я, «это долженъ быть именно тотъ, о которомъ говорятъ: «гдѣ соль, тутъ и перецъ».

4 Мая, Суббота. Сейчасъ отъ Александра Львовича. Удивительный человѣкъ! Съ нимъ время проходитъ незамѣтно. Засталъ у него Бантыша-Каменскаго*), обыкновеннаго его спутника въ утреннихъ прогулкахъ, и плѣшиваго Константинова, который считается послѣднею отраслью великаго Ломоносова. Александръ Львовичъ сѣтовалъ, что нынѣшній годъ корабли съ устрицами опоздали, потому что Нева вскрылась слишкомъ поздно. «Да ужъ мнѣ эта Нева'» подхватилъ Константиновъ; «я проигралъ въ Англійскомъ Клубѣ два заклада на нее проклятую; осенью держалъ пари, что она станетъ не прежде 4-го Ноября, а ныньче, великимъ постомъ, что вскроется прежде 20-го Апрѣля, и, къ несчастью, не случилось ни того, ни другаго. Кто жъ могъ предвидѣть, что эта капризница въ первомъ случаѣ поспѣшитъ, а въ другомъ опоздаетъ? Я такъ несчастливъ, что, на бѣду мою, измѣняются и самые законы природы».

Вскорѣ пріѣхалъ Павелъ Михайловичъ Арсеньевъ, поклонникъ Крюковскаго, и сталъ увѣрять при всѣхъ, что его трагедія «Пожарскій», которая будетъ представлена на театрѣ въ концѣ этого мѣсяца, первая трагедія въ свѣтѣ. Не кстати было возражать ему, а признаюсь сердце порывалось на споръ; потому что Павелъ Михайловичъ, хотя и добрый человѣкъ, но городитъ ахинею, какъ пьяный школьникъ.

Александръ Львовичъ сказалъ мнѣ: «Je crois que vous êtes accablé d'affaires au Collège». Я отвѣчалъ, что по службѣ рѣшительно никакого дѣла нѣтъ, но занимаюсь литературою, а иногда хожу въ театръ, и, еслибъ позволялъ карманъ, то ходилъ бы ежедневно. Это замѣтилъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, что не вызовется ли онъ предложить мнѣ даровой входъ въ театръ на порожнія мѣста; но его высокопревосходительство догадаться не изволилъ.

*) Это былъ, кажется братъ, историка, Дмитрія Николаевича, позднѣе близкій человѣкъ князю А. Н. Голицыну, котораго Пушкинъ въ извѣстныхъ стихахъ назвалъ „покровителемъ Бантыша“. П. Б.

Сегодня очередной вечеръ Хвостова. Удивляюсь, какъ онъ опять по какому-нибудь случаю не отказанъ. Не знаю, какіе стихи заставитъ меня читать Гаврила Романовичъ: «Барды» или «Осень». Ему нравятся «Барды», но мнѣ они вовсе не по душѣ и, право, совѣстно читать ихъ; а дѣлать нечего: самъ кругомъ виноватъ.

3 Мая, Воскресенье. Вчерашній литературный вечеръ А. С. Хвостова былъ послѣднимъ изъ литературныхъ вечеровъ, и до осени ихъ болѣе не будетъ. Гаврила Романовичъ уѣзжаетъ въ свою Званку, на берега Волхова, и хочетъ, на досугѣ, заняться стихотворнымъ описаніемъ сельской своей жизни. «Лира мнѣ больше не по силамъ», говоритъ: «хочу приняться за цѣвницу». Но, кажется, что онъ только такъ говоритъ, а думаетъ иначе, и при первомъ случаѣ не утерпитъ, чтобъ опять не приняться за оду: какъ бы человѣкъ въ силахъ ни ослабѣлъ, онъ не можетъ идти наперекоръ своему призванію. «Chassez le naturel, il revient au galop».

Я нѣсколько опоздалъ къ чтенію и вошелъ въ гостиную, когда оно уже началось. А. С. Шишковъ читалъ какую-то дѣтскую повѣсть, одну изъ многихъ, приготовленныхъ имъ къ изданію и составляющихъ продолженіе къ изданнымъ уже имъ въ прошедшемъ году. Разумѣется, не было конца похваламъ повѣсти, а еще болѣе намѣренью автора; послѣднее точно стóитъ добраго ему спасиба отъ всѣхъ честныхъ людей. Каково бы ни было достоинство повѣсти въ литературномъ отношеніи, о которомъ, впрочемъ, я ничего сказать не могу, потому что слышалъ ее только вполовину, но, признаюсь, нельзя было безъ особаго уваженія смотрѣть на этого почтеннаго человѣка, который съ такою любовью посвящаетъ труды свои дѣтямъ.

За этимъ князь Шихматовъ читалъ свое подражаніе восьмой сатирѣ Буало [1]). Всѣ удивлялись, что Шихматовъ вдругъ сдѣлался сатирикомъ, потому что этотъ родъ поэзіи несвойственъ его таланту. Однакожъ, сатира его имѣетъ свои достоинства и по мыслямъ, и по языку. Преудивительный человѣкъ этотъ Шихматовъ! Какъ я ни вслушивался въ риѳмы, но не могъ замѣтить ни одного стиха, оканчивающагося глаголомъ. Особый даръ и особая сила слова [2])!

[1]) De tous les animaux qui s'élevent dans l'air
Qui marchent sur la terre ou nagent dans la mer, и проч.

[2]) Такъ прежде казалось автору „Дневника", и онъ сознается, что удивленіе его было безотчетно и неосновательно. Это литературный фокусъ-покусъ, одна побѣжденная трудность и не заключаетъ въ себѣ большаго достоинства. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

Нынче, видно, мода на сатиры; вотъ ужъ четвертая, которую удается мнѣ слышать: Горчакова, Шаховскаго, Марина и, наконецъ, Шихматова.

Послѣ чаю Крыловъ попотчивалъ насъ баснею: «Медвѣдь и Пустынникъ». Это переводъ изъ Лафонтена; но какой переводъ, прелесть! Сто́итъ оригинала. Медвѣдь у него совершенно живой:

. Завидя муху,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу
И думаетъ: постой, вотъ я тебя, воструху!

А какъ читаетъ этотъ Крыловъ! Внятно, просто, безъ всякихъ вычуръ и, между тѣмъ, съ необыкновенною выразительностью; всякій стихъ такъ и врѣзывается въ память. Послѣ него, право, и читать совѣстно.

Собесѣдники дѣлали ему множество комплиментовъ и, между прочимъ, чрезвычайно хвалили комедію его «Урокъ Дочкамъ». Лабзинъ замѣтилъ, что, кромѣ нравственной цѣли, которую Крыловъ умѣлъ развить съ такимъ искусствомъ въ своей комедіи, въ ней, какъ въ пьесахъ Мольера, есть величайшее достоинство *совершеннаго отсутствія самого автора*, и что̀ онъ умѣлъ избѣжать этого нестерпимаго притязанья нашихъ комиковъ на острословіе, которымъ они желаютъ выказываться сами, тогда какъ надобно выказывать характеры своихъ персонажей. «Жаль одного», сказалъ онъ, «что комедія, «Урокъ Дочкамъ», не написана стихами; тогда была бы она еще совершеннѣе».

«А почему жъ бы она была совершеннѣе?» возразилъ прозаикъ И. С. Захаровъ. «Ничего не бывало: эта комедія, хотя она и въ одномъ дѣйствіи, имѣетъ всѣ достоинства des pièces de caractère и легко обойдется безъ стиховъ, которыми нужно только скрашивать les pièces de circonstance, по ничтожности ихъ содержанія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ».

«А потому», подхватилъ Карабановъ, «что острое слово въ стихахъ скорѣе врѣзывается въ память, и поступки людей разительнѣе представляются въ стихахъ, нежели въ прозѣ».

«Избави насъ Богъ», сказалъ Шишковъ, «отъ острословія въ комедіяхъ, которое годится только для эпиграммъ. Надобно, чтобъ комедія возбуждала смѣхъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а не остротами. Возьмемъ въ примѣръ хоть бы сцену изъ «Модной Лавки» Ивана Андреича, когда провинціалъ-мужъ находитъ въ шкапу моднаго магазина, вмѣсто предполагаемой въ немъ контрабанды, старуху, жену свою: въ этой сценѣ нѣтъ ни одной остроты, а она заставляетъ хохотать отъ всей души. Но вотъ и другой примѣръ. Въ первой сценѣ

комедіи Павла Иваныча Сумарокова «Деревенскій въ столицѣ», которую онъ читалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, слуга, на замѣчаніе помѣщика, что Петербургъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ они его не видѣли, отвѣчаетъ: «И сколько желтыхъ домовъ, не пересчитаешь!» Вотъ, пожалуй, и острота, а смѣха не производитъ».

Наконецъ, заставили читать меня. Гаврилѣ Романовичу хотѣлось, чтобъ я прочиталъ «Бардовъ»; но я извинился, что наизустъ ихъ не знаю, и прочиталъ «Осень», однакожъ, не безъ робости На диванѣ, противъ меня, сидѣлъ человѣкъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ— пожилой генералъ съ двумя звѣздами, съ живой, умной физіономіей и насмѣшливой улыбкой. Это былъ извѣстный острякъ и знаменитый разскащикъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, пріѣхавшій къ хозяину невзначай и, кажется, очень довольный тѣмъ, что нашелъ у него литературное собраніе. Львовъ устремилъ на меня выразительный взглядъ и заставилъ сконфузиться. Я читалъ плохо, спѣшилъ и заикался, однакожъ стихи мои, кажется, понравились; впрочемъ, мудрено было бы имъ и не понравиться послѣ такихъ стихотвореній, каковы, напримѣръ: «Къ Трубочкѣ», «Къ Пѣночкѣ», «Видѣніе», «Къ Честану» и проч.; въ моихъ, по крайней мѣрѣ, есть воображеніе, чувство и чистота слога [1]. Да здравствуетъ Москва!

Генералъ Львовъ спросилъ меня, не родня ли мнѣ бывшій Вятскій губернаторъ Ж.? Я отвѣчалъ, что онъ родной мнѣ дѣдъ и, сверхъ того, крестный отецъ. «Такъ было бы вамъ извѣстно, что я знавалъ его въ моей молодости, когда онъ былъ полковникомъ и командовалъ полкомъ. А слыхали ли вы когда-нибудь объ управленіи его Вятскою губерніею, и какимъ образомъ заставилъ онъ Вятскихъ лекарей оживить умершую купчиху?» Я объявилъ, что кое-что о томъ слышалъ отъ Николая Петровича Архарова [2]. «Прекурьёзная исторія!» подхватилъ Гаврила Романовичъ; «я былъ друженъ съ дѣдомъ С. П. въ бытность мою губернаторомъ въ Тамбовѣ и слышалъ объ этомъ происшествіи отъ него самого. Рѣшительный былъ человѣкъ!».

За ужиномъ Сергѣй Лаврентьевичъ не истощался въ разсказахъ, и еслибъ у меня память была вдвое лучше, то и тогда бы я не могъ запомнить половины того, что́ говорилъ этотъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенно краснорѣчивый и острый старикъ. То разъяснялъ онъ нѣкоторыя событія своего времени, загадочныя для насъ; то разсказывалъ о такихъ любопытныхъ происшествіяхъ въ арміи при фельдмар-

[1]) Авторъ „Дневника" проситъ извиненія за нескромность юноши, но поправлять не намѣренъ: еже писахъ, писахъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) „Дневникъ Студента", 25 Іюля 1805.

шалахъ графѣ Румянцовѣ и князѣ Потемкинѣ, о которыхъ никто и не слыхивалъ; то забавлялъ анекдотами о причинѣ возвышенія при дворѣ многихъ извѣстныхъ людей и непріязненныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они бывали между собою, и все это пересыпалъ онъ своими замѣчаніями, чрезвычайно забавными, такъ что умѣлъ расшевелить самихъ Державина и Шишкова, которые, кажется, отъ роду своего не смѣялись такъ отъ чистаго сердца.

Между прочимъ, на вопросъ Шишкова, что́ побудило его отважиться на опасность воздушнаго путешествія съ Гарнереномъ, Львовъ объяснилъ, что, кромѣ желанія испытать свои нервы, другаго побужденія къ тому не было. «Я бывалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ», сказалъ онъ, «большихъ и малыхъ, видѣлъ непріятеля лицомъ къ лицу и никогда не чувствовалъ, чтобъ у меня забилось сердце. Я игралъ въ карты, проигрывалъ все, до послѣдняго гроша, не зная, чѣмъ завтра существовать буду, и оставался также покоенъ, какъ бы имѣя мильонъ за пазухою. Наконецъ, вздумалось мнѣ влюбиться въ одну красавицу Полячку, которая, казалось, была отъ меня безъ памяти, но въ самомъ дѣлѣ безбожно обманывала меня для одного Венгерскаго офицера; я узналъ объ измѣнѣ со всѣми гнусными ея подробностями— и мнѣ стало смѣшно. Какъ же, думалъ я, дожить до шестидесяти лѣтъ и не испытать въ жизни ни одного сильнаго ощущенія! Если оно не далось мнѣ на землѣ, дай поищу его за облаками: вотъ я и полетѣлъ. Но за предѣлами нашей атмосферы я не ощутилъ ничего, кромѣ тумана и сырости; немного продрогъ—вотъ и все».

Чиновникъ Невѣдомскій, хромой піита, надъ которымъ безпрестанно подтрунивали товарищи, называя его піитомъ-Вулканомъ, получилъ неожиданно, по протекціи И. С. Захарова, мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и содержаніемъ. По этому случаю онъ написалъ басню: «Калѣка и Скороходы» и, напечатавъ ее въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, разослалъ по своимъ сослуживцамъ. Эта басня, въ родѣ басенъ графа Хвостова, оканчивается слѣдующимъ нравоученіемъ:

Кому помощникъ Богъ,
Того ничто не отстронитъ,
И будь онъ хоть совсѣмъ безъ ногъ,
А все другаго перегонитъ.

Захаровъ находитъ, что басня очень хороша.

6 Мая, Понедѣльникъ. Сегодня былъ на первой репетиціи «Пожарскаго» на сценѣ. Авторъ сидѣлъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и Дмитревскимъ и что-то очень былъ не въ духѣ. Яковлевъ не игралъ, а говорилъ, а Шушеринъ даже и не говорилъ, но бормоталъ себѣ подъ носъ. Одна Каратыгина читала свою роль какъ слѣдуетъ, хотя

тихо, но со всѣми измѣненіями голоса. Георгія играетъ воспитанникъ Сосницкій, прекрасный мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Эта репетиція только для того, чтобъ актеры узнали мѣста свои, равно входы и выходы на сцену и со сцены.

По милости Дмитревскаго, я познакомился съ княземъ Шаховскимъ. Онъ безъ церемоніи приглашалъ меня къ себѣ, сказавъ, что всякій вечеръ бываетъ дома и что я ежедневно найду у него когонибудь изъ литераторовъ и, между прочимъ, Крылова, который живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ и даже стѣна-объ-стѣну. Князь Шаховской толстъ и неуклюжъ, однакожъ ходитъ проворно. Вся фигура его очень оригинальна, но всего оригинальнѣе носъ и маленькіе живые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ; говоритъ скоро, пришепётывая и, судя по тому, чтó говоритъ, надобно полагать, что любитъ подсмѣяться. Не понимаю, какъ онъ можетъ съ своею фигурою и своимъ произношеніемъ преподавать правила трагической декламаціи: ученики его должны во время уроковъ помирать со смѣху.

7 Мая, Вторникъ. Заходилъ мой добрый хозяинъ Торсбергъ уговаривать меня остаться у него въ домѣ, какъ будто бы мнѣ самому этого не хотѣлось, и я переѣзжаю изъ каприза. Какъ быть! Съ силою обстоятельствъ не сладишь. Квартира, которую приготовили для меня услужливые Харламовы, вовсе не по моему вкусу: шесть комнатъ, изъ которыхъ одна большая зала съ балкономъ; половину этихъ комнатъ, неопрятныхъ и даже грязныхъ, съ ветхимъ поломъ и дребезжащими окончинами, я долженъ буду запереть, потому что мебели у меня недостаточно, а покупать ее не на чтó. Впрочемъ, унывать нечего: все впереди! Еслибъ случилась скоро оказія, пришли мнѣ одного изъ Дураковъ моихъ. Я никогда не чувствовалъ такой нужды въ товарищѣ, какъ теперь, и буду ждать его съ нетерпѣніемъ.

9 Мая, Четвергъ. Вчера вечеромъ я былъ у князя Шаховскаго. Онъ живетъ у Синяго Моста, въ домѣ Гуноропуло, на углу Большой Морской. Меня встрѣтилъ высокій лакей, довольно засаленный, котораго, какъ я послѣ узналъ, зовутъ, Макаромъ. «Дóма ли князь?» — «Никакъ нѣтъ-съ, онъ во Французскомъ театрѣ, но сейчасъ пріѣдетъ; пожалуйте: Катерина Ивановна у себя» *). Я вошелъ. Женщина небольшаго роста, худощавая, лѣтъ 24-хъ, сидѣвшая на диванѣ за какимъ-

*) Актриса Ежова.

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ;
Онъ маленькихъ ежатъ родитель,
И имъ не радъ.

Это стихи Д. Н. Блудова (писанные много позднѣе). П. Б.

то шитьемъ, встрѣтила меня очень привѣтливо, спросивъ: «что́ вамъ угодно?» Я сказалъ ей свое имя, прибавивъ, что князь приглашалъ меня къ себѣ на репетиціи «Пожарскаго», назначивъ время по вечерамъ, въ которые, по словамъ его, обыкновенно бываетъ до̀ма. «Ахъ батюшки, да онъ васъ дожидался еще на другой день репетиціи!» заговорила вдругъ Катерина Ивановна (это была она), такъ громко и нецеремонно, какъ будто мы съ нею цѣлый вѣкъ были знакомы: «вѣдь вы пишите стихи и сочинили трагедію, которую Петръ Николаичъ очень хвалитъ».—«Правда, что я пишу стихи и сочинилъ трагедію», отвѣчалъ я, «но такую, которая, по мнѣнію знающихъ людей и по собственному моему убѣжденію, не можетъ быть представлена на театрѣ, и Кобяковъ въ этомъ случаѣ сказалъ наобумъ, потому что онъ даже и не читалъ ея».—«О! да̀, да̀! онъ ничего не смыслитъ и только побирается стишками. Вотъ намедни присталъ къ князю: сочини ему стихи въ его оперку, которую онъ перевелъ съ Французскаго, «Les Amants Protées»; вообразите, съ безсмыслицей для роли Самойлова сладить не могъ*); а когда есть время князю заниматься такимъ вздоромъ? Вы не повѣрите, какъ онъ занятъ: такъ занятъ, что не имѣетъ часу свободнаго времени. Петръ Николаичъ у насъ почти всякій день, приноситъ разныя новости, въ которыхъ и половины нѣтъ правды; а впрочемъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ». Я узналъ моего друга; но узналъ также, что Катерина Ивановна любитъ поговорить. Между тѣмъ князь Шаховской возвратился изъ театра вмѣстѣ съ П. М. Арсеньевымъ. Послѣдній тотчасъ съ великою радостью объявилъ Катеринѣ Ивановнѣ, что Матвѣй Васильевичъ (Крюковскій) вслѣдъ за ними ѣдетъ. Князь обласкалъ меня и просилъ быть у него безъ церемоніи. «Только мнѣ и отрады», примолвилъ онъ, «что по вечерамъ дома съ людьми грамотными».

Вскорѣ пріѣхали Крюковскій и за нимъ князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ, покровитель Семеновой. «Теперь всѣ на лицо. Катенька», сказалъ князь: «какъ бы чаю?»—«Ивана Андреича еще нѣтъ», отвѣчала она и тотчасъ послала сказать Крылову, что чай готовъ.

Мы усѣлись вокругъ большаго круглаго стола, а Шаховской съ Гагаринымъ развалились на диванѣ и закурили трубки. Крыловъ не замедлилъ явиться и сѣлъ на креслахъ въ углу, у печки. «Спасибо,

*) Во свѣтлой мрачности блистающихъ ночей
Явился черный блескъ отъ солнечныхъ лучей;
Ужасный слышу громъ въ молчаньѣ непрерывномъ...
Спокоенъ былъ и весь отъ страха трепеталъ...
Закрылъ свои глаза и съ быстротой взиралъ, и проч., и проч.

Оборотни, *опера въ одномъ дѣйствіи.*

умница, что мѣсто мое не занято», сказалъ онъ Катеринѣ Ивановнѣ: «тутъ потеплѣе»».

Арсеньевъ завелъ рѣчь о «Пожарскомъ» и началъ хвалить автора на чемъ свѣтъ стоитъ. Чего-чего не наговорилъ онъ ему: что онъ первый-то у насъ драматическій писатель, что трагедія его—первая современная трагедія въ цѣломъ свѣтѣ; что на немъ одномъ теперь сосредоточены надежды всѣхъ любителей драматической поэзіи, и проч. и проч. Крюковской краснѣлъ и молчалъ, Крыловъ улыбался, князь Гагаринъ очень серьёзно и съ удивленіемъ посматривалъ на своего пріятеля, который осмѣливался такъ превозносить пьесу, въ которой не было роли для Семеновой; но князь Шаховской не выдержалъ и вспыхнулъ какъ фейерверкъ: «Да помилуй, братецъ, Павелъ Михайлычъ! Откуда ты вдругъ набрался такой премудрости, что выдаешь себя за оракула драматической поэзіи и увѣряешь автора въ томъ, въ чемъ онъ и самъ по совѣсти сознаться не можетъ. Безспорно, пьеса Матвѣя Васильича имѣетъ свои достоинства; но чтобъ она была первою пьесою въ свѣтѣ, такъ это, голубчикъ, вздоръ; а то еще и пущій вздоръ, чтобъ одинъ только авторъ ея былъ надеждой и опорой Русской сцены. Не говоря о другихъ, куда жъ ты дѣвалъ Озерова?»

— «Ну, это только такъ говорится», отвѣчалъ Арсеньевъ.

— «Говорится?» возразилъ князь Шаховской; а зачѣмъ же на вечерахъ у Марьи Алексѣевны *) проповѣдуешь ты эту чепуху барынямъ и барышнямъ, которыя ни бельмеса не смыслятъ въ нашей драматической поэзіи? Ты сказалъ, а онѣ повторять пошли: «на Русскомъ театрѣ ничего-де путнаго нѣтъ, кромѣ трагедіи «Пожарскій». И вотъ пирогъ испеченъ, мнѣніе готово! Нѣтъ, любезный, прямо просишься въ мою сатиру или въ комедію Ивана Андреича.» — «Знаешь ли, князь, отчего нашъ Арсеньевъ такъ пристрастенъ къ трагедіи Матвѣя Васильича, которой, впрочемъ, я самъ отдаю полную справедливость, хотя и не знаю, какой она будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ? Оттого, что онъ въ жизни своей не читалъ ни какой другой пьесы, а эту какъ - то удалось ему выучить наизустъ. Не правда ли, Павелъ Михайлычъ?» Арсеньевъ засмѣялся. — »Смѣйся или нѣтъ, чтó правда, тò правда», продолжалъ князь Гагаринъ: «ну-ка назови еще трагедію или комедію, которую бы ты читалъ когда-нибудь.» Арсеньевъ признался, что онъ точно не читывалъ ни одной театральной пьесы, но за то, по страсти къ театру, всѣ ихъ пересмотрѣлъ на сценѣ.

Въ одиннадцать часовъ заѣхалъ за княземъ Гагаринымъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ, очень толстый, но пріятной

*) Нарышкина, супруга директора театровъ. П. Б.

наружности человѣкъ съ открытымъ лицомъ и добродушною физіономіею; онъ большой любитель спектаклей Французскаго и Русскаго и ежедневно бываетъ въ одномъ изъ нихъ. «Или сегодня у тебя неприсутственный день», спросилъ онъ князя, «что ничего не читаютъ?» — «Да еще не размололись» отвѣчалъ Шаховской, «и вмѣсто пролога, бранимся пока съ Арсеньевымъ».

Между тѣмъ Крюковской подсѣлъ къ столику, на которомъ Катерина Ивановна разливала чай и тихомолкомъ болталъ съ нею. Изъ всего, что̀ они говорили, я могъ только разслушать нѣсколько словъ: «И сегодня были?» — «Были утромъ». — «Хорошо читаетъ?» — «Прекрасно; князь очень доволенъ». — «А чѣмъ дебютируетъ?» — «Кажется, Дидоной или Пальмирой». — «Какъ жаль, что я не былъ!»

«А ты не слыхалъ», сказалъ князь Шаховской графу Пушкину, «что Крыловъ написалъ новую басню, да и притаился, злодѣй!» (съ этимъ словомъ онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и поклонился въ поясъ Крылову). «Батюшка Иванъ Андреичъ, будьте милостивы до насъ бѣдныхъ, разскажите намъ одну изъ тѣхъ сказочекъ, которыя вы умѣете такъ хорошо разсказывать». Шаховской пародировалъ сестру Шехеразады. Крыловъ засмѣялся, а когда смѣется Крыловъ, такъ это не даромъ: должно быть, смѣшно. Онъ придвинулся къ столу и прочиталъ новую свою басню «Оракулъ».

> Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ
> И сталъ онъ издавать пророчески отвѣты, и проч.

Собесѣдники слушали съ величайшимъ удовольствіемъ и заставили автора повторить заключеніе. Странное дѣло: мы слышали басню въ первый разъ, а почти всѣ знали ее уже наизустъ.

Послѣ Крылова читалъ князь Шаховской начало комической своей поэмы «Расхищенныя Шубы». Содержаніе основано на происшествіи, случившемся прошедшею зимою въ Нѣмецкомъ, такъ называемомъ Шустеръ-Клубѣ: пьяный швейцаръ, во время бала, перепуталъ шубы и салопы пріѣзжихъ гостей, отъ чего, при разъѣздѣ, произошелъ безпорядокъ — вотъ и все тутъ! Но князь Шаховской умѣлъ опоэтизировать анекдотъ; въ его стихотворной шуткѣ много мѣстъ, достойныхъ Буало, поэмѣ котораго (Lutrin) онъ, по словамъ его, подражать хотѣлъ. Каково-то будетъ продолженіе, а начало, нечего сказать, прекрасно. Совѣтъ старшинъ клуба описанъ мастерски, и нѣкоторые изъ нихъ дышатъ жизнію:

> Самъ мастеръ гробовой Фрейтодтъ, съ умильнымъ взоромъ,
> Съ улыбкой радостной, какъ будто передъ моромъ.

«Но скажи, пожалуйста, князь», спросилъ графъ Пушкинъ, «когда ты находишь время сочинять что-нибудь? По утрамъ у тебя должностной народъ, передъ обѣдомъ репетиція, по вечерамъ всегда общество, и прежде втораго часа ты не ложишься—когда же ты пишешь?»

«Онъ лунатикъ, графъ, съ громкимъ смѣхомъ подхватила Катерина Ивановна; не повѣрите: во снѣ бредитъ стихами! Иногда думаешь, что онъ тебѣ что нибудь сказать хочетъ, а онъ вскочилъ да и за перо прибирать рифмы»! Мы расхохотались, и самъ князь Шаховской также.

Графъ Пушкинъ съ княземъ Гагаринымъ уѣхали къ княгинѣ Голицыной, прошенованной la Princesse Nocturne, потому что она не принимаетъ у себя ранѣе полуночи и ночи превращаетъ въ дни; Крыловъ ушелъ спать, а наконецъ и Арсеньевъ съ идоломъ своимъ, Крюковскимъ, отправились по домамъ. Я также хотѣлъ откланяться, но князь Шаховской настоялъ, чтобъ я съ нимъ ужиналъ. Мы остались болтать втроемъ. Я разсказалъ ему о моей праздной службѣ, о моихъ занятіяхъ и о страсти моей къ театру, прочиталъ ему нѣсколько сценъ изъ «Артабана» и передалъ слово въ слово отзывъ о немъ Дмитревскаго, которымъ онъ такъ сконфузилъ меня въ бытность мою у него въ первый разъ. Князь Шаховской очень смѣялся, Катерина Ивановна еще больше; но результатъ моей болтовни былъ для меня неожиданно счастливъ: съ величайшимъ добродушіемъ князь предложилъ ходить мнѣ во всѣ театры, отнынѣ навсегда, безплатно въ его кресла, которыхъ онъ самъ никогда не занимаетъ, находясь всегда за кулисами.

Вотъ оно что̀! Теперь не́ для чего мнѣ справляться съ карманомъ и разбирать спектакли: ступай въ любой и, сверхъ того, въ кресла!

10 Мая Пятница. Гаврила Романовичъ уѣзжаетъ завтра и что-то очень не веселъ; впрочемъ, говорятъ, что онъ и всегда таковъ передъ отъѣздомъ, потому что не любитъ суеты, неразлучной съ сборами въ дорогу. Мнѣ жаль сердечно старика. Прощанье съ нимъ навело меня на грустныя размышленія объ одиночествѣ, которое ожидаетъ меня до будущей осени: кажется, что безъ него я совсѣмъ осиротѣю; изъ ближайшихъ моихъ знакомыхъ остаются только одни обитатели павильйона, добрые, благородные люди; но что́ у меня общаго съ ними? Вкусы наши различны, образъ мыслей неодинаковъ и, къ тому же, кромѣ времени обѣда, они всѣ въ разсѣяніи: то сидятъ по своимъ камерамъ, то странствуютъ по знакомымъ. По благосклонности князя Шаховскаго, вечера мои теперь могутъ быть пріятно заняты, но прежде вечеровъ есть долгіе дни... По неволѣ вспомнишь милую толстуху Александру Васильевну, которая такъ умно и живо описывала мнѣ скуку одинокой жизни!

Въ нашей Коллегіи толковъ не оберешься: боятся, чтобъ кампанія не была неудачна. Говорятъ, что Государь весьма недоволенъ союзниками, въ особенности Англіею, и еслибъ не увлекался сверхчеловѣческимъ своимъ великодушіемъ, то предоставилъ бы Англію и Австрію судьбѣ ихъ. Достойно замѣчанія, что превосходно составленный самимъ Государемъ планъ разбить корпусъ Нея внезапно уничтоженъ ложнымъ извѣстіемъ, сообщеннымъ Государю лично самимъ главнокомандующимъ, что Бонапарте со всѣми силами пришелъ на подкрѣпленіе Нея, тогда какъ онъ находился далеко и ничего не зналъ объ опасности, предстоявшей Нею. Трудно повѣрить, чтобъ генералъ Бенигсенъ имѣлъ такихъ негодныхъ и невѣрныхъ шпіоновъ; однакожъ, въ высшемъ кругу не сомнѣваются въ справедливости этого событія.

Утверждаютъ также, что графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ на дняхъ вечеромъ у себя открыто говорилъ, будто бы графъ Н. П. Румянцовъ представилъ Государю, передъ отъѣздомъ его въ армію, записку, въ которой объяснилъ, что онъ не надѣется ни на какое рѣшительное намъ содѣйствіе со стороны Англіи и Австріи впродолженіе сей войны, и что какимъ бы отъявленнымъ врагомъ ни былъ намъ Бонапарте, но никогда не можетъ причинить намъ столько зла, сколько причинитъ его Англія своею лицемѣрною дружбою и обѣщаніями, никогда неисполняемыми. Прибавляютъ, что Государь съ благоволеніемъ и даже признательностію изволилъ принять эту записку къ своему соображенію.

12 Мая, Воскресенье. Наконецъ, я увидѣлъ оперу «Князь - Невидимка», о которой мнѣ прожужжали уши. Это, вѣроятно, передѣлка какой-нибудь Французской волшебной оперы, «opera féerie», которую, однакожъ, г. Евграфъ Ливановъ назвалъ печатно собственнымъ своимъ сочиненіемъ. Но пусть будетъ она чѣмъ бы ни было, переводомъ или оригинальнымъ сочиненіемъ, только надобно признаться, что это ужасная галиматья, передъ которою «Русалка» ничего не значитъ; за то великолѣпіе декорацій, быстрота ихъ перемѣнъ, пышность костюмовъ и внезапность переодѣваній—изумительны. Музыка—сочиненіе капельмейстера Кавоса; она очень легка и пріятна; мелодіи остаются въ памяти и особенно дуэтъ Личарды и Пріяты, то-есть Воробьева и Самойловой, «Коль назначено судьбою»—прелесть и до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ. Въ первый разъ въ жизни удалось мнѣ видѣть такой диковинный, богатый спектакль, въ которомъ чего хочешь, того и просишь. Декораціи большею частью кисти Корсини и Гонзаго. Это—настоящіе чародѣи; машинистъ не отсталъ отъ нихъ и удивляетъ своимъ искусствомъ: то видите вы слона, который ходитъ по сценѣ, какъ

живой, поворачиваетъ глазами и дѣйствуетъ хоботомъ, то Личарда-Воробьевъ, не двигаясь съ мѣста, двѣнадцать разъ сряду превращается въ разные виды; то у Цымбалды выростаетъ саженъ въ десять рука, и все это дѣлается такъ быстро и натурально, что не успѣешь глазомъ мигнуть, какъ превращенiе и совершилось. Говори что̀ хочешь и, пожалуй, называй все это глупостью и балаганными штуками, однакожъ изрѣдка взглянуть на эти штуки весело, когда онѣ дѣлаются отчетливо и особенно, когда находятся въ соединенiи съ такою прелестною живописью и очаровательною музыкою, а сверхъ того оживляются игрою такихъ талантовъ, каковы Воробьевъ, Самойловы и Понамаревъ. Послѣднiй въ роли Цымбалды уморителенъ. Какъ онъ забавенъ на сценѣ, когда, маршируя передъ своимъ отрядомъ инвалидовъ, вдругъ громко командуетъ: «берегись!» и этимъ внезапнымъ восклицанiемъ перепугавъ свой отрядъ, а вмѣстѣ перепугавшись самъ, начинаетъ толковать имъ, что слово «берегись» не значитъ: «берегись чего-нибудь, а есть только воинская команда»... Виноватъ, я съ удовольствiемъ смѣялся въ «Невидимкѣ» и пойду смѣяться въ другой разъ.

Дирекцiя поставила «Невидимку» послѣ двухъ первыхъ частей «Русалки», которыя нѣсколько ужъ стали надоѣдать публикѣ. Впродолженiи двухъ слишкомъ лѣтъ, какъ даютъ эту оперу, театръ почти всегда бываетъ наполненъ, и казначей театра, Петръ Ивановичъ Альбрехтъ, получившiй недавно Анненскiй крестъ, тогда какъ его не имѣютъ еще ни Майковъ, ни князь Шаховской, предпочитаетъ «Невидимку» всѣмъ трагедiямъ въ свѣтѣ, «Эдипамъ» и «Донскимъ», въ отношенiи къ денежному сбору. Но всему свой чередъ. Говорятъ, что декорацiи, костюмы и машины, приготовляемыя теперь для оперы Крылова «Илья Богатырь», несравнительно великолѣпнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя удивляютъ насъ въ «Русалкахъ» и «Князѣ-Невидимкѣ».

Вольтеръ не любилъ большихъ оперъ, хотя и самъ сочинялъ ихъ. Онъ называетъ оперу «областью Овидiевыхъ превращенiй». Это справедливо; но едва ли справедливо сказанное имъ вообще о большихъ операхъ, à grand spectacle: все великолѣпiе оперъ съ ихъ декорацiями, машинами, сотнею музыкантовъ и двумя сотнями всадниковъ не сто́итъ четырехъ превосходныхъ стиховъ изъ трагедiи.

13 Мая, Понедѣльникъ. Возвращаясь изъ Коллегiи съ Юшневскимъ, встрѣтили мы Петра Свиньина, который давно уже здѣсь и также, какъ и я, бьетъ баклуши. Поговоривъ о прошломъ Московскомъ житьѣ-бытьѣ и вспомнивъ о серенадахъ его подъ окнами Н. В. Бушуевой, онъ, на прощаньѣ, просилъ насъ сочинить ему Нѣмецкое письмо. «А ты не знаешь развѣ самъ понѣмецки?» спросилъ его Юшневскiй. «Не-

много знаю».—«Что ты знаешь?—«Gut Morgen, küssen sie mich».—«И больше ничего?»—«Ни бельмеса».—«А къ кому письмо и какого содержанія?»—«Объясненіе въ любви къ булочницѣ, что̀ вонъ тамъ, у Синяго Моста въ лавкѣ сидитъ».—«Да ты влюбленъ, что ли?»—«Ни крошки».—«Для чего жъ вся эта процедура?»—«Надобно же что-нибудь дѣлать въ Петербургѣ».—«Ну такъ знаешь ли что̀?» порѣшилъ Юшневскій: «двухъ твоихъ фразъ очень достаточно для объясненія, а если прибавишь третью, то и успѣхъ несомнителенъ».—«Что жъ написать? Пожалуйста, научи».—«Ich habe Geld».—«Спасибо!»

Свиньинъ сказывалъ, что получилъ письмо отъ брата своего, Павла, находящагося при адмиралѣ Сенявинѣ, наполненное любопытными подробностями о нашихъ морякахъ. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Павелъ Свиньинъ намекаетъ, что скоро, можетъ быть, мы услышимъ о сраженіи нашего флота съ Турецкимъ, которое, кажется, должно произойдти неминуемо и произошло бы уже, еслибъ Англійскій адмиралъ Дукворть захотѣлъ оказать намъ какое-либо содѣйствіе; но бездѣйствіе и нерѣшительность Англичанъ непостижимы. Тоже писалъ и полковникъ Манфреди къ своей женѣ.

14 Мая, Вторникъ. Судить о достоинствахъ и качествахъ человѣка единственно по однимъ его личнымъ къ намъ отношеніямъ—несправедливо. Иной, имѣющій добрую душу и благородное сердце, бываетъ иногда нашимъ недругомъ и намъ вреденъ; а другой, злой и безчестный человѣкъ, можетъ быть, при случаѣ, намъ доброжелателенъ и полезенъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы иногда находимся. Есть люди, которые часто говорятъ: «что̀ мнѣ за дѣло, что такой-то поступаетъ дурно съ другими; но я люблю его, потому что онъ дѣлаетъ мнѣ добро». Это чистый эгоизмъ. Если должно быть признательнымъ, то должно быть и справедливымъ, и порядочный человѣкъ не въ состояніи любить и уважать разбойника и вора за то, что онъ оказываетъ къ нему благосклонность.

Эту идею намѣренъ князь Шаховской развить въ комедіи, которой хочетъ дать названіе «Прекрасный Человѣкъ», или другое, тому подобное, какъ тамъ послѣ придумаетъ лучше. Онъ говоритъ, что характеръ главнаго лица этой комедіи долженъ будетъ болѣе или менѣе сходствовать съ характеромъ главнаго персонажа комедіи «Le Philinte de Molière», сочиненіе извѣстнаго революціонера Fabre d'Eglantine. Одно только опасеніе, говоритъ князь Шаховской, чтобъ не сочли комедіи моей подражаніемъ Фабру, ставитъ меня въ тупикъ; иначе бы я ужъ ее началъ, потому что «Полубарскія Затѣи» мои кончены, и я

теперь на свободѣ перебиваю только мелочью. «Да», подумалъ я, «хороша свобода!»

У Паглиновскаго познакомился я съ статскимъ совѣтникомъ И. А. Пукаловымъ, бывшимъ въ началѣ нынѣшняго царствованія оберъ-секретаремъ въ Синодѣ. Кажется, онъ человѣкъ очень умный и веселый разскащикъ, хотя по наружности и серьёзенъ. Узнавъ, что я недавно изъ Москвы, онъ сказалъ мнѣ, что у него въ Москвѣ есть нѣсколько знакомыхъ и назвалъ мнѣ ихъ по фамиліямъ, а въ томъ числѣ и Вишневскихъ. Когда же я замѣтилъ, что Вишневская мнѣ родная тётка, то Пукаловъ объявилъ, что она была посаженой матерью у него на свадьбѣ, а потому мы можемъ съ нимъ считаться почти свойственниками. Онъ очень обласкалъ меня и приглашалъ къ себѣ, говоря, что ежедневно обѣдаетъ у себя дома.

Между прочимъ, Пукаловъ разсказалъ анекдотъ объ одномъ Калмыкѣ, вышедшемъ въ люди въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елисаветы Петровны, слышанный имъ отъ Секретарева, камердинера князя Потемкина. Этотъ Калмыкъ, имѣвшій привычку говорить всѣмъ *ты* и приговаривать: *я тебѣ лучше скажу*, велъ большую игру и по этому случаю втерся въ общество людей знатныхъ и, между прочимъ, къ князю Потемкину, который вскорѣ привыкъ къ нему и любилъ играть съ нимъ въ карты. Однажды, понтируя съ какимъ-то знатнымъ Молдаваниномъ противъ Калмыка, князь Потемкинъ игралъ несчастливо и, разгорячившись на неудачу, вдругъ съ нетерпѣніемъ сказалъ банкомету: «надобно быть сущимъ Калмыкомъ, чтобъ метать такъ счастливо».— «*А я тебѣ лучше скажу*, возразилъ Калмыкъ, что Калмыкъ играетъ какъ князь Потемкинъ, а князь Потемкинъ какъ сущій Калмыкъ, потому что сердится». — «Вотъ насилу-то сказалъ ты *лучше!*» подхватилъ, захохотавъ, великолѣпный князь Таврическій.

Паглиновскій говоритъ, что Пукаловъ очень богатъ и, сверхъ того, у него молоденькая и хорошенькая жена, бывшая воспитанница Петра Семеновича Мордвинова, брата адмирала, которая съ своей стороны принесла ему въ приданое около тысячи душъ.

15 Мая, Середа. Я былъ сегодня обрадованъ внезапнымъ посѣщеніемъ И. А. Дмитревскаго. Старикъ, по обыкновенію своему, прибрелъ пѣшкомъ и, войдя въ комнату, тотчасъ спросилъ меня: «Не заняты ли вы, душа, чѣмъ-нибудь, и не помѣшалъ ли я вамъ своимъ приходомъ?» Разумѣется, я наговорилъ ему кучу вѣжливостей и такъ живо изъявилъ свою радость видѣть его, что Дмитревскій растаялъ отъ удовольствія и просидѣлъ у меня до десяти часовъ, попивая чай и разсказывая о многихъ происшествіяхъ своей жизни. Я очень жалѣлъ, что

неразлучный со мною надоѣдательный Кобяковъ перебивалъ его по временамъ неумѣстными своими вопросами; иначе онъ былъ бы, кажется, еще словоохотливѣе, потому что находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Старикъ неисчерпаемъ въ своихъ разсказахъ о Французскомъ театрѣ и о многихъ театральныхъ знаменитостяхъ прежняго времени. Онъ попотчивалъ насъ нѣсколькими о нихъ анекдотами и, между прочимъ, исторіею перваго своего знакомства съ актрисами Клеронъ и Дюмениль, весьма любопытною. «Первый визитъ мой былъ (говорилъ Дмитревскій) къ мамзель Клеронъ, потому что тогда она была въ большой пріязни съ любимцемъ короля и другомъ Вольтера, маршаломъ Франціи дюкомъ де-Ришельё, котораго называли «le sultan de la Comédie Française» (послѣ они поссорились). Она жила въ улицѣ Chaussée d'Antin и занимала довольно большой домъ. Меня ввели въ гостиную, убранную со всевозможнымъ великолѣпіемъ. На передней стѣнѣ висѣлъ огромный портретъ хозяйки дома въ роли Медеи, писанный знаменитымъ Ванло, на другой—портретъ какого-то Нѣмецкаго маркграфа. Минутъ черезъ пять вышла ко мнѣ молодая дѣвица, лѣтъ восьмнадцати, высокая, стройная, черноволосая, довольно смуглая, но съ необыкновенно-выразительнымъ лицомъ и огненными глазами; это была дѣвица Рокуръ, ученица г-жи Клеронъ и впослѣдствіи знаменитая актриса. Она объявила мнѣ, что мамзель Клеронъ занята очень нужнымъ дѣломъ и извиняется, что принуждена заставить меня ждать ее нѣсколько минутъ. Разговаривая съ дѣвицею Рокуръ, я и не замѣтилъ, какъ протекли эти минуты, и вотъ отворилась дверь, и показалась сама хозяйка, разряженная въ пухъ, въ платьѣ съ шлейфомъ и въ фижмахъ, съ высокой прической à la corbeille, набѣленная, нарумяненная и съ мушкою на лѣвой щекѣ, что̀ означало на модномъ языкѣ того времени: неприступность. Дѣвица Клеронъ роста была чрезвычайно малаго, но держала себя очень прямо и походку имѣла важную, величественную. Лицо ея было несоразмѣрно-велико противъ ея *статуры* (собственное выраженіе Дмитревскаго), но черты лица были правильны: Римскій носъ, глаза большіе, хорошо врѣзанные и выразительные, зубы бѣлые и ровные, которыми, казалось, она щеголяла; а руки—совершенство въ своемъ родѣ: такихъ рукъ никогда не случалось мнѣ видѣть; но за то тѣлодвиженія ея были нѣсколько принужденны, guindés. Не говоря еще съ нею, я успѣлъ замѣтить, что она была пресамолюбивая кокетка. И въ самомъ дѣлѣ, посадивъ меня на табуретъ (въ кресла сажала она только самыхъ почетныхъ гостей), она, ни съ того, ни съ другаго, начала говорить о своихъ связяхъ, о своихъ успѣхахъ на театрѣ, о вліяніи, которое она имѣетъ на своихъ

товарищей (sociétaires), о совершенномъ преобразованіи сцены и театральныхъ костюмовъ, ею задуманномъ и исполняемомъ Лекеномъ по ея плану и указанію; что настоящее ея амплуа роли принцессъ (des grandes princesses), какъ-то Медеи, Герміоны, Альзиры, Пальмиры, Аменаиды, Роксаны, Электры и проч., и что роли царицъ и матерей предоставила она бѣдной Дюмениль, которая исполняетъ ихъ кое-какъ (à cette pauvre femme Dumesnil, qui s'en acquitte cahincaha) и проч. и проч. Объ искусствѣ собственно ни слова и ни слова также о предметахъ, писанныхъ ей въ поданномъ мною рекомендательномъ письмѣ, которое она пробѣжала мелькомъ, примолвивъ: c'est bon. За тѣмъ распространилась она о дѣвицѣ Рокуръ и Ларивѣ, которыхъ театральное образованіе приняла на себя, и жаловалась на недостатокъ ихъ способностей и непонятливость, leur manque d'intelligence (Рокуръ и Ларивъ непонятливы и безъ способностей!), но изъявляла надежду, что неимовѣрные труды ея, настойчивость и средства, придуманныя ею къ передачѣ ученикамъ своимъ всѣхъ тайнъ искусства, со временемъ увѣнчаются успѣхомъ. Словомъ, я вышелъ отъ Клеронъ, не слыхавъ ничего другаго, кромѣ похвалъ ея самой себѣ и, крайне недовольный сдѣланнымъ ей визитомъ, отправился къ Дюмениль въ улицу Marais, гдѣ она жила въ небольшой квартирѣ третьяго этажа. Я позвонилъ; меня встрѣтила женщина лѣтъ за сорокъ, которую я принялъ за кухарку: растрепанная, въ спальномъ чепцѣ на бекрень, въ одной юбкѣ и кофтѣ на распашку, съ засученными рукавами. Въ передней двѣ женщины полоскали какое-то бѣлье; на окошкѣ облизывался претолстый Ангорскій котъ, и вотъ какая-то паршивая собачонка съ визгомъ бросилась мнѣ подъ ноги. Я отступилъ, полагая, что ошибся нумеромъ квартиры и зашелъ къ какой-нибудь прачкѣ: «Pardon, madame, mais j'aurais désiré de parler à m-lle Dumesnil.» — «C'est moi, monsieur», отвѣчала прачка, «qu'y a-t'il pour votre service». Я остолбенѣлъ. «Il y a madame, que j'ai une lettre de recommandation pour vous, et je suis bien heureux de parler à la célèbre tragédienne?» Она взяла письмо, мигомъ пробѣжала его и бросилась обнимать меня. «Comment, c'est vous, monsieur! Mais savez-vous que je suis enchantée de vous voir? J'ai été prévenue de votre visite et je vous attendais. Oh, comme je vous attendais! Mais c'est véritablement un plaisir pour moi que de faire connaissance avec un homme d'un aussi beau talent (въ рекомендательномъ письмѣ я былъ расхваленъ, на чемъ свѣтъ стоитъ), comme vous, et qui em même temps désire de s'instruire pour être utile à son pays. Tenez, je vais vous donner tout de suite un billet pour le spectacle de demain». Съ этимъ словомъ побѣжала она въ какую-то темную каморку, притащила пребольшой ящикъ, выхватила изъ него нѣсколько

билетовъ и, подавая ихъ мнѣ, продолжала: «Voici pour vous et vos amis, si vous en avez. Je joue *Mérope*. Je la joue bien et je la jouerai encore mieux en votre honneur: vous serez content de moi. En attendant, pardon, je suis dans mon jour de ménage. N'oubliez pas, que tous les jours, depuis midi jusqu'à l'heure du spectacle, je suis chez moi pour tout le monde; mais vous particulièrement, vous me trouverez à toutes les heures du jour, le matin, comme le soir, et j'espère que nous causerons souvent et suffisamment; ah, nous causerons bien, n'est-ce pas? Bon jour!» Съ послѣднимъ словомъ она только-что не вытолкала меня за дверь. Этотъ безцеремонный, радушный пріемъ восхитилъ меня до чрезвычайности. Дюмениль была женщина болѣе нежели средняго роста, довольно плотная, съ доброю, подвижною физіономіей, имѣла сильный, звучный и вмѣстѣ пріятный органъ, достигавшій до сердца, говорила быстро, и замѣтно было, что она говорила только то, что́ чувствовала; всѣ движенія ея были просты и натуральны, хотя и не отличались величавостью; но, увидѣвъ на сценѣ Дюмениль, забудешь о величавости. Я изучалъ ее въ роляхъ Меропы, Клитемнестры, Семирамиды и Родогуны: игра безотчетная, но какая игра! Это непостижимое увлеченіе: страсть, буря, пламень! Подлинно великая, великая актриса! Ее упрекали въ недостаткѣ благородства на сценѣ и увѣряли, что она придерживалась чарочки; но Богъ съ ней! Безъ недостатковъ и слабостей человѣкъ не родится; надобно довольствоваться и тѣмъ, если въ немъ сумма хорошаго превышаетъ сумму дурнаго; а недостатки въ Дюмениль въ сравненіи съ высокими ея качествами—капля въ морѣ».

Мы заслушались Дмитревскаго и были такъ нескромны, что просили его разсказать намъ что-нибудь о Лекенѣ, съ которымъ въ Парижѣ онъ былъ короче знакомъ, нежели съ другими актерами, и котораго изучалъ такъ прилежно; но старику пришла пора отправляться домой. Онъ оставилъ насъ, давъ слово при первомъ свиданіи разсказать многія подробности о жизни и трудахъ Лекена, котораго не иначе называетъ, какъ великимъ геніемъ. «Нельзя вообразить себѣ, душа (сказалъ онъ, прощаясь со мною), какая непостижимая сила таланта и желѣзной воли заключалась въ прекрасной душѣ этого Лекена, чтобъ съ такою энергіею онъ могъ преодолѣть всѣ препятствія, которыя впродолженіе двадцати-восьми-лѣтняго сценическаго его поприща разставляли ему на каждомъ шагу зависть, интрига и даже преслѣдованіе многихъ знатныхъ покровителей нѣкоторыхъ актрисъ, одаренныхъ больше красотою, нежели талантомъ».

16 Мая, Четвергъ. Манфреди *) пишетъ къ женѣ отъ 3-го числа:

*) Инженерный полковникъ, находившійся при вице-адмиралѣ Сенявинѣ и женатый на средней дочери Я. П. Лабата. Какъ Манфреди, такъ и другіе многіе Пьемонтскіе офи-

«Il paraît, que nous sommes à la veille d'une bataille, et j'espère, que l'issue en sera heureuse et glorieuse pour notre flotte. Quoiqu'il en soit, nous avons pleine confiance en la bonté divine, la sainteté de notre cause et les dispositions de notre brave et excellent amiral, qui est adoré de tous ses officiers». Дай Богъ слышать добрыя вѣсти! Между тѣмъ извѣстія изъ арміи какъ-то замолкли: гвардейцы мало пишутъ, оффиціальныхъ свѣдѣній вовсе нѣтъ, и любопытство публики часъ отъ часу возрастаетъ.

На Маломъ театрѣ давали «Мѣщанинъ во дворянствѣ» (le Bourgeois Gentilhomme). Рыкаловъ въ роли Журдана, или Журдена, былъ превосходенъ. Чтò за физіономія, чтò за ухватки! Какъ рельефно произноситъ онъ каждое слово, которое характеризуетъ персонажъ, и все это безъ малѣйшей натяжки, безъ пошлаго буфонства, такъ отчетливо и естественно! Какъ уморителенъ былъ онъ въ сценѣ съ учителемъ философіи: «эфъ, а, эфъ, а,—о батюшка и матушка! Сколько я вамъ зла желаю, что вы меня не учили?»

Несмотря на то, что роль Журдена огромна, и Рыкаловъ впродолженіе всѣхъ пяти актовъ почти не сходилъ со сцены, въ немъ незамѣтно было никакого утомленія, и послѣднюю фразу своей роли: «Николи́ну отдаю толмачу, а жену мою—кому угодно», онъ произнесъ съ такимъ же одушевленіемъ и веселостью, какъ и первую, при появленіи своемъ на сцену. Надобно много имѣть энергіи въ игрѣ, чтобъ заставить зрителя заниматься однимъ собою впродолженіе такой длинной пьесы и не надоѣсть ему. Правду молвить, чтò и за комедія «Мѣщанинъ въ дворянствѣ!» Мнѣ кажется, о ней тоже сказать можно, чтò Дидро сказалъ о Пурсоньякѣ: «Si l'on croit qu'il y ait beaucoup plus d'hommes capables de faire Pourceaugnac que le Misanthrope, on se trompe» *). А Дидро вѣрить можно: онъ зналъ свое дѣло.

Сегодня объявили о представленіи «въ непродолжительномъ времени» трагедіи «Пожарскій». Ежова, которая играла въ комедіи Николи́ну, и весьма недурно, сказывала, что Пожарскій непремѣнно пойдетъ на будущей недѣлѣ; но до тѣхъ поръ я успѣю еще полюбоваться Яковлевымъ въ «Магометѣ», котораго даютъ, наконецъ, завтра на Большомъ театрѣ.

17 Мая, Пятница. Не знаю, съ чего взяли приписывать переводъ трагедіи «Магометъ», вмѣсто П. С. Потемкина, Дмитревскому. Я спрашивалъ объ этомъ старика, который рѣшительно отозвался, что не

церы, не хотѣвшіе признавать владычество Наполеона, были опредѣлены Государемъ въ нашу службу по особенному уваженію ихъ отличныхъ способностей и обширныхъ познаній въ военныхъ наукахъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

*) Дидро, De la poésie dramatique.

только не переводилъ «Магомета», но даже и не поправлялъ его, по той простой причинѣ, что П. С. Потемкинъ самъ владѣлъ стихомъ мастерски и не нуждался ни въ чьей помощи. «Это былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, присовокупилъ Дмитревскій, и еслибъ не посвятилъ всего себя военной службѣ, то былъ бы отличнымъ писателемъ. Въ молодости своей онъ написалъ двѣ оригинальныя драмы въ стихахъ: «Россы въ Архипелагѣ» и «Торжество Дружбы». Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, впослѣдствіи графъ, хотѣлъ отличаться не одною храбростью и мужествомъ на войнѣ, но и мирными подвигами въ тишинѣ кабинета». И въ самомъ дѣлѣ переводъ «Магомета», за исключеніемъ очень немногихъ стиховъ, правиленъ и вѣренъ съ подлинникомъ. Я прочиталъ его передъ самымъ спектаклемъ и, признаюсь, нахожу, что, въ отношеніи къ языку, онъ несравненно лучше не только трагедій Сумарокова, но и самого Княжнина.

Роль Магомета чрезвычайно трудна и, однакожъ, Яковлевъ исполнилъ ее мастерски; съ первой сцены и до послѣдней онъ былъ совершеннымъ Магометомъ, то-есть какимъ создалъ его Вольтеръ, ибо другаго настоящаго Магомета я представить себѣ не умѣю. Съ первой сцены и до послѣдней онъ казался какою-то олицетворенною судьбою, неотразимою въ своихъ опредѣленіяхъ: что̀ за величавость и благородство во всѣхъ его тѣлодвиженіяхъ, что̀ за грозный и повелительный взглядъ! Какая самоувѣренность и рѣшительность въ его рѣчи! Словомъ, онъ былъ превосходенъ, такъ превосходенъ, что едва ли найдется теперь на какой-нибудь сценѣ актеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ этой великолѣпной роли. При самомъ появленіи своемъ на сцену, онъ ужъ овладѣваетъ вниманіемъ и чувствами зрителя однимъ обращеніемъ своимъ къ военачальникамъ:

Участники моихъ преславныхъ въ свѣтѣ дѣлъ,
Величья моего щиты необоримы,
Мурадъ, Герцидъ, Аммонъ, Али неустрашимый!
Ступайте къ жителямъ и именемъ моимъ
Угрозой, ласкою внушите правду имъ:
Чтобъ Бога моего народы здѣсь познали,
Чтобъ Бога чтили всѣ, а *паче трепетали!*

Эти послѣдніе два стиха, и особенно послѣднее двустишіе: *а паче трепетали*, Яковлевъ произнесъ такъ просто, но вмѣстѣ такъ энергически-повелительно, что, еслибъ дѣйствіе происходило не на сценѣ, то у всякаго Герцида и Аммона съ товарищи душа, какъ говорится, ушла бы въ пятки. Что̀ за органъ, Боже мой! И какъ онъ владѣетъ имъ! А затѣмъ, этотъ видъ удивленія и скрытаго негодованія при встрѣчѣ Сеида, и вопросъ:

Сеидъ! Зачѣмъ ты здѣсь?

Хорошо, что Сеидъ (Щениковъ) слишкомъ простъ и непонятливъ и не обратилъ вниманія на выраженіе физіономіи Магомета (Яковлева): иначе онъ долженъ былъ бы провалиться сквозь землю.

Въ первой сценѣ съ Зопиромъ, который поумнѣе Сеида и котораго убѣдить не такъ легко, Магометъ (Яковлевъ) перемѣняетъ тонъ и нисходитъ до того, что открывается шейху въ своихъ намѣреніяхъ; но и здѣсь онъ ни на минуту не теряетъ своей важности лжепророка. Эту сцену, одну изъ труднѣйшихъ для актера, Яковлевъ понялъ и сыгралъ въ совершенствѣ. Онъ былъ все тотъ же властолюбивый и повелительный «Магометъ», но смягчившій свое властолюбіе и повелительность свою притворнымъ снисхожденіемъ и уваженіемъ къ Зопиру.

Когда бъ я отвѣчалъ *иному*, не Зопиру,
Меня вдохнувшій Богъ вѣщать бы сталъ здѣсь міру;
Мой мечъ и Алкоранъ въ кровавыхъ сихъ рукахъ
Заставили бъ молчать всѣхъ смертныхъ въ сихъ странахъ;
Съ тобой, какъ человѣкъ, *какъ другъ*, хочу вѣщать:
Нѣтъ нужды сильному безсильнаго ласкать —
Зри, Магометъ каковъ! Одни мы... внятливъ буди!

Здѣсь озираясь кругомъ и почти шепотомъ:

Знай, я честолюбивъ,

съ величайшею убѣдительностью:

Но таковы всѣ люди;
Царь, пастырь или вождь, герой иль гражданинъ,
Въ намѣреньяхъ со мной сравнялся ль хоть одинъ? *)....

. . . . справедливость старику Сахарову: онъ былъ очень хорошъ въ роли Зопира. Это старинный актеръ, и двадцать лѣтъ назадъ, публика любовалась имъ на Московской сценѣ въ роляхъ Секста, Трувора и другихъ молодыхъ трагическихъ персонажей. Игра его не глубокомысленна; но пріятный и звучный органъ, довольно чувства, правильное, ясное произношеніе и большая сценическая опытность даютъ ему полное право на уваженіе и признательность публики, тѣмъ болѣе, что Сахаровъ безъ претензій и рѣшительно играетъ всѣ роли въ комедіяхъ и трагедіяхъ, какія театральному начальству вздумается поручить ему. Роль Зопира, понастоящему, долженъ былъ бы занимать Шушеринъ, потому что она существенно принадлежитъ къ его амплуа; почему же

*) Разборъ игры Яковлева въ роли Магомета помѣщается неполнѣ, потому что нѣсколько страницъ „Дневника“ утрачены.

онъ не игралъ ея? Въ трагедіи первенствуетъ Яковлевъ, и это Шушерину не по вкусу; однакожъ Бризаръ, Офренъ, Монвель и другіе были актеры не хуже Шушерина, а между тѣмъ играли роль Зопира, когда Лекенъ удивлялъ игрою въ роли Магомета.

Я вообразить себѣ не могъ Боброва въ роли Омара и полагалъ насмѣяться досыта, встрѣтивъ въ наперсникѣ Магомета Тараса Скотинина, или по крайней мѣрѣ посла Мамаева. Ни чуть не бывало. Бобровъ не только игралъ хорошо, но даже очень хорошо; чѣмъ чортъ не шутитъ! Конечно у Боброва за органомъ дѣло не станетъ; но чтобъ онъ сохранить умѣлъ такое приличіе, такую важность и такъ мастерски произноситъ прекрасные стихи своей роли—я никакъ ожидать не могъ.

З о п и р ъ.

Вѣщай, зачѣмъ пришелъ?

О м а р ъ.

Пришелъ тебя простить.
Великій Магометъ, твою жалѣя древность,
Твою прошедшу скорбь и мужество, и ревность,
Простеръ днесь длань къ тебѣ, могущую сразить,
И я пришелъ и миръ, и благость возвѣстить.

З о п и р ъ.

Но зналъ ли ты его здѣсь въ подлой срамотѣ,
Скитавшимся, въ числѣ несчастныхъ, въ нищетѣ?
О, какъ далекъ онъ былъ отъ нынѣшнія славы!

О м а р ъ.

Такъ! Гнусной пышностью испорченные нравы
Достоинства судить и вѣсъ давать уму
Хотятъ въ сравненіи ко счастью своему.
Иль мнишь ты, человѣкъ надменный и кичливый,
Что насѣкомое, ползущее подъ нивой,
И быстрые орлы, по небесамъ паря,
Ничто суть предъ очьми небеснаго Царя?
Всѣ смертные равны, гордятся родомъ тщетно,
Лишь въ добродѣтели различье ихъ примѣтно.

или:

Есть люди мудрые угодные судьбѣ,
Чтó мрачны въ праотцахъ, но славны по себѣ;
Таковъ сей человѣкъ, чтò избранъ мной владыкой,
И чести въ свѣтѣ семъ достоинъ онъ великой.

Отчего бы вдругъ послѣдовала въ Бобровѣ такая перемѣна къ лучшему? Роль Омара не бездѣльная и требуетъ болѣе соображенія, нежели роли посла Мамаева и предводителя Гусситовъ, въ которыхъ,

однакожъ, онъ ниже всякой посредственности. Эту загадку разгадалъ Яковлевъ и, кажется, вѣрно. «Бобровъ (сказалъ онъ) вездѣ будетъ хорошъ, гдѣ не надобно горячиться и нѣжничать. Безстрастная роль Омара какъ разъ пришлась по его таланту: у него сильный органъ и ясное произношеніе, но чувствительности ни на грошъ, и потому въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ ненужно развивать какой-нибудь страсти, а надобно только декламировать, нашъ Бобровъ не ударитъ лицомъ въ грязь, особенно если не будетъ умничать *).

18 Мая. Суббота. Жаль, что я не знаю ни одного изъ восточныхъ языковъ, а то бы въ Коллегіи нашлось и мнѣ дѣло. Илья Карловичъ сказывалъ, что теперь въ Азіатскомъ Департаментѣ, по случаю войны съ Турками, много работы, и чиновники не бываютъ праздны. Въ числѣ этихъ тружениковъ по части переводовъ съ Азіятскихъ языковъ есть отличные люди, какъ, напримѣръ, коллежскій совѣтникъ Везировъ, надворный совѣтникъ Владыкинъ и коллежскій ассеоръ Александръ Макаровичъ Худобашевъ; ихъ невидно и неслышно, а между тѣмъ они работаютъ какъ муравьи. Послѣдній, говорятъ, сверхъ обязанностей по службѣ, намѣренъ перевести, или уже переводитъ, Шагана Чиберта и Мартина: «Любопытныя извлеченія изъ восточныхъ рукописей Парижской Библіотеки о древней исторіи Азіи». Худобашевъ собственно переводчикъ съ Армянскаго языка, такъ какъ Дестунисъ съ Греческаго, но знаетъ хорошо и Французскій языкъ. Грекофилъ Гнѣдичъ отзывается о Дестунисѣ, котораго познакомилъ съ нимъ Юшневскій, какъ о человѣкѣ, знающемъ въ совершенствѣ Греческій языкъ и разумѣющемъ всѣ нарѣчія Гомеровыхъ твореній. Я возразилъ: какъ же Дестунису, природному Греку, не знать своего роднаго языка? «Въ томъ-то и бѣда», отвѣчалъ онъ, «что нынѣшніе Греки мастера только варить щукъ въ квасу, да торговать маслинами, а до Гомера и разнородныхъ его нарѣчій имъ и дѣла нѣтъ. Спиридонъ Юрьичъ, напротивъ, настоящій ученый, даромъ что молодъ: онъ прекрасно перевелъ съ Греческаго «Военную Трубу» и прибавилъ къ ней множество любопытныхъ примѣчаній, а теперь переводитъ «Жизнеописанія славныхъ мужей Плутарха», и намѣренъ также обогатить ихъ своими историческими и критическими замѣчаніями».

У насъ, въ Коллегіи много дѣльныхъ молодыхъ людей; но, странное дѣло — ихъ-то и не видать совсѣмъ! Мнѣ сказывали, что одинъ изъ

*) Бобровъ впослѣдствіи, по смерти Рыкалова, перешелъ совершенно на амплуа комическихъ стариковъ и сдѣлался, какъ и должно было ожидать по игрѣ его въ роляхъ „Тараса Скотинина", „Бригадира", майора въ „Чудакахъ", повара въ „Скупомъ", отличнымъ комическимъ актёромъ *Позднѣйшее примѣчаніе.*

нихъ, Ѳедоръ Лаврентьевичъ Халчинскій, предпринялъ перевести критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха Великаго и Бонапарте, сочиненіе Жомини. Честь ему и хвала, если онъ совершитъ этотъ подвигъ, и военные люди скажутъ ему не одно спасибо.

У А. С. Шишкова встрѣтилъ я Логина Ивановича Кутузова. Долго разсуждали они о чемъ-то тихомолкомъ, покамѣстъ не соблаговолили сдѣлать меня свидѣтелемъ своихъ разговоровъ. Едва ли не шла рѣчь о дѣйствіяхъ нашего флота и адмиралѣ Сенявинѣ: повидимому ожидаютъ какихъ-нибудь важныхъ извѣстій. Логинъ Ивановичъ очень любезенъ, ласковъ и привѣтливъ, а сверхъ того, долженъ имѣть и обширныя свѣдѣнія, потому что цѣлый часъ говорилъ безъ умолку о разныхъ предметахъ ученыхъ и литературныхъ дѣльно и краснорѣчиво. Онъ большой ненавистникъ Бонапарте; да нельзя назвать его также другомъ и Бенигсена, о которомъ онъ отзывался вскользь, какъ о посредственномъ главнокомандующемъ. «Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier», сказалъ онъ къ слову о какомъ-то неудачномъ передвиженіи войскъ нашихъ. Кутузовъ—сослуживецъ Шишкова и, кажется, пользуется его дружбою, потому что лишь только онъ уѣхалъ, Шишковъ началъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ очень умномъ и образованномъ, а сверхъ того и хорошемъ литераторѣ. Я удивился, не слыхавъ никогда, чтобъ Логинъ Ивановичъ былъ литераторомъ, и хотя зналъ изъ списка, даннаго мнѣ П. И. Соколовымъ, что онъ членъ Академіи, но думалъ, что эта почесть пріобрѣтена имъ также какъ и другими, напримѣръ Дружининымъ, Колосовымъ и проч., и потому спросилъ о трудахъ его. «А вотъ видишь ли, братецъ», отвѣчалъ Шишковъ: «онъ перевелъ множество путешествій съ Англійскаго, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и, между прочимъ, путешествія капитана Кука, Лаперуза и Мирса, сочинилъ морской атласъ для плаванія изъ Бѣлаго Моря въ Балтійское, издалъ «Основанія морской тактики» и даже написалъ для театра комедію «Добрый Отецъ». Во всякомъ случаѣ, эти труды полезнѣе плохихъ одъ и другихъ стихотвореній братца его Павла Ивановича».

Противъ такихъ доказательствъ возражать нечего.

19 Мая. Воскресенье. Князь Шаховской говорилъ о намѣреніи своемъ съ будущаго года заняться изданіемъ какого-нибудь театральнаго журнала или газеты, въ которыхъ бы можно было помѣщать рецензіи на пьесы, представляемыя на театрѣ, на игру актеровъ, разные театральные анекдоты, жизнеописанія извѣстнѣйшихъ драматурговъ и актеровъ Русскихъ и иностранныхъ—словомъ, все, что относится до исторіи театра и правилъ сценическаго искусства. Вмѣстѣ съ этимъ

въ составъ журнала должна войдти и легкая литература: краткія повѣсти, стихи и проч. и проч. Князь Шаховской увѣряетъ, что въ этомъ намѣреніи поддерживаетъ его Крыловъ, который обѣщалъ печатать въ новомъ журналѣ свои басни, до сихъ поръ нигдѣ еще ненапечатанныя. Въ одномъ только онъ находитъ затрудненіе: кому поручить надзоръ за изданіемъ журнала и своевременнымъ выходомъ книжекъ, потому что ему самому надзирать за этимъ, по недостатку времени, нѣтъ возможности. Я сказалъ ему, что мысль прекрасная, и журналъ, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть большой успѣхъ; но прежде нежели приступить къ изданію, надобно сообразиться съ средствами: достаточно ли у него на первый случай матеріаловъ и увѣренъ ли онъ въ своихъ сотрудникахъ, безъ чего можетъ тотчасъ остаться какъ ракъ на мели? Онъ утверждалъ, что въ сотрудникахъ недостатка не будетъ; издержки изданія предприметъ на свой счетъ Рыкаловъ, содержатель театральной типографіи, съ тѣмъ, чтобъ ему предоставлена была вся польза отъ изданія и что не это его безпокоитъ, а только то, кто приметъ на себя надзоръ за изданіемъ, т. е. всѣ хлопоты, корректуру и проч. Я сказалъ ему, что въ этомъ случаѣ кстати привести окончаніе басни «Ларчикъ», читанной на дняхъ у него Крыловымъ: «А ларчикъ просто отворялся». Если Рыкалову предоставляется вся польза отъ изданія, такъ ему и слѣдуетъ принять всѣ эти хлопоты на себя. Шаховской шлепнулъ себя по лбу и, захохотавъ, сказалъ: Il y a des gens d'esprit qui sont quelquefois bien bêtes».

Между тѣмъ, замѣтивъ у него на столѣ небольшую тетрадку, исписанную стихами, я спросилъ его, чтó это за стихи. «Анекдотъ Лукницкаго о Нѣмцѣ портномъ, позабывшемъ въ Нѣмецкомъ театрѣ сына», отвѣчалъ Шаховской. «Хорошо разсказанъ?» — «По крайней мѣрѣ, въ нравахъ Нѣмцевъ». — «Можно прочитать?» — «Даже и взять покамѣстъ съ собою: это матеріалъ для будущаго журнала». Разумѣется, я воспользовался дозволеніемъ и тетрадку поскорѣе за пазуху.

Прочитавъ разсказъ дома, я смекнулъ дѣломъ: Шаховской величайшій ненавистникъ Нѣмецкихъ драмъ, хотя ни слова не понимаетъ по-нѣмецки; а Лукницкій пишетъ и переводитъ для театра, слѣдовательно, какъ не польстить сильному начальнику репертуарной части, отъ котораго зависитъ участь театральнаго автора? Это анекдотъ, случившійся съ портнымъ года три назадъ, когда Нѣмецкій театръ былъ еще подъ частною дирекціею Мире, переложенъ въ стихи и поднесенъ Шаховскому. Разсказъ точно недуренъ, но вступленіе къ нему длинно не у мѣста, потому что анекдотъ и безъ него достаточно изъясняетъ причину происшествія.

Одинъ отецъ чадолюбивый
Породой Швабъ, а ремесломъ портной,
Жену и трехъ дѣтей забралъ въ театръ съ собой,
Чтобы драмы посмотрѣть трагическо-шутливой;
И правда, въ драмѣ той
Онъ всякой всячинѣ дивился
И научился
Всей философіи, взятой изъ новыхъ книгъ.
Онъ видѣлъ, какъ актеры ѣли, пили,
Другъ друга рѣзали, душили,
Учили разуму, потомъ табакъ курили
И въ мигъ
Изъ Индіи его въ Берлинъ переносили.
Отъ всѣхъ чудесъ такихъ,
Какъ отъ угару,
Не взвидѣлъ свѣта нашъ портной
И какъ шальной,
Съ дѣтьми, съ женой,
Садится въ пошевни и гонитъ бурыхъ пару
Домой.
Межъ тѣмъ, какъ за Неву на островъ онъ катился,
Театръ отъ зрителей давно ужь опустѣлъ,
Свой ужинъ сторожъ съѣлъ,
Все заперъ, осмотрѣлъ, раздѣлся, помолился
И спать ложился,
Какъ вдругъ
Въ дверяхъ онъ слышитъ стукъ
И видитъ блѣднаго портнова.
Печаль и страхъ
Въ его глазахъ,
И вымолвить едва онъ можетъ два-три слова:
Я здѣсь забылъ... Да что? Иль трость, или лорнетъ —
Найдутся будьте вы въ покоѣ.
Не то... Не муфту-ль?—Нѣтъ... Не книжку ли? Нѣтъ, нѣтъ...
Да чтожъ такое?
Я—сына здѣсь забылъ,
Или изъ пошевней дорогой обронилъ.
Я, дѣти и жена такъ драмой занялися,
Что лишь за ужиномъ Карлуши не дочлися.
Тутъ сторожъ тотчасъ побѣжалъ
И, ложу отворивъ, въ ней сына отыскалъ:
Отъ драмы ошалѣвъ, еще Карлуша спалъ.

20 Мая. Понедѣльникъ. Здѣшній Нѣмецкій театръ причисленъ къ Императорской Дирекціи Театральныхъ Зрѣлищъ весьма недавно — только съ 3-го Января сего года. Любопытны, обстоятельства, предшествовавшія и способствовавшія этому причисленію, но еще любопытнѣе тѣ свѣдѣнія, которыя сообщили мнѣ въ подробности закулисные мои знакомцы и знакомки о прежнемъ состояніи и составѣ Нѣмецкой труппы.

Нѣкто Мире, Страсбургскій уроженецъ, фехтмейстеръ, машинистъ и штукарь, объѣздившій почти всѣ города Европы въ качествѣ постановщика на сцену пьесъ съ такъ называемымъ великолѣпнымъ спектаклемъ, то-есть сраженіями, эволюціями, пожарами, наводненіями и землетрясеніями, прибылъ наконецъ въ Ригу, но такъ какъ въ Ригѣ театръ не великъ и, сверхъ того, онъ имѣлъ уже машиниста, которымъ и содержатель и публика были довольны, то Мире изъ фехтмейстера и машиниста сдѣлался содержателемъ кофейнаго дома и загороднаго воксала. Это предпріятіе ему удалось, и онъ женился на очень милой и образованной дѣвушкѣ, дочери умершаго комическаго актера Зауервейда *), воспитывавшейся въ пансіонѣ на иждивеніи друзей покойнаго отца ея. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ отправился въ Петербургъ подъ предлогомъ свиданія съ матерью жены своей, жившей экономкою въ домѣ извѣстнаго теперь богача Молво, но въ самомъ дѣлѣ въ томъ намѣреніи, чтобъ воспользоваться случаемъ пріобрѣсти театральныя принадлежности, какъ-то декораціи, гардеробъ, библіотеку и бутафорскія вещи, продававшіяся обществомъ молодыхъ Нѣмецкихъ купцовъ, любителей театра, устроившихъ для себя сцену въ домѣ Кушелева, противъ Зимняго дворца, и сдѣлаться самому директоромъ театра. И въ самомъ дѣлѣ, онъ пріобрѣлъ эти принадлежности за безцѣнокъ, а сверхъ того, былъ переданъ ему на выгодныхъ условіяхъ и самый театръ. Объ актерахъ Мире не безпокоился: на Васильевскомъ Острову, въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ Академіи Наукъ, давала свои представленія одна бѣдная Нѣмецкая труппа, подъ дирекціею какого-то невѣжды импрессаріо, по фамиліи Рунталлера. Мире переманилъ ее къ себѣ и съ нею открылъ свои представленія. Они начались удачно, а съ удачею открылся и кредитъ, которымъ онъ воспользовался и, въ надеждѣ на хорошіе сборы, рѣшился выписать съ разныхъ Нѣмецкихъ театровъ нѣсколькихъ хорошихъ актеровъ и пѣвцовъ. Средства его увеличились: вскорѣ послѣ нѣсколькихъ спектаклей, данныхъ въ комнатахъ императрицы Маріи Θеодоровны, Государь, по ея ходатайству, пожаловалъ Мире тридцать тысячъ рублей на поддержаніе Нѣмецкаго театра и выписку актеровъ. Эта неожиданная милость развязала руки Мире и дала ему возможность пріобрѣсти отличные таланты. На сценѣ его явились: изъ Вѣны—извѣстный Вейраухъ, басъ-буффо, съ женою, первою пѣвицею; изъ Праги Брюкль, актеръ на роли благородныхъ отцовъ, съ дочерью, также первою пѣвицею; Виландъ, даровитый актеръ въ роляхъ молодыхъ страстныхъ любовниковъ, съ женою, прекрасною дра-

*) Сынъ этого *Зауервейда* сдѣлался въ послѣдствіи отличнымъ живописцемъ и профессоромъ Академіи Художествъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

матическою актрисою; уморительный комикъ Линденштейнъ и знаменитый Карлъ Штейнсбергъ, превосходный актеръ во всѣхъ амплуа, трагическихъ, драматическихъ и комичестихъ, актеръ по призванію, Гаррикъ въ своемъ родѣ [1]); К. Гюбшъ, серьёзный басъ, и Гальтенгофъ, замѣчательный теноръ и красивый мужчина; Шарлота Миллеръ, актриса преинтересная, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно однообразная (о ней говорили, что она перемѣняетъ не роли, а только платья); мадамъ Эвестъ, которою любуемся до сихъ поръ въ роляхъ комическихъ старухъ, актриса, какихъ мало по естественности игры; Цейбигъ, отличный теноръ, пѣвецъ и музыкантъ, но удивительно невзрачный собою (въ роляхъ Бельмонте, принца Тамино и другихъ партіяхъ Моцартовыхъ оперъ его слушать иначе нельзя, какъ закрывъ глаза, но тогда заслушаешься); Боркъ, умный, развязный актеръ въ комедіяхъ и отлично исполнявшій въ трагедіяхъ нѣкоторыя роли злодѣевъ, какъ то: Франца Мора и Вурма; Ленцъ, красавецъ собою съ большимъ талантомъ, но игравшій рѣдко и вскорѣ удалившійся со сцены [2]); Кетнеръ и мадамъ Брандтъ (первый въ амплуа стариковъ, а послѣдняя въ роляхъ благородныхъ матерей, были на своихъ мѣстахъ); мадамъ Кафка, хорошенькая актриса, щеголиха, живая, кокетливая и вертлявая, нравилась публикѣ въ роляхъ служанокъ; наконецъ Юліусъ, Вильгельми, Арнольди съ Бреславскаго, Данцигскаго и Кёнигсбергскаго театровъ; Бергеръ фонъ-Берге, Миллеръ и Губертъ фонъ-Альбертъ, одинъ за другимъ, появлялись въ роляхъ молодыхъ любовниковъ, но не могли удовлетворять вкусу публики, которая съ каждымъ днемъ дѣлалась взыскательнѣе.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ, и дѣла Мире съ каждымъ днемъ улучшались. Онъ пришелъ въ Ригу пѣшкомъ, изъ Риги пріѣхалъ съ женою въ Чухонской брикѣ; теперь онъ имѣлъ нарядный экипажъ, просторную и удобную квартиру въ домѣ Кушелева, въ наилучшей части города, имѣлъ верховыхъ лошадей и охотничьихъ собакъ, многочисленную прислугу и, кромѣ молодой, пригожей жены, другихъ красивыхъ собесѣдницъ для препровожденія времени; словомъ, фехтмейстеръ Мире зажилъ какъ настоящій директоръ Санктпетербугскаго привилегированнаго Нѣмецкаго театра. Между тѣмъ, ему недоставало нѣсколькихъ сюжетовъ для полнаго укомплектованія своей труппы, и особенно по смерти Виланда, скоропостижно умершаго, онъ нуждался въ хорошемъ актёрѣ на амплуа первыхъ молодыхъ любовниковъ; но счастье и тутъ

[1]) См. „Дневникъ Студента“.

[2]) Впослѣдствіи Ленцъ былъ однимъ изъ первыхъ актеровъ Германіи; онъ пріобрѣлъ огромную репутацію *Позднѣйшее примѣчаніе.*

помогло ему: прочитавъ въ журналѣ «Сѣверный Архивъ» (Nordisches Archiv), издаваемомъ въ Митавѣ, разборъ игры одного молодаго актёра Рижской сцены, въ которомъ рецензентъ чрезвычайно хвалилъ его, Мире вздумалъ пригласить его въ Петербургъ на нѣсколько представленій, и, въ случаѣ, еслибъ онъ принятъ былъ публикою благосклонно, удержать его на своей сценѣ, во что̀ бы ни стало. Задумано—сдѣлано: актёръ приглашенъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и явился на сценѣ въ драмѣ Ифланда «Питомка» (die Mündel), въ роли Филиппа Брока, одной изъ труднѣйшихъ ролей въ амплуа молодыхъ любовниковъ, потому что она требуетъ отъ актёра, вмѣстѣ съ дарованіемъ и опытностью въ искусствѣ, пріятной наружности и главное, молодости—качествъ почти несовмѣстныхъ между собою. Актёръ понравился, публика была въ восхищеніи, апплодисментамъ не было конца. Его вызвали *), а генералъ Клингеръ, другъ Гёте, самъ знаменитый писатель и опытный знатокъ въ сценическомъ искусствѣ, сидѣвшій въ креслахъ, громко и съ жаромъ сказалъ: «Наконецъ-то дождались мы настоящаго любовника!» Этотъ актёръ былъ талантливый двадцати-двухлѣтній Гебгардъ, съ которымъ, по окончаніи спектакля, Мире тотчасъ же и заключилъ контрактъ.

Въ это время окончился срокъ контракта умнаго Карла Штейнсберга, и превосходный актёръ не захотѣлъ болѣе возобновлять его: ему опротивѣлъ Мире съ своимъ легкомысліемъ, съ своимъ полубарскимъ тщеславіемъ и мотовствомъ; онъ рѣшился ѣхать въ Москву и тамъ основать Нѣмецкій театръ. Пригласивъ съ собою нѣкоторыхъ актёровъ и актрисъ, также не возобновившихъ контрактовъ своихъ съ Мире, и присоединивъ къ нимъ нѣсколькихъ молодыхъ аматёровъ, онъ составилъ очень порядочную труппу и въ сопровожденіи жены своей Шарлотты Мюллеръ, молодой Маріи Штейнъ (впослѣдствіи мадамъ Гебгардъ, теперешняго свѣтила здѣшняго театра), Гаса, Коропа, Литхенса, Беренса, Нейгауза, Штейна и Петера, переселился въ Москву.

Сверхъ полученныхъ уже отъ щедротъ Государя тридцати тысячъ рублей, Мире, подъ предлогомъ усовершенствованія своего театра и необходимости новаго укомплектованія своей труппы по случаю неожиданнаго отъѣзда Штейнсберга, успѣлъ исходатайствовать еще себѣ въ пособіе около сорока тысячъ рублей и съ этими деньгами отправился въ Германію, en grand seigneur, поручивъ управленіе театромъ женѣ своей. Отсутствіе его продолжалось около шести мѣсяцевъ, и не только было нечувствительно для управленія, но, напротивъ, принесло ему

*) Въ тогдашнее время вызовъ актёра былъ такимъ происшествіемъ, о которомъ недѣлю толковали въ городѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

пользу. Пригожая директриса избрала себѣ помощникомъ молодаго пришельца съ Рижской сцены, Гебгарда, и они распоряжались такъ дѣятельно и умно, что Мире, по возвращеніи своемъ, самъ удивился порядку введенному ими въ управленіе: расходы были уменьшены, сборы увеличены и касса переполнена. Послѣднее обстоятельство было очень кстати, потому что Мире возвратился съ новыми сюжетами, которыхъ жалованье и содержаніе требовали расходовъ и обходились дорого. Съ нимъ пріѣхали актрисы—красавицы Леве и Сандерсъ (но только первая одна понравилась публикѣ въ роляхъ кокетокъ и свѣтскихъ женщинъ), Дальбергъ и Мактоваи, обѣ также пригожія женщины, но съ непріятнымъ Вѣнскимъ выговоромъ (отъ котораго мадамъ Дальбергъ теперь отвыкаетъ), басъ Гунніусъ, отличный пѣвецъ и актёръ, превосходный въ роляхъ Зороастра, Османа, Аксура, Лепорелло и проч. съ женою, извѣстною пѣвицею контральто; актёры: Кудичъ, Арресто, Берлингъ и Розенштраухъ, для ролей трагическихъ и драматическихъ; Ренке на амплуа вертопраховъ, и Шульцъ съ женою, для ролей комическихъ. Кромѣ того, съ предпріимчивымъ директоромъ театра прибыли балетная труппа и полный оркестръ: балетмейстеръ и танцмейстеръ Ламираль съ женою, первою танцовщицею; танцовщики Коломбо, Ванденбергъ, Эбергардъ и нѣсколько молодыхъ хорошенькихъ танцовщицъ; молодой капельмейстеръ Нейкомъ, воспитанникъ Гайдна; извѣстные музыканты: Миллеръ [1]), первая скрипка; Зукъ, флейтраверсистъ; Паульсенъ и Вендъ—гобоисты; Феррандини и Климпе—контрбасисты; Дрейверъ, Герке, Ратгеберъ, Шпринкъ—скрипачи; Германъ и Рудолфъ—фаготисты; Фуксъ и Фишеръ—волторнисты; Блашке—віолончелистъ, и наконецъ, знаменитый кларнетистъ Дерфельдъ [2]). Съ такимъ количествомъ хорошихъ актёровъ и пѣвцевъ, съ такимъ отличнымъ оркестромъ и замѣчательною балетною труппою Нѣмецкій театръ былъ всегда полонъ зрителей, и какъ впродолженіе зимы 1803—1804, такъ и до самаго закрытія театра предъ великимъ постомъ 1805 года сборы были чрезвычайные. Казалось, Мире долженъ былъ сдѣлаться богачомъ; но онъ не только не сдѣлался имъ, а напротивъ нашелся въ невозможности удовлетворить труппу слѣдующимъ ей жалованьемъ. Актеры, музыканты и танцовщики подняли вопль. Чтобъ избавиться отъ ежеминутной докуки ихъ, директоръ на дверяхъ своей конторы вывѣсилъ объявленіе, что «удовлетвореніе жалованьемъ артистовъ, принадлежащихъ къ Нѣмецкому театру, отнынѣ впредъ принимаетъ на себя казна». Артисты не повѣрили объявленію и навели справки: ничего не бывало, каз-

[1]) Сочинитель ораторіи: „Архангелъ Михаилъ".

[2]) Дерфельдъ впослѣдствіи былъ главнымъ капельмейстеромъ гвардейской полковой музыки и довелъ ее до необыкновеннаго совершенства. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

на о томъ не мыслила и не знала! Началось изслѣдованіе, которое могло имѣть для Мире бѣдственный результатъ; но, къ счастью его, оберъ полиціймейстеръ Эртель какъ-то уладилъ дѣло. Впрочемъ, вслѣдствіе плутовскаго своего поступка, Мире лишился лучшихъ сюжетовъ своей труппы: Гальтенгофъ, Гунніусъ съ женою, Нейкомъ, мадамъ Кафка и нѣкоторые другіе честные Нѣмцы не захотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла и отправились, по приглашенію Штейнсберга и по слухамъ объ успѣхахъ его театра, въ Москву.

21 Мая, Вторникъ. А. В. Приклонскій слышалъ въ канцеляріи нашего министра, что 29-го Апрѣля крѣпость Анапа покорилась адмиралу Пустошкину, и что есть слухи, будто бы адмиралъ Сенявинъ 11-го сего мѣсяца имѣлъ морское сраженіе съ Турками и истребилъ у нихъ три корабля, о чемъ и ждутъ оффиціальнаго извѣстія. Между тѣмъ, вѣсти изъ арміи не такъ успокоительны и веселы: говорятъ, что едва ли Данцигъ не долженъ будетъ сдаться, если ужъ и не сдался.

А вотъ и окончаніе подвиговъ героя Мире, которые хотя и не такъ интересны, но будучи тѣсно связаны съ судьбою здѣшняго Нѣмецкаго театра, по необходимости входятъ въ его исторію.

Несмотря на разстройство, причиненное театральному репертуару отъѣздомъ лучшихъ сюжетовъ труппы въ Москву, Мире продолжалъ свои представленія, и по невозможности давать оперы Моцарта, Сальери и другихъ Германскихъ композиторовъ, столько любимыя публикою и привлекавшія ее въ театръ, онъ сталъ забавлять ее пьесами драматическими и комическими изъ сочиненій Циглера, Стефани, Юнгера, Бока, Брецнера, Цшокке, Бека, Бейля, Шредера, Ифланда, Коцебу, Клингера, Шиллера и другихъ; возобновилъ «Русалокъ», «Чортову Мельницу», «Чортовъ Камень», «Дурачка Антошу», «Сестеръ изъ Праги», «Воскресное Дитя» и проч. и проч. Дѣла продолжали идти недурно, а чтобъ усилить еще болѣе сборы, Мире выписалъ пригожую пѣвицу Паузеръ изъ Риги и пригласилъ, на выгодныхъ условіяхъ, изъ труппы Штейнсберга Марію Штейнъ, о которой пріѣзжіе изъ Москвы отзывались съ великою похвалою. Первая не понравилась и возвратилась въ Ригу, послѣдняя же принята съ восторгомъ и вскорѣ по пріѣздѣ вышла замужъ за молодаго любимца публики, Гебгарда. Но хорошіе сборы не могли уже поправить обстоятельствъ Мире, задолжавшаго кругомъ и потерявшаго не только кредитъ, но и уваженіе своей труппы, вслѣдствіе чего онъ и нашелся въ необходимости сдать свой театръ актёру Арресто, легкомысленно вызвавшемуся принять его съ переводомъ на себя долговъ Мире, простирающихся до восьмидесяти тысячъ рублей. Новый

директоръ, не имѣя понятія о вкусѣ Петербургской публики [1]) и полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ публикою какого-нибудь Нѣмецкаго городка, началъ съ того, что схватился за экономію: онъ распустилъ знаменитый оркестръ и балетную труппу, отказалъ послѣднимъ опернымъ артистамъ, оставшимся при театрѣ, и принялся давать старыя, давно уже знакомыя публикѣ пьесы, которыя не могли обогатить кассу. Арресто былъ прекрасный талантъ, но вовсе плохой директоръ. Желая поправить свои сборы и зная, что оперы всегда привлекали публику, онъ вздумалъ поставить на сцену премилую оперку «Фаншону» и распредѣлилъ въ ней роли престраннымъ образомъ: самъ игралъ Сенъ-Валя, мамзель Леве заставилъ играть Фаншону, Шульца—аббата, Берлинга—Эдуарда и такъ далѣе. Онъ вообразилъ, что можно пѣть безъ голосовъ, и что если всякій оперный пѣвецъ, по нуждѣ, можетъ играть въ драмахъ и комедіяхъ, почему жъ и всякій драматическій актёръ не можетъ, по нуждѣ, пѣть въ операхъ? Это логика совершенно Нѣмецкая; но какова бы она ни была, только представленіе «Фаншоны» было послѣднимъ представленіемъ Нѣмецкаго театра, происходившимъ подъ управленіемъ Арресто: въ десять часовъ окончился спектакль, а въ одиннадцать пожаръ превратилъ уже Кушелевскій театръ со всѣми принадлежностями въ пепелъ. Государь изволилъ быть на пожарѣ и тутъ же благоволилъ дать повелѣніе о «причисленіи Нѣмецкой труппы къ Императорской Дирекціи Театральныхъ Зрѣлищъ». Радость артистовъ была неописанна. Искатель приключеній Мире выѣхалъ изъ Петербурга почти нищимъ и отправился въ Линцъ одинъ, оставивъ жену на рукахъ Арресто, который вскорѣ уѣхалъ съ нею въ Германію чрезъ Ревель и Ригу, гдѣ проѣздомъ далъ нѣсколько представленій. Sic transit gloria mundi!

Теперь Нѣмецкая труппа благоденствуетъ, хотя и не въ прежнемъ полномъ своемъ составѣ, подъ завѣдываніемъ театральнаго переводчика Н. С. Краснопольскаго. Режиссерами назначены: по части драматической—Гебгардъ, комической—Линденштейнъ и оперной—Цейбигъ, которому поручена также и оперная репетитура.

22 Мая, Среда. Я далъ бы полжизни, чтобъ быть на мѣстѣ этого счастливца Крюковскаго [2]). И отчего же не пришло въ голову мнѣ,

[1]) Тогдашняя публика Нѣмецкаго театра не была похожа на нынѣшнюю. Она состояла большею частью изъ ревностныхъ поклонниковъ искусства. Въ то время Нѣмецкій театръ, также какъ и Русскій, имѣлъ постоянныхъ своихъ посѣтителей, принимавшихъ горячее участіе въ представленіяхъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[2]) Вамъ, почтенные театралы моего времени, которымъ удалось видѣть первое представленіе трагедіи „Пожарскій", посвящается дневникъ 22 Мая. Вамъ принадлежитъ

вмѣсто «Артабана», написать какую-нибудь трагедію изъ отечественной исторіи, вмѣсто того, чтобъ время и трудъ тратить попустому надъ этимъ Персидскимъ негодяемъ? Вотъ чтò называется торжество, и такое, отъ котораго, если не умереть, такъ съ ума сойти можно. Чтò ни говори князь Шаховской, Крыловъ и Гнѣдичъ, но я увѣренъ, что и они бы не прочь отъ такого тріумфа. «Пьеса кстати, пьеса кстати!» повторяютъ они—и только; а развѣ этого мало? Мнѣ кажется это *все*. Я самъ знаю, что пьеса Крюковскаго посредственна, да и самые стихи въ роли Пожарскаго, которые приводили въ такой восторгъ публику, пахнутъ Сумароковщиной. Да какое до того дѣло? Въ моемъ «Артабанѣ» стихи пощеголеватѣе, а на сценѣ не произвели бы никакого дѣйствія. И лишь теперь, увидѣвъ представленіе «Пожарскаго», я начинаю понимать, что для полнаго успѣха трагедій на Русской сценѣ только и нужно, чтобъ онѣ были «кстати» и чтобъ игралъ въ нихъ Яковлевъ.

Послѣ обѣда мы съ Гнѣдичемъ вмѣстѣ отправились въ театръ и хотя пришли довольно рано, но онъ уже почти былъ полонъ. Все лучшее общество красовалось въ ложахъ, а партеръ былъ буквально набитъ биткомъ. Мы замѣтили Михайла Астафьевича Лобанова, молодаго преподавателя Русской словесности у Строгановыхъ, въ числѣ несчастныхъ партерныхъ паціентовъ: онъ опоздалъ найти себѣ мѣсто и принужденъ былъ жаться между стоящими. Невольно пришло мнѣ въ голову, что, безъ особаго покровительства князя Шаховскаго, я бы самъ терпѣлъ такое же истязаніе, между тѣмъ какъ теперь сижу преспокойно въ креслахъ. Время переходчиво: прежде завидовалъ я другимъ, теперь другіе завидуютъ мнѣ. Спектакль начался получасомъ позже обыкновеннаго времени (шести часовъ), потому что поджидали Александра Львовича. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи многихъ знатныхъ особъ и, противъ обыкновенія своего, помѣстился не въ ложѣ, а въ директорскихъ своихъ креслахъ между главнокомандующимъ С. К. Вязьмитиновымъ и старымъ графомъ Строгановымъ; прочія же кресла въ первомъ ряду занимали графъ Кочубей, Н. А. Загряжскій, графъ Салтыковъ, Д. Л. Нарышкинъ, генералъ-адъютантъ князь Гагаринъ, князь Ив. Ал. Гагаринъ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ, А. И. Корсаковъ,

онъ по праву, потому что вы были свидѣтелями невиданнаго и неслыханнаго успѣха такой пьесы, которая, если и могла заслуживать какое-нибудь вниманіе, то единственно по намѣренію сочинителя, но въ художественномъ отношеніи не имѣла никакихъ достоинствъ. Какъ ни смѣшны восторги театрала-юноши, однакожъ вы должны признаться, что они были въ то время вѣрнымъ отголоскомъ мнѣнія публики, противу котораго не смѣли возражать даже и самые опытные драматическіе наши литераторы. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

А. С. Шишковъ, И. С. Захаровъ и другіе, которыхъ я не знаю. Представленіе началось; сцена Заруцкаго (Шушеринъ) съ есауломъ (Щениковъ) прошла холодно. Но вотъ, наконецъ, появился Пожарскій (Яковлевъ). Онъ остановился по срединѣ сцены, прискорбно взглянулъ на златоглавую Москву, прекрасно изображенную на задней декораціи, глубоко вздохнулъ и съ такимъ чувствомъ рѣшимости и самоотверженія произнесъ первый стихъ своей роли:

Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть,

что театръ затрещалъ отъ рукоплесканій. Но при слѣдующихъ стихахъ:

То чувство пылкое, творящее героя,
Покажемъ скоро мы среди кровава боя.
Похищенно добро намъ время возвратить!

начались топанья и стучанья палками и раздались крики: «браво! браво!» до такой степени оглушительные, что Яковлевъ принужденъ былъ оставаться минуты съ двѣ неподвижнымъ и безгласнымъ. Съ такимъ восторгомъ приняты были почти всѣ стихи въ его роли, которая состоитъ изъ афоризмовъ и декламацій о любви къ отечеству. На трактацію сюжета и роли другихъ актеровъ публика не обращала никакого вниманія: она занималась однимъ Пожарскимъ—Яковлевымъ; и лишь только онъ появлялся, аплодисменты и крики возобновлялись съ большею силою. Я запомнилъ нѣсколько стиховъ, которые болѣе другихъ на меня подѣйствовали:

Погибни лучше все, и градъ порабощенный
Въ отеческой странѣ рукой иноплеменной
Готовъ разрушить я, въ прахъ зданія попрать,
Во храмы бросить огнь и пламенемъ объять
Ихъ гордыя главы, что̀ въ золотѣ сіяютъ
И блескъ протекшаго величія являютъ....
Россія не въ Москвѣ—среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна...

или:

Ты обрати свой взоръ на храмы опаленны,
Селенья выжженны, поля опустошенны....
Не ихъ ли то дѣла?
Убогой хижины они, развѣя кровъ
И удаливъ жену отъ вѣрнаго супруга,
Отторгли буйственно оратая отъ плуга;
Луга притоптанны увяли въ красотѣ;
Остался пеплъ одинъ въ наслѣдство сиротѣ!....
И если встрѣчу смерть толико въ браняхъ лестну,
Тѣнь грозная моя возстанетъ межъ рядовъ
И воспалитъ вашъ гнѣвъ и ярость на враговъ!

Эти стихи, конечно, хороши и стоили одобренія; но стихъ, возбудившій наибольшій энтузіазмъ, находится въ сценѣ, въ которой Пожарскій, узнавъ въ одно и тоже время объ измѣнѣ Заруцкаго и объ опасности, въ какой находится его семейство, бросается къ Москвѣ, не слушая убѣжденій своихъ приверженцевъ поспѣшить на помощь роднымъ своимъ:

Родные! Но... Москва не мать ли мнѣ?..

Говорятъ, что такого энтузіазма публики, какое произвелъ этотъ стихъ, никто не запомнитъ; и это должно быть справедливо, потому что восторги зрителей при первомъ представленіи «Дмитрія Донскаго», въ сравненіи съ нынѣшними, могутъ назваться умѣренными.

Воспитанникъ театральной школы, Сосницкій, очень мило сыгралъ роль Георгія. Маленькій актеръ съ такимъ чувствомъ продекламировалъ:

Мнѣ жаль, что не могу сей слабою рукою,
Схвативъ булатный мечъ, идти на брань съ тобою...

и далѣе:

Кто смѣло въ бой идетъ, тотъ будетъ побѣдитель!

что въ пору было бы иному и опытному актеру. Автора вызвали, и Александръ Львовичъ изъ креселъ нарочно входилъ въ ложу, чтобъ представить счастливца Крюковскаго публикѣ.

24 Мая, Пятница. Вчера переѣхалъ на новую квартиру въ домъ Харламова. Комнаты мои непріятны, настоящіе сараи. Хозяинъ встрѣтилъ меня съ хлѣбомъ и солью, увѣряя, что дешевле и удобнѣе квартиры я не найду для себя въ цѣломъ Петербургѣ. Въ отношеніи къ дешевизнѣ, можетъ быть, онъ и правъ; но что̀ касается до удобства—дѣло другое: предчувствую, что въ этихъ сараяхъ мнѣ жить одному будетъ тошно. Челядинцы мои болтаютъ, что объ моей квартирѣ ходятъ между живущими въ домѣ какіе-то непріятные слухи. Если дѣло идетъ о какомъ-нибудь привидѣніи—я его не боюсь, потому что хозяинъ мой совѣтникъ Губернскаго Правленія и въ дружбѣ съ Эртелемъ, предъ которымъ должны исчезнуть всѣ возможныя привидѣнія.

Князь Горчаковъ въ сатирѣ своей жалуется, что литературу нашу наводнили журналы:

И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Гдѣ жъ эти тысячи? Первой, другой и—обчелся! Скорѣе надобно бы нашему сатирику жаловаться на недостатокъ журналовъ: у насъ и прежде было немного періодическихъ изданій, а нынѣшній годъ осо-

бенно такъ ими бѣденъ, что еслибъ кому вздумалось познакомить публику съ своимъ сочиненіемъ, то авторъ просто не пріищетъ, куда помѣстить его. «Вѣстникъ Европы», «Другъ Юношества», «Весенній Цвѣтокъ» и «Журналъ изящныхъ искусствъ» въ Москвѣ [1]), да «Сѣверная Пчела», издаваемая гимназіей и не помѣщающая чужихъ сочиненій, и «Экономическій Журналъ» Кукольника здѣсь, въ Петербургѣ— вотъ и всѣ *тысячи*. Охота же князю Горчакову такъ клепать на нашу литературу! Въ прошедшемъ году, кромѣ «Вѣстника Европы», были еще кой-какіе журналы, напримѣръ: «Любитель Словесности» Остолопова, «Лицей» Мартынова, «Московскій Зритель» К. Шаликова, «Московскій Собесѣдникъ» и «Дамскій Журналъ»; а въ нынѣшнемъ такой въ нихъ недостатокъ, что изъ рукъ вонъ! Говорятъ, что съ будущаго Іюня нѣсколько молодыхъ людей съ дарованіями, Шредеръ, Делакроа и Гречъ, собрались издавать журналъ подъ заглавіемъ «Геній Временъ»; но этотъ журналъ будетъ историческій и политическій, и для литературныхъ статей едва ли сыщется въ немъ мѣсто; къ тому жь издателей много, а у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу [2]). Впрочемъ, увидимъ.

Еслибъ князь Шаховской серьезно принялся за изданіе театральнаго журнала, то въ теперешнее скудное время Петербургской литературы этотъ журналъ могъ бы имѣть огромный успѣхъ. Только достанетъ ли у Шаховскаго на то времени? Рыкаловъ беретъ на себя издержки и всѣ хлопоты по изданію, но съ тѣмъ, чтобъ доставили ему матеріаловъ по крайней мѣрѣ на два мѣсяца впередъ: онъ, какъ видно, не очень надѣется на аккуратность князя Шаховскаго и говоритъ, что одними мелкими стихотвореніями не поддержишь изданія и что нужны капитальныя прозаическія статьи. Хотя Маринъ и Писаревъ обѣщали доставлять нѣкоторые переводы изъ Французскихъ авторовъ о правилахъ театра, а первый даже вызвался перевести стихами поэму Дората о декламаціи; но тотъ и другой люди военные и заняты службою, слѣдовательно на постоянное участіе ихъ также слишкомъ полагаться нельзя.

Гнѣдичъ сказывалъ, что получилъ отъ знакомца своего, Батюшкова, стихотворное посланіе «къ Озерову» [3]), которое чрезвычайно хвалитъ. По словамъ его, Батюшковъ имѣетъ большой талантъ, но чрезвычайно застѣнчивъ и до сихъ поръ не рѣшается печатать своихъ

[1]) Издаваемые М. Т. Каченовскимъ, М. И. Невзоровымъ, К. Андреевымъ и Буле.

[2]) Однакожъ, „Геній Временъ“ издавался чуть ли не около трехъ лѣтъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

[3]) Въ послѣдующемъ году оно напечатано было въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“.

стихотвореній. Онъ служитъ въ Егерскомъ полку, съ которымъ и находится теперь въ походѣ. Гнѣдичъ далъ слово князю Шаховскому также участвовать въ изданіи театральнаго журнала и пригласить къ тому нѣкоторыхъ знакомыхъ ему авторовъ.

25 Мая, Суббота. Тетрадь, подаренная мнѣ Иваномъ Аѳанасьевичемъ, чрезвычайно интересна: въ ней, между прочимъ, заключается и реестръ пьесамъ, играннымъ не только впродолженіе всего сценическаго его поприща, то-есть съ эпохи прибытія его изъ Ярославля въ Петербургъ, въ 1752 году, до увольненія отъ театра, 1787, но и до того времени. Это—драгоцѣнный манускриптъ для исторіи нашего театра, и я не понимаю, какъ онъ могъ оставаться до сихъ поръ въ безгласности; а еще болѣе удивляюсь, какимъ образомъ рѣшился старикъ отдать его мнѣ и такъ легко, не придавая никакой важности своему подарку.

Въ этой тетради любопытнѣе всего замѣтки объ успѣхѣ или неуспѣхѣ игранныхъ пьесъ и о томъ дѣйствіи, какое онѣ производили на дворъ и публику. Есть также краткія замѣчанія на игру нѣкоторыхъ актеровъ, въ числѣ которыхъ красуются имена извѣстныхъ и намъ Померанцева, Шушерина и нѣсколькихъ другихъ. Если предполагаемое изданіе театральнаго журнала состоится, тогда я буду въ возможности снабдить его хорошею статьею и сколько-нибудь расквитаться съ княземъ Шаховскимъ за дозволеніе пользоваться его креслами въ театрахъ.

Изъ Коллегіи заходилъ къ Яковлеву поздравить его съ новымъ успѣхомъ въ роли Пожарскаго. Онъ что-то не въ духѣ: на всѣ вопросы отвѣчалъ какъ бы нéхотя; сидитъ на диванѣ насупясь и думаетъ какую-то думу. Я не хотѣлъ надоѣдать ему и скоро ушелъ, даже и не простившись съ нимъ.

26 Мая, Воскресенье. Наконецъ видѣлъ «Модную Лавку» и насмѣялся до сыта. Какъ эта комедія ни хороша въ чтеніи, но она еще лучше на сценѣ, потому что разыгрывается отлично. Рыкаловъ и Рахманова въ роляхъ Сумбурова и Сумбуровой превосходны. Мало того, что они смѣшатъ, но вмѣстѣ заставляютъ удивляться вѣрности, съ какою представляютъ своихъ персонажей. Это настоящіе провинціалы, но провинціалы совершенно Русскіе; и кто живалъ въ отдаленныхъ губерніяхъ, тому, навѣрно, удавалось не разъ встрѣчать подобные оригиналы. Прочія роли выполнены были также прекрасно: Жебелевъ очень удачно сыгралъ роль Француза Тришé, плута и афериста, для котораго всѣ средства хороши, чтобъ сколотить деньгу; Ежова была

препорядочною мадамъ Каре́, модною торговкою, которая въ женщинахъ точно тоже, что̀ Трише́ въ мущинахъ; въ Бельё видѣли мы типъ магазинной дѣвушки, хорошенькой, ловкой и плутоватой, а о Пономаревѣ, игравшемъ деревенскаго слугу Сумбуровыхъ, Антропку—нечего и говорить: это одинъ изъ прежнихъ знаменитостей Русской сцены. Непостижимо, какъ мастерски отдѣлалъ онъ эту почти ничтожную роль Антропки. Что̀ за физіономія, какая фигура, какія ухватки, какая походка и какой разговоръ! Какъ уморительно снимаетъ онъ съ барыни салопъ и носитъ его на рукѣ! Съ какимъ любопытствомъ и удивленіемъ разсматриваетъ вещи, на показъ выставленныя въ лавкѣ: шляпки, чепчики и проч. и проч.—ну, право, этотъ Пономаревъ въ своемъ родѣ Превиль. Дайте роль Антропки другому актеру—она выйдетъ безцвѣтна и незамѣтна. Говорятъ, что память начинаетъ измѣнять ему. Жаль; впрочемъ, и Превиль подъ старость также ослабѣлъ памятью и потому отказался отъ прежнихъ большихъ ролей своихъ и началъ играть маленькія, ничтожныя роли, которыя отдѣлывалъ съ такимъ искусствомъ и рельефностью, что онѣ выходили чрезвычайно замѣчательными.

Во время страшнаго пожара, бывшаго Владимирской губерніи въ городѣ Судогдѣ, у казенной кладовой стоялъ на часахъ штатной команды солдатъ Пичугинъ. Вдругъ прибѣгаетъ къ нему сосѣдъ съ извѣстіемъ, что домишко его занялся и чтобъ онъ скорѣе смѣнялся съ караула и спѣшилъ спасать домашнихъ. «Не можно», отвѣчалъ онъ: «казну еще не повытаскали». Прибѣгаетъ другой посланный: «Пичугинъ, жена твоя и съ ребенкомъ чуть-ли не сгорѣли. Ступай домой».—«Не можно», отвѣчаетъ онъ опять: «казну не совсѣмъ еще повытаскали». Наконецъ, казну *повытаскали*, и Пичугинъ, смѣнившись съ караула, опрометью побѣжалъ къ своему пепелищу; но домишка со всѣми пожитками какъ не бывало, а жену съ ребенкомъ нашелъ бѣднякъ обгорѣвшими въ уголь. Государь, узнавъ о поступкѣ Пичугина, приказалъ дать ему въ награжденіе пятьсотъ рублей единовременно и триста рублей ежегодной пенсіи. Кажется бы, и дѣлу конецъ. Нѣтъ, подвигъ Пичугина не конченъ: полученные пятьсотъ рублей отъ щедротъ Государя онъ роздалъ всѣ до копѣйки пострадавшимъ вмѣстѣ съ нимъ отъ пожара.

Докторъ Крейтонъ разсказывалъ, что, года четыре назадъ, случилось ему въ Англіи быть при анатомированіи тѣла одного семилѣтняго мальчика, по фамиліи Малкенъ, который не только умѣлъ уже правильно читать и писать по-англійски, но зналъ Латинскій языкъ и географію и рисовалъ очень порядочно. Между прочимъ, этотъ мальчикъ незадолго до своей смерти сочинилъ описаніе какого-то небывалаго государства, которому очень остроумно придумалъ свойственные законы,

учрежденія и обряды, вовсе непохожіе на Англійскіе и, однакожъ, возможные. По вскрытіи головы найдено, что мозгъ Малкена въ объемѣ и вѣсѣ превосходилъ мозгъ другихъ дѣтей, равныхъ съ нимъ лѣтъ, болѣе, нежели въ полтора раза. Не любо не слушай, а лгать не мѣшай *).

28 Мая. Вторникъ. Вчера цѣлый день былъ въ Павловскѣ у И. П. Эйнбродта. Нагулялся вдоволь, такъ что и теперь еще ногъ подъ собою не слышу. Ивану Петровичу въ Павловскѣ не житье, а рай: квартира великолѣпная и столъ придворный; чего хочешь того и проси— все есть: что называется ѣшь не хочу. Видѣлъ императрицу Марію Ѳеодоровну и маленькихъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, которые что-то копали въ саду. Императрица прогуливалась по парку съ великими княжнами Екатериною и Анною Павловнами и тремя придворными дамами въ длинной открытой линейкѣ. Шталмейстеръ Мухановъ съ какими-то двумя кавалерами ѣхали верхами. Императрица два раза проѣзжала мимо меня и каждый разъ милостиво и съ улыбкою кланялась мнѣ, когда я останавливался и снималъ шляпу. Великая княжна Екатерина Павловна – красавица необыкновенная; такого ангельскаго и вмѣстѣ умнаго лица я не встрѣчалъ въ моей жизни; оно мерещится мнѣ и до сихъ поръ, такъ что я, хотя и плохо владѣю карандашомъ, но могу очертить его довольно сходно.

У Ивана Петровича обѣдали Ѳ. П. Аделунгъ и докторъ Рюль, котораго видѣлъ я у Эллизена. У послѣдняго физіономія невзрачная, а говорить искусенъ и къ тому же искателенъ, слѣдовательно имѣетъ всѣ средства выйти въ люди. Толковали большею частью о военныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, ничего положительнаго не слышно. Всѣ извѣстія изъ арміи ограничиваются только тѣмъ, что Государь здоровъ и что вскорѣ должно произойти сраженіе. Аделунгъ сказывалъ, что начальникъ его, статсъ-секретарь Витовтовъ, былъ назначенъ въ это званіе единственно за свои человѣколюбивые подвиги. Государь какъ-то случайно узналъ о нихъ и, при встрѣчѣ съ Витовтовымъ во время обыкновенной своей прогулки по Дворцовой набережной, поздравилъ его статсъ-секретаремъ своимъ. Государь, по словамъ Аделунга и Эйнбродта, чрезвычайно внимателенъ къ людямъ возвышенныхъ чувствъ, и въ тѣхъ лицахъ, которыми себя окружаетъ, не терпитъ ничего неблагороднаго и особенно неблагодарности, хотя и снисходитъ къ ихъ слабостямъ по человѣчеству. Василій Назарьевичъ Каразинъ,

*) Виноватъ! Впослѣдствіи я удостовѣрился неоспоримыми доказательствами, что этотъ мальчикъ дѣйствительно существовалъ. *Позднѣйшее примѣчаніе.*

очень умный человѣкъ, назначенный Государемъ въ статсъ-секретари по рекомендаціи Николая Николаевича Новосильцова, потерялъ довѣренность Государя и впалъ въ немилость только потому, что осмѣлился при докладѣ опорочивать дѣйствія покровителя своего Новосильцова по какому то дѣлу, не объяснившись съ нимъ предварительно.

Возвращаясь изъ Павловска ночью на пароконномъ своемъ извощикѣ, я почти во всю дорогу долженъ былъ править его клячами самъ; Автомедонъ мой нагрузился до такой степени, что съ самой Пулковой горы былъ безъ чувствъ; я боялся, чтобъ онъ не умеръ и чтобъ по этому случаю не привязались ко мнѣ; ужъ то-то бы, какъ говорится:

Купилъ себѣ лихо
Да за свои гроши.

Къ счастью, этого не случилось, потому что, подъѣхавъ къ заставѣ, я встрѣтилъ другаго извощика, который сжалился надо мною и мастерски разбудилъ пьяницу, влѣпивъ ему по крайней мѣрѣ десятка два ударовъ кнутомъ и окативъ его ведромъ воды изъ канавы. Это значитъ по русски!

29 Мая. Середа. Опера князя Шаховскаго «Любовная Почта» разыгрывается у насъ такъ хорошо, что лучше не разыграли бы ея и французскіе актёры. Особенно Воробьевъ, въ роли предсѣдателя и Рахманова, въ роли помѣщицы-сутяги, были безподобны. Игра Воробьева естественна и вѣрна, а веселость его на сценѣ чрезвычайно сообщительна. Пономаревъ и Самойловъ также играли хорошо, а послѣдній и пѣлъ отлично. Музыку на слова сочинялъ капельмейстеръ Кавосъ, и по всему видно, что онъ хотѣлъ угодить князю Шаховскому: всѣ мотивы очень веселы, пріятны и, сверхъ того согласуются съ словами, что̀ рѣдко удается слышать въ операхъ, особенно въ Русскихъ.

Пишутъ изъ Москвы, что дѣла Нѣмецкаго театра плохи, и директоръ его, А. Муромцовъ, несмотря на свои восемьсотъ душъ, такъ запутался, что больше не въ состояніи платить актерамъ жалованье. Нѣкоторые сюжеты ѣдутъ сюда, Гунніусъ съ семействомъ въ Германію, а Литхенсъ *) началъ учиться математикѣ, съ намѣреніемъ вступить въ военную службу по артиллеріи. Вотъ куда бросило нашего Карла

*) Литхенсъ былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи въ чинѣ поручика конной артиллеріи. Онъ оставилъ по себѣ память храбраго и знающаго свое дѣло офицера.

Моора! На Французскомъ театрѣ готовятся дать «Тартюфа», котораго будетъ играть Дюпаре, а Эльмиру—долговязая мадамъ Ксавье; между тѣмъ прихотливая Французская публика съ нетерпѣніеуъ ожидаетъ давно возвѣщенной комедіи «l'Homme à bonne fortune» Барона, пьесы въ стихахъ и очень длинной, такой длинной, что едвали, по словамъ моего корреспондента, публика досидитъ до пятаго акта. Изъ чего жъ она, матушка, такъ заботится и хлопочетъ?

30 Мая. Четвергъ. Идучи въ Коллегію, замѣтилъ я необыкновенное движеніе въ городѣ: множество экипажей скакало по улицамъ, и бóльшая часть изъ нихъ останавливалась у подъѣзда главнокомандующаго. «Это не даромъ» подумалъ я: «должны быть какія-нибудь вѣсти изъ арміи». И точно, Илья Карловичъ, бывшій у министра съ докладомъ, привезъ извѣстіе, что маршалъ Ней разбитъ на голову подъ Гутштадтомъ. Потеря Французовъ огромна; но и мы потеряли не мало; между прочимъ у насъ тяжело ранены два генерала, графъ Остерманъ-Толстой и Сомовъ. Ожидаютъ другихъ важнѣйшихъ извѣстій. Кусовниковъ слышалъ отъ отца, что на биржѣ большое движеніе, и купцы спѣшатъ дѣлами, какъ будто въ предчувствіи чего-нибудь чрезвычайнаго; требованія на наши товары безпрерывно возростаютъ, и цѣны на нихъ возвышаются; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки обыкновенію, лажъ на серебро и золото увеличился: серебряный рубль ходитъ 1 р. 50 к., а червонецъ—4 р. 90 коп. Говорятъ, что признакъ дурной, то есть признакъ продолженія войны.

31 Мая. Пятница. За обѣдомъ у Лабата пили Шампанское за здоровье Государя и въ честь одержанной побѣды. Старые эмигранты порядочно подвеселились и непремѣнно требовали тоста Лудовику XVIII, котораго уже воображаютъ на престолѣ своихъ предковъ. Эти эмигранты точно дѣти, и Марья Лукинична чуть ли не права, называя ихъ полоумными: то, при малѣйшей неудачѣ нашихъ войскъ, они упадаютъ духомъ и находятся въ какомъ-то состояніи безнадежнаго отчаянія; то вдругъ, при извѣстіи объ успѣхѣ нашей арміи, какъ бы ни былъ онъ маловаженъ, занесутся такъ высоко, что и земли не слышатъ подъ собою: дѣлятъ Францію, сажаютъ Бонапарте въ Бисетръ и вдаются въ другія подобныя несбыточныя предположенія. Нечего сказать: «народъ и скучный, и смѣшной!» хотя, въ отношеніи привязанности къ королю, и заслуживаетъ уваженія.

Старые актеры гогорятъ, что Московскаго театра актеръ Иванъ Калиграфовъ игралъ роль Дмитрія Самозванца лучше всѣхъ извѣстныхъ ак-

теровъ, и не постигаютъ, почему эту роль почитаютъ тріумфомъ Дмитревскаго, который, по ихъ мнѣнію, былъ въ ней просто слабъ. Для этой роли у него недоставало ни органа, ни груди; и какъ онъ ни старался сохранить себя для пятаго акта, но никогда не въ состояніи былъ кончить пьесу безъ потери голоса и истощенія силъ. Торжествомъ Дмитревскаго могла назваться роль Тита въ трагедіи Княжнина «Титово Милосердіе»; но и въ этой роли актеръ Лапинъ едва ли не былъ его превосходнѣе. Дмитревскаго надобно было видѣть въ комедіяхъ, напримѣръ, въ Реньяровомъ «Игрокѣ», въ Мольеровомь «Мизантропѣ» и нѣкоторыхъ другихъ: въ этихъ роляхъ онъ былъ безспорно, совершеннымъ, и никто, даже изъ Французскихъ актеровъ, соперничать съ нимъ не могъ. Калиграфовъ имѣлъ большія средства, но, къ сожалѣнію, карьера его была непродолжительна: онъ умеръ въ 1780 году, вскорѣ послѣ пожара, истребившаго театръ бывшій на Знаменкѣ, въ домѣ графа Воронцова, и случившагося въ самое время представленія «Дмитрія Самозванца».

Шушеринъ утверждаетъ, что жена Калиграфова имѣла еще больше дарованія, чѣмъ мужъ ея; но способностей своихъ она не могла развить вполнѣ по недостатку ролей, имъ соотвѣтственныхъ. Единственная роль мистрисъ Марвудъ, въ трагедіи «Миссъ Сара Сампсонъ», переведенной Левшинымъ, была по ея сильнымъ средствамъ, и она играла ее въ совершенствѣ. «Въ настоящее время», продолжалъ Шушеринъ, «Надежда Калиграфова была бы отличною Медеею, Клитемнестрою и Герміоною; а, впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, и ее заставили бы также, какъ Марью Синявскую, то-есть Сахарову, играть у Семеновой наперсницъ, какъ и меня, вѣроятно, хотѣли бы заставить играть наперсниковъ у Яковлева».

Шушеринъ, какъ видно, чѣмъ нибудь огорченъ, а къ тому жъ Надежда Калиграфова—его сожительница. Мнѣ сказывали, что старики до ихъ поръ живутъ душа въ душу.

Здѣсь оканчивается то, что́ намъ извѣстно изъ „Дневника Чиновника" по напечатанному въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1855 года. Гдѣ продолженіе, не знаемъ. Говорятъ, что былъ еще „Дневникъ Сановника". Дальнѣйшей біографіи автора мы также не имѣемъ. Отъ современниковъ С. П. Жихарева случалось намъ слышать, что, продолжая службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, онъ былъ на Вѣнскомъ конгресѣ. Затѣмъ онъ перемѣнилъ службу и былъ въ Москвѣ прокуроромъ Губернскаго Правленія, женился на Θедосьѣ Дмитріевнѣ Нечаевой, разбогатѣлъ, имѣлъ большой домъ въ Москвѣ (подъ Новинскимъ, нынѣ Куманиной), сдѣлался оберъ-прокуроромъ Московскаго Сената и, наконецъ, сенаторомъ. Но позднѣе имущественныя дѣла его разстроились, и онъ кончилъ дни свои почти въ нуждѣ. Единственный сынъ его Платонъ Степановичъ скончался 20-ти лѣтъ отъ роду въ 1838 году, а дочь Варвара Степановна была за княземъ Елимомъ Петровичемъ Мещерскимъ, племянникомъ военнаго министра князя Чернышова и овдовѣвъ вышла за графа Борбонъ дель-Монте.

Будемъ надѣяться, что остальные дневники даровитаго и наблюдательнаго С. П. Жихарева найдутся и огласятся въ печати. П. Б.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ

КЪ ЗАПИСКАМЪ С. П. ЖИХАРЕВА.

Аблецъ 259.
Августинъ викарій Моск. 23, 200.
Аверинъ Петръ Ив. 102, 142, 215—217.
Ададурова Анна Ив. 223, 234, 235, 279, 400.
Ададуровъ 223, 235, 247.
Аделунгъ Ѳ. П. 305, 444.
Азанчевскій П. А. 224.
Акоховъ 151.
Аксеновъ Никол. Петр. 9, 22, 32, 133.
Аксеновы 4.
Александровъ П. 184—187.
Александръ I-й 78, 79, 92, 101, 104, 105, 111—113, 115, 117, 118, 120, 121, 131, 156, 164, 178, 199, 217, 228, 241, 251, 252, 260, 274, 285, 290, 292, 295, 299, 300, 338, 344, 351—354, 356, 366, 379, 382, 390, 396, 417, 424, 432, 434, 437, 443—446.
Алексѣева 259.
Алексѣевъ И. А. 18, 279.
Алларъ 151.
Алмазова Варв. Петр. 104.
Алферьевъ Н. А. 191, 193, 198, 201, 205, 206, 210.
Алфимовъ Дм. Ѳедор. 205.
Альбанусъ Августъ 380, 382.
Альбини А. А. врачъ 59, 68, 70, 72, 73, 82—84, 161, 173, 202, 214, 217—223, 227, 228, 240, 241, 253, 283, 287, 303, 305, 312, 318, 319.
Альбини Дарья Ег. 63, 170, 177—179, 183, 184, 189, 197, 222, 228.
Альбрехтъ П. И. 388, 418.
Алябьевъ 24, 32, 138, 177, 178.
Амвросій митроп. 231, 258, 323.
Ананьинъ 366.
Анастасевичъ 240.
Анастасій архіеп. Бѣлорусск. 355.
Андре 333.
Андреевъ А. И. 73, 264, 265, 378, 379.
Андреевъ К. 441.
Андріе 226, 248, 333.
Анна Павловна великая княжна 444.
Антонолини 332.
Антонскій А. А. 30, 32, 56, 94, 116, 118, 119, 137, 138, 147, 152, 172, 279, 327, 358.
Апраксинъ С. С. 63, 136, 138, 164.
Аракчеевъ графъ 325.
Арнольди 433.
Арресто 170, 435—437.
Арсеньевъ Ал-дръ Александр. 12, 28.
Арсеньевъ Пав. Мих. 283, 329, 407, 413—416.
Архаровъ Ив. Петр. 4, 5, 39, 136, 138, 178, 179, 218.
Архаровъ Н. П. 59, 65, 66, 73, 136, 205, 259, 410.

Архаровы 210, 212—214, 286.

Аршеневскій 57.

Афросимова Наст. Дм. 105.

*

Бабеновъ 163.

Багратіонъ князь 112, 139, 156, 162—164, 166, 253, 286, 289.

Байкова 235.

Балашовъ Ал-дръ Дм. 103, 200, 207.

Балашовъ танцмейстеръ 146.

Балле адмир. 259.

Бальи 22.

Бальменъ (де) графъ 221.

Бальо 31, 110.

Банксъ 9, 34.

Бантышъ-Каменскій Дм. Никол. 407.

Бантышъ-Каменскій Н. Н. 40, 197, 198, 218, 223, 280.

Барановъ Н. И. 214.

Баранчеева 13, 54, 91, 115.

Бардаковъ 87.

Барятинская княжна М. Г. 7.

(**Барятинская**) кн. Праск. Гавр. 85.

Барятинскій князь Гавр. Ѳедор. 74.

Барятинскій князь Никол. Ѳедор. 204, 205.

Барятинскій князь Ст. Ст. 3, 7, 85.

Баташовъ 112.

Батуринъ 126.

Батюшковъ К. Н. 441.

Бахертъ 199.

Бахметевы 325.

Безбородко князь А. А. 181, 216, 320, 325, 326.

Безбородко графъ Илья Андр. 259, 326.

Безсоновъ 174,

Бекетовъ Плат. Петр. 7, 140, 157, 200, 201, 207.

Беклемишева Д. А. 23.

Беклешовъ Ал-дръ Андр. 15, 77, 78, 102, 103, 115, 118, 163, 164, 174, 197, 214.

Беклешовъ Никол. Андр. 102, 279.

Бекъ 242.

Белье 333.

Белькуръ 22, 91.

Бензенгръ В. Н. 3.

Бенигсенъ 241, 242, 281, 282, 288, 383.

Бергеръ-фонъ-Берге 433.

Беренсъ актеръ 10, 92, 434.

Берлингъ 435.

Бернадотъ 282.

Бертенъ актриса 248, 249.

Бестужевъ Никита Ив. 205.

Биликовъ Ив. П. 32.

Бибиковъ П. П. 183.

Биркинъ 333.

Биронъ князь 87.

Благова Софья Ив. 106—108.

Блакасъ графъ 221, 311.

Блашке 435.

Блудовъ графъ Д. Н. 264, 412.

Бобринскій графъ А-й Гр. 259.

Боборыкинъ 174, 175.

Бобровъ Сем. Серг. 252, 255, 259, 318, 331, 333, 349, 399, 427, 428.

Богдановъ Вас. Ив. 8, 154, 198.

Богдановъ Ив. 8.

Богдановъ Петръ Ив. 4, 6—9, 14, 15, 18, 27, 29, 32, 54, 55, 64, 70, 74, 80, 82—86, 94, 99, 104, 111, 113, 116, 119, 130, 135, 136, 166, 172, 178, 187, 202, 218, 229, 231, 261, 286, 304, 310.

Боельдьё 249.

Болина 333, 388, 394.

Болотовъ 375.

Бонне 333.

Боркъ 227, 334, 433.

Боровиковскій 240.

Бородинъ Петръ Тимоѳ. 9, 16, 29, 75, 168.

Бородулинъ 26, 64, 71, 158, 175, 184, 310.

Брандтъ 433.

Брандштетеръ Ант. 56.

Брандштетеръ Францъ 56.

Брандштетеры 72.
Браницкая графиня 379.
Бризаръ 238.
Брокеръ 24.
Брокъ 24, 32.
Бруннеръ 200, 319.
Брусиловъ Н. П. 365—367.
Брюкль 83, 84, 227, 334, 432.
Брюне актеръ 91, 103.
Брюне актриса 92.
Брянцевъ 56, 147.
Будбергъ Андр. Як. 161, 247, 273, 321, 391.
Булгаковъ Як. Ив. 169.
Буле 172, 441.
Буловъ Вас. Алексѣев. 218.
Бунина Анна Петр. 359, 360, 370, 374.
Буренинъ 335.
Буринскій Ѳ. П. 5, 41, 108, 119, 153, 154, 172, 202, 311, 375.
Бурцовъ Ал-ѣй Петр. 60.
Бурцовъ Петръ Тим. 60.
Бутенброкъ 90, 91.
(Бушуева) Наст. Вас. 86, 418.
Бушуевъ 199.
Бѣлавина 104.
Бѣлавинъ 11.
Бѣлобровъ 333.
Бѣлосельскій князь 355.
*
Вагнерова 258, 259.
Вадбольскій князь Петръ Серг. 181.
Валежниковъ 407.
Валуевъ П. С. 24, 89, 105, 114, 138, 139, 164, 279.
Валберхъ 259, 283, 334.
Вальвиль 333.
Ванденбергъ 435.
Ванло 421.
Васильевъ графъ 355.
Ватіевскій Ст. Ст. 307.
Вейдель Пав. Андр. 53.
Вейдемейеръ Ив. Андр. 390.
Вейраухъ 432.
Вейтбрехтъ П. О. 239.
Вележевъ 206.
Вельяминовъ-Зерновъ В. Ѳ. 250, 260.
Вельяминовъ Петръ Лук. 60, 69, 297, 306, 319, 333, 334, 387, 395, 396.
Вендъ 435.
Веньяминовъ М. В. 224, 237.
Венюковъ 23.
Веревкины 104, 141.
Верзилинъ 56.
Верещагина 139.
Вестманъ Илья Карл. 197, 223, 224, 242, 247, 254, 275, 288, 329, 428, 446.
Вигель Ф. Ф. 221, 235.
Визапуръ 18 *).
Викулинъ В. А. 227, 282.
Виландъ 432, 433.
Вильгельми 433.
Вильде 334.
Вилье 87.
Вишневская 4, 420.
Вишневскіе 58, 85, 182.
Вишневскій Ѳ. Г. 192, 193.
Вистенгаузенъ 261.
Витовтовъ 305.
Владыкина Пелаг. Петр. 182.
Владыкинъ 428.
Воеводская Ек. Петр. 235, 279.
Воеводскіе 279.
Воеводскій Ал-ѣй Петр. 235.
Воейковъ Ал-дръ Ѳ. 159, 207, 208, 246.
Вознесенскій Григ свящ. 315, 316, 326.
Воланонъ 281.
Волкова Ек. Александр. 30.
Волковъ А. А. 12—14, 27, 90, 91, 171, 173, 259, 262, 333.
Волконскій князь 12, 24, 98, 100, 157, 171, 261.

*) Въ текстѣ по ошибкѣ Вигапуръ.

Волчковъ Серг. Аѳанас. 327—330.
Вольтеръ 388, 418, 421, 425.
Воржскій протодьяконъ Ал-ѣй Григ. 231, 238, 322.
Воробьева актриса 78, 91, 215.
Воробьевъ Як. Ст. 12, 81, 246, 247, 258, 259, 261, 262, 267, 332, 333, 387, 388, 417, 418, 445.
Воронинъ 279.
Воронихинъ 238.
Враницкій 296.
Всеволожскіе 19, 39, 106, 110, 174 368.
Всеволожскій Всевол. Андр. 20, 28, 156, 163, 271.
Всеволожскій Н. А. 31.
Всеволожскій Серг. Алексѣев. 19, 146.
Высоцкіе 6.
Вяземскій князь Андр. Ив. 24, 105, 111.
Вязмитиновъ Серг. Кузм. 105, 121, 122, 273, 308, 309, 351, 438.

*

Гагарина княжна Ек. 64, 68.
Гагаринъ князь Ив. Алексѣев. 47, 413, 414, 416, 438.
Гагаринъ князь Ив. Серг. 59, 139, 166.
Гагарины княжны 32.
Гайднъ 435.
Галинковскій Я. А. 289.
Гальтенгофъ 21, 92, 133, 165, 296, 433, 436.
Гари 151.
Гарнеренъ 79.
Гаррикъ 256, 275, 276, 384, 433.
Гартнохъ 151.
Гасъ актеръ 10, 92, 133, 134, 434.
Гебгардъ актеръ 10, 84, 133, 170, 227, 239, 261, 262, 294, 302, 304, 305, 334, 389, 434—437.
Гебгардъ-Штейнъ 334.
Гейдеке пасторъ 10, 40, 84, 122, 132, 143—145, 152, 164, 174, 215, 319.
Геймъ И. А. 57, 171.
Генрихъ IV-й 101.
Герке 435.
Германъ 435.
Гермогенъ 299.
Геслеръ 30.
Гете 31.
Глазуновъ 151.
Глухаревъ 333.
Глѣбова Марья Петр. 195, 204, 210—213.
Глѣбовъ 193—196, 198, 203—205, 210, 212—214.
Гнѣдичъ Н. И. 158, 312—314, 336, 337, 349—354, 368, 375, 376, 383, 384, 396, 397, 428, 438, 441, 442.
Голиковъ Климъ Гавр. 307, 308.
Голицына княгиня Нат. Петр. 264, 379, 416.
Голицынъ князь Ал-дръ Ник. 59, 407.
Голицынъ князь Дм. М. 18.
Голицынъ князь М. П. 138.
Голицынъ князь С. М. 18.
Голицыны князья 24, 138, 355.
Головкинъ графъ 114.
Голубцовъ Ѳ. А. 279.
Гольдбахъ 57.
Гольцъ 334.
Гомбуровъ 333.
Гонзаго 417.
Горнъ 151.
Горчаковъ князь Андр. Ив. 163.
(Горчаковъ) князь Д. П. 42, 292, 301.
Горчаковы князья 40, 50, 409, 440, 441.
Горюшкинъ 57.
Горяновъ 170.
Готье 151.
Гофманъ 57, 192, 211, 213.
Граве Ф. П. 10, 11, 18, 19, 33, 36, 179, 313.
Граматинъ Н. Ѳ. 94, 119, 171, 313.

Гранжанъ Ив. Петр. 9.
Грачевъ 151.
Гречъ 293, 441.
Григорьевъ 175.
Грузинскій князь 163.
Губертъ-фонъ-Альбертъ 433.
Гудовичевы графини 7, 113.
Гульневъ Ив. Гавр. 64.
Гундоровъ князь 109, 132.
Гунніусъ 21, 92, 103, 133, 134, 164, 165, 249, 435, 436, 445.
Гурьевъ Вас. Петр. 181.
Гурьевъ Сем. Емельян. 303, 395.
Гусятниковъ Н. М. 76, 201.
Гуфландъ 224.
Гюбшъ К. 433.

*

Давыдовъ Денисъ 60, 132.
Давыдовы 106.
Дадьяновъ князь 32.
Дальбергъ 239, 334, 435.
Дамасъ 221, 333.
Данилова 334.
Дашкова княгиня Ек. Р. 47, 139, 168, 300, 301, 317, 344, 358, 378.
Дашковъ князь П. М. 33, 139, 146, 147, 168, 300, 301.
Двигубскій 115, 172.
Девремонъ актеръ 77, 91, 248.
Деглиньи 226, 333.
Делакроа 441.
Де-Лормъ Маріонъ 286.
Дембровскій 156.
Демидовъ 27, 114, 171.
Демидовъ-Санъ-Донато князь Э. П. 3.
Державина Дарья Алексѣевна 232
Державина Ек. Як. 89.
Державинъ Гавр. Ром. 60, 76, 86, 88, 89, 98, 111, 121, 139, 150, 167, 229—233, 237, 241—304, 306, 309, 310, 314—316, 327, 330, 337, 338, 349—362, 366—369, 374, 386, 395—399, 408, 410, 411, 416.
Дерфельдъ 435.
Де-Сангленъ Як. Ив. 57, 97, 116.
Дестунисъ Спиридонъ Юрьевичъ 428.
Дехтеревъ 63.
Дивовъ П. Г. 280, 289.
Дидло 236, 334.
Дидро 424.
Димлеръ 17, 56, 60, 72.
Дмитревскій Ив. Аѳ. 25, 214, 255—258, 265, 266, 274—277, 338, 340—344, 353, 388, 411, 416, 420—425, 442, 446, 447.
Дмитріевъ И. И. 7, 8, 15, 76, 77, 82, 85, 87, 89, 94, 105, 111, 121, 128, 139, 143, 178, 197, 200, 207, 230, 250, 259, 274, 303, 355, 361.
Долговъ 160.
Долгорукова княжна Евг. Мих. 20.
Долгоруковъ князь Ив. Мих. 15.
Долгоруковъ князь Мих. Александр. 6, 11, 14, 19, 20, 96, 139, 215. 219, 383.
Долгоруковъ князь Мих. Мих. 31.
Долгоруковъ князь Юр. Владим. 24, 93, 105, 219, 226.
Долгоруковы князья 87, 138, 164.
Допельмейеръ Г. И. 28, 55.
Дрейверъ 435.
Дробишъ 334.
Дружининъ Я. Александ. 163, 305, 306, 355, 356, 429.
Дубининъ Матв. Дм. 320, 321, 345.
Дуквортъ 419.
Дундуковъ-Корсаковъ князь 247.
Дурасовъ Н. А. 27, 28.
Дурновъ Ал-ѣй 159.
Дурновъ генер. 131.
Дурновъ Троф. Ѳедор. 64, 68, 240, 241, 268, 378, 389.
Дурновы братья 17, 56.
Дьяковъ Н. А. 88, 89.
Дюкло 238.
Дюкро 211,
Дюкроаси 226, 233, 357.
Дюмениль 238, 421—423.

Дюмушель 333,
Дюпаре 22, 91, 156, 445.
Дюплесси 281.
Дюранъ 226, 333, 392.
Дютакъ 334.
Дютанъ 236.

*

Евреиновъ Ф. А. 61.
Евреиновъ Ф. И. 115.
Егоровъ 240.
Ежова Ек. Ив. 333, 412—416.
Ежовъ 424, 442.
Екатерина II-я 6, 26, 40, 61, 76, 78, 79, 88, 124, 125, 144, 206, 215, 217, 282, 317, 327, 338, 356—359, 369, 377, 379.
Екатерина Павловна великая княгиня 444.
Елагинъ Ив. Перф. 389, 390.
Елисавета Александровна великая княжна 304.
Елисавета Петровна императ. 63, 420.
Емельяновъ 153.
Епанчина Ирина Мих. 376.
Епанчинъ Гавр. Алексѣев. 376—378.
Ершовъ Гавр. 46.
Ефремовъ 181.

*

Жаксонъ 34.
Жебелевъ Григ. Ив. 90, 143, 333, 442.
Жегулинъ Сем. Сем. 352.
Жеребцовъ 157.
Жихарева Александра Гавр. 209, 218.
Жихарева Варв. Ст. 448.
Жихарева Өедосья Дм. 448.
Жихаревъ Плат. Степ. 448.
Жихаревъ Ст. Данил. 230.
Жихаревъ 410.
Жозефъ 249, 333.
Жомини 429.
Жуковскій В. А. 3, 8, 118, 119, 137, 159, 230, 361, 362.

*

Завадовскій графъ П. В. 279, 359.
Загорскій 57.
Загряжскій И. Александр. 46, 123, 124.
Загряжскій Н. А. 438.
Зарубинъ 110.
Затрапезный И. И. 108, 179.
Зауервейдъ 432.
Захаровъ Ив. Сем. 263, 283, 289, 290, 293, 297, 299, 306, 308, 309, 353, 361, 370, 376, 409, 411, 439.
Званцовъ 280.
Злобинъ 366, 367.
Зловъ П. В. 6, 20, 21, 81, 90, 96, 133, 153, 154, 171, 311, 348.
Зотовъ 59, 115, 168, 356.
Зубаревъ 106—108.
Зубовъ актеръ 90.
Зубовъ графъ Вал. Ал. 149, 150, 181.
Зубовъ графъ Пл. Ал. 78, 79, 356.
Зукъ 435.

*

Ивановъ Н. П. 181.
Ивановъ Ө. Д. 225, 226, 252, 259, 295, 376, 378.
Ивашкинъ 207.
Иде 57.
Извѣкова 229.
Измайловъ А. Д. 72.
Измайловъ Л. Дм. 132, 149, 150, 153, 159, 181, 207, 246, 334—336, 361.
Израилъ намѣстникъ Невскаго монастыря 322.
Иконина 236, 334.
Ильинскій графъ 279.
Ильинъ Н. И. 78, 265.
Ириней преосвящ. Псковск. 231, 355.
Исаковъ 133.
Иффландъ 389.

*

Іогель 4.

х) Дир. горн. Корпуса?

Кавалеровъ 91.
Кавелинъ Дм. Ал. 129.
Кавосъ 332, 417, 445.
Казадаевъ А. В. 242.
Калиграфова Надежда 447.
Калиграфовъ Ив. 446, 447.
Калланъ 226, 333, 392.
Каливодъ 282.
Каменецкій Ос. Кирил. врачъ 244—246, 263.
Каменскій графъ Мих. Ѳедотовичъ 5, 25, 131, 178, 199, 239, 241, 242, 338.
Кампорези архитекторъ 202.
Канъ актеръ 10.
Капнистъ В. В. 251, 252, 355.
Карабановъ П. М. 289—292, 299, 353, 409.
Каразинъ Вас. Назар. 444.
Карайкина 333.
Карамзина Е. А. 32.
Карамзинъ 58, 82, 105, 139, 143—145, 219, 236, 263, 337, 355, 361, 362.
Карамышева Авд. Петр. 161.
Караневичева актриса 54, 78, 91, 96.
Каратыгина 259, 302, 315, 318, 333, 412.
Каратыгинъ 316, 333.
Каринъ 50.
Каронъ 281.
Карцевъ Ф. И. 50, 51, 109.
Касаткина-Ростовская княгиня Нат. Петр. 17.
Касаткинъ-Ростовскій Никол. Александр. князь, 17, 168.
Кафка актриса 83, 92, 126, 165, 187, 199, 433, 436.
Каченовскій М. Т. 8, 159, 441.
Кашинскій 79, 83.
Кейдель Хр. Ив. 18, 19.
Кельхенъ лейбъ-хирургъ 305.
Кернъ Ѳ. Ѳ. 183.
Керцелли 218.
Кетнеръ 433.
Кикинъ П. А. 20, 289—293, 299, 301, 353.
Кинъ 31, 32.
Киселевъ Ив. Кузм. 64, 319.
Кислый Вас. Степ. 378.
Кистеръ актеръ 10, 92, 141, 165, 227, 304.
Клапаредъ 226, 333.
Клаудій 151.
Клеронъ 238, 275, 276, 421.
Климпе 435.
Клингеръ 31, 224, 434.
Клушинъ 296, 297.
Княжнинъ 82, 353, 425.
Кобяковъ Петръ Никол. 132, 246—248, 251, 260, 261, 267, 302, 306, 319, 320, 331, 333, 334, 350, 385, 387, 396—398, 402—404, 413, 421.
Кавалинскій М. И. 15.
Коженковъ 395.
Козлова Марія Ив. 126.
Козловъ Ив. Ив. 114, 146.
Козодавлевъ О. П. 251, 274.
Козыревъ 151.
Кокошкинъ 178.
Кокушкинъ В. П. 325, 326.
Кологривовъ Андр. Сем. 207, 404.
Колокольцовъ 111.
Коломбо 435.
Колосова 236, 334.
Колосовъ Вас. 259.
Колосовъ Стахій 355, 429.
Колпаковъ 81, 90.
Колпинскіе 327.
Колычовъ 24, 95, 361.
Кондаковъ 90, 96.
Кондратьевъ Никол. Ив. 13, 29, 98, 111.
Кондыревъ Ив. Зах. 327.
Константиновъ С. К. 223, 224, 407.
Корнильевъ 174, 175.
Коропъ актеръ 10, 19, 33, 92, 104, 173, 217, 434.
Корсаковъ А. И. 247, 289, 438.

Корсаковъ П. А. 359, 361.
Корсини 417.
Костровъ 119.
Котовъ 320.
Кочубей графъ 273, 438.
Кошелевъ А. И. 23.
Кошелевъ Д. Р. 183.
Краснопольскій Н. С. 52, 53, 387, 437.
Крейтеръ Богд. Ив. 307, 308.
Крейтонъ врачъ 443.
Кремонъ актриса 11, 91, 92, 189.
Кротковъ Ст. Ст. 98, 99.
Крутицкій актеръ 252, 258.
Крыловъ И. А. 284, 289, 291, 296, 297, 299, 300, 355, 372, 409, 412—418, 430, 438.
Крюковскій Матв. Вас. 283, 338—342, 352, 407, 413—416, 437, 438, 440.
Крюковъ 115.
Ксавье актриса 295, 349, 445.
Кудичъ 170, 187, 227, 301, 302, 305, 334, 435.
Кудрявцовъ 131, 345.
Кудрявцовы 4, 25.
Кукинъ 309.
Кукольникъ 411.
Кураевъ 14, 90, 91, 171.
Куракинъ князь Ал--ръ Борис. 77, 117, 251, 304, 355.
Курбе 192, 195, 204, 211, 213.
Куровъ 13.
Куртнеръ 151.
Кусовниковъ М. И. 225, 228, 320, 446.
Кусовъ Ив. Вас. 344.
Кусовъ Серг. Ив. 344.
Кутайсовъ графъ 237, 288, 297, 314.
Кутузова Ек. Ильин. 288.
Кутузовъ Лог. Ив. 362, 429.
Кутузовъ князь Мих. Лар. 15, 89, 112.
Кутузовъ Пав. Ив. 24, 25, 139, 153, 163, 316, 362, 429.
Кутузовы 24, 121, 355.
Кюнъ актеръ 92.

*

Лабатъ Екатер. 221.
Лабатъ дѣвицы 63.
Лабатъ-де-Вивансъ Як. Петр. 59, 73, 77, 161, 177, 184, 196, 221—227, 235, 238, 242, 247, 264, 284, 311, 321, 401, 423, 446.
Лабзинъ А. Ѳ. 289, 290, 409.
Лавандезъ актриса 92.
Лаво 151.
Лавровъ И. П. 338.
Лагарпъ 296.
Лагранжъ (де) баронъ 345.
Лазаревъ И. А. 225.
Лазаревы 235.
Ламаръ 31.
Ламбертъ 77.
Ламираль танцмейстеръ 136, 435.
Ла-Моттъ (де) маркизъ 221, 321, 322.
Ланoccладъ (де) баронъ 345.
Лангнеръ 152.
Ланской 197.
Лапинъ 142, 143, 447.
Ларивъ 272, 276, 422.
Ларошъ 333.
Ласунскій 316.
Лаферте (де) маркизъ 221, 311.
Лашассенъ 333.
Лебедевъ 101, 162, 388.
Ле-Брёнъ 221, 345.
Лебуръ 62.
Левандовскій 240.
Леве актриса 84, 227, 228, 294, 334, 435, 437.
Левшинъ 447.
Лекень 238, 256, 276, 397, 422, 423.
Леманъ 116.
Лемеръ 14.
Ленцъ 433.
Ливановъ Евгр. 417.
Ливенъ графиня 379.

Ливенъ графъ 87, 324, 325, 351.
Лизогубы 119.
Линденштейнъ актеръ 84, 262, 334, 395, 433, 437.
Линденштейнъ актриса 83.
Лисенко 126.
Лисицына 13, 91.
Лисицынъ 90.
Лисицыны 90, 171.
Литта графиня 379.
Литхеясъ Фердин. актеръ 10, 58, 67, 92, 179, 296, 434, 445.
Лихаревъ 95, 103.
Лихонинъ И. А. 193.
Лобановъ Мих. Астаф. 438.
Лобановъ-Ростовскій князь 40.
Лобкова Арина Петр. 4, 17, 18, 30, 80, 85, 102.
Лобковы 8, 18, 19, 141.
Лодыгинъ Ив. Ник. 60, 69, 183, 188.
Локманъ патеръ 221, 254, 255, 272.
Ломоносовъ М. В. 360, 361, 375, 407.
Лопухина княгиня 379.
Лопухинъ Дм. Ардал. 98.
Лопухинъ Ив. Владим. 21, 101, 138.
Лопухинъ князь П. В. 230, 233, 237, 238, 242, 243, 247, 273, 305, 308, 314, 339, 366.
Лопухины 24, 335.
Лукашевичъ Лука 222.
Лукашевичъ Марья Лукин. 222.
Лукинъ 20.
Лукницкій 430.
Лунинъ А. М. 214.
Лухмановъ 168.
(Львова) Вѣра Никол. 232, 263.
Львовъ Леонидъ Никол. 232, 314.
Львовъ Никол. Александр. 60, 69, 231, 252.
Львовъ Пав. Юр. 289, 337, 367, 369.
Львовъ Серг. Лавр. 79, 410, 411.
Львовъ Ѳ. П. 250, 256, 263, 299, 300, 368.
Люби 151.
Людовикъ XVIII-й 221, 311, 446.

*

Магницкій Мих. Леонт. 129, 327, 344.
Мазетто 133.
Майковъ Апол. Александр. 368, 418
Макаровъ А. С. 96, 145, 273, 279
Максимовичъ 76.
Максютинъ Леонтій Герас. 402 - 404.
Мактоваи 435.
Малиновскій А. Ѳ. 40, 172, 187, 223.
Малкенъ 443, 444.
Мальгинъ 355.
Мальцовъ Н. С. 39.
Малютинъ 404.
Мамоновъ 24, 138.
Манфреди 419, 423.
Маринъ С. Н. 301, 370, 374, 375, 385, 409, 441.
Марія Павловна великая княжна 92.
Марія Ѳеодоровна императрица 68, 221, 247, 432, 444.
Маркловскій генер. 148.
Марковъ 24, 105, 138, 224, 226.
Мартыновъ 159, 441.
Марченко 351.
Мастенъ (де маркизъ) 221.
Матвѣевскій 71.
Махаева 334.
Медвѣдевъ 91.
Меесъ 226, 248, 249, 285, 333.
Мезеръ 192, 211—213.
Мезьеръ 333.
Мей 151.
Мельгуновъ 27.
Мерзляковъ Ал-ѣй Ѳедор. 4, 5, 7, 57, 63, 64, 82, 94, 118, 119, 152—154, 159, 166, 172, 202, 207, 208, 214, 230, 241, 257, 304, 311, 337, 355, 361, 362, 368, 374, 381, 398.
Меріеннъ актеръ 22, 91.
Меріеннъ актриса 92.
Месмеръ 243.
Местръ (де) графъ 221, 264, 323.

Мещерская княгиня Варв. Ст. 448.
Мещерскій князь Элимъ Петр. 448.
(Мещерскій) князь И. С. 42.
Меѳодій преосвящ. 231, 355.
Милленъ 333.
Миллеръ Шарлота 334, 433—435.
Мире 84, 430—437.
Мироновичъ Ив. Вас. 346.
Миславскій Тимоѳ. Григ. 206.
Михаилъ архіеп. Черниг. 355.
Михаилъ Павловичъ вел. кн. 444.
Михины 206.
Мневскій 358.
Моле 238.
Молинари 202.
Молчановъ П. С. 77, 161, 182, 251, 314.
Монвель 238.
Монготье 333.
Монфоконъ (де) графъ 221, 225, 235, 238, 239, 254, 272, 286, 311, 322, 396, 397.
Мордвиновъ Н. С. 295, 309, 361.
Мордвиновъ Петръ Сем. 420.
Морелли графиня 119, 235.
Моріани 64.
Моро 28.
Морозовъ 118.
Морсочникова Авд. Никиф. 378.
Морсочниковъ Ив. Мих. 376, 378.
Мосоловъ Ѳ. С. 132, 133, 200.
Мосоловы 18, 19, 46, 110, 176.
Моцартъ 30.
Мочаловъ 14, 90, 215.
Мошинъ Петръ Андр. 106—108.
Мудрова Софья Харит. 147.
Мудровъ врачъ 147.
Мунарети 296.
Муравьевъ-Апостолъ Ив. Матв. 214.
Муравьевъ Мих. Никит. 115, 172, 275, 304, 314, 355.
Муравьевъ Петръ Сем. 173.
Муравьевы 19, 46, 366.
Муромцова В. П. 227.
Муромцова Ек. Александр. 30, 116, 134, 141, 169, 249, 289.
Муромцовъ А. М. 76, 124, 127, 170, 181, 445.
Муромцовъ Матв. Вас. 23, 56.
Муромцовы 84.
Мусинъ-Пушкинъ графъ В. В. 355, 414—416, 438.
Мускети 28.
Мухановъ 24, 444.
Мухинъ Ефр. Осип. 330.
Мысловскій Петръ Никол. 378.
Мягковъ Гавр. Ив. 7, 18, 250.
Мясоѣдовъ 138.
Мятлевъ 106, 146.

*

Наполеонъ I-й 6, 112, 121, 178, 190, 199, 226, 238, 239, 241, 242, 286, 289, 290, 301, 311, 322, 352, 382, 390, 396, 417, 424, 429, 446.
Нартовъ 262.
Нарышкина Анна Никит. 391.
Нарышкина М. Алекс. 244, 249, 259, 285, 414.
Нарышкина Марья Ант. 288, 391.
Нарышкина Марина Осип. 125.
Нарышкинъ Ал-дръ Льв. 22, 29, 156, 163, 164, 225, 244, 258, 262, 270, 274, 283—286, 288, 326, 368, 372, 379, 391, 407, 438, 440.
Нарышкинъ Д. Л. 253, 259, 322, 438.
Нарышкинъ И. Д. 59.
Нарышкинъ Л. А. 124, 125, 317.
Небольсина Авд. Селиверст. 23, 161, 296.
Невзоровъ Макс. Ив. 21, 50, 51, 101, 102, 109, 115, 135, 143, 218, 441.
Невѣдомскій 411.
Ней 417.
Нейгаузъ актеръ 92, 434.
Нейгофъ баронъ 349.
Нейкомъ 28, 30, 31, 42, 133, 164, 165, 356, 435, 436.
Нелединскій Ю. А. 106, 139, 355.

Неплюевъ 308.
Никитинъ 355.
Николаи 151.
Николай І-й 31, 444.
Николаевъ 153, 162, 355.
Никольскій 355.
Ниловъ Петръ Андр. 243, 366.
Несвицкій князь 89, 369.
Нестеровъ Вас. Петр. 161.
Нетунахинъ 185, 186, 187.
Нечаева Ѳедосья Дм. 448.
Новиковъ Никол. Андр. 38, 130, 131,
Новиковъ Н. И. 136.
Новицкая 236, 334.
Новосильцовъ А. В. 45, 59.
Новосильцовъ Ив. Никол. 177, 183.
Новосильцовъ Н. Н. 59, 253, 264, 273, 304, 305, 351, 445.
Носова 12, 91, 187.
Нѣмовъ 151.

*

Оберъ-Шалме 6, 114, 156.
Оболенскіе князья 105, 111.
Обольяниновъ 24.
Обрѣзковъ 24, 106.
Овчинниковъ Сем. Тих. 345—348.
Огюстъ 236, 237, 251, 334.
Одоевскій князь 39, 84, 93, 117, 197.
Ожеро̀ 290.
Озерецковскій 335.
Озеровъ Владисл. Александр. 83, 265—268, 272, 275, 281, 283, 342, 353, 355, 392, 398, 414, 441.
Оленинъ Ал-ѣй Никол. 60, 251, 252, 259, 337, 360, 361.
Оманъ актриса 302.
Орловъ актеръ 90.
Орловъ графъ А. Г. 18, 20, 31, 45—47, 76, 105—109, 132, 133, 141, 173, 176, 226, 333, 335, 351.
Орловъ князь Гр. Гр. 206.
Орловъ Мих. Ѳедор. 76.
Орловъ графъ Ѳ. Г. 76, 245.
Орловъ Ѳедоръ Ѳедор. 76.
Остерманъ графъ Ив. Андр. 4, 39, 97, 105, 197, 205, 206, 218, 288.
Остерманъ-Толстой графъ 446.
Остолоповъ 441.
Офросимова Наст. Дм. 40, 381.

*

П. Александра Вас. 324, 363—365, 379, 388, 389, 416.
Павелъ архіер. 231.
Павелъ І-й 238, 356.
Павловъ Антипъ Ив. 304.
Павловъ Дм. Ив. 244.
Паглиновскій Дм. Моис. 324, 325, 358, 362, 363, 420.
Палицынъ Ал-дръ Борис. 159.
Панинъ 237, 251, 368.
Пасевьевъ Петръ Степ. 321, 326.
Патрикѣичъ стихотворецъ 385.
Паузенъ 436.
Паульсенъ 435.
Пашковъ Петръ Егор. 175, 248.
Перевалова Анна 370—372.
Переваловъ Сем. 369—371.
Перекусихина Марья Сав. 400.
Перренъ 191—196, 198, 202, 203, 205, 206, 210—213.
Перхуровъ 87.
Петерсъ актеръ 10, 21, 92, 434.
Петрова 333.
Петровъ 175, 176.
Петръ І-й 155, 225.
Пикѐ 192, 194, 195, 211—213.
Пименовъ 297.
Пингелли аббатъ 242.
Писаревъ генералъ 87, 289—294, 353, 441.
Пичугинъ 443.
Плавильщиковъ Петръ Алексѣев. 6, 14, 20, 31, 54, 81, 84, 90, 96, 143, 171, 198, 200, 202, 214—219, 235, 236, 277, 296, 301, 341, 353, 383.
Платонъ митр. Москов. 80, 147, 258, 368.
Погодинъ М. П. 3, 314.

Полетика 383.
Поливановъ Ив. Петр. 4, 31, 122, 138.
Полтарацкій Д. М. 45, 46, 296.
Полѣновъ В. А. 224, 233, 344.
Полянскій 394.
Померанцева 91.
Померанцевъ 6, 53, 54, 90, 139, 177, 349, 442.
Понамаревъ 258, 259, 333, 353, 388, 418, 443, 445.
Поповъ В. С. 76, 151, 331, 356.
Посниковъ З. Н. 163.
Потемкинъ князь Гр. Ал. 6, 28, 56, 65, 79, 87, 88, 124, 411, 420.
Потемкинъ графъ П. С. 424, 425.
Потоцкій графъ 172.
Похвисневъ 95, 103.
Походяшинъ 21, 134—136.
Превиль 238.
Приклонскій Ал-дръ Вас. 241, 271, 282, 295, 390, 436.
Пріори 183.
Прозоровскій князь А А. 117, 226, 338.
Протасовъ 235, 400.
Протасьевъ 296.
Прусаковъ 81, 90, 116.
Прытковъ 259, 333, 380, 394.
Пуаро 237.
Пугачевъ 99, 328.
Пукаловъ И. А. 420.
Пуссенъ 240.
Пустошкинъ 436.
Пушкина Елена. Григ. 26.
Пушкина Нат. Никол. 123.
Пушкинъ А. С. 361, 407.
Пушкинъ Ал-ѣй Мих. 25.
Пушкинъ Вас. Льв. 25, 87.
Пушкины 139.

*

Рабб 195, 203, 204, 211.
Разумовскій графъ А. К. 207.
Ратгеберъ 435.
Рахманиновъ А. Г. 324, 325.
Рахманиновъ Ив. Герас. 296, 297.
Рахманова 333, 388.
Рахмановъ П. А. 249, 250, 259, 282, 303, 332, 333, 353, 395, 442, 445.
Рашетъ 233.
Рейнботъ пасторъ 319.
Рейнгардъ 57.
Рейсъ 57.
Рейхъ 151.
Рекке 334, 435.
Рененкампфъ 305.
Ренкевичевы 248.
Ренкевичъ Еф. Еф. 28, 45, 175.
Рибасъ адмир. 31.
Ридигеръ 151.
Ризенкампфъ 305.
Ришелье герцогъ 421.
Ришелье (де) кардиналъ 286.
Робертсонъ 122.
Робинзонъ актриса 384, 399.
Роде 31, 110.
Родзянко Сем. 327.
Родофиникинъ 289, 305.
Рожерсонъ врачъ 282.
Рожественскій 259, 333, 388.
Рожковъ Гавр. 180, 181.
Рожковъ Ив. Гавр. 181.
Розенкампфъ 244,, 305.
Розенштраухъ 262, 435.
Розъ актриса 92.
Розъ актеръ 91.
Рокуръ 421, 422.
Ронка 40, 80, 151, 170, 202, 279.
Рославлевъ 132.
Ростовцовъ 259.
Ростопчинъ графъ Ѳ. В. 24, 25, 101, 152, 172, 296, 320.
Рудольфъ 435.
Румовскій 172.
Румянцовъ графъ Н. П. 65, 77, 182, 230, 233, 237, 242, 244, 250, 251, 295, 306, 391, 411, 417.
Румянцовъ-Задунайскій графъ П. А. 368, 369.

Рунталлеръ 432.
Рыкаловъ Вас. Ѳедот. 258, 259, 331, 333, 353, 392, 394, 424, 428, 430, 441, 442.
Рѣдкинъ Мих. Конст. 160, 179, 183, 187, 189.
Рѣзановъ 309.
Рюль врачъ 242, 444.

*

Саблуковъ А. А. 279.
Савеловъ 19.
Савеловы 46.
Савиновъ 11.
Савостьяновъ 355.
Сазоновъ 184.
Салаговъ князь 309.
Салтыкова графиня 146, 379, 400, 401.
Салтыковъ графъ А. Н. 399.
Салтыковъ графъ Н. И. 417,
Салтыковъ князь Н. И. 200, 253.
Салтыковъ Н. С. 296.
Салтыковъ графъ П. И. 38.
Салтыковы графы 24, 32, 91, 243, 328, 438.
Самойлова 266, 333, 395, 398, 417, 418.
Самойловъ 262, 333, 389, 413, 445.
Самойловы 246, 258, 331—333, 388.
Самсоновъ Вас. Александр. 316, 317.
Сангленъ 57, 97, 116.
Сандерсъ 435.
Сандунова 9, 11—14, 91, 116, 118, 173, 198.
Сандуновъ Ник. Ник. 6, 59, 61, 63, 132.
Сандуновъ Сила Никол. 6, 90, 93, 133, 139, 143, 368, 394.
Сандуновы 53, 171, 215, 219.
Сахарова 259, 333, 447.
Сахаровъ 235, 236, 259, 271, 316, 333, 426.
Сахацкій Пав. Аѳан. 172.
Свиньинъ Пав. 419.
Свиньинъ Петръ Петр. 86, 418, 419.
Сегюръ 215.
Секретаревъ 420.
Селакадзевъ 360, 361.
Селивановскій 93, 99, 331.
Семенова 235, 236, 257, 259, 267, 271, 333, 353, 354, 375, 398, 399, 413, 414, 447.
Семеновъ Прок. Мих. 168.
Семеновы 85.
Сенъ-Клеръ 236, 334.
Сенъ-Леонъ 226, 248, 249, 288, 333.
Сенъ-Никласъ Ал-дръ Ильичъ 284, 285.
Сенявинъ 419, 423, 436.
Сердобинъ баронъ 304.
Сериньи актриса 92.
Серра-де-Капріола герцогъ 242, 352.
Сибертъ 202.
Сиво 202.
Силина 218.
Силинъ 190.
Симпсонъ 242.
Синявинъ Г. А. 191, 259, 338.
Синявская Марья 447.
Синявскій 119.
Скаловскій 338.
Скульская 310.
Скульскіе 7.
Скульскія дѣвицы 113, 136, 229.
Словцовъ П. А. 251.
Смирновъ Аѳанас. Мих. 361.
Смирновъ С. 5, 22.
Смитъ Ив. 34, 47.
Снѣгиревъ 5.
Собіескій 34.
Соковнины 32.
Соколовъ Ив. Ал. 362, 365, 366, 367.
Соколовъ Петръ Ив. 354, 355, 429.
Соколовы 90, 162.
Сокольскій А. А. 8, 18, 19, 33, 112.
Соллогубъ графъ 400.
Соловой 168.
Соломони 6, 9, 133, 134, 165, 175, 176.

Сомовъ 446.
Сосницкій 379, 412, 440.
Сохацкій 57, 118, 123.
Сперанскій М. М. 251, 351, 352.
Спиридовъ 24.
Спренгпортенъ 153.
Спѣшневъ Абр. Ив. 66.
Ставицкій 288.
Стеллато 124.
Столыпинъ 122, 171, 243.
Стратиновичъ 114.
Страховъ П. И. 5, 26, 56, 78, 118, 147, 152, 169, 172, 187, 274.
Стрекалова Ал-дра Никол. 17.
Строганова графиня 288.
Строгановъ графъ А. С. 200, 259, 264, 355, 438.
Суворова княгиня 288.
Суворовъ князь А. В. 89, 163.
Сумароковъ Пав. Ив. 82, 159, 276, 284, 320, 331, 353, 380, 410, 425.
Сумбуровы 442, 443.
Суровщикова М. И. 156.
Сутгофъ 242, 243.
Сыромятникова 333.
Сычовъ 320.

*

Таксье 296.
Танѣевъ 189.
Татищевъ Рост. Евграф. 98, 239, 355.
Творогова Евг. Мих. 20.
Твороговъ Ст. Троф. 20.
Тимковскій В. Ѳ. 289, 355.
Титовъ Н. С. 194.
Толстая Праск. Мих. 15.
Толстой графъ Дм. А. 244.
Толстой графъ П. А. 241.
Толстые графы 87, 163, 301, 326, 351, 379.
Тончи живописецъ 166, 167, 202, 233.
Тормасовъ 352.
Торсбергъ врачъ 188, 220, 222, 238, 283, 287, 305, 306, 312, 319, 387, 412.
Торсуковъ 400.
Транже 30.
Третьяковскій 293.
Трощинская Ек. Пробоф. 209, 210.
Трощинскій Дм. Прок. 138, 142, 355, 357, 367.
Трубецкой князь Юр. 157.
Тургеневъ Ал-дръ 119, 264.
Тургеневъ Ив. Петр. 21, 59, 304.
Тургеневы 3, 116, 349.
Туссенъ 392.
Туссеръ-Мезьеръ 333.
Тутолминъ Тим. Ив. 208, 304, 339.
Тучковъ А. А. 139, 288.
Тучковъ С. А. 54.
Тычкинъ 344.
Тютчевъ Ѳ. И. 190.

*

Убри 87.
Уваровъ актеръ 90, 91.
Уваровъ 13, 87, 156, 162—164, 253.
Украсовъ 90, 143.
(Улыбышева) А. Д. 24, 25.
Улыбышевъ Д. В. 15, 154, 155.
Ураносовъ 6.
Урусова княгиня 32.
Урусова княжна 26.
Урусовъ князь А. А. 201.
Урусовъ князь С. Н. 39.
Устиновъ М. А. 75, 160.
Ушаковъ адмир. 294.

*

Фелисъ 288.
Фелисъ-Андріе 226, 333.
Фелисъ-Бертенъ 226, 333.
Феррандини 435.
Филадельфъ іеродіаконъ 322.
Филатьевъ Сем. Сем. 345, 346, 348.
Фишеръ 57, 435.
Флоріо актеръ 226, 281, 333.
Фонвизинъ 315.
Форштейнъ 369.
Франкъ лейбъ-медикъ 223, 224, 282.
Фрезе врачъ 207.

Фрейгангъ 242.
Фрейтагъ г-жа 157.
Френцель 31.
Фрожеръ 249, 333.
Фуксъ 435.
Фуше 242.

*

Халчинскій Өедоръ Лаврент. 429.
Ханенко Ал-дръ 129, 327.
Харламовъ Ал-дръ Гавр. 318, 319, 321, 326, 357.
Харламовъ Никол. Гавр. 318, 319, 321, 326.
Харламовы 369—372, 389, 412, 440.
Хвостовъ Ал-дръ Сем. 79, 263, 283, 289, 290, 292, 293, 298, 327, 353—355, 380, 399, 408.
Хвостовъ А. Н. 224.
Хвостовъ графъ Д. И. 15, 140, 153, 217, 300, 411.
Хвостовы 121, 395.
Херасковъ 121, 355.
—Хилковъ князь Д. А. 45, 156, 176.
Хитровы 39.
Хмѣльницкій Ив. 61.
Хмѣльницкій Н. И. 225, 228, 239.
Хмѣльницкіе 260, 313, 314, 320, 396, 397.
Ходневъ А-й Григ. 265.
Хомяковъ Ст. Александр. 15, 104.
Хотяинцовъ 94.
Хруновъ Матв. Григ. 402—407.
Худобашевъ Ал-дръ Макар. 428.

*

Цвиленевъ П. Г. 180.
Цвѣтаевъ 57.
Цейбигъ 334, 433, 437.
Цитенъ 101.
Цицiановъ князь Дм. Евс. 28, 94, 163.

*

Чарторижскій князь Ад. 78, 87, 253, 321.
Чеботарева Софья Харит. 147.
Чеботаревъ Андр. 78, 93, 104, 147.
Чеботаревъ Харит. Андр. 23, 147, 158, 172, 187, 274, 275, 336, 355.
Челищевъ Н. 286, 392, 393.
Чемодановъ 19.
Черемисиновъ 27, 115.
Черепановъ А. С. 168.
Черепановъ Никиф. Евтроп. 5, 57.
Черникова 12, 259, 333.
Чернышова графиня Анна Родіон. 379.
Чернышовъ графъ Григ. Ив. 59, 62, 68, 71.
Чернышовъ графъ З. Г. 40.
Чернышовъ графъ Петръ Гр. 379.
Чернышовъ князь 448.
Чесменскій Ал-дръ Алексѣев. 45, 46, 132, 171, 351.
Чириковъ 184.
Чичеринъ 180.
Чудинъ 259, 333, 388.

*

Шаликовъ князь П. И. 96, 99, 102, 120, 157, 200, 358, 361, 441.
Шапъ-де-Ростиньякъ 221.
Шараповъ 333.
Шаховской князь А. А. 266, 268, 284, 331, 334, 340, 355, 370, 372, 376, 380, 388, 409, 411—419, 429 430, 438, 441, 442, 445.
Шварцъ Макс. Ив. 205, 210, 213.
Шебуевъ 240.
Шевалье актриса 237, 251.
Шевато̀ 192, 195, 203, 204, 211—213.
Шепелева 160.
Шепелевъ Петръ Амплеев. 308.
Шереметева Варв. Петр. 104.
Шереметева графиня Ек. Ив. 129, 156, 157.
Шереметевъ графъ Никол. Алексѣев. 129, 157.
Шереметевъ графъ Н. П. 259.
Шереметевъ Сер. Вас. 104.
Шешковскій 51.
Шиловскій 132, 150.

Шихматовъ князь С. А. 232, 289, 292—294, 298, 408, 409.

Шишковъ А. С. 262, 263, 283, 289, 292, 293, 297, 298, 309, 337, 338, 349, 352, 354, 355, 359, 360—362, 408, 409, 411, 429, 439.

Шпринкъ 435.

Шредеръ акриса, 75, 83, 92, 129, 130, 133, 165, 170, 187, 441.

Штейнсбергъ Карлъ актеръ 10, 11, 21, 28, 33, 38, 76, 84, 86, 92, 93, 103, 122, 127, 129, 132, 134, 141, 143, 164, 165, 170, 199, 217—219, 294, 301, 302, 304, 433, 434, 436.

Штейнсбергъ актриса 19, 33, 37, 227.

Штейнъ Ив. Егор. 60, 62, 63, 183.

Штейнъ Марія актриса 9—11, 15, 75, 84, 219, 227, 302, 434, 436.

Штофрегенъ 242, 243.

Шуваловъ 375.

Шультенъ Капит. Карл. 180.

Шульцъ 32, 168, 334, 435.

Шушеринъ Як. Емельян. 6, 84, 235, 257, 259, 267, 268, 271, 277, 316, 333, 338, 340, 341, 353, 354, 368, 379, 380, 398, 411, 426, 427, 439, 442, 447.

*

Щениковъ 235, 236, 259, 268, 333, 426, 439.

Щербатовъ князь Пав. Петр. 308.

Щербатовъ князь С. Г. 59.

Щербатовы княжны 32, 169.

Щербининъ М. П. 301.

Щулепниковъ М. С. 289, 290, 292, 300, 359.

*

Эбергардъ 334, 435.

Эвестъ 227, 334, 433.

Эйнбродтъ Ив. Петр. 68, 161, 177, 221, 247, 282, 444.

Эллизенъ врачъ 59, 63, 187, 188, 220, 222, 231, 247, 283, 303, 305, 306, 334, 444.

Эме актеръ 10, 92, 133, 296.

Эминъ Өедоръ 61, 171, 228.

Эренталь Луиза 174.

Эртель 286, 436, 440.

*

Юкинъ Бор. Ильичъ 225, 234.

Юліусъ 433.

Юнгъ 123, 252.

Юни А. А. 40.

Юрьевская княгиня 31.

Юшковъ И. И. 205.

Юшневскій Ал-ѣй Петр. 158, 312—314, 337, 349, 383, 396, 418, 419, 428.

*

Яблонскій Н. В. 224.

Язвицкій Н. И. 289, 290.

Яковлева-Собакина Ек. Ив. 129, 140, 156, 157.

Яковлевы-Собакины 19.

Яковлевъ А. И. 132.

Яковлевъ А. С. актеръ 6, 143, 177, 234—236, 251, 261, 266—272, 276—278, 301, 302, 315—318, 333, 338, 340—344, 353, 368, 392, 396—399, 411, 425—428, 438, 439, 442, 447.

Ямпольскій 326, 329.

*

Өедоровъ В. М. 78, 102, 234, 267.

Өеоктистъ архіеп. Курск. 355.

Bayerische Staatsbibliothek München

Franz Steckeler
Buchbinderei
8884 Höchstädt/Do

Žicharev, Stepan Petrovič,

Zapiski Stepana Petroviča Žichareva Izd. 'Russkago Archiva'

Moskva 1890

4 Biogr. 312 t
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11480475-6